

1862.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Гг. подписчики, имѣющіе право на полученіе премій, получатъ ихъ вслѣдъ за январской книжкой, но не въ одномъ пакетѣ съ книжкой. Изъ премій, на этотъ разъ, будутъ разосланы слѣдующія: *Драмы* Л. А. Мея и Третій выпускъ Памятниковъ старинной русск. литературы (смотря по желанію, изъявленному гг. подписчиками), а остальные томы будутъ высланы въ теченіе перваго полугодія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

РУССКОЕ СЛОВО

НА 1862 ГОДЪ.

Начиная четвертый годъ своего изданія, РУССКОЕ СЛОВО заявляетъ тѣмъ твердую увѣренность въ сочувствіи къ нему публики и въ своемъ возрастающемъ успѣхѣ. Этотъ успѣхъ, въ послѣдніе мѣсяцы, превзошелъ наши ожиданія; ему отвѣчало и будетъ отвѣчать искреннее желаніе Редакціи оправдать довѣріе нашихъ читателей; ихъ голосъ, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, есть единственный голосъ, которымъ мы дорожимъ.

Редакція «РУССКАГО СЛОВА» остается въ прежнемъ составѣ, и потому направленіе журнала не измѣняетъ своей главной цѣли. Вѣроятно, наши воззрѣнія на различные вопросы жизни, науки и искуства, наши симпатіи и антипатіи обозначились довольно ясно; полное же выясненіе ихъ будетъ зависѣть отъ времени. Къ наукѣ мы относились не

для самой науки, а съ серьезными и практическими требованіями, составляющими отличительную черту современной эпохи; за общественнымъ движеніемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, мы слѣдили съ любовью и тревожнымъ ожиданіемъ, сосредоточивая особенное вниманіе не столько на внѣшнихъ явленіяхъ, сколько на внутреннемъ ихъ смыслѣ и значеніи; отъ произведеній искуства, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, мы требовали идеи и художественной правды, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго искуства. Во всѣхъ сферахъ умственной и эстетической дѣятельности мы искали общечеловѣческихъ началъ и отъ нихъ старались перейдти къ сближенію съ тѣмъ народомъ, среди котораго живемъ и дѣйствуемъ; къ его интересамъ была направлена наша основная мысль; мы раздѣляли и будемъ раздѣлять его радости, смѣяться его смѣхомъ и горячо сочувствовать его горю.

Всякая односторонность, рутина и праздная игра въ отвлеченныя теоріи, задерживающія наше соціальное развитіе, не найдутъ въ РУССКОМЪ СЛОВѢ ни одобрѣнія, ни сочувствія. Авторитеты, системы и отдѣльныя личности, какъ бы высоко они ни были поставлены, для насъ имѣютъ цѣну только тогда, когда они содѣйствуютъ своимъ талантомъ и трудами общему дѣлу. Въ наше время, внѣ общественныхъ интересовъ почти не возмоно представить себѣ поэта или ученаго, потому что только одно холодное равнодушіе, несовмѣстное съ истиннымъ дарованіемъ, духъ касты и партіи могутъ отдѣлять умственную дѣятельность отъ самой жизни общества.

Объяснивъ нашимъ читателямъ основной характеръ РУССКАГО СЛОВА, мы надѣемся остаться ему вѣрны, и не пренебречь ничѣмъ, что можетъ улучшить второстепенныя достоинства журнала. Главные отдѣлы его—*беллетристическій* и *ученый*, *политика*, *критика*, *иностранная литература*, *внутреннее обозрѣніе* и *дневникъ темнаго человѣка*—сохранятъ свой прежній видъ, но обогатятся новыми дѣятелями, на которыхъ мы имѣемъ основаніе расчитывать.

Шахматный листокъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ постоянно прилагаться къ РУССКОМУ СЛОВУ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 12-ти книжекъ, отъ 25—35 листовъ каждая. Цѣна за годовое изданіе «РУССКАГО СЛОВА»—12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкой 14 р. Главная подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА, что на Гагаринской пристани, въ домѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, что на Страстномъ бульварѣ; затѣмъ — у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Изъ старыхъ и новыхъ подписчиковъ на «РУССКОЕ СЛОВО» тѣ, которые подпишутся *не позже пятнадцатаго декабря*, получатъ премію—третій выпускъ «ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», изданныхъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина, или вмѣсто Памятниковъ полное собраніе сочиненій Л. А. Мея (въ 3 томахъ), смотря по желанію каждаго подписчика. При этомъ редакція проситъ покорнѣйше означать ясно, какую изъ двухъ премій избираетъ подписавшійся. Кромѣ того, подписчики «РУССКАГО СЛОВА» всегда пользуются уступкой 20% на всѣ сочиненія, изданныя редакціей впродолженіи трехъ лѣтъ (*).

Желая облегчить доступъ къ подпискѣ на «РУССКОЕ СЛОВО» небогатымъ читателямъ, редакція допускаетъ разсрочку въ уплатѣ денегъ—для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ,—для всѣхъ прочихъ—по личному или письменному объясненію съ редакціей.

(*) Изданія эти слѣдующія:

Сочиненія А. МАЙКОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 75 к. Сочиненія А. ОСТРОВСКАГО. Въ 2 томахъ. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 75 к. Сочиненія И. ПАНАЕВА. Въ 4 томахъ. Цѣна 3 р. Съ перес. 4 р. 50 к. Разсказы Я. ПОЛОНСКАГО. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. ВЪ ПРОВИНЦІИ. М. МИХАЙЛОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ГРАЦІЯ-ЛИ (романъ Джули Кавана, перев. съ англійскаго, въ 2 част.) Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ПОЛЬ ФЕРРОЛЬ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Очеркъ англійскихъ нравовъ ТЕККЕРЕЯ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Рисунки БОКЛЕВСКАГО. Сцены и типы изъ сочиненій ОСТРОВСКАГО, въ 6 выпускахъ. Цѣна за каждый выпускъ 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

Примѣч. 1. Редакція считаетъ долгомъ предупредить, что въ случаѣ жалобъ на недоставку книжекъ РУССКАГО СЛОВА, она строго отвѣчаетъ за исправность только передъ тѣми, кто подписался въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА.

Примѣч. 2. Редакція съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на запросы и требованія своихъ подписчиковъ и, насколько будетъ зависѣть отъ нея, исполнять ихъ просьбы безотлагательно.

Редакторъ-Издатель **графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ 24 сентября 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

въ типографіи н. тиблена и комп. (на В. О., 8 л., № 25).

РУССКОЕ СЛОВО.

I.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1862.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 31 января 1862 года.

Ценсоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*
Ѳ. Веселаго.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

БАТЬКА.

(разсказъ).

I.

Я, какъ теперь, вижу передъ собой нашу голубую, деревенскую гостиную. На среднемъ столѣ горятъ двѣ свѣчи. На одномъ концѣ его сидитъ матушка, всегда немного чопорная, въ накрахмаленномъ чепцѣ и воротничкахъ, и съ чулкомъ въ рукѣ. Отворотясь отъ нее, сидитъ на другомъ концѣ покойный отецъ. Онъ, видимо, въ дурномъ расположенiи духа и безпрестанно закидываетъ въ сторону, на печку, свои сѣрые, на выкатѣ глаза. Я..... мнѣ всего лѣтъ 12..... забрался въ углу на мягкое кресло и сижу погруженный въ невѣдомыя самому для меня мысли. Прямо противъ меня отворенная дверь въ залу. Оттуда только и слышится, что ровное пощелкиванiе маятника стѣнныхъ часовъ и навѣваетъ на васъ чѣмъ то грустнымъ и печальнымъ. Вдругъ раздался тихiй скрипъ половицъ. Не знаю отъ чего у меня какъ-то болѣзненно замерло сердце. Это входилъ, своей осторожной походкой, нашъ, самый богатый изъ всей вотчины, Ѳомкинскiй мужикъ Михайло Евпловъ, старикъ самой почтенной наружности, всегда ходившiй нѣсколько брюхомъ впередъ, съ низко-низко опущенной пазухою, совсѣмъ ужъ сѣдой, съ густо нависшими бровями и съ постоянно почти опу-

щенными въ землю глазами, всегда съ расчесанной головой и бородой, всегда въ чистомъ решменскомъ кафтанѣ и не въ очень грязныхъ сапогахъ. Даже руки у него были какія-то бѣлыя, нѣжныя, покрытыя только небольшими веснушками, точно онъ никакой черной работы даже и не работалъ. Будучи верстъ на тридцать единственнымъ мяснымъ торговцемъ, Михайло Евпловъ врядъ-ли въ околодкѣ былъ не извѣстнѣе, чѣмъ мой покойный отецъ, такъ, что тотъ иногда въ шутку говаривалъ своимъ знакомымъ: «честь имѣю рекомендоваться, я Михайла Евплова баринъ.»

Въ нашемъ небогатомъ деревенскомъ хозяйствѣ, сколько я теперь могу припомнить, Михайло былъ рѣшительно благодѣтельнымъ геніемъ: случалась-ли надобность отдать въ работники пьянчушку-недоимщика, Михайло Евпловъ бралъ его къ себѣ и ужъ выжималъ изъ него коку съ сокомъ, приходила-ли нужда въ деньгахъ, прямо брали ихъ въ займы у Михайла Евплова, нужно-ли было отправить рекрутство, подать ревизскія сказки, Михайло Евпловъ ѣхалъ, хлопоталъ, исполнялъ все это аккуратнѣйшимъ образомъ, не получая себѣ за то никакого возмездія, а напротивъ того, платя чуть-ли еще не въ полтора раза болѣе противъ другихъ оброка. На этотъ разъ, въ слѣдъ за нимъ, вошелъ сынъ его Тимка, совсѣмъ рабочій малый, лѣтъ 22-хъ, подслѣповатый, нескладный, словно изъ какого-нибудь сучковатаго дерева сдѣланный и съ годъ передъ тѣмъ только что женившійся. Батька, говорятъ, лѣтъ еще съ десяти началъ заставлять его бить скотину и теперь постоянно мормяморилъ на работѣ. Войдя въ комнату Тимка прямо, не поднимая ни головы, ни глазъ и какъ-то механически поклонился матушкѣ въ ноги. Та потупилась и повела только рукою, желая тѣмъ показать, чтобы онъ этого не дѣлалъ. Тимофей перешелъ и поклонился отцу въ ноги. Тотъ отвернулся отъ него и окончательно закинулъ глаза на потолокъ.

— Что, поучили? спросилъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Тимофей ничего не отвѣчалъ, а молча отошелъ и всталъ нѣсколько поодаль отъ батьки.

— Поучили, кажется, хорошо... Незнаю только пойметъ-ли то, проговорилъ Михайло Евпловъ грустнымъ тономъ.

— Это за то тебѣ... продолжалъ покойный батюшка: (голосъ его не переставалъ дрожать), за то, что не смѣй поднимать руки на отца. Неправъ онъ, Богъ съ него спроситъ, а не ты...

Михайло Евпловъ вздохнулъ на всю комнату.

— Мало они что-то это разумѣютъ... въ каждомъ пустякѣ только и ладятъ, что нельзя-ли какъ отцу-то горло переѣсть... сказалъ онъ и еще грустнѣе склонилъ голову на сторону.

— Ну, Михайло Евпловъ, вмѣшалась въ разговоръ ужъ матушка, трудно тоже, какъ и тебя посудить: старшій сынъ у тебя охотой въ солдаты пошелъ, второй спился да головой вершилъ, наконецъ и съ третьимъ тоже выходитъ?

На послѣднихъ словахъ она развела въ недоумѣніи руками.

Лицо Михайла Евплова сдѣлалось окончательно умиленнымъ.

— Ай, матушка, Авдотья Алексѣевна, воскликнулъ онъ почти уже плачущимъ голосомъ, на все тоже Божья власть есть: кто въ дѣтяхъ находитъ утѣшенье, а кто и печали... Вы сами имѣете дитя: какъ знать, худъ-ли, хорошъ-ли онъ супротивъ васъ будетъ.

Матушка вспыхнула.

— Ну, моего дитя ты привелъ тутъ напрасно... совершенно напрасно! сказала она и сердито понюхала табаку.

Михайло Евпловъ тоже сконфузился, видя, что не думая и не желая того, онъ проврался.

— Это точно что-съ... проговорилъ онъ и переступилъ съ ноги на ногу.

— Ежели ты опять тоже будешь дѣлать, опять тебѣ тоже будетъ!... обратился покойный отецъ снова къ парню гораздо уже подобрѣе, но все еще, видно, желая втолковать ему, что онъ виноватъ.

Парень порасспустился.

— Мнѣ бы, бачька, Филатъ Гаврилычъ, въ раздѣлъ охота идти-съ! произнесъ онъ и произнесъ какимъ-то необыкновенно наивнымъ голосомъ.

*

Всѣ мускулы въ лицѣ отца подернуло. Я видѣлъ, что онъ страшно вспылилъ.

— Не позволятъ вамъ того! больше прошипѣлъ онъ, чѣмъ проговорилъ, между тѣмъ какъ щеки и губы его дрожали: казеннымъ крестьянамъ велятъ дѣлиться?... велятъ? спрашивалъ онъ, обращая на парня страшный взглядъ.

Михайло Евпловъ грустно усмѣхался.

— Да прикажете; пускай попробуютъ... мякины-то отродясь неѣдали, а тутъ можетъ и отвѣдаютъ... Теперь какой-нибудь овинишко въ двадцать сноповъ съ своей благовѣрной измолотятъ, лопать-то придутъ, въ чашку валятъ, сколько только чрево стерпитъ.

— Что жъ ты ихъ, кускомъ ужъ хлѣба попрекаешь? вмѣшалась въ разговоръ опять матушка.

Михайло Евпловъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Не попрекаю я, сударыня, нѣтъ-съ! отвѣчалъ онъ кротко: ни въ чемъ имъ отъ меня запрету нѣтъ,—ни въ пищѣ, ни въ одежѣ, ни въ гуляньяхъ. Пусть скажутъ, въ чемъ имъ, хоть сколько ни есть, отъ меня возбранено.

— Ну, да! въ чемъ вамъ отъ него возбранено? повторилъ за нимъ и отецъ.

Тимофей жалобно и стыдливо посмотрѣлъ на него.

— Не могу я, бачька, про то сказывать-съ, отвѣчалъ онъ и какъ-то странно засеменилъ руками.

— Отъ чего не сказывать?—говори!.. сказалъ отецъ настойчиво.

Михайло Евпловъ какъ-будто бы слегка вспыхнулъ.

— Выдумать да наболтать, пожалуй, всякихъ пустяковъ можно... произнесъ онъ.

Тимофей молчалъ.

Матушка на этомъ мѣстѣ встала и вышла. Отцу тоже, видно, была не совсѣмъ легка эта сцена.

— Ну, ступайте! сказалъ онъ, закидывая, по обыкновенію, глаза въ сторону.

Михайло Евпловъ однако не трогался. Онъ, кажется, пережидалъ, чтобы первый пошелъ сынъ. По лицу Тимки мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но не смѣлъ-ли

или не хотѣлъ этого сдѣлать, только круто повернулся и пошелъ.

— Вы ужъ, батюшка, сдѣлайте милость, прикажите, чтобъ и супружница его слушалась и не фыркала... сказалъ Михайло Евпловъ.

— Чтобъ и супружница слушалась — слышь! повторилъ отецъ, грозя Тимкѣ пальцемъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ, и я слышалъ, что онъ сердито хлопнулъ въ лакейской дверями.

Михайло Евпловъ постоялъ еще нѣсколько времени, покачалъ въ раздумьѣ головой и проговорилъ:

— Такой этотъ нынче молодой народъ сталъ, что срамъ только одинъ съ нимъ.

Но видя, что отецъ ничего ему не отвѣчаетъ, онъ тоже повернулся и пошелъ; но залу сталъ проходить медленно, не торопливо и все точно къ чему-то прислушиваясь.

II.

Прошло времени недѣли съ двѣ. Мы ужинали. Отецъ (онъ все это время былъ замѣтно въ дурномъ расположенiи духа и теперь кидающiй то туда, то сюда свой безпокойный взглядъ)—вдругъ поблѣднѣлъ и, проворно вставая, проговорилъ:

— Ѳомкино горитъ!

Мы взглянули по направленiю его глазъ: всѣ наши окна были залиты заревомъ.

— Батюшка, можетъ быть, это овинъ! хотѣла было успокоить его матушка.

— Вся деревня, сударыня, въ огнѣ!.. Выдумала!.. лошадь мнѣ! кричалъ старикъ, проворно сбрасывая съ себя халатъ.

Матушка сама стала ему подавать одѣваться: горничная прислуга вся ужъ разбѣжалась по избамъ, чтобы поразузнать и поохать насчетъ пожару. Въ залу вошелъ нашъ прикащикъ

Кирьянъ, со своей обычной не совсѣмъ умной и озабоченной рожей и теперь совсѣмъ опѣшевшій отъ страху.

— Въ Ѳомкинѣ несчастье-съ! проговорилъ онъ.

— Людей туда!.. лошадь мнѣ! говорилъ батюшка, застегивая дрожащими руками свой полевой чепанъ.

Мнѣ тоже захотѣлось съѣздить на пожаръ.

— Папаша, возьми меня! запросился я.

— Перестань, пащенокъ! прикрикнулъ было на меня старикъ.

Но я не отставалъ:

— Папаша, возьми!

— Ахъ ты!.. Ну, поѣзжай!

Онъ вообще любилъ нѣсколько геройскія съ моей стороны выходки; но матушка напротивъ:

— Алексѣй, что ты хочешь со мной дѣлать?.. Пощади ты меня хоть сколько-нибудь! сказала она въ одно и тоже время строгимъ и умоляющимъ голосомъ.

Но я уже почти не слыхалъ ее: выбѣжавъ на улицу, и видя, что поваренокъ Гришка велъ осѣдланную лошадь, я отнялъ ее у него и сейчасъ же на нее взгромоздился. Со стороны отъ Ѳомкина слышался наносимый вѣтромъ безпорядочный звонъ набатнаго колокола. Черезъ нѣсколько минутъ привели и отцу бѣговыя дрожки. Точно молоденькій мальчикъ, онъ проворно, хоть и тяжело, опустился на нихъ. Человѣкъ шесть дворовыхъ людей было около насъ верхами. На крыльцѣ появилась матушка.

— Возьмите Неопалимую Купину, что вы, на кого надѣетесь? сказала она.

Кирьянъ подъѣхалъ къ ней и принявъ у нее образъ, положилъ его, перекрестясь, за пазуху. Пока мы съѣзжали со двора, матушка не переставала насъ крестить вслѣдъ. Проѣхать намъ надобно было версты двѣ-три лѣсомъ. Ночь была осенняя, темная. Несмотря на колеи и рытвины, отецъ погналъ свою лошадь что есть духу. Мы скакали за нимъ. По всѣмъ направленіямъ отъ насъ раздавался топотъ нашихъ лошадей и слышались шлепки летѣвшей изъ подъ копытъ ихъ грязи. Рядомъ же съ нами, и нисколько не отставая, бѣжалъ въ прискочку спѣшенный мною съ лошади Гришка по-

варенокъ и бѣжалъ, надобно сказать, сохраняя ужасно гордый видъ, который былъ данъ ему какъ бы отъ природы, вслѣдствіе покривленнаго въ дѣтствѣ позвоночнаго столба.

— Ату—ату его! травилъ его кучеръ Петръ, доставая въ спину вѣтвиной.

— Это онъ на дымокъ бѣжитъ... поварская душенка: услыхалъ, что гарью-то пахнетъ, замѣтилъ ткачь Семенъ.

По другую сторону дороги шелъ болѣе солидный разговоръ.

— Въ сѣнникѣ у Евплова загорѣлось и пошло, братецъ ты мой, вить, Боже ты мой! говорилъ Кирьянъ.

— Ишь-ты, поди, гдѣ грѣху-то быть! отвѣчалъ ему на это басомъ и со вздохомъ другой голосъ.

Набатъ становился все слышнѣе и слышнѣе. Сколько не печальное ожидало насъ впереди зрѣлище, но, при этомъ быстромъ скаканьи на лошади, въ глухую ночь, въ лѣсу, при этомъ хлопаньи воротецъ, которыя кучеръ Петръ на всемъ маху, не слѣзая съ лошади, отворялъ и также быстро отпускалъ ихъ, мое дѣтское сердце исполнилось какой-то злобной радостью: мнѣ такъ и хотѣлось битвъ, опасностей и побѣдъ. При въѣздѣ въ открытое поле—первое, что представилось намъ, это—стоявшая нѣсколько поодаль отъ селенія, на совершенно темномъ фонѣ, бѣлая церковь, освѣщенная пожаромъ до малѣйшихъ архитектурныхъ подробностей и съ блистающими красноватымъ свѣтомъ главами и крестами. Пламя выходило почти изъ половины деревни и, склоняемое вѣтромъ, уже зализывало огромными языками близь стоящія къ нему строенія. Вверху надъ всѣмъ этимъ клубился сѣроватый дымъ, въ которомъ летали чего-то огненные куски и кружились какія-то бѣлыя птицы. Въ самомъ селеніи передъ пламенемъ мелькали черныя фигуры мужиковъ и бабъ. Отовсюду слышался шумъ и гамъ, сливавшійся со звономъ колокола. Сидѣвшія около вынесенныхъ на средину улицы пожитковъ старухи и ребятишки выли и ревѣли. Выгнанная изъ хлѣвовъ скотина: коровы и лошади, всѣ столпились въ кучку и замѣтно подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго для нихъ страха прижались къ церковной оградѣ,—однѣ только дуры овцы, тоже скучившіяся въ од-

но стадо и кинувшіяся было сначала прямо на огонь, но шугнутыя оттуда двумя-тремя взвизгнувшими бабенками, неслись теперь далеко, далеко въ поле. Передъ сгорѣвшимъ почти уже въ половину домомъ Михайла Евплова была цѣлая толпа людей и они не унимали пожара, а на что-то такое, другъ черезъ дружку, заглядывали, и нѣсколько голосовъ говорило: «полно!.. перестань!.. старый!» Посреди всего этого раздавалось: «пустите!.. пустите!»

Мы быстро подъѣхали: это Михайло Евпловъ рвался изъ рукъ двухъ нашихъ мужиковъ. Спокойной наружности въ немъ и слѣда не оставалось: онъ былъ въ одной разорванной рубахѣ, босикомъ, съ обезумѣвшими глазами и съ опаленными всклоченными волосами.

— Что такое? спросилъ отецъ.

— Въ огонь рвется... сгорѣть хочетъ, отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ.—О, дьяволъ какой здоровый! прибавилъ онъ, гробоздая снова старика за воротъ, который тотъ было у него вырвалъ.

— Оттащите его подальше, въ лѣсъ, приказалъ отецъ.

— Батюшка, пусти!.. пусти!.. кричалъ Михайло Евпловъ. Но мужики его потащили. Сдѣлавъ еще разъ тщетное усиліе вырваться у нихъ, онъ завопилъ какъ дикій звѣрь, и вцѣпился зубами въ собственную руку; кровь фонтаномъ брызнула изъ подъ его рта и усовъ. Мужики отвели ему эту руку назадъ за спину и продолжали его тащить.

— Батюшки! у Матрены Лукояновны ужъ загорѣлось! раздался пронзительный женскій голосъ.

Всѣ бросились туда.

Покойный отецъ тоже проворно соскочилъ съ дрожекъ и потомъ, ужъ я незнаю какъ это и случилось при его полнотѣ, вдругъ очутился на крышѣ этой самой избы.

— Снимайте кафтаны, мочите ихъ и давайте сюда! командовалъ онъ оттуда.

Первый бросился ему помогать самый бѣдный изъ всей деревни мужикъ Спиридонъ, по фамиліи, Кутузовъ. Собственная изба его давно уже сгорѣла и онъ, кажется, изъ нее и вынесть ничего не успѣлъ; но несмотря на то, нисколько не потерявшись, началъ онъ усерднѣйшимъ образомъ пода-

вать воду, понукать и ругать другихъ мужиковъ и особенно бабъ, что нибудь не по его или не проворно дѣлавшихъ.

Кирьянъ между тѣмъ досталъ изъ за пазухи Неопалимую Купину и взявъ ее на руки, какъ обыкновенно носятъ иконы, сталъ съ нею обходить еще не загорѣвшуюся часть селенія. Вдругъ пламя изъ косаго направленія приняло прямое, поколебалось нѣсколько минутъ и снова склонилось, но уже въ поле, въ сторону, противуположную отъ деревни.

— Господи! полымя-то на лѣсъ пошло!.. Царица Небесная! заголосили бабы. Мужики только молча перекрестились. Отецъ, молодцовато и скрестивши руки, стоялъ на крышѣ. Я же и Кутузовъ, Богъ ужъ знаетъ для чего, ухвативши онъ съ одного конца багромъ, а я съ другаго кочергой, тащили горящее бревно. Оно наконецъ рухнуло и жестоко ударило одну бабу по боку, такъ что она кувыркнулась и не приминула намъ объяснить: ой, дьяволы, лѣшіе экіе! Бревно порядкомъ задѣло и меня, такъ что я едва выцарапалъ изъ подъ его ноги. Правая штанина у меня загорѣлась и только ужъ плюя на нее и обжогши всѣ себѣ руки, я успѣлъ ее затушить. Все это видѣвшій съ крыши отецъ поблѣднѣлъ.

— Ступай, глупой мальчишко, домой! закричалъ онъ, заскрежетавъ зубами.

Я было вздумалъ отпрашиваться.

— Мать безпокоится, а онъ тутъ... Петръ, отвези его домой! говорилъ старикъ, выходя изъ себя и грозя мнѣ кулаками.

— Поѣдемте, судырь! Что тутъ барчику дѣлать! посовѣтывалъ мнѣ и Петръ.

Я, дѣлать нечего, взмостился на своего коня и отправился. Петръ послѣдовалъ за мной. Я всегда любилъ бывать съ этимъ человѣкомъ за его веселый и разговорчивый характеръ.

— Что, Михайло Евпловъ плачетъ еще! спросилъ я его.

— Поуняли маненько, поукачали... раза три въ огонь то врывался: все хотѣлось кубышку-то съ деньгами выцарапать.

— А много денегъ у него было?

— Много, чортъ его дери, накопилъ... тысячъ десять, говорятъ, было...

— А сынъ его Тимка тоже плачетъ?

— Да, тутъ тоже присутствуетъ, отвѣчалъ Петръ... только слезъ-то не больно что-то видать у него, прибавилъ онъ, какъ бы въ нѣкоторомъ размышленіи.

Я далъ шпоры лошади и поскакалъ маршъ-маршъ.

— Тише, тише, баринъ! право маминькѣ скажу! говорилъ Петръ.

Но я зналъ, что онъ не скажетъ.

Матушка насъ встрѣтила только что не на крыльцѣ.

— И не стыдно тебѣ, не грѣхъ такъ меня мучить, сказала она.

Я поспѣшилъ поцѣловать у ней руку и сталъ ей представлять почти въ лицахъ, какъ огонь горѣлъ, какъ Михайло Евпловъ плакалъ.

— Ну, не говори... будетъ! произнесла она, махая мнѣ рукой и сама готовая почти разрыдаться.

Виднѣвшееся изъ нашихъ оконъ пламя все становилось меньше и меньше. Черезъ часъ послѣ того пріѣхалъ и отецъ. Загрязненный, залитый почти съ ногъ до головы водой и чѣмъ-то, должно быть, еще болѣе раздраженный, онъ шумно вошелъ въ залу. Вслѣдъ за нимъ поваренокъ Гришка, спотѣвшій, какъ мокрая мышь, и съ закоптѣлымъ лицомъ Кирьянъ ввели подъ руки Михайла Евплова. Онъ былъ въ чьемъ-то чужомъ полушубчишкѣ, весь дрожалъ; рука и лицо его были въ крови.

— Посадите его тутъ! сказалъ отецъ.

— Его надобно напоить чаемъ или мятой: онъ весь продрогъ! сказала матушка.

Несчастный старикъ замоталъ головой.

— Нѣтъ, матушка: водочки дай! дай водочки! проговорилъ онъ.

Матушка поспѣшно пошла и сама принесла ему цѣлый стаканъ.

Михайло Евпловъ выпилъ его дрожащими губами изъ ея рукъ. Она послѣ того хотѣла было подать ему кусокъ пирога, но онъ молча отвелъ его руками.

— Сведите его въ людскую, и чтобы онъ не сдѣлалъ тамъ чего-нибудь надъ собой—я съ тебя спрошу, сказалъ отецъ Кирьяну.

Тотъ съ Гришкой хотѣлъ было поднять Михайла, но онъ не дался имъ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшки, благодѣтели мои! не оставьте меня несчастнаго! стоналъ онъ.

— О, старый дуракъ! сказано, что не оставятъ—Бога только гнѣвитъ, вспылилъ отецъ, между тѣмъ какъ у него у самого текли по щекамъ слезы.

— И ее злодѣйку накажите, и ее! бормоталъ Михайло Евпловъ, ползая по полу и хватая отца за ноги.

— И ее накажутъ! Отведите его! говорилъ тотъ, едва сдерживая себя.

Гришка и Кирьянъ подняли наконецъ бѣднаго старика и увели.

Меня вскорѣ послѣ этого послали спать, но я долго еще слышалъ изъ своей маленькой комнаты, что отецъ и мать разговаривали.

— Поджогъ! говорилъ тотъ своимъ отрывистымъ тономъ.

— Господи помилуй! восклицала на это матушка.

— Невѣстушка... сынокъ... повторялъ нѣсколько разъ отецъ.

— Боже ты мой, Царица Небесная, говорила матушка.

III.

Проснувшись на другой день поутру, я услышалъ по всему дому какое-то шушуканье и торопливую хлопотню. Гришка поваренокъ, между прочею своею службою обязанный меня одѣвать, пришелъ, по обыкновенію, съ сапогами въ рукахъ и съ глупо-форсистой рожей остановился у косяка.

— Что тамъ такое шумятъ? спросилъ я его.

—Папенька вашъ въ городъ уѣхали-съ, отвѣчалъ онъ, почему-то еще гордѣе поднимая голову.

Я всегда былъ очень доволенъ, когда отецъ куда-нибудь

уѣзжалъ: его суровость, его желчное и постоянно раздраженное состоянiе духа, готовое каждую минуту вспыхнуть, пугали меня, а потому и на этотъ разъ, исполнившись мгновенно овладѣвшимъ душу мою восторгомъ, я началъ перевертываться на постелѣ на спину, на грудь и задрегалъ ногами, приговаривая:

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ, зачѣмъ?

— Незнаю-съ! отвѣчалъ Гришка, и, наскучивъ вѣроятно стоять передо мной, сдернулъ съ меня одѣяло и урезонивалъ меня:

— Перестаньте баловать-то!.. Надѣвайте сапожки-то!.. мнѣ стряпать пора.

— Я сегодня приду къ тебѣ въ кухню... приду... приду... напѣвалъ я.

— Я сегодня не въ кухнѣ стряпаю, а у бабушки Афимьи, отвѣчалъ Гришка и самолюбиво закинулъ свое рыло въ сторону.

— А вотъ врешь, врешь, перебилъ я его, думая, что онъ хочетъ только отъ меня отдѣлаться.

— Право-съ! повторилъ Гришка. Въ кухню-то Тимофея съ хозяйкой подъ караулъ посадили, прибавилъ онъ уже мрачнымъ голосомъ.

— За что?

— Папенька приказали-съ... Послѣднее слово Гришка протянулъ.

— А Михайло Евпловъ гдѣ?

— Въ людской лежитъ... стонетъ таково, на всю избу.

У меня вдругъ пропала вся моя веселость: я молча одѣлся, молча и тихо вышелъ. Въ дѣвичьей сидѣла наша старуха ключница Афимья и старательно-старательно пряла. Это было всегда признакомъ, что она до безконечности злилась.

— Афимья! за что Тимофея съ женой подъ караулъ посадили? спросилъ я ее таинственно.

— Не знаю, судырь! отвѣчала она явно-укоризненнымъ тономъ.

— Ну вотъ; не можетъ быть, скажи!

— Не знаю, батюшка... папенькина воля! повторила она и вздохнула.

Семья Михайла Евплова приходилась ей сродни.

Я отправился на улицу. День былъ ясный, свѣтлый: осеннее солнце грѣло точно средь лѣта; вновь подросшая на красномъ дворѣ, послѣ недавняго дождя, трава свѣжо зеленѣла; въ воздухѣ быстро и весело летали ласточки; болѣе десятка сытыхъ и лоснящихся на солнцѣ лошадей гуляли на ободворкѣ. Тимка съ женой не выходили у меня изъ головы. Я рѣшился подсмотрѣть, что они дѣлаютъ и потихоньку вошелъ въ кухонныя сѣни; но тамъ на дверяхъ я увидѣлъ огромный замокъ: оставалось одно средство заглянуть съ улицы въ окно; но я почему-то совѣстился это сдѣлать и придумалъ такого рода хитрость, что взмостился на близъ стоящія около кухни дроги, съ которыхъ все было видно, что происходило во внутренности избы: Тимка сидѣлъ у стола и смотрѣлъ въ землю; въ лицѣ его кромѣ обычной мрачности ничего не выражалось. На другой лавкѣ лежало что-то на-глухо закутанное кафтаномъ. Я догадался, что это была жена его Марья. Мнѣ сдѣлалось страшно, и почему-то показалось, что она умерла и что это былъ уже только трупъ ея. Я, по крайней мѣрѣ разъ пять, влезалъ на дроги и въ послѣдній разъ наконецъ скрылся и Тимка, и только по виднѣвшимся его лаптямъ я понялъ, что и онъ тоже легъ, но только въ глубь, въ куть избы. Между тѣмъ Марья не перемѣняла своего положенія и это окончательно меня убѣдило, что она умерла. Въ страхѣ, и не зная съ кѣмъ бы имъ подѣлиться, я нѣсколько времени ходилъ по двору: людей, какъ всегда это бывало въ лѣтнее время, не было почти никого дома: всѣ были на работѣ и только изъ Афимьиной избы слышно было, что Гришка отчаянно рубилъ котлеты или начинку въ пирогъ, выбивая ножами складно трепака. Я подошелъ къ окну, которое было полурастворено, и изъ котораго валилъ дымъ и жаръ.

— Григорій, а Григорій? повторилъ я нѣсколько разъ.

— Чего вамъ-съ? отозвался онъ наконецъ, гордо высовывая свою морду въ окно.

— Тамъ въ кухнѣ Марья лежитъ: не умерла-ли ужъ она?

— Да съ чего ей умереть?

— А что же она все лежитъ?

— Спитъ, чай, отвѣчалъ онъ мнѣ, и самолюбивѣйшимъ образомъ повернулся и отошелъ отъ окна.

Я простоялъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько времени, какъ опѣшенный, и за обѣдомъ рѣшился наконецъ свое безпокойство сообщить матерѣ.

— Маменька, Тимофея съ женой подъ караулъ посадили; ну какъ они тамъ умрутъ? сказалъ я.

Мать сначала посмотрѣла мнѣ въ лице и потомъ, проговоря: «какія ты глупости говоришь», сама вздохнула.

Тотчасъ же послѣ стола я опять отправился на дроги и не могу описать вамъ моего восторга: Марья больше ужъ не лежала, а сидѣла; красивое лице ея было не столько печально, сколько измято; платокъ на головѣ нѣсколько сбитъ и рубашка на груди разстегнута.

— А что, Михайло Евпловъ живъ-ли, подумалъ я и прямо съ дрогъ пошелъ въ людскую. Изба эта, такъ какъ въ ней пеклись людскіе хлѣбы и варилось для дворовыхъ варево, была самая жарко-натопленная и постоянно почти пустая: въ этотъ разъ я въ ней только и нашелъ, что десятка три мухъ, ползавшихъ по столу и подъѣдавшихъ оставшіяся тутъ крохи хлѣба и квасныя пятна. Я заглянулъ за перегородку. Тамъ въ зыбкѣ лежалъ одинъ-одинехонекъ полугодовалый сынишко стряпухи, съ поднятой почти до самаго горла рубашенкой. Только что передъ тѣмъ вѣроятно разспеленанный, онъ съ величайшимъ, кажется, наслажденіемъ смотрѣлъ себѣ на кулачки и сгибалъ и разгибалъ свои ноженки. По веселому личику его тоже ползла муха и онъ отъ этого только слегка поморщивался. Я согналъ ему эту муху; онъ еще больше улыбнулся. По стоявшей на голбцѣ квасницѣ, я сообразилъ, что больной, должно быть, лежитъ на печкѣ. Ставъ на нижнюю ступеньку, я потихоньку заглянулъ туда, но по темнотѣ ничего не могъ разсмотрѣть и только оттуда сильно пахнуло квашней. Я поспѣшилъ слѣзть и уйти. Цѣлый день я ходилъ какъ шальной, не зная за что бы приняться и что бы начать дѣлать. Къ вечеру моя дѣтская фантазія еще болѣе разыгралась и когда

меня уложили въ постельку и оставили одного въ комнатѣ, мнѣ стало и жаль арестантовъ, и въ то же время я боялся ихъ. «Они цѣлый день ничего не ѣли и теперь они лежатъ и имъ тошно!» думалъ я, а потомъ мнѣ вдругъ представлялось, что Тимка непремѣнно выломаетъ окно, вылѣзетъ, возьметъ топоръ и зарубитъ меня и маменьку. Страхъ этотъ во мнѣ дошелъ до того, что я прислушивался къ каждому, довольно отдаленному отъ меня хлопанью дверьми въ дѣвичьей, къ малѣйшему шуму въ лакейской, наконецъ, когда явно услышалъ, что въ залѣ кто-то ходитъ, я не утерпѣлъ, вскочилъ и выглянулъ туда.

— Кто это? произнесъ я почти обмирающимъ отъ ужаса голосомъ.

— Я это, батюшка, отвѣчалъ мнѣ голосъ.

Оказалось, что это Афимья пришла въ залъ молиться.

Я нѣсколько поуспокоился и опять улегся... Зарождающійся ипохондрикъ, видно, и тогда уже во мнѣ начиналъ наклевываться!

IV.

Часу во второмъ ночи тотъ же Гришка меня разбудилъ.

— Ступайте въ темненькую комнату почевать-съ, сказалъ онъ.

— Что... зачѣмъ? спросилъ я съ просонья и въ испугѣ.

— Исправника тутъ положатъ—пріѣхалъ.

Не понявъ хорошенько въ чемъ дѣло, я однако всталъ, и босикомъ, въ одной рубашенкѣ, завернувшись въ одѣяльцо, прошелъ по довольно холодному корридору и, укладываясь на новое свое мѣсто, разгулялся: въ гостиной я слышалъ, что отецъ съ исправникомъ ужинали. Отецъ что-то такое въ полголоса и, по обыкновенію своему, отрывисто разсказывалъ ему, на что исправникъ громко хохоталъ, въ слѣдъ затѣмъ кашлялъ, харкалъ. Остававшееся празднымъ мое воображеніе начало представлять себѣ исправника огромнымъ

мущиной, съ огромнымъ животомъ. Но это оказалось не совсѣмъ такъ; когда я на другой день вышелъ къ чаю, то увидѣлъ, что съ отцемъ раскланивался небольшаго роста мущина, съ сутуловатымъ бычачьимъ шивороткомъ, широкій въ плечахъ и съ широкою львиною грудью.

— Итакъ я иду, говорилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ отецъ разсѣянно.

Матушка, разливавшая чай, держала глаза потупленными.

Исправникъ пошелъ. Я перебѣжалъ въ дѣвичью, чтобы оттуда изъ окна наблюдать за нимъ. На крыльцѣ его встрѣтилъ съ бляхой на груди и падогомъ въ рукѣ сотскій и снялъ шапку. Исправникъ сдѣлалъ усиліе приподнять нѣсколько свою сутуловатую голову. Сидѣвшіе на колодѣ наши мужики-погорѣльцы, при видѣ его, тоже встали и сняли шапки. Исправникъ сдѣлалъ еще болѣе усилія приподнять свою голову. Сотскій, въ нѣкоторомъ отдаленіи и не надѣвая шапки, слѣдовалъ за нимъ. Они прошли въ кухню. Вскорѣ послѣ того въ кухонныя сѣни вышелъ Тимоѳей и сотскій и оба флегматически остановились въ дверяхъ на улицу—одинъ у одного косяка, а другой у другаго и оба ни слова не говорили между собою. Мужиковъ пять изъ погорѣльцевъ, одинъ за другимъ, слезли съ колоды и разлеглись по травѣ: пригрѣтые солнцемъ, они вскорѣ тутъ заснули. Тимоѳея наконецъ увели въ кухню и вмѣсто его сотскій вывелъ Марью. Она усѣлась на рундучкѣ и пригорюнилась. Сотскій съ убійственнымъ равнодушіемъ глядѣлъ ей въ спину. Я перешелъ въ залу. Тамъ отецъ ходилъ взадъ и впередъ, закидывая глаза вправо и влѣво, разводилъ руками и что-то такое нашептывалъ. Мать затворилась въ своей комнатѣ и, должно быть, молилась. Ключница Аѳимья съ явными уже слезами, текшими по ея морщинистому лицу, приготовляла закуску.

Не зная куда отъ тоски и скуки дѣваться въ домѣ, я вышелъ на улицу. Марьи уже не было на крыльцѣ и стоялъ одинъ только сотскій, куря изъ коротенькой, но все-таки въ мѣдной оправѣ трубченки и сплевывая повременамъ сквозь зубы тонкой струей слюну. Я осмѣлился подойти и заговорить съ нимъ.

— Что тамъ дѣлаютъ? спросилъ я его, указывая на кухню.

— Допрашиваютъ-съ... отвѣчалъ онъ мнѣ, осматривая меня съ ногъ до головы.

— Что-же допрашиваютъ?

— По дѣлу-съ, по поджогу... Вы сынокъ, что ли, здѣшняго-то барина?

— Сынъ.

— Похожи маненько на папеньку-то, заключилъ сотскій и своей зачерствѣлой рукой погладилъ меня по головѣ.

Въ это время Гришка, въ совсѣмъ ужъ дурацкой, съ высочайшими воротничками, манишкѣ, и въ сертукѣ, далеко-спитомъ не на его ростъ, форсисто пронесъ въ кухню закуску съ графиномъ водки и съ двумя бутылками наливки.

— Вы въ горницу взойдите и завтракать ступайте въ людскую... сказалъ онъ, проворно проходя и кивая сотскому головой.

Тотъ стыдливо пошелъ въ дѣвичью и когда возвратился оттуда, то самодовольно обтиралъ рукавомъ усы: видимо, что онъ получилъ приличную порцію. Проходя въ людскую мимо спящихъ мужиковъ и замѣтно повеселѣвъ, онъ ткнулъ одного изъ нихъ своимъ подожкомъ и проговорилъ:

— Что ты тутъ, чертъ, дрыхнешь?

Мужикъ приподнялъ немного голову, взмахнулъ на него глазами и опять улегся.

Невдолгѣ послѣ того Гришка вынесъ изъ кухни закуску обратно, съ выпитымъ почти до дна графиномъ и съ объѣдками пирога и колбасы. Двѣ бутылки наливки остались еще тамъ. Затѣмъ сцены на дворѣ значительно оживились: сначала въ сѣни выбѣжалъ длинноносый чиновникъ, вѣроятно писарь исправника и видя, что никого тутъ нѣтъ, и проговоря: «никогда его шельмы нѣтъ на мѣстѣ!..» крикнулъ погорѣльцамъ: эй вы, пошлите сюда сотскаго и прикащика.

Изъ лежавшихъ на травѣ мужиковъ хоть бы одинъ пошевелился и только тотъ же дѣятельный Спиридонъ Кутузовъ, все время сидѣвшій на колодѣ и что-то такое съ жаромъ толковавшій другому мужику, при этомъ возгласѣ вско-

чилъ и побѣжалъ въ людскую. Оттуда выскочили и проворно пробѣжали въ кухню нашъ Кирьянъ съ своей озабоченной рожей и сотскій, только что начинавшій было багровѣть отъ получаемаго имъ за щами удовольствія. Кирьянъ впрочемъ вскорѣ снова показался и началъ еще болѣе безпокойными и отупѣвшими глазами оглядываться. Замѣтивъ возвращавшагося на свое мѣсто Кутузова, онъ подкликнулъ его и что-то такое сказалъ ему.

— Да гдѣ? спросилъ тотъ скороговоркой.

— Да хоть въ саду! отвѣчалъ ему Кирьянъ и тоже скороговоркой.

Кутузовъ побѣжалъ.

Кирьянъ остался на мѣстѣ и замѣтно поджидалъ его. Спиридонъ наконецъ возвратился съ пучкомъ прутьевъ въ рукахъ.

— О, чортъ, мало! воскликнулъ Кирьянъ, сердито вырывая у него прутья.

— Я еще сбѣгаю! подхватилъ съ готовностью Спиридонъ и опять побѣжалъ.

Кирьянъ сталъ прутья развязывать на пучки.

— Неровныхъ какихъ, дьяволъ, наломалъ, говорилъ онъ, обшмыгивая и обдергивая ихъ.

Спиридонъ невдолгѣ принесъ еще большой пучекъ и потомъ они, что-то такое переговоривъ между собою, скрылись въ кухонныхъ сѣняхъ, войдя въ которыя дверь съ улицы притворили.

Я осмѣлился приблизиться на нѣкоторое разстояніе къ кухнѣ. Оттуда слышались голосъ и харканье исправника. Наконецъ на крыльцѣ показался прежній длинноносый чиновникъ.

— Пошлите нашего кучера!.. крикнулъ онъ.

Продолжавшій сидѣть на колодѣ мужикъ, кажется, и не понялъ его.

— Кучера пошли! повторилъ ему письмоводитель.

Мужикъ нехотя всталъ и пошелъ на сѣновалъ, съ котораго вскорѣ и сошелъ дѣйствительно кучеръ, съ заспанной рожей и съ набившимся въ всклоченные волоса сѣномъ, въ поношенной казинетовой поддѣвкѣ безъ рукавовъ, въ вытер-

тыхъ плисовыхъ штанахъ и только въ новыхъ, сильно смазанныхъ дегтемъ, сапогахъ. Нетороцливой и спокойной походкой, какъ человѣкъ привычный къ тому, къ чему его звали, прошелъ онъ въ кухню; я догадался наконецъ въ чемъ дѣло. Ужасъ овладѣлъ мною окончательно: я убѣжалъ въ свою комнату, упалъ на постель, закрылъ глаза и зажалъ себѣ уши!!!

Обѣдать у насъ подали, чего прежде никогда не бывало, часамъ къ четыремъ, и когда я вышелъ въ залу, тамъ всѣ уже сидѣли за столомъ: исправникъ, присмакивая и даже какъ-то присвистывая, жадно ѣлъ щи. Матушка, сама разливавшая горячее, грустно и молча указала мнѣ на мѣсто подлѣ себя. Письмоводитель исправническій тоже сидѣлъ за столомъ, уткнувши свой длинный носъ въ тарелку и точно смотрѣлъ въ нее не глазами, а этимъ органомъ. Отецъ былъ въ прежнемъ раздраженномъ состояніи.

— Этакіе злодѣи, варвары!.. говорилъ онъ, тряся руками и головой.

Исправникъ хохотнулъ слегка.

— Краснаго пѣтушка это по ихнему называется пустить.. Четвертое дѣло у меня этакое вотъ на этомъ году, говорилъ онъ, едва прожевывая огромные кусищи говядины и хлѣба, которые засовывалъ себѣ въ ротъ.

— Пятое-съ, поправилъ его письмоводитель.

— И все бабенки эти?.. бабенки? спросилъ отецъ, продолжая трястись отъ бѣшенства.

— Бабенки—да! отвѣчалъ исправникъ.

Письмоводитель слегка кашлянулъ себѣ въ руку.

— Одна, по ревности, весь свадебный поѣздъ было выжгла: тремя колами дверь приперла... мужики топорами ужъ простенокъ выломали и повыскакали — проговорилъ онъ.

— Самихъ бы разбойниковъ эдакихъ на огонь!.. самихъ бы! говорилъ отецъ и глаза его, ни на чемъ уже неостанавливаясь, продолжали бѣгать изъ стороны въ сторону.

Исправникъ захохоталъ полнымъ смѣхомъ.

— На огнѣ?.. Въ подозрѣньи только оставили! воскликнулъ онъ, устремляя на отца насмѣшливый взглядъ; у

насъ воръ и разбойникъ запирайся только—всегда правъ будетъ! прибавилъ онъ и глотнулъ, какъ устрицу, огромную галушку.

— Уѣздный судъ еще на насъ представленіе дѣлалъ, замѣтилъ по прежнему скромно, но съ ядовитой улыбкой письмоводитель; зачѣмъ мы поѣзжанъ подъ присягой спрашивали: они, говоритъ, лица къ дѣлу прикосновенныя.

Отецъ нѣсколько разъ повернулся на стулѣ.

— По Кузмищеву лучше было! подхватилъ исправникъ, и въ видахъ, вѣроятно, вящаго внушенія взялъ ужъ его за бортъ сертука: есть тамъ Миколая Гаврилыча Кабанцова мужиченки—плутъ и мошенникъ народишко... приступили они къ нему,—дай онъ имъ лѣсу. Тотъ говоритъ, погодите: у васъ избы еще не пристоялись... Они взяли спокойнѣйшимъ манеромъ, вынесли всѣ свои пожитки въ поле, выстроили тамъ себѣ шалашики, а деревню и запалили, какъ огнище.

Отецъ отъ волненія и гнѣва ничего не въ состояніи былъ и говорить, а только глядѣлъ во всѣ глаза.

— Пріѣзжаю я на мѣсто, продолжалъ исправникъ, ну и разумѣется сейчасъ же всѣ и сознались... Николай Гаврилычъ прискакалъ ко мнѣ, какъ сумашедшій!.. «батюшка, говоритъ, пощади; вѣдь я лишаюсь 50 душъ, всѣ на каторгу идутъ.» Такъ и покрыли разбойниковъ — показали, что деревня отъ власти Божіей сгорѣла.

— Что же и наша женщина созналась? спросила матушка, каждую минуту трепетавшая за отца, и желавшая на что нибудь только да перемѣнить разговоръ.

— Какже-съ, совершенно во всемъ какъ есть... отвѣчалъ ей исправникъ съ замѣтною любезностью.

— И мужъ съ ней учавствовалъ?

— Совершенно-съ! и труту ей приготовилъ, и лучины нащепалъ, и стражемъ стоялъ, чтобы кто не подсмотрѣлъ ихъ дѣяній.

— Но что же за причина? спросила матушка.

— Причина!.. произнесъ отецъ и началъ растирать себѣ грудь рукою.

Исправникъ пожалъ плечами.

— Спросимъ ужо объ этомъ... порасспросимъ, отвѣчалъ онъ.

— Самъ старикъ, говорятъ, тутъ виноватъ, пробунчалъ больше себѣ подъ носъ письмоводитель.

Отца точно кто кольнулъ.

— Какъ старикъ? сказалъ онъ, кидая на приказнаго свирѣпый взглядъ; но въ это время встали изъ за стола. Исправникъ расшаркался передъ матушкой, поцѣловалъ у нея руку и отправился спать. Письмоводитель тоже пошелъ уснуть, но только на сѣновалъ, гдѣ спалъ и кучеръ ихній.

Я вышелъ на крыльцо и усѣлся на немъ. Ко мнѣ подошла наша дворовая собака Лапка. Я обнялъ ее: «Лапушка, другъ мой, что такое у насъ дѣлается?» говорилъ я, цѣлуя ее въ морду. Она въ отвѣтъ на это лизнула мнѣ щеку, потомъ вдругъ, завилявъ хвостомъ, побѣжала отъ меня къ садовой калиткѣ, изъ которой выходилъ ея прокормитель и воспитатель по части хожденія за утками, тетеревами и бѣлками, нашъ старый садовникъ Илья Мосѣичъ, въ своемъ заскорбломъ отъ старости сертукѣ, и въ сапогахъ, изорванныхъ по всевозможнымъ мѣстамъ и шлепавшихъ теперь отъ мокроты. Лице Мосѣичъ имѣлъ нѣсколько французское, съ заостреннымъ птичьимъ носомъ, съ довольно тонкими очертаніями и съ небольшими клочками, висѣвшихъ по щекамъ бакенбардъ. Онъ только-что сейчасъ возвратился съ рыбной ловли, ради которой, не докладывая даже господамъ, на собственныя свои деньги, нанималъ у займовскихъ мужиковъ тони по четвертаку за штуку, имѣя въ этомъ случаѣ въ виду, что прорвало Пятьковскую мельницу — и дѣйствительно: въ три раза было вытащено четыре пуда щукъ, которыя онъ уже своими руками выпотрошилъ и посолилъ на погребѣ, а въ Филиповъ постъ и объявитъ матушкѣ, что у него рыбы есть и чтобы она не безпокоилась. Теперь онъ шелъ за грибами и тоже больше для господскаго продовольствія. Я сталъ просить его взять меня съ собой. Илья Мосѣичъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня.

— Что въ лѣсу хорошаго взять?.. пенья, коренья надо перелезать, нагибаться.. господа любятъ только грибки кушать за столомъ, проговорилъ онъ съ ядовитою улыбкою.

Я однако продолжалъ проситься и почти насильно пошелъ за нимъ. Лапка тоже побѣжала за нами.

Илья Мосѣичъ, подобно Михайлу Евплову, тоже могъ быть названъ безцѣннымъ человѣкомъ для отца и матери: кромѣ ужъ поставленія рыбы и дичи къ столу, онъ овладѣвалъ для нихъ и другими благами природы. Нашъ огромный садъ, который давалъ до 5 тысячъ огурцовъ, до 100 арбузовъ, до 100 дынь, ягодъ разныхъ на нѣсколько пудовъ варенья, былъ рѣшительно его трудами созданъ и поддерживаемъ. Мало того, онъ получалъ еще за него гоненье, особенно, когда вѣсной поупроситъ или понастращаетъ и заставитъ дворовыхъ женщинъ полить нѣсколько грядъ.

— Ты, старая кочерга, все въ свое заведенье у меня народъ отводишь!.. закричитъ бывало на него отецъ.

Илья Мосѣичъ обыкновенно въ этомъ случаѣ и не оправдывался, а махнетъ только рукой и уйдетъ тамъ у себя за какой-нибудь кустъ или засядетъ въ грядку.

Въ торжественные дни, когда Илья Мосѣичъ призывался быть лакеемъ, и когда вмѣсто заскорбленной хламиды, надѣвалъ свой болѣе новый верденомовый сертукъ, сшитый все-таки еще по той модѣ, когда наши входили въ Парижъ, онъ съ особенною важностію, какъ-будто бы это была его собственность, подавалъ: во-первыхъ, ерофеичъ, настаиваемый травами его произрастенія, потомъ, квасъ, который всегда заваривалъ онъ, а не поваренокъ, и наконецъ, соленье и особенно зелень. Весьма часто, уставляя закуску, онъ вдругъ, сколько бы тутъ не было гостей, указывая на редиску, замѣчалъ съ внушительною миной: «25 апрѣля снята!»

При такомъ, повидимому, страстномъ усердіи къ господамъ, Илья Мосѣичъ въ тоже время не любилъ ихъ и нисколько ужъ не уважалъ, считая себя безусловно умнѣе ихъ, даже образованнѣе, такъ какъ они хоть и грамотѣ поучены, но читаютъ въ книгахъ все пустяки, а онъ читалъ, все книги умныя, какъ напримѣръ: *о леченіи домашнихъ животныхъ купоросомъ, объ уходѣ за пчелами, о разведеніи свекловицы..* Вступая въ разговоръ съ какимъ-нибудь бариномъ или священникомъ, онъ никогда почти не говорилъ прямо, а по большой части разсказывалъ при этомъ

случаѣ какой-нибудь анекдотъ или давно случившееся происшествіе, изъ котораго уже и выводилъ, что было ему нужно. Своего брата онъ тоже больше презиралъ и нечуждъ былъ посудить о немъ и тоже больше все притчей.

— Ѳомкино у насъ выгорѣло, говорилъ я, едва поспѣвая за нимъ идти.

— Д-да, Ѳомкино выгорѣло, Бычиха горѣла, Климцово.. Солдатово.. и много и долго еще будутъ горѣть русскія деревеньки, произнесъ Илья Мосѣичъ какимъ-то пророческимъ тономъ.

Послѣ того мы все поле прошли съ нимъ молча.

— Прежде народъ лучше былъ... умнѣе... мудрецовъ много было!!.. заговорилъ онъ снова, обращая ко мнѣ свое вопросительное лице.

— Какіе-же? сказалъ я.

— Да вотъ былъ царь Соломонъ, отвѣчалъ онъ, какъ бы открывая мнѣ новую Америку: разъ приходятъ къ нему двѣ женщины, двѣ бабы-дуры! (Мосѣичъ, не совсѣмъ счастливый въ семейной жизни и болѣе преданный любви къ природѣ, постоянно отзывался о женщинахъ съ несовсѣмъ выгодной для нихъ стороны.) Одна изъ нихъ, по нечаянности, ребенка своего ночью и заспала, а какъ дѣло пришло къ утру, мать и чужая про живаго ребенка говорятъ: «это мой ребенокъ». Царь Соломонъ беретъ сейчасъ свой мечь: «Хорошо, говоритъ, коли такъ, я разрублю вамъ его на двое».. Мать-то настоящая сейчасъ и откликнулась: «Ай, нѣтъ, нѣтъ! говоритъ, это ея ребенокъ». «Нѣтъ, говоритъ ей царь Соломонъ, онъ твой: ты его жизнь пощадила». Ей сейчасъ отдаетъ младенца, а другую велѣлъ посадить въ острогъ и на поселенье... Ну такъ вѣдь тоже не всѣ господа цари Соломоны!!.. заключилъ вдругъ старикъ и внушительно качнулъ мнѣ головой.

Попавшійся на пути намъ соснякъ перемѣнилъ теченіе его мыслей.

— Забѣжать тутъ надо, отварушечекъ для папеньки къ ужину набрать! проговорилъ онъ и скрылся отъ меня.

Я пошелъ по закраинѣ лѣса. Мосѣичъ пропалъ на долго: онъ забрался, вѣроятно, въ самую глушь; каждая благуш-

ка, каждая спорхнувшая птичка обыкновенно занимали его вниманіе. Я началъ наконецъ аукаться и выкликать его и только ужъ черезъ полчаса сошелся съ нимъ на небольшой открытой полянѣ. У него была почти полна корзина грибовъ, а я всего нашелъ три или четыре гриба.

— Только-то?., мало-же, сказалъ онъ, кидая ихъ съ пренебреженіемъ въ свое лукошко: кабы вы не барчикъ были, а дворовой мальчишка, васъ бы за это наказали.. и больно.. да еще сказали бы, что вы гдѣ-нибудь въ полѣ, подъ кустомъ, припрятали для батька и матки.

Я слушалъ его, далеко еще не понимая, сколь ядовито онъ для меня говорилъ.

— Господа говорятъ, продолжалъ Мосѣичъ болѣе уже серьезнымъ тономъ (онъ вообще любилъ со мной поговорить и нисколько ужъ не церемонился), говорятъ, что мы другаго рода—Хамова, а они—отъ Авеля. Это такъ, положимъ! Но вѣдь иногда и комаръ лишаетъ жизни Льва — все приставать къ нему будетъ, надъ ухомъ звѣнетъ, а убить-то тотъ его не можетъ!.. малъ очень.. увертывается... Левъ терпѣлъ, терпѣлъ и наконецъ самъ себя отъ гнѣва загрызъ; и это не то, что выдумка какая, а настоящее было.

— Это басня, возразилъ было я.

— Нѣтъ, настоящее! повторилъ настойчиво Мосѣичъ: въ Абаховскомъ приходѣ теперь жилъ помѣщикъ по фамиліи Хитрецовъ, еще маненько и сродственникъ вашему дѣдушкѣ. Какъ вотъ въ сказкахъ сказывается о могучемъ змѣѣ горынычѣ или вепрѣ дикомъ, такъ и онъ, пожалуй, былъ, а послѣ того попался же изъ занашего брата...

На послѣднихъ словахъ у Ильи замѣтно появилась въ лицѣ какая-то насмѣшливая радость; я-же съ своей стороны окончательно пересталъ понимать, что такое и къ чему онъ все это говоритъ.

— Или теперича, Господи ты Боже мой! продолжалъ онъ, пожимая ужъ плечами и пришедши видимо въ экстазъ своего мышленія: иностранцы, вонъ, къ намъ разные, Венгерцы ходятъ съ духами и лекарствами: «русска, говоритъ, человѣкъ глупъ, не можетъ ничего дѣлать». «Какъ говорю,

пустой, братъ, мусью,» и сейчасъ нарвалъ самыхъ простыхъ цвѣтиковъ и поднесъ ему къ носу. «На–ка, говорю, сдѣлай мнѣ такіе духи; а какъ ты–то носишь, такъ и я сдѣлаю; да не хочу, потому что и землю, и хлѣбъ имѣю, а ты къ намъ съ голоду пришелъ: мы къ вамъ не ходимъ, какъ не зачѣмъ.»

Мосѣичъ, при всемъ своемъ нѣсколько мизантропическомъ взглядѣ на вещи, былъ постоянно большой патріотъ.

Мнѣ между тѣмъ хотѣлось ужъ чаю; я сказалъ ему о томъ.

— Пойдемте! отвѣчалъ онъ мнѣ нѣсколько насмѣшливо.

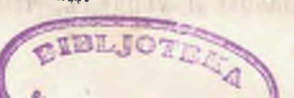
— Баре то, подумаешь, началъ онъ послѣ короткаго молчанія, по утру чай пьютъ, кофей, обѣдаютъ... потомъ опять чай, ужинаютъ; а мы то грѣшные ѣдимъ когда попало и что ни попало.

Дорога, ведущая обратно въ усадьбу, открылась передъ нами, извиваясь лентой по зеленѣвшему озимову полю. Лапка тоже откуда–то появившаяся и только что вѣроятно передъ тѣмъ придавившая какого–нибудь зазѣвавшагося зайченка, была съ окровавленнымъ рыломъ и весело начала прыгать около Мосѣича, подскакивать къ его рукѣ, лизать ее.

— Вонъ она, тварь безчувственная! сказалъ онъ, показывая мнѣ ласково на нее; а если теперь ладно къ птицѣ подошла, прибѣй ее, поколоти тутъ, другой разъ она все дѣло испортитъ: и вертѣться станетъ, и бояться, тревожиться... Человѣкъ же и подавно: безъ вины его наказать не на хорошее, а больше на худое направитъ,—другой съ отчаянности, Богъ знаетъ, что накуралеситъ, какъ и Машка наша теперь!

— А Марью развѣ наказывали? спросилъ я, обрадованный, что разговоръ наконецъ склонился на понятный для меня предметъ.

— Н–ну! произнесъ Илья Мосѣичъ протяжно: рано еще вамъ все знать... молоденьки вы! прибавилъ онъ полушутливо и полунаставнически.

Съ небольшаго пригорка, на который мы вскорѣ взошли, намъ кинулось въ глаза довольно уже низко стоявшее солнце. Кверху оно бросало, точно стрѣлы, золотые лучи, а внизу освѣщало сзади деревья нашей березовой рощи, которыя, въ весьма замѣтной перспективѣ, отдѣляясь одно отъ другаго, трепетали въ воздухѣ своими зелеными листочками.

Илья Мосѣичъ нѣсколько времени стоялъ въ умиленіи передъ этой картиной.

— Батюшка—наше солнышко! заговорилъ онъ, качая головой; всѣмъ оно одинаково свѣтитъ, и большому дереву, и малому, и худой травкѣ, и хорошей,—а господа такъ нѣтъ, ой, какъ нѣтъ! Только и любятъ, и уважаютъ, что богатыхъ своихъ подчиненныхъ: они у нихъ умные и честные, и добрые, а спросилъ бы, что такое значитъ богатый мужикъ? Наипервая бестія изо всѣхъ; потому что гдѣ мужику взять: онъ и барину подай, и въ казну, и въ міръ. А руки то всего двѣ—значитъ, когда хочешь богатѣть,—плутуй! И если теперь нашъ братъ разбогатѣлъ, развѣ доброе и хорошее онъ станетъ,—жди того: какъ же? пить, да жрать, да... Въ священномъ писаніи именно про мужиковъ, должно быть, сказано, что легче борову свиному пройти въ игольные уши, чѣмъ богатому въ царство небесное, потому что онъ, аки сатана, со всѣми смертными грѣхами путами спутанъ.

Сказавъ это, Илья вдругъ остановился. Мы были почти у самаго тына нашего сада.

— Вы ступайте дорогой, а я вотъ туда по-секретнѣй проберусь, а то папенька, пожалуй, увидитъ: «въ эдакое, скажетъ, время, бестія, за грибами ходишь».

Проговоря это онъ юркнулъ въ нарочно и вѣроятно издавна уже сдѣланную лазейку, глухо-глухо заросшею всякаго рода зеленью, а потомъ сталъ пробираться по самой темной аллеѣ, нагибаясь и прятаясь за деревья.

«Что это папенька, за чѣмъ бранитъ Илью? Онъ такой славный,» думалъ я, обходя садъ кругомъ.

Въ воротахъ усадьбы я увидѣлъ, что со двора съѣжалъ

исправникъ въ легонькомъ тарантасѣ, на тройкѣ съ росписной дугой, съ колокольцами и бубенцами, съ ухорски развязанными на трокахъ пристяжными, которые своими обозленными мордами только что не хватали земли. Я оробѣлъ и поклонился ему.

— Прощайте, душенька! проговорилъ онъ, дѣлая мнѣ рукой.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ письмоводитель тоже слегка приподнялъ фуражку и поклонился, но только не гдядя на меня. Въ слѣдъ за тарантасомъ ѣхалъ на крестьянской лошади и въ навозной телегѣ Спиридонъ Кутузовъ, еле-еле примостившійся на кое-какъ сдѣланной въ передкѣ бесѣдочкѣ, на которой, занявъ гораздо большее пространство, помѣщался также и сотскій, оборотясь лицомъ къ заду. Въ самой телегѣ сидѣли, и врядъ-ли не привязанные къ ней, Марья, покрытая, какъ повитая невѣста, съ головы до ногъ въ какую-то крашенину, и Тимофей тоже съ потупленной внизъ головой и въ нахлобученной почти на самые глаза шапкѣ. Въ усадьбѣ было совершенно пусто и только передъ растворенной ужъ кухней, Гришка, огромнымъ топоромъ рубилъ дрова, закусивъ языкъ на правую сторону и каждый разъ прикряхтывая, видимо желая тѣмъ показать, что онъ мастеръ и молодецъ на это дѣло. Я прошелъ черезъ заднее крыльцо въ домъ и засталъ тамъ страшную сцену: отецъ, съ пѣной у рта, ходилъ по комнатѣ.

— Меня обмануть? Меня?.. меня? кричалъ онъ, закидывая голову назадъ и какъ бы вопрошая самый воздухъ.

Матушка, сидѣвшая тутъ же въ гостиной и при всѣхъ его вспышкахъ всегда старавшаяся сохранить присутствіе духа, на этотъ разъ едва владѣла собой.

— Я удивляюсь, какъ ты этого не зналъ... я давно это знала, проговорила было она.

— А ты знала! ты знала! вскричалъ отецъ, подбѣгая ужъ къ ней. Отчего жъ ты мнѣ не сказала?.. отъ чего? прибавилъ онъ, отступая отъ нея на нѣсколько шаговъ и выпрямляясь, точно готовый сейчасъ же произнести ей смерт-

ный приговоръ. А, ты госпожа, помѣщица здѣшняя!.. Ты все можешь знать и всѣмъ располагать; а я нищій... голышъ, приведенный сюда такъ... Христа ради, врете! я господинъ всѣмъ вамъ: и тебѣ, и твоей челяди!

Матушка пожала плечами и на глазахъ ея навернулись слезы: это оскорбленіе было самое горькое и обидное для нея.

— Изъ чего ты бѣснуешься, я понять не могу, сказала она.

— Ты не понимаешь—да! Не понимаешь, что я, можетъ, и двухъ его первыхъ сношенокъ погубилъ... и этихъ несчастныхъ наказывалъ... всегда держалъ его руку... на эшафотъ ихъ теперь возвелъ... какими молитвами отмолить мнѣ у Бога эти мои прегрѣшенія?.. какими?..

— Но вѣдь ты самъ говоришь, что не зналъ этого.

— Что же, я и теперь не знаю!.. Я самъ, своими глазами видѣлъ ея показанья... онъ ей проходу не давалъ—все адресовался, а что она нѣтъ, такъ билъ ее и сына. Мнѣ и идти теперь—благодарить его: благодарю, батюшка, Михайло Евплычъ, покорно, что вы развратили всю вашу семью и мнѣ случай въ томъ поспособствовать вамъ дали.

— Его и безъ тебя ужъ Богъ покаралъ, потомъ накажутъ и по закону, по суду, замѣтила кротко матушка.

— А—да!! по закону, по суду, вотъ что! воскликнулъ старикъ съ ожесточеннымъ смѣхомъ. А ты слышала, что исправникъ говорилъ? Слышала? Есть у тебя уши? Такъ нѣтъ-же! врете, я его накажу! я!.. Кирьяна мнѣ!.. Кирьяна!..

Послѣднія слова онъ едва уже выговаривалъ.

Припадокъ гнѣва въ этотъ разъ такъ былъ силенъ въ немъ, что даже матушка встала и ушла отъ него.

— Пошлите къ барину Кирьяна, сказала она, проходя дѣвичью и сколько только могла спокойно горничнымъ дѣвушкамъ.

Тѣ побѣжали.

Я, все время тихонько сидѣвшій въ залѣ, плача и обмирая отъ страха, рѣшительно не зналъ, что мнѣ съ собой дѣлать.

— Кирьяна... Кирьяна! продолжалъ между тѣмъ шептать отецъ, скрежеща зубами и сжимая кулаки.

Черезъ нѣсколько минутъ Кирьянъ, позеленѣвшій отъ страха, стоялъ передъ нимъ.

Отецъ такъ и впился въ него глазами.

— Возьми сейчасъ! заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, этого Евплова... стащи его за волосы съ печи... кинь его въ телегу и вези за исправникомъ... скажи, чтобъ его на поселенье взялъ... Не надобно мнѣ его... Писать я теперь не могу, послѣ все напишу... послѣ.

Кирьянъ хотѣлъ было поскорѣй убраться.

— Но если же ты его не довезешь, если не отдашь тамъ, я тебя самого убью и растерзаю, закричалъ ужъ на него безумный старикъ и побѣжалъ было за нимъ.

— Помилуйте-съ! сейчасъ все исполню, отвѣчалъ тотъ, едва успѣвая затворить передъ нимъ за собой дверь и потомъ дѣйствительно никто ужъ и не видалъ, какъ онъ собирался, захватилъ съ собой Михайла и уѣхалъ.

Отецъ между тѣмъ возвратился въ гостиную и, тяжело дыша, опустился на диванъ. Несчастные припадки гнѣва всегда кончались для него ужасно; его обыкновенно оставляли одного въ комнатѣ, притворяли въ ней дверь и подавали ему только холодной воды. Все это повторилось и теперь. Мать пересѣла къ дверямъ гостиной, чтобъ прислушиваться, что тамъ будетъ происходить. Я помѣстился около ея колѣнъ и сталъ цѣловать ея руки.

— Для тебя только, другъ мой, и желаю я жить на свѣтѣ, проговорила она, поцѣловавъ меня въ голову и отерevъ катившіяся по ея щекамъ слезы.

Я разрыдался окончательно, такъ что она едва утѣшила и успокоила меня.

Къ вечеру по дому распространился новый ужасъ: исправникъ не принялъ Михайла Евплова, говоря, что онъ старъ идти на поселенье.

— Батюшки! отцы мои! что теперь будетъ? провопила даже старуха Афимья, болѣе всѣхъ привычная къ гнѣву

барина и всегда съ какимъ-то стоическимъ спокойствіемъ его переносившая.

Кирьянъ, привезя Михайла Евплова назадъ, не распрягая лошади, убѣжалъ въ лѣсъ, говоря, что онъ и не придетъ, пока баринъ гнѣваться будетъ. Сказать отцу о рѣшеніи исправника осмѣлилась, разумѣется, одна только матушка, но я видѣлъ, чего ей это стоило: вся взволнованная и безпрестанно обращая взоръ на образъ, она нѣсколько разъ подходила къ гостинымъ дверямъ и наконецъ уже вошла. Я бросился за ней и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Что она тамъ сказала, я не слыхалъ; но только отецъ вдругъ поднялся.

— Хорошо, я самъ его упрятаю, сказалъ онъ по наружности спокойнымъ, но въ самомъ дѣлѣ еще болѣе раздраженнымъ голосомъ: велите коляску мнѣ заложить, а мерзавца этого, скажите, чтобы везли за мной въ полуверстѣ.

Матушка безпрекословно исполнила его приказаніе. Часовъ въ 12 ночи онъ уѣхалъ; два дня, пока его не было, она была на себя не похожа, безпрестанно тревожилась и все чего-то ожидала. Наконецъ отецъ возвратился и былъ совсѣмъ ужъ больной. Его прямо привели въ его комнату. Онъ тосковалъ и стоналъ на весь домъ.

— Что, папаша чѣмъ боленъ? спросилъ я мать.

— Обыкновенно, какъ и всегда, мучится и терзается... самъ наказалъ, а теперь и жалѣетъ всѣхъ... отвѣчала она.

Съ дѣтской души моей, какъ перестали на нее дѣйствовать непріятныя впечатлѣнія, сейчасъ же все и слетѣло: на другой день я уже спокойнѣйшимъ манеромъ пахалъ сохою собственной работы на Гришкѣ грядку въ саду и что всего удивительнѣе этотъ малый, лѣтъ почти 18, съ величайшимъ наслажденіемъ игралъ со мной въ эту игру, непремѣнно требуя, чтобъ я его взуздалъ, и чѣмъ глубже я упиралъ соху въ землю, тѣмъ старательнѣе и рьянѣе онъ везъ ее. Къ намъ подошелъ Мосѣичъ съ лейкою въ рукѣ.

— Землю пахать самое пріятное для Бога занятіе, сказалъ онъ.

— Пріятное? переспросилъ я, очень довольный, что онъ хвалитъ мою выдумку.

— Да!.. и если бы вотъ даже дуракъ этотъ Евиловъ не мытарничалъ, а кормился бы больше, какъ слѣдуетъ мужичку, землицей, не былъ бы тамъ куда угораздился.

— А куда его, дядюшка, баринъ увезъ? Далече-ль? спросилъ ужъ Гришка.

— Далече, въ мѣсто хорошее, сказалъ Илья и скрылся за однимъ изъ куртиновъ.

V.

Начинало темнѣть, когда я въ нынѣшнемъ году подъѣзжалъ къ Ѳомкину. Рядомъ со мной въ коляскѣ сидѣлъ прикащикъ мой Семенъ, ужасно конфузясь, ежась, отодвигаясь отъ меня и боясь, кажется, прикоснуться одной точкой своего кафтана ко мнѣ. Измученныя извощичьи лошади легонькой рысцей тащили насъ въ гору.

Я оглядывалъ окресность,—все было очень знакомо: при въѣздѣ въ село, покачнувшаяся на сторону, и точно отъ сотворенія міра тутъ стоявшая толчея, а по дальше—небольшая площадь, на которой собирался по праздникамъ народъ; въ сторонѣ отъ нея домъ священника нѣсколько побольше и покрасивѣй другихъ, на погостѣ деревянные кресты и единственный каменный памятникъ на могилѣ моего дѣда и наконецъ сама бѣлая церковь. Съ какой-то болью врывались мнѣ въ сердце воспоминанія: мы... мнѣ лѣтъ осьмнадцать... у прихода... день такой, кажется, восхитительный; толпа народа кипитъ предъ храмовыми воротами. *Она* тоже въ церкви... это можно догадаться по уродливому экипажу и по тройкѣ вятскихъ лошадокъ, стоявшихъ у дома отца діакона. Я иду въ церковь. Сердце мое такъ и рванулась отъ праваго крылоса, около котораго я всталъ, къ лѣвому. Накуренный ладонъ кажется мнѣ величайшимъ благоговѣні-

емъ, иконостасъ великолѣпнымъ, а *она*, въ бѣломъ платьѣ и бѣлой шляпкѣ, превыше всѣхъ красотъ земныхъ. Но между тѣмъ, что было во всемъ этомъ, и въ ней, и въ самомъ народѣ?.. Ничего, кромѣ моей молодости!.. Хоть бы одинъ день, одинъ часъ того счастья, съ которымъ изживались прежде цѣлые недѣли, мѣсяцы и за это возмите все, что впереди, гдѣ только и мелькаютъ, какъ фуріи, ниспосланныя васъ терзать: недуги тѣла, труды и скорби наболѣвшей души вашей и цѣлое море житейскихъ нуждъ и заботъ.

— А что, обратился я къ Семену, будетъ у насъ въ Ѳомкинѣ по 6 десятинъ на душу?

— Будетъ, кажись! Послѣ одного снохача теперь земли-съ пустой стоитъ тягомъ на пять.

— Какого это снохача? спросилъ я, смутно припоминая все, что сейчасъ разсказалъ.

— Крестьянинъ вашъ бывшій, отвѣчалъ Семенъ; папенька вашъ тогда разгнѣвался на него и продалъ его. Всего за десять рублей ассигнаціями и уступилъ-съ.

— За десять?

— Да-съ, отвѣчалъ Семенъ и потомъ съ обычной своей скромностью слегка польстилъ мнѣ: вѣдь не такъ, какъ вы-съ—покойникъ, бывало, разсердится, такъ точно разсудку лишался, а послѣ все у нихъ и отойдетъ это.

— Отойдетъ?

— Все-съ! И чѣмъ ужъ они тутъ человѣка ублажить не желаютъ: тогда за Михайла Евплова-то сноху и сына при мнѣ-съ... мальчикомъ я ѣздилъ съ нимъ... давали исправнику, тысячу рублевъ, чтобы ихъ ослободить отъ поселенья. Ну да тотъ тоже не взялся. «Я, губернатору ужъ, говоритъ, описалъ о томъ.»

— А Михайло Евпловъ кому былъ проданъ? полюбопытствовалъ я.

— Да такъ тутъ въ Зеленцинѣ былъ дворянинишко—самый бѣдный; почесть что ни самому, ни прислугѣ ѣсть было нечего: Михайла Евплова сталъ ужъ въ пастухи отдавать...

въ семьдесять-то лѣтъ за тѣлятами бѣгать... Папенька вашъ жалѣлъ тогда старика: «откуплю, говоритъ, его назадъ, хоть пяти сотъ рублей на то не пожалѣю» ну да тотъ померъ тоже не вдолгѣ.

— А за что отецъ такъ разсердился на него? спросилъ я.

Семенъ нѣсколько смѣшался.

— Глупости разныя у себя въ семействѣ заводилъ-съ... отвѣчалъ онъ съ разстановкой: младшая-то сношенка попалась женщина честная, не захотѣла того.

— А здѣсь это въ заведеніи? замѣтилъ я.

— Есть-съ! отвѣчалъ Семенъ таинственно.

— Да какъ же они это дѣлаютъ?

— Да кто жъ имъ можетъ въ томъ воспрепятствовать! возразилъ онъ мнѣ съ нѣкоторымъ даже одушевленіемъ: *батько, родитель* — одно слово, и который особливо теперь по богатѣй, такъ въ дому то словно медвѣдь корежитъ: и на работу посылаетъ, сколько ему надо, и бьетъ, особливо этихъ женщинъ и малолѣтнихъ, чѣмъ ни попало... Ужасные злодѣи и тираны-съ!

Мы въѣхали въ усадьбу. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ и все больше старики встрѣтили меня. Совсѣмъ сгорбленный и почти уже слѣпой Кирьянъ высадилъ однако меня изъ коляски подъ руку. Двѣ женщины, тоже старухи, проговорили: «ну вотъ, батюшка, дождались мы и васъ». Я прошелъ въ домъ, и, увидя отворенный балконъ, не утерпѣлъ и вышелъ на него—посмотрѣть на садъ: онъ точно весь почернѣлъ и совершенно заглохъ по всѣмъ нѣкогда прозрачнымъ и зеленымъ аллеямъ. На куртинахъ и на лугахъ росла такая дичь-трава, что и взглянуть было гадко. Все это нѣкогда обряжавшій и приводившій въ порядокъ Илья Мосѣичъ давно уже умеръ и вѣроятно самъ составлялъ какую-нибудь часть той природы, которую такъ любилъ. Сходя съ балкона я прошелся по гостиной, гдѣ сердился отецъ, заглянулъ въ спальню, гдѣ скучала и молилась мать, и наконецъ въ свою темненькую комнату.

Чтобы оторваться отъ этихъ хоть и дорогихъ, но все-таки тяжелыхъ воспоминаній, я велѣлъ себѣ постелю при-

готовить въ залѣ, какъ самой пустой комнатѣ и болѣе похожей на сарай, чѣмъ на жилое мѣсто, но заснулъ только уже утромъ, чувствуя, что руки и ноги у меня холодѣютъ а на лбу выступила холодная испарина. О, еслибы забыть прошедшее и не понимать будущаго, мерещилось мнѣ въ тревожномъ снѣ.

А. ПИСЕМСКІЙ.

27 октября 1861 г.
С.-Петербургъ.

АРИНУШКА.

I.

Петръ Петровичъ Калатырниковъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, владѣтель пятисотъ-душнаго сельца Петровокъ, человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокій, полный, нѣсколько сгорбленный, съ обрюзгшимъ довольно пріятнымъ лицемъ, высокимъ лбомъ, вѣчно улыбающимися сѣрыми глазками, нависшими надъ ними бровями, съ небольшими сѣрыми усами, подстриженными въ уровень, съ верхнею губою, двойнымъ подбородкомъ, съ складкой на шеѣ, съ просѣдью и лысиной на головѣ, съ громкимъ рѣзкимъ повелительнымъ голосомъ и жесткими, угловатыми, отчасти театральными манерами, лѣтъ тридцать тому назадъ нисколько непоходилъ на настоящаго Петра Петровича. Въ то блаженное старое время, онъ былъ худенькимъ, бѣднымъ прапорщикомъ какого-то армейскаго полка, говорилъ тихо, имѣлъ полъ дюжины ровненькихъ рубашекъ, казеннаго денщика, мундиръ, сертукъ, пару сапогъ, да длинный черешневый чубукъ, доставшійся ему по какому то особенному случаю. Объ этомъ славномъ времени много и теперь разсказываетъ Петръ Петровичъ и смѣшнаго и жалкаго, вспоминаетъ о немъ съ теплою любовью, съ слезами радости на глазахъ, какъ иногда взрослый, укрѣ-

пившійся человѣкъ вспоминаетъ о дняхъ своего младенчества, о старухѣ нянькѣ, баюкавшей его въ колыбели. «Меня это время воспитало, научило жить» часто говоритъ онъ съ нѣкоторою гордостью, вонъ ныньче, мишура все, роскошь да изнѣженность, всякій ничего не видя въ геніи просится, нѣтъ, ты потрись, огонь и воду пройди, корку чернаго хлѣба погрызи, босикомъ побѣгай, тогда всего достигнешь, все наживешь, до всего дойдешь, заслужишь и почетъ, и уваженіе, а это что, какой тутъ порядокъ, фанфаронство, мода одна! Въ наше время не то... Въ наше время дѣло дѣлали, потомъ и кровью брали; человѣкъ если служилъ, такъ служилъ, зато и люди выходили, обтертые, выжженные, не чета сморчкамъ нынѣшнимъ!»

Этотъ образъ мыслей Петра Петровича отчасти выражалъ собою всю его служебную карьеру. Сынъ бѣдныхъ родителей, получившій грошевое образованіе, воспитанный подъ розгой, онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, своему собственному терпѣнію. Онъ изъ ничего сотворилъ все. Другой на мѣстѣ Калатырникова, быть можетъ, остался бы вѣчнымъ, ничего не знающимъ, бѣднякомъ, другаго жизнь окончательно бы сдавила, стерла, уничтожила; третій бы сдѣлался съ помощью женитьбы мирнымъ двадцати душнымъ помѣщикомъ; четвертый состарѣлся бы въ маіорскомъ чинѣ, но Петръ Петровичъ махнулъ широко, опередилъ всѣхъ, совершилъ все, что по его мнѣнію человѣкъ совершить можетъ. Нѣсколько лѣтъ прослужилъ онъ въ полку, былъ ревностнымъ офицеромъ, благоговѣлъ предъ начальниками, не заносился впередъ, не умничалъ, а просто дѣлалъ свое дѣло, да иногда въ свободное время невинно мечталъ о хорошемъ бобровомъ воротникѣ или золотыхъ часахъ; потомъ получилъ какое то выгодное назначеніе, зажилъ очень прилично, не моталъ, не сорилъ деньгами, завелъ лошадь съ дрожками, тамъ, съ помощью какого то благодѣтеля начальника, вышло ему другое мѣсто еще болѣе выгодное, на немъ Петръ Петровичъ сколотилъ порядочную сумму, обернулъ ее очень успѣшно въ какое то предпріятіе, получилъ хорошій барышъ, дешево купилъ деревеньку, отлично ее устроилъ, потомъ занялся какимъ то частнымъ дѣ-

ломъ, услужилъ очень важному лицу, отъ чего въ карманѣ его зазвѣнѣли тысячи, тамъ опять мѣсто, опять новая значительная прибыль, деревенька увеличилась, переименовалась въ сельцо Петровки; въ ней выстроился господскій домъ, большой, каменный; самъ Петръ Петровичъ разтолстѣлъ, сдѣлался солиднѣе, меньше сталъ кланяться, заговорилъ громче, отрывистѣе, пустился въ откупа, и, наконецъ, послѣ двадцатипятилѣтней безпорочной службы, съ независимымъ состояніемъ, геморроемъ и лысиной, вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ и сдѣлался очень почтеннымъ, настоящимъ русскимъ бариномъ. Достигъ всего этого Петръ Петровичъ самъ-собой, безъ всякихъ темныхъ путей, совершенно законно, казалось, сама судьба благопріятствовала ему, по крайней мѣрѣ совѣсть никогда не тревожила его, не шептала, что онъ поступилъ криво въ томъ или другомъ случаѣ, кого-нибудь обидѣлъ, обманулъ, ложно воспользовался ввѣренною ему властью, Боже сохрани! Напротивъ, Петръ Петровичъ считалъ себя образцемъ честности и высокой нравственности, ставилъ въ примѣръ себя и свое генеральское званіе, училъ другихъ дѣйствовать такъ какъ дѣйствовалъ самъ. Онъ смотрѣлъ на дѣло, на службу, своими собственными глазами, смотрѣлъ такъ какъ научили его смотрѣть время, люди, обстоятельства, и былъ убѣжденъ, что смотрѣлъ прямо. «Это нынче все про взятки кричатъ,» разсуждалъ онъ, «крикуновъ много, въ наше время взяточестничества не было, за взятки законъ преслѣдуетъ, былъ бы умъ да стараніе—безъ взятокъ изъ всего выгоду извлечешь; гдѣ благодарность, гдѣ экономія, они плоды трудовъ твоихъ, ими можетъ сироты сыты, горькая вдовица утѣшена, за нихъ Бога о тебѣ молятъ, не одну свѣчку поставятъ, какія же взятки тутъ... одно утѣшеніе только!...»

Дѣйствительно, Петръ Петровичъ говорилъ правду, онъ много дѣлалъ добра, много помогалъ бѣднымъ роднымъ и знакомымъ, даже и въ то время, когда самъ былъ не вполнѣ обезпеченъ, но это добро онъ дѣлалъ не столько изъ потребности облегчить участь ближняго, сколько изъ желанія похвастатся, блеснуть, заставить бѣдняка быть

обязаннымъ, унижаться и раболѣпствовать. Смотрите, дескать, какимъ я человѣкомъ сталъ, сапоговъ не имѣлъ, а теперь вотъ благодѣтельствую, только уважайте меня, всюду кричите обо мнѣ. Изъ этого стремленія видѣть вокругъ себя людей ему совершенно обязанныхъ, Петръ Петровичъ, еще въ половинѣ своей служебной карьеры, женился на дѣвушкѣ совершенно бѣдной, загнанной, во всемъ ему послушной. Онъ любилъ жену, горько плакалъ, когда она послѣ десятилѣтней супружеской жизни отдала Богу душу, но любилъ по-своему, какъ свою собственность, какъ нѣчто исключительно ему принадлежащее, имъ существующее, какъ любятъ хорошую собаку, лошадь или халатъ, къ которому привыкаешь, въ которомъ такъ тепло и пріятно. Онъ, напримѣръ, ничего не жалѣлъ для жены, безпрестанно дарилъ, прекрасно одѣвалъ, иногда глядѣлъ ей въ глаза, чтобъ угадать малѣйшее ее желаніе; требовалъ чтобъ ее всѣ уважали, но никогда не ставилъ себя наравнѣ съ нею. Онъ смотрѣлъ на жену какъ на вѣрнаго слугу, которому за долгую службу позволено цѣловать барскую руку, повторять барскія мысли, величать: *вы, Петръ Петровичъ*, дѣлать все то, что не запрещено, исполнять все, что прикажутъ. Неизвѣстно, что бы произошло, еслибъ эта жена, какъ женщина, вздумала заявить права свои, чья бы сторона верхъ одержала, Богъ знаетъ; достовѣрно только то, что покойная супруга, даже во всѣхъ частяхъ своего туалета, должна была совершенно придерживаться непогрѣшимаго вкуса Петра Петровича. Она была какимъ то нѣмымъ, неяснымъ отраженіемъ мужа. Онъ во всемъ указывалъ ей, не изъ желанія обидѣть, Боже сохрани, а просто по чувству собственнаго достоинства, изъ того искренняго убѣжденія, что женщину нужно учить, что она ниже мужчины, что у нея волосъ долгъ, а умъ коротокъ. Точно также держалъ себя Петръ Петровичъ въ отношеніи родныхъ и знакомыхъ, равныхъ себѣ онъ не терпѣлъ, да и не зналъ ихъ, для низшихъ хотѣлъ быть главой, законодателемъ; ненавидѣлъ неподдававшихся и особенно награждалъ и поощрялъ тѣхъ, которые льстили ему, восторгались имъ какъ чѣмъ то сверхъ-естественнымъ.

«Далекій человѣкъ, всеобъемлющій, до всего своимъ умомъ дошелъ, экое состояніе пріобрѣлъ», говорили съ восторгомъ нѣкоторыя старушки и пользовались за эти слова милостивымъ вниманіемъ Петра Петровича. Съ подчиненными Калатырниковъ обращался неприступно гордо, съ полнымъ начальническимъ великолѣпіемъ, рѣдкимъ изъ нихъ протягивалъ два пальца руки своей; остальнымъ только головой кивалъ, да и то не всегда, а когда былъ въ духѣ, даже голосъ его звучалъ въ этомъ случаѣ какъ то протяжно, на–распѣвъ. О слугахъ и говорить нечего, они должны были понимать каждый взглядъ барина, каждое движеніе бровей его. Эта видимая суровость не вытекала изъ души Петра Петровича, не была ее неотъемлемымъ достояніемъ, напротивъ, онъ имѣлъ характеръ довольно мягкій, даже слезливый, онъ только нетерпѣлъ никакого либерализма, никакого противодѣйствія своей безграничной волѣ и считалъ необходимостью притворяться предъ самимъ-собою, былъ убѣжденъ, что въ его чинѣ, съ его богатствомъ онъ долженъ казаться важнымъ, гордымъ, иногда неприступнымъ. Онъ все готовъ былъ простить человѣку, заявившему передъ нимъ свое безсиліе и ничтожество. Передъ лицами сильными, начальствующими, Петръ Петровичъ не то чтобъ унижался, онъ только обращался въ безсловеснаго исполнителя ихъ воли, былъ отраженіемъ ихъ духа; сильное лицо смѣялось—Петръ Петровичъ почтительно улыбался, сильное лицо извергало громъ и молнію—Петръ Петровичъ хмурился, наклонялъ голову и ждалъ разсѣянія непогоды. Впрочемъ Калатырниковъ съ такимъ тактомъ держалъ себя, такъ искусно обдѣлывалъ всѣ дѣла, такъ ловко сводилъ концы съ концами, что всѣ начальники обращались съ нимъ чрезвычайно дружественно, нѣкоторые въ знакъ особеннаго вниманія говорили ему *ты*; если и случались невзгоды, то очень рѣдко, въ видѣ исключенія. Вскорѣ послѣ смерти жены Петръ Петровичъ вышелъ въ отставку, оставилъ Петербургъ и уѣхалъ въ благопріобрѣтенное имѣніе, сельцо Петровки.

«Пора, послужилъ, все совершилъ, больше ничего не хочу, говорилъ онъ, прощаясь съ родными и знакомыми, нужно и честь знать, другимъ дорогу очистить, отдохнуть, хо-

зяйство устроить. Жениться надо, отвѣчали тронутые до слезъ родственники... А надо, такъ и женюсь, на все воля Божья... Все отъ Бога, повторялъ Петръ Петровичъ.

Пріѣздъ въ деревню былъ для Калатырникова какимъ то тріумфальнымъ шествіемъ; управляющему и старостамъ заранѣе отдано было приказаніе устроить парадную встрѣчу. Впереди шли дѣвки и бабы въ красныхъ праздничныхъ сарафанахъ, за ними дворовые люди въ сѣрыхъ зипунахъ, потомъ дворовые люди въ ливреяхъ, сзади ихъ слѣдовалъ, въ отставномъ генеральскомъ мундирѣ, самъ Петръ Петровичъ, въ дормезѣ, запряженномъ шестеркою лошадей; около него толпились, хватались за колеса, карабкались на запятки и козла деревенскіе мальчишки, за дормезомъ валила гурьба мужиковъ, также въ праздничныхъ кафтанахъ. У подъѣзда барскаго дома стояли управляющій и старосты съ хлѣбомъ-солью, священникъ въ ризѣ съ крестомъ и святою водою. Петръ Петровичъ вылѣзъ изъ экипажа, приложился къ кресту, принялъ хлѣбъ-соль, хотѣлъ войти на крыльцо, но толпа мужиковъ и бабъ загородила ему дорогу, нѣкоторые изъ нихъ бросались въ ноги, другіе цѣловали его руки, полы платья. Калатырниковъ прослезился, хотѣлъ что то сказать но не могъ, и приказалъ всей деревнѣ гулять трое сутокъ. Затѣмъ онъ удалился во внутрь дома, призвалъ къ себѣ управляющаго и выборныхъ, и долго съ ними бесѣдовалъ. Нѣсколько дней спустя въ Петровкахъ былъ большой обѣдъ; къ нему съѣхались всѣ помѣщики на сорокъ верстъ въ окружности; такъ Калатырниковъ знакомился съ сосѣдями, давалъ знать о своемъ барствѣ и карманѣ всему уѣзду. Наконецъ пиры миновались, крестьяне послѣ продолжительнаго питья стали опохмѣляться, баринъ приказалъ работать и самъ принялся за дѣло. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на наружный порядокъ въ имѣніи, завелъ главнаго управителя, приставилъ къ нему помощника, учредилъ контору для разбора крестьянскихъ дѣлъ, далъ мѣсто въ ней какому то отставному чиновнику и назвалъ его управляющимъ конторой. Для собственной особы Петра Петровича въ конторѣ былъ поставленъ отдѣльный столъ, покрытый краснымъ сукномъ и старинное вызолоченное кресло; для лич-

наго объясненія крестьянъ съ бариномъ назначены были особые докладные дни; для больныхъ устроена больница, къ ней выписанъ лекарь изъ уѣзднаго города; всѣ дворовые получили разныя названія, смотря по роду занятій каждаго, такъ напримѣръ явились: главный камердинеръ, просто камердинеръ, метрдотель, поваръ, поваренокъ, буфетчикъ, подбуфетчикъ, конюшій, курьеръ, докладчики, были даже какіе то подлакейченки: такъ назывались два мальчика, одѣтые въ безобразныя гороховыя куртки и дежурившіе на главномъ подъѣздѣ. Наглухо заколоченныя до сихъ поръ комнаты растворились, обчистились и также получили разныя названія: большой залы, маленькой, залы пріемной, просительской, большой столовой, и такъ далѣе. На случай прибытія гостей имѣлся особый флигель. Садъ передъ домомъ расцвѣлъ, украсился всевозможными цвѣтами, дорожки расчистились, на двухъ наружныхъ углахъ его были поставлены двѣ пушки; садовый заборъ, другой заборъ на барскомъ дворѣ, ворота, калитки, тумбы, перила на мостахъ выкрасились полосками черной, красной и бѣлой, на тотъ манеръ, какъ красятъ верстовые столбы; на самомъ домѣ запестрѣлъ флагъ съ гербомъ хозяина; скотный дворъ, конюшни, сараи, амбары, кладовыя, словомъ, всѣ хозяйственныя учрежденія украсились соотвѣтственными приличными вывѣсками. Порядокъ завелся самый строгій, самый педантическій, каждая вещь заняла надлежащее мѣсто, каждый человѣкъ неминуемо обязывался исполнять возложенное на него занятіе, каждый листокъ распускался по указанію, каждая курица казалась такою прибранною, выглаженною. Даже дворовыя собаки, и тѣ получили предписаніе—когда обѣдать и ужинать, когда быть на цѣпи и когда быть спущенными. Петръ Петровичъ окинулъ довольнымъ окомъ дѣло рукъ своихъ, вздохнулъ легко, свободно, и заложилъ каменную церковь. Потомъ онъ принялся за учрежденія, клонящіяся къ увеличенію его матеріальнаго благосостоянія, устроилъ винокуренный заводъ, фабрику, какую то паровую мельницу, образцовую ферму, завелъ различныя машины, выписалъ изъ за границы опытнаго механика, увеличилъ количество пахатной земли, старался улучшить земледѣліе: однимъ словомъ, го-

да черезъ два, три, послѣ пріѣзда барина, Петровокъ нельзя было узнать. Все приняло лучшій обновленный видъ: крестьяне раздобрѣли, избы были большія, бѣлыя, крѣпкія; дороги, мосты исправились, въ самомъ селѣ возвысилась каменная церковь, господскій садъ разроссяя, раскинулся на значительное пространство, все бросалось въ глаза, все дышало изобиліемъ, смотрѣло широко, размашисто, и несмотря на все это, крестьяне дворовые, мужики, бабы, даже дѣти, всѣ ходили понуривъ голову, во взглядахъ ихъ проглядывала какая то дикая запуганность, всѣ они точно были стѣснены чѣмъ то, казалось, эти армяки, синіе суконные кафтаны, яркіе сарафаны давили имъ грудь, стѣсняли движенія, не позволяли дышать ровно, покойно...

Чего не доставало имъ, Богъ знаетъ! Мѣстоположеніе прекрасное; рѣка, густыя рощи, изобильные огороды, пашни, луга, все подъ руками, всего вдоволь, рай да и только, изъ этого рая кажется не вышелъ бы.

Зато Петръ Петровичъ былъ совершенно доволенъ, счастливъ, нечего ему желать больше, онъ совершилъ все; молва о немъ прогремѣла по всей губерніи, предъ нимъ все преклоняется, все трепещетъ, все удивляется, ему все удается.

Встанетъ онъ рано утромъ, надѣнетъ желтый нанковый сертукъ, такіе же шаравары, военную фуражку съ краснымъ околышкомъ, (отличительный знакъ его прежняго званія), возметъ въ руки суковатую палку, сядетъ на бѣговыя дрожки, сзади себя приткнетъ кучеренка съ павлинымъ перомъ на шляпѣ, отправится на заводъ, на мельницы, на лѣсопильню, потолкуетъ съ тѣмъ и другимъ, осмотритъ то, другое, третье, кого выбранитъ, кому ласковое слово скажетъ. Вечеромъ счеты, бумаги, проекты, письменныя дѣла, и только при закатѣ солнца выйдетъ хозяинъ въ садъ на террасу, выйдетъ съ трубкою въ зубахъ, и долго любуется, наслаждается, глядя на свое пріобрѣтеніе, на труды рукъ своихъ.

А любоваться дѣйствительно было чѣмъ.

Противъ самаго дома, верстахъ въ трехъ разстоянія, на вершинѣ пологаго холма чернѣлась деревня, отъ нея во всѣ

стороны какими-то фантастическими узорами, словно по канвѣ вышитыми, спускались зеленые сады и огороды; надъ ними раскинувшись на необозрамое пространство, вправо и влѣво, переливалась сотнями оттѣнковъ золотистая рожь, ее окаймляла широкая извилистая дорога, вѣтвь ея пошла вверхъ, перерѣзала и рожь, и огороды, коснулась деревни и пропала вдали; за дорогой лугъ ровный, бархатный, какъ будто ни чья нога не касалась его, и все это падало, скатывалось, казалось уходило въ землю, только крылья мельницы торчали на зеленомъ луговомъ фонѣ, да шумъ падающей воды эхомъ перекатывался по воздуху. Ближе къ дому, внизу, какъ будто подъ ногами его, разстилалась вершина сосноваго парка и рѣзкою чертою отдѣлилась отъ противоположнаго свѣтлаго луга, вправо отъ парка на его темномъ фонѣ бѣлѣла колокольня сельской церкви, кругомъ ея шумѣлъ молодой березовый лѣсокъ, отъ него тянулась широкая аллея, усаженая густымъ тополемъ, влѣво шелъ цѣлый рядъ разныхъ хозяйственныхъ построекъ, и аллея, и постройки постепенно поднимались и, наконецъ, окончательно вскарабкавшись на верхъ, отлогою дугою шли къ барскому дому и казалось обнимали широкій цвѣточный коверъ, разостланный передъ его террасой.

Часто Петръ Петровичъ сходилъ съ терассы, ступалъ по этому душистому, пестрому ковру, спускался по землянымъ ступенямъ къ сосновому парку, скрывался въ глубь его и, дойдя до противоположнаго края, останавливался, потому что дальше идти не было возможности; мѣстность здѣсь вдругъ обрывалась и отвѣсною, изрытою стѣной висѣла надъ извилистой рѣкой, разбросанные по берегамъ ея сараи казались черными точками; лѣвѣе ихъ рѣку перерѣзала плотина, съ одной ея стороны образовалось цѣлое озеро, съ другой шумѣлъ водопадъ, отъ него летѣли брызги и брилліантами разсыпались на воздухѣ. При взглядѣ на это необозримое пространство, на это безконечное прозрачно-голубое небо, тамъ, гдѣ-то далеко сливающееся съ землею, духъ захватывало, душѣ становилось тѣсно въ тѣлѣ человѣческомъ, она просилась въ эту бездну роднаго простора, бездну заманчивой воли.

Однажды, въ теплый, душистый, лѣтній вечеръ, въ такой

вечеръ, когда никакая серьезная мысль не шевельнется въ умѣ человѣчелскомъ, когда смотришь на все радостно, симпатично, Петръ Петровичъ, за маленькимъ столикомъ со стаканомъ чая, развалясь въ старинномъ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ на террасѣ. Голова его лѣниво опрокинулась на спинку кресла, прищуренные глаза смотрѣли въ даль, ноги были вытянуты, на нихъ болтались шитыя золотомъ остроконечныя туфли, правая рука держала длинный черешневый чубукъ съ большимъ янтарнымъ мунштукомъ, лѣвая висѣла на воздухѣ; небрежно надѣтый, темный шелковый халатъ распахнулся, растегнутый воротъ рубашки обнажилъ поросшую волосами грудь.

Противъ хозяина, въ почтительномъ отъ него разстояніи, на кончикѣ легкаго плетенаго стула, сидѣлъ, поджавши подъ себя ноги, худенькій, маленькій человѣкъ съ сережкой въ правомъ ухѣ, съ клочками совершенно сѣдыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, съ старымъ, сморщеннымъ, красноватымъ лицемъ, окаймленнымъ сѣрою небритою бородою, съ какимъ то запуганнымъ, подобострастнымъ выраженіемъ во всей физіономіи. Онъ сидѣлъ выпрямившись, придерживаясь руками за стулъ, какъ будто бы вдругъ соскочить собирался; остроконечная голова его безпрестанно ворочалась, на губахъ мелькала какая-то печальная, вынужденная улыбка, — маленькіе глаза слезились, моргали и почтительно смотрѣли то на халатъ Петра Петровича, то на его туфли и дымящуюся трубку. На немъ былъ однобортный, сѣрый нанковый казакинъ на глухо застегнутый, въ одной его петлѣ болталась полинялая владимірская ленточка, шея была обмотана такимъ большимъ, чернымъ шелковымъ, порыжѣлымъ платкомъ, что въ него уходила половина подбородка и вся голова ворочалась точно въ лошадиномъ хомутѣ, казалось, она могла смотря по надобности или вся спрятаться въ галстухъ, или выглянуть оттуда на свѣтъ Божій. Узенькіе, одинаковаго цвѣта съ сертукомъ, брюки поднялись и сморщились на колѣнахъ. Въ дверяхъ, съ серебрянымъ подносомъ подъ мышкой, въ какомъ-то безобразномъ, желтомъ, засаленномъ фракѣ, съ грязными нитяными перчатками на рукахъ, съ жирнымъ, лоснящимся лицемъ, тупо уставивъ безжизненные гла-

за на барина, стоялъ одинъ изъ членовъ его огромной прислуги.

Молчаніе долго не нарушалось. Петръ Петровичъ зѣвалъ, хрипѣлъ, смотрѣлъ въ даль, лѣниво тянулъ изъ трубки, лѣниво прихлебывалъ чай изъ стакана.

Человѣкъ въ казакинѣ ворочалъ голову и моргалъ глазами.

Лакей въ дверяхъ стоялъ вытянувшись въ струнку и внимательно слѣдилъ за каждымъ барскимъ глоткомъ и движеніемъ.

Прошло съ четверть часа. Петръ Петровичъ повернулъ голову и вытянулъ правую руку. Подскочившій лакей взялъ чубукъ, поставилъ стаканъ на подносъ, остановился было снова въ дверяхъ, но по вторичному движенію барской брови поспѣшно удалился. Господинъ въ казакинѣ, приложилъ руку ко рту, отвернулся въ сторону и тихонько кашлянулъ. Петръ Петровичъ громко высморкался, потянулся и продолжительно зѣвнулъ.

— Ну что, Серга Матвѣичъ, какъ живется, что въ мірѣ новаго дѣлается, сказывай, повелительно произнесъ онъ обращаясь къ гостю и величаво запахиваясь полами халата.

Господинъ въ казакинѣ вторично кашлянулъ. Его звали Сергѣемъ, но Калатырниковъ въ шутку называлъ его не иначе какъ Сергой Матвѣичемъ.

— Что новаго, ваше превосходительство, отвѣтилъ онъ тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ, такъ какъ будто кто выкалачивалъ изъ него звуки,—поучительнаго, стоющаго вашего благосклоннаго вниманія ничего нѣтъ, все мелочь одна, пустота!.. У Ивана Семеныча лошадь украли, сѣрую лошадь, хорошую, въ пристяжкѣ ходила, прошедшей зимой онъ сто серебра за нее далъ, а теперь, что будешь дѣлать, украли, на все воля Господня... цыгане украли.

— Цыгане! неопредѣленно повторилъ генералъ.

— Такъ точно-съ, цыгане, ваше превосходительство, воры они большіе. У Татьяны Андревны мальчишка родился; полагать надо, вашу честь крестить будутъ звать.

— Крестить?

— Крестить, ваше превосходительство, думать такъ на-

до... потому, былъ я этто у нихъ какъ молитву давали, въ вашу честь Петромъ назвали, — хорошо бы, говорятъ, еслибъ его превосходительство не отказалъ въ счастіи воспріемникомъ быть.

— Какъ же отказать, въ христіанской обязанности никогда не откажу,—грѣхъ! Пусть просятъ! возразилъ Петръ Петровичъ и самодовольно улыбнулся. Что въ уѣздѣ про меня говорятъ? вопросительно добавилъ онъ.

Сергѣй Матвѣичъ нѣсколько замялся.

— Какъ доложить, ваше превосходительство, непристойнаго чего и злой языкъ про вашу честь не осмѣлится выговорить, во всемъ какъ есть добродѣтель одна, страны украшеніе!.. Ихъ превосходительство говорятъ человѣкъ высокій, недосягаемый, неприступный, орелъ!

Петръ Петровичъ принужденно засмѣялся.

— Вздоръ, произнесъ онъ, нѣсколько нахмуривъ брови, орелъ! Неприступный! Я всякому готовъ протянуть руку, помочь, посовѣтовать, мнѣ все равно—бѣденъ-ли, богатъ-ли, кто уважаетъ меня, того и я уважаю; какъ неприступный! вотъ ты со мной сидишь, разговариваешь какъ съ ровнымъ.

Сергѣй Матвѣичъ чуть было не вскочилъ, во взглядѣ его выразилось нѣкоторое безпокойство.

— И я покровительствую тебѣ, люблю тебя, продолжалъ Петръ Петровичъ, мнѣ все равно, что ты нищій, или регистраторъ въ отставкѣ, я на это плевать хотѣлъ... Вздумается—озолочу, нѣтъ—вонъ выгоню, могу выгнать, я хозяинъ здѣсь, добавилъ онъ довольно рѣзко.

Сергѣй Матвѣичъ вздрогнулъ и вторично чуть было не вскочилъ со стула.

— Неприступный, орелъ, орелъ!.. повторялъ Петръ Петровичъ, какъ будто въ негодованіи, но въ дѣйствительности очень довольный этимъ сравненіемъ; вздоръ, совершенный вздоръ. А ты что отвѣтилъ, а? спросилъ онъ.

Гость снова замялся и заморгалъ глазами,

— Что про благодѣтеля отвѣтить, ваше превосходительство, помощникъ и покровитель бысть!.. И въ рай, и въ муку всюду за благодѣтеля пойду! Онъ утеръ кулакомъ выкатившуюся слезу.

Петръ Петровичъ вопросительно взглянулъ на него.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ участіемъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство, вспомнилось...

— Что вспомнилось?.. Развѣ недоволенъ чѣмъ?

Гость горько улыбнулся.

— Чѣмъ я могу недовольнымъ быть,.. Во снѣ такого житья не видалъ... не стою его.

— Ну!

— Виноватъ, ваше превосходительство, вспомнилось. Вашей милости въ могилѣ не забуду.

Петръ Петровичъ нахмурилъ брови.

— Серга Матвѣичъ, говори толкомъ, я не люблю этого, довольно грозно произнесъ онъ.

Старикъ повернулся на стулѣ.

— Люди, ваше превосходительство, люди, съ трудомъ выговорилъ онъ, стараясь придать голосу своему твердость; сами изволите знать, отцу трудно... Отецъ все же... а людей злость беретъ,.. зависть,.. сплетни распускаютъ,.. всякое невинное дѣло опозорятъ! глухо докончилъ онъ.

Петръ Петровичъ поднялъ голову и выпрямился.

— Какія сплетни? Какое невинное дѣло? спросилъ онъ, стараясь казаться хладнокровнѣе.

— Помилосердуйте ваше превосходительство, я ни въ чемъ... вспомнилось только, Аринушка, ваше превосходительство! съ трудомъ выговорилъ Сергѣй Матвѣичъ и глаза его вдругъ наполнились слезами.

— Что Аринушка?

— Аринушка, ваше превосходительство! повторилъ гость и заплакалъ.

Петръ Петровичъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Послушай, Сергѣй Матвѣичъ, если хочешь говорить, не рюмь, я этихъ бабьихъ слезъ терпѣть не могу!.. Ну!..

Старикъ быстро утеръ глаза.

— Простите, ваше превосходительство, помилосердуйте, чувство такое, дурацкое, прошепталъ онъ и опустилъ голову.

— Ну что, Аринушка?

Сергѣй Матвѣичь какъ бы опомнился и тяжело вздохнулъ.

— Ничего, ваше превосходительство, сами изволите знать, продолжалъ онъ, стараясь быть по возможности твердымъ, дѣвушка она ничтожная, грязь сущая, сирота, а все же воспитана богобоязненно... сидитъ въ своей горенкѣ никого не видитъ, никого не трогаетъ, въ одиночествѣ все... ваше превосходительство намедни добрымъ словомъ ее пожаловали, дали ручку поцѣловать, по головкѣ погладили, какъ ребенка похвалили то-есть, а отцовское сердце и радуется, отцу любо!—Онъ остановился.

— Ну!

— Людямъ злость, людьми бѣсъ руководитъ, все нечистымъ показываетъ... Ты, говорятъ, такой-сякой развратникъ старый, дочь выростилъ, продаешь теперь, на продажу выростилъ! заключилъ онъ почти шопотомъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

Калатырниковъ вытаращилъ глаза, губы его посинѣли и судорожно вытянулись, руки тряслись.

— Кому продаешь? спросилъ онъ сдержаннымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Стало быть, вашему превосходительству продаю, едва слышно прошепталъ Сергѣй Матвѣичъ и, казалось, самъ испугался словъ своихъ, по крайней мѣрѣ тихонько всталъ со стула, отошелъ въ сторону, взялъ картузъ, облокотился о колонну и съ какимъ-то трепетнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на Петра Петровича.

Послѣдній нѣсколько поблѣднѣлъ, глаза его сверкали, волосы на головѣ торчали, минуты двѣ-три онъ не могъ двинуться съ мѣста, наконецъ всталъ, очень близко подошелъ къ гостю и судорожно стиснулъ его руку.

— Кто говорилъ, кто, назови мнѣ этого подлеца! Назови! Я знать хочу, грозно требовалъ онъ, стараясь говорить тише, отчего голосъ его выходилъ какимъ-то шипящимъ.

Бѣдный Сергѣй Матвѣичъ окончательно струсилъ.

— Смилуйтесь, ваше превосходительство, смилуйтесь, дѣвчонка глупая, ничтожная, вниманія не стоитъ... смилуйтесь,

ваше превосходительство... твердилъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Дуракъ! крикнулъ Петръ Петровичъ, смиловаться! дочь порочатъ... Торгуютъ именемъ честной дѣвушки... Меня негодяемъ оглашаютъ, меня, дожившаго до сѣдыхъ волосъ, заслужившаго вездѣ уваженіе; и вдругъ здѣсь въ этой грязи, въ трущобѣ, какая нибудь мелюзга, гадина, осмѣливается распускать гнусную сплетню, выводить подлую ложь, чернить, позорить мое безпорочное, ничѣмъ не запятнанное имя... Что я такое, дрянь, чиновничишка изъ приказа, свистунъ, семинаристъ?.. Онъ остановился и перевелъ духъ. Я ихъ раздавить могу! Я ихъ научу завидовать, я имъ покажу что я значу я... я!.. Какой ты отецъ, дуракъ, пошлый дуракъ! заключилъ онъ, отнявъ свою руку, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по террасѣ.

Сергѣй Матвѣичъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, онъ стоялъ блѣдный какъ смерть и шевелилъ губами.

Петръ Петровичъ снова остановился противъ него.

— Что ты сказалъ этимъ негодяямъ, продолжалъ онъ, заглушая одни слова другими, что сказалъ, что?.. Какъ оправдалъ меня?.. дочь свою?.. вѣдь ты зналъ что это ложь, клевета, мерзость!..

— Виноватъ, ваше превосходительство, зналъ, все зналъ! плачевнымъ, дрожащимъ голосомъ пробормоталъ Сергѣй Матвѣичъ.

— Старый дуракъ! снова крикнулъ Петръ Петровичъ, пожалъ плечами, плюнулъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но только нетерпѣливо махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй Матвѣичь тотчасъ воспользовался его отсутствіемъ, шмыгнулъ съ лѣсницы, задѣлъ ногою за горшокъ съ цвѣтами, уронилъ его и почти бѣгомъ отправился во-свояси.

Калатырниковъ долго не могъ успокоиться, все лице его судорожно подергивалось, онъ выслалъ торчащихъ у дверей лакеевъ, прогналъ камердинера, подошедшаго къ нему съ какимъ-то вопросомъ, выпилъ нѣсколько стакановъ воды и долго ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, кабинету и гостиной. Голова его была опущена внизъ, брови нахму-

рились, уста что-то бормотали, порой онъ останавливался, теръ руками лобъ, ерошилъ волосы.

— Подлость... зависть проклятая, зависть, повторялъ онъ самъ съ собою; какъ наказать?.. какъ?.. обругать?.. мало!.. какъ молчать заставить, доказать свою волю?.. озолочу, облагодѣтельствую, пусть трещатъ, трещите проклятые, мое добро, что хочу то и дѣлаю, сожгу, если нужно; свинью на диванъ посажу и той поклонитесь, болтуны, языки мерзкіе, меня на свой ладъ передѣлать, испугать хотите; замолчите, подавитесь!.. Всѣмъ надѣлю, замужъ выдамъ!.. Онъ вдругъ остновился какъ вкопанный. Что жъ скажутъ?.. скажутъ, любовницей была, потому и надѣлилъ... Черти! вамъ нужно ротъ замазать, чтобъ пикнуть никто не смѣлъ. Все равно! Зажму, зажму! продолжалъ онъ съ разстановкой, какъ бы что обдумывалъ; кто мѣшаетъ, никто, что отецъ!.. отецъ вздоръ, я царь самъ себѣ, царь своей воли!

Онъ прошелся еще разъ взадъ и впередъ по комнатамъ.—Что взяли? Что? произнесъ онъ торжественно и вдругъ засмѣялся, только лице его было менѣе угрюмо, оно даже какъ-то ядовито улыбалось, казалось онъ на что-то рѣшился, мысленно побѣдилъ этихъ мелкихъ завистниковъ, выдумалъ имъ наказаніе и заранѣе наслаждался его поражающимъ эффектомъ.

Во снѣ ему мерещилась какая-то дѣвушка, ласкаетъ она его, руки цѣлуетъ, благодѣтелемъ называетъ, а сосѣди помѣщики какъ шмели вьются около нея, ползаютъ передъ ней, сплетничаютъ, завидуютъ, выдаютъ другъ-друга, умоляютъ о помилованіи.

На другой день утромъ, какъ только проснулся Петръ Петровичъ, тотчасъ-же приказалъ позвать къ себѣ Сергѣя Матвѣевича. Послѣдній скоро явился. Лице его выражало полное безпокойство, брови двигались, глаза жалобно смотрѣли на генерала. Онъ было остановился въ дверяхъ, но получивъ приказаніе садиться, проворно опустился на стулъ.

Петръ Петровичъ долго ходилъ, съ озабоченнымъ видомъ, скрестивъ руки на груди, взадъ и впередъ по кабинету, какъ будто приготовлялся къ чему-то; Сергѣй Матвѣичъ ворочалъ въ хомутѣ голову и изъ подлобья посматри-

валъ то на него, то на двери; наконецъ первый остановился противъ послѣдняго.

— Серга Матвѣичъ! торжественно произнесъ онъ, отвѣчай мнѣ на мои вопросы, прямо, чистосердечно, безъ запинокъ, положа руку на сердце, такъ какъ бы ты исповѣдывался милосердому Богу, какъ бы говорилъ съ пастыремъ церкви.

Петръ Петровичъ въ важныхъ случаяхъ любилъ выражаться цвѣтисто.

— Во первыхъ, я знаю, что ты не осмѣлишься лгать мнѣ; но нѣтъ ли здѣсь какого недоразумѣнія... быть можетъ, ты не совсѣмъ понялъ то, что̀ изволилъ сообщить вчера?

— Все понялъ, ваше превосходительство, нельзя не понять, а только не губите, ваше превосходительство, дѣло такое!.. тихо опустивъ голову, отвѣтилъ Сергѣй Матвѣичъ, привсталъ и низко поклонился.

— Молчи!.. и все было именно такъ, какъ ты вчера докладывалъ, т. е. тебя попрекали, что ты продаешь родную дочь свою Аринушку мнѣ старому развратнику, генералъ-маіору въ отставкѣ, Петру Петровичу Калатырникову?

— Такъ точно, ваше превосходительство; но *старому развратнику* не говорили, кто осмѣлиться можетъ, а просто Петру Петровичу говорятъ...

— Кто именно упрекалъ тебя?

— Всѣ, ваше превосходительство, ей Богу всѣ; ты, говорятъ, чужой хлѣбъ ѣшь, мало тебѣ... дочерью торговать вздумалъ!.. Бубеницынъ тутъ былъ, Иванъ Афонасьичъ были; Анна Петровна съ дочкой, Константинъ Семеновичъ изъ подъ Залѣсія пріѣхавши были, тоже братецъ Константина Семеновича, Семенъ Семенычъ, всѣ были.

Петръ Петровичъ нахмурилъ брови и снова сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Ты дворянинъ? вдругъ спросилъ онъ? вторично остановившись передъ гостемъ.

Послѣдній поднялъ голову. — Какъ знать изволите! Дворянинъ, отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Петръ Петровичъ очень хорошо зналъ всю родословную Сергѣя Матвѣича и Богъ знаетъ почему вздумалъ объ ней

распрашивать.—Въ гражданской службѣ служилъ? продолжалъ онъ, съ чиномъ губерискаго Секретаря въ отставку уволенъ, такъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, въ 37-мъ году уволенъ, въ уѣздномъ судѣ служилъ, и теперь тамъ товарищи есть, помнятъ меня.

— А жена дворянка была?

Сергѣй Матвѣичъ недоумѣвалъ и выпуча глаза смотрѣлъ на Калатырникова.

— Жена дворянка была? довольно строго повторилъ послѣдній.

— Духовнаго званія, ваше превосходительство, поспѣшно отвѣтилъ гость; отца Никиты дочка, что на Воздвиженскомъ погостѣ священникомъ былъ.

Петръ Петровичъ крякнулъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, остановился, высморкался, опустился въ большое вольтеровское кресло и устремилъ глаза на гостя.

Послѣдній спряталъ свою голову въ галстукъ до самаго носа.

— Слушай, Серга Матвѣичъ, началъ хозяинъ какимъ то торжественнымъ оффиціальнымъ тономъ: дожилъ я, братецъ, до сѣдыхъ волосъ, заслужилъ генеральскій чинъ и всегда во всемъ привыкъ исполнять одну свою волю; чужихъ совѣтовъ, чужаго участія терпѣть не могу; еслибъ мнѣ сказали: Петръ Петровичъ, обласкай, награди Сергу Матвѣича, я бы напротивъ обругалъ и выгналъ его; еслибъ мнѣ сказали, выгони Сергу Матвѣича, я бы пріютилъ его... понимаешь, я для примѣра говорю, таковъ мой характеръ; можетъ быть мнѣ было бы и жаль тебя, ничего не значитъ, я все таки обругалъ бы тебя и выгналъ; еслибъ сосѣди вздумали попрекать меня, что я ничего не дѣлаю для твоей дочери, я бы никогда ничего и не сдѣлалъ ей, этимъ попрекомъ они вынудили бы меня поступить даже противъ моего желанія; случилось на оборотъ—ваше счастье!.. дуракамъ стало завидно, что старикъ сказалъ ласковое слово дѣвушкѣ; они вздумали очернить, замарать ее, сдѣлать подлецомъ отца, а я заставлю ихъ кланяться этой дѣвушкѣ, ползать передъ ней, цѣловать ея руки, завидовать ей впол-

нѣ. Онъ на минуту остановился и взглянулъ на гостя: послѣдній сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову и уставивъ глаза въ полъ. Можетъ быть эта рѣшительность глупа, нелѣпа! Все равно, она моя! Что для другихъ черно—будетъ для меня бѣлымъ, понимаешь?.. Скажи твоей Аринушкѣ, чтобъ къ свадьбѣ готовилась, я женюсь на ней! докончилъ Петръ Петровичъ съ полною увѣренностью, совершенно хладнокровно, какъ будто приказывалъ купить какую-нибудь рублевую вещь для домашняго обихода.

Сергѣй Матвѣичъ поднялъ голову, въ недоумѣніи взглянулъ на хозяина, заморгалъ глазами, привсталъ, низко поклонился и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Какъ вашему благоденствію угодно, за все будемъ вѣчно Бога молить; извѣстно, за мужемъ все лучше, заступа есть; чиновникъ тутъ въ судѣ служитъ, добрый человѣкъ, не пьющій, только что жалованье ничтожное получаетъ, всего четыре рубля въ мѣсяцъ.

— Какой чиновникъ, что ты вздоръ бредишь; я тебѣ говорю: скажи Аринушкѣ чтобъ къ свадьбѣ готовилась, я женюсь на ней! твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ повторилъ Петръ Петровичъ.

Сергѣй Матвѣичъ разинулъ ротъ, точно услышалъ что-то совершенно чудное, положительно невозможное.

— Опалѣлъ, ваше превосходительство, не пойму—отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какъ-будто просилъ о помилованіи.

Петръ Петровичъ нетерпѣливо повернулся на креслѣ. Какъ не пойму! Я тебѣ говорю, что я, понимаешь, я—онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь—я—Петръ Петровичъ Калатырниковъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, владѣтель села Петровокъ, женюсь на твоей родной дочери Аринѣ. Ну, понятно? чуть не по складамъ повторилъ онъ.

— Понятно, ваше превосходительство, отвѣтилъ Сергѣй Матвѣичъ, не спуская глазъ съ хозяина и, вдругъ замѣтивъ на его лицѣ улыбку, разразился тонкимъ, дребезжащимъ смѣхомъ!

Калатырниковъ нахмурилъ брови.

— Смѣяться нечему; глупо смѣяться; я тебѣ говорю

безъ смѣха; ты отецъ, потому и говорю, а то и безъ тебя сдѣлаю! довольно строго замѣтилъ онъ.

Сергѣй Матвѣичъ принялъ серьезную мину. Онъ, кажется, ничего не сознавалъ, ничего не помнилъ и только чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то совершенно необыкновенное.

— Виноватъ, ваше превосходительсто, виноватъ, осмѣлился, смѣшное очень расказать изволили.

— Какъ смѣшное? Дуракъ ты, что-ли, я на твоей дочери жениться хочу, крикнулъ хозяинъ.

Гость вздрогнулъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, твердилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, не губите, помилосердуйте; какая дочь, дѣвчонка... дрянь,.. дѣвчонка просто; ей пригрезилось, вотъ она съ ума и сошла; она на тронъ полѣзетъ, съ дуру королевой вздумаетъ быть. Я не виноватъ, ей Богу не виноватъ, плюньте вы на нее, ваше превосходительство отца не губите! тихо добавилъ онъ, со слезами на глазахъ.

На лицѣ Петра Петровича выразилась досада, онъ готовъ былъ не на шутку разсердиться, однако преодолѣлъ себя, улыбнулся, подвинулся ближе къ Сергѣю Матвѣичу и взялъ его за руку.

— Перестань ревѣть, не объ чемъ; радоваться долженъ: Я тебѣ сказываю, что женюсь на твоей дочери, на зло всѣмъ этимъ дуракамъ, которые осмѣлились чернить ее, завидовать ей, понимаешь? Я хочу этого, а если я чего хочу, если разъ что забралъ себѣ въ голову, ты вѣдь знаешь меня, стало быть и говорирь нечего. Поди, всѣмъ объяви, что твоя дочь моя невѣста. Въ колокола звони! Я воображаю, какъ они рты разинутъ. Онъ захохоталъ и выпустилъ руку Сергѣя Матвѣича.

Послѣднiй рѣшительно не зналъ, что отвѣчать, что дѣлать; онъ готовъ былъ и плакать, и смѣяться. Голова его кружилась, въ ушахъ звенѣло, глаза тупо смотрѣли на все окружающее, губы что-то бормотали.

Зато Петръ Петровичъ былъ повидимому совершенно доволенъ пораженiемъ своего гостя, въ этомъ пора-

женіи онъ видѣлъ свое величіе, свое право казнить и миловать, свою неизрѣченную милость, свой капризъ, свою ничѣмъ не стѣснимую барскую волю. Онъ продолжалъ сидѣть молча, вытянувъ ноги, опрокинувъ назадъ голову и торжествующими, улыбающимися глазами смотрѣлъ на Сергѣя Матвѣича, точно говорилъ ему: вотъ чего я достигъ; могу тебя въ тряпку растереть, могу озолотить, въ люди вывести.

Послѣдній нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ какъ будто всѣ члены его отказались дѣйствовать; но вдругъ опомнился, взялъ себя за голову, зарыдалъ какъ сумасшедшій и повалился въ ноги Калатырникову.

II.

А между тѣмъ на концѣ барской усадьбы, недалеко отъ вновь выстроенной каменной церкви, на крыльцѣ маленькаго деревяннаго домика, очень похожаго на простую избу, сидѣла, подперевъ обѣими руками голову и устремивъ глаза въ даль, дѣвушка лѣтъ 20-ти, та самая Аринушка, которой судьба такъ неожиданно и самовластно рѣшалась въ кабинетѣ Петра Петровича. Смуглое, матовое лице ея, отличалось южнымъ типическимъ оттѣнкомъ и походило на лице цыганки; щеки не блестѣли румянцемъ, а были совершенно блѣдны; физіономія выражала теплую, задушевную, глубокую думу, горячее воспріимчивое сердце. Во всей фигурѣ дѣвушки, въ каждой складкѣ ея платья, въ обнаженныхъ загорѣлыхъ рукахъ, въ небрежно зачесанныхъ, черныхъ какъ смоль, волосахъ, въ желтомъ блѣдномъ цвѣтѣ лица проглядывало что-то рѣзкое, оригинальное, полудикое, совершенно отличное отъ другихъ женщинъ. Она походила на непроницаемую теплую ночь, на такую ночь, въ которую только человѣкъ привычный ступаетъ прямо, не боясь оступиться. При внимательномъ взглядѣ на эту дѣвушку такъ и хотѣлось изучить, разгадать ее какъ что-то рѣдкое, своеобразное, не подходящее подъ обыкновенный уровень. Въ каждомъ человѣкѣ есть своя особенность, свое нѣчто отличное; но

здѣсь эта особенность кидалась въ глаза, ложилась широкою кистью. Большіе голубоватые бѣлки черныхъ глазъ Аринушки рѣзко отдѣлялись отъ смуглаго лица и жгучо, пристально, какъ-то пытливо глядѣли изъ подъ тонкихъ бровей, большой лобъ замѣтно выдался впередъ; въ складѣ губъ было что-то и насмѣшливое, и печальное. Вообще трудно было сказать, хороша или дурна она, до такой степени было подвижно и измѣнчиво лицо ея. Иногда всѣ любовались ею, находили ее красавицей, а иногда Богъ ее знаетъ, та да не та совсѣмъ; и глаза смотрятъ вяло, и носъ изъ прямаго да правильнаго широкимъ сдѣлается, и губы сожмутся и какъ-то непріятно вытянутся. Зато каждое движеніе Аринушки выражалось до такой степени правильно, симпатично, впечатлительно, что заражало собою каждаго даже совершенно посторонняго человѣка; она смѣялась такимъ звучнымъ, веселымъ, живымъ смѣхомъ, что нельзя было вмѣстѣ съ ней не смѣяться; она плакала и горевала такъ искренно, такъ больно, что даже дѣти, глядя на нее въ такую минуту, переставали играть, со страхомъ и сожалѣніемъ смотрѣли на нее, точно хотѣли раздѣлить ея слезы.

Одѣвалась Аринушка очень бѣдно. Кромѣ простаго чернаго платья другихъ не знала; на головѣ носила, въ видѣ косынки, красный шелковый платокъ, а иногда, когда была въ духѣ, закладывала за уши пучьки васильковъ да незабудокъ.

По характеру Аринушка, еще болѣе чѣмъ по наружности, рѣзко отличалась отъ другихъ женщинъ; по крайней мѣрѣ въ ней не было этихъ мелочныхъ оттѣнковъ женской натуры. Она нетолько не любила наряжаться, но даже непонимала этого удовольствія, никогда не мечтала о немъ; не знала, что значитъ искусно, кокетливо причесать волосы, надѣть какую-нибудь вещь такъ, чтобъ она въ глаза бросилась.

Случалось, что кто-нибудь изъ сосѣдей, сжалившись надъ бѣдной дѣвушкой, дарилъ ей какіе-нибудь старенькіе обноски, она тотчасъ ихъ рѣзала, кроила, передѣлывала на свой ладъ, иногда шила изъ нихъ что-нибудь совершенно ненужное или отдавала нищимъ, еще болѣе бѣднымъ, чѣмъ была сама. Держала она себя просто, всегда одинаково; ка-

залось, для нея не существовало никакого между людьми различія; она не знала ни высшихъ, ни низшихъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. На мущинъ смотрѣла прямо, открыто, никому не старалась нравиться, незадумывалась о будущемъ замужествѣ; въ зимніе крещенскіе вечера не гадала о суженомъ-ряженомъ. Правда, быть можетъ, это происходило отъ замкнутости и уединенности той сферы, въ которой жила Аринушка. Будучи малымъ ребенкомъ она лишилась матери, выросла на волѣ какъ Богъ велѣлъ, безъ мамушекъ и нянюшекъ; никто не училъ, не наставлялъ ее какъ жить, думать и дѣйствовать, чего остерегаться, какъ держать себя въ томъ или другомъ случаѣ: она заняла отъ людей только то, что видѣла вокругъ себя, а видѣла очень мало; съ мужиками да бабами не водилась потому, что была дворянскаго рода; вниманія господъ сосѣдей не удостоилась потому, что была слишкомъ бѣдна и ничтожна. Ее выростила и воспитала природа, а постоянное уединеніе пріучило думать, углубляться въ самую себя, рѣшать всѣ жизненные вопросы своимъ здравымъ, чистымъ умомъ да теплымъ сердцемъ. Окружающій міръ представлялся ей эффектной, заманчивой, театральной декораціей: она смотрѣла на него, даже любовалась имъ издалека, но не завидовала этому міру, отнюдь не думала о возможности войти въ него. Ни горя, ни заботъ не знала Аринущка; она такъ сроднилась со всевозможными лишеніями, такъ привыкла къ своей бѣдности, что даже любила ее, смотрѣла на нее какъ на что-то родное, близкое. Она была всегда весела, а если огорчалась когда, то вещами самыми пустыми, нестоющими никакого вниманія; беззаботно бѣгала по полямъ, беззаботно пѣла, сидя на крыльцѣ своего дома, иногда рѣзвилась, прыгала какъ малый ребенокъ. Работы она почти никакой не знала да и работать было нечего; все удовольствіе ея заключалось въ какихъ-нибудь цвѣтахъ, посѣянныхъ въ огородѣ, хорошей погодѣ, въ жгучемъ солнцѣ, въ живой, лихорадочной прогулкѣ по окрестностямъ. Она уходила то въ лѣсъ, то въ поле, путалась въ высокой ржѣ, въ густомъ кустарникѣ, карабкалась по крутизнамъ, по каменьямъ, веселилась сама съ собою, не имѣла ни подругъ, ни знакомыхъ, любила только отца и любила такъ нѣжно,

такъ сильно, что бѣдный старикъ иногда терялся и не зналъ, какъ отвѣчать на ласки дочери.

Отецъ Аринушки, Сергѣй Матвѣичъ Крупкинъ, честный, запуганный жизнью бѣднякъ, лѣтъ десять тому назадъ сильно пострадалъ на службѣ, безъ прошенія былъ уволенъ въ отставку и лишился послѣдняго куска хлѣба. Чтобъ не умереть съ голоду, бѣдный старикъ принялся было за ремесло: сталъ клеить какія-то коробочки, но и ремесло не посчастливилось ему—глазами ослабъ. Отправился онъ съ дочерью въ уѣздъ по мытарству, искать у помѣщиковъ какого-нибудь мѣста, но ничего не нашелъ; всякій, посмотрѣвъ на аттестатъ Сергѣя Матвѣича, на его красное небритое лице, оборванное платье, только подозрительно улыбался, качалъ головой, давалъ гривенникъ денегъ и отъ мѣста отказывалъ. Что было дѣлать, куда дѣться, какъ прокормить ребенка? Взглянетъ бывало на него Сергѣй Матвѣичъ, да такъ слезами и зальется, а Аринушка, какъ ни въ чемъ не бывало, скачетъ, прыгаетъ, пѣсни поетъ, да развѣ иногда хлѣбца попроситъ. Пріютился Крупкинъ у простаго мужика въ деревнѣ, хлѣбалъ съ нимъ изъ одной плошки, спалъ на печи подъ рогожей, бороду отростилъ, какъ вдругъ вышло на него благословеніе Божіе. По уѣзду разнесся слухъ, что прибылъ въ свое имѣніе какой-то новый, небывалый здѣсь помѣщикъ, Петръ Петровичъ Калатырниковъ, что творитъ онъ чудеса, сыплетъ золото, надѣляетъ бѣдныхъ. Сергѣй Матвѣичъ настрочилъ какую-то бумагу, взялъ дочь, обмылъ, причесалъ ее, самъ обчистился, перекинулъ черезъ плечо катомку, отравился въ Петровки и бросился въ ноги къ ея владѣльцу. Съ тѣхъ поръ участь Крупкина была рѣшена, положеніе его вдругъ улучшилось. Неприступный Петръ Петровичъ принялъ въ немъ участіе, погладилъ Аринушку, далъ нѣсколько рублей денегъ, отвелъ для жительства флигелекъ въ концѣ своей усадьбы, а впослѣдствіи, когда бѣднякъ своею запуганностію, своимъ страхомъ и трепетомъ окончательно полюбился его превосходительству, послѣдній даже назначилъ ему хотя небольшое, но постоянное годовое содержаніе. Сергѣй Матвѣичъ блаженствовалъ, считалъ себя совершенно счастливымъ и не зналъ какъ молиться за своего благодѣтеля.

Особенной какой-нибудь обязанности не было возложено на Крупкина. Петръ Петровичъ всегда говорилъ ему: я тебя не для должности держу, мнѣ твоей работы не надо; такая воля моя, потому что ты покорный и преданный человѣкъ, добро чувствуешь, потому и держу; хочешь, въ церкви свѣчи ставь, за порядкомъ смотри, псалтырь читай... это твое доброе дѣло, а заставлять не стану. Иногда только Колотырниковъ посылалъ Сергѣя Матвѣича къ нѣкоторымъ помѣщикамъ, посылалъ въ такихъ случаяхъ, когда самому ѣхать не хотѣлось, а послать лакея казалось неловкимъ. Пользуясь такимъ назначеніемъ, Крупкинъ успѣлъ заслужить особенное благорасположеніе большинства сосѣдей; только немногіе изъ нихъ, преимущественно люди завистливые, осмѣливались составлять оппозицію, косились на него, взводили небылицы, называли сплетникомъ, упрекали чужимъ кускомъ хлѣба, дочерью и прочимъ. Такъ жилъ Сергѣй Матвѣичъ тихо, мирно, безпечно, словно въ награду за свои прежнія страданія; любовался дочерью, радовался, слушая ея пѣсни, ея смѣхъ беззаботный и, казалось, не сознавалъ лучшей жизни или по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на нее, какъ на что-то чудное, недосягаемое,—такъ пожалуй, какъ человѣкъ смотритъ на солнце.

Аринушка все сидѣла на крыльцѣ; она давно перестала думать, шалила, щурила глаза, смотрѣла на небо; физіономія ея весело улыбалась, глаза свѣтились радостью, косынка съ головы свалилась, волосы растрепались и длинными космами падали на грудь и плечи.

У ногъ ея вертѣлась и махала хвостомъ большая дворовая собака.

— Гдѣ ты была Жучка, гдѣ? Съ папенькой ходила, говорила Аринушка, одною рукою трепля собаку, а другою грозя ей—тебя не пустили туда, ты грязная, ай какая грязная, грязная, скверная! Она вздохнула и шутя, какъ бы съ сожалѣніемъ, головой покачала. Туда намъ нельзя ходить, не велѣно; тамъ господа, большіе господа, богатые, продолжала она шутливымъ тономъ—кланяясь передъ собакой — знаешь, тамъ старикъ живетъ, сердитый, строгій такой; помнишь, здѣсь проходилъ, помнишь? а ты за-

лаяла на него. Какъ ты смѣла, а? Стыдно Жучка, стыдно, на него нельзя лаять, ты за меня заступилась, думала онъ обидитъ меня, онъ не обидитъ, онъ намъ хлѣбъ даетъ, все даетъ! Ты Жучка не смѣй лаять, не смѣй, будешь лаять—тебя высѣкутъ, больно высѣкутъ, убить велятъ, а я плакать буду, горько плакать! добавила она съ сожалѣнiемъ и въ самомъ дѣлѣ чуть не заплакала, по крайней мѣрѣ глаза ея на минуту сдѣлались влажными. Потомъ она проворно вскочила, спрыгнула съ крыльца, нагнулась къ кусту махроваго шиповника и принялась обрывать его. Собака расположилась на солнцѣ и сонными подслѣповатыми глазами глядѣла на госпожу свою.

Прошло нѣсколько минутъ. Аринушка все въ кустѣ рылась; густая зелень совершенно скрывала ее и вдругъ она выпрямилась, залилась звучнымъ веселымъ смѣхомъ, такъ что даже Жучка встрепенулась и хвостомъ замахала.

Голова Аринушки вся была усѣяна цвѣтами шиповника.

Хорошо, Жучка, хорошо? твердила она съ какимъ-то совершенно дѣтскимъ восторгомъ, разставляя руки и любуясь сама собой—чудо какъ хорошо! Чудо! повторила она, принимая важную позу; потомъ вскочила на скамью, стоявшую передъ домомъ, и приставила въ видѣ зонтика ладонь ко лбу.

— Папенька идетъ, папенька! Жучка встрѣчай! Папенька! произнесла она радостно, прыгнула на крыльцо и, придерживая рукою цвѣты на головѣ, вбѣжала во внутрь дома.

Сергѣй Матвѣичъ противъ обыкновенiя шелъ очень скоро, мѣстами даже бѣжалъ; онъ весь запыхался, лице его было совершенно красное, волосы на головѣ слиплись, глаза смотрѣли дико. Дойдя до дома онъ на минуту остановился, засмѣялся самъ съ собою, перевелъ духъ, отеръ руками лобъ, проворно вбѣжалъ на крыльцо и на порогѣ встрѣтился съ дочерью. Войдя въ комнату онъ почти упалъ на скамью, ничего не могъ говорить, тяжело дышалъ и выпуча глаза, съ какой то двусмысленной улыбкой, смотрѣлъ на Аринушку.

Прошло нѣсколько минутъ, никто не рѣшился заговорить. Дочь съ удивленiемъ смотрѣла на отца; цвѣты съ головы

ея свалились. Сергѣй Матвѣичъ не могъ выговорить ни слова.

— Папенька! произнесла наконецъ первая въ недоумѣніи и весело улыбнулась.

Старикъ привскочилъ на скамью, захохоталъ какъ сумасшедшій, потомъ вдругъ зарыдалъ и повалился ей въ ноги.

— Аринушка! матушка, царица, золото, счастье, счастье! шепталъ онъ, заглушая слова свои то смѣхомъ, то плачемъ и цѣлуя ноги дочери; сонъ это, одурѣлъ... радость... Не вѣрю ничему, не вѣрю!

Физіономія Аринушки вдругъ измѣнилась, улыбка пропала, волосы растрепались, безъ того блѣдное лице поблѣднѣло еще болѣе; она неподвижными, сверкающими глазами глядѣла на отца и силилась оттащить, успокоить его.

— Папенька! говорила она, усаживая старика на лавку и цѣлуя его голову, говори, Христа ради, опомнись, что случилось? Какая радость? Какое счастье?

Сергѣй Матвѣичъ перевелъ духъ.

— Цыганка правду сказала, правду!.. говорилъ онъ, стараясь придать своему голосу возможное спокойствіе—ты богачиха, Аринушка, ты барыня, генеральша, королева! Петровка твоя, все твое, садъ, домъ, крестьяне, все, все!.. Я твой, я твой... повторилъ онъ, замоталъ головой, закрылъ лице руками и глухо засмѣялся.

Аринушка попятилась назадъ; всѣ члены ея дрожали; физіономія какъ то судорожно двигалась, глаза такъ смотрѣли на Сергѣя Матвѣича, какъ-будто хотѣли на-сквозь проникнуть его душу, заглянуть, что за чепуха въ ней происходитъ.

— Папенька! еле слышно прошептала она, очнись, Христа ради!

— Нѣтъ, не во снѣ—на яву, все на яву! продолжалъ отецъ. Господь вознесъ, наградилъ, возвеличилъ; вотъ этимъ мерзавцамъ, вотъ, вотъ! Онъ сдѣлалъ изъ пальцевъ правой руки какую-то фигуру и показалъ ею въ окно. Петръ Петровичъ женится на тебѣ, женится, женится! неистово крикнулъ онъ и всплеснулъ руками.

Аринушка остолбенѣла.

— Кто женится? Какъ женится?!.. какъ-то неопредѣленно, съ большимъ усиліемъ произнесла она.

— Благодѣтель, Петръ Петровичъ, на тебѣ женится! снова повторилъ отецъ и вдругъ схватился за боковой карманъ и дрожащею рукою вытащилъ изъ него пачку ассигнацій.

— Вотъ, вотъ, говорилъ онъ, показывая ее дочери, смотри, смотри! Радуйся!.. приданое мое, все мое; а это, что знаете, сами сдѣлайте, на гостинцы, говоритъ, на гостинцы!.. Видала ли ты деньги такія, видала! Страшно, страшно! Онъ судорожно прижалъ пачку къ губамъ, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее, потомъ принялся считать деньги.

Лице его покрылось пятнами; крупныя капли пота текли по немъ; глаза бѣгали—по мѣрѣ счета руки тряслись болѣе и болѣе.

Аринушка не могла стоять. Ноги у ней подкосились, въ глазахъ потемнѣло, она опустилась на лавку.

— Пятьсотъ рублей!, вдругъ крикнулъ Сергѣй Матвѣичъ такъ громко, какъ не кричалъ отъ-роду.

Аринушка вздрогнула и открыла глаза.

Въ комнату вошелъ Петръ Петровичъ.

Онъ остановился на порогѣ, лице его пріятно улыбалось, во всей физіономіи было что-то величественное, глаза блестѣли. Казалось, онъ пришелъ сюда затѣмъ, чтобъ еще разъ насладиться смущеніемъ бѣдныхъ людей, окончательно поразить своею неизрѣченною милостію, собственными глазами убѣдиться съ какимъ потрясающимъ эффектомъ радости приметъ невѣста его предложеніе, какъ, пожалуй, бросится ему въ ноги, назоветъ образцомъ человѣчества, обцѣлуетъ его старыя жилистыя руки.

— Богъ помочь!.. Гость нежданый, произнесъ онъ весело и сдѣлалъ три шага впередъ.

Сергѣй Матвѣичъ испугался, вскочилъ съ лавки; рука его судорожно сжала деньги, старалась засунуть ихъ въ карманъ. Онъ засуетился, бросился за стоявшимъ въ углу стуломъ, вытеръ его полою сертука и подставилъ гостю.

Аринушка съ трудомъ поднялась и облокотилась на столъ.

Глаза ее были опущены внизъ, на щекахъ горѣлъ никогда небывалый румянецъ, грудь высоко подымалась. Она бы-

ла очень хороша въ эту минуту: на большихъ рѣсницахъ блестѣли двѣ слезы, лице было величаво спокойно, физіономія выражала какую-то робкую дѣтскую покорность; длинные черные волосы совершенно распустились, у правой щеки—въ нихъ торчалъ уцѣлѣвшій цвѣтокъ шиповника.

Калатырниковъ пристально глядѣлъ на нее.

— Смилуйтесь, ваше превосходительство, смилуйтесь, твердилъ Сергѣй Матвѣичъ, увиваясь около гостя, опомниться не можетъ.

— Аринушка, благодѣтель здѣсь! Въ ноги, Аринушка, въ ноги!

Петръ Петровичъ строго взглянулъ на отца и подошелъ къ дочери.

— Вамъ извѣстно мое желаніе? спросилъ онъ любуясь смущеніемъ дѣвушки.

— Извѣстно!... очень тихо отвѣтила она. Я не повѣрила папенькѣ; я думала, онъ съ ума сошелъ.

Петръ Петровичъ самодовольно улыбнулся. — Отъ чего же? спросилъ онъ.

— Отъ того что нельзя повѣрить, что и сна такого присниться не можетъ.

— А теперь вѣрите?

— Должна вѣрить! Должна, по прежнему отвѣтила она и вдругъ зарыдала.

Петръ Петровичъ взялъ ее за руку. Полно-те, Аринушка, успокойтесь, произнесъ онъ съ видимымъ участіемъ, но въ душѣ очень довольный слезами дѣвушки: грѣшно, такая хорошенькая, очень хорошенькая. Развѣ не нравлюсь я вамъ? Я не старъ еще, право, не старъ; невѣстѣ стыдно плакать!

Аринушка проглотила слезы, подняла глаза и взглянула на Колотырникова.

Все дѣтское, ребяческое вдругъ изчезло въ ней. Въ эту минуту она была женщиной въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Помилосердуйте, ваше превосходительство, произнесла она твердымъ, умоляющимъ голосомъ, мы вамъ обязаны жизнью, готовы умереть за васъ, приказывайте! Я раба ваша.

Я бѣдная, ничтожная дѣвочка, сирота глупая, неученая! Какая я жена—слово такое выговорить страшно!

Сергѣй Матвѣичъ хотѣлъ что-то сказать, но Петръ Петровичъ прервалъ его.

— Я хочу этого, Аринушка, слышите, хочу! Не ваша забота судить о томъ, каковы вы есть. Стало быть хороши, мнѣ нравитесь, если я жениться хочу, твердо произнесъ онъ.

Дѣвушка не знала, что говорить; она смотрѣла во всѣ глаза то на отца, то на Петра Петровича, какъ-будто спрашивая у нихъ, что съ ней дѣлается, не во снѣ ли она видитъ что-то такое страшное, необыкновенное. Сердце ея стучало, слова не шли съ языка, тяжелое прерывистое дыханіе захватывало грудь.

Сергѣй Матвѣичъ трясся, вертѣлъ головой и съ какимъ то благоговѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, поглядывалъ на Колотырникова.

Послѣдній опустился на стулъ, громко высморкался; упирая руками въ палку, уставилъ на нихъ подбородокъ и устремилъ на Аринушку свои маленькіе, сѣрые, улыбающіеся глаза.

— Вотъ что, Арина Сергѣевна, началъ онъ съ разстановкой, какъ-будто хотѣлъ придать каждому своему слову особый вѣсъ и значеніе, конечно, мое предложеніе, мое желаніе должно удивить, поразить васъ; все это въ порядкѣ вещей, иначе и быть неможетъ. По всѣмъ отношеніямъ, по лѣтамъ, по положенію мы были слишкомъ далеки другъ отъ друга. Вы смотрѣли на меня какъ на своего благодѣтеля, я видѣлъ въ васъ бѣдную сироту, существующую моимъ подаяніемъ, моею милостью; мысль о женитьбѣ нетолько на васъ, но и на комъ бы то ни было, рѣдко приходила мнѣ въ голову, не потому чтобы я не могъ жениться; я зналъ, что любая дѣвушка почтетъ за счастіе отдать мнѣ свою руку. Нѣтъ... женитьба просто не казалась мнѣ необходимостью, не входила въ мои расчеты... Теперь, другое дѣло: что я рѣшилъ, то и сдѣлаю. Еслибы сегодня я вздумалъ сжечь Петровку, я бы сжегъ ее; точно также я вздумалъ жениться на васъ Арина Сергѣевна, и женюсь. Почему? Хочу такъ! Хочу, чтобъ люди глаза вытаращили; хочу свѣтъ удивить!

Я знаю, кто вы; знаю, что вы дѣвушка бѣдная, ничтожная, необразованная; все равно, посмѣются надо мной, вамъ позавидуютъ... Пускай смѣются, это мое дѣло! Я сдѣлаю васъ богатой, образованной, дамъ вамъ вѣсъ и значеніе. Я въ васъ не влюбленъ, лѣта мои не такіе чтобъ я могъ прельститься хорошенькимъ личикомъ... Все это вдругъ, сумасшествіе; я женюсь на васъ такъ изъ прихоти, изъ барской воли... ну не той ногой съ постели всталъ, ваше счастье! Вы всѣмъ будете пользоваться, всѣмъ наслаждаться; всѣ будутъ любить, уважать васъ, потому что я уважать васъ заставлю какъ жену свою. Вы были Аринушкой Крупкиной—сдѣлаетесь Ариной Сергѣевной Колотырниковой, вашимъ превосходительствомъ: порадуйтесь да поцѣлуйте меня; жениха цѣловать можно! шутя добавилъ онъ и взялъ ее за руку.

Сергѣй Матвѣичь во все продолженіе этой рѣчи фыркалъ и вдругъ неизвѣстно по чему принялся тщательно вытирать свои губы.

Аринушка стояла неподвижно, какъ статуя. Петръ Петровичь всталъ, погладилъ ее по головѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

— Будьте умницей. Теперь нужно умницей, генеральшей быть, перестать бѣгать, одѣться въ платье хорошенькое, волосы причесать, все какъ слѣдуетъ барынѣ, гордо, неприступно! произнесъ онъ полу-шутливымъ полу-серьезнымъ тономъ. Убирайся, дай ей опомниться! грозно добавилъ онъ обращаясь къ Сергѣю Матвѣичу, когда послѣдній подошелъ къ дочери.

Крупкинъ отскочилъ въ сторону, Аринушка опустилась на лавку. Она вздрагивала, тяжело дышала, да тревожными, большими глазами слѣдила за отцомъ и Петромъ Петровичемъ. Послѣдній ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вотъ что Серга, отрывисто, повелительнымъ тономъ говорилъ онъ, не обращая никакого вниманія на свою невѣсту, дай знать всѣмъ дуракамъ сосѣдямъ, что я женюсь на твоей дочери. Пусть ихъ рты разинутъ, а?.. разинутъ?.. Онъ остановился.

— То есть, осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство,

сквозь землю провалятся, отвѣтилъ Крупкинъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь.

Колотырниковъ захохоталъ.

— Провалятся, провалятся; то-то толковъ пойдетъ... А! пойдутъ толки?

— Не то что толки—шумъ подымется; и люди, и звѣри завоютъ, лѣса заговорятъ, ваше превосходительство!

— Шумъ! гвалтъ! пальба пушечная, торжественно повторилъ Колотырниковъ и снова засмѣялся. Сегодня же всѣмъ объявить, продолжалъ онъ серьезно; кто далеко — повѣстки разослать.

— Свадьбу черезъ двѣ недѣли сдѣлаемъ; музыкантовъ выписать, весь уѣздъ созвать; огласить, что такой свадьбы и небывало никогда. Пусть ихъ разоряются, обновы шьютъ, черти проклятые! Ты въ городъ отправляйся; управляющій тоже поѣдетъ. Я самъ поѣду; тамъ всѣ закупки сдѣлаемъ. Невѣсту одѣть такъ, чтобъ всѣхъ затмила; швею француженку сюда привести; здѣсь не найдешь—изъ Москвы выписать; расходовъ не жалѣть; всѣмъ кричи, ври, хвастай что хочешь, горы бриліантовыя! Онъ вдругъ остановился и оглядѣлъ Крупкина съ ногъ до головы. Ты что за уродъ? Фракъ есть? Отецъ долженъ во фракѣ быть. Сергѣй Матвѣичъ смѣшался.

— Фрака нѣтъ, ваше превосходительство, достать можно, одинъ благопріятель въ судѣ служитъ, очень робко замѣтилъ онъ.

— Дуракъ! почти крикнулъ Петръ Петровичъ. Новый сдѣлать, ты теперь долженъ помнить себя, гордиться собой.

— Виноватъ, ваше превосходительство. Можно сказать, неземнымъ человѣкомъ сталъ, отвѣтилъ Сергѣй Матвѣичъ и низко поклонился.

Нѣсколько времени еще Калатырниковъ отдавалъ приказанія, потомъ снова подошелъ къ Аринушкѣ, снова погладилъ ея голову и поцѣловалъ въ лобъ.

— Славная у тебя дочка, Серга; не стоишь ты ея. Молиться ей долженъ; самъ старичишка, дрянь, а дочка хоть куда—красавица, право красавица! замѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ и дочь были въ объятіяхъ другъ-друга.

Аринушка на-взрыдъ плакала; по щекамъ Сергѣя Матвѣича текли крупныя слезы.

— Полно, голубушка, полно,.. До слезъ ли, говорилъ послѣдній успокаивающимъ голосомъ; радость, великая радость! Счастливица, царица моя! Свѣтъ стоялъ, будетъ стоять, а такой радости не было на немъ.

Аринушка схватила обѣими руками голову отца и пристально взглянула ему въ глаза.

— Папенька, что со мной дѣлается? вопросительно произнесла она. Что тутъ, счастье или горе? жизнь или смерть! Сердце ворочается; гдѣ я... что я, ничего незнаю, ничего; мнѣ велятъ идти замужъ, я должна идти, а тамъ что? Что будетъ? Зачѣмъ женятся на мнѣ, что все это значитъ?... Страшно, добавила она и глаза ея заблистали.

Сергѣй Матвѣичъ совершенно растерялся и цѣловалъ руки дочери.

— Аринушка, матушка! отрывисто бормоталъ онъ: въ золотѣ ходить будешь, всѣхъ осчастливишь, всѣхъ спасешь, вознесешься, возвеличишься!

— Пропаду! твердо отвѣтила Аринушка.

Сергѣй Матвѣичъ вздрогнулъ, взглянулъ на дочь, она покачала головой и глубоко вздохнула.

— Ступайте, вамъ ѣхать нужно! вамъ ѣхать приказано; ступайте, всѣмъ скажите, что за счастье мнѣ выпало, мнѣ, нищей, глупой Аринушкѣ; поѣзжайте въ городъ, одѣньте, нарядите меня, нарядите лучше, какъ можно лучше; теперь жалѣть нечего! Нужно!.. нужно такъ! Поѣзжайте съ Богомъ, помолитесь, подайте нищимъ, кричите, что я замужъ выхожу, пусть всѣ радуются. Она на минуту замолчала. — Папенька, ты какіе мнѣ наряды сдѣлаешь? произнесла она вдругъ тономъ ребенка, просящаго себѣ игрушки. Онъ сказалъ, я должна вести себя какъ слѣдуетъ барынѣ—гордо, неприступно, должна волосы причесать; ты въ городѣ Дарью Ивановну съ собой пригласи, она все знаетъ, знаетъ, какъ нарядить меня. Она крѣпко поцѣловала отца, перекрестила его, и вдругъ физіономія ея совершенно измѣнилась, на губахъ

мелькнула улыбка, глаза смотрѣли такъ весело, съ такою любовью, что казалось, кромѣ радости ничего никогда и на сердцѣ у ней не было.

Зато по уходѣ Сергѣя Матвѣича это минутное душевное спокойствіе, это солнце, мелькнувшее изъ за тучь, вдругъ спряталось; въ глазахъ Аринушки сверкнула молнія; брови сдвинулись, соединились въ одну дугу, лобъ покрылся морщинами; ей сдѣлалось душно, жарко, несносно, она подошла къ окну, долго стояла передъ нимъ и тяжело дышала, какъ-будто хотѣла подкрѣпить свои силы, запастись свѣжимъ воздухомъ.

Прошло съ четверть часа. Аринушка нѣсколько успокоилась; по крайней мѣрѣ глаза ея не блуждали, а смотрѣли тихо и задумчиво; казалось, она вся сосредоточилась на какой-то мысли, ничего ни видѣла, ничего не слышала, не замѣчала, какъ любимая собака Жучка визжала и вертѣлась подъ окномъ, какъ шедшая мимо искалѣченная старуха нищая остановилась и жалобно просила Христа-ради; она все смотрѣла на два окна барскаго дома, занавѣшанные зелеными сторами, на тѣ два окна, которыя принадлежали кабинету Петра Петровича.

Боже мой! думала она, еслибъ знать годъ, два тому назадъ, можно бы было приготовить себя, научиться, многому научиться... Тамъ живутъ иначе, иначе ходятъ; туда не пускали меня, нужда и горе вырастили меня. Тамъ женщины умныя, въ пансіонахъ учились, а я... куда гожусь я? Я все дурачилась, бѣгала, мнѣ хорошо было; а теперь, Господи, Господи, что будетъ, что дальше будетъ? Она задумалась...

— Папенька, говорила она, раскажи мнѣ, научи ты меня, вѣдь я ничего, ничего не знаю, въ лѣсу словно, что мнѣ дѣлать, какъ жить, какъ вести себя?

— Какъ, что дѣлать, Аринушка, да что найдется да встрѣтится: когда за хозяйствомъ посмотрѣть, когда другое-что... Да дѣлать то нечего, потому у него на все это ключницы да камердинеры есть, всякій свое дѣло и знаетъ; такой порядокъ ужъ заведенъ, а тебѣ что, только нарядиться развѣ, барыней будешь, узнаешь, какъ вести себя, извѣстно по бар-

ски и вести; дѣло не трудное, чтобъ всякій уваженіе и боязнь къ тебѣ чувствовалъ.

— Какую же боязнь? папенька, лучше добромъ да лаской.

— Безъ боязни нельзя, на то и барыня, Безъ боязни что жъ будетъ, какой порядокъ?.. вонъ Петръ Петровичъ, какъ баринъ такъ ужъ баринъ, все что кругомъ ходитъ трепещетъ.

— Онъ добрый, у него глаза добрые!

— Знаю, что добрый, а только баринъ, такой ужъ видъ у него; нельзя, величіе барское, начальникъ!

— У меня барскаго величія нѣтъ.

— Ты женщина, отъ тебя этого и непотребуется; тебѣ по мужѣ почетъ; ты только должна уважать, слушаться его.

— Какъ слушаться?

— Извѣстно, слушаться... мужъ глава; жена да боится своего мужа, въ законѣ сказано.

— Жена должна любить мужа?

— Любить само собой, уважать, то есть исполнять волю его.

— Волю! кто любитъ, тотъ все исполнитъ, тому не нужно приказывать; я, папенька, люблю тебя и все сдѣлаю. Мнѣ кажется, что мужъ, что жена все одно, между ними нѣтъ разницы, они, что листья на деревѣ: въ нихъ одна душа, одно сердце, никто изъ нихъ ни выше, ни ниже; они любятъ другъ-друга какъ самого себя, въ этомъ ихъ счастіе, да иначе и не можетъ быть счастія!.. Намедни, баринъ тоже, что Романъ Семенычемъ зовутъ, умный, онъ читалъ много, все знаетъ, съ сосѣдомъ разговаривалъ, я и подслушала: онъ сказывалъ только тамъ счастіе, гдѣ человѣкъ уважаетъ въ другомъ самого себя, гдѣ волосъ одного не становится выше волоса другаго, гдѣ есть страхъ, тамъ нѣтъ любви, а есть обязанность, приличіе, законъ, привычка, не любовь только... За чѣмъ бояться? Кого любишь того бояться нельзя; я тебя не боюсь, папенька, потому что люблю тебя. Аринушка пытливо смотрѣла на отца какъ-будто хотѣла вызвать изъ его души сочувствіе словамъ своимъ.

— Не знаю, Аринушка, что говоришь ты, нужно жить такъ, какъ люди живутъ; въ этакомъ богатствѣ слава-те Го-

споди, не то что жить, упиваться да блаженствовать слѣдуетъ!.. отвѣтилъ Сергѣй Матвѣичъ и засмѣялся.

— Знаешь, папенька, что я думаю, продолжала дѣвушка не сводя глазъ съ отца, мнѣ кажется, я правду говорю, чувствую такъ, гдѣ мнѣ женой его быть... Нельзя этого, трудно,—онъ умнѣе, лучше меня; боюсь я его, слово скажетъ—поблѣднѣю.

Но старикъ не могъ надивиться, глядя на дочь свою.

По его мнѣнію, Аринушка должна была гордиться, радоваться да Бога благодарить за свое неслыханное счастіе, и она казалась такою задумчивою, бредила такими странными вопросами, даже похудѣла, какъ - будто приготовлялась къ чему-то страшному, точно бѣду накликала на свою голову; ни наряды, ни дорогіе подарки, ни приготовленія къ сватьбѣ повидимому нисколько не занимали ее, она если улыбалась когда, то не прежнею радостною улыбкою, а какъ-то притворно, неестественно. Правда, изъ бѣднаго чернаго платья она нарядилась въ богатое шелковое, въ ушахъ заблестѣли серги, на рукахъ браслеты, волосы на головѣ были тщательно причесаны, но все это нисколько не успокоивало дѣвушку; въ новомъ платьѣ ей было неловко, она ходила въ немъ такъ странно, точно оступиться боялась; носила его только потому, что обстоятельства заставляли носить и казалось съ радостью готова была одѣться въ привычную ей черную порыжѣлую рясу. Да и не одни платья стѣсняли Аринушку. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ проглядывала какая-то неувѣренность, она всего стыдилась, безпрестанно то краснѣла, то блѣднѣла; ей были не ловки частыя посѣщенія Петра Петровича, его разговоры, приготовленія; она не знала что отвѣчать, какъ смотрѣть, какъ держать себя, куда дѣваться отъ всеобщаго устремленнаго на нее вниманія, отъ той роли, которую она должна играть и которую играть не умѣетъ.

— Господи, Боже мой! говорила она сама съ собою, жалуясь на окружающихъ сосѣдей, что имъ за дѣло до меня; въ глаза смотрятъ, забѣгаютъ, распрашиваютъ, поздравляютъ. Развѣ я виновата въ чемъ, развѣ моя воля. Мужикъ мимо пройдетъ и тотъ оберпется, словно сговорились всѣ!

Даже приставленныя горничныя тяготили Аринушку; она не знала на что употребить ихъ, какъ обращаться. Ей было совѣстно всѣхъ, совѣстно самой себя.

Сергѣй Матвѣичь тоже томился, тоже былъ не въ нормальномъ состояніи духа; но его безпокойство происходило не отъ сомнѣнія, не отъ страха за будущее: онъ просто былъ слишкомъ счастливъ настоящимъ и до сихъ поръ не могъ переварить этого счастія, не могъ свыкнуться съ нимъ. Кровь его сильно волновалась. Нѣсколько дней сряду онъ не могъ глазъ сомкнуть, а все думалъ о своемъ благополучіи, объ удовольствіяхъ безмятежной жизни, вкусныхъ обѣдахъ, о новомъ сертукѣ и фракѣ, о той роли, которую ему играть суждено, какъ генералъ-маіорскому тестю. Иногда, оставшись одинъ въ комнатѣ, онъ какъ малый ребенокъ прыгалъ, трепалъ себя по лицу, смѣялся самъ съ собою. Даже физіономія его измѣнилась, сдѣлалась какъ-то благообразнѣе, серьезнѣе, положительнѣе; онъ заговорилъ громче, смѣлѣе, сталъ меньше кланяться, не садился на кончикѣ стула, а передъ нѣкоторыми сосѣдями держалъ себя съ необыкновеннымъ, несвойственнымъ ему величіемъ. Только въ присутствіи Аринушки до Петра Петровича Сергѣй Матвѣичъ оставался прежнимъ бѣднымъ, ничтожнымъ старикомъ; когда онъ смотрѣлъ на дочь смѣхъ замиралъ на устахъ его, радость застывала, онъ всматривался въ ея матовое, задумчивое лице и недовѣрчиво качалъ головою да шевелилъ губами.

Веселъ былъ и Петръ Петровичъ. Невѣста съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе нравилась ему; чѣмъ больше смущалась она, тѣмъ сильнѣе душа Петра Петровича трепетала отъ восторга и упоенія.

Аринушка интересовала его. Онъ видѣлъ въ ней то, что именно хотѣлъ видѣть въ женѣ, т. е. робкаго, безпрекословнаго исполнителя своей воли, всѣмъ ему обязаннаго. Онъ говорилъ: жена мужемъ красна; что мнѣ за дѣло до ея бѣдности и происхожденія. Богатства мнѣ не нужно—своего вдоволь; она ребенокъ еще, изъ нея можно все сдѣлать. Толки сосѣдей помѣщиковъ, ихъ удивленіе, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ поздравленія, иногда колкія двусмысленныя слова, иногда зависть, иногда грубая лесть—все чрезмѣрно

занимало Калотырникова, щекотало его самолюбіе, разжигало всѣ чувства. Онъ даже самъ нарочно поѣхалъ къ большей части окружающихъ сосѣдей, чтобъ нѣсколько разъ насладиться ихъ неопредѣленными возгласами, вытянутыми лицами и вытаращенными глазами.

— Я надѣюсь, господа, что вы одобрите мой выборъ; лучшаго нельзя было сдѣлать,—чудная дѣвушка, чудная... Другой такой въ губерніи нѣтъ! говорилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, глядя на какую-нибудь маменьку, окруженную взрослыми дочерьми.

— Достойная дѣвушка, достойная! повторяли сосѣди, исключая маменьки, у которой лице кривилось и ежилось.

Петръ Петровичъ хохоталъ въ душѣ и былъ совершенно счастливъ.

III.

Въ назначенный день и часъ вокругъ церковной ограды сельца Петровокъ стояло множество всевозможныхъ экипажей; тутъ были кареты, тарантасы, дрожки, линейки, одни щегольскіе, новые, другіе—большею частью самаго стариннаго, безобразнаго фасона; одна карета, выкрашенная яркою желтою краскою, запряженная шестеркою рыжихъ лошадей, очень походила на пловучій домъ; она качалась даже стоя на мѣстѣ; чтобъ залѣзть въ нее нужно было подняться по довольно высокой лѣстницѣ да съ верхней ступени прискакнуть еще; были даже какія то дроги, длинныя, широкія, очень похожія на двухспальную кровать съ занавѣскою; лошадиныя збруи въ нѣкоторыхъ экипажахъ были перевиты пестрыми лентами; кое-гдѣ торчали расписныя дуги, звенѣли бубенчики. Около экипажей толпились кучера и фарейторы въ армякахъ сѣрыхъ, синихъ, зеленыхъ, гороховыхъ, иные просто въ рубашкахъ; между ними терлись лакеи въ такихъ разнообразныхъ ливреяхъ, что ихъ можно было принять за маскарадные наряды. На плечахъ одного лежало неимовѣрное множество воротниковъ, отороченныхъ красной выпушкой, на другомъ былъ фракъ кургузый, съ

длинными широкими фалдами, на третьемъ жилетъ закрывалъ весь животъ и спускался чуть-ли не до самыхъ колѣнъ; возлѣ старика сѣдаго, небритаго, въ голубомъ засаленомъ галунчатомъ кафтанѣ съ треугольной шляпой на затылкѣ, стоялъ казачекъ мальчикъ; сзади его расположился должно быть военный человѣкъ, въ высокомъ картузѣ съ кантиками и въ сѣрой шинели съ басонами; далѣе выглядывала какая-то красная куртка, за нею фракъ очень сомнительнаго цвѣта и т. д. Былъ даже какой-то человѣкъ совершенно похожій на Китайца, съ остроконечной шляпой на головѣ, длинными, тонкими, спускающимися внизъ усами, въ пестромъ балахонѣ съ широкими рукавами. На оградѣ толпились мужики и бабы въ пестрыхъ праздничныхъ нарядахъ. Между ними шмыгали деревенскіе ребятишки, даже бородатый козелъ неизвѣстно почему суетился между людьми, бодалъ кого попало и возбуждалъ общій смѣхъ. Въ сторонѣ были устроены холщевые навѣсы съ даровыми пряниками и орѣхами. Шумъ, говоръ не умолкалъ ни на минуту и сливался въ одинъ протяжный гулъ. Въ ярко освѣщенной церкви присутствовали одни бары,—въ ней происходило вѣнчаніе Петра Петровича съ Аринушкой. Женихъ и невѣста стояли на розовомъ атласѣ, передъ налоемъ. Послѣдняя была совершенно блѣдна, лице ея походило на мраморное, до такой степени оно казалось спокойнымъ и неподвижнымъ; ни одна жилка не билась въ немъ. Черные густые локоны разсыпались изъ подъ прозрачнаго вуаля, касались щекъ и лентами падали на грудь и плечи; восковая свѣча въ рукѣ слегка дрожала, пламя ея легкою тѣнью скользило и бѣгало по лицу; бѣлое кружевное платье обхватывало статную, тонкую талью и легкими, воздушными складками спускалось внизъ. Небольшой букетъ живыхъ бѣлыхъ розъ былъ приколотъ къ груди. Ничто не блестѣло на невѣстѣ, все было бѣло, мертво, безжизненно; только небольшія бриліантовыя искорки сверкали около ушей изъ-за черныхъ локоновъ. Женихъ стоялъ гордо, торжественно, съ сіяющимъ, довольнымъ, разкраснѣвшимся лицемъ, въ генеральскомъ мундирѣ, усѣянномъ множествомъ орденовъ. Голову держалъ прямо, уставивъ глаза на священника, какъ-будто наблю-

далъ за нимъ, и взвѣшивалъ каждое его слово. Въ двухъ, трехъ шагахъ, съ лѣвой стороны отъ невѣсты вытянулся Сергѣй Матвѣичъ, вымытый, выбритый, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ, упиравшемъ въ самый подбородокъ, но уже не похожимъ на хомутъ лошадиный, и бѣломъ жилетѣ. Онъ безпрестанно поворачивалъ голову, искоса взглядывалъ то на жениха, то на невѣсту; только на гостей не глядѣлъ, и усердно клалъ земные поклоны. По сторонамъ и сзади шушукала цѣлая толпа такъ–называемыхъ поѣзжанъ. Тутъ были и старухи съ взбитыми сѣдыми пуклями или рыжеволосыми накладками на лбахъ, въ чепцахъ на подобіе каланчей, и барышни пухленькія, розовенькія, съ обнаженными, заманчивыми плечами, и заплѣснѣвшія сорокалѣтнія дѣвицы, съ прыщами на лицахъ, очень рѣдкими волосами и голубыми цвѣтами на головахъ; и мущины всевозможныхъ видовъ и оттѣнковъ, помѣщики ухорѣзы, помѣщики байбаки, многодушные, щедушные, старые, молодые, чиновные, не чиновные, въ сертукахъ, фракахъ, мундирахъ, очень похожихъ на театральные костюмы актеровъ, играющихъ роли злополучныхъ квартальныхъ и офицеровъ безъ рѣчей.

Въ сторонѣ, нѣсколько впереди гостей, около самого Петра Петровича, стоялъ, опустивъ голову и уставивъ глаза въ полъ, человѣкъ высокаго роста лѣтъ 40, въ форменномъ отставномъ военномъ сертукѣ. Загорѣлое, мужественное лице его было довольно красиво, но отличалось какою-то задумчивою суровостью; большіе, рыжеватые, опущенные въ низъ усы почти закрывали весь подбородокъ; темные волосы на головѣ были коротко выстрижены. Казалось, онъ не обращалъ никакого вниманія ни на гостей, ни на свадьбу, какъ будто думалъ о чемъ–то совершенно постороннемъ или просто дремалъ. Объ этомъ человѣкѣ, какъ о лицѣ занимающемъ не послѣднее мѣсто въ разсказѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе. Это былъ родной братъ покойной жены Петра Петровича; Романъ Семенычъ Стадкинъ, тотъ самый Романъ Семенычъ, котораго разговоръ съ сосѣдомъ подслушала Аринушка. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ имѣлъ небольшое имѣніе въ окрестностяхъ сельца Петровки и служилъ въ военной службѣ; но съ тѣхъ поръ какъ сестра его

сдѣлалась невѣстою, разсудилъ выйти въ отставку, а имѣніе и самого себя отдать въ полное распоряженіе Колотырникова. Рѣшено, сдѣлано—и Романъ Семенычъ, ограничившись небольшою пенсіею, получаемою за какую-то рану, да всѣмъ готовымъ содержаніемъ отъ Петра Петровича, навсегда поселился съ только что обвѣнчанными молодыми, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ деревнѣ. Причиною этой добровольно наложенной на себя опеки была сильная привязанность къ сестрѣ. Съ самаго своего младенчества, лишившись отца и матери, Стадкинъ отличался нѣкоторою дикостію; никого никогда не любилъ, ни одна женщина не произвела на него впечатлѣнія. Казалось, онъ ихъ считалъ ниже себя, избѣгалъ какъ-то и уважалъ только сестру, видѣлъ въ ней исключеніе, совершенство, благоговѣлъ передъ ней. Эта душевная симпатія Романа Семеныча никогда не выражалась наружно, ее выказалъ единственный случай—желаніе жить вмѣстѣ съ сестрой, но и послѣ этого желанія онъ даже обходился съ ней скорѣе сурово, чѣмъ ласково. По натурѣ добрый, съ теплою, чистою душею, горячимъ сердцемъ, Романъ Семенычъ казался совершенно не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ какъ будто боялся людей, не вѣрилъ имъ и считалъ своею обязанностью хоронить, прятать всѣ свои чувства, свои лучшія человѣческія качества. Поселившись съ Калатырниковымъ, онъ уединился въ отдѣльную, очень отдаленную комнату, иногда по нѣскольку дней сряду невыходилъ изъ нее, рѣдко съ кѣмъ и видѣлся, въ домѣ его не было слышно. Такъ онъ прожилъ 10 лѣтъ тихо, глухо, однообразно; единственнымъ развлеченіемъ его была трубка; онъ курилъ чрезвычайно много съ какою-то лихорадочною жадностью, и книги, онъ читалъ запоемъ, безъ всякаго разбору; попадалась ли Роману Семенычу какая-нибудь старинная чувствительная повѣсть, философія, путь въ царство небесное, мѣсяцесловъ, учебникъ географіи, сказка объ Еруслаиѣ Лазаревичѣ—все равно; онъ все прочитывалъ отъ строчки до строчки. Умерла сестра, Стадкинъ казалось негоревалъ особенно, невыразилъ ни ропота, ни сожалѣнія, ни на волосъ не измѣнилъ своего характера; онъ только въ нѣсколько дней постарѣлъ значительно, и продол-

жалъ жить до сихъ поръ въ сельцѣ Петровкѣ, подъ опекой Колотырникова, въ отведенномъ ему хорошенькомъ флигелѣ, также уединенно, также читалъ книги, также курилъ неистово; только каждодневныя прогулки на кладбище на могилу сестры отличали его настоящую жизнь отъ прежней. Онъ такъ былъ удаленъ отъ всѣхъ, такъ мало интересовался окружающимъ, такъ рѣдко встрѣчался даже съ самимъ Петромъ Петровичемъ, что объ немъ часто забывали, какъ о лицѣ почти несуществующемъ. Извѣстіе о свадьбѣ Калатырникова нисколько не удивило Романа Семеныча, не вызвало ни радостной, ни двусмысленной улыбки на лицѣ его; онъ принялъ его какъ будничное приглашеніе на чашку чая, кликнулъ козачка-мальчишку, велѣлъ провѣтрить сертукъ, который по-новѣе и въ назначенное время тихо, нога за ногу, отправился въ церковь. Вошелъ въ нее, остановился у налоя и простоялъ все время вѣнчанья на одномъ мѣстѣ, потупивъ глаза въ землю; даже врядъ-ли на невѣсту взглянулъ, хотя совершенно не зналъ ее, а если и видѣлъ когда-то мелькомъ, не обращалъ никакого вниманія. Кончился обрядъ, гости зашумѣли, засуетились, обступили новобрачныхъ, каждый изъ нихъ старался выдвинуться впередъ, заявить такъ сказать самого себя; со всѣхъ сторонъ сыпались поздравленія, мущины почтительно подходили къ рукѣ Арины Сергѣевны и низко кланялись Петру Петровичу. Дамы присѣдали, цѣловали новобрачную въ губы, въ носъ, въ щеки, нѣкоторые приложились даже къ ея груди. Сергѣй Матвѣичъ цѣловался, раскланивался, жалъ руки, вертѣлся, моргалъ глазами и вмѣсто отвѣта только шевелилъ губами.

Восторгъ былъ всеобщій. Только Романъ Семенычъ да Аринушка не раздѣляли его. Первый былъ совершенно равнодушенъ. Сухо въ числѣ прочихъ поклонился новобрачной, почти мимоходомъ пожалъ руку Петра Петровича, замѣтилъ, что очень долго вѣнчали, и отправился къ себѣ во-свояси выкурить трубку. Аринушка, также какъ и подъ вѣнцомъ, оставалась блѣдною, съ опущенными внизъ глазами; она какъ-будто на смерть шла, какъ-будто эти поздравленія, эти поцѣлуи были гробовымъ проща-

ніемъ, какъ-будто пѣвчіе не концертъ, а вѣчную памать пѣли; а когда Петръ Петровичъ взялъ ее за руку, чтобы вывести изъ церкви, рука эта дрожала и была холодна совершенно. Двинулся свадебный поѣздъ, полетѣли кареты, коляски, дрожки, съ крикомъ побѣжали за ними мальчишки, повалили мужики и бабы. На крыльцѣ дома новобрачные были встрѣчены хлѣбомъ и солью, какими-то двумя почтенными развалинами мужескаго и женскаго пола, полсотнею домашней прислуги, хоромъ военной музыки, дружно грянувшимъ торжественный, старинный маршъ въ родѣ «громъ побѣды раздавайся», да выстрѣлами изъ пушекъ поставленныхъ по угламъ сада. Въ большой залѣ былъ накрытъ обѣденный столъ. Хозяинъ съ хозяйкою заняли почетныя мѣста на небольшомъ возвышеніи, въ срединѣ, напротивъ огромной вазы съ цвѣтами; гости помѣстились по рангамъ и достоинствамъ. Обѣдъ былъ великолѣпный; кушанья носили съ такими вычурными, заманчивыми названіями, что одинъ помѣщикъ взялъ къ себѣ *мени* въ карманъ, а потомъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вплоть до самой смерти, каждый день перечитывалъ его, а наизустъ все не могъ выучить; вино лилось, по удачному сравненію другаго помѣщика, какъ вода въ торговой банѣ. Мызыка не умолкала ни на минуту. Со двора долетали слухи угощавшихся на барскій счетъ крестьянъ. Тосты смѣнялись тостами, пили за здоровье новобрачныхъ вообще, потомъ новобрачныхъ порознь, тамъ опять вообще, опять порознь, за ихъ будущихъ дѣтей, гостей, какой-то Анфисы Николаевны и проч. и проч. —всего неперечесть. Въ концѣ обѣда какой-то господинъ попытался было сказать рѣчь, но только всталъ, прослезился, объявилъ, что говорить не можетъ и опустился на стулъ. Его смѣнилъ другой господинъ, онъ вышелъ на средину комнаты, развернулъ исписанный листъ бумаги, обратился къ хозяину и закатывая глаза къ небу и грозя кулакомъ вправо, продекламировалъ такіе стихи, отъ которыхъ у всѣхъ присутствующихъ закружилась голова самымъ неистовымъ восторгомъ, а у Петра Петровича градомъ полились слезы. Во время обѣда Арина Сергѣевна по наружности была живѣе, чѣмъ въ церкви; на щекахъ ее, быть можетъ

отъ духоты и жару, показался легкiй румянецъ, а когда мужъ по крику гостей громко, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее, она вся зардѣлась. Сергѣй Матвѣичъ съ радости хлебнулъ черезъ мѣру, совершенно осовѣлъ, клевалъ носомъ тарелку, а потомъ ободрился, цѣловалъ всѣхъ гостей, не исключая дамъ и дѣвицъ, и просилъ въ чемъ-то простить его. Не стану разсказывать какъ кончился обѣдъ, какъ пировали далеко за ночь гости, какъ кричали ура, какъ разъѣхались, или ночевать остались, какъ веселились креотьяне, какъ раздѣли невѣсту и потомъ облачили въ розовый капотъ, чепчикъ и на всеобщiй показъ вывели, какъ воодушевились при этомъ всѣ гости, какъ снова пили и еще пили, какъ Сергѣй Матвѣичъ заснулъ въ чьей-то колискѣ и чуть было за тридцать верстъ неуѣхалъ, и т. д. и т. д. Все это извѣстно всѣмъ и каждому, кто бывалъ на широкихъ русскихъ пирахъ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ до такой степени, точно завтра всѣмъ умирать придется. Арина Сергѣевна во все это время дѣйствала какъ автоматъ, какъ послушный, робкiй ребенокъ. Казалось, она забыла свою прежнюю волю и съ жадностiю исполняла все то, что прикажутъ. За нѣсколько дней до свадьбы къ ней была приставлена какая-то модистка француженка, нарочно выписанная изъ губернскаго города, да сосѣдка помѣщица, баба лѣтъ 60, веселая, разбитная, очень свѣдущая во всѣхъ малѣйшихъ тонкостяхъ свадебнаго дѣла. Безъ нихъ Аринушка окончательно растерялась бы; она даже не знала какъ одѣться къ вѣнцу, какъ и съ кѣмъ въ церковь ѣхать, гдѣ стоять, какъ подойти къ жениху и т. д. Сергѣй Матвѣичъ не могъ пособить дочери, онъ вѣнчался очень давно, да и то съ грѣхомъ пополамъ, какъ Богъ велѣлъ. Эти двѣ женщины спасли невѣсту, если не отъ бѣды, то по крайней мѣрѣ отъ всеобщаго посмѣянiя, отъ злыхъ языковъ различныхъ сосѣдокъ, расчитывавшихъ найти въ Аринушкѣ что-нибудь смѣшное, странное, рѣзко бросающееся въ глаза.

Вообще первое время замужества Аринушка провела въ какомъ-то чаду, она не могла опомниться, не могла отдать отчета въ своемъ положенiи, не знала, что съ ней происходитъ, голова ея кружилась и въ ушахъ звенѣло. Ви-

зиты, поздравленія, балы, обѣды, безвыѣздные гости рѣшительно ошеломили ее; она въ бреду, какъ со сна, смотрѣла на эти парадныя комнаты, на всю окружающую роскошь, со страхомъ ходила по лоснящемуся полу, не знала какъ сѣсть на богатую мягкую мебель. Дорогія нарядныя платья давили грудь ея, казались ей камнями. Даже на ласки Петра Петровича Аринушка не знала, что отвѣчать; она то стыдилась, то боялась ихъ, то чуть не плакала, то безотчетно смѣялась, радовалась какъ-то безчувственно, точно эта радость томила ее, захватывала дыханіе. Она походила на слѣпца, который вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ весь міръ Божій, во всей его прелести и величіи. Только разъ оставшись на единѣ съ мужемъ она очнулась, пришла въ самую себя. Петръ Петровичъ, говорила она, тихимъ, робкимъ голосэмъ, стоя передъ нимъ, какъ школьникъ передъ учителемъ, какъ проситель предъ милостивцемъ; простите меня, я сама не знаю, что со мной дѣлается.. Я говорила вамъ.. Я ничего непонимаю. Словно во снѣ вижу. Я простая, ничего не умѣю! Простите меня!

— Какая простая! ты прекрасная женщина, тебя всѣ хвалятъ, всѣ любуются тобой.

— Всѣ?.. что всѣ, Богъ съ ними, какое имъ дѣло до меня.

— Ну и я любуюсь! замѣтилъ Петръ Петровичъ, понявъ намекъ жены.

Аринушка подняла глаза, теплымъ, умоляющимъ взоромъ взглянула на него и продолжительно глубоко вздохнула.

— Боже мой! произнесла она съ какимъ-то раскаяніемъ, я даже не поблагодарила васъ, какая я черствая, каменная; все оттого, что сама себя не помню, много здѣсь у меня, много! она показала на сердце. Бѣда!.. говорить не умѣю. Господи, какъ мнѣ благодарить васъ! добавила она энергически, быстро нагнулась и поцѣловала руку Петра Петровича.

Послѣдній усмѣхнулся.

— Ты ребенокъ, Аринушка, при другихъ этого нельзя дѣлать; у мущинъ рукъ не цѣлуютъ, шутя замѣтилъ онъ

— Какъ нельзя?

— Такъ, нельзя, непринято; у насъ руки вонъ какія черныя.

Онъ показалъ свою руку.

— У меня тоже черныя, отвѣтила она и улыбнулась. Да какъ же мнѣ благодарить васъ? Какъ сказать все то, что чувствую, чего боюсь, о чемъ думаю? Я много думаю!.. добавила она очень серьезно.

Петръ Петровичъ продолжительно зѣвнулъ.

— Говорить не нужно. Все это вздоръ; лучше дѣло дѣлать, будешь хорошей, доброй женой, вотъ твоя благодарность, твоя обязанность, отвѣтилъ онъ выразительно.

Арина Сергѣевна опустила голову и задумалась.

Жизнь Сергѣя Матвѣича также значительно измѣнилась; положеніе его совершенно упрочилось. Ему отвели особыя двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ барскаго дома, чистыя, свѣтлыя; одѣли, обули, приставили мальчишку, поили, кормили съ барскаго стола, таскали въ гости. Въ послѣднее время онъ даже раздобрѣлъ какъ-то; изъ грязнаго, обросшаго бородой старика, сдѣлался такимъ чистенькимъ, гладенькимъ; щеки его лоснились, остатки волосъ на головѣ не развѣвались какъ прежде, не торчали клоками, а были тщательно причесаны на вискахъ и затылкѣ. Свадьба дочери и внезапная, рѣзкая перемѣна собственнаго положенія отуманили Сергѣя Матвѣича, но отуманили совершенно иначе, чѣмъ Аринушку. Онъ гордился своею новою жизнью, всюду кричалъ о ней, безпрестанно старался выказаться, сдѣлался даже выше ростомъ; поздравленія не только не смущали его, а напротивъ при каждомъ удобномъ случаѣ онъ всячески навязывался на нихъ, несмотря на то, что эти поздравленія отзывались иногда чуть-чуть не бранью; послѣдняго обстоятельства старикъ не понималъ, или быть можетъ понимать не хотѣлъ, потому что былъ счастливъ до самозабвенія. Пиры, выѣзды и обѣды разстроили Сергѣя Матвѣича скорѣе физически, чѣмъ нравственно; часто пріѣзжалъ онъ откуда нибудь совершенно пьянымъ, а на другой день съ болью въ головѣ жаловался на лихорадку и былъ ужасно не въ духѣ. Разъ даже Крупкинъ до того разгулялся у какого-то сосѣда-помѣщика, что къ вящему удовольствію

цѣлаго общества, принялся откалывать въ присядку, разумѣется, въ отсутствіи Петра Петровича и дочери. Бѣдный старикъ, слыша непринужденный смѣхъ и дружныя рукоплесканія, въ простотѣ сердца веселился отъ души; думалъ, что каждый искренно, чистосердечно сочувствуетъ его радости, а нашлись люди, которые, подъ видомъ сожалѣнія и участія, тотчасъ обо всемъ разсказали Колотырникову. Сергѣй Матвѣичъ получилъ страшный нагоняй, расплакался и на будущее время отказался отъ всякихъ присядокъ. Внѣшняя обстановка, большія парадныя комнаты и ливрейные лакеи мало смущали старика, во-первыхъ потому, что въ этихъ комнатахъ онъ все-таки былъ гостемъ, для жительства ему были отведены очень простенькія, съ бѣлыми стѣнами, уставленными кожаною, вѣтхою мебелью, а во-вторыхъ, ко всему этому блеску глазъ Крупкина достаточно привыкъ; онъ сидѣлъ не въ первый разъ на роскошныхъ креслахъ Петра Петровича, ступалъ по коврамъ и т. д. Напротивъ, даже въ обхожденіи съ благодѣтелемъ, Сергѣй Матвѣичъ сдѣлался какъ-то развязнѣе, не подбиралъ ноги подъ себя, не дрожалъ, не вытягивался въ струнку. Онъ стѣснялся болѣе своимъ новымъ костюмомъ, не зналъ какъ повязать галстукъ, застегнуть или разстегнуть сертукъ, безпрестанно клалъ на немъ пятна и потомъ тщательно выводилъ ихъ. Съ дочерью въ послѣднее время Сергѣй Матвѣичъ видѣлся рѣдко. Онъ смотрѣлъ на нее изъ-далека, какъ на что-то святое, неприступное, улетѣвшее изъ рукъ его чуть не на самое небо. Радовался, гордился, любовался ею втихомолку; онъ какъ бы сознавалъ передъ ней свое ничтожество; разъ только и то на минуту, украдкой отъ Петра Петровича зашелъ на ея половину, обсмотрѣлъ, почти обнюхалъ каждую вещь, не присѣлъ даже и возвратился къ себѣ въ такой радости, что долго какъ полоумный хохоталъ самъ съ собою.

Прошло недѣли двѣ. три послѣ свадьбы Аринушки. Пиры миновались, гости стали появляться рѣже, толки сосѣдей постепенно умолкали, всѣ принялись за обыденныя занятія. Жизнь потекла своимъ порядкомъ, по-деревенски, сонно, однообразно. Однажды вечеромъ, послѣ дневныхъ

трудовъ, Петръ Петровичъ въ халатѣ, съ трубкой въ рукахъ, покоился на кушеткѣ въ маленькой гостиной своей супруги. Голова его небрежно опрокинулась на спинку, ноги свѣсились, полураскрытые глаза безсознательно смотрѣли въ потолокъ, вся физіономія пріятно улыбалась.

Аринушка сидѣла напротивъ, немного сгорбившись, наклонивъ впередъ голову и изъ подлобья иногда взглядывала на мужа, иногда опускала глаза, задумывалась, какъ-будто что-то сказать хотѣла да не рѣшалась и складывала, какъ сказать лучше.

Она была одѣта совершенно просто, и въ эту минуту очень походила на прежнюю босоногую Аринушку. На ней былъ темный, шерстяной капотъ, безъ всякихъ украшеній, рукава его засучились и обнажили голыя руки, волоса на головѣ растрепались. Прошло нѣсколько минутъ. Петръ Петровичъ не прерывалъ молчанія, сапѣлъ и лѣниво тянулъ изъ трубки. Аринушка рѣшилась заговорить первая.

— Я васъ первый разъ такимъ вижу, что вы лежите и ничего не дѣлаете, произнесла она какъ бы сама съ собою; оперлась обѣими руками о столъ, положила на нихъ голову и устремила глаза на мужа.

— Усталъ, въ головѣ тяжело! отвѣтилъ онъ нехотя и помолчавъ прибавилъ: я праздности терпѣть не могу; люблю работать, да оно и лучше, въ работу втягиваешься, живешь ею. Вотъ и теперь лежишь, да все думаешь.

— Я тоже думаю! замѣтила Аринушка тихо и опустила глаза.

Петръ Петровичъ повернулъ къ ней голову.

— Ты думаешь? О чемъ? О Жучкѣ, о платьѣ какомъ нибудь? спросилъ онъ и слегка засмѣялся.

Арина Сергѣевна улыбнулась.

— Нѣтъ, не о Жучкѣ. Что жучка... Я думать тоже умѣю по своему! Она вздохнула.

Колотырниковъ смотрѣлъ на нее и казалось ждалъ продолженія.

Аринушка дѣйствительно продолжала.

— По своему... Какъ мнѣ кажется, такъ и думаю о своей судьбѣ все!.. Была я бѣдной, брошенной дѣвочкой,

всѣ гнали меня... никто не любилъ; стала большой барыней, всѣ ласкаютъ, говорятъ все такое хорошее, отчего это? Потомъ что будетъ? добавила она вопросительно и глаза ея сверкнули.

Петръ Петровичъ, никакъ неожидавшій такого разговора, съ жадностью высасывалъ дымъ изъ трубки.

— Какъ потомъ?.. Потомъ будетъ тоже что и теперь, ты жена моя, женой и останешься, отвѣтилъ онъ невыпуская мундштука изъ рта.

— А потомъ?

— Ну потомъ, чтожъ потомъ?.. Ты, голубушка, пустяки городишь. Женщинѣ думать вредно. Женщина не должна думать... потомъ?.. ну, умремъ потомъ!

Аринушка иронически улыбнулась.

— Я не о смерти говорю, что смерть, смерть конецъ общій, всѣмъ извѣстный, я не боюсь ее. Я говорю о томъ, чего не знаю, что страшитъ меня, давитъ; вѣдь не знала же я, что барыней буду.. не знаю и дальше. Простите меня, Петръ Петровичъ! вдругъ заговорила она умоляющимъ голосомъ, я не знаю, что со мной, я не могу привыкнуть сама къ себѣ. Я хочу сдѣлаться, чѣмъ быть должна... Я давно васъ спросить хочу, зачѣмъ вы женились на мнѣ?

Калатырниковъ вытаращилъ глаза.

— Какъ зачѣмъ? Что за вопросъ нелѣпый, просто вздумалось такъ. Захотѣлъ и женился, развѣ ты жалѣешь что замужъ вышла?

— Какъ жалѣть? Жалѣть нельзя, боюсь только!..

— Чего боишься?

— Боюсь, что не съумѣю отблагодарить васъ, любить такъ, какъ должна любить, какъ хочу любить!

Петръ Петровичъ приподнялся и заложилъ за спину подушку.

— Аринушка, ты несешь вздоръ. Бредишь; что тебѣ вздумалось, бранить самую себя? Что за философія такая, откуда она? Ты добрая, прекрасная женщина, что жъ еще? произнесъ онъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ и нахмурилъ брови.

— Можетъ быть... Я ни въ чемъ невиновата, такъ мнѣ

кажется... Я говорю, что на душѣ. Хочу облегчить себя. Прежде я многаго непонимала, теперь все стало яснымъ... Вы мнѣ приказали замужъ выйти, я не могла ослушаться вашей воли и вышла; теперь я прошу объ одномъ: прикажите мнѣ любить васъ, прикажите силой, богатствомъ, чѣмъ хотите, заставьте меня любить васъ! добавила она очень энергически и щеки ея покраснѣли.

Петръ Петровичъ растерялся; двигалъ бровями, судорожно шевелилъ губами, какъ дѣлалъ всегда, когда самолюбіе его чѣмъ-нибудь было уколото. Стало быть ты меня не любишь? Быть можетъ ненавидишь даже? Какъ-то нерѣшительно спросилъ онъ.

Аринушка вздрогнула.

— Неправда! этого быть не можетъ!.. произнесла она взволнованнымъ, задыхающимся голосомъ; я люблю васъ. Какъ мнѣ не любить, мой долгъ любить! . Я сама не знаю, отчего мнѣ страшно, больно, совѣсть моя неспокойна, мнѣ недостаетъ чего-то, я должна любить больше, сильнѣе, какъ можно сильнѣе! Сжальтесь надо мной, скажите, научите, что мнѣ дѣлать. Вы обязаны пособить мнѣ, вы мужъ мой. Я хочу быть женой вашей, достойной, преданной, такой женой, чтобъ вы сказали: нѣтъ тебя лучше на свѣтѣ! Она тяжело дышала, на глазахъ ея блеснули слезы.

Петръ Петровичъ молчалъ, сидѣлъ понуривъ голову, и кусалъ свои сѣдые усы.

— Подкрѣпите меня! продолжала Аринушка, между тѣмъ какъ внутреннее волненіе почти недавало ей говорить; позаботьтесь спасти меня, меня нужно спасти, нужно! Прикажите, я все сдѣлаю; противъ силы, противъ воли, все равно, сдѣлаю! добавила она совершенно глухо.

Петръ Петровичъ молча указалъ Аринушкѣ на мѣсто возлѣ себя на кушеткѣ и самъ подвинулся вправо.

Она сѣла.

— Скажи мнѣ, ты любишь кого нибудь? спросилъ онъ тихо, не поднимая головы.

— Да, васъ люблю, вы мой благодѣтель! добавила она почти шопотомъ.

— Еще кого?

— Отца люблю!

— Что отца!.. Отца вздоръ, я не объ отцѣ спрашиваю; любовника нѣтъ? Не было у тебя? Говори правду, я все узнаю! Заключилъ онъ очень строго и крѣпко взялъ ее за руку.

Аринушка слегка вздрогнула.

— Какого любовника?

— Не знаю какого чорта, негодяя какого-нибудь?

— Кромѣ отца, никого у меня не было, хладнокровно отвѣтила Аринушка.

— Побожись!

— Ей Богу, никого!

— Чего жъ ты боишься? Для чего ты говоришь, чтобъ я приказалъ тебѣ любить меня. Ты моя жена—твоя обязанность любить мужа.

— Говорите, Петръ Петровичъ, ради Христа, говорите, учите меня! Учите больше, и больше! съ живостію подхватила она.

— Ему повиноваться, исполнять его волю, быть хозяйкой въ домѣ, хорошей матерью, держать себя какъ слѣдуетъ — вотъ твой *долгъ*.

— А мужъ? спросила Аринушка.

— Что мужъ? У мужа своя голова, свой умъ; не тебѣ учить мужа, онъ глава въ домѣ. Посмотри на людей, развѣ ты не видѣла мужей съ женами.

— Видѣла, въ раздумьѣ, немного помолчавъ, отвѣтила Арина Сергѣевна.

— И что жъ?

— Я бы не то желала видѣть. Всѣ они мнѣ кажется обвѣнчались затѣмъ, чтобъ каждому тяжелѣе было, чтобы лицемѣрить, обманывать другъ друга, или даже просто ненавидѣть другъ друга; такой женой я не могу быть! докончила она очень рѣшительно.

Петръ Петровичъ выпустилъ ея руку.

— Ты съ ума сошла! произнесъ онъ съ сердцемъ. Что за фантазіи, откуда онѣ? Фантазировать скверно мущинѣ—въ тысячу разъ сквернѣе женщинѣ. Я тебя вытащилъ изъ грязи, изъ ямы! Пренебрегъ всемъ! Оглянись, че-

го недостаетъ тебѣ; подумай, кто твой отецъ, кто я! Я тебѣ приказываю выкинуть изъ головы вздоръ, туманъ какой-то. Вспомни, ты теперь не то, что была. Нужно подумать о себѣ, принаровиться къ своему положенію, тебѣ нужно Бога благодарить, молиться за меня, а не пустяками заниматься. Удивительная вещь право: простая, необразованная дѣвушка, дурочька деревенская, а то же фанаберію какую-то затѣяла? докончилъ онъ очень ласково и погладилъ ея голову.

Она схватила его руку и крѣпко сжала между своими пальцами.

— Простите, простите меня! Довольно! прошептала она съ полнымъ раскаяніемъ.

— Богъ проститъ. Нужно по закону жить! Наряжаться да веселиться больше, отвѣтилъ Петръ Петровичъ и поцѣловалъ ее.

Этотъ разговоръ произвелъ на мужа съ женой совершенно разное впечатлѣніе. Изъ него Колатырниковъ въ первый разъ увидѣлъ, что Аринушка не была такимъ простымъ, покорнымъ, ничтожнымъ существомъ, какимъ казалось сначала; что она совсѣмъ не похожа на первую жену, которая жила также тихо, безтребовательно, какъ въ гробу лежала; что у ней есть свой умъ, свое сердце, свои убѣжденія, даже своя воля; что женитьба его неказалась ей благодѣяніемъ; что на эту женитьбу она смотрѣла своими собственными глазами; что вслѣдствіе этой женитьбы, сдѣланной по капризу, по прихоти и отъ него требовали чего-то такого, чего онъ даже обяснить себѣ не могъ. Колотырниковъ сталъ безпокоиться, задумываться, какъ-будто страшиться чего то. Казалось онъ предчувствовалъ, что съ этой женщиной ему много возиться придется, и въ душѣ отчасти раскаивался, бранилъ самого себя за излишнюю поспѣшность; онъ даже на нѣсколько времени переломилъ себя, спустился съ своего пьедестала; сталъ больше заниматься женой, всячески тѣшилъ, ласкалъ ее; старался разсѣять, пріучить къ новой жизни; тщательно слѣдилъ за всѣми ея дѣйствіями; хотѣлъ разгадать ея мысли, желанія, какъ-будто соображалъ какія средства лучше употребить, чтобы искоренить въ ней эту

гибельную, ненужную волю, прыткій умъ да слишкомъ горячо-бьющееся сердце.

Богъ ее знаетъ, говорилъ онъ самъ съ собою. Бабенка съ характеромъ, по всему видно. Угрозой съ ней ничего невозмешь. Откуда она разнаго вздору набралась; жила въ глуши, ничего не знала, не видѣла, а говоритъ какъ изъ книгъ вычитала. Чего нужно ей? нестану же я унижаться, ползать передъ ней. Шалишь! Отцу приказать? Отецъ дуракъ, вездѣ разболтаетъ только! Она сама одумается; ее поразилъ переходъ, внезапная перемѣна жизни; она опомниться неможетъ, а между тѣмъ славная женщина, чортъ возьми, право славная, умна; въ душу просится! Есть подумать надъ чѣмъ!

И Петръ Петровичъ дѣйствительно задумывался.

Напротивъ, Аринушка вдругъ засіяла, сдѣлалась необыкновенно веселою, точно выздоровѣла, точно гора у ней съ плечь свалилась. Ей показалось по чему-то, что она до безумія любитъ Петра Петровича и что Петръ Петровичъ раздѣляетъ эту страсть, сочувствуетъ ей. Боязнь, сомнѣніе, грусть, дикая застѣнчивость, натянутость, разомъ изчезли съ лица ея, ихъ смѣнили полное безпечное довольство да теплая задушевная улыбка самаго безмятежнаго счастія. Она стала необыкновенно тщательно, даже кокетливо одѣваться, долго передъ зеркаломъ чесала волосы, заботилась каждую вещь надѣть такъ, чтобы она шла къ ней, смѣлѣе со всѣми заговаривала, смотрѣла хозяйкой въ домѣ; всѣ ея дѣйствія сдѣлались тверже, самоувѣреннѣе; казалось, она обжилась, свыклась, сдружилась съ своимъ новымъ положеніемъ и благословляла его; привѣтливо улыбалась всему окружающему, восхищалась, глядя на самую себя, на свои комнаты, на отца, на Петра Петровича. Только опытный глазъ могъ бы замѣтить въ этой улыбкѣ, въ этомъ восхищеніи, въ этой бойкой развязности что-то неестественное, натянутое, лихорадочное, несогласное съ говоромъ души, что-то такое отчего не вполнѣ вѣрилось Аринушкѣ. Прежде, бывало, ужъ если взглянетъ она весело, такъ кажется душа прыгаетъ, радуется въ ея взглядѣ; слово скажетъ—точно само сердце выговоритъ; теперь не то. Она говорила напримѣръ: какая я

счастливица! Другой такой и на свѣтѣ нѣтъ. Чего только недостаетъ мнѣ, все есть! Всѣ любятъ, уважаютъ, мужъ души не слышитъ, отецъ боготворитъ! Всѣ балуютъ, въ глаза смотрятъ. За что такое счастье, чѣмъ я лучше другихъ. Нѣтъ на землѣ счастливѣе меня, нѣтъ, быть не можетъ! А между тѣмъ въ звукѣ голоса, которымъ говорились эти слова, звучало что-то печальное, безнадежное, совершенно противное содержанію. Эти звуки походили на разгульную пѣснь охмѣлѣвшаго горемыки. Горе кипитъ у него; всю душу высосало, да на минуту онъ сдавилъ его. Хочетъ заглушить стоны виномъ да дикимъ воплемъ, кричитъ, поетъ безпечно, радостно и плачетъ внутренно.

IV.

Прошло мѣсяца два. Наступила зима: День сдѣлался маленькимъ, сѣренькимъ. Вокругъ барскаго дома разостлалась на необозримое пространство бѣлая пелена снѣга. Окна, двери законопатились, вся природа обледенѣла, какъ–то сжалась подъ морозомъ и снѣгомъ. Скучно зимой въ деревнѣ, такъ скучно, что даже Романъ Семенычъ сталъ чаще вылѣзать изъ своей берлоги. Просиживалъ иногда по нѣскольку часовъ сряду, съ трубкою въ зубахъ, въ комнатахъ Петра Петровича. Просиживалъ большею частью молча; изрѣдка, развѣ скажетъ словцо, другое, нехотя отвѣтитъ на вопросъ и снова въ трубку углубится.

— Ну, Романъ Семенычъ, съ тобой спать хорошо, говаривалъ ему обыкновенно хозяинъ послѣ нѣсколькихъ часовъ молчанія.

— А что? спрашивалъ гость.

— Какъ что? точно, прости Господи, мертвый въ гробу: хоть бы для приличія языкомъ шевельнулъ.

— А вотъ, трубку выкурю, совершенно серьезно отвѣчалъ гость, затягивался съ ожесточеніемъ и умолкалъ снова до новаго хозяйскаго замѣчанія.

Съ Аринушкой Романъ Семенычъ еще меньше пускался въ разговоры. Онъ какъ будто и не замѣчалъ ее. Если она про-

ходила мимо, онъ или вставалъ и наклонялъ голову, или дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ее и углублялся въ трубку.

Время въ Петровкахъ тянулось, какъ часы заведенные. Петръ Петровичъ сидѣлъ, заваленный бумагами у себя въ кабинетѣ. Сергѣй Матвѣичъ пребывалъ на своей половинѣ; общество соединялось только на время обѣда, да иногда вечеромъ зѣвало, молчало въ совокупности и съ нетерпѣніемъ ожидало вожделеннаго, условнаго часа отхода ко сну.

Только для Аринушки время шло какъ нельзя лучше; не до зимы, не до скуки ей было. Она по прежнему казалась совершенно счастливою, беззаботною; даже коротко познакомилась съ двумя или тремя сосѣдями, ѣздила къ нимъ въ гости, принимала ихъ у себя.

Утромъ хлопочетъ, бѣгаетъ по хозяйству, хотя правду сказать и хозяйничать ей было нечего; потомъ урветъ минуту, другую, придерется къ какому-нибудь случаю, прибѣжитъ къ мужу, поцѣлуетъ его въ щеку или въ руку, посидитъ въ его кабинетѣ, послушаетъ, какъ о дѣлахъ толкуютъ; заглянетъ къ отцу, съ нимъ побесѣдуетъ, почитаетъ книгу. Въ Петровкахъ была библіотека, состоявшая изъ путешествій, географій и старинныхъ романовъ; на послѣдніе особенно налегала Арина Сергѣевна и съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, очень много ихъ перечитала. Случалось, кто-нибудь изъ гостей пріѣзжалъ—обѣдали; послѣ обѣда хозяинъ или садился въ пикетъ играть, или по цѣлымъ часамъ тянулъ изъ трубки и медленно, съ вѣсомъ, что-нибудь разсказывалъ, а всѣ прочіе почтительно слушали. Такъ проходилъ день, за нимъ начинался другой, третій и такъ далѣе. Все было мирно, тихо; только тишина эта отзывалась чѣмъ-то насильственнымъ, она походила на тишь передъ бурей, на сонъ бѣдняка, медленнымъ пробужденіемъ отдаляющаго отъ себя дневное горе.

Въ послѣднее время Петръ Петровичъ выглядѣлъ озабоченнѣе обыкновеннаго. Ему мѣшало что-то, онъ видимо былъ смущенъ, недоволенъ, чувствовалъ себя не въ нормальномъ состояніи и не зналъ, какъ оправиться, какъ выйдти изъ этого положенія, какъ стряхнуть съ себя что-то такое тяжелое, непривычное. Его тревожила Аринушка. Онъ думалъ

видѣть въ ней жену—слѣпую исполнительницу его барской воли, существо сдавленное его благодѣяніемъ; жену, которая бы по призыву являлась къ мужу, по знаку уходила отъ него, говорила бы тогда, когда спрашиваютъ, улыбалась—когда смѣются, думала—какъ прикажутъ; жену, о которой бы нечего было заботиться, которую бы можно было иногда забыть, иногда приказать, порой полюбоваться, порой не обратить вниманія, выбранить, а впослѣдствіи привыкнуть, какъ привыкаетъ человѣкъ къ туфлямъ, къ халату, къ креслу, къ комнатѣ и т. д.

Вышло иначе. Образъ мыслей Аринушки, ея слова, поступки, самые взгляды сильно волновали Петра Петровича. Онъ косился, когда она ни съ того, ни съ сего прибѣгала къ нему въ кабинетъ, безъ спроса цѣловала его, разговаривала, смѣялась, спрашивала о томъ, о другомъ, высказывала свое мнѣніе и вообще дѣлала то, что по убѣжденіямъ Петра Петровича, не входило въ обязанности женщины, не шло къ ней. Даже самолюбіе его страдало; до сихъ поръ въ окружающемъ обществѣ, онъ не терпѣлъ никого равнаго себѣ и вдругъ бѣдная, ничтожная дѣвушка, названная женой по капризу, прихоти, неизрѣченному милосердію, осмѣливается стать наравнѣ съ нимъ, обращается просто, фамиліярно, другомъ называетъ, глядитъ ему въ глаза, какъ-будто слѣдитъ за нимъ, вызываетъ на сочувствіе.

Нѣсколько разъ Петръ Петровичъ думалъ образумить Аринушку, замѣтить ей, приказать вести себя иначе, но каждый разъ рѣшимость его пропадала; взглянетъ на нее и языкъ говорить отказывается. Странное дѣло: бывало, онъ подгибалъ подъ свой ноготь людей съ вѣсомъ, съ характеромъ; а тутъ жена, раба, сирота, слабое созданіе, отдавшееся въ его распоряженіе. Неужто молчать передъ ней? Что за нелѣпость? На его сторонѣ всѣ права; ему законъ покровительствуетъ, онъ мужъ, глава, благодѣтель; онъ можетъ даже выгнать жену. Откуда же эта нерѣшительность, эта ребяческая робость, эта боязнь почти; гдѣ причина ея? Любовь? Но гдѣ любовь, тамъ нѣтъ первенства, тамъ права одинаковы; нѣтъ желанія, нѣтъ надобности подчинить лю—

бимый предметъ своей волѣ, выбить изъ него все человѣческое. Слабость характера, слабость собственныхъ силъ? Силы Петра Петровича достаточно крѣпки; характеръ упрямый, настойчивый; онъ женился на перекоръ цѣлому обществу. Чего же стоитъ сдѣлать наперекоръ женѣ, переломить ее. Онъ мужъ.. Но Петръ Петровичъ бѣсился, досадовалъ на самого себя, на все окружающее; но досадовалъ молча, внутренно, или изливалъ свой гнѣвъ, свою волю, на что-нибудь совершенно постороннее. Такъ, напримѣръ, онъ выгналъ вонъ главнаго управляющаго, лишилъ его куска хлѣба, за то только, что послѣднiй вошелъ безъ доклада и засталъ Петра Петровича въ то время, когда Аринушка стояла, облокотясь на его плечо и ерошила его волосы.

Только Роману Семенычу Петръ Петровичъ разъ вздумалъ высказать свое неудовольствiе на жену.

— Да, братецъ, произнесъ онъ со вздохомъ, такой женщины, какъ твоя сестра покойница, не скоро найдешь; по мнѣ была. Ненавижу я этой бабы—дуры... слава Богу, не мальчишка!

Романъ Семенычъ сидѣлъ, углубившись въ трубку, однако поднялъ глаза и пристально взглянулъ на хозяина.

— А что? спросилъ онъ.

— Какъ что? Сумасшедшая какая-то; ей не мужа, а вертопраха какого-нибудь надо; прыгаетъ, на шею вѣшается!

— На то и жена, радоваться долженъ; стало быть любитъ. Жениться не слѣдовало! вполголоса замѣтилъ Стадкинъ.

Это замѣчанiе взбѣсило Петра Петровича. Онъ готовъ былъ обругать гостя, однако удержался, махнулъ рукой и вышелъ въ другую комнату.

Романъ Семенычъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ какъ-то иронически, горько улыбнулся и пустилъ цѣлое облако табачнаго дыма.

Съ Сергѣемъ Матвѣичемъ тоже случилось что-то совершенно непонятное. Не было несчастiя, котораго бы не перенесъ этотъ человѣкъ съ невозмутимымъ равнодушiемъ, съ удивительною твердостiю.

Онъ похоронилъ жену, лишился мѣста, голодалъ, мерз-

нулъ, былъ безъ одежды, безъ обуви, питался подаяніемъ и все терпѣлъ; горе даже не состарило его, не прибавило лишней морщины на челѣ его, ни на волосъ не измѣнило характера, не отразилось во взглядѣ. Онъ все держался... Но не удержался при счастіи, не перенесъ спокойствія, какъ-будто счастіе и спокойствіе не существовали для него, какъ-будто онъ не умѣлъ владѣть ими. Вскорѣ послѣ свадьбы дочери, онъ какъ бы почувствовалъ, что роль его кончена, что теперь онъ лишній человѣкъ на свѣтѣ, никуда не нужный, что ему далѣе думать не объ чемъ.

Отъ этой бездѣятельности души и тѣла, или просто съ радости, тутъ кстати и разные пиры подошли, старикъ, отроду никакого вина въ ротъ не бравшій, вдругъ пить началъ, да такъ пить—точно хотѣлъ какъ можно скорѣе порѣшить себя, точно жизнь ему надоѣла, опротивѣла; съ каждымъ вечеромъ онъ напивался все болѣе и болѣе.

Петръ Петровичъ и Арина Сергѣевна ничего не знали о происходившемъ. Первый казалось забылъ о Сергѣѣ Матвѣичѣ, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія; если являлся онъ иногда къ обѣду, то всегда трезвый, такъ только какъ-будто глаза были красны, да руки тряслись; вторая —навѣщала отца только по утрамъ, въ то время когда Сергѣй Матвѣичъ лежалъ на кровати, хрипѣлъ и на головную боль жаловался. Послѣднее обстоятельство Аринушка приписывала приливу крови; намекнула разъ мужу, что хорошо бы съ докторомъ посовѣтоваться, но Петръ Петровичъ засмѣялся, махнулъ рукой, и сказалъ: «старъ больно, доктора старость не лечатъ»; велѣлъ больному дать рюмку водки, да на томъ и покончилъ. Аринушка потомъ благодарила мужа; водка въ тотъ день дѣйствительно помогла ея отцу.

Однажды, во время обѣда, въ присутствіи Сергѣя Матвѣича и Аринушки, Петръ Петровичъ, только что задавшій кому-то порядочный нагоняй, былъ въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ сидѣлъ насупившись и дрожащею рукою каталъ хлѣбные шарики, искоса поглядывалъ то на жену, то на тестя, какъ будто искалъ случая придраться къ чему-нибудь и досадовалъ, что не находилъ его. Все общество молчало. Два прислуживавшіе лакея дохнуть не смѣли. Ве-

селая до этой минуты Аринушка, нехотя подносила ложку къ губамъ, точно предчувствовала что то недоброе. Только Сергѣй Матвѣичъ оставался спокойнымъ. Онъ очень усердно хлѣбалъ супъ, кончилъ его, вытеръ салфеткою потъ съ лица, добродушно взглянулъ было на хозяина, но тотчасъ же глаза опустилъ.

Молчанiе продолжалось. Ничтожное обстоятельство, въ другое время быть можетъ только разсмѣшившее все общество, теперь послужило поводомъ къ цѣлой драмѣ. При второмъ блюдѣ, Сергѣй Матвѣичъ, по неосторожности или забывчивости, икнулъ на всю комнату и тотчасъ самъ испугался своей неучтивости; закрылъ ротъ рукой и глаза вытаращилъ, какъ-будто спрашивалъ у присутствующихъ: какимъ образомъ это могло случиться?

Аринушка подняла свои большiе глаза и разомъ взглянула на отца и на мужа.

Петръ Петровичъ сморщился.

— Забылъ, съ кѣмъ за столомъ сидишь. Привыкъ по людскимъ обѣдать; тамъ бы и оставался, если не умѣешь вести себя! произнесъ онъ сдержаннымъ голосомъ.

Сергѣй Матвѣичъ, у котораго съ утра порядочно въ головѣ шумѣло, обидѣлся, скривилъ ротъ на сторону, всталъ и положилъ на столъ салфетку.

Петръ Петровичъ окончательно вспыхнулъ. Одной искры было достаточно, чтобъ поджечь его.

— Это что? Капризы показывать; забываться... Дрянь, вонъ! На конюшнѣ ѣсть заставлю! сердито крикнулъ онъ.

Аринушка сидѣла какъ мертвая. Крупкинъ, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

— Что это значитъ? Съ ума сошелъ, онъ дуракъ; попрежнему продолжалъ хозяинъ, взглядывая на жену, какъ будто хотѣлъ оправдаться въ глазахъ ея, дуракъ, совсѣмъ дуракъ; дураковъ учить нужно, гадина! На старости лѣтъ дурь завелась. Я ее вытрясу, выбью!

— Сперва изъ меня выбейте, у меня ея больше; папеньки что? Его вѣку конецъ; моя жизнь, моя, моя-то начинается только! тихо, хладнокровно отвѣтила Аринушка.

Физiономiя Петра Петровича покоробилась, глаза забѣ-

гали, брови сдвинулись; онъ отодвинулся на стулѣ и такъ смотрѣлъ на жену, какъ-будто спрашивалъ самого себя, во снѣ или на яву грезятся ему такія небывалыя вещи?

— Что ты сказала? Я не слышу, я оглохъ!.. Повтори! произнесъ онъ, какимъ-то шипящимъ отъ внутренняго волненія голосомъ.

— Что сказала, то повторю. Я никого не боюсь, кромѣ Бога; угрозой не удивишь меня. Что дѣлать, характеръ такой!.. Выбейте прежде изъ меня дурь, у меня ея больше! по прежнему отвѣтила Арина Сергѣевна.

Петръ Петровичъ стиснулъ зубы.

— Какая дурь? Какого чорта нужно тебѣ. Ты рехнулась, и ты туда же?

— Туда, куда отецъ! за нимъ, всегда за нимъ! Я привыкла страдать вмѣстѣ съ нимъ. Вы оторвали меня отъ него, приказали выйдти за себя замужъ, я и пошла; какъ я могла не пойдти? Я вышла,—за чѣмъ? Быть можетъ вы думали богатствомъ да роскошью задавить меня... Я богатства не знаю, не умѣю цѣнить его, что мнѣ въ немъ? Я выросла въ рубищѣ, на черномъ хлѣбѣ, на холодѣ... Сердце мое бьется одиноково и подъ этимъ роскошнымъ платьемъ и подъ той черной тряпкой, которую я носила въ дѣвичествѣ. Золотомъ не заглушить его біенія; во мнѣ тотъ же бѣдный умъ, тѣ же пустыя чувства; я все та же, глупая, простая, ничтожная,—я быть другой не могу!.. Вамъ не передѣлать меня! Простите, я виновата передъ вами, виновата потому, что не могу отплатить за ваши милости, не могу быть тѣмъ, чѣмъ вы мнѣ быть приказываете, чѣмъ мнѣ нужно быть! Я все поняла. Учила себя, передѣлывала, притворялась, хотѣла видѣть въ васъ мужа, но напрасно! Я видѣла только благодѣтеля! Я слишкомъ честна; я не могу называться чужимъ именемъ, — оно душитъ, давитъ меня... Мнѣ страшно, такъ страшно!.. Я была рабой вашей, вы меня женой назвали; къ чему это названіе. Что жъ я такое? Хуже рабы, презрѣннѣе Какъ закабалить то, что здѣсь, чѣмъ живешь, дышешь, что небоится неволи, бѣдности, что всегда свободно! Она указала на грудь. Отпустите меня, Петръ Петровичъ, махните на меня рукой,

я—не достойна васъ!.. Назовите неблагодарной, дерзкой, преступной, какъ хотите; отпустите только, мнѣ легче протянуть руку, легче ходить по полямъ босикомъ, легче работать, легче умереть съ голоду, чѣмъ обманывать васъ, обманывать себя, стараться быть тѣмъ, чѣмъ я не могу быть! Она говорила тихо, ровно, спокойно, точно книгу читала; потомъ вдругъ замолчала и закрыла лице руками, какъ будто сама испугалась словъ своихъ.

Петръ Петровичъ поблѣднѣлъ: только губы его судорожно вытягивались. Казалось, слова Аринушки совершенно поразили его, сбили съ толку.

— Боже мой!.. Какая я черствая! Неблагодарная! Какъ вы должны презирать, ненавидѣть меня; какъ я недостойна васъ. Господи, Господи, прости мнѣ, шептала она сама съ собою и вдругъ взглянула на мужа и громко зарыдала.

— Аринушка, что съ тобой дѣлается?! произнесъ наконецъ Петръ Петровичъ, какимъ-то разбитымъ, взволнованнымъ голосомъ; худо тебѣ здѣсь, ну Богъ съ тобой... Я добро хотѣлъ сдѣлать; до старости дожилъ, никого не обидѣлъ: всѣ любили, всѣ уважали... Богъ съ тобой! добавилъ онъ очень тихо, такъ какъ-будто говорить больше не могъ; всталъ и отвернулся.

Аринушка отняла отъ лица руки.—Владыко милостивый! проговорила она въ какомъ-то изнеможеніи, и вдругъ физіономія ея приняла строгое выраженіе, глаза сверкнули.

— Что я сдѣлала?.. произнесла она, какъ бы что-то припоминая, и провела рукою по лбу. Да, все равно, все правда, правда! Папенька, папенька! повторила она; встала, взглянула на мужа, хотѣла еще что-то сказать и какъ-то нерѣшительно вышла изъ комнаты. На порогѣ она остановилась, глубоко вздохнула и снова заплакала.

Петръ Петровичъ обернулся—въ комнатѣ никого не было.

— Чортъ, а не женщина! рѣзко проговорилъ онъ: бросить, а? Вздоръ, нелѣпость! Я не хочу бросить; съ чего? Она бредитъ. Если я женился, я долженъ быть мужемъ, долженъ напоминать о себѣ; тутъ борьба цѣлая, — съ кѣмъ? съ Аринушкой! Она дура! Чего нужно ей?.. Будемъ бороться; посмотримъ, ты хочешь показать свой

характеръ, хочешь стать выше меня, ты упряма; я тоже упрямъ! Я тебя заставлю моей женой быть, ты будешь отличной женой; я переверну тебя, передѣлаю на свой ладъ; я обязанъ перевернуть тебя! Я мужъ твой, мужъ такой, какимъ привыкъ быть; я твоего счастья хочу, ты на колѣняхъ будешь благодарить меня; я тебя вылечу — это долгъ мой! Онъ задумался, приказалъ подать трубку, сѣлъ у окна и принялся курить. Физіономія его то хмурилась, то прояснялась, руки слегка дрожали; онъ все продолжалъ разсуждать самъ съ собою. Въ комнатѣ было совершенно тихо, слышались только отрывочныя слова самого Петра Петровича, наконецъ и они стихли. Калатырниковъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, развалясь въ большомъ мягкомъ креслѣ и вдругъ встрепенулся, поднялъ голову и навострилъ уши. Слабый, протяжный стонъ, какъ-будто изъ подъ земли выходившій, поразилъ слухъ его.

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Въ комнату вошелъ лакей въ длинномъ, красномъ жилетѣ.

— Что тамъ такое? Стонетъ кто-то? спросилъ Петръ Петровичъ. Узнать!

Лакей вышелъ и черезъ минуту снова вернулся.

— Сергѣй Матвѣичъ нездоровы-съ... Барыня у нихъ, доложилъ онъ.

— Какъ нездоровъ? Что съ нимъ такое?

— Не могу знать-съ, лежатъ!

Стонъ повторился сильнѣе прежняго.

На лицѣ Петра Петровича выразилось безпокойство: онъ медленно поднялся съ кресла, посмотрѣлъ вокругъ себя, и, машинально запахнувъ халатъ, медленно вышелъ изъ комнаты, спустился по деревянной лѣстницѣ, остановился, прислушался—чей-то невнятный, хриплый голосъ произносилъ слѣдующія слова:

— Жжетъ! жжетъ!.. Отчего икнулъ? икнулъ, бѣда, бѣда моя!.. Душно, темно здѣсь... Горитъ! Свадьба была, концертъ пѣли. Дочь замужъ шла! Барыня, большая барыня! Господи, прости мнѣ!

Петръ Петровичъ пожалъ плечами, ноги его затряслись.

Онъ подошелъ къ маленькой двери, отворилъ ее. Въ небольшой комнатѣ съ бѣлыми стѣнами, съ простымъ некрашеннымъ поломъ, на узкой, деревянной кровати, опрокинувъ назадъ голову, лежалъ Сергѣй Матвѣичъ. Лицо его было покрыто багровыми пятнами, тусклые глаза выкатились, сдѣлались больше обыкновеннаго, не моргали, а какъ-то безсознательно блуждали; ротъ былъ раскрытъ, запекшіяся губы судорожно вытягивались. Онъ, то метался на кровати, рвалъ воротъ рубашки, точно она давила его, то лежалъ вытянувшись на спинѣ безъ всякаго движенія, тяжело дышалъ, хрипѣлъ, произносилъ какія-то невнятныя слова.

Передъ нимъ, крѣпко схватившись за спинку кровати, въ какомъ-то забытьи нѣмаго страданія, уставивъ неподвижные глаза, стояла блѣдная, изнеможенная Аринушка.

Петръ Петровичъ вошелъ въ комнату и остановился.

— Что съ нимъ? спросилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто самъ, лучше всякаго другаго, готовъ былъ отвѣчать на вопросъ свой.

Аринушка, казалось, не замѣтила вошедшаго; по крайней мѣрѣ она ничего не отвѣчала, не повернула голову, не двинула бровей.

— Что съ нимъ? Сергѣй Матвѣичъ, что съ тобой? повторилъ Петръ Петровичъ.

Больной уставилъ на него свои оловяные, безжизненные глаза.

— Замужемъ! прохрипѣлъ онъ и отвернулся.

Колотырникова слегка покоробило. Онъ вышелъ изъ комнаты, распорядился послать за докторомъ и снова вернулся.

— Сергѣй Матвѣичъ, худо тебѣ? спросилъ онъ съ участіемъ, усаживаясь возлѣ кровати больнаго.

Простите меня, всѣ простите!.. Благодѣтель сердится!.. Прогналъ... прошепталъ послѣдній съ усиліемъ.

Петръ Петровичъ поблѣднѣлъ.

— Кто сердится?! Что за вздоръ; ну погорячился—извини меня; свои люди, всѣ любятъ тебя. Вотъ твоя дочь здѣсь, Аринушка, и я здѣсь!.. Что съ нимъ? Все время здоровъ былъ, докончилъ онъ самъ съ собою и взялъ больнаго за руку.

— Руки холодныя... Голова горитъ... Что за напасть такая?

— Сергѣй Матвѣичъ, развѣ ты не узнаешь насъ. Посмотри хорошенько, мы дѣти твои, проговорилъ Петръ Петровичъ почти со слезами и взялъ Аринушку за руку.

Больной съ усиліемъ приподнялся на постелю, долго, пристально смотрѣлъ на присутствующихъ, какъ-будто отыскивалъ въ нихъ что-то знакомое.

— Зачѣмъ замужъ вышла? Хорошо тебѣ, хорошо! проговорилъ онъ замотавъ головой и снова упалъ на постель.

Аринушка, стоявшая до сихъ поръ неподвижно, вдругъ встрепенулась, точно искра пробѣжала по всему ея тѣлу. Она быстро взглянулз на Петра Петровича и крѣпко стиснула его руку.

— Говорите!.. Спасите его! еле слышно прошептала она.

Петръ Петровичъ замялся.

— Твоя дочь счастлива... будетъ счастлива, я ручаюсь за нее. Я люблю ее, очень люблю... люблю тебя!

— Боже мой, какого еще счастья мнѣ—и на землѣ не найдешь! твердымъ, спокойнымъ голосомъ докончила Аринушка и даже улыбнулась.

Прибѣжалъ докторъ, больному тотчасъ кровь пустилъ; Петръ Петровичъ казался тронутымъ. Онъ суетился, мѣшался, не зналъ, что говорить. На глазахъ его блестѣли слезы.

Аринушка стояла по прежнему у кровати отца и не спускала глазъ съ него, точно изучала его, боялась упустить малѣйшее движеніе его физіономіи.

— Папенька умретъ? спросила она у доктора такъ тихо, какъ будто насильно выговорила это слово.

— Ударъ!.. умретъ, равнодушно отвѣтилъ докторъ.

— Она опустилась на постель, рука ея какъ-то судорожно двигалась по спинкѣ кровати, щеки казалось впали, губы были полураскрыты.

Петръ Петровичъ ушелъ. Онъ не могъ видѣть этой тяжелой сцены.

Аринушка осталась у отца на ночь. Она забыла про позднее время, забыла про сонъ, про все на свѣтѣ; она все сидѣла, вытянувъ на колѣняхъ руки; изрѣдка вздрагивала,

тяжело дышала, порой къ чему-то прислушивалась, терла похолодѣвшій лобъ свой, точно припоминала что-то и снова входила въ мертвую, неподвижную задумчивость. Сальная свѣча, въ большомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, тускло освѣщая всю комнату, отбрасывала черную тѣнь на безжизненномъ лицѣ больнаго. Закрытые глаза его казались темными пятнами; онъ лежалъ въ совершенномъ изнеможеніи, закинувъ за подушки голову. Грудь его такъ высоко подымалась, точно она хотѣла вырваться изъ границъ своихъ. Въ изголовьѣ кровати, безпрестанно крестясь и охая, копошилась какая-то сморщенная старуха, вѣроятно приставленная для ухода за умирающимъ.

Только къ утру Сергѣй Матвѣичъ открылъ глаза, оглядѣлъ всю комнату, какъ будто-спрашивалъ, гдѣ онъ, и остановился на Аринушкѣ.

— Ты здѣсь? прошепталъ онъ слабымъ, хриплымъ голосомъ; попробовалъ приподняться, но не могъ, а только протянулъ руку.

— Я, отвѣтила Аринушка, съ ужасомъ смотря на отца, какъ будто боялась услышать отъ него что то очень страшное.

— Да!.. ты!.. Онъ гдѣ?.. Онъ?.. Не далъ Богъ въ радости пожить, отчего это? Ошибку сдѣлалъ, ошибку!.. Онъ остановилъ на дочери долгій, испытующій взглядъ и продолжалъ: терпи,—Богъ терпѣть велѣлъ; твоя доля такая. Затѣмъ ты и на свѣтъ родилась. Онъ что сказалъ?.. Ахъ! согрѣшилъ, молись за меня! Земля, все земля!.. Священника!.. добавилъ онъ совершенно глухо, застоналъ и замоталъ головой.

Аринушка повалилась на грудь отца.

— Папенька! папенька! родимый ты мой, шептала она, прижимая его холодныя руки къ губамъ своимъ, возьми меня съ собой... страшно мнѣ... здѣсь не останусь я... Я лишняя, лишняя!.. Нѣтъ мѣста мнѣ... Скажи слово, взгляни... Взгляни, Христа ради!.. Онъ поднялъ голову.

— Мужа слушайся!.. Будь вѣрной женой... рабой... съ большимъ усиліемъ прохрипѣлъ Сергѣй Матвѣичъ и вдругъ глухо застоналъ. Глаза его закатились, раскрытыя губы вытянулись.

Аринушка выпрямилась, отскочила отъ кровати, постояла съ минуту, точно не знала, что ей дѣлать — бѣжать или оставаться, потомъ бросилась ему въ ноги и громко зарыдала.

Черезъ нѣсколько минутъ Сергѣя Матвѣича не стало. Черезъ три дня его похоронили въ оградѣ церкви села Петровокъ.

Внезапная смерть старика произвела сильное впечатлѣніе на Петра Петровича. Въ первое время онъ совершенно растерялся, плакалъ, какъ ребенокъ. Не зналъ, что говорить, что дѣлать, даже боялся глядѣть на Аринушку, избѣгалъ разговора съ нею. Его мучила совѣсть, ему казалось, что теперь всѣ взгляды уставлены на него. Напрасно онъ старался всячески успокоить себя. Напрасно усерднѣе прежняго занимался дѣлами; ему вездѣ мерещился образъ покойника, все шептало ему: ты погубилъ этого человѣка, раньше времени придавилъ его. Только узнавши объ образѣ жизни Сергѣя Матвѣича, Петръ Петровичъ какъ бы обрадовался, вздохнулъ свободнѣе, тяжелый камень свалился съ груди его; онъ засіялъ снова, заговорилъ прежнимъ наставническимъ тономъ, и какъ бы въ благодарность умершему почтилъ его память великолѣпною панихидою.

— Жаль!.. свихнулся подъ старость; подъ старость-то и удержать себя, добрую память по себѣ оставить, о своей душѣ позаботиться, говорилъ онъ, взглядывая на жену, какъ будто требовалъ отъ нея подтвержденія словъ своихъ: и съ чего, всѣмъ слава Богу взысканъ, надѣленъ былъ, всѣмъ! Только жить бы да радоваться. Чего недоставало? добавилъ онъ вопросительно и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ самъ съ собою: все оттого, что люди своего счастія цѣнить не умѣютъ! Хорошо—человѣку, такъ хорошо, что лучше желать нечего — такъ нѣтъ, непремѣнно на зло лѣзетъ, добавилъ онъ энергически.

Аринушка, съ той минуты когда зарыдавъ бросилась въ ноги умирающему отцу, повидимому совершенно перемѣнилась, сдѣлалась равнодушною и къ себѣ, и ко всему окружающему; она затихла, замолкла, охолодѣла, какъ-будто приготовилась къ чему-то, какъ-будто грусть ея изсякла съ этимъ рыданіемъ, какъ-будто устала она и скорбѣть, и

жаловаться. Спокойно, безъ слезъ, съ блѣднымъ, неподвижнымъ лицемъ она молилась у гроба отца; спокойно поцѣловала его холодный лобъ, спокойно смотрѣла когда гробъ крышкой заколотили, спокойно наклонилась въ землю, когда дьяконъ протяжно заголосилъ—вѣчную память, спокойно бросила горсть песку въ яму, спокойно домой возвратилась. Ни одного вздоха не вырвалось изъ груди ея, ни одной слезы не выкатилось изъ глазъ; только каждый день она навѣщала отцовскую могилу, но и тамъ она не плакала, а только молилась, точно бесѣдовала съ отцемъ, точно разсказывала ему про людей, про себя, про жизнь свою, точно о чемъ-то спрашивала его, точно завидовала ему, точно въ смерти видѣла его перерожденіе, его спокойствіе. О бывшемъ разговорѣ съ мужемъ она и неупоминала, какъ-будто забыла его. Казалось, она вся переродилась, отказалась отъ самой себя отдалась на произволъ судьбы; ни чему не радовалась, ничѣмъ не огорчалась; смотрѣла на все равнодушно, какъ-будто все ей чуждо было, или все приглядѣлось, надоѣло, какъ-будто устала, обезсилила она.

— Ты, Аринушка, скучаешь все. Тебѣ бы нужно заняться, разсѣяться чѣмъ-нибудь, говорилъ какъ-то Петръ Петровичъ.

— Чѣмъ скучаю? Я вамъ благодарна за все, мнѣ грѣхъ скучать, грѣхъ жаловаться! Вотъ, развѣ что папенька умеръ?

— Что жъ папенька... мы всѣ умремъ, всѣ смертны. Слава Богу, похоронили какъ слѣдуетъ, съ честію; ты теперь не одна—твоя судьба обезпечена. Горевать не объ чемъ!

— Петръ Петровичъ, не сердитесь на меня, право я всѣмъ довольна, всѣмъ счастлива, за все Бога благодарю! отвѣтила Аринушка съ чувствомъ.

— Обжилась! замѣтилъ Петръ Петровичъ и улыбнулся. Что дѣлать, видно и къ счастію привыкнуть нужно! А вѣдь чудила прежде, право чудила.

Аринушка слегка покраснѣла.

— Да, нужно привыкнуть, нужно; теперь я привыкаю, скоро совсѣмъ привыкну! Меня учить нужно!

— Учить не учить, а только скакать не давать. Женщи-

на! вотъ теперь и не узнать тебя; а отъ чего—отъ мужа все, ему спасибо скажи; у добраго мужа всегда жена добрая—на томъ свѣтъ держится. Это вѣдь нонче выдумали противозаконное все! Жена не любитъ. Какъ не любитъ?.. Хорошаго мужа нельзя не любить; развѣ какая безпутная. Женщину только направить слѣдуетъ; и хорошая лошадь, да дай ей волю, разнуздай, самъ себѣ голову расшибешь! Ты бы, Аринушка, къ сосѣдямъ съѣздила; зачѣмъ тебѣ одной сидѣть? неожиданно добавилъ онъ.

— Извольте, Петръ Петровичъ, съѣзжу.

— Сегодня и поѣзжай, благо время хорошее.

— Хорошо, я сегодня поѣду!

— Да съ этимъ дуракомъ, съ Челкуевымъ тебѣ нужно любезнѣе быть; у меня дѣло съ нимъ.

— Постараюсь, Петръ Петровичъ!

— Непремѣнно нужно. Пора тебѣ матушка черное платье снять—терпѣть его не могу; для приличія можешь надѣть темненькое, къ чему черное?

— Какъ вамъ угодно, я темненькое надѣну.

— Тамъ горничная, что у тебя—ее слѣдуетъ въ другую деревню отправить; къ тебѣ новая назначена.

— Петръ Петровичъ, я такъ привыкла къ ней.

— Все равно, и къ другой привыкнешь! Опять въ церквѣ тебѣ нужно тамъ стоять, гдѣ коверъ лежитъ; тамъ твое мѣсто.

— Въ слѣдующій разъ я тамъ встану, покорно отвѣтила Арина Сергѣевна.

— А главное—не грустить больше; стараться людямъ нравиться, чтобъ люди хвалили; держать себя барыней.

— Да! прошептала Аринушка; опустила глаза и склонила голову.

Этой наружной, видимой перемѣной женинаго характера, ея переходомъ отъ мучительной борьбы къ какому-то апатичному спокойствію, Петръ Петровичъ былъ совершенно доволенъ. Его только смущала слишкомъ большая, неестественная рѣзкость этого перехода; впрочемъ и это послѣднее обстоятельство онъ объяснялъ по-своему. Онъ говорилъ: женщина съ душкомъ, съ характеромъ; ей самой стыдно

своей глупости, да признаться не хочется, самолюбіе тоже; думаетъ, все заглажу, все забудется. Она будетъ хорошей женой, сама ко всему привыкнетъ; какую дорогу укажешь, по той и пойдетъ. Потомъ спасибо скажетъ!

Нѣсколько дней спустя, Петръ Петровичъ объявилъ своей супругѣ слѣдующую новость:

— Аринушка, мы въ Петербургъ ѣдемъ, произнесъ онъ такимъ тономъ, какъ будто собирался куда-нибудь за двадцать верстъ къ сосѣду-помѣщику.

Арина Сергѣевна остолбенѣла.

— Какъ, въ Петербургъ? спросила она, въ недоумѣньи глядя на мужа.

— Въ Петербугъ; нужно такъ, дѣла заставляютъ. Можетъ не надолго, а можетъ и совсѣмъ тамъ останемся; дѣлать здѣсь нечего!

— Я также должна ѣхать? съ трудомъ вымолвила Арина Сергѣевна.

— Разумѣется, должна. Что за вопросъ странный—гдѣ мужъ, тамъ и жена. Черезъ недѣлю уѣдемъ; приготовься!

Аринушка хотѣла что-то сказать, но только опустила голову и принялась дрожащею рукою перебирать складки на платьѣ.

Петръ Петровичъ медленно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Тамъ у меня много родныхъ, знакомыхъ; всѣ полюбятъ тебя, тебѣ веселѣе будетъ. Ты женщина молодая, должна пріучаться въ свѣтѣ жить. Здѣсь гадость, сплетни однѣ! говорилъ онъ отрывисто, размахивая руками.

Арина Сергѣевна молчала.

— Конечно, Петръ Петровичъ, произнесла она, нѣсколько спустя, очень тихо, не подымая головы; я обязана исполнять ваши желанія, вашу волю; должна повиноваться—на то я жена!..

Петръ Петровичъ самодовольно улыбнулся.

— Только простите меня; я слишкомъ глупа, слишкомъ ничтожна. Какой мнѣ свѣтъ, онъ и здѣсь пугаетъ меня... Она хотѣла продолжать, но взглянула на мужа и замолчала.

— Привыкнешь! Нужно привыкнуть!.. Помнишь, сама

сказала, рѣшительно отвѣтилъ послѣднiй и вышелъ изъ комнаты.

Аринушка взглядомъ проводила мужа и вдругъ глаза ея въ одно мгновенiе наполнились слезами. Она тихо заплакала. Долго просидѣла она, подперевъ обѣими руками голову, слезы катились по ея блѣдному лицу; она неудерживала ихъ и казалось была рада, что могла выплакаться на свободѣ—только при малѣйшемъ шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ, слегка вздрагивала и быстро утирала глаза. Наконецъ встала, глубоко вздохнула и отправилась на кладбище.

Могила Сергѣя Матвѣича находилась за угломъ церкви. Подойти къ ней можно было совершенно скрыто. Аринушка шла тихо, опустивъ голову; шумъ шаговъ ея заглушался шумомъ тающаго снѣга, да порывистымъ вѣтромъ. Она достигла до поворота и вдругъ подняла глаза, и остановилась какъ вкопанная. На краю могильной плиты, подгорюнясь, сидѣлъ Романъ Семенычъ съ трубкою въ зубахъ.

Увидавъ Арину Сергѣевну, онъ всталъ очень спокойно, какъ-будто ожидалъ ее; медленно отошелъ въ сторону, точно ей мѣсто давалъ, и принялся выколачивать о камень золу изъ трубки.

Аринушка не спускала съ него глазъ.—Вы къ папенькѣ? спросила она тихо.

— Зашелъ; погода теплая, отвѣтилъ Романъ Семенычъ отрывисто, не оставляя своего занятiя.

— Благодарю васъ!.. Вы знали папеньку?

— Нѣтъ, не зналъ; видѣлъ только, встрѣчался...

— Вы часто сюда ходите?

— Часто, тутъ у меня сестра лежитъ. Онъ кивнулъ головой въ сторону.

Аринушка опустила глаза и тотчасъ же снова подняла ихъ.

— Романъ Семенычъ! произнесла она несмѣлымъ, умоляющимъ голосомъ, я хочу просить васъ.. Правда, я чужая для васъ, вы меня совсѣмъ не знаете, никогда не говорили со мною; все равно, вѣдь это доброе дѣло, васъ Богъ наградитъ за него!.. Она на минуту остановилась. Вы сюда ходите—заверните иногда на могилу къ отцу моему, поклони-

тесь ей!.. Въ ней все дорогое для меня; все то, чѣмъ до сихъ поръ жила я!.. Она хотѣла заплакать, однако удержалась и очень тихо добавила: мы въ Петербургъ уѣзжаемъ; не знаю за чѣмъ—Петру Петровичу угодно.

— Да, въ Петербургъ; его дѣла разстроились, на подрядѣ оборвался. Петровку закладываетъ, равнодушно пояснилъ Романъ Семенычъ.

На послѣднія слова Аринушка не обратила никакого вниманія. Она только протянула Стадкину руку и робко съ дѣтской улыбкой на устахъ проговорила: такъ какъ же, вы ходить будете?

— Буду, отвѣтилъ послѣдній, изъ приличія касаясь двумя пальцами руки Аринушки.

Эти пальцы слегка дрожали.

— Я всегда хожу, продолжалъ онъ; дѣлать мнѣ нечего. Ходилъ къ одной жертвѣ, теперь къ другой.

— Какъ къ жертвѣ?

— Къ жертвѣ!.. Развѣ отецъ вашъ не жерва—его также сдавили.

— Какъ сдавили?

— Такъ, барской волей сдавили, благодѣяніемъ, золотомъ, добромъ, зломъ, не все-ли равно—конецъ одинъ!

— Папенька послѣднее время пилъ много, опустивъ глаза замѣтила Аринушка.

— Отъ того и пилъ, что сдавили. все оттого. Вонъ этого тоже тиснули, онъ указалъ на какую-то могилу, тамъ тоже, сестру тоже; да всѣ, что здѣсь лежатъ—всѣ придавленные!

Аринушка не знала что отвѣчать. Она со страхомъ и удивленіемъ смотрѣла на Романа Семеныча.

— Да, продолжалъ онъ съ необыкновеннымъ, несвойственнымъ ему увлеченіемъ; человѣкъ такой всѣхъ давитъ, а добрый—кто говоритъ добрый; только барскаго много, добромъ и давитъ всѣхъ, никому зла нехочетъ; да добро-то его хуже полыни горькой—душитъ, захватываетъ. Васъ тоже придавитъ, сюда же вотретъ, помяните меня, вотретъ, ей Богу! добавилъ онъ совершенно равнодушно, сѣлъ на камень и глубокомысленно затянулся.

— Господь съ вами, Романъ Семенычъ, что вы говорите такое, — непонять васъ... Я такъ обязана Петру Петровичу, такъ счастлива! произнесла она нерѣшительно.

Стадкинъ усмѣхнулся и выпустилъ облако дыма.

— Счастливы! замѣтилъ онъ съ ироніей; дай Богъ, вамъ же лучше; все это вздоръ, вы говорите противъ себя. Я все понимаю; вы думаете я молчу—оттого и молчу, что говорить много нужно, а мало нестоитъ; да и зачѣмъ говорить, словами тутъ непоможешь. Счастливы!.. Знаю я ваше счастье: послѣднему злодѣю не пожелаю его. Развѣ такого мужа вамъ надобно; вамъ съ мужемъ надобно въ одно цѣлое слитьтя; а онъ что, какой онъ мужъ, онъ повелитель вашъ, царь! насиліе, одно насиліе! добавилъ онъ энергически и снова углубился въ трубку. Аринушка стояла какъ вкопаная. Она не смѣла шевельнуться, незнала что говорить. Въ первый разъ она услышала правду, услышала самую себя, свою думу, свою боязнь и гдѣ—на кладбищѣ, на могилѣ отца. Лице ея было совершенно блѣдно. Грудь высоко подымалась. Руки дрожали.

— Вы очень сердиты на Петра Петровича? сказала она съ усиліемъ.

— Нѣтъ, не сердитъ; за что мнѣ сердиться. На него сердиться никто не въ правѣ: онъ давитъ безъ умыслу, давитъ по натурѣ своей, задавитъ—а потомъ слезами обливается Какъ тутъ сердиться, притомъ я его и не касаюсь. Я что! —посторонній человѣкъ!...

— Романъ Семенычъ! помолчавъ, произнесла Аринушка и оглянулась вокругъ себя. Вы добрый человѣкъ—до сихъпоръ я не знала васъ; спасибо вамъ—вы говорите такъ страшно, вы правду говорите; спасите же меня, научите, что мнѣ дѣлать?..

— Что дѣлать — терпѣливо нести крестъ свой; больше вамъ нечего дѣлать; больше вы ни на что не рѣшитесь; нельзя вамъ больше—васъ ужъ сдавили съ того часу, какъ вы невѣстой сдѣлались.

Аринушка вздрогнула.

— Тутъ и лечиться нельзя, продолжалъ Романъ Семенычъ; вашихъ силъ не хватитъ леченье выдержать. У васъ

два пути—или терпѣть, рабой жить и умереть рабой, или... Онъ замолчалъ.

— Что-жъ или?

— Или... да тутъ и говорить нечего; вамъ сердце шепнетъ. Твори господь волю свою, доля такая! добавилъ онъ равнодушно.

На церковной колокольнѣ пробило два часа.

Аринушка встрепенулась и подняла голову. — Мнѣ идти нужно; меня обѣдать ждутъ, произнесла она съ нѣкоторымъ испугомъ и протянула Стадкину руку.

— Прощайте! Я посижу, еще трубку выкурю. Правда всегда съ языка соскочитъ, потому и молчу больше, хладнокровно отвѣчалъ онъ и снова, изъ приличія, подалъ два пальца руки своей.

Аринушка повернулась и пошла.

Романъ Семенычъ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ, потомъ набилъ трубку, высѣкъ огня, закурилъ ее, и долго въ какомъ-то раздумьи выпускалъ облака дыма, а кругомъ него спали глубокимъ сномъ все сдавленные...

А. ВИТКОВСКІЙ.

74

Пилигримъ.

(Сонетъ изъ Мицкевича).

Какая земля подъ моими ногами,
Какая лазурь надъ моей головою,
Какая красавица рядомъ со мною! —
А сердце далёко: межъ прошлыми днями!

Литва! ты милѣй мнѣ своими лѣсами,
Чѣмъ дѣвы Салгира съ своей красотою:
Тамъ счастье я зналъ, хоть трясины ногою
Топталъ;—здѣсь уныло брежу межь плодами.

Влечетъ къ тебѣ, край мой, могучая сила,
Вздыхать заставляя о *ней* ежечасно —
О той, что когда-то любилъ ненапрасно,

О той, что осталась въ краю, гдѣ всё мило...
Тамъ шепчетъ ей всё: «онъ любилъ тебя страстно!»—
А помнитъ-ли друга она, иль забыла?...

АЛЬБИНЪ ПІОТРОВСКІЙ.

1861 г.

ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНІИ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній).

Я былъ свидѣтелемъ любопытнаго и, въ тоже время, чрезвычайно оригинальнаго спора. Съ какого повода начался этотъ разговоръ — я не знаю; помню, что одинъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

— У насъ различныя точки отправленія: вы приказываетс признавать себя за практика; мнѣ не хочется видѣть въ себѣ одного только теоретика. Вотъ почему у насъ больше крику и меньше дѣла; вотъ почему, желая сойтись въ примиреніи, мы только расходимся все дальше и больше, и никогда между собою не сойдемся. Я это знаю по долгому опыту. Но позвольте спросить васъ: принимая этого сѣренькаго человѣка, въ курткѣ; на свое попеченіе, ради обученія, вы думали-ли вотъ объ чемъ: за что я буду на него сердиться, за что я буду считать его несравненно хуже себя: вѣдь я и самъ не бѣлый. Его сѣрымъ сдѣлала природа, меня бѣлымъ не сдѣлали обстоятельства. У меня для того, чтобы изъ него, сѣраго, сдѣлать бѣлаго, нѣтъ никакихъ иныхъ химическихъ препаратовъ, кромѣ простого способа загрунтовки. А грунтовку мнѣ даже и приготовлять не нужно: она, вмѣстѣ съ сѣрой курткой и мѣдными пуговицами,

отпускается отъ казны. Я и буду грунтовать — думаете вы и—дѣлаете. Вотъ на этомъ-то я васъ и хочу поймать. Теперь-то вотъ я и спрошу васъ: знаете-ли вы, что темные цвѣта самые крѣпкіе и упорные для того, что измѣняются всецѣло? Вы это знаете, но забыли. Я вамъ напомню. 18, 20, 25 и даже очень часто 35 и больше лѣтъ накопляется на вашемъ сѣромъ человѣкѣ тотъ цвѣтъ и всѣ цвѣтовые оттѣнки, съ какими вы его приняли въ науку. Смыть ихъ свѣжей рѣчной и морской водой или застоявшейся и заплѣсневѣлой водой вашей науки нельзя. Вы это знаете, но не догадываетесь во время. И что̀ же вы начинаете дѣлать? Мыть, но не отмывается; вы начинаете скоблить—отскабливается лучше, но сѣрые процвѣты все еще остаются. Такъ вѣдь и должно быть; краска прочная, на нее взята привиллегія: даже Нѣмцы признали и поняли эту привиллегію. У васъ, очевидно, дѣло не клеится и потому, что вы мало-умѣлый и знающій, и потому, что субъектъ вашъ слишкомъ самобытенъ и оригиналенъ; вы оба — люди противоположныхъ полюсовъ. И что же выходитъ: вы начинаете сердиться не на себя, какъ бы слѣдовало, а на него, на своего паціента. И какъ сердиться!!! Какъ малый ребенокъ, который, не умѣя починить имъ же изломанную игрушку, начинаетъ ее хлестать круто-смотанной веревкой, колотить чѣмъ ни попало, чтобы потомъ бросить ее въ гальюнъ, говоря привычнымъ мнѣ морскимъ терминомъ.

— Но позвольте! — перебилъ другой споривші: вы забываете, что у людей разные характеры: иные вспыльчивые, горячіе, злые.

— На такихъ людей существуетъ намордникъ, который называется просвѣщеніемъ, образованностью.

— Но вашъ сѣренькій человѣкъ дается мнѣ такимъ неумѣлымъ, такимъ робкимъ и тупымъ, что я готовъ положительно считать его дуракомъ, и такимъ, на которомъ я долженъ начинать науку свою снова, съ аза.

— Думая такъ, — ошибетесь. Вашъ новобранецъ или какъ вы называете его — рекрутикъ, кажется вамъ и тупымъ, и дуракомъ, потому только, что онъ оробѣлъ, испугался, а вы запугали его еще больше. Пеняйте на себя!

въ многолюдное незнакомое общество, да еще притомъ такое, гдѣ только предубѣждены противъ васъ, вы смѣло и храбро не войдете: въ этомъ я поручусь за васъ. Растеряетесь вы, глаза у васъ разбѣгутся; вы не соберетесь ни съ физическими, ни съ нравственными своими силами, не найдетесь куда спрятать руки, не съумѣете владѣть ногами, не отыщете словъ настоящихъ, приличныхъ. И понятно: вы— новобранецъ, вы въ первый разъ въ этомъ обществѣ. Вѣдь не бьютъ же васъ, не колотятъ, а вѣжливо стараются привести въ чувство; замѣтивши вашу застѣнчивость, всѣми силами и средствами разсѣеваютъ ее. Будьте же справедливы: не бейте и другихъ за то, что̀ вамъ самимъ прощаютъ, за что васъ самихъ ласкаютъ.

— Но у насъ велятъ эту застѣнчивость уничтожать возможно скорѣе: она намъ не годится.

— Понимаю. Вамъ не дано другихъ средствъ, кромѣ палки; говорю не дано, зная, что вы лѣнивы, ибо сами до сихъ поръ объ иныхъ средствахъ не думали, другихъ способовъ обращенія не изобрѣли, не прилагали. Правы ли вы?

— Правъ, потому что это общая европейская система.

— На это могу сказать одно только, что или васъ самихъ много сѣкли—и вы мстите, какъ мститъ своимъ воспитанникамъ директоръ, инспекторъ, вышедшіе изъ тѣхъ русскихъ заведеній, гдѣ неистово порютъ; или — васъ мало сѣкли, что вы не вошли во вкусъ и не знаете, какая это невыносимая пытка. Въ томъ и другомъ случаѣ вы неправы.

— Но вы рѣзко выражаетесь...

— Споръ дѣло такое; щепетильную щеголеватость словъ и мыслей оставимъ спичамъ и надгробнымъ рѣчамъ. Дальше придется, можетъ быть, говорить еще рѣзче. Заранѣе предупреждаю васъ объ этомъ и прошу извиненія. Пора же намъ говорить, не стѣсняясь другъ передъ другомъ, не боясь другъ друга. Постараюсь впрочемъ быть деликатнымъ въ вашемъ смыслѣ этого слова; извините, если промахнусь иной разъ противъ собственной воли. Попробую сдѣлать такъ, защищаясь отъ вашего замѣчанія такою формулою. Я долженъ дѣлать не такъ, какъ со мной самимъ дѣлали, но

поступать такимъ образомъ, какъ не поступятъ со мной и какъ поступать никто не имѣлъ бы права. Говоря эти избитыя истины, я думаю (и досадую): неужели мы еще должны обращаться къ азбукѣ и, зная, что знакъ *а* называется азъ, сомнѣваться въ этомъ? Скептицизмъ дѣло хорошее, но не въ такой размельченности и дробности, въ дѣлѣ воспитанія еще больше. Примѣры и факты и тѣ, и другіе давайте практическіе, по возможности историческіе.

— Въ англійскомъ флотѣ существуетъ тѣлесное наказаніе.

— Вотъ мы и добрались, наконецъ, до той великой истины, съ которой намъ и начать бы слѣдовало. Съ грустною истиной этой всѣ носятся; всѣ ее, какъ бревно подъ ноги, бросаютъ всякому позволяющему себѣ усумниться въ ея нравственномъ достоинствѣ. Я изъ послѣднихъ. И скажу: англичане — англичане, но вѣдь мы — мы русскіе.

— Я васъ не понимаю.

— Сожалѣю объ этомъ и отвѣчу вамъ пока такимъ же голымъ, отдѣльно взятымъ фактомъ: капитаны китобойныхъ судовъ въ каждый карманъ кладутъ по револьверу, а кармановъ у всякаго китобоя столько же, сколько линьковъ на русскихъ судахъ. Безъ револьверовъ этихъ китобои-капитаны изъ каюты своей не выходятъ, да и вообще примѣчательно—рѣдко являются они на палубѣ. Изобьютъ или просто убьютъ. Китобои—кабацкая сволочь, люди злые и озлобленные; да и капитановъ судовъ этихъ, несмотря на всю ихъ опытность въ морской практикѣ, правительственныя суда англійскія не берутъ къ себѣ, не нанимаютъ. Капитаны сами шли изъ кабака и добились этого званія потому только, что долго ходили въ море, много линьковъ на своемъ вѣку измочалили. Отъ такихъ господъ хорошаго не дождешься, да и не добьешься. Чтобъ не ходить далеко, перейдемъ прямо къ нашимъ...

— Но переходъ слишкомъ крутъ; громадная разница...

— Споръ—не разстановка хрій по реторикѣ Кошанскаго; а предметы, повидимому огромнаго различія, при сравненіи оказываются въ сильной аналогіи и сродствѣ. Это и по логикѣ Рождественскаго справедливо. Будемъ же спорить не

о словахъ, а объ дѣлѣ; останавливаться не на фразахъ, а на ихъ сущности. Установимъ равныя права между собою и пойдемъ дальше. Вѣдь вы приравняли же къ линькамъ русскаго матросика, взятаго, какъ извѣстно, изъ мирнаго податнаго сословія къ англійскимъ матросамъ, схваченнымъ на половину изъ кабаковъ и изъ того разряда людей, которые на сухомъ пути потеряли все, даже чувствительность кожи, и въ тоже время сами потерялись безразлично и всецѣло.

— Позвольте вести мнѣ мои доказательства категорически. Въ дѣлѣ нашего спора я вижу начало и конецъ, а потому смѣю разсказать то и другое. Беру на себя начало т. е. объясненіе основныхъ причинъ, лежащихъ въ характерѣ русскаго крестьянина, наканунѣ того дня, когда изъ него вытешутъ матроса; и конецъ, т. е. тѣ печальные результаты, которые изъ этого происходятъ. Средину, т. е. процессъ таковаго перерожденія я оставляю вамъ, моряку, моему оппоненту, мужу практики. Я самъ тоже изъ бывалыхъ, не изъ кабинетныхъ. Начинаю — извините — вопросомъ: какія мѣстности разнообразной Россіи даютъ своихъ представителей на флотъ нашъ въ матросы?

— По большей части это жители сѣверныхъ губерній: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, почти всѣ приволжскіе обитатели; много Татаръ, значительная часть Финновъ или лучше—Чухонцевъ. Остальные виды безслѣдно пропадаютъ въ общей массѣ.

— Смотрите же, что выходитъ изъ словъ вашихъ: на флотъ поступаютъ лучшіе люди изъ всего податнаго состоянія Россіи. Сѣверныя губерніи, скрытыя за темными лѣсами и непроходимыми болотами отъ всякаго соблазна и всяческой порчи, какъ нѣкогда Новгородъ отъ татарскихъ погромовъ, населены такимъ народомъ, который крѣпко придерживается старины и до сихъ еще поръ и искренно-простосердеченъ, и неподкупно-прямодушенъ. Обусловившись говорить проще, мы и дальше не будемъ прибѣгать къ діалектическимъ уловкамъ и хитростямъ. На этомъ—все наше право. Въ сѣверныхъ губерніяхъ нѣтъ фабрикъ и, стало быть, этого растлѣвающаго, заразительнаго разврата, какимъ полны напр. подмосковные и замосковные, тульскіе и владимірскіе

уѣзды; фабричный плутъ и ловчакъ здѣсь немыслимы и неизвѣстны, потому что нѣтъ подъ бокомъ столицъ съ ихъ трактирами, площадями и всякимъ соблазномъ, на который такъ падокъ неискусившійся человѣкъ. Надзоръ держитъ здѣсь, на сѣверѣ, не полицейскій приставникъ, не фабричный хозяинъ, не заводскій прикащикъ, для которыхъ равно непонятна истинная нравственность, — но старый обычай и старая вѣра, которая вся за семью и за общину, за благосостояніе и счастіе той и другой. Не разбиваетъ этого строя, наложеннаго обычаемъ и поддерживаемаго общиной (пожалуй даже раскольничьей) и то многопечальное учрежденіе, которое зовется откупомъ, и то многострадальное заведеніе, которое обзывается кабакомъ. Рѣдкій гость въ этихъ губерніяхъ дѣдновецъ, который, какъ язва, съ своей водкой и своей темной снаровкой, усѣлся вездѣ, гдѣ существуютъ фабрики и бойкое базарное мѣсто. Сѣверныя губерніи не держатъ солдатскаго постоя и избавлены отъ того, чѣмъ даритъ кормильца развращенный воскормленникъ; нѣтъ воровства, нѣтъ плутовства, нѣтъ наглаго подкапыванія подъ цѣломудріе чужой жены или дочери. Если въ этихъ губерніяхъ послѣдняя роль перешла на чиновника, то сумма случаевъ, при малочисленности помянутаго класса, ничтожна и для насъ нейдетъ въ соображеніе. Я хочу этимъ сказать только то, что и самыя преступленія тамъ несравненно рѣже. Оффиціальныя свѣдѣнія, собранныя мною недавно, приводятъ меня къ тому заключенію, что бо́льшая часть преступленій на Руси сопряжена съ захватомъ чужой собственности, а на захватъ этотъ увлекаетъ преступниковъ нужда, доведенная до крайности. И только самая незначительная часть преступленій совершена подъ вліяніемъ страстей. На это укажутъ вамъ и оффиціальныя донесенія и краснорѣчивыя цифры. Я намѣренъ дать объ этомъ предметѣ подробный трактатъ; а потому позвольте теперь возвратиться къ тѣмъ же сѣвернымъ губерніямъ, гдѣ, какъ извѣстно, недавно только начали употреблять ключи и замки, и простите мнѣ—я вѣрю факту, разсказываемому въ тѣхъ мѣстахъ зачастую, что потерявшій вещь приходилъ на базаръ, на площадь, въ церковь и объявлялъ о пропажѣ, и наводимъ былъ на слѣдъ или

получалъ пропавшее или покраденное. Времена, правда, измѣняются, измѣняются и люди, но цифра всегда краснорѣчива. Я васъ не утомлю, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи на этотъ разъ опереться на эту цифру. 1854 годъ далъ Сибири изъ Арханг. губ. 16, 1855—67; 1856—37; 1857—38 преступниковъ всякаго рода. Олонецкая въ 1854—2; въ 1855—5; въ 1856—13; въ 1857—7. Вологодская губернія въ 1854—12; въ 1855—12; въ 1856—46; въ 1857—21. Года беру на выдержку и сопоставляю этимъ губерніямъ тѣ, напр., въ которыхъ и фабрики, и заводы, и столицы:

Изъ нихъ: Петербургская въ 1854 г. дала 516; въ 1855 171; въ 1856 149; въ 1857 66
» Московская » » » » 198 » » 377 » » 311 » » 230
» Пермская » » » » 579 » » 381 » » 489 » » 468
» Оренбургская » » » » 277 » » 189 » » 163 » » 205

Тоже самое скажутъ намъ и другія цифры по другимъ губерніямъ, если мы сопоставимъ двѣ однородныхъ: одну, дающую большое количество матросовъ, напр. Костромскую, и другую, не дающую матросовъ, но ближайшую къ Костромской по относительному числу жителей, напр. хоть Кіевскую. Всѣхъ преступниковъ изъ Костр. губ. ушло въ Сибирь въ тѣже годы слѣд. количество:

Изъ Костромской въ 1854— 86; въ 1855—121; въ 1856— 46; въ 1857—108
Изъ Кіевской » » 627 » » 536 » » 304 » » 308

Цифръ кажется довольно; выводовъ, за краткостью времени, дѣлать не будемъ, оставляю ихъ про себя на всякій случай. Довольно будетъ съ насъ, если мы за жителями сѣверныхъ и приволжскихъ губерній оставимъ заслуженное право отличаться меньшимъ количествомъ преступленій передъ всѣми другими и поздравимъ флотъ съ завидною привиллегіею принимать въ число командъ жителей тѣхъ губерній, въ которыхъ мирное занятіе земледѣліемъ обратилось въ главный и существенный промыселъ. А ни одинъ промыселъ такъ не умягчаетъ нравовъ, какъ этотъ. Съ этимъ согласились всѣ—уступите.

— Но вы даете только общія положенія: не даете выводовъ...

— Я ихъ и не обѣщалъ вамъ. Не забудьте, что мы пишемъ не картину, а кладемъ только узоръ. Не забудьте, что

въ нашемъ распоряженіи только канва, шерсть куплена, но не подобрана по цвѣтамъ; а иглы нѣтъ. Шить нечѣмъ.

— Вы забыли про Татаръ.....

— Не забылъ я ихъ, когда говорилъ о приволжскихъ губерніяхъ; а теперь скажу, что Татары уличаются въ двухъ весьма странныхъ и подозрительныхъ преступленіяхъ: они идутъ въ ссылку за кражу лошадей и пристанодержательство почти исключительно. Матросами изъ татаръ моряки не нахвалятся. Въ нихъ видятъ даровитость, понятливость, честность. Это я слыхалъ, да и самъ на себѣ испыталъ. Про чухонъ говорятъ тоже. Инородцами вообще Россіи посчастливилось—старая истина. Но объ этомъ будетъ на первый случай.

— Вернемся нѣсколько назадъ. Помните, что въ матросы идутъ люди, сейчасъ только взятые отъ сохи и бороны, прямо съ поля, изъ избы, съ отдыха, а не изъ кабака и съ фабричной гульбы. Съ меня будетъ и этого довольно. Дитя доброе, послушное, кроткое, имъ не нахвалятся тѣ, кто его поближе знаетъ. Кротость въ его глазахъ, кротость въ его пѣсняхъ, миръ и любовь въ его обычаяхъ и житейскихъ отношеніяхъ. Прислушайтесь къ нему внимательнѣе—вы его заслушаетесь; присмотритесь къ нему прямо, не предубѣжденными глазами—не налюбуетесь; а главное, подходите къ нему, не царапаясь, не съ кулакомъ и крутымъ словомъ—онъ не обездолитъ, не обидитъ васъ недовѣріемъ. Такихъ дикихъ педагоговъ дѣти не любятъ; отъ нихъ бѣгаютъ. Убѣгутъ да и смотрятъ потомъ изъ-подлобья, спрятавшись. И пряникъ покажете—не пойдутъ. «А золъ-де ты, такъ и я мстителенъ; другаго чувства кромѣ мщенія, я и найти не могу въ своемъ неопытномъ сердцѣ, въ своемъ неразвитомъ умѣ.» Подходите же съ вѣрой и любовію приласкайте этого умнаго, но только неученаго ребенка—онъ къ вамъ бросится на шею. Смѣю васъ въ этомъ увѣрить; смѣю не развивать больше этихъ простыхъ истинъ, ясныхъ какъ день Божій; смѣю замолчать, зная, что вы сами знаете это, да... да забыли (скажу, чтобы успокоить васъ и свою совѣсть).

— Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Говорите тысячу, но такихъ, которыя бы опровергали прямо и безъотносительно мои положенія.

— Вы ничего не говорите о самой системѣ нашего воспитанія.

— Не говорю, потому что я ее знаю только отчасти, видѣлъ только стороной и притомъ одинъ уголокъ при тщательно-скрытой картинѣ, съ опущенной завѣсой. Я уважаю вашу систему какъ историческій фактъ, но не знаю ея, потому что никто не говорилъ объ ней откровенно и простосердечно.

— Но вы не сказали еще какіе именно изъ крестьянъ поступаютъ въ морскую службу: прилежные или лѣнивые, способные или неспособные.

— Въ крестьянскомъ сословіи нѣтъ табели о рангахъ, тамъ, какъ извѣстно, всѣ равны и всѣ одинаковы. На флотъ идутъ рѣже богатые, чаще бѣдные, меньше взятые изъ семействъ, больше такъ называемые бобыли, т. е. одинокіе, круглые сироты. Помѣщичьяго права въ сѣверныхъ губерніяхъ не существуетъ, стало быть нѣтъ и произвола; вся *некрутчина* опредѣляется міровыми сходками, огуломъ. Татары—тоже всѣ крестьяне государственные; Чухны—также. Нужно знать положеніе общественное и житейскую обстановку бобылей, чтобы въ этомъ разрядѣ людей не видать людей испорченныхъ и безнравственныхъ. Это люди, обездоленные сиротствомъ и безвыходнымъ положеніемъ. Имъ далеко до такъ называемыхъ наймитовъ, которые продаютъ свою волю за деньги и водку и пьютъ и буянятъ на счетъ своего наемщика только до рекрутскаго присутствія. Лишь только накинутъ на ихъ плечи казенный полушубокъ, они примирѣютъ, какъ баба кликуша. Что въ характерѣ крестьянъ нашихъ нѣтъ самостоятельности и устойчивости въ убѣжденіяхъ—это отчасти вѣрно, но это уже другой вопросъ. Но не забывайте, что у нихъ есть въ тоже время упорство и неуступчивость, которыя въ дѣтяхъ называютъ упрямствомъ. Попробуйте прямѣе дѣйствовать, и у васъ не будетъ въ итогѣ недовѣрія со стороны ученика, съумѣйте только въ свою очередь сдѣлать себя кроткимъ, незлобивымъ, и у васъ самихъ не будетъ розогъ. Недовѣріе ученика не перей-

деть въ замкнутость и вы уже не встрѣтите въ немъ настоящаго упрямства, со всѣми его дурными послѣдствіями.

— Вы упомянули объ розгахъ. Къ розгамъ крестьянинъ привыкъ еще дома, съ ними онъ сроднился до того, что отучать его отъ нихъ для насъ трудно. Не будетъ розогъ въ крестьянствѣ—не будетъ ихъ и на флотѣ, у насъ.

— Отвѣчу на это сравненіемъ. Мальчикъ, набалованный безтолковой маменькой, привыкъ, подъ ея крыломъ, сладкое ѣсть. Съ этой слабостью и повадкой онъ поступилъ въ школу. Здѣсь не отучать его стали, а забаловывать, продолжать кормить сладкимъ. Педагоги не сообразили, или даже забыли, что баловство это задерживаетъ ростъ у ребенка, задерживаетъ развитіе его умственныхъ способностей; мальчикъ и безъ того отъ рожденія золотушный. Вина родителей: ихъ прежняя безпутная жизнь, помѣшавшая родительскимъ организмамъ сохранить въ тѣлѣ достаточное количество питательныхъ соковъ; не удѣлили они таковыхъ и дѣтямъ, а воспитатели, въ свою очередь, дали возможность развиться этимъ болѣзнямъ и въ дѣтяхъ. Лекарей, какъ извѣстно, въ деревняхъ нѣтъ и не полагается: подлекаря, люди темные, сами недоученные и неумѣлые. Ихъ выучили одному только средству «кормить больныхъ березовой кашей», они ею и пичкаютъ. Ребенокъ къ кашѣ привыкаетъ, но привыкаетъ ли въ такой мѣрѣ, чтобы лишиться возможности бросить и забыть ее тотчасъ же, какъ дадутъ ему другую пищу, другое блюдо, приготовленное изъ новыхъ, питательныхъ и здоровыхъ веществъ? Отрицательнаго отвѣта вы мнѣ дать не смѣете, иначе я назову васъ нравственно-развращеннымъ. Чортъ съ ней, съ этой кашей: она только засоряетъ желудокъ, а отъ несваренія послѣдняго происходятъ многіе недуги, между прочимъ и задержка умственнаго развитія. Ребенокъ на возрастѣ становится какимъ-то пришибеннымъ, забитымъ, лишеннымъ нравственной инициіативы; боязливъ онъ, недовѣрчивъ. Если всегда будутъ няньки и опекуны у вашего ребенка, онъ вѣчно будетъ ходить на помочахъ и, придя въ возрастъ, все-таки останется калекой и недодѣланнымъ—безъ дядьки онъ не ступитъ, безъ опекуна слова сказать не найдется. Послушайте, педагогъ! Я далъ вамъ

ребенка смышленаго и только неопытнаго; вы держали его у себя въ наукѣ 15, 20, 25, лѣтъ, все учили; пришло время, вы отдаете его мнѣ назадъ, ваше дѣло кончено. Приходитъ ребенокъ ко мнѣ. Я смотрю на него пристально, съ ногъ до головы, поворачиваю его, оглядываю, опрашиваю—и не узнаю. По внѣшности онъ какъ будто мой; по разговору, по убѣжденіямъ, совсѣмъ чужой. Мнѣ это больно и горько. Плакалъ бы, такъ уже и слезы у меня не текутъ, всѣ выплакалъ; къ сосѣдямъ пойти горевать, такъ ужъ надоѣло и мнѣ и сосѣдямъ этимъ. Приласкалъ бы я ребенка — не милъ онъ сталъ, насилованныя ласки не утѣшаютъ меня. Съ каждымъ днемъ постылѣетъ мнѣ мое родное дитя, постылѣетъ еще больше потому, что и само оно въ лѣсъ глядитъ отъ меня, ни за что взяться не умѣетъ. Что съ нимъ дѣлать? Само оно себѣ въ тягость, и мнѣ—совсѣмъ лишнее. Изуродовали его, искалечили. И пойду я ходить изъ угла въ уголъ, и стану дѣлать такъ не одинъ день, а недѣли цѣлыя, и какъ императоръ Августъ твердить одну и то же фразу: Varre, Varre! redde mihi *legiones*!

Разговоръ моихъ собесѣдниковъ, къ несчастію, на этомъ прекратился. Мнѣ сильно хотѣлось подстрекнуть ихъ, чтобы вновь ихъ слушать. Много было недоговореннаго, много какъ будто неопредѣленно-высказаннаго, мало подкрѣпленнаго примѣрами и фактами.

— Неужели, думалъ я, и всегда у насъ такъ, и всѣ у насъ такъ. Говорятъ,не договариваютъ. Примутся спорить, шумятъ только и расходятся довольные не другъ другомъ, а сами собой; всякій остался при своемъ мнѣніи и думаетъ: чортъ ли мнѣ въ томъ, что мы хотѣли сойтись въ одномъ пунктѣ и—не сошлись. Завтра опять можно поспорить, времени свободнаго много;—на работу не зовутъ. Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не бѣжитъ, увѣряютъ насъ. Чтожъ дѣлать? Повѣримъ на слово; станемъ и сами такъ думать. А вотъ что, между прочимъ, замѣтилъ я говорливому оппоненту. Любопытно было бы знать, къ какимъ выводамъ привели васъ наблюденія надъ нашимъ матросомъ.

— Я велъ дневникъ, отвѣчалъ мнѣ собесѣдникъ. Я прочту вамъ изъ него выдержки въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ они ложились въ тетрадяхъ. Возьмите ихъ и дѣлайте съ ними что хотите и что можете сдѣлать,—печатайте! Предупреждаю объ одномъ. Матросъ меня занималъ только въ своемъ законченномъ видѣ, наканунѣ оставки, которая уведетъ его опять въ ту семью, откуда онъ вышелъ новобранцомъ. Сожалѣя объ томъ, что мнѣ не случилось быть у новобранца этого на крестинахъ, не удалось пожить съ нимъ въ школѣ, скажу вамъ, что я навѣстилъ его только на праздникахъ;—пробылъ подлѣ него только два мѣсяца. Поближе, другихъ я узналъ только одного, но этотъ одинъ былъ старый матросъ марсовый, кругосвѣтный. Всѣ мои воспоминанія будутъ больше группироваться около него. Предупреждаю васъ объ этомъ и прошу снисхожденія.

Принявши этотъ дневникъ въ свое распоряженіе, я съ своей стороны оставляю за собой одно только право—сдѣлать его печатно гласнымъ. Измѣняю порядокъ и планъ, не смѣя дѣлать отступленій и измѣненій.

«Сегодня поступилъ въ мое распоряженіе матросъ 1-й статьи, Филиппъ Ершовъ—человѣкъ бывалый. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ, во время послѣдней войны нашей съ Англо-Французами, на одномъ изъ судовъ въ Восточномъ океанѣ. Передавая изъ рукъ въ руки, съ судна на судно, его, наконецъ, высадили въ Брестъ. Здѣсь онъ долго жилъ до размѣна,—отправленъ въ Черное море. Изъ Николаева ушелъ въ Кронштадтъ, а изъ Кронштадта на кругосвѣтномъ суднѣ—опять въ тѣ же моря, на водахъ которыхъ онъ началъ свою службу. Службѣ его 25 лѣтъ, стало-быть человѣкъ этотъ много испыталъ, кое-что видѣлъ, бывалъ марсовымъ; теперь, за ветхостью лѣтъ и старостью, оканчиваетъ послѣдніе мѣсяцы службы въ работахъ на бакѣ. Для меня онъ интересенъ тѣмъ, что два раза ходилъ кругомъ свѣта, многое и разнообразное видѣлъ, стало-быть многое поразскажетъ.

Вотъ передо мной эта плотная, коренастая фигура. Работы въ трюмѣ (въ началѣ службы) и на марсахъ (потомъ) развили въ немъ природную деревенскую силу до того, что чемоданъ мой, въ 9 пудовъ вѣсомъ, недальше какъ вчера,

онъ таскалъ и бросалъ какъ бы легонькую суму. Бывало, не выдержатъ отводы и гдѣ нибудь на раскатахъ опрокинется моя тяжелая повозка, онъ только плечомъ подхватитъ ее—и готово, мы опять ѣдемъ дальше.

— Ершовъ! говорилъ я ему, собираясь изъ Иркутска въ дальнюю дорогу на Амуръ. По дорогѣ варнаковъ (бѣглыхъ), говорятъ, много ходитъ, не взять ли намъ съ собой кинжалъ или пистолетъ на всякій случай.

— Зачѣмъ? глухо спросилъ онъ меня.

— Защищаться, чудакъ ты этакой!

Ершовъ показалъ мнѣ свою руку, молча усмѣхнулся, и ничего не сказалъ. Я посмотрѣлъ на его кулачище, на его плечи, и успокоился, и спалъ потомъ за нимъ всѣ ночи крѣпко. Дорожныхъ *шалостей* дѣйствительно мнѣ не пришлось извѣдать.

Разъ разбушевался онъ пьяный и доказалъ, что въ хмѣлю онъ человѣкъ, мало того что неспокойный, но еще и буйный, переломалъ все, перекорежилъ. Хозяйка пришла жаловаться, говоритъ:

— Чортъ-человѣкъ матросъ вашъ, дьяволъ.

— Убытки что ли причинилъ?

— Господь съ ними съ убытками-то. Убытки я въ счетъ ему не ставлю. Дверь изломалъ, сосновая дверь, новая; надо новыя петли заказывать.

— Закажите, мы заплатимъ.

— Я не прошу этого, Христосъ съ нимъ!

— Такъ что же вамъ нужно?

— Чортъ человѣкъ-отъ онъ. Я этакихъ отродясь не видывала. Сосѣди не надивуются. Въ медвѣдѣ вонъ сказываютъ сто силъ человѣческихъ, а въ немъ больше, ей-Богу! больше.

— За убытки мы, хозяйка, заплатимъ вамъ...

— Не надо, я и пришла не затѣмъ. А сказать только! Дикой онъ, человѣкъ-отъ дикой; какъ этакихъ-то земля родитъ и носитъ: страсти Господніи!..

Вотъ осязательныя, видимыя доблести моего матроса, другія пока предполагаемыя, гадательныя.

— Кругосвѣтный матросъ, думалъ я, поразскажетъ много; недаромъ мелькали мимо него разныя страны и разные люди.

— Жилъ ты, Ершовъ, во Франціи: каковы на твои глаза Французы эти?

— Жидкой народъ, а тоже свою снаровку имѣетъ, къ нему съ простымъ кулакомъ не подходи. Француза надо бить въ бокъ.

— Ну, а Англичане?

— Эти—сильные. Съ ними, если на кулакахъ идешь, не зѣвай. Англичанина бей прямо въ лобъ.

— Какъ, то есть, въ лобъ?

— Въ переносицу.

— Ну, а другіе народы?

— Другихъ народовъ нѣту.

— А Нѣмцы?

— Объ этихъ и говорить не стоитъ. Съ этими мы на мысѣ Доброй Надежды подрались — руки только раззудили: и работать нечего было.

Я разъ двадцать потомъ приступалъ къ Ершову и всякій разъ слышалъ одно и тоже. Для него весь міръ развалился на три главныхъ народа: Французовъ, Англичанъ и Русскихъ. Нѣмцы были что-то среднее, межеумокъ, какъ бы переходъ къ другимъ народамъ, которыхъ, однако, Ершовъ не признавалъ за людей.

— Это не люди—говаривалъ онъ мнѣ. Это *канаки.*

Слово канаки, пойманное имъ на Сандвичевыхъ островахъ, примѣнялось потомъ ко всѣмъ; къ Туркамъ, Китайцамъ, Индѣйцамъ. Плохо сознанное, слово это прилаживалось потомъ Ершовымъ ко всему, что не русское: манчжурскій табакъ онъ называлъ канацкимъ; голыхъ солдатъ въ банѣ назвалъ канаками.

— А какъ тебѣ нравятся эти голенькіе Японцы?—спрашивалъ я Ершова въ японскомъ городѣ Хакодате!

— Канаки!—однозвучно и рѣзко отвѣчалъ онъ мнѣ.

Хотѣлъ-ли онъ этимъ словомъ охарактеризовать всѣхъ тропическихъ жителей или просто ругать всѣхъ людей не русской вѣры, радуясь, что слово канаки близко къ слову

канальи—я не могъ добиться. Понятія его объ этомъ были смутны и спутаны. Иногда онъ попадалъ вѣрно.

— Какія же тебѣ женщины больше понравились?

— Каначьки ужъ очень ласковы; неопрятны только, что свиньи. Француженки на этотъ счетъ всѣхъ лучше.

На мои глаза Ершовъ все-таки скорѣе матеріалистъ, чѣмъ идилликъ; онъ скорѣе за житейскія удобства, чѣмъ за природу и поэзію.

— Какое море лучше?—спрашивалъ я его.

— Всѣ равны.

— А красивѣе?

— Всѣ красивы. Море—извѣстно море; море оно и есть.

— Ну да врешь, братъ, канацкое море лучше французскаго.

— Канацкое — хуже. У нихъ вотъ насчетъ фруктовъ дѣйствительно, что очень хорошо. Стояли мы на острову Таитѣ: сады все у нихъ разсажены. Ступай—ѣшь сколько влѣзетъ, только съ собой брать не велятъ; не моги!

— Если, думалъ я, тебя не пробрала природа острововъ Отаити и вынесъ ты оттуда только то впечатлѣніе, что отаитскія женщины, какъ всѣ, даже еще и нѣмокъ хуже; то я къ тебѣ, Ершовъ, съ этими вопросами и обращаться больше не буду. Пробовали за меня дѣлать это другіе, мои пріятели—и тоже ничего не добились.

Зато Ершовъ неистощимъ бывалъ, когда разспрашивали его о предметахъ, любезныхъ его сердцу. Особенно разговорчивъ онъ былъ, когда предварительно удавалось ему хватить амурскаго спирту, манчжурской араки или японской саки. Въ то время онъ былъ навязчивъ. Самъ придетъ, бывало, и сказываетъ:

— Вотъ я теперь съ вами говорить могу долго. Спрашивайте!

И спрашиваешь его, бывало, о предметахъ сподручныхъ, приличныхъ торжественному случаю, и слышишь обыкновенно все одно и тоже. На Ершова находило вдохновеніе; въ моменты крайняго экстаза онъ крутилъ плечами, присѣдалъ, понижалъ голосъ, прищуривался и велъ безконечный разго-

воръ о Брестѣ. Городъ этотъ былъ его любимый, и воспоминанія объ немъ самыя подробныя.

— Тамъ все мамзели торгуютъ: они и вино продаютъ. Вино у Французовъ разное, трехъ сортовъ: первое — ромъ, такъ и у нихъ, какъ у насъ зовется! Второе: брандеръ (brandis) и людвинъ (l'eau de vie); всѣ крѣпче нашего. Сейчасъ придешь къ мамзелѣ, сейчасъ начнешь говорить... сейчасъ наливаетъ...

Ершовъ при этихъ словахъ обыкновенно умягчалъ голосъ, ёжился, щурилъ лѣвый глазъ, который у него особенно былъ эффектенъ въ этихъ случаяхъ. Мало того: онъ шаркалъ ногой, и изгибался туловищемъ, желая вѣроятно передать тѣ ловкія манеры, какія требовались и съ какими онъ подходилъ къ французскимъ мамзелямъ. Въ этихъ живыхъ, неопредѣленныхъ движеніяхъ онъ былъ рѣшительно вдохновленъ.

Вотъ гдѣ, Филиппъ Степановичъ, твоя истинная, неподдѣльная, неподкупная поэзія—думалъ я и спрашивалъ:

— Какъ же ты съ мамзелями объяснялся?

— На перстахъ онѣ хорошо понимаютъ.

— Ну, а слова?

— И языкомъ ихнымъ занялся; забылъ теперь. А то и такъ: спроситъ бывало: сколько вамъ надо водки? — сейчасъ прикинешь на пальцѣ и покажешь ей: столь-молъ надо! Француженки на счетъ деликатнаго обхожденія хороши очень и понятливы; ей-Богу, понятливы!...

Французскій словарь Ершова былъ не богатъ, но что особенно важнымъ показалось мнѣ, такъ это его философскій аналитическій взглядъ на языкъ.

— Дивлюсь я, ваше благородіе! — говорилъ онъ мнѣ однажды—отчего Французъ совсѣмъ нашему языку не выучится. Много онъ словъ нашихъ знаетъ; у нашихъ выучился.

— Какъ-такъ?

— Да вотъ насчетъ бы платья къ примѣру. Жилетъ — такъ и у нихъ жилетъ, сертукъ опять—также точно. Шляпу только шапкой (шапа) называютъ; наши штаны, а у нихъ все равно панталоны.

Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ Ершовъ позво-

лялъ себѣ философствовать. Во всемъ остальномъ онъ опирался только на грубые факты, не разбирая ихъ и относясь къ нимъ съ уваженіемъ потому только, что они добыты были имъ, именно имъ самимъ, Филиппомъ Ершовымъ. Но и здѣсь повсюду онъ былъ глубокій матеріалистъ и такъ какъ любилъ придерживаться чарки (мочить морду — по его выраженію), то и всѣ наблюденія его по преимуществу группировались около этого продукта. Англичанъ онъ напр. сильно не любилъ и бранилъ ихъ. За что? допытывался я.

— У нихъ матросу житье плохое.

— Бьютъ что-ли больно?

— Бьютъ-то и у насъ хорошо. На корабляхъ безъ этого нельзя. Матроса не бить — нельзя...

— Отчего же? — перебилъ я его.

— А для чего и начальство на корабляхъ состоитъ? Слушаться — *значитъ* ему и повинуйся.

— Ничего это *не значитъ*, а все-таки я тебя не понимаю: за что ты не любишь Англичанъ и бранишь ихъ?

— Нельзя не бранить. Французы ихъ лучше: у нихъ и воду пить даютъ, такъ въ ведро-то бутылку рому выльютъ.

Стремленіе объяснить достоинство людей по степени и умѣнью потреблять крѣпкія напитки, натурѣ Ершова было сильно присуще и для меня уже не новость. Онъ возненавидѣлъ Манчжуръ за то, что они пьютъ свои араки изъ маленькихъ чашечекъ.

— Развѣ этакъ люди дѣлаютъ? — спрашивалъ онъ меня—изъ наперстковъ пьютъ водку? У амбаня (въ Айгунѣ) подавали мнѣ, когда вы обѣдали: я въ стаканъ налить попросилъ, и обругалъ; прибить еще хотѣлъ.

И дѣйствительно хотѣлъ прибить и если не привелъ желанія своего въ исполненіе, то все-таки надѣлалъ скандалъ— по морскому обыкновенію, какъ о томъ жаловались мнѣ амбаневы нойоны (чиновники).

Пьянство не порывами, не загулами, а систематическое, постоянное пьянство было отличительною чертою Ершова. Онъ во всякое время дня и ночи готовъ былъ пить и отставалъ отъ водки, *отваливался* (какъ онъ самъ выражался на своемъ типическомъ языкѣ) тогда только, когда была су-

ха посудина, вмѣщавшая обожаемую имъ влагу. Онъ не разбиралъ: своя она, чужая—ему было все равно. Чужой собственности отъ своей онъ не отличалъ въ этомъ случаѣ. Поразительно честный и вѣрный по отношенію къ другимъ моимъ вещамъ, деньгамъ и проч. (онъ рваныя тряпки напр. везъ съ собой и тщательно хранилъ ихъ и пряталъ)—водку Ершовъ воровалъ и выпивалъ всю. Не соображалъ онъ и того, что почасту водка принадлежала тѣмъ добрымъ людямъ, которые меня съ нимъ пригрѣвали: онъ напивался и потомъ самъ просилъ запирать ее. Ни совѣты, ни просьбы, ни внушенія, ни мольбы мои—ничто не могло остановить его. Ершовъ давалъ честное слово не пить мѣсяцъ, держался недѣлю и снова прорывался и закучивалъ.

— Ступай ты отъ меня прочь; мнѣ тебя не надо!

— Три недѣли не буду пить—провались я совсѣмъ!

Прошло три дня. Онъ опять нахлестался.

— Чему обрадовался? спрашивалъ я его.

— Вы меня огорчили: отъ себя прогнать хотѣли.

И въ лицѣ его рисовалось поразительное добродушіе, поразительная вѣра въ святость словъ своихъ и помысловъ.

Чрезъ нѣсколько дней онъ снова былъ пьянъ; приходилъ ко мнѣ самъ по личному желанію; валился въ ноги, плакалъ—горько плакалъ и говорилъ:

— Простите!... не могу стерпѣть.... старъ сталъ: не въ силахъ... привыкъ.

— Неужели—думалъ я тогда—только на этихъ двухъ убійственныхъ характеристикахъ сосредоточивается все внѣшнее и внутреннее достоинство всякаго матроса. Что они, какъ гоголевскій Жевакинъ, мало понимаютъ и мало видятъ дальше своего корабля: для меня понятно. У нихъ не возбуждено это желаніе за неграмотностью, и не поддерживается, не направляется приставниками, можетъ быть за недосугомъ, можетъ быть за лѣнью, за нежеланіемъ. То и другое, и третье скверно и неутѣшительно, потому что существуетъ; съ этимъ, думаю, никто спорить не станетъ. Но вотъ что худо: матросы пьянствуютъ и пьянствуютъ притомъ неистово; неужели всѣ? Не можетъ быть! Дѣлаю свои наблюденія, веду ихъ дальше и—вотъ что вижу:

На палубѣ, около гротъ-люка, раздаютъ водку, крякаютъ и пьютъ, пьютъ и утираются наши матросы. Многіе изъ нихъ, едва-ли даже не всѣ, выпивши чарку, задерживая дыханіе (вслѣдствіе чего лица ихъ наливаются кровью), бѣгутъ опромѣтью на бакъ къ обѣду; Ершова тутъ я не вижу; вижу вечеромъ того дня въ каютѣ, вижу и спрашиваю:

— Что это вы, Филиппъ Степановичъ, водку-то не счастливите своимъ вниманіемъ: вѣдь большой вы до нее охотникъ и любитель.

— Я на заслугѣ.

Слово это было уже для меня понятно. Онъ копилъ чарки, чтобы потомъ получить за нихъ деньгами. Дѣло хорошее; но совсѣмъ ли это такъ? спрашивалъ я себя, и видѣлъ, что разъ, когда матросы получили вечернюю чарку и мой Ершовъ вслѣдъ за другими утираетъ усы и, задерживши дыханіе, бѣжитъ на бакъ, отмахиваясь отъ моихъ разспросовъ рукой.

— Прорвало, Ершовъ, не вытерпѣлъ, пошутилъ только.

— Да вѣдь эта чарка въ заслугу нейдетъ. Эта подарочная. Ребята дрова таскали, за то имъ приказали выдать.

— А сколько у тебя заслуги?

— Десять чарокъ.

То есть десять дней соблазна и 30 коп. сер. въ пріобрѣтеніи. Табаку, думалъ я, купить ему есть теперь на что; а поговѣетъ еще двѣ недѣли—пріобрѣтетъ благородный цѣлковый, который, какъ извѣстно, на улицѣ не валяется. Смотрю: не тутъ то было. Ершовъ разъ и утромъ подошелъ къ мѣдному жбану съ водкой, но подошелъ не одинъ, подвелъ товарища матросика, и проситъ вахтера отдать ему двѣ заслуги. Это было сначала для меня непонятно. Ершовъ самъ объяснилъ.

— Земляка нашелъ на «Гридни»; вмѣстѣ на «Бояринѣ» шли кругомъ свѣта; угостить желаю.

— Зачѣмъ же самъ-то пьешь?

— Нельзя, обидится онъ.

Съ этого дня и заслуга пропала; вахтеръ такъ его и не записывалъ больше.

— Деньги-то вѣдь лучше, а ты ихъ водкой забралъ.

— Возни, ваше благородіе, много; жди, пока счетъ сведутъ господа офицеры къ концу кампаніи; тогда получишь. Лучше выпить.

Такъ же точно разсуждали, такъ же точно дѣлали и всѣ другіе матросы. При встрѣчѣ судовъ съ земляками, они то и дѣло угощали другъ друга своими *заслугами*. Ѣздилъ и мой Ершовъ на Гридня. Вахтеръ жаловался на то, что матросы его путаютъ, сбиваютъ въ разсчетахъ, а офицеры свидѣтельствовали, что отними у матроса право копить заслугу—лишишь его годовыхъ свѣтлыхъ праздниковъ; то и другое справедливо: съ одной стороны, не затертою, не искалѣченною національною слабостью гостепріимства матросъ желаетъ почтить земляка, съ другой, сберегая ежедневно трехкопѣечники, онъ обманываетъ себя этимъ незримымъ ему накопленіемъ запаснаго капитала въ 90 коп. сер. на цѣлый мѣсяцъ.

Вахтеръ жаловался, что матросы сало крадутъ и крадутъ его съ единственною цѣлью намазать на голову. Посмотрѣлъ я нарочно въ шапку Ершова (которая и воронамъ на гнѣздо негодится) и имѣлъ полное право заключить, что по этой статьѣ и онъ не безгрѣшенъ.

— Половину ткнешь въ волоса, половину на сапоги, такъ какъ ковыряешь по скорости, чтобъ не видали. Бить за это нашего брата не велятъ—объяснялъ мнѣ потомъ самъ Ершовъ.

Не заботясь рѣшительно ни объ чемъ, Ершовъ кокетливъ былъ относительно волосъ на головѣ и на усахъ. Послѣднимъ придавалъ онъ особенную важность, разглаживалъ ихъ, фабрилъ, расчесывалъ концами кверху. Желая походить на Людовика Наполеона, онъ правда былъ похожъ скорѣе на таракана; но въ усахъ полагалъ всю свою красоту, хотя уже и было въ усахъ этихъ много сѣдины и лежало на плечахъ и ребрахъ его 50 лѣтъ жизни, да около 25 лѣтъ службы. Зато къ остальному костюму онъ былъ небреженъ, особенно же запустилъ онъ эту статью, когда получилъ отставку и поѣхалъ со мной обратно. Отъ костюма онъ требовалъ одного только, чтобы былъ онъ возможно форменный, съ свѣтлыми пуговицами. Исключеніе (и то въ рѣдкихъ слу-

чаяхъ) дѣлалъ онъ только полушубку; положитъ, бывало, обѣ руки въ карманъ, надѣнетъ набекрень теплую шапку съ собачьимъ околышемъ, съ зеленой бархатной выпушкой и шелковой кисточкой и ѣдетъ-себѣ, да чванится: «теперь-де я вольный человѣкъ, а матросъ-таки самъ по себѣ».

Сначала я думалъ, что онъ просто малодушествуетъ, какъ ребенокъ, наслаждаясь мнимой игрушечной волей, но потомъ убѣдился фактами, что онъ-таки былъ и гордъ и надмѣненъ. Еще въ Благовѣщенскѣ приходили ко мнѣ жаловаться на него солдаты, съ которыми онъ жилъ въ одной лачугѣ и которыхъ онъ ругалъ и даже колотилъ за то только, что они линейные, а не матросы.

— Сволочь они! оправдывался онъ передо мною.

— А ты бы на себя самого посмотрѣлъ.

— Флотъ завсегда первой. Когда большіе смотры бываютъ, матросы первые стоятъ; потомъ ужъ гвардія, пѣхота, кавалерія, антилерія. А этихъ дураковъ и на линію не пускаютъ.

— Да, Ершовъ, съ котораго конца считать-то началъ?

Ершовъ не подался и на это замѣчаніе, и сколько потомъ ни старался я разбить его предубѣжденія—успѣха не имѣлъ. Разъ напился онъ до безпамятства: солдаты его отливали, за нимъ ухаживали; онъ и тутъ упорно устоялъ на своемъ мнѣніи и не согласился нетолько себя, но и матросовъ вообще признать за худшаго изъ нижнихъ военныхъ чиновъ.

— Вотъ что между прочимъ унесешь ты на родину, въ среду твоихъ сродниковъ и сосѣдей-крестьянъ; и будешь ты тамъ лягаться, бросаться въ глаза этимъ чванствомъ: сначала поглядятъ на тебя съ недовѣріемъ, посторонятся, потомъ будутъ надъ тобой смѣяться, а наконецъ отойдутъ отъ тебя, назовутъ тебя тяжелымъ, неуживчивымъ человѣкомъ. И ступай ты въ сторожа въ церковь, въ лакеи въ гимназію, въ служители присутственныхъ мѣстъ. Для деревни ты не годишься. Ты самъ это знаешь и деревни уже не любишь, какъ чортъ ладону. А все-таки вѣдь ты погибшій человѣкъ, и погибель свою ты получилъ на службѣ; оттуда ты вынесъ себя такимъ неукладистымъ, такимъ нехорошимъ.

— Что же еще ты несешь въ деревню со службы?

— Чемоданчикъ, шитый досужимъ портнымъ матросикомъ изъ казенной парусины: вижу это по синей ниткѣ въ одномъ полотнищѣ. Что же у тебя въ чемоданчикѣ этомъ?

Заглянулъ я туда и удивился. Американцы такъ презервы не прессуютъ, какъ уложилъ и смялъ Ершовъ тамъ всякую дрянь и всѣ тряпки. Почетными гостями тутъ были разныя металлическія вещи, всякій мѣдный и желѣзный ломъ; папухъ табаку, шелкъ. Ковырять шиломъ и иглой Ершовъ на бакѣ выучился, слава Богу!.... Но большинство вещей принадлежитъ веревкамъ: веревки отъ перьевъ, веревочки отъ сахарной головы, обрывки снастей и проч. Страсть къ веревкамъ—одна изъ самыхъ сильныхъ въ Ершовѣ. Веревки у него всюду: въ сапогахъ, во всѣхъ карманахъ, за пазухой. Ни малѣйшаго случая онъ не упуститъ безъ того, чтобы не завязать даже и того что и вязать вовсе не слѣдуетъ; чемоданъ мой онъ разъ до десяти въ разныхъ направленіяхъ обматывалъ крадеными на кораблѣ веревками. Вязать—была страсть Ершова, хотя онъ и называлъ этотъ процессъ не иначе, какъ найтовленьемъ.

— Надо, говорилъ онъ—кибитку занайтовить.

И найтовилъ кибитку, не щадя мертвыхъ узловъ на полномъ просторѣ и свободѣ, не боясь строгаго и зоркаго взгляда боцмана (который за мертвые узлы на спину лазалъ). Кибитка ѣхала станцію — къ концу все опять валилась на бокъ.

— Сдѣлай такъ, чтобы не передѣлывать.

— Слушаю-съ!

И опять валилась кибитка на бокъ на первомъ же перегонѣ, давая новый случай и полное, несомнѣнное наслажденіе Ершову совершать свой любимый процессъ—найтовья класть. Отдѣлался я отъ непріятности напоминать и упрашивать тогда только, когда поручилъ сдѣлать дѣло на моихъ глазахъ. Ершовъ крутилъ и перекидывалъ веревки такъ прихотливо, смѣло и мастерски, что я залюбовался, и мертвые узлы его дѣйствительно дѣлались мертвыми. Мы ѣхали 700 верстъ и не поправлялись. Ершовъ въ этомъ отно-

шеніи оказался великимъ мастеромъ: вязалъ онъ превосходно, искусно, веревкой владѣть умѣлъ.

Вотъ еще думалъ я, какое искусство и знаніе унесешь ты съ собой въ деревню!.. А еще что?

Безпечность, приправленную примѣчательной наивностью. Наступала для него пора свободы, полной отставки. При отставкѣ онъ получилъ деньги, получилъ долги, собралъ всего рублей до 50 сер. Вотъ—думалъ я—купитъ онъ себѣ избенку плохонькую сначала, дешевенькую; вспомнитъ давнее старое время, обзаведется хозяйствомъ небольшимъ, но такимъ, какого на его вѣкъ хватитъ. Съ такими мыслями — думалъ я — онъ и въ деревню ѣдетъ. Но узнаю, что онъ деньги всѣ промоталъ; ничего не оставилъ.

— Чѣмъ же жить думаешь?

— Меня одна нянька въ Иркутскѣ любила; она денежная, живетъ при мѣстѣ. Тамъ ее любятъ.

— А отошла отъ мѣста—сама безъ денегъ.

— Не отпустятъ.

— А умерла, прошло больше года.

— Не умретъ; здоровая такая.

— Разлюбила...

— Смѣетъ ли она это сдѣлать?!!

И вотъ въ пятидесятилѣтнемъ солдатѣ наивность семнадцатилѣтняго юноши! И между тѣмъ это не личное, ему одному присущее убѣжденіе. Я замѣчалъ тоже самое и на другихъ солдатахъ; общаго много: напримѣръ, непріученные собирать и цѣнить личную собственность—они просто и равнодушно относятся и къ чужой. У Ершова очутился лишній мѣдный котелокъ въ его чемоданчикѣ:

— Гдѣ ты это взялъ?

— На пароходѣ попъ забылъ; не пропадать же. Не я—другой его взялъ бы.

— Да вѣдь за это бьютъ вашего брата.

— Я и самъ сдачи дамъ.

На одной станціи я слышалъ шумъ, крикъ на улицѣ подлѣ моего экипажа. Крикливый, грубый голосъ Ершова и ожесточенные жесты вызвали меня на крыльцо. Тамъ долетѣли до меня послѣднія слова одного изъ ямщиковъ, болѣе

другихъ разсерженнаго и повидимому болѣе другихъ обиженнаго.

— Ты думаешь, что изъ тебя *нѣмца* сдѣлали, такъ ты и лучше насъ и смѣешь драться?

Слова относилась къ Ершову.

— Уймите его, ваше высокородіе: озорничастъ.

Эти слова уже обращены были ко мнѣ.

— Какъ ты смѣешь, кто тебѣ далъ это право?—спрашивалъ я своего солдата.

— Лошадей долго не впрягаютъ; колокольца не привязали.

— До всего этого тебѣ нѣтъ никакого дѣла, и всего этого мало для того, чтобы дать рукамъ своимъ волю.

— Мужики они — скоты, дѣла своего не знаютъ. Не знаютъ, что солдатъ ихъ завсегда лучше. Я вотъ ихъ еще, ужо разнесу опять, чтобъ они меня нѣмцомъ-то не обзывали. Мужики!

Долгаго труда стоило мнѣ потомъ его успокоить. Онъ былъ озлобленъ, разсерженъ до того, что всю дорогу твердилъ одно; всю дорогу и прежде, и послѣ доказывалъ полное презрѣніе къ крестьянамъ. Съ солдатами, даже линейными, онъ шутилъ, смѣялся, игралъ въ карты; сходясь съ отставными матросами, непремѣнно напивался до зѣла и пьянствовалъ потомъ долго. Съ хозяевами квартиръ нашихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ онъ даже и разговоровъ не заводилъ никакихъ. Въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ обыкновенно къ сну и въ немъ одномъ искалъ удовольствія и развлеченія взамѣну всяческихъ бесѣдъ. Только съ однимъ изъ таковыхъ онъ позволилъ себѣ сойтись и подружиться, и то потому только, что человѣкъ этотъ пришелся ему по вкусу—тоже любилъ чарку до запоя, до страсти.

— Съ такими убѣжденіями ты, Ершовъ, не наживешь и не уживешься въ деревнѣ. Примѣровъ тысячи — и ты не изъ первыхъ, но и не изъ послѣднихъ. Жаль тебя! Въ тебѣ еще много осталось добрыхъ качествъ, у тебя въ основѣ мягкое сердце, видимая жестокость и крутость его только внѣшняя, накинутая, благопріобрѣтенная. Ты простосердеченъ и довѣрчивъ, хотя въ то же время и беззаботенъ, какъ

вообще беззаботны люди, долго жившіе чужимъ умомъ, подъ вліяніемъ посторонней опеки. Ты, какъ Китаецъ или Японецъ, думаешь только о сегодняшнемъ днѣ; завтрашній тебя не увлечетъ и, если онъ не пугаетъ тебя, то и не занимаетъ. Со смышленостью, находчивостью твоей ты не сдѣлался плутомъ, мазурикомъ, потому, можетъ быть, что тебя не портила казарма, помѣщамая между множествомъ соблазновъ. На тебѣ держали узду баковые порядки и отдѣльная, поставленная одиноко среди моря, корабельная артель. Въ ней ты уберегъ отъ крестьянства только три-четыре доблести и между ними главными—гостепріимство, веселость нрава, смышленость и добродушіе; а пріобрѣлъ новые оттѣнки въ характерѣ, но иного вида и свойства. Ты сталъ запивать безнадежно, словно переломила тебѣ жизнь такъ, что осталась одна только и то безпардонная дорога къ одному кабаку. Ты нахватался гордости и чванства, иногда похвальныхъ, но въ твоемъ положеніи тягостныхъ, плохо понятыхъ; въ добавокъ ты еще ихъ и прилагать не умѣешь; кулакомъ доказываешь то, чего не доказать тебѣ словами. Въ этомъ ты отъ канаковъ недалеко ушелъ. Похвалилъ бы я въ тебѣ твою усердную преданность моимъ интересамъ, зная, что она вышла изъ того же источника, изъ твоего обязательства служить также вѣрно и преданно, какъ тебя учили, но не похвалю въ тебѣ способъ примѣненія: онъ такъ похожъ на лакейское угодничество, выслуживаніе, что невольно думаешь (и жалѣешь) о твоей долѣ. Мало она сулитъ хорошаго впереди, потому что мало и назади тебя отраднаго. Не весело прошла твоя морская жизнь; вынесъ ты изъ нея мало полезнаго для себя въ будущемъ. Но это уже не твоя вина. Учили тебя и забыли, что ты не затѣмъ только созданъ, чтобы былъ на кораблѣ, что тебя ждетъ отставка, за которой послѣдуетъ новая жизнь. А жизнь эта. требуетъ подготовки. И если не могутъ этого сдѣлать на кораблѣ, то пусть не убивали бы въ тебѣ тѣ инстинкты и знанія, которые ты пріобрѣлъ дома до бритаго лба и сѣрой куртки. А ихъ-то въ тебѣ и убили—бѣдный Ершовъ! Все-таки спасибо тебѣ за вѣрную службу, за ласково-незлобивое расположеніе и отношенія ко мнѣ; спасибо тебѣ — *за тебя.* Посылаю тебѣ

мой дальный привѣтъ и крѣпко обнимаю тебя! Еще разъ прощай, добрый человѣкъ, умный человѣкъ, но попорченный, искалеченный! Я еще возвращусь когда-нибудь снова къ тебѣ въ моихъ воспоминаніяхъ!..

Это были послѣднія слова въ дневникѣ, отданномъ въ полное мое распоряженіе. Дальше слѣдуютъ замѣтки по поводу каютъ-компаніи со стороны ея исключительнаго положенія и состава. Замѣтки эти мы также постараемся привести въ опредѣленное цѣлое, чтобы передать ихъ вѣдѣнію и вниманію читателей.

С. МАКСИМОВЪ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЧОРТЪ.

(Изъ очерковъ Малороссіи, переводъ съ малоросс.)

I.

Только и утѣшался я родиной, пока росъ, а тамъ, какъ началъ служить — такъ и пошелъ, не по своей волѣ, мыкаться по свѣту, какъ перекати—поле, что̀ вѣтеръ носитъ по степямъ: катишься, катишься, пока не остановитъ тебя счастливая доля или не притопчетъ *лихо*.

Хоть и случалось мнѣ иногда навѣдываться въ родную Украйну, но не долго отдыхалъ я подъ теплымъ ея крыломъ. И снова отправляешься на край свѣта — къ чертямъ на кулички. Зато, послѣ шести, или больше лѣтъ, когда изъ Курской губерніи въѣдешь, бывало, въ Харьковскую, то такъ тебѣ станетъ легко, будто на крыльяхъ тебя подняло. Да съ этой стороны Харькова еще не такъ: съ Липецъ наша Украйна теперь уже выглядываетъ нѣсколько московщиной: вмѣсто шинковъ — проклятые кабаки, постоялые дворы на московскій ладъ; по дорогѣ, тянутся въ одиночку русскія телѣги, одна къ другой прицѣпленныя — какъ фиги на лычкѣ. Куда ни взглянешь, все *пилипоны*, съ рыжими бородами, въ лаптяхъ, ажъ затошнитъ, глядя на нихъ. Такъ, видите ли, съ этой стороны еще не такъ, а вотъ какъ перекинешься черезъ рѣчку Харьковъ, то кто бы не сказалъ, что это Божья сторона!..

Тутъ-то начинается и тотъ великій боръ, котораго

высокія сосны ажъ тучи подпираютъ. Вотъ Основа, гдѣ *батько* нашъ Квитка сколотилъ изъ своихъ повѣстей такой крѣпкій челнокъ, что до вѣку вѣчнаго будетъ на немъ плавать по вѣроломной Летѣ. Тутъ же и вольная; сюда-то харьковскіе мѣщане и чернь, *ударивши лихомъ объ-землю*, собираются отвести душу и размыкать горе. Посмотрѣли бъ вы, въ воскресенье и по праздникамъ, сколько собирается здѣсь народа!.. Верстъ на пять, а можетъ и больше, вдоль дороги гуляетъ мѣщанство: *дивчата* въ цвѣтахъ, въ лентахъ, *молодицы* въ парчевыхъ *очипкахъ*, въ шелкахъ, а козаки, въ высокихъ шапкахъ, въ козакинахъ изъ тонкаго сукна, подпоясанные шелковыми поясами, а сколько еще лакейства во фракахъ, въ сюртукахъ, словно нѣмчура. Иные столпились около музыкантовъ, отдѣлываютъ *гоцака* (*), выбиваютъ *тропака* (**), *ажъ лихо сміется*; другіе усѣлись въ кружокъ, завтракаютъ, попиваютъ горѣлку, балагурятъ, поютъ, хохочутъ. Ѣдешь—бывало, смотришь, смотришь и не выдержишь: вылѣзешь изъ тарантаса, подойдешь къ какому-нибудь кружку и скажешь имъ: «хлѣбъ-соль!».. «Спасибо», отвѣчаютъ, и просятъ: «садитесь, не побрезгайте хлѣбомъ Божіимъ». Сядешь, бывало, съ компаніей, выпьешь чарку водки, съѣшь кусокъ сала, побалагуришь—и свое веселое слово прикинешь. Боже милостивый, какъ благодарятъ, какъ радуются! Станешь прощаться, такъ и затарантятъ; одинъ кричитъ: «пошли вамъ, Господи, всякаго счастья, что вы простыми людьми не пренебрегаете!» другой «пусть васъ Богъ наградитъ на томъ свѣтѣ!» Случалось и такъ, что какая-нибудь молодица, румяная какъ маковъ цвѣтъ, обниметъ и поцѣлуетъ на прощанье: «это», скажетъ, «чтобы не скоро забыли нашу хлѣбъ-соль»! Смѣху такого надѣлаетъ, проказница, такъ всѣ за животы и схватятся.... Что за бойкія и забавныя эти харьковскія молодицы—пусть имъ легонько икнется!

Проѣхавъ нѣсколько верстъ боромъ, станешь взбираться на гору. Тутъ ужъ мрачная сосна начинаетъ мѣшаться съ дубомъ, липою, кленомъ, берестомъ; заросль дѣлается гуще и гуще, деревья сплелись вѣтвями какъ волосы; орѣшникъ,

(*) Названіе танца. (**) Тоже танецъ.

глодъ, шиповникъ разрослись и плотно стоятъ, какъ изгородь. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ природа дѣлается величественнѣе и разнообразнѣе; показываются и долины съ полянами, покрытыя яркою зеленью и овраги съ такими обрывами, что когда взглянешь — голова кружится. Боже милостивый, что́ за лѣсъ! какихъ тутъ нѣтъ деревьевъ!.. и высокихъ объемистыхъ, и старыхъ скорченныхъ, доживающихъ свой вѣкъ. Иное, сломленное бурею и опаленное молніей, стоитъ близь дороги какъ чернецъ; тамъ полуистлѣвшій пень наклонился, какъ нищій съ сумой. Куда ни взглянешь, все тебя чаруетъ, все тебя привѣтствуетъ, усмѣхается. Кажется, сама родная мать наша, Украйна, вышла къ тебѣ на-встрѣчу: то взглянетъ на тебя горячимъ солнышкомъ, то обниметъ пахучей прохладой изъ темнаго лѣса, то промолвитъ пѣсней, то отзовется соловьемъ, жаворонкомъ; то какъ будто играетъ съ тобою: *затурчитъ* въ ухо горлицей, защекочетъ легкимъ вѣтеркомъ. Такъ тебѣ весело, такъ легко, какъ въ раю!.. Душа въ упоеніи, сердце бьется, трепещетъ, будто что-то говоритъ; не поймешь, что тебѣ нашептываетъ, а слушаешь его не наслушаешься, какъ не наслушается мать своего ребенка, потому-что его дѣтскій лепетъ слаще для нея медоточивой рѣчи самаго умнаго человѣка.

II.

Верстъ за двадцать отъ Харькова лѣсъ начинаетъ рѣдѣть. Съ высокой горы ужъ видно мѣстечко Мерефу, съ церквами, колокольнями, садами и левадами, раскинутое на далекое пространство вдоль по долинѣ. За мѣстечкомъ сверкаютъ рукава р. Мжи съ заливами и озерами. Потекла она влѣво, между роскошными кустами вербалоза и ольхи; а напротивъ, какъ скатерть, ровно стелется широкая степь съ курганами. Синѣетъ она, старинушка, какъ море, пока не сойдется съ небомъ, а небо съ землею. Гуляйте очи, гуляйте думы, какъ въ старину, по этой же степи, разгуливала казацкая вольница!..

Проѣхавши Мерефу и перебравшись черезъ плеса Мжи, выѣдешь на торговый трактъ, который идетъ въ Крымъ.

*

Протоптала эту дорогу еще Татарва, когда ходила на наше *безголовье* подъ Москву, жечь города и полонить христіанъ. По дорогѣ, сколько глазъ хватитъ, змѣей тянутся фуры: на встрѣчу везутъ шпанскую шерсть, кожи, соль, рыбу, скрыпятъ татарскія гарбы, запряженныя буйволами и верблюдами. Изъ Харькова везутъ товары, разныя земледѣльческія машины, ѣдутъ купцы въ Крымъ, въ Бердянскъ, ѣдутъ помѣщики и туда и обратно, гонятъ табуны, гурты, стада овецъ, идетъ народъ на заработки въ Крымъ и къ морю. Лѣтомъ весело взглянуть на эту дорогу, а посмотрѣли бъ вы весною или осенью—что̀ тутъ дѣлается. Замученные волы и лошади по самое брюхо вязнутъ въ грязи; народъ надсаживается, топится въ оврагахъ и на промоинахъ. Лучше не вспоминать!.. Вотъ тутъ бы протянуть желѣзную дорогу! Потекла бы по ней золотая рѣка живучей и цѣлящей воды (*).

Страшно бѣдствуешь еще по этому тракту, когда ѣдешь на обывательскихъ. Разскажу вамъ, какихъ разъ я набрался бѣдъ, понадѣявшись на открытый листъ. Изъ Мерефы на почтовыхъ я пріѣхалъ въ Тарановку рано утромъ. Прямо въ волостное правленіе. Вхожу—прибрано опрятно; по срединѣ комнаты столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, какъ въ судѣ, и портретъ виситъ; смотрю—никого; нѣтъ только какой-то калѣка, скорчившись, сидитъ возлѣ сундука,—видителли, стережетъ *громадскі гроши* (общественныя деньги).

— Есть лошади? спрашиваю.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ калѣка вставая.

— А писарь гдѣ?

— На селѣ.

— Какъ бы позвать.

— Сейчасъ схожу.

Заковылялъ *калѣка.* Черезъ часъ идетъ не очень торопясь; писарь, еще молодой парень, шапка на бекрень, въ китайчатой черкескѣ и выростковыхъ сапогахъ.

(*) Въ первомъ проектѣ желѣзныхъ дорогъ, предполагалось провести дорогу изъ Ѳеодосіи въ Харьковъ по этому тракту. Еще и теперь, кое-гдѣ остались вѣхи, поставленныя при обозрѣніи мѣстности.

— А что̀ вамъ нужно?—спросилъ онъ, подходя ко мнѣ.

— Лошадей, голубчикъ.

— А подорожная, нѣтъ... открытый листъ есть?

Я подалъ ему открытый листъ; онъ взглянулъ, и въ ту же минуту расчиталъ, и прогоны — такой смѣтливый, нѣсколько верстъ и лишнихъ прикинулъ. Видно, бывалъ за Харьковомъ и головой потряхиваетъ какъ *москаль*, чтобы космы не лѣзли ему въ глаза, и пріосанивается, и палецъ засовываетъ между крючковъ черкески.

— А нут-ка,—крикнулъ онъ на калѣку, спрятавши въ карманъ деньги:—бѣги за десятникомъ, да живѣй!

Снова заковылялъ калѣка... не скоро привелъ десятника.

— Тройку лошадей,— грозно крикнулъ писарь десятнику, — да живѣй!

Стоитъ десятникъ какъ вкопаный, только затылокъ почесываетъ.

— Чего-же стоишь? оглохъ?—съ сердцемъ прибавилъ писарь.

— Не оглохъ,—отвѣтилъ десятникъ,—только лошади пасутся въ степи.

— Ну такъ что-жъ, что въ степи?.. Поймай и приведи!

— Еще нужно отыскать, куда они позабѣжали, проклятые кони: тогда и ловить...

— Ну, такъ иди, ищи; а тутъ кромѣ затрещины ничего не найдешь!

Исчезъ десятникъ, какъ на тотъ свѣтъ провалился. Ужъ я и село обошелъ, и забравшись въ тарантасъ порядкомъ выспался; а лошадей нѣтъ какъ нѣтъ. Къ вечеру только привели двухъ кобыленекъ съ жеребятами.

— А третья?—спрашиваю.

— Еще не поймали,—отозвался десятникъ:—тамъ такой быстрой звѣрь! никакъ его не догонишь.

Какъ-вотъ ведутъ и быстраго, и дубиной подгоняютъ; видите, удираючи выбился изъ силъ сердечный. Стали запрягать, возятся что̀ мокрое горитъ; доглядѣлись и того нѣтъ, и другаго; опять послали калѣку за возжами, за черезсидѣльникомъ да такъ до самаго вечера и проваландались.

Поѣхали; лошади едва везутъ; не опомнились какъ и ночь захватила. Ямщикъ ворочаетъ то въ ту, то въ другую сторону, потерялъ чортовъ сынъ дорогу; клянетъ и лошадей, и того кто ѣдетъ, и ночь, и степь.

— Куда тебя черти носятъ?— спрашиваю ямщика: — дорога пряма какъ стрѣла, а ты вертишься какъ муха въ кипяткѣ!

— Да я ничего не вижу. У меня куриная слѣпота! — отвѣтилъ ямщикъ, бросая возжи.

Что дѣлать! Степь изрѣзана дорогами, не потрафишь на свою, такъ чортъ-знаетъ куда заѣдешь. Думаю — хоть бы добраться до постоялаго двора, чтó недалеко отъ Тарановки и тамъ переночевать. Волей-неволей сѣлъ самъ на козлы и кое–какъ добрался до постоялаго двора.

III.

Хозяйка этого постоялаго двора, словоохотная старуха, была мнѣ хорошо знакома: еще въ дѣтствѣ я зналъ ее. Давно не видѣлись, а только--что я вошелъ въ комнату, какъ она тотчасъ меня узнала.

— Живы ли, здоровы ли?—спросилъ я, протирая глаза и оглядываясь.

— Слава Богу!—отвѣчала хозяйка кланяясь: старѣемся понемногу. Вотъ посмотрите на мою Олесю: знали ее ребенкомъ, а теперь мать переросла (хозяйка взглянула на черноглазую дѣвушку). А это слѣпой *дідъ* (хозяйка указала на столѣтняго старика, который сидѣлъ подъ образами, склонивъ голову на грудь): когда-то расхаживалъ по ярмонкамъ и пѣлъ, а теперь отъ его пѣсень только отголосокъ носится по свѣту; потерялъ голосъ и бандуру разбилъ.

Очень красивая дѣвушка Олеся, стройная, миловидная, но я заглядѣлся на старика. Отъ–роду подобнаго не случалось видѣть: побѣлѣвшіе волосы, густые какъ лѣсъ, прикрывали высокій лобъ, брови надвинулись на глаза, а окладистая борода доходила до пояса: казалось, взялъ бы кисть и нарисовалъ Сатурна.

— Откуда старинушка?—спросилъ я старика, садясь возлѣ него.

— Кто его знаетъ—откуда,—отозвалась хозяйка: — весь свой вѣкъ странствуетъ по свѣту... жилъ когда-то за Берекой, да давно; ужъ теперь, навѣрное, забылъ и прежній свой хуторъ и свою хату.

— Нѣтъ не забылъ,—отозвался старикъ: не забылъ!..

— Куда жъ теперь идешь? спросилъ я.

— Въ Павлоградъ.

— Что жъ тамъ будешь дѣлать—пѣть, что ли?

— Да нѣтъ, говорю вамъ, перебила хозяйка: онъ теперь ужъ не поетъ, онъ только разсказываетъ.

— Что жъ онъ разсказываетъ?

— Что съ нимъ случалось на вѣку, какъ козаки бились съ Ляхами, съ Татарами; про вѣдьмъ, про чертей. Онъ весь свѣтъ исходилъ: былъ въ Черноморіи, въ Глуховѣ, за Кіевомъ... А не поставить ли вамъ самоваръ?

— Поставь, *панихматочко*.

— Вотъ и хорошо! старичка напоите горячимъ, а онъ вамъ зато что-нибудь разскажетъ.

Отдѣлавшись отъ хозяйки, я опять заговорилъ съ старикомъ.

— Давно ли, спросилъ я, — странствуешь по свѣту?

— Давно, очень давно,—отвѣчалъ старикъ, тяжело вздохнувъ; — я женился еще въ очаковскую зиму, когда мы жили на запорожскихъ земляхъ вольными козаками; а какъ разорили Кошъ, то нашъ поселокъ съ землями достался какому то пану. Не хотѣлъ я быть панскимъ, запрегъ коня, взялъ жену съ дѣтьми — дѣвочку по восьмому году и мальчика-годовичка и поплелись себѣ въ Черноморію. Отъ Тора пришлось ѣхать прямикомъ, степью, какъ моремъ; нигдѣ ни хуторка, ни землянки. Того года была сильная засуха, и чего мы не натерпѣлись: конь безъ корма и водопою околѣлъ, и мы пошли пѣшкомъ; весь запасъ, который взяли съ собой, истратили и питались только кореньями. Не прошло и десяти дней, какъ схоронили дочку и сына, а тамъ съ тоски, съ голода, заболѣла и моя жена; я несъ ее на рукахъ, пока Богъ не принялъ ея души... По Черноморію я

таскался тридцать пять лѣтъ, бился съ Черкесами, плавалъ по Черному морю, а тамъ потянуло на родину: захотѣлось еще разъ увидѣть свою хату и поклониться отцовской и материнской могилѣ. Пришелъ—и не узналъ нашего поселка: гдѣ была моя хата, тамъ разроссся панскій садъ, а гдѣ было кладбище, тамъ стоялъ шинокъ. Вышелъ я на выгонъ, взглянулъ на слободу и окрестности, вспомнилъ молодые годы, отца, мать, жену, дѣтей, заплакалъ—и пошелъ куда глаза глядятъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ какъ слоняюсь, а три раза трицать какъ живу... А она лжетъ: батьковской хаты я не забылъ. Бывало, какъ запою, то мнѣ казалось, что я сижу возлѣ своей хаты и меня слушаютъ батько, мати, жена и дѣти!..

Немного словъ въ разсказѣ старика, а сколько горя! И не хотѣлъ онъ меня разжалобить, а тронулъ до глубины сердца. Длинную низку лиха нанизала ему злая доля!..

Хозяйка помѣшала мнѣ продолжать бесѣду съ старикомъ, принесла чашки и снова затараторила: то объ троицкой ярманкѣ, то какія *панночки* вышли замужъ, какія еще остались; насчитала съ десятокъ умершихъ и пристала къ старику, почему онъ ничего не разсказываетъ.

— Какъже мнѣ разсказывать, — сердито отозвался старикъ,—когда вы не даете мнѣ рта разинуть, *скреготете* какъ сорока на вербѣ...

— Буду молчать, ей-Богу, буду молчать, перебила хозяйка; только сдѣлай милость, разскажи про влюбленнаго чорта.

— Хорошо, хорошо, разскажу,—отвѣчалъ снисходительно старикъ:—почему не разсказать.

Старикъ съ большимъ аппетитомъ пилъ чай, закусывая харьковскими бубликами; а какъ выпилъ еще двѣ чашки съ ромомъ, то замѣтно прибодрился.

— Вотъ теперь,—сказалъ онъ,—какъ будто силы прибавилось: кажется, и запѣлъ бы, еслибъ со мною была бандура.

IV.

Старикъ приподнялъ голову и довольно твердымъ еще голосомъ началъ:

— Дѣдъ мой былъ запорожецъ. Гдѣ онъ на своемъ вѣку не бывалъ, чего не видѣлъ, чего не испыталъ?.. Былъ онъ высокъ ростомъ, силенъ, и въ придачу еще великій знахарь: знался онъ съ вѣдьмами, съ чертями, ничего на свѣтѣ не боялся: настоящій былъ запорожецъ! Ужъ не молодымъ пришелъ онъ на Береку (*), женился и построилъ себѣ хату. Жилъ онъ чуть ли не сто лѣтъ, и до смерти хорошо видѣлъ, слышалъ, а подчасъ сядетъ бывало на неосѣдланнаго коня, и махнетъ въ Харьковъ. Такъ вотъ, подъ старость, въ длинные зимніе вечера, когда бывало начнетъ разсказывать что̀ съ нимъ случалось на вѣку, то и смѣешся и плачешь, а иногда и волосы станутъ дыбомъ... Вотъ какъ онъ разсказывалъ про влюбленнаго чорта...

Разъ, въ схваткѣ съ татарами, убили подъ нимъ коня. Жаль ему коня, какъ роднаго брата; одно—надежный былъ, а другое—такого не найти на всемъ Запорожьѣ. Вотъ дѣдъ и пошелъ въ слободы по заводамъ поискать себѣ богатырскаго коня. Въ то время не то что̀ теперь: повсюду была пустыня,—и дѣду пришлось странствовать по степямъ прямикомъ, справляясь о дорогѣ то у солнца, то у звѣздъ. Черезъ нѣсколько дней ходьбы, дѣдъ началъ уставать; ужъ и мѣшокъ съ запасомъ опустѣлъ, послѣдній сухарь съѣлся. Влизи Донца начинаются дремучіе лѣса, и дѣдъ забрался въ страшную пущу; а тутъ и ночь настигла. Нечего дѣлать—сѣлъ онъ подъ кустомъ, чтобы обождать пока мѣсяцъ взойдетъ, да и задремалъ. Только—слышитъ сквозь сонъ, какъ будто кто его тянетъ; очнулся, смотритъ—полный мѣсяцъ поднялся высоконько и вѣтру нѣтъ, а деревья такъ и клонятся, все въ одну сторону, и его самого, будто какая невѣдомая сила, туда жъ тянетъ. Сталъ дѣдъ присматриваться: видитъ—стоитъ высокій козакъ въ красномъ жупанѣ, въ черныхъ бархатныхъ штанахъ и желтыхъ сапогахъ, такой изъ себя молодчина, что лучшаго и въ запорожскомъ Кошѣ не сыискать! Стоитъ противъ мѣсяца и руками размахиваетъ, будто кого къ себѣ манитъ; и какъ махнетъ рукою, то ажъ деревья къ нему наклоняются, а моего дѣда будто кто въ затылокъ толкаетъ.—Что̀ за

*) Берека отъ Харькова 70 верстъ.

чортъ? подумалъ дѣдъ: не колдунъ ли? Хотѣлъ было его окликнуть, какъ слышитъ, что-то за деревьями грохнулось: такъ искрами кругомъ и осыпало. Смотритъ, изъ-за кустовъ вышла высокая стройная молоденькая дивчина, такая разодѣтая, да такая красивая, что ни во снѣ увидать, ни въ сказкѣ разсказать.—Скрестивши на груди руки, робко подошла она къ козаку.

— Зачѣмъ ты меня звалъ?—спросила она такимъ нѣжнымъ голоскомъ, что у моего дѣда ажъ сердце ёкнуло.

— Спрашиваешь—зачѣмъ! отвѣчалъ казакъ, тяжело вздохнувъ: развѣ не знаешь, какъ я тебя люблю?.. Безъ тебя, мнѣ и адъ не милъ!..

— Вотъ зачѣмъ, говоритъ дивчина,—объ этомъ я уже давно знала.

— Да нѣтъ, вскрикнулъ козакъ: не за тѣмъ!—какъ тебя увижу, то самъ не знаю что́ говорю. Выслушай меня Одарко (Дарья)... Скажи мнѣ, хочешь ли быть моею?.. Хоть бы ты въ тысячную долю такъ меня полюбила, какъ я тебя люблю!..

— Не надо мнѣ твоей любви, не проси и моей! *отрѣзала* дѣвчина, отварачиваясь.

Ого,—подумалъ дѣдъ,—какая *несговорчивая*! брезгаетъ любовью такого казака!

— Слушай Одарко, снова началъ козакъ: полюби меня! все для тебя сдѣлаю, все, чего только ни пожелаетъ твоя душа!..

— Не сдѣлаешь того, чего желаетъ моя душа! отвѣтила дѣвчина, тяжело вздохнувъ.

— Все сдѣлаю, ей—ей сдѣлаю, говоритъ казакъ; клянусь адомъ, сатаною и паномъ Фарнагіемъ; чтобы я не сгубилъ ни одной христіанской души, чтобы мнѣ провалиться въ прорубь, послѣ крещенскаго освященія воды, вотъ-что!

Какъ онъ, аспидовъ сынъ, забавно божится,—подумалъ дѣдъ.

— Не вѣришь?—спрашиваетъ козакъ.

— Не вѣрю, отвѣтила дѣвчина.

— Не знаю, чѣмъ тебя и увѣрить! говоритъ козакъ, да прижавши ее къ сердцу и чмокнулъ въ щоку.

Какъ чмокнулъ, такъ по всему лѣсу пошелъ отголосокъ; деревья заколыхались, вѣтви сплелись, заворковали горлицы, и моего дѣда наклонило къ землѣ, какъ-то зачесались губы, а тутъ откуда ни возьмись лягушка—прыгъ, и не опомнился, какъ поцѣловалъ проклятую гадину. И чтобы вы думали, такъ ему стало весело на душѣ, какъ будто поцѣловалъ красивую дивчину въ ясныя очи.

— Охъ, застонала дѣвчина, схватившись за щеку: какъ ты меня обжогъ!.. Такъ отъ тебя и пышетъ адомъ. Если хочешь со мною разговаривать, то развѣ въ водѣ, а тутъ ты меня сожжешь своею адскою любовью!..

— Пожалуй, говоритъ козакъ,—будемъ разговаривать въ водѣ.

— Смотритъ дѣдъ: возлѣ нихъ и озерко. Было ль оно прежде, да онъ его не примѣтилъ, или явилось, какъ говорится, по щучьему велѣнью. Что за чертовщина, подумалъ дѣдъ: люди ли они, или черти?.. Страшно ему стало, ажно чубъ дыбомъ поднялся. Далѣе смотритъ, стали раздѣваться, дѣвчина, будто не своими руками сняла съ себя кофту, плахту, потомъ не стыдясь и сорочку. Какъ взглянулъ на нее дѣдъ, то ажъ икры у него задрожали; давно ужъ минуло, а бывало какъ станетъ разсказывать, то ажъ чмокаетъ, ажъ искры изъ глазъ сыплятся: такъ была хороша! Мѣсяцъ ясный какъ серебромъ облилъ ея бѣлое тѣло; вся она какъ выточеная, а длинная коса, чорная, словно вороново крыло, такъ и обвивается вокругъ стройнаго стана и ажъ до полныхъ икоръ досягаетъ. Повернулась спиной, — еще красивѣе... но какъ сталъ дѣдъ вглядываться, то увидѣлъ сзади—у ней хвостикъ! такъ себѣ не очень и большой, да все-таки *матери его чортъ,* хвостикъ; выходитъ, что дивчина вѣдьма. Взглянулъ, дѣдъ на козака, и у него хвостъ, длинный-предлинный, какъ у борзой собаки и такъ имъ помахиваетъ, какъ котъ, подстерегая мышь. Вотъ оно что, подумалъ дѣдъ! теперь понятно: чортъ влюбился въ вѣдьму! Дѣдъ хотѣлъ было удрать, такъ съ мѣста не двинется, словно къ землѣ приросъ; хотѣлъ было перекреститься, не подымается рука. Досада взяла дѣда, да нечего дѣлать; прильнулъ къ землѣ и смотритъ, что дальше будетъ. Вошелъ чортъ съ вѣдьмой по поясъ въ воду и снова стали разговаривать.

— Говори же, моя голубка, чего желаетъ твоя душа? спрашиваетъ чортъ.

— Не скажу, — отвѣтила вѣдьма, пока не поклянешься адскимъ словомъ исполнить мою волю.

— А долго ли будешь моею, если обѣщаю?

— Десять лѣтъ, отвѣтила вѣдьма.

— Изволь, все тебѣ обѣщаю! Чортъ протянулъ руку: «вотъ тебѣ рука и мое адское безповоротное слово!.»

— Кто же насъ разниметъ? спросила вѣдьма, взявши чорта за руку: — нужно, чтобъ была христіянская душа, да еще и чистая!

— Не безпокойся, — есть кому разнять, сказалъ чортъ, кивнувъ головой въ ту сторону, гдѣ лежалъ мой дѣдъ: тамъ, говоритъ, иодъ кустомъ лежитъ запорожецъ.

— Развѣ у запорожцевъ чистая душа? спросила вѣдьма. Они всѣ пьяницы и разбойники...

— Какъ же! разсказывай, говоритъ чортъ: — нѣтъ чище души, какъ у тѣхъ аспидовыхъ сыновъ, запорожцевъ; они живутъ праведно: не знаются съ женщинами и охраняютъ вѣру православную... Эй, Кирило! крикнулъ чортъ, поди сюда да разними намъ руки.

Дѣдъ ни гугу: лежитъ себѣ, и духъ притаилъ.

— Да ну-же, иди, снова крикнулъ чортъ, ты же не разъ хвастался, что не боишься чорта, а теперь струсилъ...

Досадно стало дѣду: видите ли пристыдилъ, чортовъ сынъ. Некуда дѣваться, нужно идти, чтобы въ самомъ дѣлѣ чортъ не подумалъ, что запорожецъ струсилъ.

— Чего жъ тутъ пугаться? отозвался дѣдъ; а самъ дрожитъ какъ въ лихорадкѣ.

— Такъ что же нейдешь?

— Трубку ищу, уронилъ въ траву и никакъ не найду.

— Да не лги: трубка въ карманѣ.

— Дьявольскій сынъ, подумалъ дѣдъ, все знаетъ; отъ него никакъ не отдѣлаешься.

— Разнимай! говоритъ чортъ, когда дѣдъ подошелъ къ нимъ.

— Какъ же я васъ разниму? говоритъ дѣдъ... Стану я, *чортъ-батька* знаетъ для кого, пачкать свой красный жупанъ. Выходите на берегъ.

— Развѣ ты ослѣпъ? говоритъ чортъ: посмотри, тамъ гдѣ стоитъ дѣвчина, замерзло; смѣло иди, сдержитъ.

— Что за чортъ, въ самомъ дѣлѣ замерзло!.. Отъ чего жъ оно замерзло? спрашиваетъ дѣдъ.

— Оттого, говоритъ чортъ, что она, чтобы ей... такъ тепло меня любитъ, что ажъ вода около нея мерзнетъ.

— Отъ чего жъ, спрашиваетъ дѣдъ, около тебя паръ идетъ изъ воды и пузыри вскакиваютъ?

— Да, говоритъ чортъ: это я ее такъ горячо люблю, что ажъ вода около меня кипитъ!

Вотъ такой бы любви нашимъ дивчатамъ! — подумалъ дѣдъ; остановился возлѣ вѣдьмы и едва только розналъ руки, какъ съ рукъ что-то шлепъ въ воду, задрыгало ножками и нырнуло.

— Это что такое? спросилъ дѣдъ: лягушка, что ли?

— Нѣтъ, говоритъ чортъ, долго держались за руки, такъ чертенокъ вывелся.

Вотъ проклятые черти, подумалъ дѣдъ, какіе плодущіе— только за руки подержались,—ужъ и чертенка сплодили.

— Ну, теперь говори, спрашиваетъ чортъ вѣдьму, чего желаетъ твоя душа?..

— Спасенья! отвѣтила вѣдьма.

Какъ услышалъ это чортъ, то ажъ носомъ закрутилъ, будто чемерицы понюхалъ.

— Не возможно этого, простоналъ онъ, не проси, никакъ нельзя!..

— Отчего? спросилъ дѣдъ.

— Оттого, что она ужъ отступилась отъ Господа, то въ другой разъ Богъ ее къ себѣ не приметъ!

— Вздоръ! говоритъ дѣдъ, если покается, то Богъ ее и въ третій разъ приметъ!

— Да ну, молчи, рявкнулъ чортъ, если не знаешь святого писанія!

— Нѣтъ, врешь, знаю, говоритъ дѣдъ, я и самъ грамотѣй, не разъ и апостола читалъ въ церкви!..

Дѣдъ былъ презадорный; когда бывало заспоритъ, то хоть чего и не знаетъ, будетъ говорить: «знаю»; а иногда и

отъ себя выдумаетъ, и такъ кстати приладитъ, что собьетъ съ толку и знающаго.

— Вотъ, примѣромъ сказать, говоритъ дѣдъ,—я и человѣкъ, а мнѣ жаль бѣдняжку; кажется, чего бы не сдѣлалъ для ея спасенія.

— Такъ она же открестилась... проворчалъ чортъ.

— Эка важность, перебилъ дѣдъ, всякой попъ и въ другой разъ перекреститъ и дунетъ на тебя и плюнетъ!

Чортъ на это и отвѣту не далъ; стоитъ, повѣся носъ, да только затылокъ почесываетъ.

— Ты жъ самъ знаешь, отозвалась вѣдьма, взглянувъ на чорта, что не по своей волѣ я сдѣлалась вѣдьмою: меня мать принудила.

— Зачѣмъ слушалась, говоритъ чортъ: у тебя есть свой разумъ и воля...

— И это враки, смѣло перебилъ дѣдъ, (потому что какъ пойдетъ на правду, то онъ и чорта не испугается); нуждою и страхомъ до всего можно приневолить человѣка!

— Подумайте сами, чего просите, захныкалъ чортъ; чуть не плачетъ горемычный. Какъ мнѣ помогать спасенью души, когда для того я и чортъ, чтобъ губить христіанскія души? Да меня за эту пакость на куски разорвутъ!..

— За что? говоритъ дѣдъ; не большой грѣхъ спасти одну душу,—а тамъ покаешься и десять сгубишь: такъ тебя же и по головкѣ погладятъ.

— Да, какъ же развѣ противъ шерсти! проворчалъ чортъ.

— А какъ бы я тебя любила! отозвалась вѣдьма, и такъ страстно взглянула на чорта карими очами, что ажъ ледъ затрещалъ и покололся; чуть-чуть дѣдъ не бултыхнулся въ воду, да какъ-то выскочилъ на берегъ.

Задумался чортъ, долго стоялъ понурившись, долго думалъ, да ужъ *нечистая мати* такъ его подкурила любовью, что ничего и не придумалъ.

— Что будетъ, то будетъ, сказалъ наконецъ чортъ, обернувшись къ вѣдьмѣ, пусть будетъ по твоему!

Вышли изъ воды, вѣдьма повеселѣла, а смущенный чортъ и хвостъ поджалъ.

Дѣдъ помогъ вѣдьмѣ одѣться; своими руками вытеръ ея нѣжное тѣло, и замѣтилъ, что она для него словно потеплѣла; надѣвая на нея сорочку, онъ шепнулъ ей на ухо, чтобъ она его слушалась. У дѣда было предоброе сердце; ему жаль стало вѣдьмы. Онъ никогда не разсуждалъ, за вину ли или безъ вины страдаетъ человѣкъ; ему стоило только увидѣть несчастнаго, чтобъ онъ ужъ и болѣлъ за него душою, и готовъ былъ защищать его, и помогать ему, и не какъ нибудь, а всѣми своими силами; а если такой человѣкъ, какъ мой дѣдъ, задумаетъ что, то ужъ непремѣнно доведетъ дѣло до конца. Такая, видите, была натура у запорожцевъ.

— Ну, чортъ, спрашиваетъ дѣдъ: какой теперь совѣтъ дашь? Что сотворимъ, да спасемся?

— А вотъ что, отвѣчаетъ чортъ поморщась: недалеко отсюда спасается пустынникъ: великою силою онъ одаренъ; всякій грѣхъ можетъ отмолить, хоть какого грѣшника на путь истинный направитъ. Такъ видите-ли, когда я съ Одаркой поживу десять лѣтъ, тогда и отведу ее къ тому пустыннику; вотъ онъ и спасетъ грѣшную душу.

— Э, нѣтъ, постой, перебилъ дѣдъ: за десять лѣтъ много воды утечетъ; пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Черезъ десять лѣтъ или вѣдьма окочурится, или пустынника Господь къ себѣ приберетъ. Нѣтъ, такъ не приходится; ужъ если дѣлать доброе дѣло, такъ нужно теперь же идти къ пустыннику за благословеніемъ.

— Да не мѣшайся не въ свое дѣло! закричалъ чортъ, ажъ ногами затопалъ съ досады.

— Какъ, не мое дѣло? крикнулъ дѣдъ: я же васъ разнималъ! А какъ солжешь? Гдѣ она тогда будетъ искать пустынника?..

— Черти никогда не лгали! замѣтилъ чортъ.

— Чертямъ еще ни одинъ дуракъ не вѣрилъ! отрѣзалъ дѣдъ.

— Пусть будетъ такъ, отозвалась вѣдьма, какъ дядюшка Кирило говоритъ; нужно хоть узнать, гдѣ спасается пустынникъ.

Долго спорили, чуть-чуть не поссорились, но дѣда и самъ наистаршій чортъ не переспорилъ бы; нечего дѣлать, чортъ

почесалъ затылокъ и — согласился. Можетъ быть, у него было скрытое намѣреніе, но мой дѣдъ на все былъ готовъ. Посмотримъ кто кого проведетъ.

— Ну, теперь, говоритъ чортъ, моя вѣдьмушка, чортъ съ тобою! лети себѣ домой, а завтра мы будемъ у тебя и отправимся къ пустыннику.

Вѣдьма сѣла на метлу, кивнула головой дѣду и, высоко взвившись въ ровень съ звѣздами, полетѣла въ свою хату. Чортъ не спускалъ съ нея очей, пока она не скрылась, а потомъ такъ тяжело вздохнулъ, что листья зашелестѣли, по долинѣ будто что покатилось, крикнула сова, далеко въ болотѣ загудѣлъ выпь. И у дѣда сердце заныло, и онъ вздохнулъ, какъ будто только-что попрощался съ тою дѣвчиною, съ которою ужъ давно разлучился, когда пошелъ въ запорожскую Сѣчь.

V.

Дѣдъ, разсуждая съ чортомъ, пошелъ съ нимъ рядомъ, какъ добрые товарищи. Дѣдъ изъ своего рожка тряхнетъ ему табаку, а чортъ его потчуетъ изъ своего: такой услужливый; не успѣетъ дѣдъ набить трубку, а чортъ ужъ и огню высѣкъ. Только-что дѣдъ помянулъ про горѣлку, а чортъ въ ту же минуту и подноситъ, и на закуску тащитъ изъ кошеля жареную утку и пшеничный мягкій *буханецъ*.

Выпивши и порядкомъ закусивъ, дѣдъ вздумалъ пошутить надъ чортомъ: хотѣлъ было его перекрестить, да подумалъ: Богъ съ нимъ, хоть онъ и чортъ, а все же товарищъ, нечестно обижать товарища; а потомъ какъ взглянулъ на чорта, то ажъ жаль его стало: идетъ, повѣсивъ голову, словно на смерть осужденный.

— Разскажи мнѣ, спросилъ его дѣдъ, какимъ случаемъ ты влюбился въ вѣдьму? Вѣдь любовь досталась не чертямъ на долю, а намъ грѣшнымъ?

— Эхъ, братецъ! говоритъ чортъ, и у насъ есть сердце, такое жъ, какъ и у васъ, и съ тою же проклятою любовью.

Могли ли бы мы искушать васъ, еслибы не знали, какое у людей сердце... А имѣя сердце, какъ убережешься?.. Послушай, Кирило, говоритъ чортъ, снявши шапку и низко кланяясь, пособи мнѣ въ моемъ дѣлѣ, а я за это въ большой пригодѣ тебѣ стану.

— Пожалуй, говоритъ дѣдъ, почему же доброму чорту и не услужить.

А у него другое было на умѣ: какъ бы только спасти дѣвчину; что-то она и дѣду пришлась по душѣ.

— Чего хочешь, того и проси, говоритъ чортъ.

— Да мнѣ ничего не нужно, говоритъ дѣдъ, только бы добыть добраго коня.

— Я тебѣ конь, говоритъ чортъ: самъ обернусь конемъ и пять лѣтъ буду тебя возить, а пять поживу съ Одаркой. Я въ пять лѣтъ наверстаю пятьсотъ: на то мы черти!..

— Смотри жъ: не солги, говоритъ дѣдъ.

— Не бойсь, говоритъ чортъ: вотъ тебѣ рука и бѣсовское-адское слово!.. Да намъ и не приказано ни обманывать, ни затрогивать запорожцевъ, потому что они бьются за вѣру православную. Да не много и покорыстуешься, говоритъ, если котораго и завербуешъ. Убьютъ его на войнѣ, вотъ ужъ онъ и не нашъ. Откуда ни возмется Петръ съ ключами и отобьетъ: такъ и валяетъ нашего брата, не разглядывая—гдѣ глаза, гдѣ рыло; а еще какъ выскочитъ Николай, то удирай безъ оглядки, чтобы не вернуться въ адъ безъ хвоста!

— А много у васъ въ аду запорожцевъ? спросилъ дѣдъ.

— Ни одного. Какіе были, то и тѣхъ вытурили.

— За что же вы ихъ вытурили? спрашиваетъ дѣдъ: для нашего брата вамъ жаль и угла въ аду?

— Что жъ, коли такое буйство и своеволіе творятъ, что всѣхъ чертей изъ ада разогнали. Развѣ ты не слышалъ про того Марка, который весь адъ вверхъ дномъ перевернулъ (*).

---

*) Есть легенда о запорожцѣ Маркѣ, который забравшись въ адъ, переворочалъ котлы съ горячей смолой и всѣхъ чертей разогналъ. На основаніи этой легенды у Малороссіянъ и теперь еще существуетъ поговорка: *«Товчецця якъ Марко на пеклу»*.

— Что жъ они тамъ дѣлаютъ? спросилъ дѣдъ.

— Натянутся горячей смолой, какъ горѣлкой, говоритъ чортъ, позалазятъ въ печи, и кидаютъ оттуда головешками. Разъ, чуть-чуть ада не сожгли! Или развалится иной на сковородѣ и прикажетъ себя поджаривать. Печешь его, печешь, ажно на тебѣ кожа лопается, а онъ еще бранится, издѣвается надъ тобой, да на весь адъ горланитъ, что озябъ. Бѣда съ ними! Не проберешь ихъ огнемъ! ужъ какъ ихъ жарили Ляхи, да и тѣ не доканали. У насъ въ аду того невыдумаешь, что они съ ними творили: Наливайку жгли въ мѣдномъ быкѣ; вся Варшава сбѣжалась послушать, какимъ голосомъ зареветъ быкъ, да ничего и не услыхали: изтлѣлъ сердечный до костей, не издавши ни одного стона. Такъ чтó съ ними будешь дѣлать?.. Живаго не проберешь, а то—мертваго!..

— Такъ и слѣдуетъ, говоритъ дѣдъ: на то мы сѣчевики, чтобы все вытерпѣть; потому-то мы никого и ничего не боимся!..

— Обождите, говоритъ чортъ: скоро придетъ и на васъ бѣда: не проймемъ васъ огнемъ, такъ проберемъ морозомъ!

— Гдѣ жъ вы достанете мороза въ аду? спрашиваетъ дѣдъ.

— Да, у насъ нѣтъ, зато у васъ есть, говоритъ чортъ: мы вамъ такого человѣка выставимъ, что будетъ лютѣе чорта.. Онъ вамъ нагонитъ холода... увидите!.. Да ну ихъ къ чертямъ, мнѣ теперь не до нихъ... Что-то дѣлаетъ моя Одарочка?..

— Скажи мнѣ, спрашиваетъ дѣдъ, чтó она, въ своихъ-ли тѣлесахъ, или можетъ быть, обернулась такъ въ красивую дѣвчину, какъ ты въ козака?

— Нѣтъ, говоритъ чортъ, она такая отъ природы. Если и царицей обернется, то красивѣе не будетъ! Одно только въ ней не хорошо: легко ее сбить съ грѣшнаго пути.

— Не будь у ней этого каторжнаго анафемскаго хвостика! прошепталъ дѣдъ и призадумался.

Вотъ такъ разтобаривая, идутъ себѣ лѣсомъ, а тутъ изъ-за кустовъ то вытянетъ морду лѣшій, съ зеленою какъ трава бородою, то выскочитъ вовкулакъ (*), перевязанный

(*) Человѣкъ, обороченный колдуномъ въ волка.

краснымъ поясомъ, то прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку упыри въ нѣмецкихъ плюндрахъ, и всѣ низко и привѣтливо имъ кланяются. А какъ пошли надъ лиманомъ, то и не перечтешь сколько повыскакивало изъ болота чертенятъ.

— Здравствуйте, дядюшка! отзываются къ чорту. А дѣда побаиваются: видятъ, что запорожецъ.

— Не бойтесь, дѣтушки, говоритъ чортъ: это, чтобъ вы знали, мой сватъ Кирило!

Дѣдъ разсказывалъ, что чертенята, пока еще молоды, такіе зеленые, какъ осока: нѣтъ у нихъ ни рожковъ, ни когтей. И презабавные, говоритъ: бѣгаютъ, кружатся, прыгаютъ, какъ лягушки, играютъ, какъ котята; нырнетъ въ воду, а *ножки* высунетъ изъ болота и дрыгаетъ. Дѣдъ хотѣлъ было ихъ подразнить—показалъ имъ кукишъ,—такъ они въ одинъ голосъ такъ и запищали: спасибо вамъ, дядюшка, Кирило, за вашу ласку! А чортъ и говоритъ: ты ихъ и сахаромъ не корми, только покажи имъ кукишъ.

Начало разсвѣтать, когда чортъ съ дѣдомъ выбрались изъ лѣса. Не прошли и полверсты, какъ увидѣли въ долинѣ большое село.

— Вотъ это и село, сказалъ чортъ, гдѣ живетъ Одарка; вонъ, смотри, и ея хата, окруженная вишневымъ садочкомъ. Иди жъ теперь къ ней, переднюешь, а вечеромъ, когда солнышко сядетъ, и я къ вамъ прійду. Я бы и теперь съ тобою пошелъ, да днемъ, въ селѣ, не безопасно нашему брату: подчасъ наскочишь на ярчука, (*) да и пѣтухи кукурикаютъ, чтобъ они переколѣли.

— Попрощавшись съ чортомъ, дѣдъ спустился съ горы къ плёсу; досталъ изъ сумки бритву, выбрился, надѣлъ чистую сорочку, помолился Богу и отправился къ вѣдьмѣ. Дорогой сорвалъ по кустику горицвѣту, золототысячнику и дроку, свернулъ вмѣстѣ и, закрутивши, заткнулъ за голенище лѣваго сапога (**). Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы чортъ не зналъ, о чемъ дѣдъ будетъ разговаривать съ вѣдьмой.

(*) Ярчукъ, по народному повѣрью, собака съ волчьими зубами, имѣющая силу подстеречь чорта и задавить вѣдьму.

Средство скрыть свои мысли и рѣчи отъ нечистой силы. Также народное повѣрье.

VI.

Одарка встрѣтила дѣда на порогѣ своей хаты съ хлѣбомъ-солью, и поклонилась ему чуть не до земли.

— Спасибо вамъ, дядюшка, говоритъ, за вашу ласку. Отъ меня, бѣдной сироты, и Богъ, и люди отступились, а вы не чураетесь меня грѣшной. Не поможетъ ли вамъ Господь спасти погибшую мою душу!

— Не безпокойся, Одарочка, говоритъ дѣдъ: спасемъ, недадимъ чорту наругаться.

Дѣдъ, говорю вамъ, предоброе имѣлъ сердце; иногда, чтобъ успокоить бездольнаго, готовъ и солгать. Просторная хата у вѣдьмы, а какъ-то пустыней отдаетъ, и окна порядочные, а сумрачно. Одарка такъ и льнетъ къ дѣду, такъ ему въ глаза и смотритъ: то усмѣхнется, будто радуется, то снова призадумается, загруститъ, какъ солнышко осенью: выглянетъ изъ-за тучи и снова спрячется.

— Дядюшка, шепнула на ухо вѣдьма: не говорите мнѣ ничего, что у васъ на думкѣ, а то бѣсовъ Трутикъ, (такъ назывался влюбленный чортъ) все будетъ знать.

— Не безпокойся, моя краля, говоритъ дѣдъ, ударивъ по лѣвому сапогу: я ему, Иродовому сыну, уши заткнулъ. Вѣдь и мы кое-что знаемъ!.. Не услышитъ и не увидитъ, хоть бы я вотъ-что сдѣлалъ.—Да съ этимъ и перекрестилъ вѣдьму. Какъ перекрестилъ, такъ и ударило ее объ землю: посинѣла, запѣнилась, въ клубокъ ее свело. Дѣдъ перепугался, ужъ и не радъ, что перекрестилъ; поскорѣй ей сунулъ подъ носъ кукишъ: она очнулась и едва пришла въ себя.

— Охъ горе мое, горе, простонала вѣдьма, какъ же вы меня образили, словно ножемъ въ сердце! Не крестите меня, говоритъ: а то нечистый меня задушитъ, и до спасенія не допуститъ.

— Нѣтъ, не буду, не буду, говоритъ дѣдъ, пускай тебя пустынникъ креститъ святою рукой!...

Вѣдьма поставила дѣду завтракъ и бутылку терновки

ки, а сама принялась стряпать около печи. Дѣдъ ѣстъ и запиваетъ, а самъ очей не отводитъ отъ Одарки. Какая бы, думаетъ, была изъ нея молодица, хозяйка, если бы не каторжный, анаѳемской хвостикъ—отсохни онъ проклятый.

— Разскажи, моя Одарка, спрашиваетъ дѣдъ, какъ это сдѣлалось, что мать обернула тебя въ вѣдьму?

— Лучше бы не вспоминать, отвѣчала вѣдьма, тяжело вздохнувъ... Вотъ какъ это случилось: мнѣ минулъ восьмой годъ, когда отецъ мой пошелъ на войну. Черезъ два года возвратился съ войны козакъ Ѳедоръ, и принесъ намъ недобрую вѣсть, что гдѣ-то за Днѣпромъ убили моего отца. Мать сильно запечалилась, но отомъ успокоилась. Ѳедоръ жилъ въ нашей хатѣ и полюбился матери. По селу носились уже слухи, что моя мать выходитъ за него замужъ, какъ Ѳедоръ поссорился съ матерью и женился на дочери нашего сосѣда. Не знаю, какъ вамъ и разсказать, чтó тогда творилось съ моею матерью: бѣгала по селу, какъ помѣшанная, а потомъ пропала безъ вѣсти. Всѣ думали, что она наложила на себя руки, какъ черезъ двѣ недѣли, ночью, слышу гулъ на чердакѣ, застучало въ трубѣ и по всей хатѣ какъ вѣтромъ повѣяло. Я бросилась къ печи, думаю—не пожаръ ли; смотрю, кто то раздуваетъ огонь, вспыхнула лучина, вижу мать!... Такая растрепанная, оборванная, а глаза такъ и сверкаютъ–страшно было и взглянуть на нее. Я обрадовалась, кинулась къ ней, а она какъ закричитъ не своимъ голосомъ: не подходи! у меня и руки опустились. Возьми, говоритъ, образа и вынеси ихъ въ кладовую, и крестикъ, что у тебя на шеѣ, тамъ же оставь. Сняла я образа и вынесла въ кладовую, думаю, не хочетъ ли мать хату мазать, но когда вернулась, она обняла меня и горько зарыдала, такъ и обдала меня горячими слезами, какъ кипяткомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого заболѣла Ѳедорова жена, чахла, чахла и умерла,—а Ѳедоръ съ тоски и кручины, долго слонялся по лѣсамъ, пока гдѣ-то подъ деревомъ не нашли и его мертвымъ. На селѣ ходили слухи, что моя мать вѣдьма, и что она извела Ѳедора и его жену; подруги мои отъ меня отступились; я не вѣрила розказнямъ, хотя и сама видѣла, что у насъ въ домѣ что то непонятное происходи-

ло. Всю недѣлю мать была какъ мать, такая добрая, а въ субботу и близко къ себѣ не подпускала, а на ночь запирала меня въ кладовую на ключь. Захотѣлось мнѣ узнать тому причину и отчего это въ хатѣ такъ трещитъ и клокочетъ. Разъ въ субботу, (въ то время мнѣ пошелъ семнадцатый годъ) мать меня заперла въ кладовую, а я подняла половицу и вылѣзла изъ кладовой. Смотрю—въ хатѣ пылаетъ пламя; взглянула въ окно,—стоитъ моя мать возлѣ печи, въ одной сорочкѣ съ распущенною косой и какія то снадобья кладетъ въ горшокъ. Потомъ поставила горшокъ на полъ, сѣла на метлу и только наклонилась къ горшку, а изъ него какъ пахнѐтъ полымя, такъ ее и подхватило въ трубу; я какъ крикну: *мамо*, что ты дѣлаешь? а она, словно птица съ подбитымъ крыломъ, такъ и хлопнулась на земь, да меня за косы. А, непослушная дѣвчонка! закричала мать: подсматривать!.. Не будешь же меня попрекать; я изъ тебя такую жъ сдѣлаю вѣдьму, какъ и сама! Перегнула мен ч метлу и помчала. Опомнилась я ужъ на Лысой горѣ, возлѣ Кіева. Нечего вамъ разсказывать, что тамъ дѣлается; какъ вижу, можетъ быть и вамъ не разъ случалось тамъ бывать, такъ знаете...

— Какъ не знать, перебилъ дѣдъ: сколько разъ случалось!...

Дѣдъ какъ-то стыдился признаться, что чего нибудь не знаетъ, или гдѣ нибудь не былъ, вотъ и солжетъ; а ему солгать, да еще передъ вѣдьмой, все равно было что плюнуть.

— Что́ тогда со мною происходило, продолжала вѣдьма, и разсказать не съумѣю. Я лежала ницъ съ закрытыми глазами и повторяла за матерью какія то слова,—отъ кого-то отрекалась. Назадъ я полетѣла ужъ на своей метлѣ. Вотъ этотъ же Трутикъ и метлу мнѣ сдѣлалъ. Съ той поры, какъ видите, плачу—не выплачусь, думаю—и ничего не придумаю...

— Гдѣ теперь твоя мать? чтобъ ее! спросилъ дѣдъ.

— Черти замучили, говоритъ вѣдьма; когда мать утолила свое мщеніе, тогда только увидѣла, что сгубила свою и мою душу; думала какъ нибудь высвободиться, а черти и вѣдьмы и провѣдали: однажды полетѣла она на Лысую гору и назадъ ужъ не вернулась. И со мной было бы то же

но Трутикъ меня защитилъ. Не знаю что будетъ, а теперь такъ горько на душѣ, такъ тошно на свѣтѣ!.. Вѣдьма залилась слезами.

— Не плачь, моя горличка, говоритъ дѣдъ, не плачь; не бойся, спасемъ твою душу. Ну, статочное ли дѣло, чтобы запорожецъ, да еще вдвоемъ съ чортомъ, чего не сдѣлали?

— Трутикъ не допуститъ меня къ пустыннику! говоритъ вѣдьма.

— Такъ я пойду, перебилъ дѣдъ, а тамъ ужъ не его воля: будетъ, какъ пустынникъ прикажетъ. Трутикъ обѣщалъ мнѣ пять лѣтъ конемъ служить, а тѣмъ временемъ, дастъ Богъ, ты спасешься, и какъ вернется чортъ, то развѣ кукишъ подъ носъ получитъ... только оближется... А тамъ, моя красотка! Дѣдъ недоговорилъ, только моргнулъ усомъ и такъ поглядѣлъ на Одарку, что она потупилась и зардѣлась, какъ калина.

Вѣдьма порядкомъ угостила дѣда запеканкой и терновкой и положила его спать въ кладовой. Не спавъ всю ночь, дѣдъ заснулъ теперь богатырскимъ сномъ.

VII.

Дѣдъ проспалъ до вечера и, когда вошелъ въ хату, то ужъ засталъ тамъ Трутика. Такъ аспидовъ сынъ и увивается около Одарки и *вихилясомъ*, и *выкрутасомъ*, какъ банный листъ къ ней пристаетъ, ажъ раздосадовалъ дѣда. Поздоровавшись, дѣдъ сѣлъ на лавкѣ и спрашиваетъ чорта:

— Далеко ли до пустынника?

— Близко, говоритъ чортъ, за Изюмомъ, въ святыхъ горахъ.

— Какъ близко, закричалъ дѣдъ: да мы и на пятые сутки туда не поспѣемъ!...

— Да, по-вашему, по-запорожскому, говоритъ чортъ, можетъ быть оно и такъ, а по нашему такъ нѣтъ. Если выѣдемъ до восхода солнца, то къ вечеру и тамъ будемъ.

— Слушай, чортъ, говоритъ сердито дѣдъ, не затроги-

вай запорожцевъ! Я тебѣ скажу, что еслибы мой конь былъ живъ, то будь я не Кирило Келенъ, еслибы въ одинъ день не слеталъ туда!

— Да не лги, говоритъ чортъ, и въ два недоѣхалъ бы; а вотъ какъ я тебя повезу, то къ обѣду поспѣешь!

— А Одарка жъ какъ? спросилъ дѣдъ.

— Она обернется борзою, говоритъ чортъ, такъ мы еще дорогою и поохотимся.

До полуночи балагурили, а тамъ вздремнули немного, и въ путь. Когда солнце взошло, наши далеко уже были отъ села. Дѣдъ ѣхалъ вскачь словно на ворономъ жеребцѣ, а возлѣ стремени бѣжала бѣлая, какъ снѣгъ, борзая, такая жъ статная, какъ была красива Одарка. Порхаетъ какъ на крыльяхъ, кажется, и ножками недотронется земли, вьется какъ ласточка. Подымется русакъ, она духомъ догонитъ: не кусаетъ, а только придержитъ за ушко и пуститъ. А конь, *матери его бѣсъ*, какъ намалеванный! Блеститъ, какъ стальная броня, шея лебединая, изъ очей искры сыплются, а изъ ноздрей полымя пышетъ. Дѣдъ наложитъ трубку и огня не высѣкаетъ: приложитъ только къ мордѣ трубку, такъ она и вспыхнетъ. А какая збруя! и у хана крымскаго подобной не было: вся залита золотомъ и обсажена самоцвѣтными камнями. Дѣдъ не натѣшится конемъ: гладитъ, холитъ его и на Одарку не взглянетъ. Сказано, запорожская натура! Не даромъ въ пѣснѣ поютъ: *промінявъ жинку на тютюнъ и люльку* (*); а какъ бы не промѣнялъ на добраго коня. Еще солнце высоко стояло, когда они прискакали въ святыя горы. Дѣдъ напоилъ коня, самъ напился и, привязавъ чорта къ дереву, говоритъ:

— Обождите меня, я на минутку схожу къ пустыннику.

— Иди, да не мѣшкай, говоритъ чортъ, потому что къ свѣту нужно вернуться въ село, а тамъ съиграемъ свадьбу, да и въ запорожскую Сѣчь.

— Какую свадьбу? спросилъ дѣдъ.

— А съ Одаркой, говоритъ чортъ.

— А чтобъ тебѣ лопнуть! пробормоталъ дѣдъ, и спрашиваетъ:

(*) Промѣнялъ жену на табакъ и трубку.

— А куда тутъ къ пустыннику?

— Иди по этой дорожкѣ, говоритъ чортъ, это онъ и протопталъ ее, ходивши за водой.

Отправился дѣдъ на высокую гору все дремучимъ лѣсомъ и взобрался на такую вышину, что съ одной стороны страшно взглянуть въ обрывъ, а съ другой скала стѣной поднялась до облаковъ. Смотритъ — въ скалѣ дверь, а надъ дверью икона; вошелъ,—небольшая церковка высѣчена въ каменной горѣ. Только перекрестился, да положилъ земной поклонъ, какъ изъ кельи выходитъ пустынникъ, старый-престарый, сгорбленный, а борода, бѣлая какъ молоко, до самыхъ колѣнъ. Дѣдъ подошелъ подъ благословеніе, а пустынникъ благословилъ и говоритъ:

— Отчего это, человѣкъ добрый,—Богъ съ нами,—такъ отъ тебя чортомъ несетъ?

— Еще бы не несло, отвѣчалъ дѣдъ, когда цѣлый день ѣхалъ на чортѣ и еще съ вѣдьмой!

Дѣдъ все разсказалъ, что́ случилось и зачѣмъ пріѣхалъ.

— Коли вы, святой отецъ, говоритъ, не поможете, такъ ужъ и не знаю, у кого искать намъ этого спасенія!

— На все воля Божія, говоритъ пустынникъ: можетъ быть и здѣсь найдетъ спасеніе, если ея раскаяніе будетъ истинное. Какъ вижу, она хоть и вѣдьма, а меньше вреда дѣлала людямъ, чѣмъ тѣ, которыя святошами прикидываются. Она и на пути грѣшныхъ искала спасенія, а другія и съ истиннаго пути сбиваются.

— Такъ, святой отецъ, такъ, перебилъ дѣдъ: вотъ тоже самое и чортъ говорилъ!

— Врагъ рода человѣческаго, говоритъ пустынникъ, сулилъ ей всѣ блага міра сего; другая бъ и не вѣдьма, прельстилась, а она—не преклонилась.

— Не преклонилась, святой отецъ, не преклонилась говоритъ дѣдъ: такъ-таки на-прямки и чорту отрѣзала, ажъ носомъ закрутилъ, дьявольскій сынъ.

— Ну, говоритъ пустынникъ, теперь помолимся Господу; онъ милосердный наставитъ насъ на добрый подвигъ.

Пустынникъ упалъ на колѣни, дѣдъ тоже—и стали молиться. И теплая жъ была ихъ молитва: темная церковка

какъ будто освѣтилась, у дѣда изъ очей выкатились двѣ слезы, какъ двѣ серебряныя пули, ажъ брякнули ударившись о каменный помостъ. Помолившись, встали; вотъ пустынникъ и говоритъ:

— Пойдемъ же, я тебѣ покажу ту пещеру, въ которую отведешь бѣдняжку: тамъ она будетъ спасаться.

— Будьте милосердны, святой отецъ, говоритъ дѣдъ,— заступитесь за бѣдную сироту. Если бы вы увидѣли, какая она молодая, хорошая, да несчастливая!.. Такъ проклятый анафемскій хвостикъ!.. Да еще вотъ что... началъ было дѣдъ, и запнулся.

— Что тамъ еще? спросилъ пустынникъ.

— Сердце болитъ, святой отецъ, говоритъ дѣдъ, тяжело вздохнувъ: влюбился я въ эту проклятую вѣдьму, чтобы ее... пусть будетъ здорова, вотъ что!

— Буду молить Бога, говоритъ пустынникъ, чтобы Господь милосердный послалъ ей покаяніе, а ты ступай себѣ съ Богомъ въ запорожскую Сѣчь. Побудь тамъ на рыцарской стражѣ еще лѣтъ пять и возвращайся ко мнѣ. Если Богъ дастъ, что она спасется, то я васъ и обвѣнчаю.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать съ чортомъ? спрашиваетъ дѣдъ.

— А что съ нимъ дѣлать? говоритъ пустынникъ: коли онъ конь годящій, такъ поѣзжай на немъ въ запорожскую Сѣчь.

— Какъ не годящій! говоритъ дѣдъ: такого коня за сто талеровъ не купишь: что за ходъ! вскачь такъ брюхомъ по травѣ и стелетъ, а на поворотахъ, только наляжешь, ужъ и поворачиваетъ—мысли знаетъ. Боюсь только, чтобы не удралъ, чортовъ сынъ.

— Не бойсь, говоритъ псутынникъ, я тебѣ дамъ на него крѣпость.

Пустынникъ пошелъ въ свою келью, вынесъ кипарисный крестикъ и надѣлъ его дѣду на шею.

— Теперь, говоритъ, онъ у тебя какъ батракъ, какъ крѣпостной... что захочешь, то съ нимъ и сдѣлаешь.

Пустынникъ провелъ дѣда до пещеры и благословилъ на прощанье.

Возвратился дѣдъ, да ему какъ-то не ловко и совѣстно чорту въ глаза глянуть. Но вѣдь не угождать же и чорту, помогая ему губить христіанскія души, подумалъ дѣдъ: не все жъ коту масляница. Только дотронулся онъ до чорта, въ ту же минуту почуялъ сердечный Трутикъ свою неволю; такъ и затрясся и застоналъ:

— Что́ ты, Кирило, со мною сдѣлалъ? говоритъ.

— То, что ты съ другими дѣлаешь... говоритъ дѣдъ: ловитъ волкъ—да какъ и волка поймаютъ!.. А самому жаль чорта, да нечего дѣлать: предобрая была душа у покойника.

Недолго толковалъ съ чортомъ; правду сказать не о чемъ было и говорить. Взялъ за руку Одарку и повелъ въ ту пещеру, которую указалъ ему пустынникъ. Дорогой разказалъ, какъ они порѣшили дѣло съ пустынникомъ, крѣпко прижалъ ее къ сердцу и, сѣвъ на чорта, полетѣлъ стрѣлой въ запорожскую Сѣчь.

VIII.

Утромъ дѣдъ ужъ былъ въ запорожскомъ Кошѣ. Кому ни скажетъ, что онъ вчера вечеромъ выѣхалъ изъ святыхъ горъ, никто невѣритъ, да какъ и повѣритъ, чтобы въ одну ночь проскакать тридцать миль. Чего ужъ не выдѣлывалъ дѣдъ на своемъ конѣ! Еслибъ услышали, что онъ разсказывалъ, то сказали бы, что вретъ; за недѣлю не переслушали бы. Разъ, дѣдъ заспорилъ съ товарищами, и объ закладъ побился, что поѣдетъ въ Бакчисарай, прямо къ крымскому хану, и плюнетъ ему въ глаза. И что бы вы думали: поѣхалъ и плюнулъ; да еще въ придачу на всѣ корки выбранилъ; а дѣдъ славно бранился—научился у какого то москаля: ты, говоритъ, покойнаго чорта племянникъ, бусурманскій, католическій, анаѳемскій, аспидовъ сынъ! триста тебѣ чертей въ животъ! И бывало какъ наскочатъ сѣчевики на татарскую орду, то дѣдъ такъ и врѣжется въ

самую середину, а лошади какъ почуютъ чорта, такъ и шмыгнутъ въ разсыпную; дѣдъ и давай крошить татарву, какъ лапшу, такъ головы и валятся, словно груши осенью. Четыре года дѣдъ былъ куреннымъ атаманомъ, а тамъ, какъ приблизился срокъ, вотъ дѣдъ и сталъ прощаться. Не хотѣли было отпускать сѣчевики, такъ дѣдъ имъ и говоритъ:

— Остался бы, товарищи, да обѣщалъ вѣдьмѣ на ней жениться: такъ видите ли, нужно козацкое слово сдержать.

— Что за молодецъ Кирило, смѣются запорожцы, онъ не побоится и чорта позвать въ дружки.

— Да, говоритъ дѣдъ: я не побоюсь на чортѣ и поѣхать.

Съ послѣднимъ словомъ сѣлъ на чорта и махнулъ въ святыя горы; къ обѣду и тамъ. Смотритъ, а воронья такая сила, будто съ цѣлаго свѣта слетѣлись Гемонскія твари, такъ и укрыли горы и лѣсъ. Только увидѣлъ ихъ чортъ, такъ и затрясся, и голову повѣсилъ, и хвостъ опустилъ, почуялъ свою бѣду. Доѣхавши до межи, гдѣ на чортѣ дальше нельзя ѣхать, дѣдъ слѣзъ съ чорта и говоритъ:

— Прощай, чортъ, не вспоминай лихомъ, спасибо тебѣ за вѣрную службу!

Только договорилъ, конь и такъ обернулся въ птицу. Какъ закаркало гемонское воронье, и поднялось, словно туча, ажъ солнце затмили. Налетѣли на чорта, дѣдъ не опомнился, не успѣлъ руки поднять, чтобы перекреститься, разинуть ротъ, чтобы запѣть Богослова, какъ они несчатнаго Трутика на клочки разорвали. Куда дѣвалось и мясо: только пухъ полетѣлъ за вѣтромъ. Жаль дѣду чорта, очень жаль, да теперь не до него; другая думка у дѣда: что̀ сталось съ Одаркой: помиловалъ ли ее Господь? Только переступилъ черезъ ровъ, а изъ–за кустовъ навстрѣчу къ нему Одарка; въ цвѣтахъ, въ лентахъ, какъ подъ вѣнецъ. Такъ и повисла дѣду на шею.

— Избавитель мой! суженый мой! восклицаетъ: милосердный Богъ помиловалъ меня грѣшную... тебя только и ждала, мой голубь, какъ былинка росы небесной.

Еще красивѣе стала Одарка: такая бѣлая, румяная, кровь съ молокомъ; очи сверкаютъ, какъ звѣзды въ темную ночь, зубы блестятъ, какъ бѣлые голуби на солнцѣ подъ

синимъ небомъ. Такъ и прижимается къ дѣду и цѣлуетъ его и ласкаетъ, и креститсл, и его креститъ. Дѣдъ стоитъ, какъ вкопаный, глазамъ своимъ не вѣритъ; потомъ упалъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и промолвилъ:

— Боже милосердный, какъ ты къ намъ милостивъ!..

— Поспѣшимъ же, мой рыцарь, къ пустыннику, говоритъ Одарка: онъ еще съ утра тебя дожидаетъ.

Счастливая чета, обнявшись, пошла къ пустыннику. Вошли въ церковь. Смотрятъ, ужъ и налой стоитъ, и два вѣнца лежатъ на налоѣ, не изъ фольги какъ теперь по церквамъ, а изъ свѣжихъ цвѣтовъ.

— Здравствуй, Кирило, говоритъ пустынникъ, увидѣвъ дѣда, какъ тебя Богъ миловалъ на Запорожьѣ?

— Слава Богу, святый отче, говоритъ дѣдъ, молитвами вашими, да, спасибо, и покойному чорту, хорошо служилъ дьявольскій сынъ!..

Дѣдъ отслужилъ три молебна: Николаю Чудотворцу, Архистратигу Михаилу и Георгію побѣдоносцу; за тѣмъ пустынникъ поставилъ молодыхъ передъ налоемъ и обвѣнчалъ.

— Теперь, говоритъ, Богъ вамъ помоцъ; будьте счастливы и долголѣтни, да не забывайте, что Господь милосердъ, не для того чтобы грѣшили, а для того чтобы каялись въ своихъ грѣхахъ!

— Такъ, святой отецъ, такъ, говоритъ дѣдъ: вотъ черти, такъ небойсь, недали покаяться Трутику, разорвали горемыку на клочки: только пухъ полетѣлъ съ вѣтромъ!

Когда прощались, Одарка три раза поклонилась пустыннику до земли, какъ родному отцу. Дѣдъ также хотѣлъ было поклониться до земли, такъ шея никакъ не гнулась: у этихъ сѣчевиковъ шея какъ у волка, они только одному Богу кланялись до земли. Вотъ дѣдъ схватилъ себя обѣими руками за чубъ и насилу пригнулъ голову къ ногамъ пустынника.

IX.

Поблагодаривъ пустынника, дѣдъ съ молодой женой отправился на Береку. Денегъ у него была пропасть—полонъ

черезъ, туго набитый червонцами: чтобы ни вздумалъ, то и сдѣлалъ. Выбралъ себѣ отличное мѣсто надъ рѣкой, гдѣ теперь господской садъ, и построилъ славную хату на двѣ половины. Накупилъ воловъ, овецъ, коней и такъ зажилъ съ Одаркой, какъ лучше и выдумать нельзя. Одарка была очень счастлива въ замужествѣ, дожила до женитьбы сына, дожила и до внуковъ и умерла, оставивъ по себѣ добрую память. Вотъ вамъ и конецъ. Непрогнѣвайтесь, если мой разсказъ вамъ не по вкусу; разсказывалъ, что́ слышалъ отъ дѣда; если онъ лгалъ, то и я лгу!

Хозяйка во все время разсказа то дремала, то снова принималась слушать.

— А что сталось, спросила она, протирая глаза, съ хвостикомъ?

— Э!.. поминайте, какъ звали его—тотъ хвостикъ, отвѣчалъ старикъ, отчитали съ корнемъ. Дѣдъ какъ ни приглядывался, такъ и мѣста не нашелъ, гдѣ онъ росъ.

— Ну, то-то же!.. А то какъ-то странно, чортъ возьми: женщина и съ хвостикомъ!? Хозяйка вопросительно взглянула на меня, какъ бы желая убѣдиться, не кажется ли оно и мнѣ страннымъ.

Поблагодаривъ старика за его разсказъ, мы разошлись на покой, а на другой день утромъ снова собрались и распрощались навсегда. Чтобы не забылась фантастическая повѣсть старика, я записалъ ее для моихъ земляковъ. Украинская природа, согрѣтая теплымъ дыханіемъ юга, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ. Какъ пшеница зрѣетъ на нивѣ и потомъ складывается въ копны и скирды, такъ и это семя, заронившись въ душу и сердце, зрѣетъ словеснымъ колосомъ и слагается въ народныя повѣсти и легенды.

А. СТОРОЖЕНКО.

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ.

1772 и 1773.

(Окончаніе) (*).

...«On ne connoit pas le droit de propriété dans ce malheureux pays (Pologne); pour toute loi, le plus fort opprime impunément le plus foible. Mais cela est fini, et on y mettra bon ordre à l'avenir.»

Фридрихъ II къ Даламберу.

Если кто былъ смѣшенъ въ то время, когда въ Польшѣ разыгрывалась, во второй половинѣ прошлаго вѣка, печальная политическая трилогія, такъ это гордые мудрецы—Вольтеръ, Даламберъ и Руссо, не подозрѣвавшіе, что, осмѣивая все на свѣтѣ, сами играютъ жалкую и далеко не лестную роль изъ-за ласковаго слова Фридриха II, или изъ-за соболей шубы съ его плеча, или, наконецъ, изъ-за табакерки съ портретомъ какого-нибудь другаго коронованнаго литератора. Саркастическая улыбка не кривила уста капризнаго фернейскаго отшельника, когда онъ читалъ письма Фридриха, въ которыхъ тотъ дурачилъ самолюбиваго старика; а Даламберъ наивно вѣрилъ безкорыстію коронованнаго философа, читая приведенныя нами въ эпиграфѣ

(*) См. первую статью о времени паденія Польши въ Рус. Словѣ 1861, № 9.

похвальбы Фридриха о томъ, какъ онъ осчастливилъ Польшу. «Я основалъ въ ней сорокъ школъ протестантскихъ и католическихъ, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, — и смотрю на себя какъ на Ликурга или Солона этихъ варваровъ». А между тѣмъ эти варвары были до того слѣпы къ благодѣяніямъ такихъ попечительныхъ сосѣдей, какъ Фридрихъ, что никакъ не хотѣли понять добра, которое имъ дѣлали, можетъ быть потому, что ни Пулавскій, ни Огинскій, ни Пацъ и никто изъ конфедератовъ не были знакомы съ Вольтеромъ, а иначе онъ вразумилъ бы ихъ. Можетъ быть также, конфедераты не вполнѣ догадывались, какіе добрые виды имѣютъ на Польшу сосѣднія государства, и, смотрѣли на прусскихъ драгунъ и русскихъ казаковъ не какъ на цивилизаторовъ, пришедшихъ заводить у нихъ школы, а просто какъ на вооруженнаго непріятеля. Какъ бы то ни было, но и въ то время, когда переговоры объ умиротвореніи Польши уже были совершенно покончены и когда оставалось только обнародовать эту новость, конфедераты не только продолжали защищаться въ своихъ крѣпостяхъ, но и готовы были выгнать ихъ изъ Польши совсѣмъ, еслибы могли. Вообще событія въ Польшѣ, слѣдовавшія за первымъ извѣстіемъ о раздѣлѣ значительной части королевства между сосѣдними державами, болѣе всего доказываютъ, какъ непрочно государство, въ которомъ интересы правительства мало гармонируютъ съ интересами управляемой имъ націи. Въ 1772 году Польшѣ данъ былъ такой урокъ, который долженъ бы былъ вразумить всѣхъ, отъ кого зависѣла участь этой страны. Но этотъ же 1772 годъ до очевидности показалъ Европѣ, что Польшу уже едва ли что могло вразумить. Еще съ начала года конфедераты имѣли надежду на успѣхъ; имъ казалось, что, засѣвъ въ двухъ–трехъ крѣпостяхъ, они могутъ не только держаться въ нихъ до наступленія болѣе благопріятныхъ временъ въ Польшѣ, но и оказывать вліяніе на страну; имъ посчастливилось даже, съ помощью французскихъ офицеровъ, сдѣлать одно важное пріобрѣтеніе. Но къ чему все это могло служить имъ, когда впереди не видѣлось ничего хорошаго? Вообще польское правительство, во все продолженіе существованія этого государства, такъ мало сдѣлало добра народу, что на его помощь оно никогда не могло расчитывать. Другое дѣло, еслибъ народу легко жилось подъ управленіемъ шляхты и королей; тогда этотъ народъ защитилъ бы и шляхту, и страну отъ всякой посторонней обиды; тогда онъ выгналъ бы изъ своей земли всякаго, на кого указала бы ему шляхта, какъ на врага.

Но хорошаго онъ не видѣлъ въ жизни; онъ не выгонялъ изъ своей земли чужихъ солдатъ, потому что скорѣе желалъ бы выгнать свою шляхту. Этой то нелюбовью народа и парализировалось дѣло польскихъ патріотовъ; конфедераты были безсильны потому, что не были популярны, что защищали не Польшу, а то сословіе, которое и было причиною несчастія всей страны.

Извѣстно, что неудачная попытка похитить короля не мало повредила конфедератамъ, какъ во мнѣніи ихъ соотечественниковъ, такъ и въ глазахъ всей Европы, которая слѣдила по газетамъ и по слухамъ за тѣмъ, что происходило въ Польшѣ. Французскіе офицеры, находившіеся въ войскѣ конфедератовъ и не мало помогавшіе имъ и совѣтами и личной распорядительностью, лучше другихъ понимали, что только дѣйствительнымъ заявленіемъ своей силы конфедераты могли поддержать свою, съ каждымъ днемъ упадавшую, славу. И Французы заботились о поддержаніи этой славы, потому что сами конфедераты видимо упали духомъ. «Въ томъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ находится конфедерація, нуженъ какой-нибудь громкій подвигъ, который возвратилъ бы ей и силу и мужество», писалъ одинъ изъ этихъ Французовъ, Віомениль, и къ февралю 72 года уже все подготовилъ для этого подвига. Такъ какъ Варшава и Краковъ, самые важные пункты королевства, были заняты русскими войсками, которыя изъ–за цитаделей этихъ городовъ управляли всею страною, то надо было вытѣснить ихъ или изъ Варшавы или изъ Кракова. О Варшавѣ конфедератамъ и думать было нечего, потому что ее бдительно сторожили и королевскія и русскія войска; хотя и Краковъ трудно было взять правильной осадой, и притомъ съ такими ничтожными силами, какими располагали патріоты, едва ли долго можно было держаться даже въ своихъ собственныхъ крѣпостяхъ, однако Французы рѣшились вывести конфедератовъ изъ ихъ тягостнаго положенія: они положили во что бы ни стало ввести патріотовъ въ Краковъ.

Но прежде сами конфедераты рѣшились попытать счастья. Краковъ, сильно укрѣпленный искусствомъ и природой, казался рѣшительно неприступнымъ городомъ, особенно для ничтожной горсти патріотовъ. Кромѣ того его защищали русскія войска: въ самой крѣпости было 400 солдатъ, восемь сотъ человѣкъ въ городѣ, и въ отрядахъ, расположенныхъ по предмѣстью, и бродившихъ по окрестностямъ Кракова, насчитывали до трехъ тысячъ русскихъ. Войско,

оберегавшее Краковъ, имѣло и запасы, и артиллерію; притомъ къ Кракову, вслучаѣ опасности, можно было стянуть и другіе отряды, которые Суворовъ постоянно передвигалъ съ мѣста на мѣсто. У конфедератовъ, напротивъ, была только личная храбрость—и больше ничего. Однако они надѣялись войти въ крѣпость съ той стороны, которая не имѣла никакихъ искусственныхъ укрѣпленій, исключая обрывистаго спуска, по которому съ помощью лѣстницъ можно было добраться до самой цитадели. Въ этой части крѣпости находился архивъ, одинъ изъ чиновниковъ котораго имѣлъ тайныя сношенія съ конфедератами. Окна въ жилищѣ этого чиновника выходили прямо къ спуску и одно окно имѣло деревянную рѣшетку, которую очень легко можно было выломать. Чиновникъ извѣстилъ конфедератовъ, что чрезъ это окно онъ проведетъ ихъ въ крѣпость, если только у нихъ будутъ лѣстницы, съ помощью которыхъ они могли бы взобраться вверхъ по обрыву, идущему отъ оконъ архива. Этимъ предложеніемъ воспользовался Валевскій, которому Пулавскій предоставилъ защиту Тырняка, и который, несмотря на свою молодость, успѣлъ пріобрѣсти хорошую репутацію между патріотами, какъ одинъ изъ талантливыхъ офицеровъ. Онъ вышелъ изъ Тырняка ночью, съ небольшимъ отрядомъ, и направился вдоль Вислы, но, наткнувшись на русскій патруль, былъ узнанъ и принужденъ возвратиться въ свою маленькую крѣпость, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго случая. Случай этотъ вскорѣ представился. Одинъ еврей, котораго конфедераты употребляли иногда шпіономъ, содержалъ трактиръ, находившійся у самой подошвы той возвышенности, на которой стояла краковская крѣпость. Еврей этотъ явился къ Валевскому съ предложеніемъ — устроить отъ его дома подземное сообщеніе съ городомъ, прокопавъ тайный проходъ изъ внутренности дома до самой крѣпости, такъ чтобы чрезъ это подземелье можно было пробраться въ самую середину укрѣпленій Кракова въ какое угодно время. Валевскій сообщилъ объ этомъ Шуази, одному изъ болѣе вліятельныхъ французскихъ офицеровъ, которыхъ версальскій кабинетъ тайно прислалъ въ помощь конфедератамъ по выѣздѣ изъ Польши Дюмурье. Шуази, вмѣстѣ съ Віоменилемъ и другими офицерами, находился въ то время въ Тырнякѣ. Онъ приказалъ явиться къ себѣ еврею-шпіону и, условившись съ нимъ насчетъ предложенія объ устройствѣ тайнаго хода изъ трактира въ краковскую крѣпость, для предупрежденія измѣны со стороны еврея, велѣлъ ему прислать часть своего семейства въ Тырнякъ, въ

качествѣ заложниковъ, выдалъ двѣ тысячи франковъ въ уплату за домъ, изъ котораго долженъ былъ устроиться подземный ходъ въ Краковъ, и тотчасъ же послалъ людей въ домъ еврея, которые поселились тамъ и начали копать подземелье. Между тѣмъ Шуази имѣлъ въ виду воспользоваться также и предложеніемъ чиновника краковскаго архива и думалъ исполнить оба предпріятія разомъ. Но въ тоже время его извѣстили, что Русскіе, просто ли вслѣдствіе военной предосторожности или какихъ-либо подозрѣній, или наконецъ въ предупрежденіи измѣны со стороны архивнаго чиновника, замѣнили деревянную рѣшетку въ окнѣ его желѣзною. Это обстоятельство заставило Шуази дѣйствовать съ большею осмотрительностью, чтобы, вслучаѣ тайнаго нападенія на Краковъ, самому не сдѣлаться жертвою обмана. Но и эти два плана нападенія онъ считалъ еще недостаточными и, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ въ успѣхѣ такаго опаснаго предпріятія, какъ взятіе Кракова, рѣшился не ограничиваться предложеніями архивнаго чиновника и еврея-шпіона. Онъ совѣтовалъ Валевскому изыскать другія, болѣе вѣрныя средства завладѣть Краковомъ и еврей указалъ еще одинъ путь, черезъ который можно было попасть въ крѣпость. Онъ сообщилъ, что часть крѣпостныхъ стѣнъ составляетъ ограду кармелитскаго сада и что если кармелиты позволятъ, то можно начать подкопъ въ самомъ саду. Обратились къ настоятелю монастыря, и онъ согласился помогать предпріятію конфедератовъ. Вскорѣ увѣдомили Шуази, что подземный ходъ готовъ, что три человѣка могутъ взойти въ отверстіе и что остается прорыть очень небольшое пространство земли, чтобы войти въ крѣпость, но что продолжать работу опасно, потому что русскіе могутъ услышать шумъ и открыть подземный ходъ. Шуази не хотѣлъ ограничиваться и этими, кажется, вѣрными средствами, и потому Віомениль совѣтовалъ испытать еще одно: изъ середины крѣпости проведена была до самой Вислы клоака, для стока нечистотъ изъ цитадели, и Віомениль рѣшился пробраться въ Краковъ этимъ путемъ.

Ночь съ 2 на 3 февраля была назначена для исполненія тайнаго предпріятія. Шуази выступилъ изъ Тырняка съ пятью стами человѣкъ. Два главные отряда, въ каждомъ по тридцати человѣкъ самыхъ отборныхъ изъ войска конфедератовъ, шли къ Кракову подъ начальствомъ Віоменіля и другаго французскаго офицера Сэльяна; другіе небольшіе отряды, отъ 12 до 15 человѣкъ, должны были дѣлать фальшивыя тревоги въ разныхъ мѣстахъ, чтобы отвлечь внима-

ніе русскихъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагалось проходить Віоменилю и Сэльяну. Сэльянъ долженъ былъ пройти съ своимъ отрядомъ подземнымъ ходомъ, Віомениль избралъ путь черезъ клоаку, хотя этотъ проходъ не былъ предварительно никѣмъ осмотрѣнъ. Выступивъ изъ Тырняка, Шуази, Віомениль и Сэльянъ переправились тотчасъ же черезъ Вислу и направились вдоль этой рѣки до того мѣста, гдѣ должны были разойтись въ разныя стороны, каждый съ своимъ отрядомъ; мелкія группы конфедератовъ отдѣлились отъ главныхъ отрядовъ и потянулись къ Кракову окольными дорогами, чтобъ обойти непріятельскіе апроши. Передъ тѣмъ какъ раздѣлиться на отряды, конфедераты переодѣлись такъ, чтобы въ темнотѣ ночи могли отличать своихъ товарищей отъ русскихъ солдатъ. Несмотря на разсѣянные по всѣмъ направленіямъ русскіе отряды, Сэльянъ благополучно достигъ трактира и привелъ своихъ солдатъ къ подземелью. Входъ былъ очень удобенъ, но чѣмъ дальше подвигались они, тѣмъ проходъ становился уже, такъ что они дошли наконецъ до такаго узкаго мѣста, гдѣ одинъ человѣкъ едва могъ ползкомъ пробираться къ выходу. Ясно, что тридцать человѣкъ опасно было вводить въ это подземелье, и Сэльянъ принужденъ былъ воротиться, чтобы осмотрѣть укрѣпленія со всѣхъ сторонъ и поискать, не найдеть-ли, хотя случайно, болѣе удобнаго мѣста для входа въ крѣпость. Въ это время Віомениль уже пробирался съ своимъ отрядомъ по клоакѣ. Онъ первый вошелъ въ нее и, не зная что ожидаетъ его впереди, ползкомъ, со шпагою въ рукѣ, повелъ за собой храбрыхъ товарищей, говоря, что черезъ нѣсколько минутъ они будутъ въ самой крѣпости. Послѣдніе изъ его отряда уже вошли въ клоаку, когда приблизился Сэльянъ, котораго привелъ сюда одинъ сержантъ, наканунѣ осматривавшій эту мѣстность. Товарищи Віомениля узнали отрядъ Сэльяна по платью, въ цвѣтѣ котораго они условились заранѣе; Сэльянъ, не медля ни минуты, ввелъ и свой отрядъ въ клоаку. Между тѣмъ Шуази, явившись подъ стѣнами крѣпости съ четырьмя стами человѣкъ, тщетно старался найти какой-либо входъ въ середину укрѣпленій; онъ прошелъ вдоль стѣны сада кармелитовъ и нигдѣ не встрѣчалъ ни Сэльяна, ни Віомениля. Отправляясь въ путь, они, кажется, не условились ни въ сигналахъ, ни въ паролѣ; между тѣмъ еврей—шпіонъ, служившій проводникомъ въ отрядѣ Шуази, самъ растерялся, опознался въ мѣстности,—а заря уже начинала заниматься, до утра было недалеко. Потерявъ всякую надежду, Шуази рѣшился

наконецъ собрать свои отряды и отступить отъ крѣпости; но онъ напрасно ждалъ Віомениля и Сэльяна; онъ не зналъ, гдѣ они и что съ ними, потому что никто не могъ дать ему вѣсть объ участи первыхъ пришедшихъ къ Кракову отрядовъ. Кругомъ и вдали было тихо, потому что въ крѣпости всѣ спали, не ожидая, опасности столь близкой, а Віомениль и Сэльянъ не выходили еще изъ клоаки. Боясь погубить весь свой отрядъ, вслучаѣ если утромъ онъ наткнется на русское войско, Шуази съ горестью долженъ былъ, еще до разсвѣта, ретироваться отъ крѣпости. Возвращаясь къ Тырняку, онъ никакъ не могъ думать, чтобы Віомениλю и Сэльяну удалось опасное предпріятіе и считалъ ихъ погибшими.

Между тѣмъ Віомениль, Сэльянъ и ихъ храбрые товарищи вошли въ крѣпость. Віомениль первый выступилъ изъ клоаки и, наткнувшись на часоваго, который въ просонкахъ окликнулъ его, прокололъ несчастнаго шпагою, молча продолжалъ путь, убилъ другаго часоваго и заколоλъ русскаго капитана, встрѣтившагося на дорогѣ. Все это сдѣлано было безъ малѣйшаго шума, такъ что въ крѣпости никто и не подозрѣвалъ, что непріятель находится уже въ центрѣ укрѣпленій. Отряды пошли далѣе по направленію къ огоньку, который, какъ они справедливо предполагали, выходилъ изъ крѣпостной гауптвахты. Вбѣжавъ на гауптвахту, Віомениль закричалъ: «сдавайся!» и всѣ сдались безъ сопротивленія, исключая одиннадцати человѣкъ, которые поскакали въ окна, бросились въ городъ и произвели тревогу. Русскіе быстро собрались и пошли на крѣпость. Віомениль и Сэльянъ, еще не вполнѣ увѣренные въ томъ, что совершенно овладѣли крѣпостью и опасавшіеся встрѣтить непріятеля внутри укрѣпленій, принуждены были, кромѣ того, отражать нападеніе извнѣ. А нападенія, дѣйствительно, начались въ разныхъ пунктахъ и приступы были очень дружные. Горсть побѣдителей состояла между тѣмъ только изъ шестидесяти человѣкъ, которые, не имѣвъ ни минуты отдыха съ девяти часовъ вечера, со времени выступленія изъ Тырняка, были очень истомлены; кромѣ ружей и сабель они не имѣли ничего для защиты крѣпости, которою завладѣли въ нѣсколько минутъ; у Русскихъ же имѣлись и пушки, и число ихъ было огромно въ сравненіи съ горстью храбрыхъ, засѣвшихъ въ крѣпости. По счастью непріятельскія пушки, принужденныя стрѣлять вверхъ, на довольно значительную высоту, дѣйствовали безъ всякой пользы и не причиняли осаждаемымъ ни малѣйшаго вреда, тогда какъ русская пѣхота, взби-

равшаяся на крѣпость, была открыта для выстрѣловъ и испытывала губительный огонь. Болѣе двухъ третей изъ осаждавшихъ остались на мѣстѣ отъ мѣткихъ выстрѣловъ изъ крѣпости; между осаждаемыми, напротивъ, находился только одинъ раненый, юный французъ Шарло, который получилъ ударъ въ ногу. Но при всемъ томъ положеніе осаждаемыхъ было очень сомнительно и они ни въ какомъ случаѣ не могли одними своими ничтожными силами удержать за собою крѣпость, со всѣхъ сторонъ окруженную русскими отрядами; къ нимъ никто не приходилъ на помощь, — ни Шуази, который съ главнымъ отрядомъ долженъ былъ напасть на городъ, ни тѣ мелкія группы, которыя разсѣялись по окрестностямъ Кракова съ цѣлью тревожить Русскихъ. Силы послѣднихъ, напротивъ, безпрерывно возрастали. Истомленные походомъ и отраженіемъ непріятеля, Віомениль и Сэльянъ не думали однако о капитуляціи, какъ о единственномъ средствѣ къ спасенію, а напротивъ рѣшились выйти изъ крѣпости, пробившись сквозь ряды непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ. Положеніе ихъ такъ было опасно, что оставаться въ крѣпости до утра—значило подвергаться неминуемой гибели. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ оставались еще выходы изъ крѣпости, но скоро и отступленіе сдѣлалось бы невозможнымъ. Все уже приготовлено къ этому новому и опасному подвигу; оставалось отворить крѣпостныя ворота, —какъ вдругъ осажденные услышали шумъ въ городѣ, и не ошиблись, предположивъ, что Шуази идетъ къ нимъ на помощь и сдѣлалъ нападеніе на самый городъ. Осажденные остались на своихъ мѣстахъ и съ новой стойкостью продолжали отражать нападеніе.

Дѣйствительно, Шуази, послѣ неудачнаго обхода вокругъ крѣпостныхъ стѣнъ, удивленный невозмутимой тишиной въ Краковѣ, уже отступалъ отъ города, и въ тотъ самый моментъ, когда входилъ въ Тырнякъ, услышалъ вдругъ пушечные выстрѣлы и частую ружейную пальбу. Выстрѣлы неслись изъ Кракова и не оставалось никакого сомнѣнія, что перестрѣлка завязалась вслѣдствіе нападенія на крѣпость или Віомениля или Сэльяна, которыхъ Шуази могъ считать уже погибшими. Не медля ни минуты, онъ двинулся къ Кракову, опрокидывая попадавшіеся на пути русскіе отряды и отстрѣливаясь отъ другихъ, завладѣлъ краковскимъ мостомъ, прошелъ городомъ и, отбившись отъ русскихъ отрядовъ, вступилъ въ крѣпость. Тамъ онъ нашелъ Віомениля, Сэльяна и ихъ шестьдесятъ храбрыхъ товарищей, которые, впродолженіи пяти часовъ, неутомимо отбивались

отъ многочисленнаго непріятеля. Вмѣстѣ съ отрядомъ Шуази, въ крѣпости находилось теперь все еще менѣе пяти сотъ человѣкъ;—а съ такими ничтожными силами нельзя было долго держаться. Правда, изъ Ландскроны высланъ былъ къ нимъ на подмогу, на другой день послѣ взятія крѣпости, еще одинъ отрядъ, въ которомъ имѣлось орудіе; но, пробиваясь сквозь русское войско, отрядъ этотъ потерпѣлъ значительный уронъ, выдержавъ губительный огонь въ городѣ; только кавалеристы, предводительствуемые Келлерманомъ, успѣли поддержать этотъ отрядъ, который и прошелъ въ крѣпость. Между тѣмъ, на слѣдующій же день подъ стѣнами Кракова явился Суворовъ съ новыми силами и Шуази принужденъ былъ запереться въ крѣпости, рѣшившись защищаться до послѣдней крайности.

Но въ то время, когда Шуази запирался въ краковской крѣпости, а Пулавскій, Валевскій и другіе конфедераты, укрѣпились въ Ченстоховѣ, Тырнякѣ и Ландскронѣ, конфедераты не знали, что говорилось въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ въ тиши кабинетовъ. Еслибы Шуази и Віоменилъ, — въ тотъ самый день, когда они, измученные защитой Кракова, готовы были вѣрить, что конфедератамъ начинаетъ улыбаться счастье, — подслушали разговоръ Фридриха II съ австрійскимъ посланникомъ Фанъ-Свитенъ, они увидѣли бы, что для конфедератовъ уже все было потеряно.

— Если ваше величество уступите намъ графство Глацъ, мы уступимъ вамъ часть Польши, говорилъ Фанъ-Свитенъ. (Это было первый разъ, что Австрія заговорила о раздѣлѣ Польши, а до сихъ поръ она все лавировала.)

— У меня теперь подагра только въ ногахъ, отвѣчалъ Фридрихъ:—когдабъ она была у меня и въ головѣ, тогдабъ можно было сдѣлать такое предложеніе. Рѣчь идетъ о Польшѣ, а не о моемъ королевствѣ. Притомъ я соблюдаю мирные трактаты и помню увѣренія, данныя мнѣ императоромъ (Іосифомъ II) — не думать больше о Силезіи.

— Но, возразилъ Фанъ-Свитенъ, Карпаты отдѣляютъ Венгрію отъ Польши, и всѣ пріобрѣтенія, которыя мы можемъ сдѣлать по сю сторону Карпатъ, нисколько для насъ не выгодны.

— Но, замѣтилъ съ своей стороны Фридрихъ, Альпы отдѣляютъ васъ отъ Италіи, однако вы не смотрите на Миланъ и Мантуу, какъ на невыгодныя владѣнія.

Это нѣсколько смутило Фанъ-Свитена и онъ отвѣчалъ:—въ та-

комъ случаѣ можно найти средства сдѣлать раздѣлъ болѣе выгоднымъ, если намъ позволятъ пріобрѣсти отъ Турокъ Бѣлградъ и Сербію.

Фридрихъ, въ письмѣ къ Сольмсу, въ Петербургъ, признавался, что эти слова ошеломили его, потому что онъ никакъ не ожидалъ услышать ихъ отъ союзника Турціи и отъ представителя того двора, любимой фразой котораго было «равновѣсіе востока.»

Въ отвѣтъ Фанъ-Свитену король замѣтилъ такъ:

— Мнѣ очень пріятно слышать, что Австрійцы еще не обрѣзаны, въ чемъ иные обвиняли ихъ, и что это обрѣзаніе выпадаетъ на долю ихъ добрыхъ друзей, Турокъ... (каламбуръ, намекающій на дружественныя отношенія этихъ двухъ державъ).

— А вы, какъ думаете объ этомъ, ваше величество? спросилъ посланникъ.

— Я не думаю, чтобъ этого нельзя было сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ я напишу своему двору, и надѣюсь, что это ему будетъ пріятно узнать, сказалъ Фанъ-Свитенъ (*).

Этотъ разговоръ рѣшилъ дѣло конфедератовъ и раздѣлъ Польши. Но возвратимся къ конфедератамъ, которые не вѣдали, что творилось въ кабинетахъ сосѣднихъ государствъ.

Краковская крѣпость составляла важное пріобрѣтеніе для конфедератовъ, которые владѣли теперь нѣсколькими наиболѣе укрѣпленными пунктами въ государствѣ. Изъ-за краковскихъ стѣнъ, а также изъ Ченстохова, Ландскроны и Тырняка, они могли постоянно тревожить Русскихъ, и въ тоже время могли считать себя, по крайней мѣрѣ при тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ Польшѣ, на долго безопасными. Взятіе краковской крѣпости было важно для конфедератовъ и въ другомъ отношеніи: оно возбудило въ нихъ новое мужество, которое въ послѣднее время начинало сильно колебаться; оно снова нѣсколько возвысило конфедератовъ въ глазахъ людей, для которыхъ не чужды были интересы Польши. Извѣстіе о взятіи крѣпости возбудило и въ Варшавѣ разнородныя чувства и надежды. Самъ суровый Сальдернъ отзывался о Французахъ съ похвалою и за обѣдомъ пилъ

(*) Frédéric II, Catherine et le partage de Pologne, d'après les documens authentiques. Par. Fr. de Smitt. 1861. Авторъ, по ходатайству графа Нессельроде, имѣлъ доступъ въ московскіе архивы. Изданные имъ документы очень важны. Жаль только, что изъ нихъ не вполнѣ видно, какъ петербургскій дворъ велъ дѣло о раздѣлѣ Польши.

здоровье Шуази и Віомениля. Русскаго же офицера, допустившаго взятіе Кракова, Сальдернъ приказалъ арестовать, но тотъ свалилъ всю вину на Ксаверія Браницкаго. Въ первое время послѣ взятія крѣпости, Шуази сильно безпокоилъ Русскихъ. Двѣ удачныя вылазки, сдѣланныя имъ, произвели въ рядахъ послѣднихъ большой уронъ, хотя нельзя было не видѣть, что самые успѣхи ослабляли осажденныхъ, постоянно уменьшая ихъ и безъ того незначительныя силы. Два раза Суворовъ, разными военными хитростями, старался вызвать осажденныхъ изъ крѣпости и напасть на нихъ изъ засады, предварительно имъ приготовленной; но гарнизонъ продолжалъ сидѣть въ крѣпости, защищенной природой и искусствомъ. Тогда Суворовъ принужденъ былъ подвинуть къ стѣнамъ крѣпости тяжелую артиллерію и 20 февраля приступилъ къ правильной осадѣ Кракова. Два раза онъ водилъ русскихъ на приступъ, 27 и 29 февраля; оба раза дѣло было жаркое, огонь съ обѣихъ сторонъ былъ убійственный; но Суворовъ не побѣдилъ. У Русскихъ было пять тысячъ человѣкъ пѣхоты; идя на приступъ, они держали передъ собой крестьянъ, которые должны были ставить лѣстницы къ стѣнамъ крѣпости. Шуази медлилъ стрѣльбой, пока толпы осаждающихъ не приблизились на разстояніе выстрѣла, и тогда только открылъ огонь. Три часа Русскіе работали подъ выстрѣлами; они упорно били въ амбразуры крѣпостной стѣны, чтобы подѣлать значительныя бреши въ этихъ углубленіяхъ, и такъ расширили ихъ, что шесть человѣкъ въ рядъ могли проходить свободно въ эти бреши. Два орудія, направленныя противъ нихъ изъ этихъ самыхъ амбразуръ и постоянно стрѣлявшія по нимъ, наконецъ безпрерывный ружейный огонь съ крѣпостной стѣны—ничто не могло остановить Русскихъ, которые продолжали двигаться къ брешамъ. Они завладѣли было также еще двумя входами, и только удивительнымъ мужествомъ Віомениля были выбиты обратно. Вообще, по всѣмъ отзывамъ, и эта защита, и эта осада Кракова были замѣчательными подвигами послѣдней войны въ Польшѣ. «Если наши офицеры (говорилъ на другой день послѣ этого жаркаго дѣла Шуази) показали столько мужества при взятіи крѣпости, то они показали его во сто разъ болѣе при защитѣ.»

Послѣдній изъ этихъ приступовъ, какъ замѣчено выше, былъ 29 февраля. 29 же февраля у Фридриха II происходилъ новый разговоръ съ Фанъ-Свитеномъ о Польшѣ. Къ Фанъ-Свитену пріѣхалъ изъ Вѣны курьеръ съ извѣстіемъ о согласіи Австріи на раздѣлъ Польши. На этой аудіенціи Фанъ-Свитенъ говорилъ Фридриху, что «его дворъ,

по зрѣломъ размышленіи о положеніи дѣлъ вообще, рѣшился отказаться отъ пріобрѣтенія Бѣлграда и Сербіи, но для поддержанія равновѣсія на сѣверѣ, желалъ бы также и для себя получить часть Польши и желалъ бы, чтобы доли были равныя.» Фанъ-Свитенъ показалъ при этомъ королю актъ, подписанный Маріею-Терезіей и Іосифомъ II относительно Польши, и просилъ, не угодно-ли и ему сообщить вѣнскому кабинету подобный же актъ. Фридрихъ сказалъ, что подумаетъ,—и Фанъ-Свитенъ прибавилъ, что отъ его двора уже писано объ этомъ и въ Петербургъ къ князю Лобковичу. Въ тотъ же день, сообщая о настоящемъ разговорѣ въ Петербургъ, къ своему посланнику Сольмсу, Фридрихъ прибавлялъ, что пора уже заставить конфедератовъ образумиться и т. д. (Smitt).

Но конфедераты не хотѣли образумиться. Французскіе офицеры, помогавшіе имъ и совѣтами, и дѣломъ, также продолжали оставаться въ невѣденіи относительно участи Польши.

Хотя между русскими, осаждавшими Краковъ, не было ни одного прусскаго отряда, однако Шуази предложено было, именемъ Фридриха, очистить крѣпость. Когда онъ отвергъ предложеніе, то оно снова повторено было съ прибавленіемъ угрозы, что если онъ не оставитъ крѣпости, то будетъ отправленъ въ Сибирь. Шуази отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласится претерпѣть всѣ непріятности плѣна самаго суроваго и идти всюду, куда поведутъ его Русскіе, чѣмъ уступить угрозѣ. Къ счастію его, онъ узналъ о приближеніи вспоможенія, на которое совершенно не надѣялся: нѣкоторымъ отрядамъ удалось пробраться въ крѣпость. Когда они шли къ Кракову, то встрѣтились съ русскими карабинерами и разсѣяли ихъ. Въ отрядѣ находился самъ Суворовъ, и когда карабинеры были разбиты, Суворовъ также бѣжалъ въ числѣ прочихъ и едва не попался въ плѣнъ: его преслѣдовалъ одинъ молодой конфедератъ изъ Ливоніи; Суворовъ выстрѣлилъ въ него и промахнулся. Конфедератъ догналъ Суворова, схватилъ его и уже велъ къ своему отряду, отъ котораго, въ пылу преслѣдованія, ускакалъ на довольно значительное разстояніе, какъ былъ настигнутъ русскимъ кавалеристомъ, который застрѣлилъ его изъ пистолета и спасъ Суворова. Суворовъ, съ новой силой и упорствомъ, приступилъ къ осадѣ крѣпости, съ каждымъ днемъ стѣснялъ осажденныхъ и своей артиллеріей громилъ всѣ ихъ сооруженія, которыми они старались поддержать разрушающіяся укрѣпленія. Гарнизонъ, со всѣхъ сторонъ открытый для выстрѣловъ, уменьшался весь-

ма чувствительно. Въ это время къ осажденнымъ дошли первыя вѣсти о раздѣлѣ Польши и не оставалось уже никакого сомнѣнія, что конфедератовъ ничто не въ состояніи спасти отъ неминуемой гибели. Шуази увидѣлъ, что продолжать защиту было безполезно, потому что уже не на что было надѣяться. Притомъ положеніе гарнизона день ото дня становилось невыносимѣе, а помощи уже ждать было не-откуда. Казалось, всѣ покинули Польшу, крѣпость должна была погибнуть, потому что погибала вся Польша. У осажденныхъ не было ни лекарствъ, ни хирурговъ, которые могли бы облегчать страданія раненымъ и больнымъ. Юный Шарло, раненый еще при взятіи крѣпости, первый изъ пострадавшихъ въ этомъ подвигѣ, съ дозволенія Шуази, добровольно отдался въ плѣнъ Суворову для того только, чтобъ въ русскомъ лагерѣ найти помощь хирурга и получить облегченіе. Дольше оставаться въ крѣпости не стоило. Русское правительство приказало своимъ генераламъ заставить осажденныхъ сдаться военноплѣнными. Они вышли или скорѣе ихъ вывели изъ крѣпости, 24 апрѣля, тремя партіями: одну отвели въ Кіевъ, другую въ Полтаву, третью въ Казань. Шуази находился полтора года въ плѣну. Возвратясь на родину, онъ громко говорилъ въ Версали, въ присутствіи русскаго посланника, что, впродолженіи четырнадцати мѣсяцевъ, всѣ плѣнные, какъ онъ самъ такъ и его братья по оружію, испытали—лишенія. Подлинныя свидѣтельства очевидцевъ, сохранившіяся отъ прошлаго вѣка, раскрываютъ передъ нами печальную картину того положенія, въ какомъ находились французскіе и польскіе плѣнные въ Россіи; особенно интересенъ въ этомъ случаѣ дневникъ французскаго офицера, сражавшагося вмѣстѣ съ конфедератами Польши и вмѣстѣ съ конфедератами отправлен наго въ Сибирь (*). Когда его провозили черезъ Казань, онъ уже засталъ тамъ многихъ изъ плѣнныхъ конфедератовъ и въ томъ числѣ графа Петра Потоцкаго, молодаго Пулавскаго и другихъ, которые содержались въ Казани уже около года. Авторъ дневника былъ отправленъ въ Сибирь въ числѣ 152 плѣнныхъ. Бывшій тогда въ Казани губернаторъ, Самаринъ, хотѣлъ не отсылать ихъ въ Сибирь, а оставить въ этомъ городѣ; но одинъ русскій князь, объ имени ко-

(*) Tagebuch eines französischen Officiers in Diensten der Polnischen Konföderation, welcher von den Russen gefangen und nach Sibirien verwiesen werden. Aus dem Französischen. Amsterdam, 1776.

тораго авторъ дневника умалчиваетъ, чтобы «пощадить честь» этого князя, вслѣдствіе ссоры съ Потоцкимъ (*) и по неудовольствію на Самарина, донесъ объ этомъ двору, жалуясь, что губернаторъ не буквально исполняетъ предписанія правительства,—и ихъ выслали въ Сибирь. Французскіе офицеры отправлены были въ Сибирь потому, что тайно сносились съ Татарами и черезъ нихъ думали освободиться изъ плѣна (Tagebuch S. 55). Многіе изъ плѣнныхъ конфедератовъ, впослѣдствіи, когда Казани угрожала опасность отъ Пугачова, служили какъ говоритъ авторъ дневника, изъ-за денегъ, и казанскія власти образовали изъ нихъ особенный отрядъ уланъ, которые и должны были съ прочими войсками защищать городъ отъ самозванца. Всѣмъ извѣстно, какую роль игралъ молодой Пулавскій у Пугачова, послѣ того какъ бѣжалъ изъ Казани, гдѣ онъ жилъ плѣнникомъ, и при появленіи самозванца вошелъ въ тайныя сношенія съ казанскими Татарами, при помощи ихъ и, какъ говорятъ, при содѣйствіи жены казанскаго губернатора, готовилъ для Пугачова запасы оружія и пороха, и потомъ помогалъ ему своими совѣтами. Вообще плѣнные конфедераты имѣли не малое значеніе въ смутное для Россіи время пугачовщины, то какъ агитаторы народныхъ массъ, то какъ совѣтники самозванца, усмирявшіе иногда дикіе порывы его грубыхъ атамановъ и полковниковъ (*).

Вслѣдъ за Краковомъ отняты были у конфедератовъ и остальныя крѣпости. Много мужества показали Поляки при защитѣ Тырняка; но все было безполезно. Личное мужество и благородство однихъ не могло спасти націю, когда другіе губили и продавали ее. Въ самомъ Тырнякѣ открытъ былъ заговоръ между офицерами, которые намѣрены были предать крѣпость непріятелю. Два главные измѣнника осуждены на смерть, но одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ то самое время, когда его вели на казнь. Его преслѣдовалъ комендантъ крѣпости, на-

(*) Князь, поссорившись съ Потоцкимъ на обѣдѣ у Самарина, хотѣлъ дать конфедерату пощечину, и когда губернаторъ помѣшалъ этой боярской расправѣ, князь приказалъ схватить Потоцкаго и дать ему 300 ударовъ батогами, и только Самаринъ спасъ конфедерата отъ этой обиды (Tagebuch S, 53 — 54).

(*) Bemerkungen über Estland, Liefland, Russland, nebst einigen Beitragen zur Empörungs-Geschichte Pugatschew, während eines achtjährigen Aufenthalts gesamlet von einem Augenzeugen. Prag und Leipzig, 1792. Напримѣръ, разсказъ одного Нѣмца, изъ Богеміи, бывшаго учителемъ у помѣщика Шилова. Нѣмецъ спасенъ отъ висѣлицы конфедератомъ (S. 231—232).

стигъ вблизи русскаго отряда, схватилъ и привелъ на мѣсто казни. Но Тырнякъ, какъ и Краковъ, не могъ устоять противъ Русскихъ; монастырь, церковь, башни — все было разрушено и крѣпость представляла груду пепла и развалинъ. Гарнизонъ ретировался въ наскоро-сдѣланные ретраншементы. Но скоро и тамъ нельзя было укрыться: все было сожжено и разбито, такъ что конфедераты стояли передъ Русскими, ничѣмъ не защищенные, какъ въ открытомъ полѣ. Но и здѣсь они не уступали, отражая всѣ усилія русскихъ выбить ихъ изъ позицій. Русскіе сдвинули къ Тырняку все, что имѣли лучшаго — и все напрасно. Солдаты этой маленькой крѣпости проникнуты были однимъ духомъ — умереть, но не сдаваться. Подозрѣвая, что офицеры желаютъ сдаться на капитуляцію, солдаты сами избрали себѣ командировъ и торжественно поклялись стоять до послѣдней возможности. Но наконецъ и они уступили, когда узнали, что, кромѣ Русскихъ, вблизи находятся еще австрійскія войска. У патріотовъ, такимъ образомъ, стало еще одной крѣпостью меньше. Дольше другихъ Пулавскій отстаивалъ свою независимость. Когда Віомениль и Шуази овладѣли Краковомъ, онъ отваживался на всѣ мѣры, чтобы только подать помощь тѣснимому со всѣхъ сторонъ гарнизону этой крѣпости и, не располагая самъ значительными силами, умѣлъ поддерживать мужество патріотовъ. Ему помогалъ во всемъ Коссаковскій, еще такъ недавно надѣлавшій столько шуму по Литвѣ и по всей Польшѣ. Но русскія силы были слишкомъ велики; все населеніе было слишкомъ равнодушно, даже враждебно къ конфедератамъ, тогда какъ Русскіе дѣйствовали какъ полные господа въ Польшѣ: за нихъ былъ и король и королевское войско; ихъ же руку держалъ отчасти и народъ, не наученный исторіею любить пановъ, а съ ними вмѣстѣ и конфедератовъ; начальники русскихъ отрядовъ Девицъ и Лопухинъ не были заперты, какъ Пулавскій и Коссаковскій въ крѣпостяхъ, а могли свободно передвигать свои силы съ мѣста на мѣсто и являться тамъ, гдѣ наиболѣе требовали обстоятельства; Суворовъ, съ своей стороны, неожиданною тактикою растроивалъ всякія соображенія патріотовъ. Мы видѣли, что Краковъ долженъ былъ пасть, и Пулавскому, потерявшему такихъ помощниковъ какъ Шуази и Віомениль, ничего не оставалось больше, какъ защищаться самому и засѣсть въ Ченстоховѣ. Защита этой крѣпости была продолжительна и упорна; осьмнадцать дней русскіе не переставали громить ее своей артиллеріей и ходили на приступъ; четыреста бомбъ было брошено въ середину укрѣпленій; во время двухъ

губительныхъ приступовъ русскіе потеряли много народа, — и между тѣмъ крѣпость не сдавалась. Но наконецъ и Пулавскій получилъ печальное извѣстіе, что участь Польши рѣшена сосѣдними державами. Другіе конфедераты, непоставленные лично въ непріязненныя отношенія къ королю, могли соединиться съ нимъ и дѣйствовать за-одно противъ иностранцевъ; а у Пулавскаго и этой надежды не оставалось. За участіе въ заговорѣ Стравинскаго и Лукавскаго, за покушеніе похитить короля, чтобы спасти и его, и королевство отъ сосѣдей, Пулавскій признанъ былъ цареубійцей и осужденъ на казнь. Его считали преступникомъ и король, и собственная нація; державы, рѣшившіяся раздѣлить Польшу, ни въ какомъ случаѣ не могли также щадить его. Вообще положеніе Пулавскаго было безвыходное, печальнѣе положенія всѣхъ прочихъ патріотовъ: тѣхъ ожидала ссылка, лишеніе имущества или наконецъ даже амнистія, а ему предстояла или висѣлица, или колесо, или другая смертная казнь. Конфедераты, находившіеся подъ его прямымъ начальствомъ, должны были пострадать болѣе другихъ, потому что предводитель ихъ считался виновнѣе прочихъ; крѣпость, защищаемая Пулавскимъ, стала цѣлью всѣхъ партій — какъ королевской, такъ и партіи чужеземцевъ. Слѣдовательно, на взятіе Ченстохова, должны были обратиться взоры всѣхъ; противъ Пулавскаго должны были теперь выступить всѣ свободныя войска, находившіяся въ Польшѣ, какъ свои, такъ и чужія. Пулавскій понималъ это и не хотѣлъ подвергать опасности свой храбрый гарнизонъ и своихъ вѣрныхъ товарищей. Не дожидаясь послѣдняго рѣшительнаго приступа русскихъ войскъ, Пулавскій выбралъ изъ всего Ченстоховскаго гарнизона четыреста конфедератовъ лучшихъ, какіе еще оставались между патріотами, далъ имъ всѣ средства, чтобъ они могли возвратиться каждый въ свой домъ, и притомъ какъ можно поспѣшнѣе. Потомъ онъ написалъ письмо и вручилъ его одному офицеру, съ тѣмъ чтобы письмо это было прочитано гарнизону, когда Пулавскаго уже не будетъ въ крѣпости. Онъ рѣшился покинуть своихъ товарищей, потому что со взятіемъ Ченстохова конфедерація сама собой распадалась. Въ письмѣ своемъ Пулавскій говоритъ: «Я взялъ оружіе для общественной пользы; для общественной же пользы я бросаю его. Союзъ трехъ могущественнѣйшихъ державъ лишаетъ васъ теперь всякой возможности защищаться; дѣло, въ которое я замѣшанъ, помѣшаетъ мнѣ выговорить для васъ условія сдачи и вовлечетъ васъ въ несчастіе, которое меня ожидаетъ. Я испыталъ вашу

ревность и ваше мужество, и вѣрю, что вы останетесь всегда такими же, какими были со мною». Потомъ онъ далъ этому офицеру инструкцію, какъ поступать послѣ его отъѣзда изъ крѣпости. Пулавскій приказалъ, чтобы ченстоховскіе конфедераты, какъ только Суворовъ возьметъ Краковъ, дали знать королю, что они готовы сдаться на капитуляцію и впустить въ крѣпость польскія или коронныя войска, показывая этимъ, что конфедераты, если и враждовали до сихъ поръ противъ короля, такъ не потому, что желали власти для себя собственно. Только трое изъ офицеровъ знали о намѣреніи и днѣ отъѣзда Пулавскаго: прощаясь съ ними, онъ плакалъ и поручалъ имъ свой гарнизонъ, которому не могъ даже сказать послѣдняго — прости. Пулавскій взялъ съ собой только адъютанта и двухъ ординарцевъ; съ нимъ отправились также и двое слугъ, которые никогда его не покидали.

Извѣстіе объ отъѣздѣ Пулавскаго произвело тяжелое впечатлѣніе на покинутый имъ гарнизонъ. Ченстоховъ остался безъ своего любимаго военачальника, имя котораго сдѣлалось славнымъ между конфедератами и дорогимъ для каждаго патріота. Оставленное имъ письмо и инструкція были прочитаны гарнизону и возбудили въ немъ новое мужество. Но приближались послѣднія минуты независимости и этой крѣпости. Суворовъ взялъ Краковъ и отрядилъ новые отряды къ Ченстохову. Онъ обѣщалъ конфедератамъ полную амнистію, если они сдадутся; три раза онъ посылалъ въ Ченстоховъ съ этимъ предложеніемъ и три раза ему отвѣчали, что они готовы отворить ворота крѣпости коронньмъ войскамъ и покориться королю, но Русскихъ не впустятъ. И несмотря на этотъ отвѣтъ, Суворовъ, дѣйствовавшій будто бы въ интересахъ Станислава Августа, приказалъ войскамъ снова идти на приступъ. Но и послѣ этого ужаснаго приступа крѣпость не сдавалась. Тогда изъ Варшавы пришло повелѣніе сдать крѣпость Русскимъ. 15 августа 1772 года конфедераты вышли изъ Ченстохова.

Черезъ недѣлю послѣ этого Фридрихъ писалъ къ Сольмсу въ Петербургъ, что Ченстоховъ взятъ и что конфедераты бѣгутъ во Францію (*). Дѣйствительно, конфедератамъ ничего больше не оставалось, какъ покидать родину.

(*) Ce réfuge nous doit être cependant fort indifferent. Il ne pourra altérer nos arrangements en aucune façon, et dès que nous parviendrons à la diéte de pacification, ils seront peut-être bien obligés de retourner dans leur patrie, pour éviter l'éxil, auquel ils pourraient être condamnés. Nos intérets ne s'en repentiront pas nullement, quelque partie qu'ils prennent (Smitt 163).

Но положеніе эмигрантовъ было самое плачевное. Австрія, во владѣнія которой конфедераты до сихъ поръ имѣли свободный доступъ, теперь гнала ихъ какъ личныхъ враговъ, и Фридрихъ радовался, видя конечную гибель патріотовъ; Пруссія готовила для нихъ не лучшій пріемъ; Турки сами находились въ такомъ положеніи, что должны были трепетать за цѣлость своихъ собственныхъ владѣній и не вполнѣ были увѣрены, что три союзницы, — Австрія, Пруссія и Россія, не выгонятъ ихъ совершенно изъ Европы, вмѣстѣ съ скрывавшимися въ Турціи конфедератами; одна Франція могла еще пріютить эмигрантовъ, но и то только до перваго каприза какой-нибудь любовницы короля или его министровъ. Нѣкоторые изъ конфедератовъ, собственно тѣ, которые не желали разстаться съ Польшею, должны были покориться. Они отправили къ Станиславу Августу двухъ депутатовъ съ изъявленіемъ покорности, но въ то же время выразили надежду, что король употребитъ всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать раздѣлу Польши. Сами они еще думали дѣйствовать противъ общихъ враговъ соединенными усиліями націи и короля. Но было уже поздно. Остальные конфедераты, а особенно люди, руководившіе патріотическимъ движеніемъ послѣдняго времени, по необходимости покидали родину. Пацъ, руководившій по преимуществу дипломатическими дѣлами конфедераціи и находившійся въ Австріи, не могъ уже оставаться тамъ послѣ уничтоженія остальной партіи патріотовъ и принужденъ былъ искать убѣжища вдали отъ родины. На его рукахъ находились всѣ бумаги, акты и дипломатическая переписка патріотической партіи; покидая Венгрію, онъ не могъ взять съ собой архива конфедераціи, и только при посредствѣ Франціи архивъ былъ перевезенъ въ Страсбургъ и принятъ Віоменилемъ.

Пулавскій также покинулъ Польшу. Этотъ человѣкъ потерялъ все, что имѣлъ дорогаго въ жизни: отечество, которое онъ такъ любилъ, для него не существовало; онъ сталъ чужимъ для Польши, которая отреклась отъ своего любимца или не умѣла отстоять его передъ врагами; онъ потерялъ имущество, власть, друзей; онъ лишился, наконецъ, въ этой несчастной борьбѣ за независимость Польши, самыхъ близкихъ родныхъ: отецъ его, Іосифъ Пулавскій, навлекъ на себя подозрѣніе патріотовъ, и — какъ говоритъ любимый польскій историкъ — w więzieniu umarł. Вѣсть о погибели отца была тяжелымъ для него испытаніемъ (przeniknęła Kazimierza boleścią, zapaliła do działania). Участь меньшаго брата, сосланнаго въ Казань и бывшаго потомъ въ свитѣ Пугачева, всѣмъ извѣстна. Самъ онъ, оставивъ тайно Ченстоховъ,

когда не оставалось никакой надежды помочь родинѣ, долго скитался на границахъ Польши, удалился потомъ въ Турцію, примкнулъ къ оттоманской арміи, въ которой недолго оставался; послѣ мира въ Кайнарджи, онъ пробрался въ Баварію. Тамъ онъ видѣлся съ Огинскимъ, участь котораго была не лучше участи другихъ конфедератовъ. Наконецъ Пулавскій является въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ и умираетъ за независимость чуждой ему народности.

Одинъ Зарембa, поставившій свое имя на ряду съ именами Пулавскаго, Огинскаго, Красинскаго, Паца, самъ убилъ свое прошедшее, показавъ слабость. Мало того, онъ оказался смѣшнымъ и жалкимъ въ глазахъ Русскихъ. Послѣ принесенія покорности королю, онъ, по зову его, явился въ Варшаву и далъ обѣщаніе не дѣйствовать не только противъ него и республики, но и противъ Русскихъ. Его задержали въ Варшавѣ вмѣстѣ съ его штабомъ. Прежде непримиримый врагъ Русскихъ, онъ теперь поступилъ къ нимъ въ службу съ отрядомъ гусаръ, изъ которыхъ половина отказалась отъ такой перемѣны роли и оставила его, примкнувъ къ другимъ отрядамъ конфедератовъ. Надо замѣтить, что это было еще тогда, когда Ченстоховъ не былъ взятъ Русскими и когда Пулавскій надѣялся, что усилія конфедератовъ не будутъ безплодны. Презираемый патріотами, дурно принятый въ Варшавѣ, какъ королевскою такъ и русскою партіею, Заремба написалъ къ Сальдерну письмо, дышащее крайнимъ униженіемъ передъ русскимъ посланникомъ. Въ этомъ письмѣ онъ просилъ у Сальдерна прощенія за свои дѣла, отъ которыхъ теперь отказался публично, называя ихъ чуть-ли не преступленіями (les écarts); приписывалъ Сальдерну такія великодушныя намѣренія въ отношеніи къ Польшѣ, какихъ этотъ безцеремонный гольштинецъ никогда не могъ имѣть; изливалъ передъ нимъ чувства уваженія и покорности. Заремба жаловался и на Русскихъ, которые опустошили его имѣнія, захватили деньги и пожитки, и даже на Пулавскаго, который, безъ сомнѣнія, въ негодованіи за трусость Зарембы, приказалъ разрушить и предать огню двѣ деревни, ему принадлежавшія. Все мужество Зарембы и любовь къ родинѣ оказались пустяками, когда онъ увидѣлъ, что лишился своихъ богатствъ. Нищета испугала его такъ, что онъ забылъ и Польшу, и конфедератовъ, и отношенія дружбы къ патріотамъ, и свое честолюбіе, и наконецъ — славу, которою справедливо пользовалось его имя не только между соотечественниками, но и у Русскихъ. «Наконецъ

(заключаетъ онъ свое письмо) когда я покорился, когда я умоляю ваше превосходительство о защитѣ, неужели я долженъ буду лишиться даже полка гусаръ, который я снарядилъ на свой собственный счетъ?

Всѣ эти обстоятельства повергаютъ меня въ отчаяніе.»

Естественно, что на такое письмо даже Сальдернъ не могъ отвѣчать ничѣмъ другимъ, кромѣ жестокости и презрѣнія. И онъ отвѣчалъ конфедерату въ тотъ же день, 6 мая, въ такихъ выраженіяхъ, какія не всякій Полякъ могъ бы выслушать хладнокровно, а тѣмъ болѣе они должны были оскорбить Зарембу, одного изъ первыхъ представителей патріотической партіи. Но Заремба уже упалъ слишкомъ низко—и не смѣлъ оскорбляться. «Вы не стоите никакого состраданія,» писалъ ему между прочимъ Сальдернъ, и прибавлялъ, что его дверь закрыта для Зарембы и для людей ему подобныхъ. Потомъ, наговоривъ ему разныхъ дерзостей, Сальдернъ, какъ бы въ насмѣшку, весьма деликатно заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «telle est la réponse que vous fait l'ambassadeur de Russie,» — и дѣйствительно, лучшаго отвѣта не заслуживалъ Заремба.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Польшѣ, когда король ея только началъ догадываться, что происходило вокругъ него и что дѣлаютъ сосѣднія государства, которымъ онъ довѣрилъ охраненіе своей особы и, между прочимъ, своего королевства. Онъ увидѣлъ, что войска протекторовъ все тѣснѣе и тѣснѣе охватываютъ со всѣхъ сторонъ владѣнія речи посполитой; къ нему начали доходить слухи, касательно раздѣла и что рѣчь идетъ уже не о его королевской особѣ, а о томъ, кому изъ протекторовъ достанется лучшій кусокъ Польши. Теперь только, когда все уже было кончено, открылись глаза у добраго Станислава Августа. Онъ ничего не понималъ до сихъ поръ; онъ не понималъ что̀ дѣлалось вокругъ него даже и тогда, когда послѣдніе изъ конфедератовъ, потерявъ всякую надежду возстановить самостоятельность Польши, покорились тяжкой необходимости и, явившись въ Варшаву съ повинной, говорили королю, что не они конфедераты — его враги а тѣ, кому всецѣло отдался онъ; что они, конфедераты, объявившіе Станислава-Августа лишеннымъ престола, готовы соединиться съ нимъ, лишь бы дѣйствовать заодно противъ общихъ недоброжелателей речи посполитой. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ и король созналъ опасность своего положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, какъ много безотраднаго въ тогдашнемъ состояніи Польши и какое предстоитъ

ей будущее. Онъ рѣшился дѣйствовать, но уже не такъ какъ дѣйствовалъ до сихъ поръ. Тѣ, которыхъ онъ считалъ своими защитниками и друзьями, оказались врагами и претендентами на его владѣнія; онъ сталъ бояться тѣхъ, кому довѣрялся такъ слѣпо; конфедераты, напротивъ, хотя и не заботились лично о королѣ, о его спокойствіи и его правахъ, зато хотѣли добра всей Польшѣ. Роли, такимъ образомъ, совершенно измѣнились. Присутствіе Сальдерна въ Варшавѣ оказалось не нужнымъ. Потому ли, что онъ своимъ суровымъ обращеніемъ съ Поляками успѣлъ вооружить противъ себя всѣ партіи, начиная отъ патріотовъ до самыхъ крайнихъ руссофиловъ, потому ли, что, считаясь сторонникамн Панина, не вполнѣ одобрявшаго раздѣлъ Польши, онъ сдѣлался жертвою придворныхъ интригъ партій Орловыхъ и Чернышевыхъ, или потому просто, что надо же было кого-нибудь показать искупительною жертвою передъ Европой за тотъ образъ дѣйствій, который дозволяли себѣ въ Польшѣ ея протекторы,—только Сальдернъ былъ отозванъ въ Петербургъ, холодно принятъ, подвергся публичнымъ нареканіямъ за свои поступки въ Варшавѣ и былъ удаленъ изъ Россіи съ лишеніемъ всѣхъ должностей и званій. Сальдернъ удалился въ свою Голштинію съ огромнымъ капиталомъ, сколоченнымъ или, какъ говоритъ Рюльеръ, «награбленнымъ» впродолженіи долголѣтней, безпорядочной службы. На мѣсто его прислали Штакельберга, родомъ изъ Ливоніи, бывшаго передъ тѣмъ посломъ въ Испаніи. Этотъ человѣкъ далеко не былъ похожъ на своего предшественника, хотя для Польши уже было все равно, кого бы ни присылали взамѣнъ Сальдерна, потому что и послѣ его отбытія система умиротворенія Польши нисколько не измѣнилась. Въ числѣ патріотовъ, не хотѣвшихъ разстаться съ мыслью о возстановленіи независимости речи посполитой, былъ Адамъ Красинскій, епископъ каменецкій, котораго польскіе историки называютъ душою барской конфедераціи. Когда еще у конфедератовъ была надежда на избавленіе Польши отъ постигшихъ ее бѣдствій и когда патріоты ожидали, что какимъ-нибудь чудомъ, сверхъестественной силой речь посполитая спасется отъ тяжелой и опасной опеки сосѣдей, Адамъ Красинскій являлся ко всѣмъ европейскимъ дворамъ и напрасно просилъ помощи своей родинѣ: его слушали съ сочувствіемъ, но помочь никто не могъ, потому что никто не осмѣлился бы стать въ открытую вражду съ такими державами какъ Пруссія, Австрія и Россія. Теперь, когда даже Станиславъ Августъ понялъ всю безвыходность положенія своего королевства и въ этихъ обстоятельствахъ рѣшился прибѣ-

гнуть за совѣтомъ ко всей націи, для чего и думалъ созвать сеймъ; Красинскій не оправдывалъ этой безполезной мѣры и говорилъ, что сеймъ теперь ни къ чему не поведетъ, что рѣшеніями его будутъ заправлять не истина и не сила убѣжденій, а солдаты сосѣдей — протекторовъ Польши. «Не надо сейма, писалъ онъ въ октябрѣ, 1772 года; подождемъ случая; король согласится на все и все приметъ. Деньги, обѣщанія, мѣста, угрозы, — не оставятъ никого на сеймѣ кромѣ людей слабыхъ и подкупныхъ, и мысль о сопротивленіи среди сабель и пушекъ чистая химера... Намъ нужно разумное мужество — и не нужно сейма.» Въ томъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ находилась Польша, ничего не оставалось болѣе, какъ прибѣгнуть къ милости сосѣднихъ государей и другихъ представителей власти. Но къ кому было обращаться? Франція чувствовала безсиліе, а прочія державы сами заинтересованы были въ дѣлахъ речи посполитой. Порта, униженная послѣднею войною съ Россіею, жаждала мира; въ Швеціи вспыхнула въ это самое время революція. Оставалось умолять о пощадѣ Пруссію, Австрію и Россію, — и Поляки обратились къ нимъ въ отчаянномъ порывѣ спасти хотя что-нибудь. Но все было напрасно. Эти несвоевременные порывы служили только къ тому, что Фридрихъ счелъ нужнымъ еще рѣшительнѣе добиваться окончанія польскаго дѣла. Точно въ насмѣшку надъ ними (ces gens là, какъ онъ называетъ короля и прочихъ представителей речи посполитой) Фридрихъ, въ отвѣтъ на ихъ жалобы и мольбы, велитъ войскамъ подвигаться далѣе къ центру государства, и когда Поляки, протестуя противъ раздѣла своихъ территорій, клялись умереть съ оружіемъ въ рукахъ, лишь бы не видѣть позора отчизны (*), онъ, не отвѣчая имъ ничего, писалъ въ Петербургъ, что силой заставитъ ихъ повиноваться.

Слова Фридриха не были пустой угрозой. Раньше этого былъ схваченъ Красинскій, который, опасаясь оставаться въ предѣлахъ Польши (потому что патріотамъ менѣе всего представляла безопасности Польша), жилъ въ одномъ изъ округовъ Силезіи. Поводомъ къ преслѣдованію этого человѣка послужило сейчасъ упомянутое нами письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что не нужно сейма, что всякаго, кто осмѣ-

(*) ...«On renonce au premier projet de convoquer l'arrière-ban, et de mourir les armes à la main plutôt que designer *ce qu'ils appellent l'opprobre de la Pologne.*» (Фридрихъ къ Сольмсу, у Smitt'а 182 — 183. Самъ Фридрихъ не считалъ этого позоромъ для Польши.)

лится говорить въ пользу отечества, ждетъ ссылка. Письмо, кажется, было перехвачено прусаками, потому что шпіоны тщательно слѣдили за поступками Красинскаго, какъ одного изъ самыхъ опасныхъ конфедератовъ, если только конфедераты могли еще возбуждать въ комъ-либо серьезныя опасенія. Въ одну изъ октябрьскихъ ночей домъ епископа былъ окруженъ отрядомъ вооруженныхъ людей, которыми начальствовалъ какой-то гусаръ въ прусскомъ мундирѣ. Гусаръ, явившись въ домъ епископа, перебудилъ всѣхъ и сказалъ, что онъ имѣетъ порученіе и письмо отъ одного прусскаго маіора и, приставивъ пистолетъ къ горлу слуги Красинскаго, велѣлъ ему провести къ барину. Слуга поднялъ крикъ, надѣясь, что епископъ, понявъ опасность своего положенія, успѣетъ спастись; но въ это время епископъ самъ вышелъ на крикъ, спросилъ, что тамъ зашумъ и тотчасъ же былъ схваченъ. Надо замѣтить, что отрядъ напавшій на жилище Красинскаго и арестовавшій его посредствомъ обмана, состоялъ не изъ Прусаковъ и не изъ Русскихъ, а изъ Поляковъ, между которыми былъ, какъ говорятъ, одинъ только казакъ. Поляки обращались съ своимъ плѣнникомъ жестоко. Говорятъ, что Красинскій едва могъ выпросить позволеніе, когда его уводили изъ дому, надѣть сапоги и довольно легкое платье, и только казакъ явилъ себя столько великодушнымъ, что помогъ епископу одѣться. Красинскаго посадили на лошадь, и болѣе шести миль онъ принужденъ былъ ѣхать верхомъ, пока ему не позволили сѣсть въ карету князя Голицына. Слуга бѣжалъ за нимъ, чтобы вручить арестованному хотя небольшую сумму денегъ, полтораста флориновъ; но гусаръ взялъ себѣ эти деньги. У Красинскаго захватили также всѣ бумаги, однако въ нихъ не нашли ничего, что могло бы дать поводъ обвинить его въ чемъ бы то ни было. Говорятъ, что гусаръ въ прусскомъ мундирѣ, арестовавшій епископа, былъ переодѣтый русскій и дѣйствовалъ по приказанію Бибикова. Красинскаго привезли въ Варшаву и ввели къ Бибикову, у котораго въ это время находились Штакельбергъ, папскій нунцій и посланники австрійскій и прусскій. Здѣсь его допрашивали. Красинскій просилъ позволенія писать къ королю, чтобы Станиславъ Августъ прислалъ къ нему кого-либо, съ кѣмъ бы онъ могъ объясниться, и король прислалъ Огродскаго. Красинскій говорилъ, что никогда не былъ противникомъ ни короля, ни Россіи; но что желалъ и всегда будетъ желать освободить свое отечество отъ того положеніе въ которой поставилъ ихъ Репнинъ еще въ то время, когда распоряжался дѣлами Поль-

ши. Красинскому приписывали объявленіе междуцарствія, то-есть объявленіе польскаго трона вакантнымъ; но онъ отвѣчалъ, что это было сдѣлано противъ его воли; что актъ такой важности, какъ объявленіе междуцарствія, по его мнѣнію, нельзя публиковать, не убѣдившись, что онъ будетъ принятъ и поддержанъ большинствомъ. Ему предложили тогда вновь признать законнымъ избраніе Понятовскаго: онъ отказался, говоря, что уже узналъ короля, и что это значило бы бросать тѣнь сомнѣнія на свободу его избранія на престолъ. Хотѣли замѣшать его въ процессъ похищенія короля, но и тутъ ничего не могли сдѣлать. Красинскій былъ опасенъ своимъ умомъ, своей энергіей и желаніемъ общественной пользы; на его долю выпала рѣдкая популярность: его считали мученикомъ за вѣру и отечество. Штакельбергъ, вообще поступавшій много деликатнѣе своего предшественника, Сальдерна, старался избѣгать крайнихъ мѣръ и, сколько могъ, оказывалъ епископу свое уваженіе и участіе къ его положенію. Ожидая предписаній изъ Петербурга насчетъ Красинскаго, Штакельбергъ отвелъ ему приличное помѣщеніе въ шести миляхъ отъ Варшавы, и часто приглашалъ къ себѣ на обѣдъ, куда епископъ отправлялся всегда въ сопровожденіи офицера и двухъ казаковъ.

Папскій нунцій, входя въ положеніе католическихъ епископовъ въ Польшѣ, писалъ въ Петербургъ и именемъ папы просилъ свободы нетолько для Красинскаго, но и для нѣкоторыхъ другихъ епископовъ и сенаторовъ польскихъ. Просьба нунція была уважена.

Такъ прошелъ 1772 годъ, одинъ изъ самыхъ роковыхъ для Польши. Къ концу года Пруссія, Австрія и Россія передъ всѣмъ міромъ заявили актъ раздѣленія речи посполитой.

Станиславъ Августъ, испытавъ безполезность униженія передъ сильными сосѣдами, догадывается, хотя уже слишкомъ поздно, что онъ долженъ искать опоры не внѣ своего царства, а дома, не въ расположеніи сосѣдей, а въ любви народа, которой онъ не умѣлъ заслужить, потому что и не думалъ объ этомъ, гордый любовью Россіи, Австріи и Пруссіи. Теперь онъ рѣшился прибѣгнуть къ націи. Но и здѣсь онъ поступилъ также непрактически, какъ привыкъ поступать всю жизнь. Вмѣсто того чтобъ думать о Польшѣ, онъ думалъ только о себѣ; вмѣсто сожалѣнія о постигшихъ націи бѣдствіяхъ, онъ только и помнилъ, только и говорилъ всѣмъ, какимъ бѣдствіямъ подвергался онъ, какъ злые цареубійцы покушались на его жизнь, какъ хватали его заговорщики и какъ чудесный про-

мыслъ спасъ его отъ рукъ убійцъ; вмѣсто того чтобы высказать передъ націей всю свою несостоятельность, сознаться въ ошибкахъ, въ отсутствіи политическаго такта, и просить у націи совѣта и нравственной поддержки, король продолжаетъ плакаться надъ своей собственной участью, не перестаетъ говорить о томъ, какъ чуть-чуть не была пролита его «неповинная кровь» (нѣсколько капель впрочемъ было пролито). Узнавъ положительно о рѣшеніи кабинетовъ сосѣднихъ государствъ — отрѣзать отъ Польши нѣсколько провинцій, Станиславъ Августъ, въ началѣ 1773 года созываетъ сенатъ (senatus consilium). Но въ циркулярахъ, разосланныхъ по этому случаю, поднимаетъ такія исторіи, о которыхъ вовсе не слѣдовало бы говорить, и, въ особенности, ставитъ себя въ такія неловкія отношенія съ патріотами, что едва-ли уже можно было надѣяться на успѣхъ. Безтактность короля проявилась въ томъ, что онъ, вмѣсто того чтобы умолчать о дѣлѣ конфедератовъ, выставилъ его въ самомъ оскорбительномъ свѣтѣ. Онъ и теперь не хотѣлъ понять, что патріоты любили Польшу не меньше того, какъ онъ ее любилъ, — по крайней мѣрѣ ему такъ казалось, что онъ ее любитъ; онъ не хотѣлъ понять, что у патріотовъ непріязни лично къ нему, какъ къ Понятовскому, не было; а была непріязнь къ нему, какъ къ королю, который отдалъ свое государство въ руки генераламъ и полковникамъ, пришедшимъ въ Польшу съ чужими войсками и полонившимъ ее; онъ не умѣлъ понять, что конфедераты меньше его были виноваты передъ Польшей; что не они накликали бѣду на свое царство, а онъ; не они призвали войска чужихъ государей, а онъ, для охраны своей персоны; что если кто погубилъ Польшу — такъ это онъ прежде всего, а потомъ правительственная шляхта, не хотѣвшая знать другихъ сословій, не понимавшая, что троны крѣпки любовью націи. Въ самую тяжелую минуту своего царствованія, Станиславъ Августъ остался все такимъ же, какимъ былъ до сихъ поръ и не образумился настолько, чтобъ догадаться, что можно было бы и не оскорблять несправедливымъ упрекомъ конфедератовъ въ то время, когда Польша дѣйствительно находилась въ опасности и когда тронъ нуждался въ поддержкѣ націи. Оскорбляя конфедератовъ, Станиславъ Августъ отталкивалъ отъ себя едва-ли не большую половину націи, въ то время, когда наиболѣе нуждался въ ея помощи, и разрушалъ единодушіе въ государствѣ, когда только единодушіе могло еще спасти Польшу. Онъ напомнилъ и о своемъ низложеніи съ престола и о

«цареубійствѣ», которое, къ счастью, не совершилось, и о злодѣйствахъ, о безчестіи націи и проч., — и все это связалъ съ именемъ конфедераціи, хотя, конечно, мнимая деликатность не позволила ему употребить самаго имени ея, когда идея, скрывавшаяся подъ этимъ именемъ, была совершенно имъ опозорена, оскорблена и дѣло конфедератовъ унижено. Между тѣмъ, о себѣ Станиславъ Августъ выражается отборными фразами: онъ говоритъ что скипетръ врученъ ему единодушною и свободною волею народа и наконецъ распространяется даже о своей любви къ подданнымъ.

Но подданные сами знали всю силу этой любви и заплатили королю равносильнымъ чувствомъ. Они и не думали спасать такого короля, какъ Станиславъ Августъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дали погибнуть и всей речи посполитой.

Мало того что Станиславъ Августъ своимъ призывомъ къ открытію сената оскорбилъ полъ-націи и тѣмъ ослабилъ и безъ того ничтожныя свои силы, союзныя державы, дѣлившія между собой Польшу, запретили присутствовать въ senatus consilium тѣмъ сенаторамъ, которые считались представителями отпавшихъ отъ речи посполитой территорій. «Вы не должны присутствовать въ сенатѣ (писалъ Штакельбергъ тѣмъ депутатамъ речи посполитой, которые должны были отстаивать интересы провинцій, отходившихъ къ Россіи), и если вы преступите это приказаніе, то я предупреждаю васъ, что вы навлечете на себя жестокое преслѣдованіе и послѣдствія вашего неповиновенія будутъ для васъ гибельны». Области отходившія отъ Польши, уже потому не могли выслать своихъ представителей въ сенатъ, что и легально и фактически стали чужими для речи посполитой территоріями; въ нихъ уже организовалось свое управленіе, сообразно съ общей административной организаціей тѣхъ государствъ, къ которымъ они отходили. Такъ напримѣръ, въ той части польскаго королевства, которая отрѣзывалась въ пользу Россіи, уже находились русскіе губернаторы, генералы Каховскій и Кречетниковъ, а главнымъ правителемъ всѣхъ отрѣзанныхъ земель уже фактически былъ графъ Чернышевъ; тамъ уже находились нетолько русскіе офицеры и солдаты, но и русскіе чиновники; тамъ быстро вводилось русское судоустройство; тамъ шла въ это время присяга на подданство Россіи и должна была быть кончена непремѣнно къ 15-му генваря 1773 года, и то только для тѣхъ, которые, вслѣдствіе отлучекъ за границу или по какимъ-либо другимъ препятствіямъ, не успѣли

присягнуть въ 1772 году. Отправленіе депутатовъ въ варшавскій сенатъ, по призыву короля, уже чужаго для нихъ, могло считаться теперь государственной измѣной или по крайней мѣрѣ нарушеніемъ тишины и спокойствія гражданъ: — а «дѣла, нарушающія спокойствіе и тишину гражданъ (сказано въ русскихъ правительственныхъ публикаціяхъ), да будутъ вѣдомы не въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ тѣхъ, кои отъ власти верховной (русской) на то устроены»; даже «аппеляціи изъ нижнихъ судовъ, кои были въ высшіе суды, подвластные республикѣ или коронѣ польской, нынѣ перенесутся въ русскія правительства по порядку, куда какія дѣлать надлежитъ» (Полн. Собр. зак. рос. имп. XIX, 13, 808).

Нехотѣвшіе покориться вновь вводимымъ порядкамъ добровольно бѣжали изъ Польши, потому что они не могли укрыться даже въ такъ называемой свободной Польшѣ и не могли быть безопасны въ самой Варшавѣ, окруженной иностранными войсками, которыя должны были наблюдать за общественной тишиной и спокойствіемъ. Русское правительство, впрочемъ, распорядилось очень человѣколюбиво съ тѣми, которые не желали дѣлаться русскими подданными: оно позволило имъ продать въ извѣстный срокъ свое имущество и покинуть родину; а если въ назначенный срокъ имѣніе не продавалось, то отбиралось въ казну.

Какъ же самъ народъ относился къ новому господству? Народу было все равно, кто бы ни повелѣвалъ имъ, лишь бы не мучили его войнами, поборами, грабежами, судебною волокитою и шляхетскимъ произволомъ; но во всякомъ случаѣ онъ не желалъ продолженія господства польскихъ пановъ и радъ былъ перемѣнить ихъ на другихъ, чтобы по крайней мѣрѣ попытать счастья и спробовать, не будетъ ли лучше въ другихъ рукахъ. Польскому народу терять было нечего, потому что онъ все потерялъ,—и матеріальное довольство, и покой, и даже послѣднее достояніе, какое могъ имѣть самый бѣдный подданный самаго бѣднаго государства. Слѣдовательно, народъ молчалъ, равнодушно или даже съ радостью слушая публикаціи, что онъ переходитъ въ подданство другому государству. Ему не жалко было разставаться съ панами, притомъ многіе паны оставались на своихъ мѣстахъ и сами не хотѣли разставаться съ своими хлопами, а чтобъ не разстаться съ ними—присягали на вѣрность другому правительству. Вмѣстѣ съ ними присягали и хлопы. Притомъ, новыя правительства на первый же разъ оказали разныя милости новымъ своимъ подданнымъ. «Всемилостивѣйше восхотя (объявляло рус-

ское правительство) оказать новымъ подданнымъ нашимъ опытъ монаршаго нашего къ нимъ попеченія, освобождаемъ ихъ на полгода отъ положенныхъ государственныхъ поголовныхъ и винныхъ податей.» (Пол. Собр. зак. рос. имп. XIX, 13, 923). Русское правительство пріобрѣтало сторонниковъ въ Польшѣ и другими средствами, парализируя силы республиканскаго правительства. Въ то время, когда Станиславъ Августъ призывалъ своихъ подданныхъ въ сенатъ къ чрезвычайному собранію, генералъ губернаторъ вновь пріобрѣтенныхъ Россіею странъ дѣлалъ свое дѣло: такъ какъ россійскіе подданные (докладывалъ графъ Чернышевъ государинѣ) удостоены имѣть опытъ матерняго вашего милосердія, въ милостивомъ соизволеніи, чтобъ къ сочиненію проекта новаго уложенія призваны были изъ всѣхъ уѣздовъ имперіи депутаты, не только для того чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго состоянія, но допущены они и въ коммиссію сочиненія великаго сего и отечеству полезнаго дѣла», то «позвольте мнѣ, всемилостивѣйшая государиня (продолжалъ Чернышевъ), какъ учрежденному отъ васъ попечителю новоприсоединенныхъ державъ вашего величества двухъ бѣлорусскихъ губерній» просить «о удостоеніи такой же матерней милости» новыхъ подданныхъ, дабы, какъ онъ выражался, они щедротами были «во всемъ сравнены съ древними вѣрноподданными вашими» (16 генваря 1773 года, Пол. Собр. зак. 13, 938). Государыня согласилась и на эту милость.

Черезъ мѣсяцъ оказаны были новыя милости народу. «Чтобъ усугубить новымъ подданнымъ нашимъ знаки монаршаго нашего объ нихъ и о благоденствіи ихъ попеченія,» объявлялось именнымъ указомъ,—всемилостивѣйше повелѣно было всѣ староства, купленныя владѣльцами, учинившими присягу на подданство Россіи, отдать имъ же на аренду по смерть, безъ платежа аренды до тѣхъ поръ, пока не выплатятъ весь долгъ за покупку, а всѣ староства, доставшіяся по наслѣдству или въ даръ отъ короны польской, отдать владѣльцамъ по смерть же, съ платежемъ арендныхъ денегъ» (Тамъ же, № 13, 957).

Черезъ мѣсяцъ — еще милости: — «Милосердуя о нашихъ подданныхъ бѣлорусской губерніи (объявлялось въ новомъ именномъ указѣ), повелѣли мы уже на первую половину сего 1773 года поголовныхъ и винныхъ денегъ съ нихъ не взыскивать; а нынѣ паки повелѣваемъ,

для лучшаго въ домашнемъ ихъ состояніи поправленія» — снова брать, только въ уменьшенномъ размѣрѣ (Тамъ же, № 13, 973).

Прошелъ еще мѣсяцъ — и снова публиковалось, что императрица «всемилостивѣйше оказать соизволила новый знакъ матерняго своего къ тамошнимъ жителямъ милосердія.» Именно: «къ вящшему удовольствію тамошнихъ жителей,» (какъ сказано въ указѣ) въ судопроизводствѣ дозволенъ польскій языкъ и судей разрѣшено выбирать изъ тамошняго шляхетства (*).

Всѣми этими мѣрами не мало подрывалась и безъ того сомнительная популярность польскаго правительства, а значеніе Станислава Августа дѣлалось еще ничтожнѣе, если только это возможно. Безполезна была всякая попытка оживить мертвый трупъ польскаго королевства, когда королевство это давно не существовало, хотя видимый призракъ его какъ-будто и жилъ, и волновался, и предъявлялъ права свои на самостоятоятельное значеніе. Безполезны уже были и сеймы, и конфедераціи, и senatus consilium: въ Варшавѣ продолжали находиться войска протекторовъ и нетолько не оставляли столицу, но еще увеличивали свой составъ, и все это для того чтобъ въ Варшавѣ было тихо и спокойно. Надо было ожидать, что войска эти будутъ охранять засѣданія senatus consilium, и Поляки видѣли это съ горестью, и безсильны были протестовать противъ такой обязательной опеки. Естественно, что собраніе сената было послѣднимъ палліативомъ, къ которымъ, въ ослѣпленіи, всегда прибѣгаютъ государства, когда замѣчаютъ, что стоятъ на краю пропасти. Это были отчаянныя и почти не самопроизвольныя движенія умирающаго, когда тѣло, еще не перешедшее въ трупъ, безсознательными порывами силится сократить послѣднюю предсмертную агонію. Сенатъ долженъ былъ начать и кончить свои засѣданія по программѣ протекторовъ, не смѣя разсуждать о томъ, о чемъ не приказано, хотя одинаково уже было бы безполезно, еслибы позволили разсуждать обо всемъ. Притомъ сенатъ не могъ быть въ полномъ составѣ: иные изъ сенаторовъ сами сознавали, что не стоитъ труда хлопотать о чемъ бы то ни было, потому что уже поздно, и не явились въ собраніе; другимъ пригрозили ссылкой — и они тоже не явились; третьи сами

(*) Пол. Собр. зак. XIX, указъ 8 мая. Мы не говоримъ о другихъ распоряженіяхъ, касающихся блага подданныхъ, какъ напр. дозволеніе казенной продажи соли при вольной и т. п.

махнули рукой на все и стали—или врагами родины, или равнодушными къ ней. Оказалось, что сенатъ не имѣлъ санаторовъ, изъ коихъ въ сборѣ была только четвертая часть, рѣшенія которой не могли имѣть важнаго значенія для государства, полагавшаго въ основу управленія конституціонные принципы. Протекторы настаивали на томъ, отчего, еще полгода назадъ, Адамъ Красинскій предостерегалъ Поляковъ, за что и былъ арестованъ, — именно на созваніи сейма, что Красинскій считалъ нетолько безпелезнымъ для Польши въ ея положеніи, но и опаснымъ, и на что протекторы смотрѣли, какъ на единственно-благовидное средство дать возможно-законную наружность своимъ поступкамъ въ Польшѣ, показавъ Европѣ, что нетолько протекторство ихъ, но и самые захваты власти, земель и людей дѣлаются по волѣ представителей націи. Протекторы нетолько настаивали, но просто повелѣли, чтобы сеймъ былъ созванъ. Въ декларацiи, публикованной Штакельбергомъ, фразы такія, можно сказать, уемистыя, что подъ ними можно было скрыть какой угодно смыслъ: одни видѣли въ ней дипломатическую, благородно и деликатно въ отношеніи къ чувству Поляковъ написанную ноту, другіе видѣли въ ея фразахъ совершенно другой тонъ; Европѣ она представлялась весьма обыкновеннымъ выраженіемъ сочувствія Россіи къ бѣдственному положенію сосѣдки; сосѣдкѣ же въ дипломатическихъ фразахъ Штакельберга слышались несдержанныя угрозы сильнаго сосѣда. Конечно, и Европа читала много между строкъ во всѣхъ публиковавшихся тогда нотахъ относительно событій въ Польшѣ; и Европа догадывалась, что сильные сосѣди слишкомъ усердно хлопочутъ вокругъ сосѣдки,— и хлопочутъ не безкорыстно; однако, нельзя было не согласиться, что законность притязаній протекторовъ на нѣкоторыя провинціи сосѣдки и даже на ея домашнюю жизнь, была по возможности соблюдена. Россія говорила Европѣ и Польшѣ, что только анархія, столько лѣтъ раздирающая речь посполитую, вынуждаетъ ее предъявить «древнія права» свои на нѣкоторыя польскія земли, издавна принадлежавшія Россіи, и теперь имѣющія возвратиться въ ея собственность, такъ какъ сама Польша не умѣетъ управляться съ своимъ добромъ; притомъ Россія указывала на то обстоятельство, что она имѣетъ право на вознагражденіе за всѣ убытки, понесенные ею по винѣ Польши, которая, по своимъ безпрерывнымъ смутамъ, требовала постояннаго присутствіи русскаго войска въ Варшавѣ и въ другихъ неспокойныхъ частяхъ речи посполитой. Съ государственной точки зрѣнія

того времени, да пожалуй и всѣхъ временъ, Россія была права. Но Поляки, по своей нелогичности и по отсутствію политическаго такта, не хотѣли понять, что въ политическомъ мірѣ справедливость всегда на сторонѣ сильнаго. Нота Штакельберга казалась имъ насмѣшкою надъ участью государства, столько пострадавшаго въ послѣднее время. Имъ все казалось обидною насмѣшкою въ этой нотѣ, — и то, будто Россія безпокоится о возстановленіи спокойствія въ Польшѣ, и что будто бы съ горестью взираетъ она, какъ польская нація, вмѣсто того чтобы заботиться о созваніи сейма, безъ котораго невозможно умиротвореніе государства, замышляетъ новыя измѣны, готовитъ новыя интриги и т. д. Обидно было имъ слышать, какъ ихъ самихъ же обвиняли въ гнусномъ намѣреніи продлить волненія въ своемъ собственномъ государствѣ, какъ упрекали ихъ въ томъ, будто они тайно возбуждаютъ умы гражданъ, готовятъ заговоры, чтобы только поставить преграды давно желанному успокоенію своей собственной страны. Полякамъ потому это было обидно, что они никакъ не могли считать себя виновными въ томъ, будто они сами желаютъ гибели своему государству. Штакельбергъ зналъ, что Поляки постоянно будутъ оттягивать время созванія сейма и потому, согласно волѣ своего двора, самъ назначилъ это время, присовокупивъ въ декларацiи, что было бы безполезно сопротивляться этому твердому рѣшенію его правительства. Сеймъ созывался на 19 апрѣля этого года.

Мало того, что протекторы приказали созвать сеймъ, назначили для этого срокъ, — они были до того заботливы, что, входя въ разстроенное положеніе Поляковъ и зная ихъ опытомъ доказанную политическую безтакность и неспособность къ самоуправленію, составили программу всего, о чемъ Поляки должны были говорить на сеймѣ и чѣмъ должны были рѣшить свою судьбу. Протекторы не могли не догадываться, что сенатъ, даже и въ безсильныхъ рукахъ польскихъ магнатовъ, будетъ мѣшать сосѣдямъ свободно распоряжаться въ Польшѣ, и вслѣдствіе того они приказывали, чтобы на предстоящемъ сеймѣ Поляки уничтожили свой сенатъ, какъ учрежденіе безполезное и даже вредное, и вмѣсто него учредили бы двѣ коммиссіи, одну подъ предсѣдательствомъ короля, другую — примаса республики. Протекторы повелѣвали также, чтобы всѣ имѣнія, принадлежащія духовенству (а такихъ Польша насчитывала очень много) были секуляризованы и чтобы архіепископы, епископы, аббаты, прелаты, ксендзы

и вообще все клерикальное сословіе жили не доходами отъ своихъ богатыхъ помѣстій, а ежегодною пенсіею. Протекторы приказывали, чтобы на сеймѣ постановлено было общее изгнаніе Евреевъ, кромѣ небольшаго числа занимающихся торговлею. Они требовали, чтобы число шляхты было ограничено извѣстною цифрою. Они требовали уничтоженія знаменитой, сумасбродной привиллегіи шляхты—говорить «nie pozwalam» привиллегіи, служившей иногда источникомъ страшныхъ сценъна сеймахъ и бывшей причиною многихъ бѣдствій страны. Вмѣстѣ съ этимъ, на предполагаемомъ сеймѣ, Поляки должны были отнять у себя свое liberum veto, отпустить на волю крестьянъ (*), предоставивъ имъ право выбирать, въ каждой общинѣ, своихъ собственныхъ судей и на рѣшенія ихъ апеллировать мѣстнымъ землевладѣльцамъ, а на этихъ послѣднихъ—мѣстной административной власти. Въ программѣ сейма, заявленной протекторами Польши, упоминалось и о томъ, чтобы Поляки сами уничтожили цвѣтъ своего войска, именно гусарскіе полки, которыми речь посполитая всегда славилась. Мало того, протекторы поставили Полякамъ въ непремѣнное условіе постановить на сеймѣ опредѣленіе о покроѣ, цвѣтѣ и достоинствѣ матеріи на платьѣ, какое должны носить вольные Поляки, сообразно званію и другимъ условіямъ жизни. Протекторы откровенно включили въ программу сейма и 21-ю главу, въ которой говорится, что австрійскія и русскія войска, въ числѣ пяти тысячъ съ каждой стороны, будутъ оставлены въ Польшѣ и что король обязанъ назначать имъ мѣста для стоянокъ. Вообще, настоянія державъ, дѣлившихъ речь посполитую, выражены въ 23 главахъ.

Въ послѣднее засѣданіе сената, знаменитаго, какъ мы сейчасъ замѣтили, отсутствіемъ сенаторовъ, король, не смѣя ослушаться приказаній сильныхъ протекторовъ, просилъ созванія сейма. Сенаторы исполнили просьбу короля или, скорѣе, побоялись ослушаться тѣхъ же сильныхъ протекторовъ, и положили приступить къ собранію сейма. Впереди ничего не предвидѣлось утѣшительнаго; уже большинство патріотовъ, всѣ, болѣе или менѣе понимавшіе образъ дѣйствія сосѣднихъ державъ, видѣли, какая будущность ожидаетъ Польшу. Европейскіе дворы, къ которымъ въ порывѣ отчаянія обратилась республика, занятые

(*) Les paysans seront affranchis de la servitude, какъ сказано было въ проектѣ сейма, напечатанномъ въ одной изъ тогдашнихъ газетъ (Gazette de Zeyde).

собственными дѣлами, не въ силахъ были спасти ее отъ гибели; иные даже не отвѣчали на ея горестный вопль. Польша увидѣла себя всѣми покинутою. Говорятъ, когда сенатъ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о созваніи сейма, представилъ Штакельбергу и нѣкоторыя другія свои постановленія, этотъ посланникъ, отличавшійся гораздо большей деликатностью чѣмъ Сальдернъ, сухо и презрительно сказалъ сенаторамъ: «мы требуемъ только сейма и постановленія его о томъ, о чемъ мы заявили и заявимъ еще». Подъ заявленіемъ Штакельбергъ разумѣлъ, во-первыхъ, декларацію, въ которой польской націи повелѣвалось созвать сеймъ, и во-вторыхъ, программу, въ которой означалось, о чемъ сеймъ долженъ былъ разсуждать и на чемъ остановиться. Напрасно Станиславъ Августъ униженно просилъ милости у императрицы Екатерины II, называя ее «ma bienfaitrice et mon amie»,—его просьба осталась безъ отвѣта.

И вотъ злополучный король снова обращается къ своему народу, ищетъ опоры въ его нравственномъ величіи. Но это величіе давно не существовало: и король, и нація были безсильны во всѣхъ отношеніяхъ. Въ это отчаянное время написанъ былъ универсалъ, въ которомъ бы должны были, кажется, вылиться всѣ наболѣвшія чувства короля, и его раскаяніе передъ всей націей, и его скорбь за то горе, которое причинено странѣ его неразумной довѣрчивостью къ сильнымъ державамъ, его безпечностью, легкомысліемъ, отсутствіемъ любви къ своему народу, его неспособностью къ государственнымъ дѣламъ, вообще, ошибками всей его жизни... Нѣтъ! ничего этого не было въ универсалѣ. Жалобы, упреки и громкія фразы, заглушающія собой всякую мысль,—вотъ содержаніе этого воззванія, обращеннаго къ націи въ такой критическій моментъ жизни всего государства. Что особенно рѣзко бросается въ глаза—это полное непониманіе источниковъ страданія Польши, отсутствіе всякаго знанія смысла явленій и даже клевета, брошенная въ лицо лучшихъ представителей польскаго народа. Можно было заранѣе сказать, что изъ всѣхъ усилій польскаго правительства ничего не выйдетъ, еслибъ протекторы и представители его собственному уму-разуму не начертали плана будущихъ совѣщаній и рѣшеній, еслибъ даже Польшѣ никто и не угрожалъ. Ясно, что ни король, на котораго, впрочемъ, и сѣтовать нечего, какъ на человѣка умственно ни въ чемъ невиноватаго, ни сенаторы, ни конфедераты-патріоты, послѣ потери Пулавскаго, Огинскаго и Паца окончательно потерявшіе голову, никто не понималъ болѣзни королев-

ства, и потому, еслибъ даже Поляки предоставлены были самимъ себѣ, то и тогда они не съумѣли бы спасти свою независимость. Въ универсалѣ этомъ на первомъ планѣ являются не Польша, не нація, не общественныя бѣдствія, а красуется фигура короля, которую стараются поставить передъ всѣмъ свѣтомъ въ самыхъ привлекательныхъ позахъ. Только и попадаются въ универсалѣ фразы — «мы любимъ Польшу», «любезная намъ нація», «никто болѣе насъ не былъ воодушевленъ желаніемъ общественнаго блага» и т. п.; если угрожала и угрожаетъ опасность, то не Польшѣ, не государству, а все только королю. Въ универсалѣ снова подняли старую исторію, которая давно надоѣла Польшѣ, — о томъ, какъ конфедераты не хотѣли дѣйствовать заодно съ королемъ, какъ ставили ему въ вину наводненіе речи посполитой чужеземными войсками, какъ потомъ хотѣли похитить короля и едва не совершили цареубійства. Надъ Польшей висѣла страшная туча, а ея правительство не стыдилось лгать передъ своей націей и передъ цѣлой Европой, увѣряя, будто король, едва спасшись отъ рукъ мнимыхъ убійцъ, въ самую первую минуту своей безопасности, былъ такъ великодушенъ, что забылъ о себѣ и не за себя ходатайствовалъ передъ сильными сосѣдями, а за любимую имъ націю, забывъ о мщеніи. Между тѣмъ, извѣстно, что изъ-за пустяковъ король надѣлалъ столько шуму на всю Европу, что самъ былъ не радъ, когда войска сосѣдей, подъ видомъ возстановленія порядка въ республикѣ, оцѣпили всю Польшу; единственно изъ трусости, король, самъ того не замѣчая, способствовалъ захвату польскихъ земель войсками протекторовъ и освящалъ эти захваты, прибѣгая подъ защиту иноземныхъ солдатъ отъ своихъ подданныхъ, которые для его же пользы хотѣли похитить его, но отнюдь не думали убивать, потому что своей смертью онъ причинилъ бы Польшѣ столько же вреда, сколько причинялъ жизнью, или, во всякомъ случаѣ, не спасъ бы смертью своей того, что втеченіи жизни погубилъ своимъ неразуміемъ.

Похваливъ себя за великодушіе и отдавъ должную дань справедливости своему уму за успокоеніе Польши, послѣ спасенія отъ рукъ похитителей, король продолжалъ въ своемъ универсалѣ: «Но въ этотъ же самый годъ, когда, загладивъ всѣ бѣдствія войны, моровой язвы, бунта крестьянъ и послѣдствія нашихъ личныхъ опасностей (король въ самомъ дѣлѣ думалъ, что осчастливилъ Польшу, и что, по этому счастливому обстоятельству, Польша должна была забыть

всѣ бѣдствія, войны, мора и бунты крестьянъ), мы думали, что наступаютъ уже дни, тишина которыхъ порадуетъ нашу родину, какъ мы увидѣли, что возстаетъ новая буря, тѣмъ болѣе ужасная, что никѣмъ не была предвидѣна. Три христіанскія державы, сосѣдственныя намъ, вдругъ объявили притязанія на самыя богатыя части владѣній республики». Потомъ онъ разсказываетъ то, что намъ уже извѣстно. Жалуется, что сосѣднія державы грозятся нетолько уничтожить послѣдній остатокъ Польши, но истребить и самое имя Поляковъ; плачется, наконецъ, что иностранные дворы, къ которымъ онъ писалъ, прося помощи и защиты, или отказали въ помощи, или отвѣчали обиднымъ равнодушіемъ. «Вотъ то опасное, то ужасное положеніе, въ которомъ находится наша республика», восклицаетъ король, не высказавъ никакихъ дѣльныхъ предположеній относительно того, какъ бы можно было выйти изъ такаго тяжелаго положенія. «Однако мы не должны отчаяваться за наше государство; кормчій не долженъ покидать руля, ни матросы покидать кормчаго. Отечество—это корабль, который завѣщали намъ предки и который мы обязаны отдать потомству. Хотя ураганъ сломилъ его мачты и разорвалъ паруса, хотя на добычу жадному морю бросаются драгоцѣннѣйшія сокровища, однако обуреваемый корабль долженъ быть приведенъ въ гавань» и т. д. Конечно, эти фразы въ универсалѣ произвели бы и на шляхту и на хлоповъ сильное впечатлѣніе, еслибы и шляхта и хлопы знали стихотвореніе Горація—«o navis! referent in mare te novi fluctus»,—которое, безъ сомнѣнія бродило въ головѣ Станислава Августа, когда онъ составлялъ свой громкій универсалъ, и въ которомъ Горацій сравниваетъ римскую республику, довольно-таки поизмятую такими честолюбцами, какъ Помпей и Цезарь, съ кораблемъ, у котораго буря изломала мачту и поизорвала паруса; но универсалъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія ни на шляхту, ни на хлоповъ. Какъ римская республика, сравненная Гораціемъ съ кораблемъ послѣ штурма, такъ и республика польская, сравненная тоже съ кораблемъ во время бури, не спаслись: истрепанные корабли не были даже приведены въ гавань.

Однако время открытія сейма приближалось и провинціи должны были позаботиться о созваніи мѣстныхъ сеймиковъ для избранія депутатовъ на общій государственный сеймъ. Мы видѣли, что дѣлалось въ провинціяхъ, объявленныхъ присоединенными къ Россіи: они подлежали уже русскому государственному устройству. Тоже самое

дѣлалось и въ областяхъ, присоединенныхъ къ Австріи и Пруссіи, гдѣ, кромѣ того, вслѣдствіе интригъ и угрозъ Фридриха II, должна была явиться реакція тому патріотическому порыву, который неизбѣжно слѣдовалъ за торжественнымъ объявленіемъ о раздѣлѣ Польши. Продажность Поляковъ того времени представляетъ замѣчательное подтвержденіе того грустнаго историческаго закона, что несчастныя условія, выпадающія на долю какого-либо государства, или жалкія правительственныя формы всегда отражаются на всей исторической жизни націи, деморализируя ее въ той степени, въ какой деморализированы были отношенія администраціи къ польскому народу. Поляки были испорчены—можно сказать—исторически, и потому, оставаясь съ тѣми же понятіями о государствѣ, какія выработались у нихъ вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, съ тѣми же недостатками, какіе привила къ нимъ вся ихъ прошедшая жизнь, они должны были погубить свое государство и лишиться автономіи. Въ самомъ дѣлѣ, Поляки сдѣлались какъ будто неспособны къ самоуправленію; они потеряли способность поддерживать политическое существованіе націи съ обстановкой самостоятельнаго и независимаго царства. Мало того, Поляки упали нравственно: они и продавали свою страну, и измѣняли ей для личныхъ выгодъ. Измѣной и продажностью опозорены и унижены почти всѣ предпріятія, всѣ начинанія, всѣ попытки и всѣ порывы послѣднихъ патріотовъ этой страны. Фридрихъ II зналъ этотъ національный порокъ, развившійся вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ условій, и потому обѣщаніями, ласками, лестью, а наконецъ—когда ни ласки, ни обѣщанія не помогали—угрозами и арестами поставилъ Поляковъ, обитавшихъ въ той части Великой Польши, которая отходила къ Пруссіи вмѣстѣ съ другими провинціями,—въ необходимость созвать свой сеймъ, какъ бы въ противодѣйствіе общему государственному сейму, собиравшемуся тогда въ Варшавѣ. Этимъ антипатріотическимъ движеніемъ руководилъ Сульковскій, при помощи одного прусскаго генерала, который, желая угодить Фридриху, пугалъ Поляковъ своими солдатами, и когда патріоты желали послать депутатовъ на сеймъ въ Варшаву, онъ грозилъ имъ войною и вынуждалъ посылать депутатовъ на другой сеймъ, коноводомъ котораго былъ самъ Фридрихъ, только подъ польской маской Сульковскаго. Сеймики въ тѣхъ провинціяхъ, которыя оставались за Польшей, шли очень неудачно: въ иныхъ мѣстахъ никто не хотѣлъ собирать депутатовъ на варшавскій сеймъ, въ другихъ

сами депутаты отказывались принять на себя роль сдѣлаться невольнымъ орудіемъ чужеземныхъ протекторовъ. Волненіе было всеобщее.

Созваніе сейма представлялось Полякамъ чѣмъ-то ужаснымъ. Они чувствовали, что это долженъ быть ихъ послѣдній сеймъ, на которомъ они сами должны будутъ похоронить свою вольность, свои права и свою прошедшую славу, хотя въ сущности сомнительную, но для нихъ самихъ очень дорогую. Будетъ--ли сеймъ или нѣтъ—но, во всякомъ случаѣ, Польша должна погибнуть: на сеймѣ иностранные дворы выпудили бы Польшу подписать свой собственный приговоръ; а не будь созванъ сеймъ—иностранные дворы, и безъ воли польской націи, рѣшили бы ея горькую участь, и рѣшили бы далеко не снисходительно. Что же оставалось Полякамъ дѣлать, какъ не повиноваться, когда сосѣди, требуя созванія сейма, въ тоже время отрывали у государства огромныя провинціи и еще грозили бо́льшими потерями, а между тѣмъ провозглашали, что они ни о чемъ другомъ не заботятся какъ только о благѣ Польши. Поляки видѣли, насколько эта забота была безкорыстна. «Я никогда не отказывался быть полезнымъ отчизнѣ (писалъ передъ сеймомъ Адамъ Красинскій, знаменитый епископъ каменецкій, еще болѣе знаменитому епископу краковскому Солтыку); но я сомнѣваюсь, чтобы сеймъ, созываемый нынѣ, облегчилъ ея страданія, сеймъ, который будетъ состоять изъ такого малаго числа депутатовъ. Тяжело подписать раздѣлъ; но не подписать его—опасно. Я вижу съ одной стороны гибель націи, съ другой—угнетеніе вѣрныхъ согражданъ. Какой свѣточъ будетъ свѣтить намъ въ этомъ погибельномъ лабиринтѣ? Мы ничего не знаемъ, что происходитъ теперь въ Букарестѣ; въ какой силѣ ведутся переговоры; ни при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ мы не имѣемъ своего посланника; мы не вѣдаемъ ни того, что тамъ дѣлаютъ, ни того, что тамъ думаютъ—мы дѣйствуемъ точно слѣпые... Если наша отчизна должна погибнуть, такъ не будемъ же по крайней мѣрѣ рыть ей могилу собственными руками; пусть эти руки будутъ невинны и въ глазахъ націи, и въ глазахъ чужеземныхъ народовъ. Я возвращусь въ Варшаву, какъ только будетъ можно; но я скорѣе соглашусь ничего не дѣлать, чѣмъ сдѣлаться участникомъ въ дѣлѣ, въ которомъ погибнетъ общественная свобода, и потомъ оплѣвать убитую націю».

Какъ-то невольно задумываемся надъ послѣдними днями Польши. Что за странная участь этого государства... Приходится все-таки

согласиться, что въ это трагическое для него время единственными, мало-мальски порядочными дѣятелями оказались—кто же? попы, т. е. епископы и ксендзы, а отнюдь не шляхта. Можетъ быть, все это оттого, что ими идея руководила больше чѣмъ панами.

Одною изъ самыхъ энергическихъ личностей, въ это бѣдственное для Польши время, является Солтыкъ, краковскій епископъ, недавно только возвращенный изъ Сибири. Его вліяніемъ сдѣлано то, что никто не хотѣлъ идти на сеймъ, и провинціальные сеймики или вовсе не собирались для избранія депутатовъ на общій сеймъ, или кончались бурными, но безсильными демонстраціями противъ чужеземцевъ. Краковскій сеймикъ, конечно не безъ вліянія Солтыка, прямо постановилъ, что такъ какъ Поляки не желаютъ ни уничтоженія Польши, ни раздѣленія ея, ни какого бы то ни было измѣненія въ образѣ правленія, то сеймикъ и не хочетъ никого избирать для этой роли. На сеймикѣ въ Вилкомирѣ лилась кровь, потому что избиратели раздѣлились на партіи. Эти партіи разрывали и безъ того умиравшую Польшу, а продажность и измѣна лишили ее послѣднихъ силъ. Напрасно Солтыкъ, передъ созваніемъ сейма, указывая на эту продажность, взывалъ къ Полякамъ, чтобы они опомнились и подумали о спасеніи отчизны. Какъ ни сильно, какъ ни впечатлительно это воззваніе, особенно если вспомнить, въ какое страшное время оно писалось къ народу; однако, все было безполезно:—точно вымерли Поляки, точно и не было у нихъ ни добрыхъ чувствъ, ни любви къ своему государству, ни даже любви къ своему собственному счастію. «Восплачемъ и смиримся вмѣстѣ съ Ниневитянами», говорилъ въ своемъ посланіи Солтыкъ,—и въ самомъ дѣлѣ, ничего больше не оставалось для Поляковъ какъ плакать и смириться, хотя самъ Солтыкъ былъ очень далекъ отъ смиренія. Передъ самымъ открытіемъ сейма, у него завязалась переписка съ барономъ Штакельбергомъ по поводу того, что епископъ отказывался присутствовать на сеймѣ, потому что, какъ умный человѣкъ, онъ понялъ, что уже все будетъ безполезно для Польши. «Князь епископъ города Кракова», писалъ Солтыкъ къ барону, «размысливъ основательно о двухъ послѣднихъ совѣщаніяхъ, которыя онъ имѣлъ съ вашимъ превосходительствомъ, принялъ намѣреніе удалиться отъ дѣлъ и отъ сейма; но онъ заявляетъ, что вездѣ сохранитъ и нѣжнѣйшую дружбу и живѣйшую признательность къ вашему превосходительству». Когда Штакельбергъ упрекнулъ его въ томъ, что епископъ употребляетъ свое

вліяніе противъ созванія сейма, Солтыкъ отвѣчалъ ему, что, какъ Полякъ, онъ не могъ защищать свою отчизну; что равнодушіе съ его стороны было бы противно законамъ природы; что, какъ сенаторъ, онъ былъ бы измѣнникомъ, еслибъ не заботился о спокойствіи своего государства.

Однако, при всемъ томъ, время открытія сейма приближалось. Депутаты, хотя въ ограниченномъ числѣ, собирались въ Варшаву, чтобъ еще разъ удивить Европу своей безтактностью. Для того чтобъ какая-нибудь безумная голова, въ самый важный моментъ сейма, когда будетъ рѣшаться участь Польши, не крикнула «nie pozwolam!» и тѣмъ не уничтожила всего, что общими усиліями могли сдѣлать представители польской націи на предстоящемъ сеймѣ, положено было соединить открытіе сейма съ образованіемъ новой генеральной конфедераціи. Эта мѣра бросала Поляковъ въ другую крайность, и отъ нея можно было ожидать столько же добра, какъ и отъ сохраненія права liberum veto, которое, на этомъ сеймѣ, пригодилось бы, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ разогнать сеймъ въ то самое время, когда бы Поляки рѣшились своими руками передать Польшу чужеземцамъ. Конфедерація была теперь такъ не кстати; она такъ вполнѣ отвѣчала тайнымъ планамъ сосѣднихъ государствъ, что только Поляки, окончательно обезумѣвшіе въ это время, не видѣли, что дѣлали покровители, косвенно отнимая у нихъ liberum veto, и именно тогда, когда оно, принесшее столько зла Польшѣ, могло хоть разъ оказать ей услугу. Предводителями конфедераціи избраны были Адамъ Понинскій — отъ королевства польскаго и князь Михаилъ Радзивиллъ отъ великаго княжества литовскаго. Всѣ благоразумные люди возстали противъ конфедераціи, которая была однимъ изъ политическихъ промаховъ польскаго народа, — а онъ такъ много дѣлалъ промаховъ... Даже король, котораго несчастія научили слушаться людей болѣе его умныхъ, не желалъ конфедераціи, понимая, что она будетъ выгодна только для его враговъ и гибельна для Польши. Но на короля уже никто не обращалъ вниманія, которымъ, впрочемъ, его никогда не баловали подданные; теперь же, сверхъ того, ему предстояло или бѣжать изъ своего королевства и на границахъ попасться въ руки недоброжелателей, или своими руками снять съ себя корону Въ актѣ конфедераціи, обнародованномъ за три дня до открытія сейма, говорилось — въ порывѣ-ли неразумнаго увлеченія своими собственными фразами или подъ диктовку барона Штакельберга что «предстоя-

щій сеймъ положитъ конецъ бѣдствіямъ отечества, тяготѣвшимъ надъ нимъ столько лѣтъ, высушитъ слезы гражданъ, заставитъ утихнуть вопли и рыданія, которые раздаются въ провинціяхъ республики, и остановитъ потоки крови нашихъ братьевъ, которая льется до сихъ поръ» и т. д. Впрочемъ самый актъ конфедераціи представляетъ не мало доказательствъ поразительной безтактности представителей польскаго королевства: въ немъ одна половина совершенно противорѣчитъ другой.

Наконецъ сеймъ былъ открытъ 19 апрѣля 1773 года. Начало его напомнило самые шумные и бурные сеймы того стараго времени, когда шляхта могла свободно кричать на все собраніе и заявлять самыя безумныя требованія, когда за звяканьемъ сабель не всегда можно было разслышать умное предложеніе какого-нибудь скромнаго депутата и когда Поляки могли вполнѣ предаваться безумному разгулу неограниченной воли, не опасаясь, что въ залѣ собранія появятся штыки, и смѣлые депутаты будутъ изъ нея выведены, чтобъ отправиться въ Шпандау или въ какую-нибудь другую крѣпость. Этотъ сеймъ былъ очень буренъ, несмотря на то, что въ первое время явилось очень мало депутатовъ. 19-го же числа, въ день открытія сейма, вспыхнула борьба между новыми конфедератами и депутатами другой партіи. Во главѣ послѣднихъ выступилъ знаменитый Рейтанъ, депутатъ изъ Новогрудка, хотя родомъ нѣмецъ, однако въ такой мѣрѣ ополячившійся, что сталъ едва-ли не болѣе Полякъ, чѣмъ многіе изъ природныхъ, старинныхъ шляхтичей, производившихъ свой родъ отъ Пястовъ. Рейтанъ, получившій громкую европейскую славу, былъ однимъ изъ лучшихъ людей Польши и пользовался большимъ авторитетомъ въ своей области.

Едва открылся сеймъ, какъ Рейтанъ возсталъ противъ Понинскаго, котораго лично ненавидѣлъ, а теперь смотрѣлъ на него какъ на главу противной партіи, дѣйствующей на гибель Польшѣ. Рейтанъ, опираясь на королевскіе универсалы, говорилъ, что сеймъ долженъ дѣйствовать независимо отъ конфедераціи, которая вовсе не можетъ имѣть мѣста въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Польша. Рейтана поддерживали и другіе депутаты Литвы. Раздражительные споры продолжались до самаго вечера. На утро, 20 апрѣля, зала собранія окружена была королевскими войсками. Вошелъ Рейтанъ. Когда депутатъ конфедераціи явился въ залу и спросилъ, признаетъ-ли Рейтанъ Понинскаго маршаломъ, тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Такъ какъ

не только домъ собранія былъ окруженъ солдатами, но военные мундиры красовались и въ залѣ, что было противно правамъ конституціоннаго сейма, то Рейтанъ требовалъ удаленія изъ залы военной силы. Голосъ его напрасно звучалъ на все собраніе. Передъ окончаніемъ засѣданія, когда всѣ собрались уходить изъ залы, Рейтанъ сталъ въ дверяхъ и громко провозгласилъ, что знать не хочетъ конфедераціи и скорѣе пожертвуетъ свою жизнью, чѣмъ признаетъ законными ея рѣшенія. Голосъ Рейтана нашелъ энергическую поддержку въ одномъ изъ Литвиновъ, которые, всегда дѣйствовали лучше кровныхъ Поляковъ. Это былъ юноша, почти ребенокъ. Когда его избрали депутатомъ Минска, старикъ-отецъ, отправляя своего сына въ Варшаву на сеймъ, гдѣ Поляки должны были похоронить послѣдніе остатки своей воли, говорилъ ему: «сынъ мой! я посылаю съ тобой въ Варшаву моихъ старыхъ слугъ... Я имъ наказываю принести ко мнѣ твою голову, если ты не будешъ всѣми силами бороться противъ того, что будетъ предпринято во вредъ твоей отчизнѣ». Дѣйствовалъ-ли Корсакъ по внушенію собственнаго разсудка или подъ вліяніемъ другаго чувства — только онъ оставилъ по себѣ хорошую память и Поляки съ гордостью произносятъ его имя, а польскіе историки въ массѣ личностей, дѣйствовавшихъ при послѣднихъ дняхъ Польши, особенно отличаютъ Рейтана и Корсака. Впрочемъ, въ это время Польша находилась уже въ томъ безвыходномъ положеніи, что, потерявъ Пулавскаго, Огинскаго, Паца, Саву и другихъ патріотовъ, которые умѣли дѣйствовать неустрашимо, она по необходимости должна была гордиться уже и такими личностями какъ Рейтанъ и Корсакъ, которые, по крайней мѣрѣ, еще говорили неустрашимо. Такъ какъ большая часть вотчинъ Корсака находилась въ той половинѣ Литвы, которая, въ первый раздѣлъ Польши, отходила къ Россіи и какъ, на основаніи манифеста 1772 года и тайныхъ инструкцій, данныхъ петербургскимъ дворомъ графу Чернышеву и генераламъ—Каховскому и Кречетникову, Корсакъ долженъ былъ или присягнуть на подданство Россіи, или, немедленно продавъ имѣнія, выѣхать изъ отечества; то онъ, протестуя противъ дѣйствій трехъ союзныхъ державъ въ отношеніи къ Польшѣ, говорилъ вслѣдъ за Рейтаномъ, что охотно отдастъ непріятелями всѣ свои имѣнія, деньги, мебель, даже послѣднюю рухлядь, и готовъ жертвовать жизнью, если нужна будетъ эта жертва. И дѣйствительно, онъ отдавалъ себя въ руки Штакельберга и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ ему опись и оцѣ-

ку имѣній, какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ, говоря: «Вотъ все, что я могу принести въ жертву: вы властны также располагать моею жизнію. Но на землѣ нѣтъ человѣка на столько богатаго, чтобъ подкупить и на столько могущественнаго, чтобъ устранить меня».

Однако протестаціи эти были безсильны, и баронъ Штакельбергъ, баронъ Ревицкій и Бонуа, полномочные министры Россіи, Австріи и Пруссіи, не обращали вниманія надъ усиліями Поляковъ. На другой день послѣ протестаціи Корсака и Рейтана (21 апрѣля) они приказали Понинскому, маршалу конфедераціи, запретить депутатамъ входъ въ залу засѣданій. Однако Рейтанъ взошелъ въ залу и сказалъ, что остается въ ней, какъ въ священномъ мѣстѣ, гдѣ не посмѣютъ привести въ исполненіе того, что будетъ постановлено противъ него конфедераціею. Такъ какъ засѣданія сейма обыкновенно происходили съ открытыми дверями, то Рейтанъ требовалъ,чтобы войска, окружавшія залу, были удалены и депутатамъ открытъ свободный входъ въ сеймовую палату, и когда ему объявили, что, всякое сопротивленіе будетъ наказано смертью, по правамъ и неограниченной власти генеральной конфедераціи, Рейтанъ отвѣчалъ:

— Лучше умереть со славою за отчизну, чѣмъ дожидаться естественной смерти.

Всѣ эти фразы, разумѣется, не измѣнили теченія дѣлъ въ Польшѣ, потому что служили выраженіемъ не общаго народнаго чувства негодованія, а были, такъ сказать, единичными исключеніями, слишкомъ ничтожными въ массѣ дурнаго. Притомъ, еслибы и вся шляхта думала и дѣйствовала такъ какъ Рейтанъ, Корсакъ, Солтыкъ и Адамъ Красинскій, то уже поздно было ждать спасенія, еслибы нетолько всѣ депутаты сейма, но и всѣ землевладѣльцы речи посполитой возстали противъ общей бѣды, то напрасно бы потрачены были ихъ силы: спасать Польшу въ то время значило тоже, что не давать заколачивать крышку гроба надъ умершимъ, когда трупъ его разлагался окончательно. Во всякомъ случаѣ, войска союзныхъ державъ были на столько сильны, что могли задавить всякое реакціонное движеніе въ Польшѣ. Ими задавлена была первая открытая попытка Станислава Августа— стать во главѣ патріотическаго движенія. Въ четвертый день послѣ открытія засѣданій сейма (22 апрѣля), когда къ нему присланы были депутаты отъ лица генеральной конфедераціи и когда король не хотѣлъ признать законности ея существованія, прося два дня на раз-

мышленіе, хотя и въ два года онъ уже не могъ поправить дѣла, Штакельбергъ, Ревицкій и Бенуа были раздражены этой безполезной уклончивостью и требовали отъ него полнаго повиновенія. Отъ имени трехъ правительствъ Штакельбергъ велѣлъ объявить королю, что, при малѣйшемъ сопротивленіи, въ тотъ же день, 50,000 союзнаго войска вступятъ въ Варшаву и предадутъ ее контрибуціи. Королевскія войска были слишкомъ безсильны, а войскъ прежней конфедераціи уже давно не существовало; предводители ихъ или были убиты, или бѣжали въ другія страны, или просто измѣнили, какъ Заремба, и потому Станиславъ Августъ долженъ былъ покориться.

Въ эти послѣднія минуты польской независимости боролся одинъ только Рейтанъ. Тридцать шесть часовъ онъ не выходилъ изъ залы депутатовъ сейма; тридцать шесть часовъ онъ старался своими слабыми руками удержать тяжелое зданіе республики, которое по частямъ обваливалось въ пропасть. Все напрасно. Съ Рейтаномъ остались только четыре депутата, которые готовы были раздѣлить его несчастія: — то были депутаты Новогрудка и Минска. Зала осталась пустою. Не передъ кѣмъ защищать было погибшую вольность. Наконецъ и самъ Рейтанъ съ четырьмя патріотами принужденъ былъ выйти изъ залы.

Здѣсь кончается автономія польскаго народа. Это было 22 апрѣля 1773 года; а впродолженіе нѣсколькихъ, слѣдовавшихъ затѣмъ мѣсяцевъ, Поляки успѣли подписать и свой смертный приговоръ—раздѣлъ своей страны, уничтоженіе нѣкоторыхъ конституціонныхъ формъ правленія и признаніе чужеземной протекціи и гарантіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ подписанъ былъ смертный приговоръ послѣднимъ патріотамъ, которые думали похищеніемъ короля изъ рукъ чужеземцевъ спасти отъ нихъ и свою отчизну, и замыслъ которыхъ такъ несчастливо разрушился въ ночь съ 3 на 4 ноября 1771 года, когда одинъ изъ заговорщиковъ своей оплошностью или измѣною погубилъ все дѣло. Объ участи послѣднихъ польскихъ патріотовъ дошли вѣсти и въ тогдашнюю Россію и русское общество, съ любопытствомъ ловившее слухи о странныхъ событіяхъ въ Польшѣ, вмѣстѣ съ манифестомъ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, читало въ своихъ газетахъ слѣдующее оффиціальное извѣстіе:

«Изъ Варшавы отъ 28 августа. Сегодня обнародованъ приговоръ для королевскихъ убійцъ и разосланъ во всѣ городскія судебныя мѣста. Всѣ преступники лишены всякой чести и достоинства и объ-

явлены безчестными; имѣніе ихъ конфисковано и отдано будетъ доносителямъ; потомки ихъ также лишены дворянства и никогда онаго получить не могутъ. Пулавскому, Стравинскому и Лукавскому сперва отсѣкутъ правую руку, потомъ голову, напослѣдокъ будутъ ихъ четвертовать; а послѣ того, лежавшіе нѣсколько времени на улицѣ ихъ трупы, сожгутъ и пепелъ развѣютъ. Но какъ Пулавскій и Стравинскій еще не пойманы, то оное надъ ними будетъ учинено тогда, когда ихъ поймаютъ; а между тѣмъ имена ихъ будутъ прибиты на висѣлицѣ. Кузьма или Козинскій, хотя и освобожденъ отъ всякаго достойнаго наказанія, однако присужденъ выѣхать изъ Польши и никогда больше не входить въ ся провинціи подъ смертною казнію» (Моск. Вѣдом. 1773 г., № 78).

Вообще, чѣмъ глубже вникаемъ мы въ смыслъ польской исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что королевство это погибло не вслѣдствіе насилій сосѣднихъ державъ, а вслѣдствіе внутреннихъ застарѣлыхъ болѣзней въ организмѣ государства: неумѣнье правительственныхъ сословій осчастливить народъ, деморализація высшихъ классовъ—естественное послѣдствіе существованія крѣпостнаго права, которое всегда лишаетъ владѣтельные классы нравственной силы и упругости, а у низшихъ классовъ отнимаетъ послѣднія качества человѣчности, — вотъ причины паденія Польши. Шляхта, живя насчетъ хлоповъ, не знала ни физическаго, ни умственнаго труда и постоянно тупѣла; безпечность и увѣренность въ томъ, что хлопъ всегда дастъ средство къ существованію, вовлекали ихъ въ долги и разоряли, а привычка жить роскошно и ни въ чемъ себѣ не отказывать вызвала у промотавшейся шляхты желаніе добыть, во что бы то ни стало, богатыя средства къ жизни; за этимъ слѣдовала продажность, безстыдная измѣна, торгашество всѣмъ, что дорого для человѣка—чувствомъ, истиной, добромъ и совѣстью. Гдѣ же было этой продажной и разучившейся шляхтѣ мыслить, чувствовать и честно управлять страной? Въ одной мѣрѣ съ шляхтою тупѣлъ народъ, которымъ управляло отупѣвшее дворянство, и терялъ свой человѣческій образъ, дѣлаясь подобіемъ животнаго, для котораго все равно, кому бы ни служить. Онъ былъ бѣденъ до того, что даже не понималъ возможности быть бѣднѣе, а если ему и удавалось пріобрѣтать что-либо, то онъ имъ не дорожилъ, потому что все, что у него было, принадлежало не ему, а пану, и потому все, что составляло для него излишекъ, онъ несъ въ кабакъ, гдѣ, въ отвратительномъ опьяненіи,

забывалъ, что его ждутъ дома голодныя дѣти и изнуренная работою жена. Онъ былъ до того деморализованъ, что не понималъ даже самаго обыкновеннаго чувства—любви къ своей странѣ, и не защищалъ ее, когда она находилась въ опасности, а если и поступалъ въ ряды солдатъ, такъ только изъ подъ палки, да закованный въ кандалы. Понятно, какой это былъ защитникъ государства. Еще въ большей мѣрѣ не любилъ своихъ пановъ, а въ лицѣ ихъ—свое правительство, отъ котораго истекали незаконные поборы, притѣсненія, неравномѣрная рекрутчина, судебные волокиты, взяточничество урядовъ и прочія бѣдствія. Оттого, когда правительство это было въ опасности и обратилось къ народу за помощью—народъ не далъ ее, и государство погибло. Поляки отчасти поняли эту простую истину, когда уже Польша, какъ самостоятельная страна, не существовала. Вслѣдъ за первымъ раздѣломъ Поляки подумали и о народѣ, да было уже поздно (wielu znamienitych obywateli zapewniając własność poddanym swoim, ich stan polepszali i swobodę im zapewniali, говоритъ Лелевель). Знаменитый Замойскій, болѣе другихъ понимавшій причины паденія Польши, составилъ даже проектъ уравненія правъ хлоповъ съ правами шляхты (*): но на сеймѣ шляхта не хотѣла даже разсматривать такой обидный для ея самолюбія проектъ и отвергла его.

Послѣ 1773 года Польша, какъ отдѣльное королевство, еще существовала около четверти столѣтія; но это было жалкое существованіе, хотя однако много драматизма представляетъ оно. Потомъ, на картѣ Европы уже и не изображалось отдѣльно польское королевство.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

(*) ...Aby poddanni chłopy powszechnemu prawu, podobnie jak szlachta podlegali (Dzieje polskie, przez J. Lelewela).

* *
*

Завидно мнѣ смотрѣть на мудрецовъ,
Что знаютъ жизнь—такъ хорошо по книгамъ,
Всё разрѣшать они привыкли мигомъ:
Въ ихъ головахъ—на всё отвѣтъ готовъ.

—

То, что другихъ болѣзненно тревожитъ,
Презрѣнье въ нихъ рождаетъ, или смѣхъ;
Сомнѣнья червь у нихъ сердецъ не гложетъ,
Непогрѣшимъ мужей ученыхъ цѣхъ!

—

Но одного лишь я боюсь немножко,
Что если жизнь, какъ дерзкій ученикъ,
Вдругъ стащитъ съ нихъ всевѣденья парикъ,
И книжки ихъ всѣ вышвырнетъ въ окошко?

—

И родъ людской, сознавъ, что онъ идетъ
Окольною и вязкою дорогой,
На зло иной теоріи убогой
Вдругъ сдѣлаетъ нежданный поворотъ?

—

О что тогда?.. Но впрочемъ не придутъ
Ни отъ чего они, я думаю, въ смущенье...
И прежняго исполнены презрѣнья —
Весь родъ людской—глупцами назовутъ!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Декабрь 1861.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ УѢЗДНАГО ГОРОДА.

II.

Петръ Ѳомичъ.

Справляли похороны. Погребали старика, котораго уважали всѣ жители города, и хотя умершій не былъ богачемъ, однако стеченіе народа было значительное. Похоронная процессія приближалась къ открытому склепу, подлѣ котораго навалена была куча свѣже-разрытой земли. Приблизились... Съ засохшими на щекахъ слезами, съ онѣмѣвшимъ отъ горя сердцемъ, заглянулъ я въ склепъ. Тамъ уже стоялъ одинъ гробъ съ дорогими для меня останками; тамъ скоро поставятъ и другой, не меньше для меня драгоцѣнный... Я не слыхалъ ни надгробнаго пѣнія, ни плача; глядѣлъ въ склепъ — и, кажется, ничего не видѣлъ, ни о чемъ не думалъ.

Вдругъ въ толпѣ воцарилась тишина. Я опомнился. До меня стали доноситься дребезжавшіе звуки голоса, произносившаго надгробную рѣчь. Я всмотрѣлся, вслушался—и какъ самъ ораторъ, такъ и рѣчь его овладѣли всѣмъ моимъ вниманіемъ. На сердцѣ у меня стало легче; двѣ слезы упали съ моихъ рѣсницъ... Боже! и въ эти минуты,

и опуская въ могилу прахъ милыхъ сердцу, можно испытать отрадное мгновенiе!

Несмотря на витiеватость, рѣчь видимо пронимала слушателей. Ораторъ такъ хорошо произносилъ, съ такимъ добрымъ выраженiемъ заплаканныхъ глазъ, такъ трогательно изображалъ положенiе—не покойника и не близкихъ къ покойнику, а положенiе себя самого! Онъ также старикъ, притомъ сирота-старикъ, безъ рода и племени; только и близкаго у него было на землѣ, что вотъ этотъ старикъ, надъ трупомъ котораго онъ наклонялся. Съ этимъ трупомъ ораторъ, казалось, погребалъ все свое прошлое...

И откуда явился онъ на похороны? Точно воскресъ и пришелъ напомнить толпѣ, что не всѣ еще старики въ могилахъ; точно молилъ ее взглянуть на него, какъ на живой еще слѣдъ отжившаго поколѣнiя. Въ городѣ считали его въ спискѣ умершихъ; онъ нигдѣ не показывался, берегъ себя, какъ старинную вещь, въ закоулкѣ, никѣмъ не посѣщаемомъ, за десятками улицъ и переулковъ. А тутъ вдругъ предсталъ въ торжественности и съ публичною рѣчью... Всѣ, казалось, всѣ одинаково, съ полнымъ участiемъ внимали оратору.

Кончилось погребенiе. Толпа расходилась. Съ трудомъ отыскалъ я въ ней оратора-старика.

— Благодарю васъ, Петръ Ѳомичъ, благодарю...

Мы обнялись и горячо поцѣловались.

— Нельзя же—говорилъ мнѣ растроганный Петръ Ѳомичъ—нельзя же было не почтить покойника рѣчью! Вѣдь онъ всѣмъ намъ былъ совѣтодатель! Такого человѣка ужъ не будетъ!.. Какъ можно было не почтить его рѣчью? Нельзя... нельзя...

Успокоившись отъ тяжелыхъ впечатлѣнiй похоронъ, я хладнокровно сталъ припоминать ихъ обстановку. Какъ же это, думалъ я между прочимъ, какъ это Петръ Ѳомичъ могъ сказать такую трогательную рѣчь? Не онъ ли когда то сочинялъ намъ, дѣтямъ, вирши, въ которыхъ была бездна премудрости, поражавшей наши дѣтскiе умы, но нисколько не трогавшей нашихъ сердецъ? Бывало, наступаютъ рождественскiе праздники: къ кому тутъ обратиться за виршею, какъ не

къ Петру Ѳомичу? А вирша нужна, — иначе оскорбится отецъ и не получишь отъ него праздничнаго подарка. Къ тому же и Петръ Ѳомичъ нисколько не затруднялся надъ виршами: въ полчаса любую напишетъ! Начальное ихъ воззваніе почти всегда бывало намъ понятно: «Торжествуй, родитель нашъ священный!..» или что нибудь въ этомъ родѣ. Но дальше слѣдовало десятка два стиховъ, въ которыхъ встрѣчалось столько непонятныхъ выраженій, столько необыкновенныхъ оборотовъ рѣчи, что не только мы, дѣти, не разумѣли ихъ премудрости, но не разумѣлъ ея и нашъ отецъ. И въ какой просакъ мы попадали! Бывало, едва выровняешься передъ суровымъ отцемъ, едва войдешь въ голосъ на первыхъ стихахъ вирши, какъ тутъ нежданно послѣдуетъ остановка: «Стой, стой! Повтори-ка, что ты сказалъ, да растолкуй мнѣ это какъ слѣдуетъ, хорошенько...» Однако толкованій никогда не слыхалъ отъ насъ отецъ, да едва ли они были и возможны! Поникнувъ головами, мы молча уходили на дѣтскую половину дома, не успѣвъ даже произнести заключительное воззваніе вирши къ родителю: «И намъ, дѣтямъ, праздникъ велій сотвори!»

Припоминалъ я также Петра Ѳомича, какъ онъ, бывало, сидитъ въ школѣ и преподаетъ намъ россійскую грамматику. Между школьниками хохотъ, драка; смѣльчаки перебѣгаютъ на четверенькахъ съ мѣста на мѣсто, отъ скамьи къ доскѣ; нѣкоторые подползаютъ подъ самый учительскій столъ. Петръ Ѳомичъ все неподвижно сидитъ на стулѣ, положивъ голову и руки на классный журналъ и, казалось, ничего этого не видитъ и не слышитъ. Вдругъ, по мановенію какого нибудь затѣйника, въ комнатѣ наступаетъ мертвая тишина. Петръ Ѳомичъ подниметъ голову, смотритъ на насъ такъ грустно, такъ жалобно, что изъ состраданія къ нему снова начинается неистовый шумъ, и снова голова учителя опускается на прежнее мѣсто. Такъ пріятно было Петру Ѳомичу о чемъ то мечтать подъ классную кутерьму и такъ жаль было разставаться съ нею! Мы сперва думали, что въ это время онъ спитъ; но разнообразные опыты убѣдили насъ въ противномъ: испытатели поплатились за это даже частію своихъ волосъ... Но иногда въ этомъ классномъ шумѣ раздавалась ужъ черезчуръ звонкая затрещина и отвѣчалъ на нее тотчасъ же неистово звонкій крикъ: тогда только Петръ Ѳомичъ вставалъ съ своего мѣста, начиналъ медленно ходить изъ угла въ уголъ и давалъ намъ наставленія. Мы ровно ничего не понимали изъ этихъ наставленій, хотя говорилъ онъ долго, безъ запинки, до самаго звонка...

*

Мы любили Петра Ѳомича. Насъ привлекало къ себѣ его грустное лицо, намъ нравились его курчавые черные волосы, придававшие много красы его блѣднымъ щекамъ; мы не боялись его робкаго, постоянно увлаженнаго взгляда. Разъ онъ явился въ классъ въ слезахъ и цѣлый часъ проплакалъ. Въ то время — какъ мы узнали, — умерла у него жена. При видѣ его печали мы притихли. Но онъ махнулъ намъ обѣими руками и съ умоляющимъ взглядомъ произнесъ: «Шумите, Бога ради, шумите!» Мы невольно повиновались и, какъ бы угадавъ потребности его болѣвшаго сердца, весело и беззаботно разшумѣлись. А онъ глядѣлъ на насъ, молчалъ и плакалъ... Съ этого времени мы замѣтили особенную мягкость въ обращеніи Петра Ѳомича съ нами; онъ рѣшительно пересталъ насъ наказывать, часто подходилъ къ мальчикамъ и гладилъ ихъ по головкамъ, разъ даже поцѣловалъ ученика, который отвѣтилъ ему урокъ безъ ошибокъ: — небывалый примѣръ нѣжности въ нашей школѣ!

Все же, однако, думалъ я, не могу представить себѣ Петра Ѳомича, какъ нашего школьнаго оратора. Такимъ ораторомъ являлся у насъ штатный смотритель, и только онъ одинъ. Его рѣчи заучивались даже нами и произносились на торжественныхъ актахъ къ «почтеннѣйшимъ посѣтителямъ». Правда, произносить рѣчь съ приличною мимикою, съ поворотами направо и налѣво, съ указаніями на извѣстные предметы, училъ насъ Петръ Ѳомичъ, но училъ такъ безтолково, что мы его и здѣсь не понимали. Бывало, дня за два до акта, намъ объявляли походъ въ поле, въ лѣса, въ сады, за цвѣтами. Подъ предводительствомъ болѣе взрослаго мальчика, партіи школьниковъ врывались въ городскіе сады и огороды, безжалостно опустошая флору, перелѣзали плетни, заборы, съ шумомъ и крикомъ разсыпались по полю... Это былъ для насъ самый веселый праздникъ. Сколько бывало приключеній всякаго рода! Сколько рѣзвости являлось въ нашей безтолковой бѣготнѣ къ какому нибудь цвѣтку, который замѣтно красовался гдѣ нибудь вдали, поверхъ зеленой травы! Ловкій мальчикъ всегда срывалъ такой цвѣтокъ, не подпустивъ къ нему толпу шаговъ за двадцать. У этихъ ловкихъ, у этихъ счастливчиковъ, пестрѣли огромные букеты въ рукахъ, въ то время какъ у другихъ не было еще ни одного цвѣтка. Но къ вечеру кое-чѣмъ наполнялись руки каждаго, а иные тащили на себѣ цѣлыя вязанки травы. Воротиться въ школу съ пустыми руками было бы стыдно: самъ штатный смотритель встрѣчалъ насъ и мѣрялъ своимъ взглядомъ дневные труды

каждаго,—однихъ хвалилъ, другимъ давалъ нагоняй, надъ третьими подсмѣивался. Все принесенное нами сваливалось въ кучу. На слѣдующее утро начиналась новая работа: плели гирлянды и вѣнки, увѣшивали ими стѣны, двери и окна комнатъ, гдѣ должно было происходить училищное торжество, усыпали полы травою. Затѣмъ являлись дѣвочки, также вмѣстѣ съ нами учившіяся въ школѣ; онѣ приносили букеты розъ, бѣлыхъ лилій; ихъ цвѣты оказывались всегда лучше нашихъ и ставились въ стаканы съ водою на столахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Въ комнатахъ, такимъ образомъ убранныхъ, тотчасъ перемѣнялось освѣщеніе; мы не узнавали своего обыкновенно грязнаго жилища; всюду распространялось благоуханіе цвѣтовъ, всюду вѣяло свѣжестью недавно сорванной зелени...

Тутъ то выступалъ на сцену Петръ Ѳомичъ, а съ нимъ и ученики, назначенные къ произнесенію рѣчей. Въ виду разставленныхъ стульевъ, передъ цвѣтами и зеленью, производилась по нѣсколько разъ репетиція. Петръ Ѳомичъ обыкновенно суетился, бывалъ не въ духѣ, даже сердился, причемъ дѣлалъ намъ длинныя наставленія, которыхъ мы все-таки не понимали.

Помню, какъ на одномъ изъ подобныхъ торжествъ Петръ Ѳомичъ выручилъ меня изъ бѣды и тѣмъ поддержалъ честь нашего заведенія. Я назначенъ былъ къ произнесенію торжественной рѣчи. Едва усѣлись гости, какъ я, мальчикъ лѣтъ восьми, уже стоялъ посреди комнаты и громко произносилъ: «Почтеннѣйшіе посѣтители! Дерзаю помыслить о благодарности за столь лестное для насъ вниманіе ваше къ нашему скромному торжеству»... На послѣднихъ словахъ мой голосъ задрожалъ, я почувствовалъ припадокъ необыкновенной робости, растерялся—и крупныя слезы не дали мнѣ сказать больше ни слова. Тогда Петръ Ѳомичъ потянулъ меня за руку назадъ, а самъ сталъ на мое мѣсто. Снова изъ устъ его послышалось: «Почтеннѣйшіе посѣтители!».. и вслѣдъ затѣмъ произнеслась вся рѣчь, надъ которою я такъ жалобно оборвался. Мнѣ говорили, что онъ растрогалъ слушателей и произвелъ полный эффектъ; но за стыдомъ и слезами я не могъ его слышать. Вотъ единственный случай, гдѣ бы могъ я видѣть его, какъ публичнаго оратора; но случай этотъ отъ меня ускользнулъ, и неудивительно, что я считалъ Петра Ѳомича все-таки неспособнымъ ораторствовать съ успѣхомъ.

У меня явилось желаніе снова сблизиться съ Петромъ Ѳомичемъ и послѣ десятковъ лѣтъ провѣрить на немъ впечатлѣнія своего дѣтства. Въ это время онъ жилъ уже на покоѣ, на полной пенсіи. Жилище его находилось въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ города. Это была комнатка, довольно грязная, съ огромною печью; вдоль стѣнъ стояло съ полдюжины поломанныхъ стульевъ; на стѣнахъ висѣли за стекломъ гравюры «историческаго содержанія», на которыхъ можно было видѣть только безчисленные слѣды мухъ; столики по угламъ покрыты были грязными скатертями; надъ кроватью хозяина висѣло что-то похожее на этажерку; тамъ помѣщались и книги въ кожаныхъ переплетахъ, и стаканы, и чайникъ, и бутылки, штофики, и все движимое имущество Петра Ѳомича. Самъ онъ, при тускломъ освѣщеніи маленькихъ оконъ, нечесаный, небритый, въ длиннополомъ, запачканномъ сюртукѣ, казался самою необходимою принадлежностью своего грязнаго жилья. Въ разговоръ вступалъ онъ неохотно, больше молчалъ и, сидя на стулѣ, протянувъ ноги и положивъ на нихъ руки, серьезно производилъ обороты большихъ пальцевъ одинъ около другаго. Глаза его, постоянно устремленные въ одинъ изъ угловъ комнаты, переполнены были влагою, готовою излиться слезами; нѣкогда черные, курчавые его волосы покрылись сѣдиною, а еще больше перьями и пухомъ; лицо его приняло цвѣтъ изжелта-смуглый и было такъ неподвижно, что ни одинъ мускулъ не шевелилъ его разъ навсегда установившагося выраженія. Трудно опредѣлить это выраженіе. Оно не было отпечаткомъ сильной печали, какую видишь порою на лицахъ людей, безмолвно глядящихъ на трупъ брата, друга, матери; оно не было выраженіемъ внутренняго томленія, какое встрѣчаешь на лицѣ человѣка, который взвѣшиваетъ всю тяжесть испытываемаго имъ горя; оно не было и взглядомъ бѣдняка, при видѣ пожара, охватившаго со всѣхъ сторонъ его единственное имущество... Нѣтъ, въ немъ не замѣчалось ни печали, ни тяжелаго раздумья, ни безнадежья. Казалось, все это соединилось вмѣстѣ и приняло образъ того излишняго смиренія, которое такъ непріятно поражаетъ собою наблюдателя, которое, какъ говорится, паче гордости. Но это смиреніе въ Петрѣ Ѳомичѣ являлось нисколько не натянутымъ; оно было просто, неподдѣльно.

Какъ-то рѣчь зашла у насъ о школѣ, о прежнемъ учительствѣ Петра Ѳомича. Онъ нѣсколько оживился, заговорилъ, и тутъ въ первый разъ я примѣтилъ въ немъ наклонность поораторствовать.

— Ученое поприще, говоритъ онъ — самое благородное поприще. Умолчу о томъ, что оно собою опредѣляетъ уже человѣка, который на немъ шествуетъ; укажу только на то, какъ на немъ сердце услаждается. Слава Богу, я прослужилъ учителемъ двадцать пять лѣтъ, и могу откровенно сказать, что меня никто не бранитъ. Правда, будучи на службѣ, иного мальчика я оставлялъ и безъ обѣда, билъ палями по рукамъ и даже отсылалъ въ сторожку (*); но все это за дѣло, и глядишь—мальчикъ этотъ теперь уже асессоръ или совѣтникъ и, встрѣтившись со мной, ласково кланяется, прежде чѣмъ я успѣю снять свой картузъ. Вотъ что, говорю, услаждаетъ сердце человѣка на ученомъ поприщѣ! Этого не почувствуешь въ другой службѣ: судью нашего бранятъ, городничаго тоже, а лекаря—такъ и Богъ съ нимъ! Я и самъ виню его въ смерти моей покойницы Глаши...

При этомъ влага, наполнявшая глаза Петра Ѳомича, покатилась по щекамъ его двумя слезами.

— Опять и то скажу, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія: никто не укоритъ меня пристрастіемъ или лихоимствомъ. Признаюсь откровенно, что, поступая на службу, я прельщался такими пороками, видя, какъ моему батюшкѣ, передавшему мнѣ и свое мѣсто, приносятъ-бывало къ празднику гуся, колбасу, булку или вязку бубликовъ; признаюсь откровенно, что это и побуждало меня, еще мальчика, стремиться на ученое поприще. Но, вступивши на него, я увидѣлъ ясно, что гуси, колбасы и бублики моего батюшки были не взятками, а только знаками почтенія родителей тѣхъ дѣтей, коимъ онъ преподавалъ россійскую грамматику. Я самъ впослѣдствіи получалъ ихъ и говорю отъ чистаго сердца, что это не взятки. На ученомъ поприщѣ нѣтъ взятокъ... по крайней мѣрѣ при нашемъ училищѣ; тамъ гдѣ нибудь повыше, быть можетъ онѣ и водятся; но у насъ—умываю руки, не случаются! И это не мало услаждаетъ сердце: все вокругъ тебя—и домъ, и мебель, и прислуга—нажито праведно; не укоритъ тебя совѣсть, не проклянутъ люди...

При этихъ словахъ Петра Ѳомича я невольно снова оглянулъ всю обстановку его жизни.

— Правда, перебилъ онъ меня, какъ бы угадывая мою мысль,

(*) Мѣсто, гдѣ сѣкли розгами и гдѣ жилъ училищный служитель, сторожъ.

правда, меня не окружаетъ никакая благопріобрѣтенная собственность; теперь, какъ и за всю мою 25-ти лѣтнюю службу, я нанимаю комнатку съ хозяйскимъ отопленіемъ, съ хозяйскою мебелью; не считаю за приличное обременять себя и содержаніемъ прислуги, которой нечего у меня и дѣлать... А все же не мало сердцу наслажденія отъ помышленій, что я не присвоилъ себѣ ничего незаконно, ничего чужаго. Такъ угодно было Богу, который нищетою освободилъ меня отъ искушеній міра сего, паче же отъ гордости, самолюбія и сластолюбія, сопряженныхъ съ большими имуществами...

Въ этомъ старикѣ, думалъ я, слушая подобныя разсужденія, въ этомъ, какъ говорятъ, сосудѣ опытности—и столько наивно-дѣтскаго!

— Но и ученое поприще, замѣтилъ Петръ Ѳомичъ, и оно, какъ и всякое другое, имѣетъ свои подводные камни. Наѣхать на нихъ— да убережетъ Господь! Да не попуститъ онъ дьяволу разставлять сѣти соблазна и заманивать на какую либо прихоть! Это по истинѣ тотъ путь, на которомъ, какъ сказано въ грамматикѣ Востокова въ примѣръ на знакъ мыслеотдѣлительный: «одинъ шагъ — и ты пропалъ», т. е. одинъ шагъ сдѣлай и ты пропалъ.

Однако я не могъ понять, какого рода этотъ подводный камень, а потому допытывался у Петра Ѳомича.

— Сей камень—сѣти діавола, отвѣчалъ онъ лаконически.

Я опять-таки не понималъ.

— Прихоть, прихоть! прибавилъ онъ въ поясненіе.

Но и отъ этого поясненія мысль Петра Ѳомича не сдѣлалась для меня ясною.

Я сталъ часто навѣщать Петра Ѳомича. Мнѣ казалось, что онъ меня любитъ, и что я его развлекаю. Онъ сталъ заговаривать со мною даже языкомъ жизни. Безъ этого жъ онъ выражался такъ книжно, уснащалъ свою рѣчь такими страшными цитатами, округлялъ ее въ такіе непомѣрно-длинные періоды, что, слушая его, я думалъ: такъ, вѣроятно, Петръ Ѳомичъ говорилъ и въ нашей школѣ, бесѣдуя съ дѣтьми; оттого они и неразумѣли его наставленій. Бѣдные! не слѣдовало такъ говорить съ ними. Странно, въ самомъ дѣлѣ: въ литературѣ

въ то время дѣйствовалъ уже Пушкинъ, а въ школѣ нашей господствовалъ еще языкъ Ломоносова. У меня сохранилось нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ то время въ нашемъ училищѣ; всѣ онѣ такъ далеки отъ современныхъ имъ интересовъ науки и литературы и написаны такимъ страннымъ языкомъ, что по всему ихъ слѣдуетъ отнести ко временамъ до-екатерининскимъ.

Мнѣ извѣстно было, что Петръ Ѳомичъ пьетъ горькую; но мнѣ казалось, что онъ пьетъ ее лишь оттого, что нѣтъ у него никакихъ развлеченій. Отдѣлившись отъ общества, онъ жилъ только своимъ прошлымъ, ничего не вѣдалъ и не хотѣлъ вѣдать, что дѣется на Божьемъ свѣтѣ. Эта отдѣльность отъ общества, а главнымъ образомъ —горькая, казалось мнѣ, и ведутъ его на тотъ подводный камень, на тотъ опасный путь, пагубность котораго онъ подкрѣплялъ примѣромъ изъ грамматики Востокова.

Я намекнулъ объ этомъ Петру Ѳомичу.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите этого! отвѣтилъ онъ съ убѣжденіемъ. Горькая—это лекарство. Она отвлекаетъ меня отъ грѣшнаго унынія и поддерживаетъ мою жизнь, которую христіанскій законъ повелѣваетъ всячески беречь на пользу нашихъ ближнихъ. Много цѣлебныхъ травъ разсыпано благодѣтельною природою на пространствѣ земнаго шара единственно для этой цѣли, и разумъ человѣческій обязанъ испытать ихъ свойства на врачевіе своего тлѣннаго жилища. Между этими травами занимаетъ непослѣднее мѣсто горьчайшая, но полезнѣйшая трава—полынь. На врачебныя свойства ея изволилъ мнѣ лично указать нашъ многоуважаемый (царство ему небесное!) Иванъ Ивановичъ, и прибавивъ къ тому, что самъ онъ сорокъ лѣтъ испытываетъ на себѣ ея силу и вѣритъ въ нее какъ въ свои пять пальцевъ. И поистинѣ, цѣлебная трава! Какъ только начнутъ, бывало, давить меня тяжкія воспоминанія о моихъ горькихъ утратахъ и обо всѣхъ грѣхахъ моей протекшей жизни, и отъ того давленія начнетъ трясти меня какъ въ лихорадкѣ, я сталъ неуклонно прибѣгать къ цѣлительному напитку—и согрѣвался! Даже въ сырые и студеные дни, выходя на улицу подъ прикрытіемъ единственно форменной одежды, я ощущалъ въ себѣ пріятную теплоту, весело шелъ исполнять обязанности своей службы и напѣвалъ прекрасный примѣръ изъ грамматики Востокова:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже!

— Но не слѣдуетъ слишкомъ ужъ пріучать себя къ помощи лекарствъ, замѣтилъ я Петру Ѳомичу.

— О, да, да! Не должно, поистинѣ не должно нѣжить свое тѣло, угождая ему во всемъ и тѣмъ созидая себѣ прихоть... Да сохранитъ отъ этого Господь! Прихоть, единственно прихоть повлекла меня на нечистый путь, отуманила передо мной поприще моей службы и навела меня на тотъ подводный камень, о который разбилось зданіе моихъ трудовъ и лѣтъ.

— Но еще не поздно своротить съ этого пути, продолжалъ я убѣждать Петра Ѳомича: сила воли.. общество.. развлеченіе...

— И не говорите!.. Нѣтъ, нѣтъ! Я уже старъ, близокъ къ смертной болѣзни, и грѣхи всей моей жизни грозятъ мнѣ вѣчнымъ осужденіемъ. Нѣтъ мнѣ утѣшеній и въ благородствѣ того служебнаго поприща, на которомъ я нечестиво шатался. Правда, меня не бранятъ люди, а бывшіе мои ученики всегда привѣтствуютъ меня поклономъ, прежде даже чѣмъ я успѣю снять свой картузъ; правда, меня не упрекнутъ лихоимствомъ... Но сердце мое трепещетъ и совѣсть моя прячется отъ ока праведнаго судіи... Прихоть меня погубила!..

И Петръ Ѳомичъ залился слезами.

Растроганный, онъ тутъ же сообщилъ мнѣ главную повѣсть своей жизни, и тогда только понялъ я, что онъ разумѣлъ подъ словомъ—прихоть. Горько, горько сказалась мнѣ его оригинальная исповѣдь!

— «Еще при жизни моего батюшки, говорилъ Петръ Ѳомичъ, довелось мнѣ быть учителемъ въ домѣ добрѣйшаго и всѣми уважаемаго помѣщика нашего уѣзда, нынѣ по волѣ Божіей покойника, Онуфрія Ѳедосѣевича, соблаговолившаго почтить меня сею священною обязанностію. Благословеніе Господне ниспослано было на этотъ домъ: богатство, обиліе во всемъ, любовь, смиренномудріе витали вокругъ Онуфрія Ѳедосѣевича—и я, недостойный, питался отъ этихъ сокровищъ! Тамъ я вкушалъ много сладкихъ блюдъ, узналъ, какъ живутъ богатые, видѣлъ ихъ радости и горести. Позабылъ я, обуянный гордостію, отцовскія щи и кашу, члены свои покоилъ на хитроустроен-

ныхъ диванахъ и креслахъ, голову свою склонялъ на мягкія изголовья, былъ какъ дома въ семьѣ людей богатыхъ и вельможныхъ—и наказалъ меня Господь! Позабылъ я приличный нашей братіи нищенскій уголокъ...

«Тамъ я встрѣтилъ и существо, съ которымъ тѣснѣйшими узами сопряглась послѣдующая моя жизнь. То была несравненная моя Глаша. О, еслибы видѣли вы этотъ цвѣтокъ невинности и красоты! Языкъ мой нѣмѣетъ... Боже, прости грѣшнаго раба твоего!

«Въ ту пору скончался мой батюшка, и я поспѣшилъ занять его мѣсто. Добрѣйшій Онуфрій Ѳедосѣевичъ неуклонно содѣйствовалъ мнѣ въ этомъ, хотя мнѣ и прискорбно было разлучаться съ его домомъ, а наиболѣе всего—разлучиться съ Глашей. Она была бѣдная сиротка, приголубленная подъ радушнымъ крыломъ Онуфрія Ѳедосѣевича. Что будетъ съ нею, съ этою невинною птичкою, когда (Боже избави!) скончается ея благодѣтель? Заклюютъ ее злые люди, какъ коршуны, погубятъ мою Глашиньку!.. Такъ думалъ я, такъ изволилъ думать и самъ Онуфрій Ѳедосѣевичъ, а однажды, совсѣмъ для меня нежданно, промолвилъ онъ ко мнѣ отеческое свое слово: «женись!»

«Тридцать лѣтъ прошло уже съ того незабвеннаго времени, и я, старикъ, помню его какъ вчерашній день. Помню свою невыразимую радость при одной мысли, что Глаша будетъ моею, что судьба ея соединится съ моею судьбою самыми тѣсными узами; помню, какъ мы съ нею обнялись, поцѣловались... О, забудьте на этотъ разъ во мнѣ старика, и вообразите, что это говоритъ окаянный грѣшникъ, припомнившій какъ Адамъ райскую свою страну и забывшій, что рай его исчезъ, что остается лишь въ потѣ лица обрабатывать ту нечистую землю, изъ коей онъ созданъ. Поистинѣ, въ то время я чувствовалъ себя въ раю, которой низпосланъ былъ мнѣ въ сей жизни одинъ разъ и навсегда, для того чтобы я прилежнѣе готовилъ себя для вѣчной блаженной жизни. Но я не уразумѣлъ сей небесной ко мнѣ милости, погнался за суетою и, потерявши свой рай, потерялъ вѣру въ грядущее, унывалъ, отчаявался... Годы бѣжали—и благоуханная моя молодость отцвѣтала, принесши, вмѣсто плодовъ, волчецъ и терніе.

«Я вступилъ въ законный бракъ и, вмѣстѣ съ Глашей, переѣхалъ изъ деревни Онуфрія Ѳедосѣевича въ городъ на службу. Все вокругъ меня измѣнилось. Богатыя палаты замѣнились избушкой, сладкія блюды—кислыми и горькими, мягкія изголовья—жесткими.

Добрѣйшій Онуфрій Ѳедосѣевичъ меня и Глашу изволилъ отечески благословить на новое житье иконой, хлѣбомъ и солью, но не благоволилъ наградить никакимъ имуществомъ, обѣщаясь воздать намъ въ дальнѣйшемъ, насколько мы достойны будемъ новыхъ его милостей. Къ этому онъ изволилъ еще прибавить наставленіе, что молодые люди обязаны трудиться всѣми своими силами, не щадя ихъ на составленіе своего счастія. Я повиновался. Силы мои не знали зловредной праздности; но духъ мой погнался за суетою—и гнѣвъ Божій постигъ меня.

«Не для себя собственно пошелъ я симъ нечистымъ путемъ, не для себя прилѣпился мыслями къ сокровищамъ міра сего: все для нея, для моей ненаглядной и отъ бѣдности чахнувшей Глашиньки... День и ночь сталъ я помышлять о томъ, какъ бы успокоить ея тѣло, какъ бы склониться ей головкою на изголовье лебяжьяго пуха, понѣжить члены на хитроустроенныхъ диванахъ и креслахъ, подсластить жизнь горькой нищеты яствами сахарными. Но силъ моихъ мало было на пріобрѣтеніе сихъ сокровищъ. А Глашинька чахла.

«Два года прошло, а я лишь думалъ да думалъ. Наконецъ успѣлъ я собрать своими трудами достаточное количество денегъ, такъ что заказалъ столяру дорогое кресло, точь въ точь такое, какое было у добрѣйшаго Онуфрія Ѳедосѣевича и на какомъ бывало отдыхала Глашинька, читая мнѣ вслухъ занимательную книжку. Для этого, взявши съ собою столяра, поѣхалъ я къ Онуфрію Ѳедосѣевичу. Онъ принялъ меня (да наградитъ его Господь въ томъ мірѣ!) радушно и какъ равнаго себѣ человѣка. Когда же я объявилъ ему цѣль своего пріѣзда и попросилъ снять образецъ съ кресла для Глашиньки, онъ отечески изволилъ замѣтить мнѣ, что я затѣваю, по молодости своей, нѣчто глупое, неподходящее къ моимъ средствамъ жизни. Онуфрій Ѳедосѣевичъ былъ совершенно правъ, но я не послушался его благосклоннаго наставленія. Это была величайшая ошибка въ моей жизни. На нее поистинѣ навела меня прихоть, одна прихоть, растеніе того поля, на которомъ — какъ справедливо сказано — «одинъ шагъ — и ты пропалъ», т. е. одинъ шагъ сдѣлай и ты пропалъ!

«Послѣ этого несчастнаго случая я уже болѣе не удостоился видѣть Онуфрія Ѳедосѣевича; но полагаю, что онъ справедливо могъ на меня гнѣваться. Я ослушался, я не согласился съ нимъ въ мысляхъ насчетъ кресла. Умирая, онъ въ завѣщаніи своемъ не изволилъ упо-

мянуть ни меня, ни Глаши, и тѣмъ ясно показалъ, что мы не достойны были его дальнѣйшихъ милостей. Поучитесь изъ этого примѣра, сколь много можно потерять единственно оттого, что дерзнешь неодинаково помыслить съ своимъ благодѣтелемъ, и чрезъ то сколь легко стать къ нему даже въ положеніе человѣка неблагодарнаго!

«Между тѣмъ Глашинька носила уже во чревѣ своемъ и время родовъ приблизилось. Непредвидѣнные расходы по случаю болѣзни ея не позволили мнѣ выкупить заказанное и уже готовое кресло. Не суждено мнѣ было на немъ покоить Глашиньку. Она чахла съ каждымъ днемъ больше и больше, часто изволила гнѣваться на мои ласки, иногда прогоняла меня отъ себя... требовала, чтобъ я величалъ ее Глафирой Ивановной... Такъ она и упокоилась вѣчнымъ сномъ... Почила Глафирой Ивановной... Но у меня, старика, въ сердцѣ жила и живетъ все прежняя Глашенька!»

— Да вашъ добрѣйшій Онуфрій Ѳедосѣевичъ былъ подлецъ! невольно воскликнулъ я, видя, что Петръ Ѳомичъ, окончивъ свой разсказъ, принялся оплакивать свое горькое одиночество.

— И ни, ни! Какъ можно! сказалъ онъ, схватившись со стула. Боже васъ сохрани такъ думать!..

И я увидѣлъ, что мое замѣчаніе непритворно оскорбило Петра Ѳомича.

Не разъ еще довелось мнѣ выслушивать подобныя же признанія Петра Ѳомича. Ясно, что онъ находился въ положеніи кающагося; онъ изрекъ надъ собой осужденіе во всемъ и въ этомъ, быть можетъ, полагалъ свое спасеніе. Странными звуками отдавались въ ушахъ моихъ его рѣчи, полныя дѣтской наивности, то важной, то готовой излиться въ сарказмъ. Я ждалъ, что истина начинаетъ открываться передъ нимъ; но вдругъ сарказмъ, оказавшійся какъ бы случайно, велъ его къ новому наивному самоосужденію. Порою я думалъ: не притворство ли это? Но нѣтъ—вся фигура говорившаго Петра Ѳомича дышала полною искренностью. Такъ запугала его бѣдная жизнь! Такъ извратила въ немъ естественный поворотъ мысли!

Не знаю, живъ ли еще Петръ Ѳомичъ? Во всякомъ случаѣ добромъ помяну его имя. Много наставниковъ и много наставленій слышитъ каждый, пока проходитъ долгую школу своей жизни. Какое дѣло намъ до правоты ихъ мнѣній: не за нихъ мы должны произно—

сить свое осужденіе. О, еслибъ нельзя было прятаться за блестящую связку словъ! Еслибы можно всюду и всегда слышать слово, звучащее прямо отъ сердца! До какой бы мелочности опустились въ глазахъ нашихъ безчисленные идолы нашего міра! Какой высокой мѣрки потребовалось бы для опредѣленія истинныхъ достоинствъ человѣка! А теперь, а безъ этого, и какой нибудь Петръ Ѳомичъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду нашихъ наставниковъ...

Н. В—ВЪ.

1861 года.
Декабрь.

Ночь Гелиогавала.

Импровизація.

Когда отъ шумныхъ сатурналій
Всесильный цесарь отдыхалъ,
И золотыхъ его сандалій
Губами льстецъ не отиралъ;
Когда въ порфировомъ чертогѣ
Переставалъ куриться нардъ,
И, чуткій сторожъ, леопардъ
Дремалъ на яшмовомъ порогѣ, —
Какія думы, что за сны
Въ душѣ тирана возникали
Среди полночной тишины,
На ложѣ пурпурномъ? Всегда-ли
Надменный разумъ ослѣпляли
Красы вакханокъ молодыхъ
И раболѣпіе столицы,
Гдѣ полубогу въ колесницы
Впрягали Римлянокъ нагихъ,
И ликъ его несли въ божницы...

Нѣтъ, не побѣды въ честь боговъ,
Не ласки тайныя весталокъ,
Ни дождь нарцисовъ и фіалокъ,
И всѣ неистовства пировъ,
Содомской оргіи остатокъ...
Ни блюда изъ верблюжьихъ пятокъ
И соловьиныхъ языковъ...

Иныя, смутныя видѣнья
Въ ночи у деспота гостятъ,
И тяжелы минуты бдѣнья
Подъ сводомъ мраморныхъ палатъ.
Тамъ голубая полночь Рима
Темницей душною стоитъ,
Фонтановъ лепетъ нестерпимо
Какой-то жалобой томитъ...
Тамъ стоны слышатся съ арены,
Гдѣ львы, и тигры, и гіены
Терзаютъ блѣдныхъ христіанъ,
Гдѣ крови цѣлый океанъ
Въ угоду буйной черни пролитъ;
И жертвы черныхъ дѣлъ и смутъ
Глазамъ безсоннымъ предстаютъ...
Напрасно бога гроздій молитъ
Онъ о забвеніи:—вино
Въ амфорахъ въ кровь превращено...
И блескъ свѣтильника ночнаго
На орнаментѣ золотомъ,
Тирану кажется мечомъ
Преторіанца подкупнаго...
И призраковъ не заслонитъ
Ни золотой минервинъ щитъ,
Ни пурпуръ цесарской хламиды.
Изнеможенный утра ждетъ...
И утро грозное идетъ —
Съ бичомъ правдивой Немезиды.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

(Воспоминанія старой институтки).

Провинціальная жизнь какъ-то особенно располагаетъ къ воспоминаніямъ о быломъ. Тѣмъ охотнѣе обращаешься къ прошлому, чѣмъ меньше интересуетъ настоящее; пережитыя впечатлѣнія, какъ бы тяжелы ни были, имѣютъ свою прелесть, свое увлеченіе. Все ѣдкое въ нихъ уноситъ время, и въ памяти остаются однѣ свѣтлыя черты, незамѣтныя прежде, но теперь выясняющіяся по мѣрѣ того, какъ отрезвляетъ дѣйствительность и мысль объ утраченной молодости и ея бодрыхъ силахъ теряетъ свою прежнюю горечь... Поселившись въ деревнѣ, среди глухаго и полумертваго міра, не имѣя кругомъ себя ни общества, ни книгъ, ни друзей, ни предметовъ для размышленія и симпатіи, я стала перечитывать свои записки. Въ нихъ сохранилось многое изъ исторіи моей жизни, сохранилось въ томъ свѣжемъ и правдивомъ видѣ, какъ я заносила въ нихъ событія и думы. Все, что волновало меня въ извѣстныя минуты, я записывала подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и старалась передать его, какъ можно проще и искреннѣе. Воспоминаніе о моемъ дѣтствѣ особенно затронуло мое вниманіе, и я

рѣшилась передать его публикѣ, какъ фактъ, не лишенный нѣкотораго интереса.

Давно я оставила школьную скамейку, но доселѣ живо рисуются передо мной и дѣла, и лица того заведенія, гдѣ я провела лучшіе юношескіе годы, а прошли эти годы очень быстро, но зато и безплодно. День выпуска былъ для меня какъ и для другихъ, днемъ вожделѣннымъ; впереди предвидѣлась жизнь, а за порогомъ школы оставались однѣ привидѣнія и темные образы келейнаго воспитанія... Въ наше время придавали ему такое же значеніе, какое садовники придаютъ уходу за огородными овощами. Въ немъ было все чинно, съ виду правильно и симметрично, а какъ всмотришься поглубже,—неурядица вопіющая. Отъ преподаванія мы ничего не ждали, да и трудно было чего нибудь ожидать; многіе изъ учителей являлись на лекціи единственно для нашего развлеченія, засыпая, на каѳедрахъ или повторяя то, что̀ за десять лѣтъ было говорено ими. Случалось нерѣдко, что вся лекція проходила въ разговорѣ о томъ, кто что̀ видѣлъ, слышалъ, разсказывались городскія сплетни, анекдоты, и надо признаться, что это были самыя интересныя лекціи. Послѣ классовъ начиналось заучиваніе уроковъ *въ долбяжку*, такъ что на другое утро мы чувствовали себя нагруженными разными свѣдѣніями, но къ вечеру все это исчезало, и голова, какъ пустое лукошко, снова готова была принимать въ себя все, что̀ въ нее ни положатъ.

Начальница наша, которую мы называли *Maman*, была старушка добрая, но дотого равнодушная ко всему, что̀ дѣлалось вокругъ нея, что она управляла нами, какъ провидѣніе, издали, съ другой планеты. Мы едва знали, едва видѣли ее,—развѣ въ большой праздникъ для поздравленія, въ пріѣздъ значительнаго лица, да еще во время расправы съ *черезъ-чуръ* провинившейся воспитанницей. Поэтому Maman была для насъ чѣмъ-то въ родѣ *буки*, которою пугаютъ маленькихъ дѣтей; между нами и ею не было ни малѣйшей внутренней симпатіи, ни одной точки для взаимнаго сближенія или пониманія... Что же касается наставницъ, то положеніе ихъ было не столько комическое, сколько жалкое. Большая часть изъ нихъ были старыя дѣвы, не безъ зависти смотрѣвшія на молодыя распускающіяся силы; нѣкоторыя изъ нихъ находили особенное удовольствіе—гнести и уничтожать болѣе здоровые юношескіе инстинкты. Вообще же, принимая обязанность изъ-за насущнаго куска хлѣба, не испытавшія ни ма-

терпскихъ чувствъ, ни семейныхъ наслажденій, онѣ постепенно тупѣли, и эту тупость и рутину проводили во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. Все рѣзкое и живое казалось имъ ненормальнымъ; всякое свободное проявленіе личности, выходившее изъ казенныхъ рамокъ, ихъ тревожило и возмущало. Онѣ невольно и также естественно давили другихъ, какъ жизнь придавила ихъ самихъ. Въ нашихъ отношеніяхъ къ нимъ не было ничего теплаго и задушевнаго; формальность проглядывала вездѣ... Были даже и такія наставницы, которыя, предусматривая за стѣнами заведенія богатую обстановку воспитанницы, старались купить расположеніе ея цѣной униженія и лести; подъ благовидными предлогами брались и взятки, смягчавшія строгую дисциплину въ отношеніи къ богатымъ дѣвушкамъ...

Но чтобы избѣжать въ этомъ письмѣ общихъ мѣстъ, давно избитыхъ возгласовъ противъ различныхъ неудобствъ закрытаго заведенія, противъ сырыхъ и мрачныхъ комнатъ, противъ пустоты скучнаго ученья, я прямо перейду къ живому типу, сохранившемуся въ моей памяти.

Мы были на переходѣ въ высшій классъ, когда привезли къ намъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Это была одна изъ тѣхъ больныхъ и нервныхъ натуръ, къ которымъ, съ первой минуты, невольно чувствуешь симпатію. Маленькое существо, съ блѣднымъ, почти зеленымъ личикомъ, съ чрезвычайно выразительными глазами, которыхъ я и теперь не могу забыть, было любимо всѣми подругами; сначала Катя волновалась, не хотѣла покориться суровому ритуалу новой жизни, особенно въ первое время послѣ разлуки съ семействомъ, спорила до слезъ и, при малѣйшемъ противорѣчіи, горячилась; за ученье она принялась съ жаромъ, до всего допытывалась съ раздражительнымъ любопытствомъ, слушала, спорила, во всемъ искала смысла и объясненія, но, не встрѣчая ни сочувствія своей дѣтской пытливости, ни умныхъ отвѣтовъ на свои вопросы, бросила книги и вдругъ охладѣла къ занятіямъ. Зато какъ ревностно она принялась за наши домашнія дѣла,—стала въ головѣ воспитанницъ, руководила ихъ совѣтами, однѣхъ утѣшала, другимъ давала наставленія и, довольная этою дѣятельностію, старалась поддержать свое вліяніе. Мы всѣ спѣшили къ Катѣ, когда насъ озадачивало какое нибудь сомнѣніе или затруднительное обстоятельство. Около нея не замедлилъ образоваться свой маленькій кружокъ, съ своими крошечными интересами, желаніями, цѣлями и даже тайнами. На пер-

выхъ же порахъ, насколько мы полюбили Катю, настолько возненавидѣли ее наставницы. Оригинальность умнаго ребенка, его пылкій и лихорадочный темпераментъ, его смышленый и проницательный взглядъ на все окружающее, крайне не понравились нашей педагогической рутинѣ. *Дамы*, какъ мы называли эту рутину, столь неистощимыя на мелкую придирчивость, на всевозможныя тонкости затворническаго деспотизма, стали зорко слѣдить за каждымъ движеніемъ Кати, ловить каждое ея слово и строго, почти жестоко, взыскивать съ нея. Дѣвочка не подавала ни малѣйшаго повода къ притѣсненію или преслѣдованію ея, и все-таки ее не оставляли въ покоѣ. Кто знаетъ хоть нѣсколько, до какой классической изобрѣтательности можетъ доходить странная, ничѣмъ необъяснимая антипатія старой дѣвы или желчной гувернантки ко всему молодому, рѣзко выдающемуся изъ общаго уровня, кто знакомъ хоть немного съ обыденной обстановкой учебныхъ заведеній, гдѣ все подводится подъ одинъ масштабъ, все гнется въ дугу на основаніи тѣхъ или другихъ общихъ правилъ, тотъ пойметъ, что произволу не можетъ быть конца, если только злая наставница захочетъ гнать нелюбимую воспитанницу. Всякая мелочь обращается въ обвиненіе или пытку для этой послѣдней. Положеніе Кати было тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ больше она сдерживалась отъ всякихъ возраженій и отвѣтовъ. Когда обращались къ ней съ выговорами, допросами и внушеніями, она упорно молчала и, разумѣется, это не дешево стоило ея открытому и энергическому характеру. Бывало только поблѣднѣетъ вся, глаза заблестятъ, лицо судорожно передернется, но ничего не скажетъ. Въ этомъ отношеніи дѣти отличаются необыкновеннымъ умомъ, который мы не хотимъ признать за ними только въ силу нашего превосходства надъ ними по кулаку и забитости понятій. Мы смотримъ на дѣтей, какъ на что-то низшее, стараемся съ ними говорить особеннымъ языкомъ, вводимъ ихъ въ сферу нашихъ интересовъ не иначе, какъ постепенно, думая, что имъ не слѣдуетъ знать того, что мы знаемъ, но тѣмъ самымъ мы готовимъ изъ маленькихъ нашихъ рабовъ будущихъ идіотовъ. Катя совершенно понимала своихъ наставницъ, и онѣ не хотѣли ей простить этого пониманія: «какъ-де смѣешь проникать въ насъ, — неисчерпаемую педагогическую премудрость?»

Въ числѣ институтскихъ гонителей Кати первое мѣсто принадлежало гувернанткѣ Б... Она воспитывалась въ нашемъ же заведеніи и, какъ сама разсказывала, ничего путнаго изъ него невынесла. Дѣйствительно, образованіе ея было ничтожное, знаній никакихъ, но зато въ харак-

терѣ ея сложились всѣ черты, необходимыя тюремному сторожу или отставному невыслужившемуся капралу. Въ это время ей было ужъ лѣтъ сорокъ; высокая, плотная и дебелая, съ правильными чертами лица, которыя и доселѣ могли сохранить ей названіе красавицы, она когда-то мечтала выйти замужъ за любимаго человѣка, но неудача замужества и оскорбленное самолюбіе разшевелили въ ней пошленькіе инстинкты. Она сдѣлалась хитрой, завистливой и злой, то безтолково-грубой, то приторно-фамиліарной. Ея деспотическимъ наклонностямъ много помогла та семейная обстановка, при которой она выросла; воспитанная подъ палкой родителей, m-selle Б... прямо поступила въ закрытое учебное заведеніе, которое въ ея время было безлично и нелѣпо. Послѣ выхода бѣдность заставила ее занять мѣсто гувернантки у русскихъ баръ въ деревнѣ, гдѣ она имѣла случай примѣнить на дѣлѣ то, что̀ думала о воспитаніи и что̀ приняла отъ него. Тираннія надъ дѣтьми составляла для нее какую то внутреннюю потребность, удовлетвореніе ея жизни. Въ обращеніи съ нами, она не стѣснялась никакими приличіями, употребляла площадныя слова, осыпала самой крупной бранью, кричала во время лекцій и давала своей правой рукѣ полное раздолье. Мы особенно боялись ея комнатнаго ключа, который она постоянно носила съ собой. Этотъ ключъ игралъ роль инквизиціоннаго орудія, которымъ она колотила насъ по лбу, по носу, по спинѣ и, въ припадкѣ злости, гдѣ ни попало. Одна дѣвица очень наивно увѣряла, что у нея вздернулся носъ оттого, что этимъ ключемъ была разрублена кость переносицы. Кромѣ того у Б... были острые ногти, которые она запускала за пелеринку и безпощадно царапала ими свою жертву. Были впрочемъ минуты,—lucida intervalla, какъ говорятъ въ домѣ съумасшедшихъ, когда Б... позволяла себѣ пошутить и посмѣяться съ воспитанницами; но едва мы, окруживъ ее, начинали увлекаться ея хорошимъ настроеніемъ, какъ внезапный взрывъ гнѣва все разстроивалъ, и Б... бросалась на насъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Исключительнымъ ея благоволеніемъ пользовались только богатыя дѣвицы, которыя нравились ей добровольными приношеніями и общественными связями.

Вотъ эта-та самая Б... съ перваго взгляда возненавидѣла Катю и мучила ее съ систематической послѣдовательностью. Кто бы ни провинился, во всемъ была виновата Катя и за всѣхъ наказывалась. Положеніе бѣдной дѣвушки было невыносимое; она терпѣла и горько плакала.

«Не думайте, говорила она намъ, что я плачу оттого, что меня наказываютъ; нѣтъ, мнѣ больно, что у насъ такъ несправедливо поступаютъ; зачѣмъ не даютъ оправдаться: ну, скажите, за что она меня наказала?»

И Катя пускалась въ разсужденія, всѣ молча соглашались съ ея разумной дѣтской рѣчью и искренно жалѣли ее.

Одинъ, повидимому, незначительный случай окончательно вооружилъ старую дѣву противъ Кати. Вечеромъ мы сидѣли въ классѣ и учили исторію реформаціи Лютера. Б..., гулявшая по корридору, вдругъ вошла въ классъ:—Дѣти! обратилась она къ намъ, знаете ли вы, что такое реформація?

Преподаватель хотя и объяснялъ намъ, но такъ кудревато и неясно, что многія изъ насъ рѣшительно ничего не поняли, и потому мы на вопросъ всѣ молчали, ожидая, что она скажетъ.

— Глупыя, начала снова Б..., учитесь и ничего не понимаете; хоть бы попросили объясненія: вотъ видите ли, тутъ свѣчка на столѣ, я беру ее и ставлю на фортепьяно, говорила Б..., перетаскивая свѣчу черезъ всю комнату; я перемѣнила ея мѣсто: вотъ вамъ и реформація, поняли? грозно крикнула она, оглянувъ насъ своимъ командирскимъ взглядомъ. Мы, конечно, молчали, поставленныя въ тупикъ такимъ объясненіемъ.

Между тѣмъ визгливый смѣхъ раздался въ залѣ; мы всѣ оглянулись, узнавъ голосъ Кати; и какъ вліяніе ея на насъ было неотразимое, то смѣхъ ея мгновенно сообщился всѣмъ намъ, и мы, подхвативъ его, разразились общимъ перекатнымъ хохотомъ.

Эта дѣтская шалость, не имѣвшая въ себѣ ничего обиднаго, сильно разсердила бѣшеную гувернантку. Узнавъ, что зачинщицей была Катя, она съ этихъ поръ сдѣлалась ея злѣйшимъ врагомъ и рѣшилась мстить ей всѣми средствами, какими только располагала. Случай къ этому не замедлилъ представиться. Кроткая и милая Катя, униженная и оскорбляемая на каждомъ шагу, наконецъ потеряла терпѣніе и, какъ-то заговоривъ горячо, вступилась за себя и стала доказывать несправедливость своего преслѣдованія. Б... только это и нужно было. Разсвирѣпѣвъ, она бросилась на Катю, повалила ее на колѣни и ударила по щекѣ. Тутъ произошла одна изъ тѣхъ сценъ, ко-

торыя мнѣ не привелось видѣть даже въ деревнѣ... Мы всѣ были перепуганы и возмущены этимъ варварскимъ самоуправствомъ, но о протестѣ нечего было и думать. Начальница на все смотрѣла чужими глазами и все объясняла себѣ чужимъ умомъ. Катя заболѣла и была отправлена въ лазаретъ, куда постоянно являлись къ ней наставницы съ допросами, бранью и угрозами. Не знаю, чѣмъ кончилась бы судьба этого умнаго ребенка, еслибъ у него не было матери, еслибъ Катя была сирота, не имѣвшая за стѣнами школы ни защитника, ни покровителя.

Мать Кати, узнавъ о происшествіи, разсказала его начальницѣ, которая наконецъ рѣшилась избавить насъ отъ ненавистной наставницы, попавшей совершенно не на свое мѣсто. Б..., какъ ни хлопотала, какъ ни упрашивала и какъ ни интриговала, но на этотъ разъ не успѣла и принуждена была оставить заведеніе. По выходѣ ея, облегчивъ насъ, вовсе не облегчилъ положенія Кати; напротивъ, другія наставницы, изъ чувства мести, продолжали притѣснять ее до самаго окончанія курса. И надо было видѣть, какъ она въ послѣдніе два года опустилась, упала характеромъ и волей. Здоровье ея было разстроено окончательно; живая и дѣятельная натура превратилась въ сонливую и апатичную; куда дѣвались и рѣзвость, и смышленость умной дѣвушки: отъ нея не осталось и тѣни той Кати, которую мы знали въ первые дни послѣ поступленія ея въ школу.

Давно я разсталась съ Катей, многое пришлось мнѣ видѣть и испытать; но чѣмъ больше я живу и наблюдаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что зародышъ нашего общественнаго гнета, придавившаго собой всѣ наши отношенія, гнета во мнѣніи, въ жизни, во всемъ, чѣмъ мы дышемъ,—зародышъ этого гнета лежитъ въ деспотизмѣ семейства и воспитанія. Здѣсь собственно начинается обезцвѣчиваніе нашей личности, которая подъ конецъ не удерживаетъ на себѣ ни одной человѣческой черты: все стирается до послѣдняго оттѣнка. Я видѣла многихъ изъ своихъ старыхъ подругъ, на разныхъ ступеняхъ жизни, богатыхъ и бѣдныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, и всѣхъ ихъ видѣла въ одномъ состояніи — совершеннаго самоуничтоженія. Гдѣ онѣ погубили свои силы, свою молодость—никто не скажетъ, немногія даже подумаютъ объ этомъ, а силы растрачены даромъ и молодость пропала безслѣдно. А вѣдь всѣ мы, живо помнится, вступали въ жизнь съ надежда-

ми, съ жаждой дѣятельности, у всѣхъ были свои мечты и стремленія, и все это сгинуло прахомъ, когда начали дѣйствительно жить. Такъ для чего же воспитываютъ насъ? Неужели для того, чтобъ подъ старость вспоминать своихъ наставницъ, въ родѣ Б... и легіона подобныхъ имъ чудовищъ.

N. N.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Внутреннее состоянiе Францiи въ теченiи минувшаго года.—Политика императорскаго кабинета. — Расширенiе централизацiи: графъ Валевскiй и Виконтъ Серрюрье. — Распоряженiе г. Персиньи. Обманутыя надежды журналистики.—Отзывъ г. Геру касательно закона о подписяхъ.—Министерство Фульда и его финансовые мѣры.—Самозванецъ Помаръ и демократъ Абу.—Положенiе дѣлъ въ Италiи.—Бандиты подъ эгидою папы.—E viva l'Italia una!—Риказоли, преемникъ Кавура.—Симптомы итальянскаго соединенiя.—Трагическое положенiе Испанiи.—Заблужденiе королевы насчетъ экспедицiи въ Санъ-Доминго и Мароккo.—Мексиканскiя дѣла.—Претенденты.—Народныя волненiя и ультрамонтаны —Португалiя.—Швейцарiя.—Перечень событiй въ Германiи.—Скандинавскiй вопросъ.—Турцiя.—Напрасныя попытки реформъ, предпринятыхъ Абдулъ-Азисомъ. Гдѣ корень турецкой болѣзни? Молдаво-Валахское соединенiе.—Англiйскiя колонiи и смерть принца-супруга —Трудное положенiе Америки.—Вопросъ о невольничествѣ.—Общiй взглядъ на событiя 1861 года.

Настоящее обозрѣнiе политическихъ событiй мы начнемъ съ Францiи и, не останавливаясь подробно на мелкихъ событiяхъ минувшаго года, постараемся представить общую картину политическаго и моральнаго состоянiя французской имперiи.

Достовѣрность свѣдѣнiй, сообщаемыхъ нами, надѣемся, не потерпитъ нисколько, если мы здѣсь повторимъ нѣкоторыя мнѣнiя знаменитыхъ историографовъ: г.г. Гранье, Лагероньера, Гранъ-Гилльо и др. Должно сознаться, что наше императорское правительство находится

въ апогеѣ своего величія. На ходячей монетѣ оно увѣнчано лавровымъ вѣнкомъ въ лицѣ своего представителя. Впрочемъ и это еще довольно скромно: какъ папа украшается тройною тіарою, такъ и императоръ могъ бы увѣнчаться тройнымъ лавромъ: крымской кампаніи, сольферинской битвы и 2-го декабря. Ни одно имя, со временъ Наполеона I, не пріобрѣтало такой всеобщей исторической извѣстности, какъ имя Лудовика-Наполеона. Отъ Китая до Мексики, отъ Кохинхины до Новой Каледоніи, отъ Сиріи до Мадагаскара, отъ Каэны до Ламбессы—этотъ государь, достойный удивленія самаго Маккіавелли, управляетъ запуганными нитями своей непроницаемой политики. Его дипломатическая дѣятельность не отзывается вовсе заученными пріемами шахматнаго игрока, какъ прежде думали; нѣтъ, она скорѣе напоминаетъ работу паука, растягивающаго свои безчисленныя нити на погибель неосторожныхъ мухъ. Отсутствіе твердаго убѣжденія дѣлаетъ такую политику темною, а преобладаніе личнаго интереса, съ его непріязненностію, сообщаетъ ей флегматическій, безстрастный характеръ. Императоръ — Корсиканецъ сердцемъ, но Голландецъ — характеромъ. Въ его взглядѣ замѣтны и шаткость, и упорство. Его высочайшее искусство—политика противорѣчій.

У себя дома правительство воюетъ съ духовенствомъ, приподымаетъ по временамъ край его мантіи и обнаруживаетъ передъ нашимъ устрашеннымъ взоромъ множество похищенныхъ наслѣдствъ, подложныхъ духовныхъ, кражъ дѣтей, безстыдныхъ распутствъ, несправедливостей, которымъ нѣтъ имени, совершенныхъ невѣжественными монахами различныхъ братствъ. Напротивъ того, внѣ своей имперіи, тотъ же государь предпринимаетъ экспедицію въ Китай, единственно изъ расположенія къ іезуитамъ. Двѣнадцать тысячъ солдатъ французской арміи были преобразованы въ миссіонерную милицію и должны были исходить десять тысячъ миль, чтобы, истративъ пятьдесятъ милліоновъ, способствовать открытію церквей и конторъ благочестивыхъ миссіонеровъ. Надобно знать, что апостолы-іезуиты переодѣвались, для безопаснѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, въ китайскій костюмъ, а наши солдаты, какъ бы не узнавая ихъ въ такомъ смѣшномъ нарядѣ и не обращая вниманіе на ихъ чистое французское произношеніе, наносили имъ всякаго рода обиды и дѣлали всевозможныя насилія, къ великому изумленію туземцевъ. Въ Кохинхинѣ солдаты преслѣдовали, взявъ ружья на перевѣсъ, іезуитовъ, шедшихъ съ крестами и хоругвями. Въ Мексикѣ, французскій флотъ, подъ начальствомъ г. Жюрьена

де-ла-Гравьеръ, способствуетъ разрушенію коституціоннаго правленія и утвержденію тріумвирата изъ іезуитизма, солдатизма и бандитства. Можно сказать, что императоръ Бонапартъ предположилъ себѣ дѣйствовать противоположно прежней политикѣ Ришелье, который разрушалъ протестантизмъ внутри Франціи и пересаживалъ его на другую почву; тогда какъ наше правительство, уничтожая католичество въ самой странѣ, служитъ ему какъ вѣрный солдатъ на далекихъ заморскихъ островахъ и на другомъ континентѣ. Слѣва оно наноситъ папству оскорбленія, а справа ласкаетъ его; спереди закрываетъ его щитомъ, а сзади напускаетъ Виктора-Эммануила, печатаетъ знаменитую брошюру противъ свѣтской власти папы, предоставляя ему ограничиться Ватиканомъ и его садами, а когда министерство Рикасоли берется за исполненіе этой программы, то встрѣчаетъ громкое негодованіе императорскаго правительства.

Такого рода политика, дающая себѣ революціонный характеръ въ глазахъ реакціонеровъ и въ то же время подавляющая всякое революціонное движеніе—успѣваетъ превосходно. Благодаря преданности нѣсколькихъ полковниковъ, генераловъ и маршаловъ, правительство убѣждается въ вѣрности цѣлыхъ полковъ; помощью этихъ полковъ оно удерживаетъ въ покоѣ армію, помощью арміи, кое-какихъ казармъ и стратегическихъ соображеній, оно господствуетъ надъ Парижемъ, а владѣя, Парижемъ оно владѣетъ Франціей, пріобрѣтаетъ уваженіе Европы, ставитъ себя въ главѣ ея политики и чрезъ то получаетъ преобладаніе во всемъ мірѣ.

Таково удивительное положеніе императорскаго правительства, положеніе «неустойчиваго равновѣсія», но поддерживающее себя несмотря на зловѣщія предсказанія, на зависть и недоброжелательство своихъ союзниковъ, на сосредоточенную ненависть многочисленныхъ враговъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ всѣ, кто имѣетъ хоть какое нибудь убѣжденіе. Кто умѣетъ любить — не дѣлаетъ его предметомъ своего расположенія, а кто умѣетъ только ненавидѣть — обращаетъ противъ него свою непріязнь. Всѣ люди нерѣшительные, робкіе, готовые служить и нашимъ, и вашимъ, всѣ поклонники фактическаго могущества, предпочитающіе собственную выгоду и спокойствіе — свободѣ мнѣнія, всѣ довольные настоящимъ, а тѣмъ болѣе всѣ боящіеся за будущее, — всѣ они поддерживаютъ правительство, выражая или не выражая свое одобреніе. А число такихъ людей огромно во Франціи, въ странѣ передовой. Словомъ, декабрьское правительство встрѣчаетъ

оппозицію во всѣхъ живыхъ силахъ націи и Европы, а поддерживается всѣми мертвыми силами во Франціи и въ Европѣ. Этимъ и объясняется его могущество.

Математически доказано, что безконечно-малая дѣятельная сила подчиняетъ себѣ безконечно-великую, но бездѣйственную силу; конечно, неиначе какъ въ неизмѣримомъ пространствѣ времени. Въ отношеніи къ настоящему случаю ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ ни безконечно-малыхъ, ни безконечно-большихъ силъ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ взаимное неравенство такъ велико, что и черезъ десять лѣтъ имперія, можетъ быть, покажется еще могущественнѣе и побѣдоноснѣе. Она сильна внѣшнимъ вліяніемъ, всемогуща—внутреннимъ, но пусть знаютъ ея друзья и враги, что простое алгебраическое уравненіе съ двумя неизвѣстными, можетъ намъ опредѣлить срокъ, далѣе котораго не продлится существующій порядокъ вещей.

Эта имперія, родившаяся внезапно, поднялась несоразмѣрно высоко на своемъ основаніи. Государственной переворотъ безъ труда подавилъ общественное мнѣніе; благодаря ему, образовался союзъ съ англійскими вигами, возникла крымская экспедиція; Виллафранкскимъ договоромъ правительству хотѣлось заключить такой же союзъ съ Австріей, какой заключилъ когда-то Наполеонъ I своимъ бракомъ съ Маріей-Луизой. Само собою разумѣется, что здѣсь оно не имѣло успѣха. Побѣдоносный походъ въ Италію наложилъ на эту страну тяжелое бремя благодарности, за которую она выплачиваетъ разорительные проценты. Правительство держитъ въ своихъ рукахъ всю дѣятельность народа, всѣ силы націи, парализируетъ прессу и другія учрежденія, литературныя и ученыя. Владѣя торговлей, распоряжаясь назначеніемъ управляющихъ и повѣренныхъ въ банкахъ, на биржѣ, въ компаніяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ ссудной казнѣ и даже въ обществахъ застрахованія, разсылая по всей странѣ оффиціальныхъ агентовъ, явныхъ и тайныхъ, предоставляя Францію и Алжиръ полноправному господству пяти или шести человѣкъ изъ военныхъ, поддерживая администрацію посредствомъ губернаторовъ и префектовъ,—императорское правительство назначаетъ меровъ, точно такъ, какъ распоряжается назначеніемъ епископовъ. Оно выбираетъ сенаторовъ и заставляетъ выбирать депутатовъ въ законодательномъ собраніи; назначаетъ членовъ въ государственный совѣтъ; раздѣляетъ на бригады полевыя войска, посвящаетъ священниковъ и раввиновъ; разрѣшаетъ, при помощи М-r Malakoff, религіозные во-

просы, возникающіе въ Алжирѣ; раздаетъ патенты и привиллегіи ремесленникамъ; дозволяетъ или запрещаетъ учрежденіе фабрикъ и заводовъ; оно управляетъ тарифомъ, издаетъ уставы внутренней и внѣшней торговли, назначаетъ наставниковъ и начальницъ, нотаріусовъ, императорскихъ чиновниковъ. Правительство утверждаетъ длину и прозрачность юбокъ у балетныхъ танцовщицъ; распредѣляетъ слова на классы, по ихъ употребленію между мошенниками и честными гражданами, а послѣдній циркуляръ его сіятельства графа Валевскаго, министра императорскаго двора, предписываетъ актерамъ хорошенько выучивать роли и не полагаться на память или на даръ импровизаціи. Не довольствуясь вліяніемъ, подъ которымъ парижская префектура держитъ писателей, книгопродавцевъ, типографщиковъ посредствомъ различныхъ пень, тюремныхъ заключеній, лишенія привиллегій и конфискаціи имѣній,—оно изобрѣло особаго роду коммиссію, которая не только разыскиваетъ дѣла на основаніи фактовъ и документовъ, но преслѣдуетъ даже самыя намѣренія. Это-судья тайный и безотвѣтный въ отношеніи къ наукѣ, философіи, нравственности и всякой дѣятельности мысли. Онъ рѣшаетъ безъ-аппеляціонно, что Франція должна знать, чему учиться и какъ думать. Однажды, эта коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Виконта Серрюрье, наложила запрещеніе на какой-то путевой дорожникъ, за то, что тамъ говорилось о медали, которую можно видѣть въ Булони, изображающей Альбіонъ распростертымъ въ цѣпяхъ у ногъ Наполеона I. Недавно Мишле жаловался, что ему запретили второе изданіе сочиненій Филиппа Депортъ, которыя еще при Карлѣ IX не казались либеральными для Сорбонны временъ Варѳоломеевской ночи. Въ разказѣ «*зимняя ночь*» упомянули какъ-то объ одномъ студентѣ, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ актрисою. Невозможно, воскликнулъ президентъ коммиссіи, невозможно допустить продажу книги, въ которой находится подобный фактъ. Въ одномъ историческомъ сочиненіи «*Вогезскіе анабаптисты*» г. Микельсъ представилъ исторію и ученіе этихъ сектаторовъ, не выражая къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Наполеонъ I и даже ханжа Карлъ X оставили ихъ въ покоѣ. Но этихъ авторитетовъ показалось недостаточно Виконту Серрюрье, который посовѣтовался съ префектомъ рейнскихъ провинцій, а тотъ съ епископомъ, объявившимъ, что цѣль изданія этой исторіи и ученія анабаптистовъ клонились ко вреду католической религіи. И книга Микельса была запрещена. Еще лучше: въ прошломъ году коммиссія за-

претила печатаніе одного словаря, потому что автору его г. Пенье вздумалось придерживаться особой ороографіи и писать: «Cambrai, Vonai, Nanci», вмѣсто: «Cambry, Vonay, Nancy». Наше положеніе до тѣхъ поръ не установится окончательно, пока префекты не издадуть на пользу всѣмъ, подлежащимъ уплатѣ податей, особое руководство полицейской ороографіи, а полевыя войска будутъ учить насъ каллиграфіи и особенному государственному почерку.

Итакъ, правительство съ подобною могущественною централизаціею не можетъ пасть подъ ударами, наносимыми ему извнѣ. Эта машина должна разстроиться внутри самой себя прежде, чѣмъ подумаютъ предупредить ея распаденіе. Вотъ почему, послѣ декабрьской проскрипціи, оппозиціонная партія въ имперіи состояла изъ немногихъ безсильныхъ лицъ, погибавшихъ при первомъ обнаруженіи своихъ стремленій; вотъ почему не было ни малѣйшаго бунта, ни одной попытки къ возстанію. Вотъ почему также для опредѣленія дѣйствительности такого могущества, мы должны обращаться къ его исторіи, а не опредѣлять его 800 тысячами солдатъ или 600 тысячами чиновниковъ, которыми она располагаетъ. Политическая смерть происходитъ или отъ грубыхъ ошибокъ и безнаказанныхъ несправедливостей, или отъ тупости и надменной самоувѣренности, которая всегда предшествуетъ окончательному паденію, какъ замѣтилъ еще 3000 лѣтъ тому назадъ царь Соломонъ.

Повидимому, репертуаръ правительственной дѣятельности истощился со времени выступленія на сцену. Ея главное и сильнѣйшее орудіе — страхъ. «Милліоны людей — милліоны трусовъ», — вотъ первый догматъ политическаго катихизиса гг. Морни и Персиньи. Послѣ покушенія Орсини въ январѣ 1858 г., страна, повидимому, нуждалась въ хорошемъ урокѣ, и урокъ былъ ей данъ. Страхъ выданъ былъ за законъ, страхъ сдѣлался секретной статьей, аддиціоннымъ актомъ императорской конституціи. На основаніи закона, касающагося людей подозрительныхъ, всякій Французъ можетъ быть признанъ заговорщикомъ; нѣтъ болѣе гражданъ, а есть пестрая толпа враговъ государства, которыхъ оно можетъ ссылать и разстрѣливать по своему благоусмотрѣнію. Этотъ законъ пока безъ дѣйствія, это правда, но одна малѣйшая прихоть можетъ привести его въ исполненіе, и если его правительство установило, то, конечно, не безъ намѣренія воспользоваться имъ при случаѣ.

Правительству нужно подумать и о томъ, какъ бы сохранить всю

силу репрессивныхъ законовъ противъ прессы. Г. Персиньи, вступившій въ управленіе министерствомъ, просившій всѣхъ литераторовъ быть увѣренными въ его либерализмѣ и требовавшій даже отъ нихъ—не щадить его въ своихъ критическихъ отзывахъ—оказывается желчнымъ человѣкомъ; не одинъ журналистъ помянетъ добромъ генерала Еспинасъ которому нѣкогда были ввѣрены судьбы французской мысли. Персиньи посылаетъ журналамъ предостереженія, останавливаетъ ихъ изданія, конфискуетъ и доводитъ свою строгость до того, что въ какія нибудь шесть недѣль является болѣе литературныхъ процессовъ, чѣмъ во все царствованіе ганноверскаго дома. Вотъ главнѣйшіе приговоры, насколько они приходятъ намъ на память: приговорены къ тюремному заключенію маркизъ де-Герсъ, обвиненный въ корреспонденціи съ журналами дрезденскими и женевскими; г. Евгеній Пеле за мятежное требованіе такой же *свободы, какая существуетъ въ Австріи*; г. N. за напечатаніе, на основаніи извѣстій, сообщенныхъ въ «le Droit» и въ «Gasette des tribunaux», перечня обвиненій, направленныхъ противъ священниковъ; приговорены къ пени: г. N за то, что не сообщилъ имени своего брюссельскаго корреспондента; г. N за напечатанье новостей отъ парижскаго корреспондента съ отмѣткою: *pour extrait*. Одинъ журналъ получилъ предостереженіе за то, что напечаталъ ноту, сообщенную г. Тувенелемъ, другой былъ осужденъ за обнародованіе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ принцемъ Наполеономъ. Что же касается до Correspondence и г. Лапрадъ, то они должны были ожидать того наказанія, которому въ дѣйствительности подверглись. Представьте себѣ, что упомянутый журналъ осмѣлился принять стихотвореніе «Les muses d'Etat»—пародію на Chatiments Виктора Гюго, въ которой г. Сентъ-Бевь, или лучше *Sainte Bève*, какъ его называлъ Бальзакъ, Бельмонте, Мокаръ, и другіе поэты-бонапартисты были названы «услужливыми музами». Г. Лапрадъ, авторъ стиховъ и профессоръ медицинскаго факультета въ Ліонѣ, былъ отрешенъ отъ должности по именному указу императора. Преступленіе Сенъ-Маркъ-де-Жирарденъ, стараго консерватора и цѣломудренной Егеріи въ *journal des Débats* было не такъ явно, однако Персиньи нашелъ таки виновной статью, гдѣ авторъ старался поколебать вѣру въ могущество и продолжительность нашихъ учрежденій. Это, можетъ быть, заблужденіе—утверждалъ онъ — когда думаютъ, будто имперія поддерживаетъ императора, а не императоръ имперію. *L'ami de la Religion*, получилъ предостереженіе за статью, въ которой Персиньи

нашелъ намеки на отвѣтственность министровъ во Франціи. Съ этихъ поръ для насъ дѣлается опаснымъ всякое выраженіе своего мнѣнія, касательно правительственныхъ распоряженій. Остается молчать, когда дѣло доходитъ до этого щекотливаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ «*la Patrie*», газета независимая и преданная правительству, и та получила предостереженіе за статью «о конституціонной имперіи». Это разсужденіе, замѣчаетъ Персиньи въ «*Moniteur*», хотя и написано въ хорошемъ духѣ, но заключаетъ въ себѣ похвалы конституціи такого рода, что можетъ возбудить споръ, который затронетъ самые основные вопросы.

Такимъ образомъ, намъ запрещено не только разбирать конституцію, но даже говорить о ней. Скоро, пожалуй, не будетъ дозволенно объяснять гражданину, что составляетъ и что не составляетъ конституцію. Въ частности сдѣлается невозможнымъ сравнить настоящую конституцію съ предшествовавшею ей во Франціи, или съ существующими въ другихъ странахъ. Нельзя будетъ для примѣра проводить сравненіе между нашими учрежденіями и англійскими иначе, какъ подъ условіемъ—отдавать полное преимущество первымъ, ибо сравнить, значитъ выводить заключеніе, а для заключенія нужно толкованіе, а толкованіе привело бы насъ къ разбору. Но не только будетъ запрещено объяснять конституцію, но сдѣлается невозможнымъ даже хвалить ее, т. е. хвалить по какому либо поводу. Всякая похвала, если только она не состоитъ изъ однѣхъ фразъ и общихъ выраженій, предполагаетъ оцѣнку, а слѣдовательно и критическій разборъ. Хвалить конституцію, значило бы въ нѣкоторой степени опредѣлить ея характеръ, смыслъ ея учрежденій, а эти предметы потребуютъ анализа и могутъ привести къ неблагопріятнымъ заключеніямъ.

Поступки министра внутреннихъ дѣлъ довели до отчаянія редактора одного журнала, также независимаго и приверженнаго къ правительству. Вотъ какъ выражается г. Геру, секретарь принца Наполеона, жалуясь на законъ о подписяхъ:

«Не знаемъ, что можетъ быть полезнаго въ такомъ образѣ дѣйствій, по которому издается законъ неисполнимый, приводится въ дѣйствіе случайно по одному разу въ два или три года, а все остальное время находится безъ примѣненія. Если законъ хорошъ и удобоисполнимъ, то къ нему слѣдовало бы обращаться ежедневно; если же нѣтъ, то его нужно исправить и измѣнить сообразно его недостаткамъ. Это безпрестанно повторяется и юристами, и просто людьми съ здравымъ смысломъ. Но поддерживать непримѣнимое распоряженіе, невыдержи-

вающее юридической критики, на практикѣ признанное неудобнымъ, забывать объ немъ въ обыкновенное время и вспоминать только въ исключительныхъ случаяхъ—такой образъ дѣйствія только подаетъ поводъ къ самымъ неблагопріятнымъ для правительства толкамъ и всякаго рода подозрѣніямъ. Никто не спрашиваетъ, отчего правительство забываетъ о такомъ то законѣ—это, положимъ, объясняется его неприменимостью, но всѣ хотятъ знать, зачѣмъ же вспоминаютъ объ немъ, когда дѣло идетъ объ одномъ какомъ либо журналѣ, тогда какъ въ отношеніи ко всѣмъ другимъ журналамъ этого закона какъ будто не существуетъ; зачѣмъ, забывая объ учрежденіи сегодня, его вспоминаютъ завтра, съ тѣмъ чтобы позабыть объ немъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ. Случайность строгихъ взысканій по поводу дѣйствительности подписей тѣмъ страннѣе, что во многихъ журналахъ есть много ложныхъ подписей и это извѣстно всѣмъ и каждому, а въ нѣкоторыхъ встрѣчаются не только ложныя подписи, но даже — невозможныя, такъ что правосудіе сдѣлало бы гораздо лучше, еслибъ, оставляя безъ вниманія мелочныя погрѣшности, обратилось къ исправленію крупныхъ злоупотребленій. Все это, повторяемъ, несносно: законъ прежде всего долженъ быть примѣнимъ и одинаково строгъ ко всѣмъ безъ различія».

Трудно сказать что нибудь больше этого. И несмотря на это негодованіе г. Геру, несмотря на отчаяніе всѣхъ лучшихъ типографщиковъ Парижа, являвшихся къ г. Персиньи съ просьбою установить цензуру, которая далеко не такъ опасна для ихъ дѣла, чѣмъ административный произволъ, — всѣ эти строгости противъ прессы не могли возбудить у нашихъ писателей «спасительнаго страха, который есть начало всякой мудрости».

Предположенія г. Фульда, не имѣли того успѣха, какого можно было ожидать. Напрасно допустили на биржѣ всѣхъ возможныхъ авантюристовъ, биржевыхъ игроковъ и акціонерныхъ пилотовъ. Мелкіе и крупные капиталисты не признаютъ 3%, которые революція можетъ уменьшить и даже отнять совсѣмъ; они предпочитаютъ брать облигаціи желѣзныхъ дорогъ, что гораздо вѣрнѣе и выгоднѣе, потому что приноситъ 5% съ сохраненіемъ капитала.

Опомнившись, послѣ первыхъ порывовъ восторга, буржуа спрашиваетъ себя, чѣмъ еще г. Фульдъ доказалъ свои способности, кромѣ того, что съумѣлъ составить себѣ огромное состояніе. Начинаютъ припоминать, что спаситель нашихъ финансовъ былъ именно тотъ чело-

вѣкъ, который предлагалъ объявить банкротство въ ущербъ республикѣ.

Вспоминаютъ забавное обстоятельство—какъ собственный сынъ его превосходительства, изгнанный по дѣлу дѣвицы Валентины, напечаталъ въ Лондонѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Папенькины подвиги», которая начиналась слѣдующими словами: «Мой дядя Лудовикъ былъ тулузскій жильблазъ, и это честнѣйшій человѣкъ изъ всего нашего семейства...»

Фульдъ-отецъ доказалъ съ своей стороны большія способности, выдержавъ огромную январскую расплату. Откуда онъ взялъ денегъ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ онъ держалъ себя такъ, какъ будто они у него были. Тѣмъ не менѣе страшный долгъ остается тѣмъ же. Печальная истина находится на-лицо. Все-таки нужно наполнить до невозможности пустыя кассы, сохранныя и ссудныя казны, военныя казначейства и др. Изобрѣтательность министерства безъ устали работаетъ, чтобы поправить состояніе финансовъ. Тамъ обсуждался новый заемъ, облегченный наступившимъ перемиріемъ между Англіей и Америкой. Предлагаютъ налогъ въ 5% съ наслѣдства, получаемаго родственниками въ четвертомъ колѣнѣ. Истиннымъ спасеніемъ въ этомъ случаѣ могла бы быть экономія, но ее пустили въ ходъ только для того, чтобы предоставить г. Фульду первенство между министрами и наблюденіе за ними. Нынѣшнее положеніе можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ: императоръ остается императоромъ, а Фульдъ будетъ регентомъ. Нашъ министръ финансовъ заключилъ съ Испаніей договоръ, по которому единовременная выдача 25,000,000 фр. покрываетъ долгъ 124,500,000. Нужно было объяснить, откуда взялась эта сумма. Заодно съ Англичанами національная партія изгнала похитителя Бонапарте (Іосифа), очистила страну отъ непріятельскихъ солдатъ и возвратила законныхъ государей. Въ первомъ порывѣ своей благодарности, они утвердили всѣ договоры революціонной юнты въ Кадиксѣ и дали самыя щедрыя обѣщанія. Но тѣ, которые потребовали впослѣдствіи осуществленія этихъ обѣщаній, были признаны за мятежниковъ и для подавленія ихъ испанскіе Бурбоны призвали на помощь своихъ двоюродныхъ братьевъ Бурбоновъ французскихъ. Въ 1823 году трокадерская экспедиція подъ предводительствомъ герцога Ангулемскаго возстановила порядокъ и спасла испанское общество, клонившееся къ распаденію. Но это спасеніе стоило дорого Испанцамъ и обошлось недешевле разоренія. Избавители представили счетъ издержкамъ въ 498,325,443 франка и

нѣсколько сантимовъ. Въ 1828 году они согласились уменьшить этотъ счетъ на 80,000,000. Послѣ выдачи кое-какихъ ничтожныхъ задатковъ, эта сумма осталась неуплаченною, несмотря на всѣ обѣщанія и требованія и, вслѣдствіе накопленія процентовъ по три на сто, она возрасла до 125,000,000. Этотъ долгъ считается до такой степени неоплатнымъ, что они рады бы были получить его съ потерею 80%. И кредиторы, и банкроты отправляются вмѣстѣ бомбардировать Мексиканцевъ за отсрочку уплаты нѣсколькихъ милліоновъ.

Законодательное собраніе было созвано 26 января. Народъ съ недоумѣніемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на этихъ гордыхъ законодателей, передъ которыми верховная власть все болѣе и болѣе отступаетъ. Въ прошедшемъ году допустили право отвѣчать на царственную рѣчь *адресомъ*; а въ нынѣшнемъ году дозволили обсуждать государственный бюджетъ по отдѣламъ. А все-таки представители народа, представители управленія всегда утверждаются верховною властью, вопреки общественному мнѣнію.

Въ послѣдній разъ мы видѣли въ дѣлѣ Плассьяра образчикъ употребительныхъ у насъ продѣлокъ. Другаго рода дѣло можетъ служить теперь урокомъ избирателямъ, а именно—это дѣло г. Помара, котораго правительство заставило избрать въ Авиньонѣ. Онъ вздумалъ очень остроумно прибавить къ числу своихъ титуловъ еще титулъ члена корреспондента академіи наукъ, присвоивъ себѣ дипломъ, выданный отцу его въ 1825 году.

Журналъ «*Charivari*», между прочимъ, насмѣшилъ своихъ читателей, разоблачивъ его плутни. Достанется ему за это, потому что въ нашей благословенной странѣ существуетъ законъ, защищающій должностныя лица отъ клеветы. Статья I назначаетъ строжайшія наказанія за обвиненія, неподтвержденныя фактами, а статья II запрещаетъ приводить фактическія доказательства. Этимъ закономъ вполнѣ воспользовался г. Помаръ, чтобы вытребовать 50,000 франк. за нанесенное ему оскорбленіе. Черезъ этотъ же законъ пострадаетъ и несчастный Charivari, имѣя въ рукахъ осязательный документъ подлога г. Помара. Дѣло еще не рѣшено въ судѣ.

Упомянемъ еще о дѣлѣ г. Абу, какъ о вѣрномъ симптомѣ нашего положенія. Это—молодой писатель съ дарованіемъ, замѣчательный своимъ умомъ, здравымъ смысломъ и блестящимъ образованіемъ, но въ то же время отличающійся высокомѣріемъ, отсутствіемъ убѣжденій и нравственныхъ правилъ. Какъ составитель брошюръ онъ

жалованья у правительства, въ войнѣ противъ духовенства, и заслужилъ одобреніе императора. Въ то же время онъ нахлѣбникъ Фульда и принца Наполеона, однимъ словомъ, Абу демократъ и бонапартистъ. Онъ переходилъ отъ успѣха къ успѣху на литературномъ поприщѣ, пока ему не вздумалось поставить пьесу въ Одеонѣ — театрѣ студентовъ. Пьеса была дѣйствительно дурна, но никому не было до этого дѣла. Занавѣсъ еще не былъ поднятъ, а уже слышались отвсюду свистъ и брань. Шумъ все увеличивался. Полиція заблагоразсудила арестовать 30 человѣкъ. Ничто не помогло. Непріязненныя демонстраціи приняли другой оборотъ. Актеры должны были признать себя побѣжденными. Вторая и третья попытка были еще неудачнѣе. Тогда составили слѣдующую манифестацію. Нѣсколько сотъ человѣкъ отправились процессіей изъ Одеона къ жилищу г. Абу, въ $^2/_4$ мили отъ театра, и передъ самыми дверьми неистовствовали и употребляли выраженія, не слишкомъ льстившія его самолюбію. Какъ и слѣдовало ожидать, полиція опоздала. Буржуазія, удивленная этимъ необыкновеннымъ шумомъ, спрашивала: ужъ не революція ли это? Нашли благоразумнѣе запретить новое представленіе. Итакъ, г. Абу, врагъ духовенства, потерялъ въ общественномъ мнѣніи.

Съ величайшимъ удовольствіемъ останавливаемъ мы свое вниманіе на Италіи. Если подумать, что еще годъ тому назадъ въ это же самое время мы были въ самомъ разгарѣ осады Гаэты и въ большомъ затрудненіи по поводу помощи, оказанной французскимъ флотомъ Франциску II, то нельзя не удивляться, что въ столь короткое время Италія совершила такой подвигъ.

Въ первыхъ числахъ марта, вскорѣ послѣ того, какъ знамя Бурбоновъ было сорвано Чальдини и Персано въ Гаэтѣ и Мессинѣ, въ Туринѣ образовался первый итальянскій парламентъ. Англія первая признала новое государство, а Лудовикъ Наполеонъ, который бы долженъ быть крестнымъ отцемъ вновь устраивающагося государства, не торопился признать его.

Дворъ вмѣсто Гаэты искалъ убѣжища въ Римѣ. Пій IX, припоминая гостепріимство, которымъ онъ пользовался самъ въ Гаэтѣ, когда переодѣтый бѣжалъ отъ торжествовавшей въ Римѣ революціи, обрадовался случаю принять у себя бывшаго короля и королеву. Несмотря на то, что они владѣли великолѣпнымъ замкомъ Фарнези, папа помѣстилъ «этихъ бѣдныхъ дѣтей», какъ онъ ихъ называлъ, —въ Квиринале, и будучи самъ принужденъ просить вспомоществованіе у цѣлаго

свѣта, не колебался назначить имъ тысячу франковъ въ день на издержки стола; также изъ вѣжливости онъ подарилъ еще молодой королевѣ золотую розу, которою обыкновенно дарятъ каждый годъ принцессу, наиболѣе угодившую папскому престолу. Но трудно было сдѣлать героя изъ защитника Гаэты.

Зато европейскіе реакціонеры обращаются съ восторженными оваціями къ его блестящей подругѣ. Ея фотографическіе портреты, распространенные въ десяткахъ-тысячъ экземпляровъ, воспроизводятъ эту личность въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и костюмахъ, съ ружьемъ, съ саблей, въ сапогахъ, верхомъ на лошади, въ бальномъ костюмѣ, даже съ пушечнымъ фитилемъ въ рукахъ. Нѣмецкія принцессы присудили ей лавровый вѣнокъ, доставивъ для него каждая по одному листику. Дамы высшаго круга Сенъ-Жерменскаго предмѣстья сдѣлали ей такое же приношеніе и исключили, неблагодарныя, всѣ подписи женъ французскихъ чиновниковъ. Вскорѣ римскій дворецъ Отца всѣхъ вѣрныхъ превратился въ главный центръ гражданской войны. На Мальтѣ и въ Марсели образовались захолустья ложныхъ слуховъ, навербовывали разныхъ проходимцевъ и каторжниковъ, платя имъ фальшивой монетой, начеканенной у папскаго двора. Вооруженныя хорошими ружьями и острыми кинжалами, съ обильнымъ запасомъ образовъ, съ изображеніемъ Богоматери и ладаномъ противъ пуль, эти охотники присоединялись къ своимъ товарищамъ бандитамъ въ горныхъ частяхъ Калабріи, Абруццы и другихъ провинцій.

Шайки разбойниковъ, собирающихся для защиты законнаго престола, толпы воровъ и каторжниковъ съ бурбонскимъ знаменемъ въ рукахъ—вотъ дѣйствительно комическая сторона трагическихъ событій нашего времени, на которую все-таки мы чуть-чуть не были принуждены взглянуть серьезно. Нѣкоторыя части территоріи королевства Обѣихъ Сицилій поддерживались бурбонской династіей въ такомъ невѣжествѣ, какого нельзя встрѣтить и у обитателей Новой Зеландіи. Піемонтцы, призванные къ преобразованію этой страны, обладаютъ положительными достоинствами. У нихъ много здраваго смысла, нѣсколько грубаго, постоянства и даже упорства въ достиженіи своихъ цѣлей. Ихъ нравственная и физическая бодрость достойна похвалы и кромѣ того за ними нельзя не признать честности до извѣстной степени. Но увы! Они суетны, грубы и неловки. Сначала они заслужили всеобщую ненависть въ Южной Италіи. Они жаловались на то, что ихъ заставили ждать, когда Гарибальди съ своими богатырями сражался въ

кровопролитной волтурнской битвѣ. На другой день послѣ побѣды они вошли въ Неаполь, съ видомъ побѣдителей, выказывая полную самоувѣренность и выставляя на показъ самодовольное невѣжество. Они думали удивить всѣхъ, принявъ союзъ, предложенный имъ неаполитанскими реакціонерами, виновниками той системы, которая прививаетъ конституціонный монархизмъ Виктора Еммануила къ абсолютизму Бурбоновъ. Люди прежней партіи остались на мѣстахъ и въ милости; передовые исключены, преслѣдуемы и достаточно было назваться гарибальдійцемъ, чтобы подвергнуться всевозможнымъ нареканіямъ въ качествѣ врага общественнаго порядка. Конечно, еслибъ бѣдный Гарибальди неоставался въ бездѣйствіи на своемъ уединенномъ островкѣ, Пьемонтцы давно бы обвинили его въ государственной измѣнѣ и безъ отлагательства нарядили бы надъ нимъ слѣдствіе. Избавившись отъ послѣдняго патріота, или послѣдняго Мацциниста, какъ они говорили, они громко торжествовали и думали удивить свѣтъ, рисуясь умѣньемъ вести дѣла. Но они на томъ и остановились. Прервавъ всякую связь съ передовою партіей, они чрезъ то разошлись съ интересами страны. Подъ управленіемъ мелочныхъ и методическихъ Піемонтцевъ возникаетъ самое жалкое зрѣлище административной путаницы и самаго страннаго общественнаго разстройства.

Минута была выбрана удачно и реакціонная партія съумѣла ею воспользоваться, употребивъ въ дѣло шайки «*Birboni*» и «*Borboni*», причинившія много вреда. Чтобы прославить подвиги этихъ рыцарей, легитимистская пресса запѣла благодарственныя мессы съ акомпанементомъ громовыхъ флейтъ и дудокъ. Crocco, Cutrofiano,—какъ были хороши эти каторжники, передѣланные въ солдатъ, истребляющихъ «проклятыхъ викторъ-эммануилистовъ». Боже мой, какъ были прекрасны эти героини въ красныхъ юбкахъ, въ гусарскихъ ментикахъ, голубыхъ панталонахъ, въ шляпахъ съ длинными перьями, когда онѣ галопировали на бѣлыхъ скакунахъ. Г. Жанико переводилъ всякое утро по нѣскольку строфъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима», въ извѣстномъ своею правдивостью журналѣ «Gazette de France».

Достовѣрны ли были подвиги этихъ гулякъ и ихъ подругъ, или нѣтъ, но только они не переставали насъ безпокоить. Ихъ война дѣлалась чѣмъ-то въ родѣ людоѣдства. До нашего времени, какъ видно, еще въ употребленіи охота на людей съ собаками. Грабежъ, насиліе и разстрѣливаніе еще ничего бы не значили, но, говорятъ, они изувѣчивали Пьемонтцевъ, распинали ихъ на деревьяхъ, а тѣ въ отмще-

ніе предавали цѣлыя селенья пожарамъ. И эти ошибки продолжались по цѣлымъ мѣсяцамъ. Наконецъ, спасаясь отъ безцеремоннаго обращенія солдатъ, хищники стали искать убѣжища болѣе надежнаго и святая церковь распростерла надъ бѣдными бѣглецами свою первосвященническую мантію и нѣжно укрыла ихъ. Тогда французское войско какъ будто оставило бездѣйствіе и обезоружило разбойниковъ, которые столкнулись съ его аванпостами. Въ это время ихъ преосвященства кардиналъ Антонелли и Меродъ потребовали выдачи оружія и самихъ мятежниковъ.

Папскіе жандармы приняли однако ихъ сторону и препятствовали французамъ арестовывать разбойниковъ, арестуя ихъ самихъ. Только этого недоставало. Еще недавно захватили они Ли-Вюнеллу, одного изъ сообщниковъ Кіавоне, который грабилъ Неаполитанцевъ. Все это было бы смѣшно, еслибъ дѣло не доходило до уничтоженія хлѣбныхъ запасовъ и смертоубійствъ.

Нельзя опредѣлить, сколько времени продолжалась бы эта игра, еслибы пьемонтское правительство не начало серьезно безпокоиться и не позвало бы на помощь самаго способнаго изъ своихъ генераловъ Чальдини. Побѣдителю Бурбона предстоитъ побѣдить его приверженцевъ. Чальдини не колебался. До выступленія въ походъ противъ разбойниковъ, онъ сыгралъ дурную шутку съ псевдо-неаполитано-піемонтской консортеріей, прося подарить его своею немилостью. Онъ не постыдился провозгласить себя другомъ Гарибальди, объявилъ себя сообщникомъ патріотовъ и маццинистовъ. Въ 24 часа Чальдини завладѣлъ Неаполемъ, а въ 24 дня уже держалъ въ рукахъ горныхъ бандитовъ. Вся Италія разразилась крикомъ восторга. Въ первыхъ числахъ октября Чальдини имѣлъ честь первенствовать на большомъ празднествѣ «Pie-di-grota»; котораго героемъ въ прошедшемъ году былъ Гарибальди. Клики, да здравствуетъ Италія! вырвались изъ груди 500,000 Итальянцевъ, трепетавшихъ отъ восторга и счастія. Да здравствуетъ соединенная Италія! E vivo Italia una!

Въ настоящее время, несмотря на множество ошибокъ, Ла-Марморъ не испортилъ еще совершенно дѣло своего предшественника Чіальдини и доброе согласіе поддерживается открыто между Неаполемъ и Туриномъ. Разбойничество почти прекращено и г. Гойонъ предлагаетъ съ готовностью свои услуги, хотя въ нихъ уже никто не нуждается. На словахъ или на дѣлѣ, а только онъ хотѣлъ занять Аллатри, притонъ разбойниковъ, но ихъ святѣйшіе покровители де-Меродъ

и Антонелли объявили, что не потерпятъ такого порицанія территоріальной собственности со стороны Франціи. И французскій посланникъ, г. де-ла-Валеттъ, если вѣрить слухамъ, настаиваетъ, чтобъ бывшій король Францискъ, его прелестная супруга, братъ Казертъ, дядюшка Трапани, теща Софія и все семейство настаиваетъ на томъ, чтобъ перенести своихъ пенатовъ подъ болѣе благопріятное небо. Такимъ образомъ для Чальдини достаточно было немного здраваго смысла и чувства, чтобы спасти положеніе дѣлъ; немного можетъ быть потребуется, чтобы доставить странѣ счастье и благоденствіе. Правда, въ Туринѣ не были благодарны Чальдини, который теперь въ немилости и на сторонѣ оппозиціи. Но что жъ изъ этого? Тайна его успѣха извѣстна; остается только слѣдовать его политикѣ.

Піемонтцы предполагали отказаться отъ управленія дѣлами Италіи, еслибъ централизація управленія не осталась за Туриномъ, который считаетъ себя почему-то самымъ просвѣщеннымъ городомъ полуострова. Съ другой стороны Неаполь не можетъ согласиться быть вассаломъ Піемонта, котораго столица меньше его въ четыре раза. Такое несогласіе очень прискорбно, но причина его совершенно естественна. Географическій контуръ Италіи представляетъ много затрудненій къ образованію изъ нея одного политическаго цѣлаго; эти затрудненія увеличиваются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что материкъ Италіи раздѣляется по самой срединѣ на двѣ половины Папскою областью, которая должна бы была быть живительнымъ центромъ всей націи. Для соединенія Сѣверной и Южной Италіи, столь различныхъ по своему характеру, необходимъ одинъ общій пунктъ, именно Римъ и только одинъ Римъ; но императоръ Наполеонъ III не желаетъ образованія такого единства, не хочетъ допустить обращенія жизненныхъ силъ этого тѣла около одного сердца и Итальянцамъ приходится молчать передъ волею сольферинскаго побѣдителя.

Римъ былъ бы не только географическимъ центромъ Италіи; онъ служилъ бы для нея центромъ политическимъ и моральнымъ. Слѣдовательно, возвращеніе Рима Итальянцамъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть однимъ внѣшнимъ фактомъ наполеоновой политики, не можетъ совершиться изъ однихъ матеріальныхъ побужденій: для этого нуженъ другой двигатель — нравственное убѣжденіе. Придется открыто и рѣшительно идти къ совершенному отдѣленію церкви отъ государства, а для этого нужно быть готовымъ къ явному противодѣйствію папству, что потребовало бы несравненно болѣе пожертво-

ваній, преданности дѣлу и героизма, чѣмъ какая нибудь битва съ австрійскими гренадерами. Римъ былъ бы для Италіи пріобрѣтеніемъ моральнымъ, слѣдовательно, ей нужно нравственное побужденіе, истинный героизмъ. Итальянцы считаютъ себя вѣрнѣйшими сынами римской церкви, а римская церковь — ихъ злѣйшій врагъ. Они должны знать, что Наполеонъ и папа должны будутъ уступить, какъ только для Италіи не будетъ существовать главнаго препятствія, а это главное препятствіе заключается въ самомъ принципѣ папства, которое съ презрѣніемъ смотритъ на слабыя попытки къ освобожденію и такъ мало озабочено ими, что не теряетъ еще надежды снова пріобрѣсти всемірное владычество. Изъ телеграммы отъ 8 января мы узнаемъ, что папа продолжаетъ употреблять все свое стараніе для возсоединенія греческой и римской церквей. Особая коммиссія была назначена для исключительнаго занятія дѣлами Востока.

Папство цѣпляется за остатки своей свѣтской власти со всею силою безнадежности и можетъ выпустить свою добычу только развѣ въ виду солдатъ съ отпущенными штыками. Но пока нѣтъ этого вмѣшательства, пока не появился какой нибудь *Deus ex machina*, нужно бы заняться разрѣшеніемъ нравственной стороны вопроса, нужно, чтобы отдѣленіе церкви отъ государства было признано за догматъ всѣми мыслящими людьми Италіи, а для того, чтобы этотъ догматъ проникъ въ массу итальянскихъ народностей, нужно освятить его новыми жертвами.

Что бы ни говорили, но и Кавуръ, умершій въ началѣ лѣта, не былъ способенъ, несмотря на такое знаніе дипломаціи и соглашеніе съ французскимъ императоромъ избавить Италію отъ этого кризиса. Онъ родился подъ счастливой звѣздой, потому что умеръ, какъ нельзя болѣе во-время, выслушавъ итальянскихъ депутатовъ, собравшихся въ парламентѣ для провозглашенія Виктора-Эммануила королемъ Италіи, а Римъ—своею столицей. Управившись съ значительнѣйшими внѣшними затрудненіями, слѣдовало обратиться къ внутреннимъ; дѣло шло уже не объ Австріи, а о папствѣ. Мы всегда удивлялись способностямъ Кавура, но никогда не сочувствовали его характеру. Мы всегда признавали за нимъ достоинство ловкаго дипломата и оратора въ парламентѣ; онъ былъ уклончивъ, вкрадчивъ, хитеръ, но несмотря на то сохранилъ въ себѣ много истиннаго добродушія; рѣшительный безъ ненависти, твердый и настойчивый безъ злобы, онъ умѣлъ сообразоваться съ положеніемъ дѣлъ и лицъ, и владѣлъ громадною способностью работать. Но его

упрекаютъ въ недостаткѣ добросовѣстности относительно нравственныхъ интересовъ общества, въ вѣроломныхъ поступкахъ съ людьми передовыми, между которыми онъ любилъ возбуждать ссоры, чтобы пользоваться ими для своихъ выгодъ. Въ этомъ отношеніи онъ является несравненно способнѣе своего преемника Рикасоли, который зато превосходитъ его нравственными достоинствами.

Рикасоли не съумѣлъ втереться въ милость Виктора-Эммануила, онъ съумѣлъ только заслужить ненависть императора Французовъ, которому бы хотѣлось лучше имѣть дѣло съ Ратацци. Въ его министерствѣ нравственное единство, составлявшее силу Италіи, распадается и гибнетъ; начинается борьба въ парламентѣ между большинствомъ и меньшинствомъ, большинство даже раздѣляется на партіи. Рикасоли опирается на большинство, непріязненное къ нему во всѣхъ отношеніяхъ и не хочетъ понять, что его естественный союзникъ—меньшинство. Палата выразила свое довѣріе къ министерству, но не перестаетъ слѣдить за нимъ подозрительнымъ взоромъ; нападаетъ на членовъ кабинета и на исправляющихъ ихъ должность; Рикасоли тщетно прибѣгалъ отъ одного къ другому члену, въ надеждѣ найдти товарища, который бы согласился принять портфель министерства внутреннихъ дѣлъ.

Одинъ изъ нашихъ туринскихъ друзей превосходно объяснилъ настоящее положеніе дѣлъ, указавъ на двусмысленное значеніе общественвеннаго движенія въ Италіи съ самого начала: «итальянская революція совершалась именемъ народа, но силою правительства;—въ видахъ интересовъ націи, но къ явной выгодѣ Савойи. Ея программа—единство Италіи—исполнялась республиканцами, а была приведена въ исполненіе консерваторами-монархистами. Эта странная двуличность положенія выказывается при всякомъ случаѣ и всего яснѣе выражается въ общемъ направленіи палаты. Лѣвая сторона ея поддерживаетъ резолюцію, и такъ какъ обѣ стороны правы, то понятно, что онѣ не могутъ дѣйствовать согласно; въ этомъ постоянномъ противорѣчіи и заключается смыслъ настоящаго кризиса. Рѣшившись твердо поддерживать дѣло, начатое Кавуромъ, но не умѣя, подобно ему, управлять обстоятельствами и привлекать умы на свою сторону, Рикасоли успѣлъ только возбудить противодѣйствіе и далеко не представляя изъ себя точки соприкосновенія обѣихъ партій, онъ служитъ только препятствіемъ къ ихъ соединенію. Въ этомъ и заключается тайна его уединеннаго положенія. По настоящему оно должно было бы имѣть

своимъ логическимъ слѣдствіемъ—оставленіе министерства. Но Рикасоли остается на своемъ мѣстѣ и, по всему видно, не изъ одного пустаго и мелкаго честолюбія. Онъ остается, потому что вѣритъ въ себя и знаетъ, что всякое другое министерство, со стороны большинства, принуждено будетъ или оставить совсѣмъ, или чуть касаться програмы итальянскаго соединенія. Въ то же время онъ понимаетъ, какъ важно было бы для него сближеніе съ какимъ нибудь лицомъ, которое могло бы найдти поддержку въ мнѣніи парламента. Вотъ почему Рикасоли и ищетъ себѣ товарища. А почему онъ его не находитъ, это объясняется все тою же двусмысленностью его положенія. Какъ конституціонной министръ, онъ не можетъ обратиться за помощью къ меньшинству. Но само меньшинство рѣшительно и непремѣнно хочетъ того же самаго, къ чему стремится Рикасоли, аристократъ по убѣжденіямъ и по происхожденію—единства Италіи, т. е.—войны. Большинство, напротивъ того, устрашенное внутренней неурядицей, думаетъ, что нужно прежде всего помочь этому злу, а потомъ уже идти дальше. Большинство состоитъ изъ консерваторовъ, тогда какъ положеніе дѣлъ вызываетъ революцію. И что бы ни дѣлали, а новое министерство не угонится за революціей и не угодитъ большинству.

Однако, несмотря на все раздѣленіе партій, національное единство совершилось. Италія вторично является въ ряду великихъ націй; двадцать два милліона ея гражданъ чувствуютъ себя дѣтьми одного отечества и національныя празднества, освященія желѣзныхъ дорогъ, телеграфическихъ линій, дѣятельность пароходныхъ сообщеній — все это дѣлаетъ болѣе и болѣе осязательнымъ то единство, которое столько вѣковъ считали утопіей. Въ октябрѣ мѣсяцѣ на флорентинской выставкѣ художники Неаполя, скульпторы Милана, живописцы Турина и всего полуострова, не исключая Рима и Венеціи, встрѣтились въ одномъ общемъ дѣлѣ. Подобное соединеніе Итальянцевъ представилось при открытіи анконской желѣзной дороги, соединяющей Пьемонтъ съ Марлемъ, съ долинами Альпъ, Адріатическимъ моремъ, и готовой сдѣлаться обширнымъ международнымъ пунктомъ сообщенія. Въ подобныхъ фактахъ заключается торжество, передъ которымъ безсильны всѣ старанія католической церкви и всѣ происки папъ.

Настоящее положеніе Испаніи—безъ сомнѣнія положеніе трагическое: вся нація въ броженіи и правительство О'Доннеля совершенно разлагается; это бы еще ничего, еслибы палата Кортесовъ не под—

держивала существованія недостойнаго министерства въ ущербъ правительству и самой монархіи. Маршалъ О'Доннель, кажется, хочетъ повторить грустный опытъ г. Гизо, и королева, повидимому, раздѣляетъ ошибочный взглядъ или, лучше сказать, ослѣпленіе своего министра. Гизо искажалъ установленіе парламента, подкупая избирателей, которые наполняли палату недостойными депутатами; Гизо не подозрѣвалъ, что такимъ образомъ отнимаетъ у страны настоящій органъ ея мысли и мирное изложеніе ея воли и тѣмъ наталкиваетъ ее на путь революціонный. Его поразила революція 1848 г., какъ событіе нежданное. Королева испанская, отвѣчая на поздравленіе депутатовъ Конгресса 6 января, говорила о значеніи страницы, которую, быть можетъ, посвятитъ ей исторія, упоминая о блестящемъ благосостояніи испанскаго королевства, о союзѣ общественныхъ властей, о сочетаніи порядка съ свободой. Трудно заблуждаться съ болѣе пылкой наивностью.

Вслѣдъ за королевою и мы примемъ параграфъ на той блестящей страницѣ, которая готовитъ ей исторія. Фактъ самый выдающійся и которымъ, вѣроятно, ея величество болѣе всего гордится, есть, конечно, экспедиція въ Сан-Доминго. Извѣстно, что экс-президентъ этой республики продалъ свое отечество генералъ губернатору острова Кубы, который не призадумался надъ покупкой. Гавань и столица были запружены испанскими солдатами и матросами, которые съиграли комедію и сдѣлали видъ, что уничтожили правительство, бывшее, между тѣмъ, ихъ тайнымъ собщникомъ. Они схватили, разстрѣляли или изгнали нѣсколькихъ патріотовъ, водворили своего рода терроризмъ, и потомъ, какъ скоро островъ былъ объявленъ составной частью испанскаго королевства, они вообразили, что все кончено; но жестоко ошиблись: въ настоящее время подобныя измѣны требуютъ страшной платы. Сѣверные Соединенные Штаты отказались подкрѣпить своимъ одобреніемъ этотъ грабежъ и намѣрены когда нибудь истребовать въ немъ отчета. Туземцы, противъ воли причисленные къ испанскимъ подданнымъ, замышляютъ возстаніе противъ своихъ новыхъ братьевъ, относящихся къ нимъ, какъ побѣдители къ побѣжденнымъ. Испанцы острова Кубы—торговцы неграми и ворвались какъ владѣтели на островъ, заселенный Неграми и Мулатами. Сколько страшныхъ стычекъ можно ожидать! Даже самъ Сантани, этотъ герой и славный предводитель, какъ говорятъ оффиціальныя прокламаціи, даже онъ не доволенъ вознагражденіемъ за свою измѣну, хотя и назначенъ сена-

торомъ. Стыдъ, недовольство, нищета и болѣзни—вотъ что господствуетъ теперь въ этомъ краю; желтая лихорадка свирѣпствуетъ въ арміи и солдатъ замѣняютъ каторжниками!

Отправились въ Африку не зная зачѣмъ; вернулись оттуда, не зная какъ. Все-таки тамъ дѣло не кончено, несмотря на послѣдній договоръ, подписанный въ Мадритѣ, который оказывается ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ знаменитаго вадрасскаго трактата. Замѣтьте, что этотъ договоръ съ Марокко, равно какъ и другой съ Сан-Доминго, были заключены безъ вѣдома обѣихъ палатъ, которыя однѣ могли придать имъ законную силу. Еслибы даже Мавры и уплатили долгъ, вознагражденіе не могло бы покрыть огромныхъ расходовъ экспедиціи марокской, которая стоила не менѣе 400 милліоновъ реаловъ и отъ 20 до 25 тысячъ людей, не считая многочисленныхъ инвалидовъ, существующихъ пожертвованіями общественной благотворительности.

Въ предъидущихъ письмахъ мы довольно говорили объ экспедиціи, предпринятой Франціей, Англіей и Испаніей противъ Мексики. Теперь ограничимся одними главными событіями.

Губернаторъ Примъ былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, но его другъ и товарищъ, маршалъ Серрано, генералъ губернаторъ Кубы, воспользовался близостью мѣстности, чтобы похитить начальство у своего сослуживца и первому броситься на богатую добычу. Онъ пришелъ въ Вера-Круцъ 7 декабря и завладѣлъ городомъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны мексиканскихъ властей; но этотъ слишкомъ ревностный воинъ получилъ отставку, вознагражденную впрочемъ титуломъ герцога за свой подвигъ. Послѣднія вѣсти, полученныя изъ Мексики, неутѣшительны, но надо помнить, что эти вѣсти выходятъ изъ лабораторіи гг. Тувенеля и Дюбуа-де-Солиньи, и что мы должны отказаться на нѣсколько мѣсяцевъ отъ полученія истинныхъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

Испанія, кажется, выбрала императоромъ для Мексики одного изъ сыновей Маріи Христины; Англія колеблется между Донъ-Жуаномъ бурбонскимъ сыномъ герцога Монпансье, а императору Наполеону будто бы пришла мысль предложить Мексику эрцгерцогу Максимиліану австрійскому, взамѣнъ Венеціи. Испанія не поняла, что для водворенія ея преобладанія въ Мексикѣ, ей слѣдовало отправиться туда одной, а не въ сообществѣ двухъ сильнѣйшихъ ея державъ. Президенту Линкольну приписываютъ намѣреніе вступиться за Мексику и предложить конгрессу взять на себя денежную расплату съ

Франціей и Англіей. Если это предложеніе будетъ принято, и помощь придетъ во время, то предусмотрительная и ловкая щедрость американскаго правительства будетъ выше всякихъ похвалъ.

Самое значительное событіе прошлаго года—возстаніе жителей маленькаго города *Лойа* въ Андалузіи, поразившее одинаково какъ прогрессистовъ, такъ и реакціонеровъ, потому что обнаружило неустойчивость правительства внутри страны. Мѣры, принятые правительствомъ для усмиренія возставшихъ, были таковы, что возбудили общій ропотъ и породили новыя волненія въ разныхъ мѣстахъ государства. Недовольство растетъ съ каждымъ днемъ, и новые мятежи вспыхиваютъ въ Медина Цели, въ Мостолесѣ, въ Мекинензе, въ Арко-де-ла-Фронтера и въ другихъ мѣстахъ. О'Доннель между тѣмъ говоритъ, что общество потрясается въ самыхъ своихъ основаніяхъ, и что протестантскій элементъ смущаетъ католическое единство! Истинная цѣль О'Доннеля—угодить ультрамонтанской партіи, во что́-бы то ни стало, и что́ бы ни случилось. Никто не порицаетъ религіозныхъ чувствъ въ членахъ совѣта, положимъ, что нѣтъ притворства въ ихъ ревностномъ благочестіи; но что дурно—такъ это то, что они приговорили къ каторжной работѣ на 7 и на 9 лѣтъ нѣсколькихъ человѣкъ, уличенныхъ въ обладаніи библіей или просто въ чтеніи святой книги. Что дурно, такъ это то, что министерство поддается вліянію и исполняетъ волю игуменьи Сен-Паскуаля, сестры Патрочиніо, безстыдной искательницы приключеній, которая въ 1836 г. была уличена и осуждена за беззаконный промыселъ чудесами, которымъ она дѣйствовала тогда въ пользу Дона Карлоса, теперь она тѣмъ же обольщаетъ довѣренность королевы съ помощью монсиньора Кларетъ.

Отсюда всѣ эти религіозныя учрежденія, всѣ эти монастыри, воздвигаемые въ одно время съ казармами, отсюда же возвращеніе подъ высшее покровительство монашескихъ орденовъ, изгнанныхъ законами.

Преслѣдованія печати продолжаются съ большей силой; кажется, хотѣли бы уничтожить совершенно все, что называется прогрессомъ и свободой. Директоръ журнала El Pueblo приговоренъ къ изгнанію и къ штрафу за нѣсколько стихотвореній. Не даромъ говоритъ Фигаро: «маленькіе люди боятся маленькихъ стишковъ». Издатель «Иллюстраціи» въ Малагѣ осужденъ на 12 лѣтъ каторжной работы за распространеніе демократическихъ понятій. «Къ чему же вы приговорите меня», говорилъ г. Риверо палатѣ депутатовъ, «меня, кото-

рый вотъ уже 15 лѣтъ только и занимаюсь что развитіемъ этихъ идей?» Въ Севильи и Барселонѣ епископы сдѣлали торжественное ауто-да-фе книгамъ авторовъ, которыхъ не могли сжечь.

Главный двигатель испанской политики—это внушеніе іезуитовъ, партіи католической и преданной Риму; это-то вліяніе и производитъ страшную нетерпимость и гоненіе внутри страны, оно произвело мексиканскую экспедицію и побудило правительство послать на казенный счетъ къ бывшему королю неаполитанскому г. Бермудезъ де Кастро, не какъ посланника (по толкованію маркиза Мирафлоресъ), но какъ утѣшителя. Тому же вліянію іезуитовъ слѣдуетъ приписать и разрывъ Италіи съ Испаніей, разрывъ, которому народъ и общество въ Испаніи не могли сочувствовать. При отъѣздѣ изъ Мадрита барона *Текко*, итальянскаго посланника, его провожали главные представители журналовъ и палатъ, между прочими гг. Олозага и Риверо. Въ Барцелонѣ, гдѣ онъ сѣлъ на корабль, масса народа шла за нимъ на берегъ съ восторженными кликами, доказывающими симпатію Испанцевъ къ Италіи.

Отношенія между клерикальнымъ правительствомъ Испаніи и либеральнымъ правительствомъ Португаліи сильно запутались. Прежній испанскій посланникъ въ Лисабонѣ, г. Алькано Галіано уже замѣчалъ, что противно здравому смыслу возбуждать противъ себя страну, желающую тѣснаго союза, народъ, живущій на одномъ полуостровѣ. Прибавимъ, что еслибы испанское правительство было частнымъ человѣкомъ, то его давно посадили бы въ тюрьму за долги, не имѣя основанія ожидать уплаты; и такъ не правы ли мы, сказавъ, что Испанія находится въ затруднительномъ положеніи?

До послѣдняго времени Португалія была счастливой страной и тѣмъ болѣе, что не попадала въ страшный водоворотъ столкновеній и затрудненій остальной Европы. Въ настоящую минуту, несчастія постигшія королевскую фамилію заставили всѣхъ говорить о Португаліи. Молодой король, Педро V, былъ характера добраго и благосклоннаго, ума твердаго и честнаго; онъ былъ искренно привязанъ къ конституціи, которую поклялся соблюдать. Когда холера начала свирѣпствовать въ Лиссабонѣ, и духовенство, подъ начальствомъ епископа, во множествѣ оставило городъ, молодой король, для ободренія народа, посѣщалъ госпитали и ходилъ за больными. Въ дѣлѣ «Карла и Георга», (судна, забиравшаго невольниковъ на Мозамбикскомъ берегу подъ высокимъ покровительствомъ правительства Франціи) Донъ Педро выка-

залъ твердость и достоинство характера и заставилъ уважать свою страну. Въ дѣлѣ сестеръ іезуитокъ, присланныхъ въ Лиссабонъ изъ Франціи, онъ велъ себя какъ нельзя лучше. Послѣ немногихъ мѣсяцевъ счастливаго союза, потерявъ свою прелестную супругу, урожденную принцессу Гогенцоллернъ Зигмарингенъ, печальный король искалъ утѣшенія въ трудѣ и строгомъ изученіи философіи, въ особенности Канта и Гегеля. Португальцы горячо любили своего короля, одареннаго многими хорошими качествами, обѣщавшаго сдѣлаться благодѣтелемъ своего народа. Вдругъ разнеслась грустная вѣсть: Донъ Педро умеръ почти скоропостижно тифозной горячкой. Не успѣли опомниться отъ перваго потрясенія этой вѣсти, какъ одно за другимъ пришли увѣдомленія, сперва о смерти одного брата короля инфанта Донъ Фернандо, потомъ о кончинѣ другаго инфанта Донъ Жао, и наконецъ, о болѣзни третьяго—Донъ Огусто. Воображеніе народа было поражено самымъ грустнымъ образомъ: большинство вообразило, что принцы пали жертвами ненависти іезуитовъ къ ихъ семейству. Заговорили объ отравленіи, обвиняли французскихъ сестеръ и предводителей реакціонерной партіи: маркиза Луль, графовъ Финало, д'Авила и Понте. Послѣдній, встрѣченный толпой возбужденнаго народа, получилъ нѣсколько ударовъ въ голову,—во дворцѣ его перебили всѣ окна. По послѣднимъ извѣстіямъ, Донъ Огусто былъ еще опасно боленъ воспаленіемъ въ легкихъ, и опасались, чтобы вліяніе столькихъ огорченій не отозвалось съ особой силой въ новомъ королѣ, Донъ Луисѣ и его несчастномъ отцѣ, регентѣ королевства. Двое знаменитѣйшихъ докторовъ были вызваны изъ Парижа въ Лиссабонъ съ величайшей поспѣшностью.

Швейцарія ознаменовала себя въ истекшемъ году особенной твердостью въ сношеніяхъ съ Франціей, которой неудалось напугать ее дѣлами Ville la Grande и Дапиской долины, вопросами нерѣшенными до сихъ поръ, да врядъ-ли и требующихъ какого рѣшенія.

Когда подобнаго рода столкновеніе возникаетъ между Швейцаріей съ одной стороны и Франціей или Италіей съ другой (какъ напримѣръ въ дѣлѣ ломбардскихъ епископовъ и приходовъ Течино), тогда Австрія начинаетъ оказывать Швейцаріи разнаго рода любезности, принимаемыя послѣдней очень охотно. Это не должно удивлять насъ и можетъ объяснить какъ нѣкоторые черты федеральной политики, какъ напр. ея нейтралитетъ нѣсколько австрійскаго цвѣта во время войны

1859 г., готовность, съ какою многіе Швейцарцы вступаютъ въ римскую или неаполитанскую службу, и многое другое.

Въ настоящее время Швейцарія сильно клонится къ разрушенію федеральной формы различныхъ правленій, болѣе или менѣе аристократическихъ, чтобы сдѣлаться единодушной республикой космополитическаго характера. Это измѣненіе искренно и глубоко, и хотя незамѣтно для поверхностнаго взгляда, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ и рано или поздно запишется исторіей.

Одинъ изъ людей, наиболѣе подготовляющихъ этотъ новый порядокъ вещей,—это Джемсъ Фази (Fasy), человѣкъ сомнительныхъ правилъ, но ума обширнаго, вліяніе котораго на Женеву и на всю Швейцарію очень велико.

Что касается до германскихъ государствъ, то, чтобы не вдаваться въ излишніе длинноты, мы представимъ прежній хронологическій перечень случившихся тамъ главнѣйшихъ событій.

2-го января. Смерть Фридриха Вильгельма IV и вступленіе на престолъ Вильгельма I въ Пруссіи.

Правительство гессенское предложило германскому союзу запретить National-Verein.

6 февраля. По предложенію г. Винке, палата депутатовъ приняла по большинству 156 голосовъ противъ 142, слѣдующее рѣшеніе: «Мы считаемъ противнымъ интересу Пруссіи и любителей Германіи, сопротивленіе прогрессивному утвержденію Италіи».

Несмотря на то, г. Бернсторфъ, одиннадцать мѣсяцевъ спустя, не рѣшился еще признать существованія королевства Италіи.

7-го февраля. Сеймъ требуетъ у Даніи отвѣта на рѣшеніе 8-го марта 1860 г. и даетъ сроку не болѣе шести недѣль, въ противномъ случаѣ обѣщаетъ прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ. Это рѣшительное требованіе приводитъ всѣ умы въ замѣшательство. Въ Германіи и внѣ ея люди недовольные ожидаютъ войны.

26-го февраля. Обнародованіе конституціи и устава внутреннихъ учрежденій, съ назначеніемъ сеймовъ во всѣхъ провинціяхъ австрійской имперіи.

4-го марта. Въ Штутгартѣ, камера депутатовъ противится утвержденію стѣснительнаго договора съ папою.

25-го марта. Сеймъ въ Голштиніи единодушно отвергаетъ проектъ конституціи, предложенный датскимъ правительствомъ.

4-го апрѣля. Сенатъ провозглашаетъ въ Бременѣ свободу торговли.

6-го апрѣля. Открытіе сеймовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ австрійской имперіи.

8-го апрѣля. Обнародованіе въ Вѣнѣ грамоты, дающей протестантамъ равныя права въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи.

7-го мая. Открытіе австрійскаго императорскаго государственнаго сейма. За отсутствіемъ уполномоченныхъ отъ Венгріи, Венеціи и др. рѣшенія его не получаютъ силы закона. Засѣданія однако открыты въ неосуществившейся до сихъ поръ надеждѣ достигнуть полнаго числа членовъ.

13-го мая. Собраніе торговаго конгресса въ Гейдельбергѣ.

22-го мая. Открытіе вторичныхъ переговоровъ въ Вюрцбургѣ. Баварія, Вюртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Нассау и оба Гессенскія княжества посылаютъ туда своихъ представителей.

31-го мая. Сеймъ предлагаетъ принять проектъ торговаго устава.

12-го іюня. По рѣшенію вюртембергскаго короля договоръ съ папою уничтоженъ. Великое герцогство Баденское вскорѣ должно было объявить то же мнѣніе. Жалобы со стороны католиковъ, помѣщиковъ и приверженцевъ католической религіи. Либералы торжествуютъ.

12-го іюня. Въ Ганноверѣ подписанъ договоръ, уничтожающій подорожное право.

24-го іюня. Принятіе Пруссіей торговаго устава союзной Германіи.

1-го іюля. Новая палата депутатовъ въ Гессенскомъ княжествѣ требуетъ возстановленія конституціи 1831 года. Она распущена. Впродолженіе тридцати лѣтъ это маленькое княжество почти безпрерывно занято усмиреніемъ такого рода волненій. Министры хотятъ управлять сами, вопреки палатамъ, которыя отъ времени до времени собираются и распускаются.

4-го іюля. Баденское правительство предлагаетъ сейму не противиться возстановленію конституціи въ електоральномъ гессенскомъ княжествѣ. Дѣло объ этомъ откладывается въ долгій ящикъ.

14-го іюля. Покушеніе Оскара Беккера на жизнь короля Вильгельма I въ Баденъ-Баденѣ. «Kreiz-Zeitung» обвиняетъ либераловъ въ этомъ умыслѣ.

21-го іюля. Праздество нѣмецкихъ пѣвцовъ въ Вюртембергѣ.

28-го іюля. Праздникъ ружейныхъ мастеровъ въ Готѣ. Множество

собраній ученыхъ, естествоиспытателей, политико-экономовъ, законовѣдовъ—представителей оппозиціонной партіи сейма.

30-го іюля. Соединенныя камеры въ Кобургѣ и Готѣ одобряютъ военныя условія, заключенныя между герцогомъ и прусскимъ правительствомъ. Ободренный такимъ началомъ герцогъ старается присоединить къ прусскому ученому сословію и свое.

12-го августа. Сеймъ удостоиваетъ одобренія свѣдѣнія, данныя датскимъ правительствомъ касательно Голштиніи.

22-го августа. Распущеніе венгерскаго сейма, признаннаго мятежнымъ.

25-го августа. Собраніе National–Verein въ Гейдельбергѣ. Безпокойства, возбужденныя по поводу нѣмецкаго флота, предоставленнаго въ подарокъ Пруссіи. Англійскіе журналы подсмѣиваются надъ этимъ движеніемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

And did the little German cry
«J want to have a fleet?»
A navy in his little eye?
Oh! what a grand conceit!
Well; if he'll promise to be good
His wish he shall enjoy!
See, here's a ship cut out of wood:
A proper German toy! (*)

29-го августа. Палата депутатовъ не соглашается на предложеніе ввести свободу промышленности въ Баваріи.

11-го октября. Г. Шлейницъ, подававшій такія блестящія надежды уступаетъ свое мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ г. Беренсторфу.

14 го октября. Свиданіе въ Компьенѣ короля Вильгельма и императора Наполеона. Торжественный поѣзъ прусскаго короля отъ Рейна къ Прегелю. Коронація въ Кенисбергѣ.

23-го октября. Торжественный въѣздъ въ Берлинъ. Великолѣпное торжество, данное французскимъ посланникомъ.

(*) И вотъ маленькій Нѣмецъ закричалъ: я хочу имѣть флотъ и морскую силу передъ моими глазами. О какой благодатный замыселъ! Ну, такъ и быть, если онъ обѣщаетъ быть умницей, мы удовлетворимъ его желаніе. Вотъ корабликъ, вырѣзанный изъ дерева, какъ разъ подходящая нѣмецкая игрушка.

31-го октября. Саксенъ-Кобургъ-Гота требуетъ отъ сейма разбора дѣлъ National-Verein, преобразованія союза въ пользу народнаго представительства, утвержденія единства въ управленіи войсками и устройства министерства иностранныхъ дѣлъ.

7-го ноября. Приказъ о военныхъ податяхъ и возобновленіе военнаго положенія Венгріи.

8-го ноября. Общіе выборы. Помѣщики терпятъ пораженіе. Прогрессивная партія получаетъ около ста назначеній. Нѣмецкая демократія повидимому снова хочетъ вступить въ свои политическія права. Король недоволенъ. Министерскій кризисъ дѣлается ощутительнѣе, но дѣла остаются въ неопредѣленномъ состояніи. Жаркіе споры по поводу военнаго бюджета.

13-го декабря. Баденскіе депутаты требуютъ преобразованія сейма и народнаго парламента, какъ было въ 1848 году. Подумали ли эти добрые люди о томъ, чего добиваются?

Г. Либеръ, государственный министръ Норвегіи, подалъ въ отставку только для того, чтобы избавиться отъ представленія королю адреса, написаннаго въ духѣ самомъ неблагопріятномъ для скандинавскаго соединенія, которое составляетъ любимую мечту Карла XV. Для этой цѣли король думаетъ предложить будущему собранію государственныхъ чиновъ разсмотрѣніе вновь составленнаго имъ закона относительно выборовъ. Съ той же цѣлью онъ ѣздилъ прошедшимъ лѣтомъ во Францію и въ Англію. Наполеонъ принялъ его очень радушно, но правительство Англіи обошлось съ нимъ очень холодно.

Обращаемся къ Турціи. Султанъ Абдулъ-Меджидъ имѣлъ несчастіе до настоящей смерти пережить самого себя. Это не значитъ, чтобы онъ лишился употребленія умственныхъ способностей и сдѣлался идіотомъ. Онъ сохранилъ свой здравый смыслъ, логичность сужденій, всю мыслительную дѣятельность, но способности его постепенно ослабѣвали и теряли свою жизненность. Появленіе его на свѣтъ было встрѣчено восторженными восклицаніями. Его отецъ былъ жестокъ; сыну предсказывали кротость и доброту; впослѣдствіи кромѣ этихъ качествъ открыли въ немъ свѣтлый умъ. Всѣ ждали, что онъ приведетъ къ доброму окончанію реформы своего предшественника, начавшіяся мѣрами грубыми и насильственными. Къ несчастію Турціи эти ожиданія не оправдались: молодой государь оказался человѣкомъ ограниченнымъ и лишеннымъ твердой воли. Его любимцы разстроили государственные финансы, а любимицы разстроили его здоровье. Не

будучи золъ отъ природы, онъ былъ капризенъ и упрямъ, какъ всѣ слабые люди; прихотливъ и испорченъ, какъ всѣ тѣ, которые во всю жизнь свою не сдѣлали ничего хорошаго; скептикъ, какъ всѣ, кто окруженъ развратомъ. Уступая могущественному влiянiю запада, онъ обнародовалъ свой знаменитый Гатти-Гумаюнъ, единственнымъ недостаткомъ коего была невозможность привести его въ исполненiе. Было ли это дѣйствительно неисполнимо? Разумѣется, нѣтъ, отвѣчаетъ оптимисъ;—Конечно, нѣтъ, скажутъ пессимисты, видящiе въ Турцiи больнаго до такой степени близкаго къ смерти, что скорѣе слѣдуетъ подумать о раздѣленiи оставляемаго имъ наслѣдства, нежели о борьбѣ съ его недугомъ помощью лекарствъ и леченiя.

Еслибы больной не былъ предоставленъ попеченiю подобныхъ докторовъ, еслибы предоставили дѣйствовать самой его натурѣ, то еще можно было бы сохранять какую либо надежду; но доктора сами не хотятъ спасти его отъ смерти и если существованiе его поддерживается еще, то единственно по причинѣ взаимной зависти наслѣдниковъ, скорѣе соглашающихся оставить имѣнiе въ рукахъ умирающаго, нежели рѣшиться отдать его въ руки одного счастливца изъ своей собственной среды. Фанатическая вѣра Ислама обратилась въ бичъ для Турцiи. Въ ней существуетъ партiя реформацiонная, но мы не можемъ предсказать ей большаго успѣха, потому что она твердо держится за правовѣрiе магометанства. Члены этой партiи принадлежатъ по большей части къ бѣдному классу общества. Богатая и блестящая молодежъ, воспитанная въ Парижѣ и Лондонѣ, зараженная всѣми пороками востока и запада, чуждается партiи старыхъ Турокъ, мечтающихъ о возвращенiи древней простоты нравовъ и о возрожденiи государства на строгихъ началахъ мусульманской нравственности. Эта партiя заявила о своемъ существованiи заговоромъ, имѣвшимъ цѣлью уронить министерство Абдулъ-Меджида и замѣнить его составъ людьми честными. Чѣмъ более мы уважаемъ принципы этой избранной партiи, тѣмъ менѣе можемъ обѣщать ей успѣха. Главнѣйшею реформою, которую слѣдовало бы сдѣлать, все-таки остается секуляризацiя владѣнiй духовенства, которыя занимаютъ лучшую часть государства.

Противъ такой рѣшительной мѣры немедленно вооружилось бы духовенство и мы увидѣли бы, что и въ Турцiи, равно какъ въ Италiи не легко посягнуть на земныя достоянiя служителей церкви. Султанъ — своего рода папа и глава вѣрующихъ. Можно было бы спросить наконецъ этихъ реформаторовъ, возможно ли по теорiи поправить по-

ложеніе государттва помощью того же Корана, который не помѣшалъ его паденію? Не самъ ли Коранъ посѣялъ семена разрушенія своимъ ученіемъ о предопредѣленіи, заставляющемъ слабаго человѣка не бороться противъ зла, а безропотно склоняться передъ нимъ. Это ученіе способное иногда воодушевить юношество къ могучей энергіи и героизму, какъ мы это видимъ въ исторіи Арабовъ и кальвинистовъ, направляетъ всѣхъ робкихъ и нерѣшительныхъ людей къ безотвѣтной готовности ко всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ. Предопредѣленіе можетъ быть убѣжденіемъ и сильнаго, и слабаго; но эта двойственность доказываетъ только шаткость Ислама, а нисколько не силу его. Для Турціи нужно новое ученіе, въ новой формѣ; но приверженцы лучшей формы, слѣдуя Магомету, не хотятъ измѣнять духу своего исповѣданія, а преобразователи самаго смысла мусульманскаго ученія, какъ Купризли-Паша не думаютъ объ измѣненія формы; итакъ ни съ той ни съ другой стороны не видно спасенія для Турціи.

Тѣ же надежды что и при вступленіи на престодъ Абдулъ-Меджида овладѣли Турками при извѣстіи о воцареніи Абдулъ-Азиса, но вскорѣ уступили мѣсто полному разочарованію. Султанъ, въ сущности очень добрый человѣкъ, вслѣдствіе незнанія дѣлъ, зависитъ вполнѣ отъ окружающихъ лицъ, сколько нибудь болѣе его свѣдущихъ и принадлежащихъ безъ исключенія къ партіи испорченныхъ. Несмотря на нѣкоторыя перемѣны, фавориты прежняго двора остаются и при нынѣшнемъ; до сихъ поръ замѣщенія касались однѣхъ фаворитокъ; страсть къ постройкѣ дворцовъ замѣнилось страстью къ кораблестроенію: это та же безпечная расточительность среди всеобщаго разстройства, то же мотовство, въ ту самую минуту, когда Омеръ-Пашѣ нечѣмъ уплачивать жалованье своимъ войскамъ и заработанная плата возвышается до непомѣрно-высокой цифры. Въ началѣ прошедшаго года дѣло Мирсса отбило у европейскихъ капиталистовъ на долго охоту довѣрять свои деньги Турціи; тѣмъ не менѣе однако сочли нужнымъ впослѣдствіи вымаливать у Англіи заемъ, въ которомъ было отказано. Фуадъ-Паша былъ всячески побуждаемъ къ спасенію казначейства отъ катастрофы. Въ настоящее время Фуадъ-Паша, какъ финансовый геній Турціи служитъ ей единственною надеждою подобно г. Бруку въ Австріи или г. Ахиллесу Фульду во Франціи. Посреди этой денежной неурядицы европейскіе негоціанты и Армяне успѣваютъ отлично устраивать свои дѣла и ловить рыбу въ мутной водѣ.

При такихъ обстоятельствахъ политическое разстройство продолжается. Соединеніе Молдавіи и Валахіи подъ конституціоннымъ правленіемъ Александра Кузы признано наконецъ высокою Портою; христіанское населеніе стремится къ возстанію тайно и явно, на всемъ протяженіи отъ Чернаго моря до Адріатики; наконецъ между арміей Омера Паши, Герцоговинцами и Черногорцами нѣсколько мѣсяцевъ уже идетъ война. Въ Сиріи продолжается взаимное несогласіе Друзовъ и Маронитовъ, бывшее причиною столькихъ убійствъ и кровавыхъ стычекъ. Изъ-за этихъ племенъ поглядываютъ Англія и Франція точно также, какъ и въ дѣлѣ Суэзскаго канала. Прорытіе его подвигается, минованіе Ель-Гвирскаго порога дастъ возможность компаніи избѣгнуть работы на 20 метровъ въ глубину. Если дадутъ время окончить это предпріятіе, то оно дастъ другой оборотъ восточному вопросу въ дѣлѣ общечеловѣческихъ интересовъ. Остановка зависитъ теперь ужъ исключительно отъ соперничества уполномоченныхъ.

Переходя къ Греціи, мы можемъ замѣтить, что эта маленькая страна мало интересуетъ насъ. Нужны были два покушенія на жизнь короля и королевы, чтобъ пробудить общественное вниманіе къ этому государству. Можетъ быть оно представляетъ самый разительный контрастъ между его грустнымъ настоящимъ, славнымъ прошедшимъ и блестящимъ будущимъ. Можетъ быть Греки вторично будутъ играть первую роль въ Средиземномъ море и даже перегонять Итальянцевъ въ дѣлѣ цивилизаціи, но для этого нужно, чтобъ Критъ, Кипръ, Смирна и Византія не были подъ властью Турокъ и чтобъ англо-саксонское племя избавило отъ своего покровительства Іоническіе острова, гдѣ оно владычествуетъ при помощи армстронговыхъ пушекъ.

Внутри государства Англичане были необыкновенно спокойны. Движенія волонтеровъ успокоиваются. Двѣ или три попытки къ избирательной реформѣ не удались по причинѣ несодѣйствія лорда Джона Росселя. Конечно, въ Ирландіи былъ голодъ, мануфактурные дистрикты понесли огромные убытки, но это нисколько не касается оффиціальной Англіи, гдѣ безспорно царствуетъ всемогущій Пальмерстонъ.

Самое замѣчательное происшествіе было смерть принца-супруга— прелестное прозвище, придуманное британскою чопорностью. Принцъ Альбертъ открыто не подавалъ голоса въ конституціи, но вліяніе его было несомнѣнно. Онъ былъ человѣкъ образованный и умный, богато одаренный тѣмъ качествомъ, которое одно могло его поддержать—тактомъ. Его

вліяніе на общественныя дѣла было миролюбиваго характера, и въ этомъ его величайшая заслуга; но онъ принадлежалъ скорѣе къ партіи аристократовъ нежели либераловъ. Въ глубинѣ души онъ всегда оставался кобургскимъ принцемъ и вассаломъ Австріи. Онъ не заботился ни о Венгерцахъ, ни о Славянахъ и отъ души ненавидѣлъ Ирландцевъ. Вообще, это былъ человѣкъ скорѣе умный нежели симпатичный. Одно время его вліяніе преобладало надъ вліяніемъ Пальмерстона, но послѣдній уронилъ его своими журналами въ общественномъ мнѣніи, такъ что принцъ Альбертъ принужденъ былъ объявить себя побѣжденнымъ.

Исторія внѣшнихъ событій въ Англіи за это время представляетъ большее разнообразіе. Эта неустающая нація пріобрѣла себѣ новую Калифорнію въ золотыхъ розсыпяхъ на берегахъ рѣки Фразера въ англійской Колумбіи. Въ Африкѣ она завладѣла цѣлымъ королевствомъ Лагосъ, которое она пріобрѣла за незначительную сумму отъ прежняго короля. По условіямъ заключеннаго договора, дѣлающаго честь Англичанамъ, они соглашаются терпѣть прусутствіе туземцевъ на ихъ землѣ. Въ Океаніи они также за бездѣлицу пріобрѣли право верховнаго господства надъ островами Фидулс, откуда они думаютъ противодѣйствовать американскому вліянію на Сандвичевы острова. Въ Австраліи, по сосѣдству съ тропикомъ, основалась англійская колонія, которую ожидаетъ блестящая будущность, благодаря прекраснымъ гаванямъ, многочисленнымъ рѣкамъ, плодородію почвы, очаровательности климата и центральному положенію между материками. Австралія открыта такимъ образомъ духу предпріятій Европейцевъ, но въ то же время и хищничеству, съ которымъ англосаксонское племя распространяетъ свое опустошительное вліяніе. Такъ немногочисленные туземцы Австраліи пропадаютъ и искореняются вліяніемъ пришельцевъ, окруженные чуждыми имъ учрежденіями и непонятной цивилизаціей. На огромной территоріи Ванъ-Дименовой земли они истреблены совершенно, такъ что отъ прежняго населенія не осталось и слѣда.

Но нигдѣ подобная очистительная система не представляется въ такомъ жалкомъ видѣ какъ въ Новой Зеландіи, этомъ географическомъ антиподѣ Великобританіи и одномъ изъ прелестнѣйшихъ острововъ въ свѣтѣ. Англичане перенесли туда свою цивилизацію, свои учрежденія, церковную іерархію и свою High Church. Туземцы при-

надлежатъ къ одной изъ лучшихъ расъ, красивы, сильны, здоровы и способны. Съ удивительнымъ рвенiемъ приняли они христiанство, правы и законодательство Англичанъ, удовлетворившись правомъ владѣть своею землею, наравнѣ съ пришельцами. Въ возникавшихъ безпорядкахъ и гражданскихъ войнахъ Англичане всегда оказывались правыми: de jure—по словамъ Times и de facto—при помощи штыковъ. Все это привело къ тому, что прекрасное народонаселенiе, простиравшееся до 200,000, по свидѣтельству первыхъ миссiонеровъ, уменьшилось до 60 тысячъ. А китайская война, въ которой Французы вмѣстѣ съ Англичанами являются сѣятелями протестантизма, iезуитизма и всѣхъ благъ западной цивилизацiи и сжигаютъ замѣчательнѣйшiй музей въ свѣтѣ, гдѣ были собраны памятники наукъ, искусствъ и исторiи за цѣлые десятки вѣковъ—что это такое?

Отдохнемъ на минуту отъ этого печальнаго зрѣлища и обратимся къ болѣе утѣшительному событiю, совершившемуся въ Индiи. Эта огромная страна, предоставленная въ добычу голоду и чумѣ, постоянно ослабляемая поборами, будетъ теперь въ состоянiи откупиться хотя немного отъ этого послѣдняго зла. Благодаря правамъ собственности, дарованнымъ Индусамъ наравнѣ съ Англичанами, процвѣтутъ трудолюбiе и довольство и сдѣлается доступною извѣстная степень прогресса. О! какую дурную память оставилъ бы по себѣ 1861 годъ, если бы изъ-за Англiи, въ теченiи его, возгорѣлось братоубiйственная война между старымъ и новымъ свѣтомъ. Англичане все для этого сдѣлали. Вызовъ полученъ былъ изъ Лондона; вся Европа, Соединенные Штаты, сама Англiя и всѣ мы, сколько насъ ни есть, сдѣлались игрушкою лорда Пальмерстона. Извѣщая по телеграфу о взятiи Трепта, лондонскаго посланника Соединенныхъ Штатовъ, вашингтонскiй кабинетъ объявлялъ, что такъ какъ капитанъ Грелькcъ дѣйствовалъ безъ всякой инструкцiи, то оно не оправдываетъ его поступка. Лордъ Пальмерстонъ, не показавъ виду, что знаетъ объ этомъ, объявилъ Англiю жестоко оскорбленною, поддерживалъ непрiязненное расположенiе населенiя къ Американцамъ, сдѣлалъ огромныя приготовленiя къ войнѣ, употребивъ на нихъ нѣсколько сотенъ миллiоновъ изъ заемныхъ банковъ и послалъ въ Канаду войска. А когда содержанiе депеши сдѣлалось извѣстно, онъ отрицалъ самое существованiе ея.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ послѣднемъ событiи минувшаго года и скажемъ только, что, одержавъ побѣду надъ самой

собой, Сѣверная Америка восторжествовала и надъ Южными Штатами и надъ Англіею.

Для американской республики 1861 годъ имѣлъ по преимуществу серьезное значеніе. Со времени объявленія независимости, Соединенные Штаты не испытывали ничего подобнаго настоящимъ затрудненіямъ. Они даже имѣютъ большее значеніе, чѣмъ революція. Тамъ дѣло шло о политическихъ правахъ народа, а теперь оно касается освобожденія цѣлаго племени, порабощеннаго съ незапамятныхъ временъ, о примиреніи потомковъ Хама и Іафета, враждовававшихъ столько столѣтій. Несмотря на естественное отвращеніе ко всякой войнѣ, мы съ радостью останавливаемся передъ американскою борьбой; она прибавитъ новое доказательство той истины, что общество не можетъ существовать на ложныхъ началахъ; еще разъ ясно увидитъ міръ, что всякое благосостояніе безъ добраго принципа, есть химера, самая обманчивая и кратковременная.

Да, Соединенные Штаты въ самомъ разгарѣ войны представляютъ болѣе утѣшительное зрѣлище, чѣмъ другое государство, чинное и спокойное въ родѣ французской имперіи. Правда, судя по внѣшности, Франція представляется страною самою счастливою. Городскіе бульвары кипятъ щеголями, театры гремятъ шумомъ аплодиссментовъ, богатые дворцы наполняются блестящимъ обществомъ, солдаты вмѣсто войны заняты маршированіемъ по улицамъ и плацпарадами, тысячи чиновниковъ только то и дѣлаютъ, что чинятъ перья да ходятъ поздравлять начальниковъ, а журналы каждый вечеръ тѣшатъ довѣрчивое вниманіе публики заучеными фразами. Въ Америкѣ, напротивъ того, сборища бываютъ только или на мѣстѣ сраженія, или на пожарахъ. Милліоны вооруженныхъ людей дерутся по частямъ, прежде чѣмъ поборются съобща; то тамъ, то здѣсь цѣлыя шайки воровъ кочуютъ по опустошеннымъ деревнямъ, десятки тысячъ бѣглецовъ черныхъ и бѣлыхъ разсѣяны по дорогамъ; одни бѣгутъ отъ своихъ господъ, другіе отъ непріятеля; цѣлые города пылаютъ; искусственные утесы воздвигнуты при входѣ въ гавани; и все-таки это ужасное зрѣлище само по себѣ менѣе печально, нежели мертвенное усыпленіе народа. Тамъ народъ не усыпленъ; онъ бодрствуетъ среди своихъ бѣдствій, и непризнанныя до сей поры права говорятъ за себя пушечными выстрѣлами.

Соціальный прогрессъ за прошедшій годъ имѣетъ свое значеніе; въ этомъ можно убѣдиться, сравнивъ конецъ 1860 съ кон-

цемъ 1861 года. Тогда рабство было во всей силѣ учрежденія, освященнаго временемъ; оно считалось краеугольнымъ камнемъ американскаго общества. Президентъ республики былъ орудіемъ въ рукахъ плантаторской олигархіи; высшій народный судъ казался совѣтомъ рабовладѣльцевъ; конгрессъ походилъ скорѣе на купеческое собраніе; торговля неграми производилась не только безъ стыда и совѣсти, но и безъ малѣйшей опасности для продавцевъ; число полей, обработываемыхъ рабами, постоянно возрастало и распложалось, какъ плодятся грибы на разныхъ нечистыхъ мѣстахъ. По закону плантаторы получили право переносить все свое движимое имущество, а въ томъ числѣ и невольниковъ въ долины Канзаса, въ необъятныя луговыя степи Неброскія и на возвышенности Утаа и Колорадо. Двѣ трети республики заняты были рабами; свободное населеніе постепенно уменшалось. Слово американцевъ сдѣлалось равнозначущее слову: плантаторъ. Всякое служащее лицо, какъ въ войскѣ такъ и въ администраціи, подвергалось немедленной отставкѣ за укрывательство бѣглаго негра.

Прошло двѣнадцать мѣсяцевъ, и теперь этотъ законъ получилъ обратный смыслъ: за выдачу бѣглыхъ рабовъ служащія лица подвергаются отрѣшеніямъ отъ должностей; громадная территорія Неброска, по пространству обширнѣе Германіи, была освобождена отъ рабства, чтобы сдѣлаться навсегда страною свободною; Канзасъ, тоже свободная область, выставилъ десять тысячъ вооруженныхъ аболиціонистовъ, написавшихъ на своихъ знаменахъ: «*Freedom for all*» (свобода для всѣхъ); болѣе 50,000 невольниковъ оставили Миссури, благодаря аболиціоннымъ войскамъ.

Въ Кентукки и Виргиніи также пограничныя деревни лишились своего несвободнаго населенія; на полуостровѣ Аккомакѣ, къ востоку отъ Чезапека, 10,000 негровъ въ нѣсколько дней завоевали себѣ свободу. Конгрессъ обсуждалъ вопросъ о конфискованіи и освобожденіи всѣхъ невольниковъ, принадлежащихъ отложившимся плантаторамъ; президентъ предлагаетъ устроить колонію на свободныхъ земляхъ изъ негровъ, получившихъ гражданскія права. Разумѣется, отъ подобныхъ мѣръ еще далеко до безъусловнаго признанія равноправности всѣхъ племенъ и неотъемлемаго права всего человѣчества на свободу. Американецъ, воспитанный на презрѣньи къ Негру, не признаетъ еще своего брата въ этомъ существѣ съ черной кожей, и, даже освобождая его отъ прежняго господина, освободитель не имѣетъ въ виду ничего кро-

мѣ конфискованія цѣнной собственности, но, благодаря этому конфискованію, рабъ дѣлается свободнымъ человѣкомъ и прежній корифей рабства превращается въ аболиціониста. Кромѣ того общественное мнѣніе съ каждымъ днемъ высказывается яснѣе и яснѣе противъ постыднаго учрежденія, сдѣлавшагося причиною войны. Сознаніе долгаго преступнаго поведенія республики относительно негровъ дѣлается болѣе и болѣе искреннимъ, и, благодаря ненависти къ рабовладѣльцамъ, является сочувствіе къ самимъ рабамъ. Такимъ образомъ убѣжденіе въ равноправности человѣческихъ племенъ вкореняется глубже и глубже среди ужасовъ войны: Соединенные Штаты никогда не оцѣнятъ всего величія этого убѣжденія, которое дастъ имъ возможность устроить за-ново свою республику на иныхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ. Ради такого результата они могутъ примириться съ истребленіемъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ, истощеніемъ финансовъ и гибелью нѣсколькихъ тысячъ своихъ защитниковъ. Развѣ не обвиняютъ Американцевъ въ излишнемъ поклоненіи деньгамъ? Вотъ имъ удобный случай доказать, что въ глубинѣ ихъ убѣжденій лежитъ священная любовь къ отечеству и чувство долга.

Исторія прошедшаго года отностительно Америки представляетъ два рѣзко отдѣляющіеся періода: до разрыва съ Южною Каролиною и послѣ него. Сначала все шло отлично у мятежныхъ штатовъ. Въ настоящее время доказано, что возстаніе было давно подготовлено; министерство Бьюканана воспользовалось общественными доходами для доставленія первыхъ средствъ для будущей войны. Министры перевезли пушки на югъ, обирая крѣпости, расположили федеральныя войска на границахъ Мексики и Канады, снарядили фротъ въ Средиземное море, въ Индійскій и Тихій океаны. Когда Южная Каролина объявила себя независимою, плантаторы другихъ невольничьихъ штатовъ тотчасъ же завладѣли оставленными гаванями, поставивъ своими предводителями сенаторовъ, извѣстныхъ неоднократнымъ вѣроломствомъ, прервали всякое сношеніе съ федеральной партіей. Другіе, какъ напримѣръ Виргинія, оставались еще по наружности членами союза, но втайнѣ подготовляли разрывъ и укрощали воинственныя стремленія Янки лживыми обѣщаніями. Бьюкананъ, бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, по своей слабости сдѣлавшійся однимъ изъ виновниковъ возстанія, смотрѣлъ очень снисходительно на распаденіе союза. Линкольнъ, теперешній президентъ, сдѣлавшись хозяиномъ «Бѣлаго дома», высказывалъ презрѣніе къ мятежу и не замѣчалъ, что рабство было его

причиною. Держась одного темнаго параграфа конституціи, онъ сдѣлалъ воззваніе къ оружію, но безпокойства продолжали все-таки возрастать: фортъ Сёмтеръ былъ сданъ Каролинцамъ, норфолькскій арсеналъ съ своими фрегатами и линейными кораблями перешелъ въ руки Виргинцевъ, безпорядочное федеральное войско потерпѣло манасасское пораженіе, и еслибы у предводителя непріятельскихъ войскъ было побольше смѣлости, можетъ быть, ворота самой столицы отворились бы передъ его пушками.

Но съ этой минуты счастіе снова обернулось къ Сѣверо-Американцамъ; по стеченію обстоятельствъ, вовсе, впрочемъ, не случайныхъ, только со времени манасасской битвы заговорили объ освобожденіи Негровъ. Вдали отъ робкаго вашингтонскаго правительства, въ штатѣ Миссури, генералъ Фримонъ первый осмѣлился объявить, что невольники мятежныхъ штатовъ будутъ считаться свободными. Эта выходка стоила ему отставки, но и послѣ него, почти всѣ начальники войскъ объявили, что ни одинъ убѣжавшій невольникъ не будетъ выданъ, и всѣ плантаторы, изъявившіе притязаніе на возвращеніе своихъ Негровъ, рисковали сами подвергнуться аресту. Измѣненіемъ своихъ отношеній къ плантаторамъ и ихъ невольникамъ, федеральное правительство оправилось мало по малу; оно обезопасило Вашингтонъ, управилось съ Кентукки, рѣшительно завладѣло двумя третями Миссури; потомъ при помощи флота, долго остававшагося безъ употребленія, федеральныя войска возвратили Сёмтеръ, а затѣмъ и архипелахъ, охраняющій бухты Саванны и Чарльстона; въ послѣднее время они овладѣли и Новой Исландіей, чтобы запереть всякое движеніе торговли Новаго Орлеана, они окружаютъ сепаратистовъ цѣпью своихъ батарей и уже успѣли довести плантаторовъ, когда-то столь гордыхъ своими богатствами, къ дѣйствительной нищетѣ. Чтобъ остаться цѣлыми, эти владѣльцы должны совершенно отказаться отъ обработки хлопка. Продуктъ, доставлявшій имъ такъ долго монополію на ливерпульскихъ рынкахъ, ускользаетъ отъ нихъ навсегда. Сколь бы они ни боролись впродолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и даже цѣлыхъ лѣтъ, сколько бы ни сопротивлялись роковому ходу дѣлъ, со всѣмъ возможнымъ безстрашіемъ отчаянія, сколько бы ни пытались сосредоточить свои силы—гибель ихъ неизбѣжна и, можетъ быть, также безошибочно предсказана, какъ и окончательное уничтоженіе невольничества.

Хотя минувшій годъ не зажегъ ни одной большой войны въ Европѣ, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ многое, что возбудило сильныя

опасенія со стороны самыхъ ревностныхъ оптимистовъ. Годъ тому назадъ будущее представлялось намъ грозной тучей, несущей бурю и градъ и затемняющей весь горизонтъ. Страшный вулканъ разразился въ Сѣверной Америкѣ; Италія, Венгрія, Турція казались тремя Везувіями. Никто не предполагалъ, чтобы всюду потрясенный порядокъ вещей могъ долго существовать; всѣ ожидали, что весною вспыхнетъ общая война, и каждый готовился какъ могъ. Сильнѣйшіе соперники въ Европѣ снаряжались къ борьбѣ. Громадныя приготовленія Англіи возвѣщали или огромные замыслы, или глубокія опасенія. Французское правительство съ своей стороны вооружалось какъ въ грозный походъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ желало скрыть свои настоящія заботы, что не вписало въ свой оффиціальный бюджетъ 50,000 солдатъ, которыхъ готовило къ дѣлу постояннымъ ученіемъ; строило 70 судовъ, не говоря о нихъ ни слова. Противъ кого же вооружалась Англія? Съ кѣмъ готовилась бороться Франція? Цѣлые транспорты оружія доставлялись съ помощью контрбанды въ Дунайскія княжества, въ Тріестъ и Рагузу; австрійскія и турецкія флотилии были на сторожѣ. Со скалъ Капреры раздавался голосъ, который и теперь взываетъ тоже: «вооружайтесь! Пусть милліонъ Итальянцевъ вооружится милліономъ ружей и явится подъ стѣнами Рима и Венеціи!» И внѣ этихъ громадныхъ вопросовъ Австріи, Италіи, папства, невольничества и исламизма, сколько еще второстепенныхъ вопросовъ, грозившихъ породить важныя столкновенія! Присутствіе французскихъ войскъ въ Сиріи сильно неправилось Англіи; вмѣшательство французскихъ судовъ въ Гаэтѣ тревожило Итальянцевъ еще болѣе, чѣмъ вмѣшательство г. Гойона въ Римѣ; Шлезвигъ-Голштинское дѣло принимало очень непріятный оборотъ; Пруссія, Германскій союзъ и Данія обмѣнивались ультиматумами, которые можно бы принять за вызовы на дуель; Франція, Англія и Россія удерживали ихъ нотами и дипломатическими уговорами полу-примиряющими, полу-грозящими. Рѣшеніе каждаго изъ этихъ вопросовъ отлагалось до войны, то есть до окончанія войны, въ неизбѣжности которой всѣ были увѣрены, которую каждый предсказывалъ. Всѣ вооружались съ головы до ногъ, никому не представлялось возможности захватить соперника въ расплохъ, а вѣдь извѣстное дѣло, что храбрые генералы и непобѣдимыя войска болѣе всего любятъ сражаться съ непріятелемъ слабѣйшимъ или неприготовленнымъ. Итакъ мы были на волосъ отъ войны и благополучно избѣжали ее. Нѣсколько сотъ милліоновъ сбереглись въ нашихъ ко-

шелькахъ, нѣсколько сотъ тысячъ людей остались живыми и здоровыми; имъ еще не отрѣзали ни рукъ, ни ногъ, не прострѣлили груди! Но, Боже мой, вѣдь это только до другаго раза! И, быть-можетъ, все это будетъ скоро, потому что если прошлой весной находили основательные поводы для вооруженій, то будущей весной, вѣроятно, найдутъ еще лучшія причины для войны.

Итогъ всемірнаго политическаго обозрѣнія за прошлый 1861 годъ не представляетъ намъ ничего великаго и славнаго, но—онъ гораздо лучше своего предшественника; еслибы человѣчество вообще пріобрѣло то, что каждый изъ насъ истратилъ изъ жизни и силъ, то было бы съ чѣмъ поздравить. Если мы не осуществляемъ того, что хотѣли бы и даже того, что могли бы совершить, то утѣшимся тѣмъ, что въ нашей нищенской сумѣ все же больше нѣсколькими крохами противъ прежняго...

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Московские мыслители.

(Критическій отдѣлъ Русскаго Вѣстника за 1861 годъ).

I.

Гейне въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ стихотвореній говоритъ, что міръ представляется молодою красавицею или брокенскою вѣдьмою, смотря потому, черезъ какія очки на него взглянуть, черезъ выпуклыя или черезъ вогнутыя. Если вѣрить на слово поэту, если предположить, что можно произвольно надѣвать себѣ на носъ разныя очки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣнять взгляды на жизнь и на ея явленія, то мы принуждены будемъ сознаться въ томъ, что наше зрѣніе радикально испорчено вогнутыми очками; чуть только мы попробуемъ замѣнить ихъ другими, или просто снять ихъ долой, передъ нашими глазами немедленно разстелется такой густой туманъ, который помѣшаетъ намъ распознавать контуры самыхъ близкихъ къ намъ предметовъ. Наше зрѣніе слишкомъ слабо для того, чтобы охватить все мірозданіе, но тѣ крошечные уголки, которые намъ доступны, кажутся намъ такими неизящными шероховатостями и такими глубокими морщинами, которыя гораздо легче себѣ представить на старой физіономіи брокенской вѣдьмы, чѣмъ на свѣжемъ, прелестномъ лицѣ молодой красавицы. Мы любимъ природу, но ея нѣтъ у насъ подъ руками; вѣдь не въ Петербургѣ же любоваться природою; не заниматься же,

изъ любви къ природѣ, метеорологическими наблюденіями надъ сырою и холодною погодою, не изучать же различныя видоизмѣненія гранита и не умиляться же надъ различными оттѣнками петербургскаго тумана. Поневолѣ придется, при всемъ пристрастіи къ безгрѣшной растительной природѣ, обратить все свое вниманіе на грѣшнаго человѣка, который, здѣсь, какъ и вездѣ, или самъ страдаетъ, или выѣзжаетъ на страданіяхъ другаго. Какъ посмотришь на людскія отношенія, какъ послушаешь разнородныхъ сужденій, словесныхъ, рукописныхъ и печатныхъ, какъ вглядишься въ то впечатлѣніе, которое производятъ эти сужденія, то мысль о выпуклыхъ очкахъ и о красавицѣ отлетитъ на неизмѣримо-далекое разстояніе. Уродливыя черты брокенской вѣдьмы явятся передъ глазами съ такою ужасающею яркостью и отчетливостью, что иному юному наблюдателю сдѣлается не на шутку страшно; онъ быстро проведетъ рукою по глазамъ въ надеждѣ сорвать проклятыя очки и разогнать ненавистную галлюцинацію; но галлюцинація останется ярка по прежнему, и юный наблюдатель замѣтитъ не безъ волненія, что вогнутыя очки срослись съ его глазами, и что ему придется зажмуриться, чтобы не видать тѣхъ образовъ, которые пугаютъ его воображеніе. Иные, боясь за свои впечатлительные нервы, дѣйствительно зажмуриваются и постепенно возвращаются къ тому вожделѣнному состоянію спокойствія, которое было нарушено неосторожнымъ прикосновеніемъ къ вогнутымъ очкамъ; другіе, болѣе крѣпкіе и, въ тоже время, болѣе увлекающіеся, продолжаютъ смотрѣть, всматриваться, громко сообщаютъ другимъ отчетъ о томъ, что видятъ, и не обращаютъ вниманія на то, что ихъ рѣчи встрѣчаютъ себѣ равнодушіе и насмѣшки въ слушателяхъ, что изображаемыя ими картины принимаются за галлюцинаціи, за бредни разстроеннаго мозга; они продолжаютъ говорить, воодушевляясь сильнѣе и сильнѣе; ихъ воодушевленіе постепенно проходитъ въ ихъ слушателей; ихъ рѣчи начинаютъ возбуждать къ себѣ сочувствіе; онѣ волнуютъ и тревожатъ, онѣ шевелятъ лучшія чувства, вызываютъ наружу лучшія стремленія; вокругъ говорящаго группируется толпа людей, готовыхъ переработывать жизнь и умѣющихъ взяться за дѣло; но между тѣмъ самъ говорящій изнуренъ колоссальнымъ, продолжительнымъ напряженіемъ энергіи; его измучили уродливые образы, на которыхъ онъ долго сосредоточивалъ свое вниманіе; его истомила та борьба, которую ему пришлось выдержать съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ слушателей; его голосъ дрожитъ и обрывается въ ту самую минуту, когда всѣ окружающіе

прислушиваются къ нему съ любовью и съ упованіемъ; герой валится въ могилу.

Такова общая, біографическая исторія отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ; не даромъ большая часть писателей, изображавшихъ темную сторону жизни, находили свой трудъ тяжелымъ и, лично для себя, неблагодарнымъ; не даромъ Гоголь проводитъ параллель между двумя писателями; ту же параллель повторяетъ Некрасовъ, конечно, не изъ подражанія Гоголю, а именно потому, что такого рода параллель естественно напрашивается въ сознаніе и въ чувство отрицателя. Тяжела, утомительна, убійственна задача отрицательнаго писателя; но для него нѣтъ выбора; вѣдь не можетъ же онъ помириться съ тѣми явленіями, которыя возбуждаютъ въ немъ глубокое физіологическое отвращеніе; нельзя же ему ни себя передѣлать подъ ладъ окружающей жизни, ни эту жизнь пересоздать такъ, чтобы она ему нравилась и возбуждала его сочувствіе. Стало быть, приходится или молчать, или говорить горячо, желчно, порою насмѣшливо, волнуя и терзая другихъ и самого себя. Неизбѣжность отрицательнаго направленія начала понимать наша публика; что само по себѣ это отрицательное направленіе представляетъ патологическое явленіе, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь; доказывать его нормальность и законность *quand même* значило бы доказывать вмѣстѣ съ тѣмъ нормальность и законность тѣхъ условій жизни, которыя вызываютъ противъ себя сдержанную оппозицію и глухой протестъ. Тѣ журналисты, которые подвергаютъ серьезной критикѣ существующія идеи, тѣ писатели, которые выводятъ въ своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеніяхъ грязь жизни безъ выкупающихъ сторонъ, безъ утѣшительныхъ прикрасъ, нисколько не думаютъ дописаться до безсмертія. Что подумаютъ о нихъ потомки, скажутъ ли они имъ спасибо, раскупятъ ли они на расхватъ какое нибудь пятнадцатое изданіе ихъ сочиненій, все это, право, такіе вопросы, которые нисколько не занимаютъ честнаго писателя, честно выражающаго свое неудовольствіе противъ разныхъ современныхъ неудобствъ и странностей. Когда у такого писателя является потребность развить нѣсколько мыслей по поводу того или другаго явленія, тогда онъ берется за перо только съ однимъ желаніемъ: чтобы тѣ люди, которымъ попадется въ руки его книга или статья, поняли, какія обстоятельства отразились въ процессѣ его мышленія и наложили свою печать на его литературное или критическое произведеніе. Надо только, чтобы между публикою и пи-

сателемъ существовало такого рода взаимное пониманіе, по которому бы публика видѣла и понимала связь между видимыми слѣдствіями и необнаруженными причинами. Писателю надо желать, чтобы его произведеніе только будило въ читателѣ дѣятельность мозга, только наталкивало его на извѣстный рядъ идей, и чтобы читатель, слѣдуя этому импульсу, самъ выводилъ бы для себя крайнія заключенія изъ набросанныхъ эскизовъ. Такого рода читатели, договаривающіе для самихъ себя то, что недосказано и недописано, начинаютъ формироваться мало по малу; дайте нашимъ писателямъ такую публику, которая бы понимала каждое ихъ слово, и тогда, повѣрьте, они съ величайшимъ удовольствіемъ согласятся на то, чтобы ихъ внуки забыли о ихъ существованіи или назвали ихъ кислыми, безтолковыми ипохондриками. Работать для будущихъ поколѣній, конечно, очень возвышенно; но думать о лавровыхъ вѣнкахъ и объ историческомъ безсмертіи, когда надо перебиваться со дня на день, отстаивая отъ разрушительнаго или опошляющаго дѣйствія жизни то себя, то другаго, то мужчину, то женщину,—это, воля ваша, какъ то смѣшно и приторно; это напоминаетъ Манилова, мечтающаго о томъ, какъ онъ соорудитъ каменный мостъ, а на мосту построитъ каменныя лавки.

Очень можетъ быть, что Русскій Вѣстникъ, съ своею основательною ученостью, съ своею эстетическою критикою, съ своимъ солиднымъ уваженіемъ къ нашей милой старинѣ и къ нашему прекрасному настоящему, будетъ читаться и перепечатываться нашими потомками, которымъ, конечно, будутъ совершенно неизвѣстны имена задорныхъ журналовъ, печатающихъ вздоръ, подобный теперешней моей статьѣ. Мы не гонимся за Русскимъ Вѣстникомъ, не отбиваемъ у него правъ на безсмертіе, не составляемъ ему конкурренціи; мы знаемъ, что не далеко ушли бы по той дорогѣ, по которой шествуютъ московскіе мудрецы; проклятая натура взяла бы свое, и, сквозь чинно отмѣренныя фразы серьезнаго безпристрастія, послышались бы звуки сдержаннаго хохота и негодующей ироніи; да намъ и нельзя подражать Русскому Вѣстнику; намъ никто не повѣрилъ бы; подумали бы, что мы все это не съ проста говоримъ; стали бы доискиваться какого нибудь скрытаго смысла и доискались бы, благодаря своей догадливости, чего нибудь такого, о чемъ мы бы сами и во снѣ не бредили. Дойдетъ или не дойдетъ Русскій Вѣстникъ до того храма безсмертія, въ который онъ рѣшительно возбраняетъ доступъ всѣмъ писателямъ, опозорившимъ себя отрицательнымъ направленіемъ, этого я

не знаю; это не мое дѣло, и я этимъ вопросомъ рѣшительно не интересуюсь. Что дастъ Русскій Вѣстникъ для насъ, для нашихъ современниковъ, это совсѣмъ другой вопросъ, и отвѣчать на этотъ вопросъ я считаю очень не лишнимъ; вѣдь у Русскаго Вѣстника есть и въ наше время читатели; не всѣ же тѣ люди, которые уважали его въ первые годы его существованія, махнули на него рукою за его литературные подвиги 1861 года. На этомъ то основаніи я и рѣшаюсь посвятить нѣсколько страницъ на то, чтобы съ точки зрѣнія человѣка, пишущаго журнальную критическую статью въ началѣ 1862 года, перебрать тѣ литературныя мнѣнія, которыя Русскій Вѣстникъ въ послѣднее время подносилъ своимъ читателямъ.

II.

Не думайте, господа читатели, чтобы я написалъ вамъ полемическую статью; когда я бесѣдовалъ съ вами о сатирической бывальщинѣ Гермогена Трехзвѣздочкина, я не полемизировалъ съ авторомъ этого произведенія; полемизировать съ Русскимъ Вѣстникомъ также невозможно, какъ полемизировать съ авторомъ «побѣды надъ самодурами». У г. Трехзвѣздочкина свое оригинальное міросозерцаніе, не сходное съ міросозерцаніемъ какого бы то ни было другаго обыкновеннаго смертнаго; у сотрудниковъ Русскаго Вѣстника также совсѣмъ особенное міросозерцаніе; еслибы я вздумалъ спорить съ ними, то нашъ споръ можно было бы сформулировать такъ; я бы сталъ доказывать этимъ господамъ, что они смотрятъ на вещи сквозь выпуклыя очки, а они, съ пѣной у рта, стали бы увѣрять меня въ томъ, что я имѣю глупость смотрѣть на вещи сквозь вогнутыя очки; я бы кротко попросилъ ихъ снять на минуту очки; они обратились бы ко мнѣ съ тѣмъ же требованіемъ, пересыпая его бранными возгласами и убійственными намеками; кончилось бы тѣмъ, что, наспорившись до сыта, мы замолчали бы, не сблизившись между собою въ мнѣніяхъ ни на одну линію; споръ нашъ привелъ бы къ такимъ же плодотворнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ приводитъ всякій споръ, происходящій между людьми различныхъ темпераментовъ, различныхъ лѣтъ и, вслѣдствіе этихъ и

многихъ другихъ различій, исходныхъ убѣжденій. Кромѣ того, сражаясь съ Русскимъ Вѣстникомъ, я находился бы въ самомъ невыгодномъ положеніи; Русскій Вѣстникъ побѣдоносно развернулъ бы, на удивленіе всей читающей публики, полное свое исповѣданіе вѣры, подвелъ бы, гдѣ бы понадобилось, цитаты, тексты и пункты, ссылки на авторитеты всѣхъ вѣковъ, не исключая XIX–го, засвидѣтельствовалъ бы мимоходомъ свое почтеніе той или другой великой идеѣ и умилился бы надъ непризнанными заслугами какого нибудь великаго, но неизвѣстнаго Россіи русскаго дѣятеля. А я? Что бы я отвѣтилъ на всѣ эти золотыя рѣчи? Я чувствую, что у меня оборвался бы голосъ при первыхъ моихъ попыткахъ оправдываться или защищаться. Непремѣнно бы оборвался, и я бы замолчалъ. Вотъ видите ли, Русскій Вѣстникъ стоитъ на положительной почвѣ, крѣпко упирается въ нее ногами, скоро срастется съ нею, и эта почва не выдастъ его въ минуту скорби и борьбы. А мы что такое? Мы фантазеры, верхогляды, говоруны; мы на воздушномъ шарѣ поднялись, а вѣдь воздушный шаръ, какъ говоритъ объявленіе «Времени», тотъ же мыльный пузырь. Такъ куда же намъ бороться съ Русскимъ Вѣстникомъ? Повторяю вамъ, у меня оборвутъ голосъ въ ту самую минуту, когда я попробую основательно возражать мнѣніямъ Русскаго Вѣстника. Да и къ чему, для кого возражать? Если мои читатели не сочувствуютъ тѣмъ идеямъ, которыя я выражалъ въ моихъ статьяхъ, то мнѣ всего лучше не только не возражать Русскому Вѣстнику, но и совсѣмъ не писать. Если же мнѣ сочувствуютъ, то мнѣ будетъ совершенно достаточно передать, по возможности вѣрно, литературныя мнѣнія Русскаго Вѣстника для того, чтобы высказать то, что лежитъ у меня на душѣ. Положимъ, что я воротился изъ какого нибудь дальняго путешествія; положимъ, я посѣтилъ Персію и чувствую желаніе передать русской публикѣ вообще и читателямъ Русскаго Слова въ особенности мои путевыя впечатлѣнія; я, конечно, для полноты, вѣрности и живости картины сочту необходимымъ воспроизвести тѣ бытовыя особенности, которыя по чему бы то ни было поразили мое воображеніе и врѣзались въ мою память. Но я никакъ не поставлю себѣ въ обязанность полемизировать противъ описываемыхъ персидскихъ обычаевъ; было бы смѣшно и утомительно, еслибы я описывалъ свои путевыя впечатлѣнія такъ: «Персіяне курятъ кальянъ; я нахожу, что гораздо лучше курить сигары. Персіяне запираютъ своихъ женъ въ гаремы; это возмутительный обычай и я, какъ поборникъ эманси-

націи женщины, заявляю передъ моими читателями мой торжественный протестъ противъ такого варварскаго устройства семьи». Вообразите себѣ, господа читатели, что я отправляюсь обозрѣвать Русскій Вѣстникъ совершенно также, какъ бы я могъ отправиться обозрѣвать Персію. У меня съ Русскимъ Вѣстникомъ также мало общаго въ тенденціяхъ, мнѣніяхъ и литературныхъ пріемахъ, какъ въ моихъ вседневныхъ привычкахъ мало общаго съ привычками какого нибудь Аббаса-Мирзы. Мы, грѣшные, вязнемъ въ тинѣ и барахтаемся среди всякихъ нечистотъ, а Русскій Вѣстникъ идетъ себѣ ровною дорогою, и неспѣшною поступью пробирается къ храму славы и безсмертія. Объ чемъ же намъ съ нимъ спорить? Мы просто будемъ разсматривать его съ живѣйшимъ любопытствомъ и съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ разсматриваютъ гостя изъ иного міра, созданіе, отличающееся особымъ сложеніемъ и подчиняющееся особымъ физіологическимъ законамъ. Установивъ разъ навсегда такого рода спокойно-наблюдательныя отношенія къ мнѣніямъ Русскаго Вѣстника, я намѣренъ во всей послѣдующей части этой статьи дать только фактическій отчетъ о моихъ наблюденіяхъ, хронику моихъ замѣтокъ.

Не ручаюсь впрочемъ и за то, чтобы кое-гдѣ, ошибкою, не прорвалось и критическое замѣчаніе.

III.

Въ 1861 году въ Русскомъ Вѣстникѣ совершилось немаловажное измѣненіе. Современная лѣтопись оторвалась отъ книжекъ журнала и превратилась въ еженедѣльную газету. Это событіе, само по себѣ достопримѣчательное, повело за собою слѣдующія еще болѣе достопримѣчательныя послѣдствія. Во-первыхъ, книжки Русскаго Вѣстника стали опаздывать слишкомъ на цѣлый мѣсяцъ; во-вторыхъ, въ составъ книжекъ вошелъ новый отдѣлъ подъ заглавіемъ «литературное обозрѣніе и замѣтки»; въ этомъ отдѣлѣ редакція и сотрудники Русскаго Вѣстника стали дѣлиться съ публикою своими взглядами на положеніе и событія текущей литературы, и мы, благодаря этому обстоятельству, узнали много новаго и любопытнаго.

Въ первой же книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1861 годъ, въ статьѣ «нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи», редакція отнеслась очень сурово къ тѣмъ журналамъ, «гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя» (стр. 480). Этихъ уголовныхъ преступниковъ противъ законовъ эстетики и художественной критики редакція Русскаго Вѣстника обѣщала преслѣдовать со всею надлежащею строгостью. «Мы не откажемся также, говоритъ она, отъ своей доли полицейскихъ обязанностей въ литературѣ и постараемся помогать добрымъ людямъ въ изловленіи безпутныхъ бродягъ и воришекъ; но будемъ заниматься этимъ искусствомъ не для искусства, а въ интересѣ дѣла и чести» (стр. 484). Не могу удержаться, чтобы въ этомъ мѣстѣ не заявить Русскому Вѣстнику моего полнѣйшаго сочувствія; великія истины понятны и доступны каждому, начиная отъ развитаго дѣятеля науки и кончая простымъ, бѣднымъ труженикомъ; ловить безпутныхъ бродягъ и воришекъ изъ любви къ искусству не согласится не только редакторъ Русскаго Вѣстника, но даже и простой хожалый; даже и тотъ понимаетъ, что этимъ искусствомъ надо заниматься въ интересѣ дѣла, т. е. чтобы получать казенный паекъ и жалованіе, или въ интересѣ чести, т. е. чтобы дослужиться до унтеръ-офицерскихъ нашивокъ. Конечно, редакція Рускаго Вѣстника понимаетъ интересы дѣла и чести не совсѣмъ такъ, какъ понимаетъ ихъ хожалый, можетъ быть даже не такъ, какъ понимаетъ ихъ англійскій полисменъ; масштабы не тѣ; между хожалымъ, сажающимъ въ будку бездомнаго пьяницу и русскимъ ученымъ, издающимъ уважаемый журналъ и принимающимъ на себя, въ интересѣ дѣла и чести, свою долю полицейскихъ обязанностей въ литературѣ, лежитъ, конечно, неизмѣримое разстояніе, неизмѣримое до такой степени, что бѣдный хожалый, не привыкшій группировать явленія и сортировать ихъ по существеннымъ признакамъ, никогда не дерзнулъ бы подумать, что между нимъ и редакторомъ ученаго журнала есть такъ много общаго. Признаюсь, я въ этомъ отношеніи раздѣлялъ невѣдѣніе хожалаго; я до сихъ поръ думалъ въ невинности души, что между обязанностями хожалаго и занятіями литератора нѣтъ ни малѣйшаго сходства; такого рода образъ мыслей объясняется от-

части тѣмъ, что я не читалъ статью г. Громеки: «о полиціи внѣ полиціи», бросающую, по всей вѣроятности, яркій свѣтъ на этотъ запутанный вопросъ, отчасти тѣмъ, что я былъ очень молодъ и вѣтренъ въ тѣ счастливые годы, когда газета «Сѣверная Пчела» находилась подъ вѣдѣніемъ прежней своей редакціи.—Я думаю, впрочемъ, что я и впредь останусь при своемъ прежнемъ невѣдѣніи, несмотря на то, что это невѣдѣніе очень многимъ можетъ показаться забавнымъ и даже идиллическимъ; на русскомъ языкѣ существуетъ поговорка «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ». Эту поговорку можно перевернуть, и она отъ этого ничего не потеряетъ. Чужой уставъ, введенный въ свой монастырь, можетъ также оказаться въ высшей степени неумѣстнымъ; поэтому, не стараясь навязать редакціи Русскаго Вѣстника малѣйшую частицу моихъ понятій, я не буду стараться о томъ, чтобы заимствовать что бы то нибыло изъ ея своеобразнаго міросозерцанія. Я уже предъупредилъ читателей: мы вступаемъ въ новый міръ, въ которомъ все, начиная отъ крупнѣйшаго травояднаго животнаго и кончая мельчайшею букашкою, должно возбуждать удивленіе простаго наблюдателя и лихорадочную любознательность зоолога. Мы съ вами, господа читатели, простые наблюдатели, и потому мы просто будемъ удивляться:

Куда на выдумки природа таровата!

и заранѣе выражаемъ отчасти смѣлую надежду на то, что, выходя изъ кунсткамеры, намъ не придется сказать съ грустнымъ чувствомъ неудовлетвореннаго любопытства:

Слона то я и не примѣтилъ.

Можетъ быть, то обстоятельство, на которое я указалъ при самомъ входѣ въ кунсткамеру, есть именно тотъ слонъ; можетъ быть мы сразу попали на самое характерное мѣсто; въ такомъ случаѣ мнѣ остается только пожалѣть, что я не естествоиспытатель; еслибы къ этому мѣсту приложить анатомическій ножъ и микроскопъ, еслибы изслѣдовать его составъ путемъ химическаго анализа, то могло бы открыться много любопытнаго; мы узнали бы законы питанія, органы и отправленія того организма, который находится передъ нашими глазами; все это могло бы случиться только въ томъ случаѣ, еслибъ я

былъ естествоиспытателемъ; но я просто ротозѣй, описывающій внѣшнюю сторону явленія и потому, представивъ фактъ на разсмотрѣніе читателей, я принужденъ идти дальше, хотя чувствую, что въ представленномъ фактѣ много необъясненнаго.

Безпутные бродяги и воришки, слоняющіеся по пустыннымъ полямъ нашей литературы, повергаютъ редакцію Русскаго Вѣстника въ самое мрачное раздумье.

«Ни одна литература въ мірѣ, восклицаетъ она, не представляетъ такого изобилія литературныхъ скандаловъ, какъ наша маленькая, скудная, едва начавшая жизнь, литература безъ науки, едва только выработавшая себѣ языкъ».

Ну вотъ наша литература выработала себѣ языкъ и на радостяхъ показываетъ его на всѣ четыре стороны, встрѣчнымъ и поперечнымъ, а эти встрѣчные и поперечные обижаются, не понимаютъ шутки, жалуются: она насъ дразнитъ; это личность, это оскорбленіе». Кто жъ въ этомъ виноватъ? Вольно имъ оскорбляться, и вольно жъ имъ, если они такъ обидчивы, смотрѣть на этотъ языкъ, который такъ добродушно показываетъ имъ наша литература. Когда наша литература выработаетъ себѣ науку, она можетъ быть вмѣстѣ съ языкомъ будетъ показывать и науку, или что нибудь другое, смотря по обстоятельствамъ. А покуда вѣдь кромѣ языка нѣтъ ничего. Ну такъ что же дѣлать? На нѣтъ и суда нѣтъ!

Впрочемъ, я вообще не понимаю, какое отношеніе имѣетъ отсутствіе науки къ присутствію литературныхъ скандаловъ. Сколько мнѣ кажется, редакція Русскаго Вѣстника подъ названіемъ литературнаго скандала подразумѣваетъ разныя печатныя разбирательства о литературныхъ и не литературныхъ предметахъ.

Слово *скандалъ* даетъ намъ почувствовать, что редакція Русскаго Вѣстника входитъ въ роль и готова съ полнымъ усердіемъ взять на себя свою долю полицейскихъ обязанностей. Скандаломъ, на языкѣ образованной полиціи, называется, какъ извѣстно, всякое происшествіе, нарушающее обычный ходъ дѣйствія въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ, и возбуждающее въ собравшейся толпѣ зѣвакъ какіе бы то ни было толки. Если такого же рода событіе произойдетъ на аренѣ нашей литературы, то Русскій Вѣстникъ, конечно, не станетъ калякать съ зѣваками, а приметъ именно ту позитуру, которую въ подобномъ случаѣ обязанъ принять исправный членъ благоустроенной полиціи. Это я понимаю, но по прежнему продолжаю не понимать, почему отсутствіе науки объусловлива-

етъ собою присутствіе скандаловъ. Мнѣ кажется, что самая лучшая лекція по гражданскому праву не замѣнитъ вамъ того судебнаго засѣданія, въ которомъ рѣшается вашъ процессъ. Самое лучшее изслѣдованіе о причинахъ зубной боли не замѣнитъ вамъ въ минуту страданія нѣсколькихъ капель опіума. Точно также вся наука Русскаго Вѣстника не замѣнитъ вамъ неоцѣненнаго права обратиться къ суду общественнаго мнѣнія, когда вы почувствуете себя несправедливо оскорбленнымъ. Наука — вещь хорошая, но она въ своей отвлеченности никакъ не можетъ замѣнить намъ своихъ практическихъ примѣненій къ жизни. Какое бы великолѣпное изслѣдованіе вы ни написали, а это изслѣдованіе никакъ не выручитъ васъ въ томъ случаѣ, когда вамъ понадобиться обратиться къ суду общественной гласности. Конечно, если тѣ отвлеченныя истины, которыя вы будете развивать въ научномъ трактатѣ о нравственной философіи, войдутъ въ плоть и кровь всѣхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ, или по крайней мѣрѣ въ Россіи, то вамъ не придется обращаться къ суду гласности и поднимать литературные скандалы, потому что всѣ будутъ уважать ваши права; но вѣдь согласитесь, тутъ долга пѣсня; пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Если даже литература наша создастъ себѣ науку, то отъ существованія науки еще не прекратятся скандалы. Съ прекращеніемъ же ихъ наступитъ такой золотой вѣкъ, о которомъ мы теперь не можемъ себѣ составить и приблизительнаго понятія; въ этомъ золотомъ вѣкѣ исчезнетъ потребность въ литературной полиціи; кто знаетъ? Можетъ быть вмѣстѣ съ этою потребностью исчезнетъ и потребность въ Русскомъ Вѣстникѣ вообще. Теперь не то. Скандалы неизбѣжны, потому что вамъ на каждомъ шагу представляется неотвязная дилемма: терпѣть насиліе или подымать крикъ; а иногда приходится даже дѣлать въ одно время и то, и другое. Теперь приходится удивляться тому обстоятельству, что Русскій Вѣстникъ жалуется на обиліе скандаловъ. Развѣ было бы лучше, еслибы несправедливые поступки проходили безъ огласки, еслибы нелѣпыя мнѣнія принимались безъ спора? Возставать противъ обилія скандаловъ, значитъ, другими словами, проклинать зараждающуюся гласность. Еслибы, приступая къ обзору Русскаго Вѣстника, я не вошелъ бы въ иной міръ, то, мнѣ кажется, я осмѣлился бы назвать эту вещицу проявленіемъ обскурантизма. Но вѣдь опять таки: съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. У насъ это называется обскурантизмомъ, а у нихъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ, это можетъ быть именуется сов-

сѣмъ иначе: серьезностью, солидностью, ученостью или еще какъ нибудь по-замысловатѣе. Поэтому я удержу языкъ свой въ должномъ повиновеніи, несмотря на то, что я его выработалъ, и что меня ужасно разбираетъ охота показать его во всю длину противникамъ гласности, какой бы чинъ они не занимали на іерархической лѣстницѣ литературной полиціи.

IV.

Приступаю къ февральской книжкѣ и встрѣчаю на первомъ планѣ литературнаго обозрѣнія статью загадочнаго содержанья подъ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Старые боги и новые боги». Судя по этому задорному названію статьи, можно было бы подумать, что Русскій Вѣстникъ вступаетъ въ ряды нашихъ современныхъ идолоборцевъ и старается сбить съ пьедесталовъ тѣхъ Перуновъ и Волосовъ, которые, несмотря на честныя усилія науки, еще до сихъ поръ красуются въ нашемъ неустановившемся міросозерцаніи. Дѣйствительно, въ этой статьѣ есть отдѣльныя фразы, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ изъ свистящихъ журналовъ. «Кто выдаетъ себя за мыслителя, говорится между прочимъ въ этой статьѣ, тотъ не долженъ принимать на вѣру, безъ собственной мысли, ничего ни отъ г. Аскоченскаго, ни отъ г. Бюхнера, ни отъ Ивана Яковлевича, ни отъ Фейербаха». Съ этою мыслью нельзя не согласиться, если принять эту мысль въ полной ея отвлеченности; можно только замѣтить, что два имени, вставленныя въ эту фразу, не гармонируютъ съ общимъ ея содержаніемъ; когда произносишь имена Бюхнера и Фейербаха, тогда вовсе не надо прибавлять то, что отъ нихъ не слѣдуетъ ничего принимать на вѣру; это само собою разумѣется. Какъ вы примете что нибудь на вѣру отъ такого человѣка, который вовсе не хочетъ, чтобы вы ему вѣрили, и убѣждаетъ васъ не ссылками на авторитетъ, а доводами и аргументами. Эти доводы могутъ быть неудовлетворительными; слушая того мыслителя, который представляетъ эти доводы, вы можете не замѣтить ихъ неудовлетворительности и впасть въ ту ошибку, въ которую впадаетъ самъ мыслитель. Но ошибка въ процессѣ мысли

не бѣда. Въ этомъ случаѣ человѣкъ нечаянно упускаетъ что-нибудь изъ виду; а не умышленно зажмуриваетъ глаза и не говоритъ: я и смотрѣть не хочу. Еслибы Фейербахъ или Бюхнеръ увидѣли послѣднее настроеніе въ комъ нибудь изъ своихъ адептовъ, то, вѣроятно, они или отвернулись бы отъ этого субъекта, или посовѣтовали бы ему обратиться къ какому нибудь извѣстному психіатру за помощью и совѣтомъ. Человѣкъ имѣющій наклонность принимать чужія мысли на вѣру, никогда не сдѣлается послѣдователемъ Фейербаха и Бюхнера; по дорогѣ къ ихъ ученію, онъ встрѣтитъ великое множество школъ и направленій, которыя затянутъ его къ себѣ именно потому, что онѣ очень многое передаютъ на вѣру. То возраженіе, что ученіе Фейербаха и Бюхнера теперь въ модѣ, въ ходу и на этомъ основаніи притягиваетъ къ себѣ тѣхъ людей, которые увлекаются подражательными стремленіями, не имѣетъ ни малѣйшей силы. Не угодно ли вамъ справиться съ нашею журналистикою? Не угодно ли вамъ прислушаться къ тѣмъ разговорамъ о высокихъ матеріяхъ, которыя ведутся въ нашихъ салонахъ? Не думаю, чтобы въ этихъ разговорахъ вы открыли зловредныя тенденціи матеріализма? Стало быть, моды на Фейербаха и Бюхнера нѣтъ. Стало быть, ученіе этихъ мыслителей принимается только весьма не многимъ людьми. Можетъ быть, эти люди ошибаются, но во всякомъ случаѣ они мыслятъ согласно съ Фейербахомъ и Бюхнеромъ, а не признаютъ непогрѣшимость Фейербаха и Бюхнера. Они не увлекаются общимъ стремленіемъ, потому что общаго стремленія къ матеріализму у насъ не существуетъ. Статья Русскаго Вѣстника клонится къ тому, чтобы доказать, что наши скептики и отрицатели не умѣютъ мыслить, и, освистывая суевѣріе массы, сами съ полнымъ суевѣріемъ поклоняются кумирамъ, подобнымъ Фейербаху и Бюхнеру; для большей убѣдительности, авторъ статьи сравниваетъ нашихъ журналистовъ съ Иваномъ Яковлевичемъ, отвѣтившимъ однажды на какой то вопросъ своего обожателя: «безъ працы не бенды кололацы».

«*Кололацы! кололацы!* восклицаетъ авторъ. А развѣ многое изъ того что преподается и печатается—не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ — не *кололацы*?

Для этого язвительнаго вопроса была написана и напечатана вся статья: «Старые боги и новые боги». Вся эта статья представляетъ болѣе или менѣе замысловатыя варіаціи на этотъ вопросъ: развѣ не

кололацы? Пускаются въ ходъ страшныя усилія и натяжки для того, чтобы доказать что гг. Чернышевскій и Антоновичъ какъ двѣ капли воды похожи на Ивана Яковлевича и Аскоченскаго. Желаніе автора провести свою идею до конца съ возможно большимъ успѣхомъ доводитъ его до высокихъ подвиговъ самоотверженія. Онъ рѣшается печатно прикидываться дурачкомъ и упрекаетъ г. Антоновича въ несправедливой ненависти къ матеріализму. Такого рода упрекъ имѣетъ всю прелесть оригинальности и новизны.

Онъ доказываетъ, что можно писать критику на такую статью, которой смыслъ остается недоступнымъ для самаго рецензента. Впрочемъ, гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить, что непониманіе, обнаруженное въ статьѣ «Старые боги и новые боги» есть непониманіе умышленное. Авторъ этой статьи, движимый разными, побужденіями, рѣшился надъ г. Антоновичемъ показать первый примѣръ полицейской исправности Русскаго Вѣстника. Такъ какъ къ критической статьѣ г. Антоновича о философскомъ лексиконѣ Русскій Вѣстникъ не съумѣлъ придраться за какую нибудь дѣйствительную погрѣшность, то онъ рѣшился всклепать на него небылицу, и г. Антоновичъ оказался безъ вины виноватымъ. Этимъ первымъ подвигомъ на поприщѣ изловленія бродягъ и воришекъ, Русскій Вѣстникъ показалъ наглядно, что онъ во имя принципа жертвуетъ отдѣльною личностью. Его принципъ безъусловное отрицаніе задорной журналистики, а задорнымъ онъ называетъ каждое энергическое слово, выражающее самостоятельную, а не вычитанную идею; этотъ принципъ требуетъ себѣ жертвъ; выдя на поле нашей литературы съ твердымъ намѣреніемъ поймать бродягу или воришку, Русскій Вѣстникъ не могъ и не хотѣлъ воротиться домой безъ добычи; первый попался ему г. Антоновичъ; виноватъ онъ въ глазахъ Русскаго Вѣстника во-первыхъ тѣмъ, что помѣщаетъ свои статьи на страницахъ ненавистнаго ему журнала; во вторыхъ тѣмъ, что пишетъ о философіи довольно понятнымъ языкомъ и не кланяется въ поясъ разнымъ кумирамъ философскаго пандемоніума. Этого было совершенно достаточно; г. Антоновича арестовали какъ подозрительнаго человѣка и привели предъ судилище Русскаго Вѣстника. Какъ рѣшилось его дѣло—я сказать навѣрное не могу, потому что протоколы суда, (т. е. статья «Старые боги и новые боги») написаны крайне сбивчивымъ и неяснымъ языкомъ, наполнены голословными обвиненіями и скорѣе похожи на лирическое изліяніе озлобленнаго человѣка, чѣмъ на спокойное изслѣдованіе нелицепріятнаго судьи. Чѣмъ

оказался г. Антоновичъ, по мнѣнію Русскаго Вѣстника, бродягою или воришкою—я тоже не знаю. Словомъ, изъ статьи «Старые боги и новые боги» усматривается только одно: Русскій Вѣстникъ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы какъ нибудь поубійственнѣе побранить кого нибудь изъ литераторовъ, пишущихъ въ Современникѣ; гдѣ можно разомъ зацѣпить полицейскою алебардою двоихъ или троихъ разомъ, тамъ онъ цѣпляетъ; гдѣ надо для большей силы обвиненія прибавить, тамъ онъ прибавляетъ, гдѣ надо прикинуться наивнымъ, тамъ онъ наивничаетъ съ неподражаемою естественностью. Почему и для чего онъ такъ поступаетъ — не знаю. Что намъ за дѣло до побужденій, руководящихъ г. Катковымъ, что намъ за дѣло до степени его искренности. Мы видимъ результаты; эти же результаты видитъ общество, испытывающее на себѣ ихъ вліяніе въ томъ или въ другомъ направленіи; объ этихъ результатахъ и слѣдуетъ говорить, ни мало не пускаясь въ психологическія изъисканія. Можетъ быть, редакція Русскаго Вѣстника за свои убѣжденія готова (выражаясь высокимъ слогомъ) излить послѣднія капли своей благородной крови, а можетъ быть и то, что она проводитъ не свои идеи по разнымъ, нелитературнымъ расчетамъ. Въ первомъ случаѣ редакція Русскаго Вѣстника только заблуждается; во второмъ—она дѣйствуетъ не искренно но, въ томъ и въ другомъ случаѣ результатъ выходитъ одинъ и тотъ же; подъ зеленоватою оберткою Русскаго Вѣстника появляются статьи толкующія вкривь и вкось о такихъ вопросахъ, на которыхъ сходятся между собою всѣ сознательно-честные люди въ Россіи; эти статьи съ насмѣшкою и съ порицаніемъ относятся къ стремленіямъ и къ мыслямъ, выражаемымъ этими сознательно-честными людьми; съ уваженіемъ и съ подобострастіемъ говорятъ онѣ о томъ, что эти люди считаютъ старымъ хламомъ; булгаринскія тенденціи скрываются въ этихъ статьяхъ подъ неясными терминами и оборотами, которыми любитъ драпироваться сомнительная ученость людей, не умѣющихъ переварить въ своей головѣ набранный запасъ сырыхъ матеріаловъ и фактовъ.

Кто не умилится сердцемъ, читая драгоцѣнную статью г. Грота, помѣщенную вслѣдъ за сердитою статьею «Старые боги и новые боги»? Кто не отдохнетъ душою на этомъ спокойномъ, прозрачномъ изложеніи, чистомъ и пріятномъ на вкусъ, какъ дистилированная, теплая вода? Кто, при чтеніи этой замѣтки, не повѣритъ въ будущее торжество добра, въ наступленіе того золотаго вѣка, когда литераторы будутъ любить другъ друга и когда на землѣ не будетъ другаго

зла, кромѣ сырой погоды и сухихъ тумановъ? Статья г. Грота называется: «Замѣтка о русской журналистикѣ» и вся насквозь пропитана тѣмъ незлобіемъ и тою наивностью, которыя, вѣроятно, будутъ составлять преобладающія свойства литературы въ счастливые дни золотаго вѣка, привлекающаго къ себѣ съ неотразимою силою сердца и надежды людей, вѣрующихъ въ исторію и въ прогрессъ. Эта статья начинается и кончается разными любезностями и лестными комплиментами, которыя авторъ, какъ вѣжливый кавалеръ, подноситъ нашей литературѣ; должно замѣтить, что къ литературѣ вообще г. Гротъ относится какъ то со стороны, какъ человѣкъ, взявшій перо въ руки въ досужный часъ, чтобы высказать мысль, случайно зашедшую въ голову. Знаетъ онъ литературу какъ то по слухамъ, да, можетъ быть, потому, что гдѣ нибудь, случайно, пробѣжалъ страницъ пятнадцать въ какой нибудь недавно вышедшей журнальной книжкѣ. Оттого любезности у него выходятъ совершенно неопредѣленныя, а замѣчанія чисто внѣшнія; такъ напримѣръ, выражается надежда, что движеніе, оживившее русскую литературу лѣтъ шесть тому назадъ (тогда, должно быть, когда началъ издаваться Русскій Вѣстникъ) «конечно, приведетъ ее къ самымъ счастливымъ результатамъ». Въ концѣ статьи встрѣчается слѣдующее трогательное мѣсто:

«Утѣшимся тѣмъ, что одна истина носитъ въ себѣ неодолимую силу живучести, и что во всякомъ человѣческомъ обществѣ она, посреди всѣхъ заблужденій, пролагаетъ себѣ путь хотя медленно, но твердо». Эта фраза напомнила мнѣ преуморительную сцену изъ комедіи Сухово-Кобылина: «Свадьба Кречинскаго». Нелькинъ, нелѣпѣйшій изъ когда либо существовавшихъ добродѣтельныхъ героевъ, восклицаетъ на сценѣ: «Правда, правда, гдѣ жъ твоя сила?» А Расплюевъ очень основательно отвѣчаетъ ему на это: «а поди, поищи ее!» Нелькинъ, какъ извѣстно, уходитъ искать правду и вмѣсто правды находитъ полицію, которую и приводитъ съ собою на сцену. Какъ ни странно держитъ себя Нелькинъ, а все-таки онъ дѣйствуетъ основательнѣе г. Грота; во-первыхъ Нелькинъ выражаетъ свою мысль въ вопросительной формѣ, т. е. до нѣкоторой степени сомнѣвается и даже отчаявается; во-вторыхъ онъ, не умѣя самъ найти правду, призываетъ къ себѣ на помощь частнаго пристава; что же касается до г. Грота, то онъ твердо увѣренъ, что истина будетъ торжествовать, что она побѣдитъ сама собою и что намъ, слабымъ смертнымъ, всего лучше сложить

руки, уповать на прочность идеи и утѣшаться тѣмъ, что одна истина имѣетъ неодолимую силу живучести.

Въ серединѣ статьи г. Грота высказываются нѣкоторыя порицательныя замѣчанія насчетъ нашей журналистики; эти замѣчанія прелестны по своей наивности; процессъ мысли совершается въ головѣ автора до такой степени своеобразно, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи произвести надъ этимъ процессомъ нѣсколько наблюденій. «Въ критикѣ нашей, говоритъ г. Гротъ, на тронѣ гуманности возсѣдаетъ покуда заклятый врагъ ея—нетерпимость». Этотъ приговоръ, выражающійся въ такой образной формѣ, срывается съ устъ автора по тому поводу, что «вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ нашей литературѣ утвердились извѣстные взгляды и мнѣнія, которые присвоили себѣ монополію обращенія въ печатномъ мірѣ». О какой это литературѣ мечтаетъ г. Гротъ? Кажется о русской. Гдѣ же издаются въ одно и то же время журналы Современникъ и Странникъ, Русское Слово и Русскій Вѣстникъ, Отечественныя записки и Искра, Русскій Инвалидъ и День, Сѣверная Пчела и Наше Время? Кажется, въ Россіи? Какъ же это г. Гротъ ухитрится помирить существованіе столькихъ совершенно разнохарактерныхъ изданій съ монополіею извѣстныхъ взглядовъ и мнѣній? Но онъ и не думаетъ объ этомъ. Онъ говоритъ о нетерпимости съ точки зрѣнія литературной кротости, а ужъ мысль о монополіи подвернулась какъ то по дорогѣ и забрела въ его статью совершенно случайно. Г. Гроту хотѣлось бы чтобы всѣ наши писатели, при спорахъ между собою, все-таки сулили другъ другу лавровые вѣнки и говорили другъ о другѣ въ печати такимъ образомъ: «почтенный авторъ въ своей прекрасной статьѣ, которой основную мысль мы однако осмѣлимся найти не вполнѣ справедливою, доказываетъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ», и т. д. Да, во время оно, когда писатели говорили между собою такимъ языкомъ, уцѣлѣвшимъ теперь только въ оффиціальныхъ изданіяхъ ученыхъ обществъ, было пріятно и душеспасительно заниматься литературою. Теперь, обмѣнъ сладостей между писателями сдѣлался невозможнымъ; одна часть русскихъ литераторовъ превратилась, по словамъ Русскаго Вѣстника, въ бродягъ и воришекъ; другая часть, къ которой не безъ самодовольства примыкаетъ Русскій Вѣстникъ, поступила на службу въ литературную полицію. Но всѣ эти событія прошли, кажется, мимо г. Грота и не нарушили его очарованнаго сна, подъ вліяніемъ котораго онъ изрѣдка произносилъ отрывочныя восклицанія, имѣющія, мо-

жетъ быть, нѣкоторую связь съ его грезами, но не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ физіономіи нашей дѣйствительной жизни. Г. Гротъ не справляется даже, повидимому, съ литературными мнѣніями того журнала, въ которомъ онъ печатаетъ свои замѣтки; онъ не соображаетъ того обстоятельства, что требовать деликатности выраженій въ литературѣ значитъ упрекать Русскій Вѣстникъ въ невообразимомъ нахальствѣ. Вѣдь еслибы петербургскіе литераторы не смотрѣли на выходки Русскаго Вѣстника, какъ на смѣшныя проявленія безсильной, старческой злобы, то они давно заставили бы редакцію ученаго журнала дать полное и категорическое объясненіе въ своихъ намекахъ и формально, печатно отступиться отъ тѣхъ выраженій, которыя обнаруживаютъ въ себѣ стремленіе бросить тѣнь на литературную честность лучшихъ современныхъ двигателей русской мысли. Если мы не поступаемъ такимъ образомъ, то это происходитъ единственно отъ того, что мы глубоко равнодушны къ формѣ, къ выраженію; тенденціи Русскаго Вѣстника кажутся намъ неблагородными—мы это и высказываемъ; мысли, выражаемыя Русскимъ Вѣстникомъ, кажутся намъ бѣдными и рутинными, — мы это замѣчаемъ; что же касается до того частнаго и второстепеннаго обстоятельства, что эти тенденціи проводятся въ грубой формѣ, что эти мысли облекаются въ неопрятныя выраженія, то намъ до этого уже нѣтъ никакого дѣла. Не читать же намъ для редакціи Русскаго Вѣстника лекціи піитики, не преподавать же ей уроки вѣжливости. Для насъ рѣшительно все равно, обругаетъ ли насъ Русскій Вѣстникъ бродягами и воришками, или просто отнесется недоброжелательно къ задушевной мысли нашихъ статей. Сущность дѣла въ томъ, за кого стоитъ Русскій Вѣстникъ: за насъ или за нашихъ литературныхъ противниковъ. Если онъ идетъ противъ тѣхъ стремленій, которыя мы считаемъ полезными для нашего общества, тогда между нами нѣтъ и не можетъ быть примиренія, хотя бы цѣлыя страницы и статьи Русскаго Вѣстника были посвящены восхваленію нашихъ литературныхъ талантовъ и нравственныхъ достоинствъ. Дѣло въ томъ, что черезъ типографскій станокъ должны проходить только тѣ черты авторской личности, которыя связаны съ какимъ нибудь общимъ интересомъ. Мы не боимся гласности, проведенной до послѣднихъ предѣловъ; мы не боимся такихъ обличителей, которые, по какой бы то ни было причинѣ рѣшились бы посвящать публику въ мельчайшія и интимнѣйшія подробности нашей домашней жизни; но мы сами никогда не рѣшимся навязываться

публикѣ съ разными конфиденціями собственно потому, что щадимъ время каждаго изъ нашихъ читателей и желаемъ говорить съ ними только о такихъ предметахъ, которые могутъ имѣть для нихъ живой интересъ. Поэтому то мы считаемъ совершенно излишнимъ протестовать печатно противъ тона Русскаго Вѣстника. Обругалъ или не обругалъ Русскій Вѣстникъ меня или кого нибудь другаго,—это вовсе не интересно. За что обругалъ? Это другой вопросъ; въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ заключается уже до нѣкоторой степени отчетъ объ общихъ убѣжденіяхъ того или другаго литературнаго органа. Полемика имѣетъ свою несомнѣнную важность, не тою діалектическою частью, въ которой одинъ изъ спорящихъ по пунктамъ опровергаетъ другаго и ловитъ его на мелочахъ, а тѣмъ общимъ направленіемъ, по которому развивается мысль обоихъ полемизирующихъ писателей. Форма полемики—пустое дѣло. Общая подкладка полемики, напротивъ того, имѣетъ самую существенную важность. Поэтому, жалоба г. Грота на нетерпимость въ критикѣ показываетъ въ авторѣ «замѣтки» такую первобытную, нетронутую наивность, которая возможна только въ человѣкѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго понятія объ интересахъ, волнующихъ нашу литературу. Развѣ у насъ дерутся изъ-за литературныхъ мнѣній? Развѣ у насъ возникаютъ тяжебныя дѣла изъ-за несходства эстетическихъ понятій? Упрекать въ нетерпимости можно, сколько мнѣ кажется, только такого писателя, который готовъ и желаетъ всѣми возможными средствами насолить своему литературному противнику, а упрекать человѣка въ нетерпимости за то, что онъ возражаетъ горячо на такія мнѣнія, которыя кажутся ему нелѣпыми, это крайне оригинально, чтобы не сказать больше. Въ наше время нелѣпое мнѣніе тоже самое, что нелѣпый поступокъ; кто говоритъ нелѣпую мысль, тотъ поступаетъ также уродливо, какъ поступаетъ человѣкъ, держащій свою жену въ заперти, или отпускающій полновѣсныя пощечины своимъ дѣтямъ и домочадцамъ. Если вы увидите сцену насилія, вы вѣроятно подадите помощь страждущему, и, можетъ быть, затѣете драку съ обидчикомъ; точно также, если вы прочтете въ печати проповѣдь насилія и угнетенія, вы вступитесь за тѣ естественныя человѣческія права, которыя покажутся вамъ нарушенными. Если ваши возраженія будутъ горячо прочувствованы, если вы дадите понять проповѣднику насилія, что считаете его убѣжденія достойными негодяя или дурака, то вѣроятно ни одинъ благоразумный человѣкъ не обвинитъ васъ въ нетерпимости, потому что въ противномъ случаѣ

пришлось бы доводить терпимость до того, чтобы позволять на своихъ глазахъ бить человѣка, не заступаясь за него, и не заявляя даже своего негодованія. Каждый воленъ держаться того или другаго убѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый точно также воленъ критиковать убѣжденія своихъ сосѣдей, и называть ихъ нелѣпыми или возмутительными, если они противорѣчатъ *его* логикѣ или возмущаютъ *его* личное, нравственное или эстетическое чувство. «Журнальная гласность, говоритъ г. Гротъ, должна быть обоюдуострая, или, какъ богъ Янусъ, имѣть два лица, изъ которыхъ одно было бы обращено къ обществу, а другое къ самой литературѣ. Но, повторяемъ, наша литература любитъ преслѣдовать злоупотребленія только внѣ самой себя, а относительно своихъ темныхъ сторонъ предпочитаетъ скромное молчаніе.» Ну, скажите на милость, какъ же не назвать эти слова отрывочными восклицаніями, произносимыми сквозь сонъ. За минуту передъ тѣмъ, г. Гротъ жаловался на то, что наша журнальная критика нетерпима къ тѣмъ идеямъ и мнѣніямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ ея убѣжденіями, а теперь онъ, прямо въ связи съ этою мыслью, начинаетъ доказывать, что эта же самая критика предпочитаетъ скромное молчаніе относительно своихъ темныхъ сторонъ. Гдѣ же тутъ скромное молчаніе, когда существуетъ страстное обличеніе и горячій протестъ? Вѣдь въ критикѣ встрѣчаются сильныя возраженія противъ мнѣній, выраженныхъ печатно, слѣдовательно, выраженныхъ въ той же русской литературѣ. Вѣдь не возражаютъ же наши критики тому, что они слышали гдѣ нибудь на обѣдѣ или на вечерѣ. Какъ же согласить скромное молчаніе съ нетерпимостью къ разнорѣчивымъ мнѣніямъ? Или, можетъ быть, представляя фигуру бога Януса, г. Гротъ этимъ образомъ хочетъ выразить свое желаніе, чтобы писатель въ одно и то же время и доказывалъ, и опровергалъ одну и ту же идею, чтобы критикъ въ одной книжкѣ журнала обличилъ какого нибудь обскуранта, а въ слѣдующей книжкѣ пролилъ слезы раскаянія надъ собственнымъ своимъ увлеченіемъ? Это было бы очень трогательно, и такого рода гласность была бы дѣйствительно обоюдуострая. Критическое самобичеваніе, котораго, повидимому, требуетъ г. Гротъ, напомнило бы публикѣ зрѣлище, которое часто приходится видѣть на нашихъ почтовыхъ дорогахъ; оно напомнило бы ей, какъ неопытный ямщикъ, желая стегнуть свою лошадь, замахивается кнутомъ такъ усердно, что попадаетъ сначала по сѣдоку, потомъ по своей собственной спинѣ, и наконецъ, и то не всегда, по лошади. Это было бы, конечно, очень

смѣшно, но публика имѣла бы полное право сказать такому наивному критику: «милый юноша, предпринимайте всѣ ваши исправительныя мѣры въ тиши вашего кабинета. Стегайте себя сколько угодно, но избавьте насъ отъ тяжелаго и безплоднаго зрѣлища вашихъ самоистязаній. Давайте намъ результаты вашего мышленія, а не броженіе вашего мозга. Набичуйте себя вдоволь и тогда выступайте передъ нами человѣкомъ сложившимся, сознательно идущимъ по извѣстному направленію». Если, напримѣръ, Современникъ отзывается о какой нибудь статьѣ Русскаго Вѣстника, какъ о статьѣ дикой, то, стало быть, критика наша не проходитъ собственныхъ своихъ темныхъ сторонъ скромнымъ молчаніемъ. Но требовать отъ Современника, чтобы онъ бранилъ тѣ самыя статьи, которыя онъ помѣщаетъ на своихъ собственныхъ страницахъ, это совсѣмъ нелѣпо, это что то въ родѣ пеликана, раздирающаго свое чрево для удовольствія публики. Любопытно также то обстоятельство, что г. Гротъ въ своей замѣткѣ высказываетъ мнѣнія, діаметрально противоположныя тѣмъ идеямъ, которыя выражаетъ редакція Русскаго Вѣстника.

И какъ васъ богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ!

Вотъ что говоритъ г. Гротъ: «Періодическая литература наша много занимается общественными вопросами, но очень мало сама собою... Наша литература бойко затрогиваетъ все, что лежитъ внѣ ея самой, но въ собственныя свои дѣла не вглядывается пристально. А между тѣмъ первый шагъ къ самоусовершенствованію есть самоизученіе, и для всего, что живетъ и мыслитъ, самое полезное дѣло есть занятіе ближайшими предметами».

А вотъ что говоритъ редакція въ январской книжкѣ, на стр. 480: «Только праздные и больные умы занимаются сами собою; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненая и безсильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями».

Какъ видите, эти два мнѣнія діаметрально противоположны; г. Гротъ съ укоризною замѣчаетъ, что наша литература бойко затрогиваетъ все, что лежитъ внѣ ея самой, а редакція Русскаго Вѣстника рѣзко упрекаетъ ее въ томъ, что она роется въ собственныхъ дряз-

гахъ, не видя передъ собою Божьяго міра. Если мои читатели желаютъ знать мое личное мнѣніе объ этомъ важномъ спорномъ пунктѣ, то я замѣчу, что схожусь скорѣе съ воззрѣніями редакціи, чѣмъ съ идеями г. Грота, возводящаго безгласность литературы въ нормальное явленіе, и дающаго этой безгласности силу вѣчнаго закона. Любезная литература, говоритъ г. Гротъ своимъ вышеприведеннымъ мѣстомъ, ты, пожалуйста, не моги вмѣшиваться въ вопросы общественной жизни. Тамъ тебя не спрашиваютъ, туда тебя не пустятъ, тамъ тебѣ нечего дѣлать; все будетъ улажено и устроено безъ тебя. Вы, почтенные господа писатели, творите стишки и поэмы, сооружайте повѣсти и драмы, свидѣтельствуйте другъ другу свое почтеніе и дружеское расположеніе въ критическихъ статьяхъ, воспѣвайте на всѣ лады красоту природы и благость провидѣнія, и—довольно съ васъ. Дальше не ходите. Признавая Карамзина и Жуковскаго образцовыми рускими писателями, остановившись слѣдовательно, на тѣхъ понятіяхъ, которыя состовляли себѣ эти два джентльмена о дѣятельности литератора и гражданина, г. Гротъ не можетъ думать и говорить иначе. Кто въ шестидесятыхъ годахъ повторяетъ то, что казалось новымъ и смѣлымъ въ двадцатыхъ годахъ, тотъ, конечно, долженъ представиться намъ какимъ то ископаемымъ литераторомъ. Люди, начавшіе въ 1856 году изданіе журнала, не могутъ сходиться въ мнѣніяхъ съ антикомъ, подобнымъ г. Гроту; дѣйствительно редакція Русскаго Вѣстника говоритъ совсѣмъ другое; она очень сердится на нашу литературу за то, что та не видитъ передъ собою Божьяго міра и рѣшительно не хочетъ принять въ соображеніе того обстоятельства, что литература наша ни въ чемъ не виновата; она дѣлаетъ все, что можетъ, и если достигаемые ею результаты оказываются неудовлетворительными, то это значитъ только, что она при всѣхъ своихъ добросовѣстныхъ усиліяхъ не можетъ прошибить ледяную кору, отдѣляющую ее отъ живаго пониманія народа. Въ наше время пишутъ многіе; пишутъ тѣ люди, у которыхъ есть дѣйствительная потребность высказаться; пишутъ и тѣ люди, которые, научившись владѣть языкомъ, стараются заработать себѣ побольше денегъ; въ числѣ книгъ и статей, появляющихся въ теченіи года у насъ въ Россіи, есть очень много фабричныхъ издѣлій, но зато рядомъ съ этими грошовыми работами лежатъ тутъ же, въ этомъ ворохѣ книгъ и статей, труды лучшихъ, наиболѣе честныхъ и талантливыхъ нашихъ соотечественниковъ. Искусства намъ какъ то не дались; ни живопись, ни скульпту-

ра, ни музыка, ни театральное искусство не привлекаютъ къ себѣ съ особенною силою нашихъ молодыхъ дѣятелей; почти вся масса ума и таланта, порождаемая русскою почвою, съ неудержимою порывистостью бросается въ литературу и находитъ въ ея различныхъ родахъ полное удовлетвореніе своему стремленію къ дѣятельности. Желаніе высказаться почти всегда бываетъ сильнѣе, чѣмъ желаніе чему нибудь научиться, и потому незрѣлость сужденій, которую Русскій Вѣстникъ клеймитъ позорнымъ именемъ литературной безчестности, дѣйствительно бросается въ глаза въ самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ нашей критики и публицистики. Эта незрѣлость составляетъ существующій фактъ, но въ существованіи этого факта не виноваты наши писатели. Всѣ мы воспитывались въ душной средѣ, въ узкихъ понятіяхъ, подъ вліяніемъ мертвящихъ предразсудковъ; всѣ мы, становясь на свои ноги, принуждены были разрывать связь съ нашимъ прошедшимъ, передѣлывать сверху до низу весь строй нашихъ понятій, выкуривать изъ нашего мозга ту нелѣпую демонологію, которая замѣняла намъ въ дѣтствѣ трезвыя понятія о мірѣ, о природѣ и человѣкѣ; вступая въ борьбу съ тѣми элементами, которые, благо даря вліянію родителей и педагоговъ, приросли къ нашей природѣ, отрывая съ болью и съ кровью дѣтскія вѣрованія, дѣтскія привязанности, дѣтскіе взгляды на жизнь, мы воодушевляемся и ожесточаемся въ одно и то же время; проникнутые сознательнымъ, глубокимъ отвращеніемъ къ тѣмъ мрачнымъ формамъ семейнаго быта, къ тѣмъ суровымъ принципамъ лицемѣрной нравственности, къ тѣмъ обезсмысленнымъ обычаямъ, которые давили въ дѣтствѣ наше естественное развитіе и задерживали нашъ умственный ростъ,—мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ выжидаемъ случая, когда бы намъ можно было выразить свое негодованіе противъ всего того, что остановило развитіе многихъ даровитыхъ личностей и что до сихъ поръ продолжаетъ забивать способности дѣтей и юношей, дѣвушекъ и женщинъ нашихъ. Когда мы беремся за перо, мы еще почти ничего не знаемъ, но сторона отрицанія оказывается уже вполнѣ развитою. Нелѣпостей и несообразностей насмотрѣлся на своемъ вѣку каждый ребенокъ, слѣдовательно, каждый молодой человѣкъ, принимающійся за перо, имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы всею силою критики разбивать міръ преданія и рутины. Вмѣстѣ съ матеріалами, жизнь даетъ намъ импульсъ къ отрицанію; кто развился на столько, чтобы понять неестественность своихъ ребяческихъ понятій,

тотъ никакъ не остановится на хладнокровномъ созерцаніи этихъ понятій; умъ не терпитъ неволи; когда онъ видитъ себя несвободнымъ, онъ принимается разрушать свою клѣтку и не оставляетъ своей работы до той минуты, пока не будетъ совершенно окончено дѣло разрушенія. Когда умъ занятъ такого рода работою, тогда нѣтъ мѣста для спокойнаго пріобрѣтенія знаній; находясь въ такой порѣ развитія, мы съ наслажденіемъ хватаемся за сочиненія, проникнутыя полемическими тенденціями, и оставляемъ въ сторонѣ многотомныя изслѣдованія кабинетныхъ ученыхъ. За это нельзя быть на насъ въ претензіи. «Своя рубашка къ тѣлу ближе»; мы ищемъ того, что соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ нашего ума, что отвѣчаетъ на вопросы, встрѣчающіеся нашей мысли на пути ея естественнаго развитія. Когда ребенокъ ростетъ, у него иногда обнаруживаются странные аппетиты: онъ ѣстъ съ наслажденіемъ мѣлъ, уголь, известку, глину, и эти вещества приносятъ ему больше удовольствія и даже больше пользы, чѣмъ питательная говядина или крѣпкій бульонъ; дѣло въ томъ, что ему надо ввести въ кровь именно тѣ вещества, къ которымъ онъ чувствуетъ странное влеченіе; на пути нашего умственнаго развитія, мы часто бываемъ поставлены въ такое же положеніе; если нашему уму надо что нибудь, въ родѣ известки или острой кислоты, тогда и не предлагайте намъ ни телятины, въ родѣ ученыхъ изслѣдованій гг. Буслаева, Устрялова и Соловьева, ни миндальнаго печенія, въ родѣ лирическихъ стиховъ гг. Фета и Полонскаго. Та пища, на которой живутъ наши писатели, отражается конечно и на томъ, что они производятъ. Сами писатели проникнуты полемическими тенденціями, и тѣ же тенденціи проходятъ черезъ ихъ произведенія. Мы не разсказываемъ публикѣ о томъ, что мы знаемъ; мы просто дѣлимся съ нею нашими симпатіями и антипатіями; мы говоримъ ей: это мы любимъ, этого не любимъ, приводимъ съ большею или меньшею полнотою, съ большею или меньшею ясностью объясненія и доводы; мы говоримъ о томъ, что сами думаемъ и чувствуемъ, потому что полагаемъ, что вокругъ насъ живутъ такіе же люди, какъ и мы сами, и что каждый изъ нихъ думаетъ и чувствуетъ про себя почти то же самое, что думаемъ и чувствуемъ мы. Мы разбросаны по кружкамъ; надо жъ намъ подать другъ другу голосъ, надо жъ намъ попробовать, нельзя ли намъ понять другъ друга, нельзя ли найти себѣ симпатіи, отклика; для этого надо высказываться, безъ утайки, безъ задней мысли; что въ печи, то и на столъ мечи, что на душѣ,

то и на языкѣ; только правдивость и откровенность, только искренность и задушевность способны вызвать сочувствіе; кто пишетъ теперь по живой, внутренней потребности, тотъ хлопочетъ почти исключительно о томъ, чтобы высказать предъ обществомъ свои стремленія. Фактическія подробности, которыми наши писатели обставляютъ свои идеи, не всегда удачно выбраны, часто невѣрны, но тутъ не въ фактахъ дѣло; важно то, что писатель хочетъ выразить своимъ произведеніемъ, важна общая идея, тенденція, и если посмотрѣть съ этой точки зрѣнія на статьи лучшихъ представителей нашей журналистики, то онѣ окажутся безъукоризненными и выдержатъ самую строгую критику. Но редакція Русскаго Вѣстника постоянно, при оцѣнкѣ явленій современной литературы, останавливается на нихъ внѣшней сторонѣ; она смотритъ на писателя не какъ на живаго человѣка, увлеченнаго своею идеею, или возмущеннаго тою или другою стороною жизни, а какъ на фотографическій станокъ, передающій съ безсознательною вѣрностью контуры предмета, находящагося передъ нимъ. Она не переносится въ положеніе писателя; она вся уходитъ въ анализъ мелочей и подробностей, которымъ самъ писатель не придастъ никакого значенія.

Г. Гротъ поступаетъ еще оригинальнѣе; задумавъ говорить о русской журналистикѣ, онъ высказываетъ объ ней слѣдующія замѣчанія, которыя самымъ нагляднымъ образомъ показываютъ намъ, на сколько г. Гротъ понимаетъ интересы нашего времени. Во-первыхъ, онъ упрекаетъ журнальную критику въ томъ, что она обнаруживаетъ мало сочувствія къ Карамзину и Жуковскому. Во-вторыхъ, въ томъ, что она измѣряетъ годность человѣка только тѣмъ, принадлежитъ ли онъ къ старому, или къ молодому поколѣнію. Въ-третьихъ, въ томъ, что «нѣкоторые наши журналы и газеты начали употреблять также въ видѣ насмѣшки и даже брани слово *ученый.*» Вотъ вамъ, господа читатели, сумма мнѣній г. Грота о русской журналистикѣ. Мнѣ кажется, г. Гроту было бы удобнѣе писать замѣтки о шрифтѣ, о бумагѣ, на которой печатаются наши журналы, о цвѣтѣ ихъ обертки, но только ужъ никакъ не о журналистикѣ. Писать о журналистикѣ, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ значеніи тѣхъ идей, которыми живутъ лучшіе люди нашего общества, это черезчуръ оригинально.

Но если оригинально въ этомъ случаѣ положеніе автора замѣтки, то конечно, еще гораздо оригинальнѣе поступокъ редакціи, печатающей на страницахъ своего журнала такую статью, которая прямо про-

тиворѣчитъ мнѣніямъ редакціи и обличаетъ въ авторѣ такую нетронутую глубину наивности.

V.

Пропуская двѣ статьи г. Лонгинова, отличающіяся полнотою библіографическимъ свѣдѣній и полнымъ отсутствіемъ руководящей идеи, пропуская еще двѣ статьи, изъ которыхъ одна трактуетъ о губернскихъ памятныхъ книжкахъ, а другая о картѣ Самарской губерніи, я перехожу къ мартовской книжкѣ, и встрѣчаю ту статью о госпожѣ Толмачевой, которая въ свое время вызвала противъ себя заслуженное негодованіе въ обществѣ и въ періодической литературѣ. Въ этой статьѣ редакція Русскаго Вѣстника косвенно объявляетъ себя противъ эманципаціи женщины и спрашиваетъ: чего недостаетъ нашимъ женщинамъ? Утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что «у насъ были знаменитыя императрицы, на англійскомъ престолѣ возсѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже, и совѣтуетъ, вмѣсто того чтобы эманципировать женщину,—подчинить и мущину извѣстнымъ ограниченіямъ, ради охраненія доброй нравственности. Этихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы дать понятіе о букетѣ этой статьи; о ней въ свое время было говорено довольно много, и потому я ограничусь только бѣглымъ указаніемъ на это произведеніе умѣреннаго либерализма; въ спискѣ прошлогоднихъ подвиговъ Русскаго Вѣстника необходимо было помѣстить и эту статью, потому что въ ней есть драгоцѣнныя выходки противъ эманципаторовъ, противъ пустоголовыхъ прогрессистовъ, противъ отрицателей общественныхъ приличій, противъ губителей общественной нравственности. Добродѣтельный паѳосъ, которымъ проникнуты многіе отрывки этой замѣчательной статьи, представляетъ рѣдкое и тѣмъ болѣе отрадное явленіе въ нашей легкомысленной литературѣ, посреди преобладанія эгоизма, скептицизма, матеріализма и разныхъ другихъ безнравственныхъ идей и стремленій. Неугодно ли вамъ, напримѣръ, полюбоваться слѣдующими строками. Вѣдь это просто оазисъ среди песчаной пустыни.

«Общественныя приличія! Но что даетъ намъ право ставить себя выше ихъ? Можно ли допустить, чтобъ общественныя приличія нарушались во имя пошлыхъ фразъ, выраженій ничтожества и пустоты?

Что должно сказать при видѣ этого ничтожества, которое, подъ прикрытіемъ громкихъ словъ: прогресса, просвѣщенія, свободы, топорщится со свистомъ въ головѣ стать выше цѣлаго общества, выше убѣжденій цѣлаго міра, клеймя ихъ названіемъ предразсудковъ? Общественныя приличія имѣютъ всегда какое нибудь основаніе; вырабатываясь изъ жизни, они содержатъ въ себѣ ея разумъ, и для того, чтобы судить о нихъ, надо прежде понимать ихъ» (стр. 36).

Не знаешь чему больше удивляться, читая это неподражаемое мѣсто: силѣ ли паѳоса, овладѣвшаго авторомъ, фразистости ли его произведенія, или же, наконецъ, тому изумительному отсутствію связи, которое мы видимъ между отдѣльными словами и предложеніями. Можно сказать навѣрное, что еслибы какая нибудь модная барыня взялась бы защищать свѣтскія приличія противъ нападковъ разгулявшейся журналистики, то она сдѣлала бы это дѣло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ редакція Русскаго Вѣстника. Она бы твердо стала на хорошо знакомую ей практическую почву и не пыталась бы оправдывать общественныя приличія съ высшей, философской точки зрѣнія. Такого рода діалектическій пріемъ имѣетъ всю прелесть новизны въ нашей литературѣ и честь его изобрѣтенія принадлежитъ безспорно редакціи Русскаго Вѣстника. Вотъ еще одно мѣсто:

«Вы хотите возвыситься надъ общественными приличіями: остерегитесь, чтобы не упасть не только ниже ихъ, но и ниже обнаженныхъ отправленій скотской жизни. Вы домагаетесь благодати выше долга; но помните, благодатные люди, что она не исключаетъ долга, а, возвышаясь надъ нимъ, даетъ только больше, чѣмъ можетъ дать онъ. Вы лѣзете въ геніи, но не думайте, что для достиженія этой чести надобно только отказаться отъ здраваго смысла» (стр. 37).

Кого хочетъ поразить этими словами Русскій Вѣстникъ, кого называетъ онъ благодатными людьми, кто лѣзетъ въ геніи и какое отношеніе вся эта тирада имѣетъ къ женщинѣ,—этого я рѣшительно не понимаю. Сомнѣваюсь даже въ томъ, чтобы это было понятно самому автору статьи. Не мало курьезныхъ цитатъ можно было бы привести изъ этой апологіи Камня Виногорова, но мнѣ предстоитъ еще пересмотрѣть много драгоцѣнностей и потому я поспѣшно иду дальше. Остановлюсь на минуту на статьѣ г. Лонгинова о стихотвореніяхъ А. С. Хомякова. Въ этой статьѣ начинаетъ проявляться тотъ сладкій оптимизмъ, который составляетъ одно изъ преобладающихъ свойствъ

критики Русскаго Вѣстника. Русскій Вѣстникъ относится чрезвычайно мягко и ласкательно ко всему тому, что не находится въ связи съ свистящею журналистикою. Все хорошо въ нашей жизни, по мнѣнію Русскаго Вѣстника, и только безмозглые отрицатели своими нестройными криками нарушаютъ общую гармонію этой изящной жизни. Хомяковъ не принадлежалъ къ безмозглымъ отрицателямъ, слѣдовательно, его можно возвеличить, и дѣйствительно г. Лонгиновъ величаетъ его такъ усердно, что статья его дѣлается похожею на панегирикъ. Тѣ стихотворенія, которыя онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ хвалебныхъ отзывовъ, могутъ быть очень возвышены по своему духовному полету, но мотивы этихъ стихотвореній покажутся современному читателю черезчуръ античными и затронутъ въ немъ живое чувство также мало, какъ мало затронутъ это живое чувство самыя лучшія мѣста изъ Мессіады Клопштока. Сомнѣваюсь, напримѣръ, что бы на кого нибудь могло подѣйствовать слѣдующее произведеніе, выписанное въ статьѣ г. Лонгинова:

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Лучшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной,
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше скорбей земныхъ,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской.

Если бы эти стихи принадлежали не Хомякову, а какому нибудь неизвѣстному поэту, я бы, можетъ быть, назвалъ ихъ холодною декламацiею на заданную тему. Но Хомяковъ, какъ говорятъ всѣ люди, знавшiе его лично, былъ человѣкъ въ высшей степени честный и глубоко искренний; слѣдовательно, надо повѣрить поэту на слово и предположить, что онъ въ этомъ стихотворенiи дѣйствительно выразилъ то, что чувствовалъ, то, въ чемъ онъ былъ горячо убѣжденъ. Такого рода преположенiе оправдаетъ въ нашихъ глазахъ личность Хомякова, но оно никакъ не заставитъ насъ восхищаться произведенiемъ Хомякова и сочувствовать тому настроенiю, подъ влiянiемъ котораго оно написано. Можетъ быть, мы не стоймъ на той высотѣ духовнаго развитiя и просвѣтленiя, на которой находился Хомяковъ; можетъ быть намъ недоступны тѣ высшiя духовныя радости, о которыхъ повѣствуетъ поэтъ, только потому, что мы испорчены скептическимъ направленiемъ нашего вѣка и придавлены къ землѣ мелкими заботами и нелѣпостями дѣйствительности; все это можетъ быть, но, какъ бы ни были унизительны для насъ самихъ причины нашего непониманiя, мы все-таки откровенно сознаемся въ томъ, что не понимаемъ идеи стихотворенiя. Что же касается до крыльевъ подвига и до возможности взлетѣть на нихъ выше крыши темницы и выше многихъ другихъ непрiятныхъ предметовъ, то намъ, испорченнымъ дѣтямъ XIX вѣка, подобныя сочетанiя словъ кажутся совершенными нелѣпостями, горячо прочувствованными самимъ поэтомъ, но рѣшительно не выдерживающими самой элементарной критики. То, чего не понимаемъ мы, по своему неразумiю или по своей испорченности, то конечно могъ бы понимать г. Лонгиновъ; еслибы его критическая статья была проникнута тѣмъ духомъ, который вѣетъ въ стихотворенiяхъ Хомякова, тогда я совершенно понялъ бы восторгъ рецензента передъ личностью и произведенiями вдохновеннаго поэта и понялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы съ г. Лонгиновымъ живемъ въ двухъ разныхъ мiрахъ, что въ нашихъ взглядахъ на жизнь нѣтъ ничего общаго, и что, слѣдовательно, намъ не надо спорить между собою и нельзя ни на чемъ сойтись. Но дѣло въ томъ, что г. Лонгиновъ вовсе не восторгается тѣми идеями и образами, которыми наполнены стихотворенiя Хомякова; онъ голословно восхищается стихотворенiемъ, голословно называетъ его превосходнымъ, голословно говоритъ, что «поэтическое наслѣдiе Хомякова не велико по количеству, но состоитъ изъ чистаго золота», и голословно повторяетъ отзывъ одного цѣнителя, что

Хомяковъ «не написалъ *ни одного празднаго стиха*». Изъ всего этого голословія читатель статьи г. Лонгинова никакъ не будетъ въ состояніи понять красотъ хомяковской поэзіи и тѣхъ точекъ соприкосновенія, которыя существуютъ между поэтомъ и критикомъ. Гдѣ же сужденіе г. Лонгинова о разбираемыхъ имъ произведеніяхъ, гдѣ личныя убѣжденія критика? Неужели ихъ надо искать въ эпитетахъ, въ родѣ «ярко», «превосходное», «глубоко», высокой и въ риторическихъ фигурахъ въ родѣ «чистаго золота поэтическаго наслѣдія» или «строгія черты его цѣломудренной музы»? Но вѣдь эти эпитеты надо же чѣмъ нибудь мотивировать, эти риторическія фигуры надо чѣмъ нибудь оправдать. Вѣдь не изъ однихъ же словъ и библіографическихъ свѣдѣній должна состоять критическая статья? Надо же, что бы въ ней была хоть какая нибудь мысль. Знать, что такая то книга была издана первымъ изданіемъ въ такомъ то году, и что такое то стихотвореніе было помѣщено въ такой то книжкѣ такого то журнала—не значитъ еще быть критикомъ. Въ противномъ случаѣ большая часть библіотекарей, книгопродавцевъ и грамотныхъ букинистовъ могли бы Бѣлинскаго за поясъ заткнуть. Кажется, г. Лонгиновъ такъ и думаетъ, если принять въ соображеніе его статью: Бѣлинскій и его лжеученики», статью, которой мы коснемся мимоходомъ, когда дойдемъ до разбора іюньской книжки Русскаго Вѣстника. Надѣясь, что не всѣ наши читатели раздѣляютъ мнѣніе г. Лонгинова объ обязанностяхъ и достоинствахъ критика, я дамъ себѣ право обратить вниманіе тѣхъ людей, которые не согласятся съ г. Лонгиновымъ на то поразительное безсиліе, на ту печальную безжизненность, которыя обнаруживаются въ критикѣ Русскаго Вѣстника. У нея есть только одинъ *mot d'ordre*: преслѣдованіе свистуновъ; когда она заговоритъ о свистунахъ, тогда она сколько нибудь оживляется, начинаетъ браниться, смѣяться принужденнымъ смѣхомъ, вздыхать о горькой участи руской литературы. Всѣ эти различные оттѣнки негодованія остаются намъ довольно непонятными въ своей исходной точкѣ, въ побудительной причинѣ; всѣ эти проявленія возмущеннаго нравственнаго чувства похожи скорѣе на лирическія изліянія, чѣмъ на солидныя выраженія продуманныхъ убѣжденій; но, по крайней мѣрѣ, въ этихъ выходкахъ есть жизнь; въ нихъ авторы статей выражаютъ свои собственныя чувства и не стараются поднять себя на высоту невозможной и неестественной объективности, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на отсутствіе собственнаго убѣжденія, на добровольное или вынужденное критическое

молчалинство. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о свистунахъ, тамъ критическія статьи Русскаго Вѣстника состоятъ изъ выписокъ, изъ варіацій на эти выписки, изъ библіографическихъ или біографическихъ указаній, и изъ фразъ болѣе или менѣе лестныхъ для автора разбираемой книги. Часто въ его рецензіяхъ видно много эрудиціи, часто онѣ представляютъ очень тщательный разборъ очень мелкихъ фактовъ, но при этомъ общая идея автора всегда ускользаетъ отъ рецензента и никогда не наводитъ его на критическія размышленія. Мысль расплывается въ безцвѣтныхъ фразахъ или задыхается подъ грудою мелкихъ фактовъ.

Д. ПИСАРЕВЪ

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*)

ЧЕМУ И КАКЪ МЫ УЧИМЪ НАРОДЪ.

1) Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей, составленное теткой Настасьей. Москва. 1861. 2) Хрестоматія или избранныя статьи для народнаго чтенія. Москва. 1861. 3) Досужное чтеніе, пригодное для каждаго, составленное В. Золотовымъ. С. Петербургъ. 1862. 4) Воспоминанія о геройской защитѣ Севастополя и очеркъ Крыма. С.-Петербургъ. 1861.

Прочитавъ всѣ эти книжки, останавливаешься въ странномъ недоумѣніи: для чего онѣ изданы? Изъ какой внутренней потребности вытекало ихъ появленіе на божій свѣтъ? Одна изъ нихъ говоритъ: я написана затѣмъ, чтобъ меня понимали крестьянскіе ребята, другая желаетъ сохранить въ памяти солдатъ воспоминаніе о защитникахъ Севастополя; третія издается для того, чтобы представить образцы чтенія для народа, и всѣ онѣ болѣе или менѣе вопіютъ противъ отсутствія книгъ, доступныхъ пониманію и любознательности низшихъ со-

словій. Авторы и составители этихъ книжекъ, какъ можно догадываться по ихъ неблагодарному труду, вполнѣ убѣждены, что они оказываютъ величайшую пользу народу, принимая на себя роль его наставниковъ и опекуновъ; нѣкоторые изъ нихъ даже думаютъ, что отнимите у народа хлѣбъ и трудъ, но дайте ему ихъ сочиненія, и онъ благословитъ свою судьбу, забудетъ о голодѣ и будетъ питаться одной духовной пищей. Свойство этой пищи таково, что, дѣйствуя вмѣсто желудка на голову, она не производитъ ни рѣзи, ни спазмовъ, ни лихорадокъ, но испаряется также легко, какъ принимается; а принимается она посредствомъ глазъ или слуха,—обыкновенно, на сѣрыхъ листахъ бумаги, подъ разными довольно неопрятными обложками и самыми разнообразными названіями. Видоизмѣнять и сортировать эту духовную пищу можно точно также, какъ мы сортируемъ наши обыденныя кушанья, утоляющія чисто-физическіе аппетиты; можно, напримѣръ, соединить одну книжку съ другой подъ однимъ заглавіемъ или переплести всѣ вмѣстѣ въ одинъ корешекъ; можно даже перемѣшать ихъ статьи, параграфы и главы, можно поставить вмѣсто «Досужное Чтеніе» «Воспоминанія о геройской защитѣ Севастополя» или вмѣсто «Хрестоматія» «Ненужное чтеніе для каждаго»,—это рѣшительно все равно, и онѣ не потеряютъ отъ этого смѣшенія ни вкуса, ни запаха, ни внутренняго содержанія; намъ кажется, что многія изъ нихъ даже выиграютъ не только въ разнообразіи матеріаловъ, но и въ самомъ достоинствѣ ихъ. Что̀ же касается самаго производства этой пищи, то она добывается исключительно посредствомъ машинъ, съ небольшимъ участіемъ рукъ и ума. Процессъ приготовленія ея, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, очень легкій: положимъ, что надо составить «Хрестоматію для народа»; кромѣ обыкновенныхъ статей изъ духовно-нравственныхъ сочиненій, авторъ беретъ нѣсколько историческихъ статей съ фабрики гг. Соловьева и Иловайскаго, присоединяетъ къ нимъ превосходную біографію Кольцова—Бѣлинскаго, разбавляетъ все это описаніями и разсказами изъ естественной исторіи, наконецъ подсластитъ стихотворнымъ сиропомъ изъ Жуковскаго, Хомякова, Бенедиктова, Майкова, Аксакова, и хрестоматія для народнаго чтенія готова. Но на какомъ основаніи она предлагается народу, а не дѣтямъ, крестьянину,—а не человѣку образованному, что̀ въ ней есть особеннаго для того или другаго возраста, состоянія и умственнаго развитія? Отвѣчать на это очень трудно. Судя по составу ея статей и выбору предметовъ, она столько же примѣнима къ потребностямъ

земледѣльца или фабричнаго работника, сколько для купца и чиновника; всѣ они, пожалуй, найдутъ здѣсь кое-что пригодное для себя, но никто изъ нихъ не можетъ считать ее своей книгой. Представимъ, что двѣнадцатилѣтній крестьянскій мальчикъ отдаетъ послѣдній грошъ за эту хрестоматію и развертываетъ ее съ тѣмъ, чтобъ почитать: на первомъ планѣ попадаются ему 46 страницъ проповѣдей, потомъ 44 страницы разныхъ отрывковъ изъ исторіи Соловьева, Карамзина и Иловайскаго, 51 страницу жизнеописаній Патріарха Никона, московскаго митрополита Филиппа и проч., потомъ выдержки изъ естественной исторіи, какъ напримѣръ,—«Саранча на южномъ берегу Африки, сахарный тростникъ на островѣ Кубѣ, Сэнъ-Бернардская собака» и т. д. Спрашивается, что же изъ этого винигрета можно взять крестьянскому мальчику? Но положимъ, что книга попадается въ руки уже нѣсколько образованнаго читателя, для котораго интересно знать, какъ растетъ сахарный тростникъ на плантаціяхъ Кубы, какъ плодится саранча въ южной Африкѣ, но тогда зачѣмъ же ему знать, что такое «Ось и Чека» казака Луганскаго или описаніе кукушки и ласточки по руководству Вагнера? Притомъ, какое отношеніе имѣютъ между собою стихотворенія Некрасова и Ѳ. Глинки или статьи Тургенева и Загоскина, втиснутыя въ одну и ту же рубрику? Нѣтъ спору, что отъ хрестоматіи мы не въ правѣ требовать строгаго единства въ направленіи избранныхъ отрывковъ, что характеръ ея чисто-компилятивный, но нельзя же допустить и рѣзкаго противорѣчія въ ея составѣ, такъ, чтобы одна статья уничтожала другую, чтобы отдѣлы ея походили на квартетъ Крылова. Въ этомъ отношеніи, вообще составители нашихъ хрестоматій горько ошибаются: имѣя въ виду не болѣе какъ процессъ чтенія, они освобождаютъ себя отъ всякой основной идеи, которая проглядывала бы сквозь собранные ими матеріалы; подобно пчелѣ, они сносятъ все, что можно сорвать съ поля литературы, но, подобно муравьямъ, сбрасываютъ свои пріобрѣтенія въ одну кучу, оставляя ихъ въ сыромъ, натуральномъ видѣ: поэтому вмѣсто улья меда и воска оказывается ворохъ сору и грязи. Вслѣдствіе этого они не достигаютъ даже той цѣли, которую задаютъ себѣ, т. е. процесса чтенія, потому что какое же умное дитя станетъ читать все безъ разбору, если только оно ищетъ смысла въ прочитанномъ; а если не искать смысла и идеи въ чтеніи, то оно будетъ однимъ изъ самыхъ утомительныхъ и безплодныхъ занятій: тогда мы предпочли бы скакать на одной ногѣ или пускать мыльные пузыри вмѣсто того, чтобы безпо-

лезно сгибаться надъ книгой и утомлять зрѣніе черными линіями на бѣлой бумагѣ. Здѣсь кстати замѣчу, что русское дитя развивается изумительно медленно и туго; едва ли я ошибусь, если скажу, что англійскій или французскій ребенокъ на шестомъ году своего возраста смышленѣе и разумнѣе, чѣмъ нашъ двѣнадцатилѣтній отрокъ. Само собою разумѣется, что эта задержанность въ развитіи не зависитъ отъ однѣхъ плохихъ хрестоматій, но обусловливается общей обстановкой жизни, вліяніемъ климата, семейства и всего соціальнаго склада. Климатъ и соединенныя съ нимъ гигіеническія условія не благопріятствуютъ физическому здоровью нашихъ дѣтей; запертыя впродолженія полугода въ комнатной атмосферѣ, рѣдко освѣжаемой чистымъ воздухомъ, питаемыя скудной пищей, предоставляемыя произволу дурныхъ и грубыхъ нянекъ, они походятъ болѣе на тепличныя растенія, чѣмъ на правильно-развившіеся человѣческіе организмы. Смертность дѣтскаго возраста въ Россіи поражаетъ своимъ огромнымъ итогомъ; и это неудивительно, если мы примемъ во вниманіе отсутствіе медицинскихъ пособій, неопрятность курной крестьянской избы, семейный деспотизмъ, доводимый до отвратительныхъ сценъ насилія и варварскаго обращенія съ женщинами, если мы представимъ, что въ нашихъ деревняхъ воспитаніе ребенка иногда не отличается отъ воспитанія домашняго животнаго. Всѣ эти неудобства, конечно, могла бы нѣсколько поправить школа; но, къ сожалѣнію, она беретъ свои начала изъ самой жизни, такъ или иначе подчиняется нелѣпости общественнаго мнѣнія и систематически проводитъ тѣ же недостатки, которые наобумъ создаетъ семейная рутина.

Но возвратимся къ своему главному предмету. Все, что мы сказали доселѣ о производствѣ народныхъ книгъ, то преимущественно относилось къ хрестоматіямъ; теперь посмотримъ, какъ прилагается эта машинная выдѣлка къ другому разряду сочиненій, гдѣ можно найдти и единство направленія, и цѣльность взгляда. Лучшую характеристику этой категоріи народныхъ книгъ представляетъ намъ Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей, составленное теткой Настасьей.

Тетка Настасья написала свою книжку для того, чтобы и «самые маленькіе мальчики и самыя маленькія дѣвочки поняли каждое слово и чтобы читать имъ было любо и нескучно». Слѣдовательно, главная забота тетки Настасьи состоитъ въ томъ, чтобъ ее понимали крестьянскіе дѣти, — и это общая забота всѣхъ народныхъ педагоговъ. Во-первыхъ, они грубо заблуждаются насчетъ дѣтской непонятливости,

которая, на самомъ дѣлѣ, вовсе не такъ велика, какъ они ее представляютъ. Дитя, съ той минуты, когда оно начинаетъ понимать свои отношенія къ окружающему его міру, когда оно не возьметъ горячаго угля въ ротъ, не бросится въ рѣку, чтобы утонуть, съ этой минуты дитя способно принять всякое знаніе безъ малѣйшаго затрудненія; мы не знаемъ ни одного факта, ни одной истины, которую бы нельзя было передать умному десятилѣтнему мальчику, но какъ передать? въ этомъ заключается вся педагогическая задача. По обыкновенію, мы говоримъ съ дѣтьми языкомъ отвлеченнымъ, сухими формулами, нравственными сентенціями и никогда не даемъ себѣ труда объяснить имъ, почему требуютъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія тому или другому правилу; мы диктаторскимъ тономъ произносимъ свои правоученія, принятыя съ голоса нашихъ наставниковъ, и не терпимъ ни малѣйшаго возраженія имъ. Но кто же изъ насъ, по совѣсти, можетъ поручиться, что, если ребенокъ не перевариваетъ этихъ правоученій, то въ этомъ виновата его тупость или безсилье ума, а не извращенность самыхъ понятій, которыя навязываютъ его свѣжей натурѣ. Прослѣдимъ общій ходъ тѣхъ педагогическихъ пріемовъ, съ которыхъ начинается наше воспитаніе. Вотъ родилось дитя, заявившее о своемъ появленіи на свѣтъ истошнымъ крикомъ; послѣ обычныхъ операцій акушерки, новорожденнаго подвергаютъ самой строгой полицейской дисциплинѣ: его связываютъ пеленками, завертываютъ, какъ мумію, въ разныя тряпки, чтобъ эта маленькая мумія не могла свободно расправить ни одного изъ своихъ членовъ; если она закричитъ, ей суютъ въ ротъ соску; если она шевельнетъ ногой или рукой, ее снова затягиваютъ повивальникомъ; если она заплачетъ отъ боли, ей пропускаютъ въ горло ложку какой нибудь медицинской дряни; ее питаетъ чужая грудь кормилицы, между тѣмъ, какъ мать нерѣдко рыщетъ по баламъ и театрамъ... Доселѣ все воспитаніе состояло въ томъ, чтобъ стѣснить и задушить всякое свободное проявленіе младенческой природы. Затѣмъ, когда дитя подрастаетъ, нянька обращаетъ его въ свою куклу: она набиваетъ голову ребенка нелѣпыми разсказами о домовыхъ и оборотняхъ, она убаюкиваетъ его сказкой, пугаетъ привидѣніями, всякое живое движеніе называетъ *блажью*, всякое независимое желаніе—*капризомъ* и, обыкновенно, унимаетъ ихъ пинками или угрозами. И эта кукла, привыкая смотрѣть на все чужими глазами и дѣйствовать по чужой программѣ, постепенно теряетъ способность къ самостоятельному выраженію ума и воли. Далѣе наступаетъ

періодъ родительскихъ наставленій и ученья; здѣсь прежде всего требуется отъ ребенка *вѣры* въ слова и распоряженія его воспитателей; дитя, одолѣваемое со всѣхъ сторонъ новыми впечатлѣніями и вопросами, во всемъ ищетъ смысла и объясненія, а ему приказываютъ вѣрить на-слово, и не возражать; оно съ жадностью прислушивается къ разговору окружающихъ лицъ, но собесѣдники отвѣчаютъ ему пошленькими шутками или нѣмыми ласками, считая одно неприличнымъ для дѣтскаго возраста, а другое—выше его пониманія; дитя обращается къ книгѣ, но книга не даетъ ему ничего, кромѣ анекдотовъ или тѣхъ же уродливыхъ сказокъ, которыя оно уже слышало отъ няньки; дитя проситъ жизни, развитія, дѣятельности, а его сажаютъ въ душную комнату и морятъ надъ заучиваніемъ разной схоластической дичи; если оно обнаруживаетъ намѣреніе избавиться отъ этой дичи и вырваться на волю, ему показываютъ связку розокъ или оскорбляютъ грубыми выходками. И вотъ является совершенно готовый отрокъ, блѣдный, чахлый, запуганный и истощенный, съ полнымъ отвращеніемъ ко всему, что напоминаетъ ему прежнее воспитаніе. Теперь вожделѣнные его родители, сокрушаясь о будущемъ счастіи своего ненагляднаго дѣтища, избираютъ ему общественную карьеру, устраиваютъ положеніе, основываясь въ этомъ произвольномъ выборѣ не призваніемъ и желаніями юноши, а разными соображеніями—въ родѣ тепленькаго чиновническаго мѣста, выгодной партіи, болѣе быстраго повышенія на лѣстницѣ ранговъ и даже прислуживанія кому нибудь изъ сильныхъ міра сего. Сообразно этому выбору отрокъ обучается тому или другому спеціальному курсу наукъ, т. е. выдѣлывается изъ него матросъ или юристъ, безъ всякаго общечеловѣческаго развитія и твердаго грунта положительныхъ знаній. Такимъ образомъ мы проходимъ нашу воспиталельную школу. Теперь скажите откровенно, господа педагоги, какой особенной мудростью вы угрожаете дѣтскому уму? Вѣдь если, по правдѣ сказать, вы не предлагаете ему ни одного реальнаго свѣдѣнія, ни одной практической истины, ни одного живаго и искренняго звука, и дѣтей же обвиняете въ непонятливости. Да что же имъ понимать-то? Неужели вашу доктрину, состоящую изъ отрицанія здраваго смысла, систематическихъ стѣсненій, изъ дѣтскихъ книжекъ г. В. Золотова, изъ учебниковъ г. Устрялова и Иловайскаго и нравоучительныхъ статей г. Ушинскаго! Заговорите прежде человѣческимъ языкомъ, яснымъ и правдивымъ, безъ лицемѣрія и окольныхъ дорогъ, и вы увидите, что дѣти совершенно поймутъ васъ и

охотно будутъ слушать. Мы даже убѣждены, что дѣти были бы гораздо понятливѣе взрослыхъ, еслибъ своевременно и раціонально пробуждали въ нихъ умственную дѣятельность. Молодыя и воспріимчивыя силы ихъ, не притупленныя гнетущими опытами жизни и ложными взглядами, гораздо легче могутъ принять всякое мнѣніе, къ какой бы области и партіи оно ни относилось; мы твердо увѣрены, что умному десятилѣтнему ребенку можно скорѣе растолковать какой угодно вопросъ изъ современныхъ знаній, чѣмъ какому нибудь ученому мужу. У десятилѣтняго мальчика нѣтъ ни предвзятыхъ идей, ни научныхъ предразсудковъ, ни пришитыхъ сзади авторитетовъ, ни педантской спѣси, ни той несчастной тупости, которая наживается съ годами, проведенными въ рабочемъ кабинетѣ доктринера; напротивъ, у послѣднихъ всего этого много, за ними стоятъ длинныя полки книгъ, которыя они проглотили сырьемъ, не разжевавъ и не переработавъ ихъ составныхъ элементовъ. Первымъ нѣтъ никакого интереса отстаивать то или другое рутинное понятіе, а вторымъ, хоть бы они и соглашались съ противными мнѣніями, жалко и невыгодно разстаться съ тѣмъ, что приросло къ ихъ мозгу и, пожалуй, обратилось въ ихъ повседневное ремесло. Поэтому, намъ кажется, что жалобы нашихъ педагоговъ на непонятливость дѣтей совершенно неосновательны и въ практическомъ отношеніи вредны, потому что, увлекаясь этой ложной идеей, и желая стать на точку зрѣнія народа и дѣтей, составители элементарныхъ книгъ вмѣсто простоты впадаютъ въ плоскость, вмѣсто того чтобы быть понятными и толковыми, дѣлаются скучными и безтолковыми. Посмотримъ, напримѣръ, какъ бесѣдуетъ тетка Настасья съ крестьянскими ребятами. «Вася и Маша, пишетъ она, играли на лугу. Вася догонялъ Машу, онъ *не смотрѣлъ подъ ноги* и упалъ. Ахъ, какъ я ушибъ ногу! Маша, душенька, помоги мнѣ встать, кричалъ бѣдный Вася. Маша захохотала и побѣжала дальше. *Маша была недобрая дѣвочка.*» Выпишемъ еще одинъ разсказъ: «Если Вася увидитъ гнѣздо на деревѣ, тотчасъ влѣзетъ туда и утащитъ у бѣдныхъ птичекъ яйца или птенчиковъ да и погубитъ ихъ. Если ему попадется жукъ, онъ привяжетъ его на ниточку; паукамъ и мухамъ онъ отрывалъ лапки, а лягушекъ убивалъ камнями. Случалось, что мать увидитъ, такъ она его и побранитъ и скажетъ: «Вася, грѣхъ мучить божью тварь, да и мнѣ куда какъ горестно видѣть, что въ тебѣ нѣтъ никакой жалости.» Но Вася не слушалъ матери. Наконецъ узналъ объ его шалостяхъ отецъ; взялъ

онъ веревку, привязалъ самого Васю, да и ну его гонять кнутомъ. Потомъ, чтобы показать ему, каково терпѣть боль, онъ вырвалъ ему нѣсколько волосковъ да и сказалъ: «Всякая тварь чувствуетъ боль; тебя мать всегда берегла да холила, такъ ты можетъ и не зналъ, каково тому, кого бьютъ. Теперь, надѣюсь, что оставишь свои глупыя забавы» (стр. 6 и 9). Изъ приведенныхъ нами отрывковъ, которыхъ духъ и форма не измѣняются во всей книгѣ, ясно видно, что тетка Настасья переливаетъ изъ пустаго въ порожнее, что на 82 страницахъ она не дастъ ни фактическихъ знаній, ни интересныхъ предметовъ для чтенія. Въ такомъ сочиненіи, какъ элементарная книга, всего важнѣе возбудить любознательность въ ребенкѣ, навести его мысль на разные вопросы и, однимъ словомъ, заставить его задуматься; а этого-то и недостаетъ безсвязнымъ и безцѣльнымъ разсказамъ тетки Настасьи.

Притомъ, не выходя изъ общей черты нашихъ рутинеровъ, она невольно поддается другому недостатку современной педагогической системы—она навязываетъ вмѣстѣ съ чтеніемъ нравственныя наставленія, отъ которыхъ было бы лучше воздержаться. Обращаясь къ дѣтямъ и къ народу съ правоученіями, мы не хотимъ задать себѣ слѣдующаго вопроса: откуда мы сами взяли эту нравственность—изъ книгъ или изъ жизни? Если изъ книгъ, то это мертвая буква, не имѣющая никакого отношенія къ живой личности человѣка; если же изъ жизни, то она можетъ быть примѣнена только къ намъ самимъ, а не къ другимъ. Уваженіе къ нравственнымъ началамъ можетъ быть только слѣдствіемъ внутренняго сознанія, глубокаго убѣжденія, а не внѣшняго навязыванія ихъ. Самая грубая ошибка педагоговъ состоитъ въ томъ, что они стараются привить свой моральный кодексъ со стороны, съ боку и если онъ не прививается, то втискиваютъ насильно, какъ поклажу на вьючное животное. Оттого, между прочимъ, мы постоянно встрѣчаемся съ людьми, которые на словахъ чище самой добродѣтели, а попробуйте ихъ на дѣлѣ, то они окажутся гораздо грязнѣе самой грязи. Это неизбѣжный результатъ ложнаго положенія. Относительно народа эта ошибка тѣмъ грубѣе, что онъ не вѣритъ нашей нравственности. Да и что это за нравственность, которой поучаетъ, напримѣръ, тетка Настасья? Чтобъ дать почувствовать ребенку мученія истязуемыхъ имъ животныхъ, отецъ привязываетъ его на веревку и погоняетъ кнутомъ. Вѣдь это восточное варварство, — отвергнутое даже полудикими племенами. Еслибъ мы стали логически развивать примѣненія

такого правила, то всякое страданіе человѣка вызвало бы новое страданіе и одна половина общества стояла бы съ кнутомъ въ рукѣ противъ другой, взаимно перемѣняя роли и поочереди подставляя спины.

Наконецъ мы давно уже слѣдимъ за особенной формой въ нашей литературѣ, самой уродливой формой, какая только возможна въ наше время. Народные педагоги, не ограничиваясь общими разсужденіями, начали составлять спеціальныя книжки для каждаго сословія отдѣльно, такъ что впослѣдствіи у насъ образуется своя мѣщанская, солдатская и чиновничья литература. Намъ не было бы никакого дѣла до этой странности, еслибъ она не угрожала въ будущемъ развить стремленія касты и поддержать принципъ сословнаго антогонизма. Духъ времени и наука стараются снести эти средневѣковыя заставы, уничтожить антипатіи, которыя раздѣляютъ людей по ихъ сословнымъ предразсудкамъ,—къ этому направлены всѣ усилія образованныхъ людей, а педагогика противодѣйствуетъ имъ своими затѣями. Нечего и говорить о томъ, что въ основаніи эта идея—самая фальшивая. Ни солдатъ, ни мѣщанинъ не могутъ обойдтись безъ общихъ человѣческихъ свѣдѣній и началъ; что надо знать каждому гражданину, то надо знать и военному, и мѣщанскому сословію: иначе въ обществѣ явится нѣсколько отдѣльныхъ обществъ, съ своими частными интересами и цѣлями, съ своими плохими и никуда негодными членами.

Въ заключеніе замѣтимъ, что главными производителями этой отрасли литературы считаются у насъ гг. Вольфъ и Лермантовъ. Первый фабрикуетъ дѣтскія книги, второй—народныя; первый унавоживаетъ нашу умственную почву оптомъ и гуртомъ, второй въ розницу и какъ случится, въ особенности, если случится подешевле или вовсе даромъ.

Р. Р.

Разсказы Н. В. Успенскаго С.-Петерб. 1861.

Мы давно слѣдили за очерками г. Успенскаго; они намъ нравились, какъ нравятся и до сихъ поръ; только мы замѣтили одно, что они имѣютъ свойство улетучиваться изъ памяти, не оставляя по себѣ ни одного твердаго впечатлѣнія, такъ что когда мы принялись за чтеніе книги г. Успенскаго, то прочли ее почти какъ совершенно новую вещь; это, какъ намъ кажется, происходитъ оттого, что большая часть этихъ очерковъ лишена плана и содержанія. Назвать ли это недостаткомъ, назвать ли это достоинствомъ—не знаемъ, но въ этомъ заключается отличительный характеръ разсказовъ г. Успенскаго.

Онъ весьма хорошій фотографщикъ, вѣрно и отчетливо воспроизводитъ мелкія будничныя явленія; онъ не ищетъ въ нихъ ни смысла, ни причины, онъ не разбираетъ ихъ внутреннихъ сторонъ, а беретъ тѣни и образы такъ, какъ представляетъ ихъ самая жизнь.

А жизнь крайне пуста и безцвѣтна, такъ, что въ ней очень трудно отыскать такія явленія, которыя выступали бы ярко и подавали о себѣ какой нибудь живой откликъ; въ этой жизни все сливается въ одно безразличное и темное пятно; посмотришь на нее сверху — она безлична; посмотришь снизу—она мрачна и забита; справа — однообразна; слѣва—натянута и безцѣльна.

Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если очерки г. Успенскаго, фотографируя эту обыденную сѣренькую жизнь, испаряются изъ нашей памяти и не поддаются анализу автора; анализирующая способность его слишкомъ слаба, чтобы проникнуть глубже въ эти явленія, и взглядъ его слишкомъ узокъ, чтобы охватить ихъ со всѣхъ сторонъ. Для такой чисто-компилятивной способности, какъ г. Успенскій, нужны сильныя краски, рѣзкія тѣни, а ихъ нѣтъ въ дѣйствительности... Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стороны не подойдешь къ этой жизни, безцвѣтность ея поражаетъ на каждомъ шагу. Въ той средѣ, которую по преимуществу избираетъ авторъ «Очерковъ», всѣ почти жизненныя явленія дѣлятся на двѣ категоріи: къ первой относятся событія болѣе крупныя, т. е. моменты драматическіе; здѣсь или уголовщина, или дикій произволъ и самодурство со всѣми ихъ страшными результатами; вторая категорія захватываетъ весь горизонтъ сѣроватой, обыденной

жизни, — тутъ неотступно преслѣдуетъ васъ совершенное отсутствіе здравыхъ понятій и здравыхъ отношеній къ дѣйствительной жизни.

На этихъ-то послѣднихъ явленіяхъ сосредоточивается вся авторская производительность г. Успенскаго; для такихъ явлéній совершенно достаточно и его фотографическаго мастерства, и картины, имъ развиваемой. Закрывая его книгу, читатель невольно восклицаетъ: вотъ такъ *ерунда*, т. е. ерунда не въ разсказахъ, а въ самыхъ дѣйствующихъ лицахъ автора.

Вотъ, напримѣръ, если угодно посмотрѣть, образчикъ нашихъ понятій о супружествѣ и взглядъ на то, чѣмъ должна быть *жена*.

— Обвѣнчался я, Сидоръ Семенычъ, съ одной купеческой дочерью,—истенно закаялся; подхватилъ, можно сказать, такую скотину,—самъ не радъ... Грушкой дразнили...

— Что жъ такъ?

— *Такъ-съ*.

Чувствуете ли вы всю эту безсознательную, но къ сожалѣнію вполнѣ законную силу этого безтолковаго: *такъ-съ*, которое служитъ и отвѣтомъ, и приговоромъ, и во многихъ случаяхъ жизни безапелляціонно рѣшаетъ съ дуру и давитъ съ дуру множество самыхъ насущныхъ ея вопросовъ и проявленій? Въ томъ-то и бѣда, что въ этой глуповской жизни все дѣлается только «такъ!..» И Богъ-вѣсть, предвидится ли гдѣ нибудь и откуда нибудь болѣе разумный отвѣтъ на неотступно-встающіе вопросы: какъ и почему?

— А какъ вы, Потапъ Егорычъ, мыслите насчетъ супружества?

— Я такъ мыслю, что жена должна быть супружницей своему мужу... одно слово жена... *она обязана чувствовать все, понимать всякія мужнины добродьтели; такъ какъ черезъ эвто самое можетъ произойти глупость...*

— Справедливо. Я знавалъ нѣкоего купца, такъ онъ свою жену въ гробъ вогналъ.

— Извѣстно; мы знаемъ доподлинно, что жену въ гробъ вогнать— ничего не стоитъ, *потому что жена для своего мужа—все равно плюнуть да растереть...*

Вотъ вамъ и понятія о самомъ лучшемъ и важномъ актѣ человѣческой жизни. Вотъ и прошу покорно въ этой средѣ и на этой почвѣ воспитать свободную женскую личность, когда жена, все равно, что плюнуть да растереть. А попробуйте-ка допытаться у него: почему?—«Да *такъ-съ*!

отвѣтитъ онъ вамъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ законности такого отвѣта, и это *такъ-съ*, опять-таки безапелляціонно порѣшитъ все дѣло. Попробуйте-ка внушить ему, что глупо-дескать, братецъ ты мой, разсуждать изволишь!—«Нѣтъ, очень пріятно!» отвѣтитъ онъ вамъ самоувѣренно, какъ отвѣчаетъ у г. Успенскаго же работникъ Семенъ, въ подтвержденіе своего вѣрованія въ мертвецовъ, которые «завсегда могутъ вставать» и которые у нихъ въ слободѣ каждую осень бродили,—«*потому, отчего же имъ не бродить?*»

Чѣмъ же руководствуется эта жизнь? Что за понятія кажутся въ ней и что за продукты вырабатываетъ она изъ своей почвы?—Продукты самые естественные, какихъ только можно ожидать отъ гнетущей силы нашихъ самодуровъ и необузданнаго произвола во всемъ. Возьмемъ еще примѣръ: вотъ мы на сельскомъ праздникѣ; передъ нами одна за другою проходятъ разныя гуляющія группы. Вслушайтесь въ ихъ разговоры—и вы вынесете довольно ясное понятіе о дикости повседневныхъ героевъ г. Успенскаго.

— Харланъ Гаврилычъ, Харлаша, кричитъ одинъ изъ мужиковъ, обнявшись съ своимъ товарищемъ. Я тебѣ разскажу про все. Она баба россійская. А насчетъ наукъ ты не хвались. Теперича что Полякъ, что Лихляндецъ, что Шведъ—все едино: къ примѣру, вотъ мы съ тобой идемъ, все ничего. Вдругъ на встрѣчу городъ али деревня.

— Нѣтъ, ты самъ не знаешь, что говоришь. Вѣрно мало слыхалъ про Лихляндію. Пономаревъ Сенька—лихачь на эвти штуки. Скажетъ: стой солнце, не шевелись земля, хоть примѣрно Россія, аль Лихляндія.

Мужики удаляются. Проходятъ два мѣщанина. Одинъ изъ нихъ говоритъ другому: — То есть я, батюшка мой, простудилъ себя, одно слово—квасомъ. Квасомъ простудилъ, такъ простудилъ—смерть! Ребята взяли, наварили кулешу съ ветчиной, да еще на дорогу мнѣ положили поросенка, значитъ, все свиное. Я и поѣлъ, сударь мой, такъ поѣлъ, хоть околѣвай, такъ тожь!

— Гмъ... И накушались?

— И натрескался, Петръ Аѳонасьичъ.

Выступаютъ двѣ бабы:—О! она тебя помнитъ... какъ не помнить... и-и-и...А ужъ кумъ-то, кумъ-то, Богъ его знаетъ, что за человѣкъ такой... Ей-Богу умный. А сноха-то давеча — треснь его по головѣ! И-ихъ! Право слово.

— Семенъ Петровичъ (говоритъ конторщику одна изъ дворовыхъ

дѣвокъ) что, вы мертвецовъ видали? Я слышала, вы учились въ Москвѣ медицинѣ.

— Да-съ, Алена Герасимовна, я точно ходилъ на медецинскій факультетъ лѣтъ пять тому назадъ, какъ мы жили съ бариномъ въ Москвѣ. И мертвецовъ приходилось видѣть, сударыня. Тамъ я всего то-есть человѣка могъ разобрать по частямъ.

— На это, я слышала, такая наука есть?

— Есть. Эту науку зовутъ скукой, — и справедливо. Потому— нѣтъ гаже этого предмета, Алена Герасимовна.

— Отчего же-съ.

— Да такъ-съ. Мертвечина, Алена Герасимовна...

— Ну, а что у человѣка внутри есть, Семенъ Петровичъ?

— Внутрисъ бываетъ различно. Это смотря потому, кто чѣмъ питается: иной продовольствуется мякиной, такъ у него внутря мякина. А у одного сапожника, говорятъ, даже нашли при вскрытіи подошву съ лучиной.

— Страсти какія!... Объясните мнѣ пожалуйста, что—у штатскихъ и у военныхъ внутри одинаково?

— Ну, насчетъ этого пункта, Алена Герасимовна, можно вамъ доложить матерію. Во-первыхъ, надобно сказать, ничего одинаковаго нѣтъ.

— А что, доктора могутъ кому нибудь вставить глазъ?

— Это ниpочемъ. Глазъ для нихъ ничего не значитъ.

— А какіе же, Семенъ Петровичъ, вставляютъ глаза? человѣческіе?

— Никакъ нѣтъ-съ, больше у скотины заимствуютъ...

И такъ далѣе.

Это бы еще не бѣда, еслибъ весь сумбуръ этой жизни ограничивался только подобными невинными проявленіями; но подъ перомъ г. Успенскаго иногда появляются и другія, болѣе цѣльныя и глубокія отношенія, за которыя не смѣшно, а больно. Такъ въ его разсказѣ: «Хорошее житье»—вамъ ужъ не на шутку становится тяжело. Въ этомъ очеркѣ вы увидите довольно общія черты крестьянскаго сословія въ его общественномъ быту. Васъ даже поразитъ это отсутствіе всякаго чувства законности, чувства уваженія свободы личности и чужой собственности, эта общая деморализація. Спѣшимъ прибавить: дѣло идетъ не о крестьянахъ проселковъ и глуши, а о крестьянахъ большой прогонной дороги, слѣдственно о крестьянахъ, ежеминутно приходящихъ въ столкновеніе съ проѣзжимъ людомъ, съ

нашею городскою жизнью и такъ называемой цивилизованной толпой. Причиною такой деморализаціи, выводимой авторомъ общины, является ничто иное какъ кабакъ съ непозволительными плутнями, переходящими чисто на чисто въ дневной, наглый грабежъ откупнаго цѣловальника. Авторъ передаетъ разсказъ словами этого же самаго цѣловальника. Вотъ замѣчательные факты:

а) Весенней сходкѣ надо было рѣшить, въ какой день начинать запашку. Рѣшили, чтобы въ четвергъ. «У мужиковъ все дѣлалось съобща: косить ли, жать ли, калодезь ли чистить, обманывать ли кого, всегда собиралась сходка. И прежде, какъ станутъ толковать, сложатся перва на четверть, ведерку, какъ какое дѣло потребуетъ, и почнутъ судить». Одинъ бѣднякъ выѣхалъ на свою полосу днемъ ранѣе, въ среду. Объ этомъ тотчасъ провѣдалъ староста, созвалъ къ кабаку сходку и объявилъ, что такой-то Ѳедька Зобовъ нарушилъ зарокъ. У Федьки немедленно была отнята послѣдняя соха и пропита всѣмъ міромъ, въ наказаніе бѣдняку, которому въ перспективѣ черезъ это самое неминуемо предстояло окончательное разореніе и нищенская сума со всею семьею. Мужики впрочемъ и Ѳедьку неотказались поподчивать винцомъ, и когда тотъ отказался, такъ они ему еще и утѣшеніе представили: «Э, Зобовъ!.. соха куда не шла! Вещь нажитая... Живы будемъ, сыты будемъ!»

b) Приказано было поставить ратника. Выборъ предоставленъ міру. Сходка у кабака рѣшила, что надо сдать негодяя, вора. Такимъ явился Петрушка Носъ. Но Петрушка Носъ человѣкъ рѣшительный и опасный: вернется черезъ четыре года, пожалуй, всю деревню сожжетъ. Перерѣшили оставить Носа въ покоѣ, а на мѣсто его поставить Ахрема, мужика изъ самыхъ бѣдныхъ, больнаго, хвораго, одинокаго, у котораго было шестеро маленькихъ ребятишекъ и нездоровая, беременная жена. Міръ положилъ: если Ахремъ не напоитъ до-пьяна всю слободу, и толковать много не слѣдъ: въ ратники!» У Ахрема не только чтобы поить, а и ѣсть-то было нечего—и Ахрема сдали; а съ Петрушки Носа тоже незабыли сорвать отступнаго, конечно, водкою. Но бѣдняка проводили-таки съ утѣшеніемъ: «прощавай, Ахремъ! Вся причина, не помышляй много... не отчаявайся! Слышь, царь-батюшка обѣщалъ ратниковъ скоро воротить! Ахремъ сидитъ, самъ утираетъ слезы... Жена его шибко убивалась! Отъ телѣги-то никакъ не отволокутъ»... Ахремъ не вернулся домой: онъ умеръ на возвратномъ пути. И разсказщикъ-цѣловальникъ по этому случаю

прибавляетъ про самого себя, что онъ «панафидку» по Ахремѣ отслужилъ, когда ѣздилъ въ Тулу продавать разную упряжь, награбленную съ крестьянъ за водку.

с) Воровъ мужики больно презирали: попался воръ—аминь! Лучше улепетывай куда подальше:—всего оберутъ, послѣдніе сапожонки снимутъ». Былъ такой случай, что Еремка Запѣвало въ одномъ собраніи замокъ отъ воротъ укралъ. Накрыли Еремку. И ужъ какъ всѣ обрадовались вору-то, какъ батюшкѣ родному. «Веди къ кабаку!» Много разговаривать нечего: побѣжали къ нему домой, притащили его новую дорогую телѣгу и пропили ее всѣмъ міромъ. Сажаютъ съ собою и Еремку,—тотъ неотказывается.«Ну, что? Таперь не будешь воровать?

— Я, ребята, право-слово пошутилъ, говоритъ. Мужики отвѣчаютъ: «Да и мы шутимъ съ тобой. Колижъ не шутимъ? Вѣдь тебя бы слѣдовало драть, домоваго, а мы вишь, что дѣлаемъ? Угощаемъ твою милость. За эвто, мотри, чтобы ты намъ пѣсню спѣлъ!

— Нѣтъ, братцы, силъ не хватаетъ.—Врешь, споешь, чортовъ сынъ. У насъ благимъ матомъ затянешь! Точно: какъ нализался Еремка, все позабылъ: игралъ пѣсни на пропалую. Когда мужики распили вино, начали они придумывать, чинить совѣтъ, что бы еще пропить у вора. Народецъ этотъ чѣмъ больше пьетъ, то больше ожесточается, входитъ въ настоящую силу: наровитъ до самаго нельзя... Кричатъ: «ребята! иди опять къ Еремкѣ. Бери, что на дворѣ увидишь! А воръ Еремка захмѣлѣлъ, кабыть ополоумѣлъ совсѣмъ, оретъ; тамъ, говоритъ, у меня передки отъ водовозки стоятъ, цопай ихъ сюда; смотри, овцу не вздумай привесть, али живота какого! Ладно, говорятъ мужики, и черезъ нѣсколько времени одинъ везетъ передки, другой ведетъ овцу. И пошли гулять. Еремка имъ пѣсни поетъ, дьячокъ прибаутки разсказываетъ и въ присядку пляшетъ, по общему требованію. Между тѣмъ вино опять выпито все; спохватились они, сбились въ кучу, шумятъ; «а что, малый, почто воръ-то не поштвуетъ насъ? Забылъ? Мы не токма пропьемъ до-гола весь домъ его, въ острогъ упрячемъ. Воровъ не приказано держать въ деревнѣ!» Послать въ третій разъ къ Еремкѣ на домъ. Онъ же ничего не слышитъ, не чуетъ и знать не хочетъ; топчется въ грязи ногами, покручиваетъ платкомъ на воздухѣ. Привели жеребенка и пропили. Кончилось тѣмъ, что къ вечеру всѣ перепились до-нельзя. Одинъ бормочетъ, насилу языкъ поворачиваетъ: «А! говоритъ, попался..

Не воруй! По дѣломъ вору мука!» Еремка же легъ носомъ въ грязь и тоже кричитъ: «не воруй! — Вотъ такъ-то пьянствуютъ»! Коси малина! прибавляетъ разсказщикъ, кажинный, почесть, день гульба, кажинный день: подрался кто—вышивка! Скотина на чужой огородъ зашла—вышивка! Собака чья взбѣсилась, опять вышивка! Къ примѣру, вечеромъ пьютъ, паранѣ идутъ опохмѣляться; такимъ обычаемъ зарядятъ недѣли на три! Отъ кабака совсѣмъ не отходятъ; при немъ и днюютъ».

Вотъ черты нашего повальнаго безобразія, тѣмъ болѣе жалкаго и грустнаго, что въ немъ все происходитъ безсознательно и тупо, во всемъ чувствуется какая-то роковая сила, которую, кажется, могла бы одолѣть свѣтлая идея и воля человѣка, но этой свѣтлой идеи и воли нѣтъ, какъ нѣтъ. Многіе, безъ сомнѣнія, скажутъ, что г. Успенскій слишкомъ отрицательно и безпощадно относится къ народной жизни,—что онъ не кладетъ ни одной отрадной черты на своей критикѣ; это скажутъ наши крошечные идеалисты, наши узенькіе либералы, на все смотрящіе примирительнымъ взглядомъ немощной старушки; но они никакъ не могутъ понять того, что относиться къ народу слишкомъ безпощадно нельзя: онъ выше нашей сатиры, нашего отрицанія; онъ во сто разъ крѣпче всякаго молота, бьющаго по его здоровымъ мышцамъ; и потому самая клевета противъ его недостатковъ была бы чистѣйшимъ вздоромъ въ сравненіи съ его богатырскими размѣрами. Но если клеветать на народъ не хорошо, то идеализировать его—еще хуже; замазывать и прикрашивать тепленькими взглядами суровыя черты массы—это рѣшительная слабость ума, ложный школьническій взглядъ, запуганный розгой или искаженный дурнымъ примѣромъ... Г. Успенскій вѣренъ дѣйствительности, какъ эта дѣйствительность ни безобразна; въ этомъ его упрекнуть нельзя; но онъ страдаетъ другимъ недостаткомъ—холоднымъ и безстрастнымъ отношеніемъ къ тому міру, который фотографируетъ въ своихъ «Очеркахъ»; онъ не всегда отдѣляетъ сознательное страданіе отъ пассивно-пошлой забитости, онъ не умѣетъ отличить глубоко-раздирающаго стона бѣдняка отъ уличнаго крика пьяницы; у него не срывается ни одного высокаго тона негодованія или жаркаго сочувствія; онъ съ ровнымъ пульсомъ и съ одинаково-настроенной головой наблюдаетъ всѣ жизненныя явленія, печальныя и глупыя, смѣшныя и трагическія. Это доказываетъ, что г. Успенскій еще многого и не продумалъ, и не прочувствовалъ; онъ— человѣкъ умный, вышелъ изъ ряда нашихъ литературныхъ маляровъ,

но еще не вступилъ въ число истинныхъ художниковъ; онъ выучился хорошо снимать копіи, но сообщать имъ жизнь и внутренній смыслъ—онъ еще не можетъ.

ВС. К—ОВСКІЙ.

РУССКІЙ ЧИНОВНИКЪ И УЧЕНЫЙ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

(В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія. Сочиненіе Нила Попова. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва. 1861).

Православная Москва издревле славится весьма оригинальными выдумками и изобрѣтеніями. Она отливаетъ колокола, которыхъ нельзя встащить ни на какую колокольню; она сооружаетъ пушки, изъ которыхъ нѣтъ никакой возможности стрѣлять; она въ лѣто по Р. Х. 1862 издастъ еженедѣльныя газеты, которыя прилично было бы издавать развѣ лишь въ лѣто по Р. Х. 1562; она сочиняетъ и печатаетъ книги, которыя дочитываются до конца однимъ страдальцемъ корректоромъ, да и то, по всей вѣроятности, съ пятаго на десятое, съ сильнымъ содѣйствіемъ нюхательнаго табаку и тому подобныхъ освѣжающихъ веществъ. Что же касается до авторовъ такихъ книгъ, то они пользуются въ Москвѣ самою почетною извѣстностью и репутаціею отмѣнно умныхъ и серьёзно мыслящихъ ученыхъ, а по сей самой причинѣ взираютъ уже на все человѣчество вообще и на петербургское человѣчество въ особенности съ нѣкоторымъ снисходительнымъ величіемъ, свойственнымъ богамъ, мудрецамъ и престарѣлымъ педантамъ—рутинёрамъ...

«Что жъ это такое? съ негодованіемъ говоритъ серьёзный и солидный читатель, прочитавъ начало нашей статьи:—неужто же все

это написано по поводу книги Нила Попова, которая уже по самому объему своему имѣетъ полное право назваться трудомъ, и трудомъ почтеннымъ? Вѣдь тутъ однѣ примѣчанія и приложенія занимаютъ 272 страницы, а такое изобиліе примѣчаній и приложеній служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ учености и начитанности автора. Знаете ли вы, господинъ рецензентъ, хоть о существованіи нѣкоторыхъ книгъ, показанныхъ въ примѣчаніяхъ Ниломъ Поповымъ?»

Про то, что мы знаемъ, говорить намъ неприходится; но, между прочимъ, мы положительно знаемъ одно: что придать сочиненію ученый видъ съ помощью безчисленныхъ примѣчаній и ссылокъ на разныхъ живыхъ и мертвыхъ, западныхъ и восточныхъ языкахъ—дѣло, не требующее никакой учености. Для этого надобно лишь обитать въ городѣ, имѣющемъ порядочную библіотеку, и умѣть списывать или имѣть возможность заставлять списывать другихъ заглавія показанныхъ въ каталогѣ битліотеки книгъ и рукописей. Все это говоримъ мы не на счетъ г. Нила Попова, который, безъ всякаго сомнѣнія, если не прочелъ, то, по крайней мѣрѣ, просмотрѣлъ всѣ показанныя имъ въ примѣчаніяхъ сочиненія. Относительно г. Нила Попова мы, вообще, раздѣляемъ вполнѣ взглядъ серьёзнаго и солиднаго читателя, т. е. признаемъ торжественно «В. Н. Татищева и его время» *трудомъ*, и трудомъ, по объему своему, очень почтеннымъ... Только скажите-ка откровенно, серьёзный и солидный читатель, дочли ли вы этотъ почтенный трудъ хоть до второй главы? Навѣрное, нѣтъ? А мы такъ прочли его весь,—съ усиліемъ, съ натугою, съ дремотою, съ роздыхами, а прочли, и вотъ теперь хотимъ подѣлиться съ публикою впечатлѣніями, вынесенными нами изъ этого чтенія, которое, поистинѣ, можетъ назваться подвигомъ.

Но пусть г. Нилъ Поповъ словами нашими не смущается и шествуетъ неуклонно по стезѣ ученыхъ сооруженій въ родѣ «В. Н. Татищева и его времени». Сооруженія эти, конечно, будутъ имѣть всегда самый ограниченный кружокъ читателей, да и на этотъ кружокъ будутъ дѣйствовать равносильно опіуму и морфію; но польза отъ нихъ все-таки есть, и нѣкоторыя достоинства они все-таки имѣютъ. Захочетъ, напр., какой нибудь любитель отечественной исторіи получить о В. Н. Татищевѣ свѣдѣнія, болѣе обстоятельныя, нежели тѣ, которыя находятся въ словарѣ достопамятныхъ людей русской земли Бантышъ-Каменскаго,—и любитель первымъ долгомъ сочтетъ взяться за книгу г. Попова. Захочетъ другой любитель познакомиться съ со-

стоянiемъ горнаго дѣла въ Россiи въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтiя,—и онъ опять-таки обратится къ «В. Н. Татищеву и его времени». Точно также поступятъ и тѣ, которыхъ удручитъ желанiе узнать о положенiи Башкирцевъ и Калмыковъ въ доброе старое время, о снаряженной при Аннѣ Iоанновнѣ оренбургской экспедицiи, объ учрежденной при Аннѣ Леопольдовнѣ калмыцкой коммиссiи, о дѣятельности разныхъ Абдулъ-Хаировъ, Аюкъ, Черенъ-Дондуковъ, Дондукъ-Омбо, Дондукъ-Дашей и тому подобныхъ интересныхъ личностей. По всѣмъ этимъ предметамъ книга г. Попова дастъ желающимъ весьма подробныя и обстоятельныя свѣдѣнiя; между этими свѣдѣнiями попадутся, какъ мы увидимъ дальше, вещи очень интересныя; но если читатель, одолѣвъ «В. Н. Татищева и его время», составитъ себѣ дѣйствительно нѣкоторое понятiе и о самомъ Татищевѣ, и о его эпохѣ, то этимъ онъ ужъ нисколько не будетъ обязанъ г. Нилу Попову. «Я могу положительно сказать, что все, что̀ только изъ относящагося къ предмету настоящей монографiи доступно было мнѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ русской библiотекѣ академiи наукъ, въ публичной библiотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ, все было мною собрано и изучено. Читатели найдутъ въ приложенiяхъ до десяти документовъ, касающихся служебной дѣятельности Татищева, и почти столько же ученыхъ трудовъ его, остававшихся до сихъ поръ неизданными», говоритъ г. Поповъ, и мы ему вѣримъ, и люди, занимающiеся русской исторiей, будутъ очень ему благодарны; но, тѣмъ не менѣе, подвигъ совершенный авторомъ «В. Н. Татищева и его времени», отнюдь не въ состоянiи заставить насъ преисполниться благоговѣнiемъ къ ученымъ заслугамъ и дарованiю самаго г. Попова. Тоже самое, что̀ онъ, сдѣлалъ бы тупѣйшiй и бездарнѣйшiй труженикъ, имѣющiй доступы въ библiотеки и архивы, и если, повторяемъ, книга г. Попова даетъ нѣкоторое понятiе о личности Татищева и о характерѣ его эпохи, то причиною тому единственно вышеупомянутыя библiотеки и архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Они дали г. Попову все, что̀ есть въ его книгѣ интереснаго; самъ же авторъ съумѣлъ только сгруппировать собранные имъ факты такъ, что произведенiе его способно повергнуть въ унынiе самаго веселаго человѣка, и даже спецiалистами читается съ убiйственною зѣвотою и значительными роздыхами. За это, впрочемъ, мы не въ правѣ укорять и громить автора «В. Н. Татищева и его времени»: это, какъ видно, происходитъ отъ причинъ, отъ г. Нила Попова *независящихъ*.

Оставимъ же въ покоѣ ученое московское сооруженіе, которымъ, вѣроятно, искренно восторгаются московскіе ученые, и потолкуемъ съ читателемъ о самомъ Василіѣ Никитичѣ Татищевѣ: потолковать о немъ стоитъ по многимъ обстоятельствамъ.

Василій Никитичъ Татищевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, чрезвычайно характерныхъ типовъ, порожденныхъ петровской реформой, изученіе которыхъ въ высшей степени любопытно. Типы эти формировались подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ началъ, изъ которыхъ слагалась и до сихъ поръ еще слагается русская жизнь со времени Петра Великаго, и этотъ непримиримый дуализмъ выражался порою просто странно, порою страшно уродливо, порою истинно забавно въ каждомъ поступкѣ нашихъ прадѣдовъ. На словахъ было не то: на словахъ большинство питомцевъ и сподвижниковъ Петра Великаго высказывало уже взгляды и мнѣнія, вовсе непохожіе на взгляды и мнѣнія своихъ отцевъ и дѣдовъ; но это были, дѣйствительно, (въ особенности же въ извѣстныхъ случаяхъ) одни *слова, слова и слова,* и совершенный разладъ ихъ съ дѣломъ можно назвать отличительною, характеристичнѣйшею чертою нашихъ государственныхъ и политическихъ дѣятелей не только начала, но и всего восемнадцатаго столѣтія. Винить ихъ за это, обливать ихъ ядомъ насмѣшки, метать въ нихъ громами негодованія было бы, конечно, болѣе, чѣмъ несправедливо. Если и современное намъ общество, столь обильное самыми краснорѣчивыми, самыми сладкогласными словоизверженіями, оказывается при этомъ нищенски—убогимъ дѣлами, то чего же можно требовать отъ эпохи, въ которую русскіе люди только еще начинали походить на людей? Внезапно и насильственно пробужденнымъ отъ вѣковой, тяжелой, одурявшей дремы, внезапно и насильственно оторваннымъ отъ обычаевъ и привычекъ, внѣдренныхъ цѣлыми столѣтіями самаго дикаго, самаго грубаго невѣжества, внезапно и насильственно поставленнымъ лицемъ къ лицу съ иною, разумною, человѣческою жизнью, прадѣдамъ нашимъ было все ново, все непонятно и чуждо, все въ диковинку. Одни такъ при этомъ и остались, усвоивъ себѣ (не по собственному желанію, а потому, что не сдѣлать этого не смѣли) только кое—какіе чисто наружные признаки европеизма, въ родѣ французскихъ париковъ, нѣмецкихъ кафтановъ и т. п.; другіе, поумнѣе, поспособнѣе и поживѣе, обзаведясь, наравнѣ съ первыми, французскими париками и нѣмецкими кафтанами, обзавелись вмѣстѣ съ тѣмъ и кое—какими французско—нѣмецкими идейками, пригодными въ оби-

ходѣ общественной и домашней жизни. Кругъ этихъ идеекъ, на первыхъ порахъ, былъ очень скуденъ и жалокъ; пріобрѣтались онѣ единственно ради желанія угодить царю, заслужить его царскую милость и выдвинуться впередъ,—и вышло нѣчто странное, нѣчто, достойное не то жалости, не то смѣха, но тѣмъ не менѣе принесшее впослѣдствіи очень хорошіе плоды. Отправляясь по царскому повелѣнію учиться уму-разуму къ Нѣмцамъ, Русскіе петровскаго времени пріѣзжали изъ нѣмечины, по большой части, вовсе не такими, какими туда отъѣзжали, но, по возвращеніи домой, разомъ сталкивались здѣсь съ порядкомъ вещей, совершенно не похожимъ на тотъ, который только что видѣли за моремъ. Дикъ и уродливъ былъ этотъ порядокъ; нелѣпы и безсмысленны были создавшія и поддерживавшія его понятія; но прадѣдамъ нашимъ все это было мило, симпатично и родственно, да и не могло не быть милымъ, симпатичнымъ и родственнымъ: нелѣпыя и безмысленныя понятія были понятія, завѣщанныя имъ ихъ собственными прадѣдами, дѣдами и отцами; дикій и уродливый порядокъ былъ порядокъ, среди котораго родились и выросли они сами, среди котораго западали въ ихъ души первыя, неизгладимыя впечатлѣнія, среди котораго выслушивали они первые, незабвенные уроки. Каковы были эти впечатлѣнія, въ чемъ заключались эти уроки—намъ, Россіянамъ, это извѣстно весьма обстоятельно, и распространяться объ этомъ нечего; но, благодаря именно этимъ впечатлѣніямъ и урокамъ, приносившимъ сторицею плоды на тучной, черноземной почвѣ суевѣрія, невѣжества, самодурства и крѣпостнаго права, и порождались у насъ тѣ герои, и всякаго рода общественные дѣятели, которыми такъ богато наше восемнадцатое столѣтіе, тѣ герои и всякаго рода общественные дѣятели, къ которымъ болѣе, чѣмъ къ кому нибудь относится французское изреченіе: «поскребите-ка хорошенько Русскаго, и вы подъ европейскою оболочкою его найдете Татарина».

Оно, дѣйствительно, такъ и было. Питомцы и сподвижники Петра Великаго являлись европейцами только на глазахъ царя, да на бумагѣ, да тамъ, гдѣ порученное имъ дѣло не соблазняло ихъ грубаго чувства никакою лакомою приманкою. А когда случалось имъ дѣйствовать на сторонѣ, распоряжаться самостоятельно и самовластно,—они давали себя знать по-свойски, и дикій Скиоъ заявлялъ себя истиннымъ Скиѳомъ—батогами, зуботычинами, насиліемъ, беззаконіемъ, безправіемъ, казнокрадствомъ, взяточничествомъ,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, что составляло отличительную черту, національный букетъ доброй старой

Руси. Иначе и быть не могло. Понятія и обычаи, завѣщанные отцами и дѣдами, приходились вполнѣ по вкусу, по нутру, по мѣркѣ нашимъ соотечественникамъ петровскаго времени, и образованіе, полученное ими заграницей, не могло нисколько противодѣйствовать первоначальному воспитанію въ боярской семьѣ, на лонѣ крѣпостнаго права. Заграничное образованіе обтесывало лишь нѣсколько головы нашихъ прадѣдовъ, обогащало ихъ кое-какими, большею частью, практическими свѣдѣніями; но эти свѣдѣнія, схватываемыя безъ связи и правильной системы, сплочиваемыя кое-какъ въ одну нестройную массу, не приводили, да и не могли привести къ тѣмъ плодотворнымъ результатамъ, которые составляютъ задачу и конечную цѣль истиннаго образованія. Въ плоть и кровь нашихъ соотечественниковъ петровскаго времени входили идеи и уроки доброй старой Руси, а не идеи и уроки запада; идеи же и уроки запада дѣйствовали на прадѣдовъ нашихъ болѣе внѣшнимъ образомъ, отдѣлывали, такъ сказать, одну форму, мало касаясь внутренняго содержанія. Этого, конечно, было недостаточно; но для начала и это было уже очень хорошо. Знакомство съ Нѣмцами научило Русскихъ и думать, и говорить, и писать иначе, лучше, чѣмъ прежде; знакомство съ Нѣмцами пріучило лѣнивыхъ, неповоротливыхъ прадѣдовъ нашихъ къ дѣятельности, къ труду, къ исполненію своихъ обязанностей не такъ, какъ исполняли ихъ разные бояре, воеводы, дьяки, и окольничіе добраго стараго времени. До истинно человѣческихъ понятій, до нравственнаго сознанія долга, до взглядовъ и убѣжденій, не допускающихъ уже различія между словомъ и дѣломъ, между пониманіемъ истины и добра и ихъ приложеніемъ въ жизни, питомцы и сподвижники Петра Великаго еще не доросли, да и не могли дорости; но благо было и то, что они уже въ состояніи были взяться за дѣло иначе, чѣмъ ихъ бородатые отцы и дѣды; благо было и то, что въ просвѣтлѣвшія ихъ головы стали уже западать такіе думы, вопросы и сомнѣнія, которые ясно показывали, что періодъ младенчества русскаго человѣка минулъ, что настаетъ для него пора иной жизни, пора иныхъ стремленій и дѣлъ, долженствующихъ по праву включить Россію въ великую семью европейскихъ народовъ. Годъ отъ году дѣло шло успѣшнѣе и успѣшнѣе; образованіе развивалось шире, проникало глубже, и вотъ стали у насъ появляться общественные дѣятели, также мало походившіе на общественныхъ дѣятелей прежняго времени, какъ мало походилъ самый порядокъ вещей, среди котораго они дѣйствовали, на порядокъ

вещей, который созидали и воздѣлывали разные бородатые бояре, воеводы, дьяки и окольничіе.

Къ числу такихъ общественныхъ дѣятелей слѣдуетъ отнести и Василія Никитича Татищева. По самому соціальному положенію своему, онъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ первостепенными сподвижниками Петра Великаго, въ родѣ Меншикова, Шереметева, Шафирова и т. п.; но значеніе и смыслъ петровской реформы выразились въ Татищевѣ едва ли не рельефнѣе, чѣмъ въ комъ либо другомъ. Причиною тому, по нашему мнѣнію, былъ уже самый родъ дѣятельности, которой посвящена была вся трудовая жизнь Василія Никитича. Товарищи и сверстники его покрывали себя лаврами на поляхъ битвъ, заключали блестящіе трактаты и договоры съ иностранными державами, неимовѣрно быстро выскакивали другъ черезъ друга въ вельможи и сановники съ помощью придворныхъ интригъ и каверзъ, первоприсутствовали въ сенатѣ и коллегіяхъ подъ зоркимъ царскимъ окомъ; Татищевъ, поставленный обстоятельствами въ болѣе скромную среду, всю жизнь оставался далеко не первокласнымъ чиновникомъ, всю жизнь неустанно, серьёзно и по большой части совершенно самостоятельно трудился не ради славы и блеска, но ради пользы общей, и совершенное имъ, какъ на поприщѣ его чиновнической, такъ и на поприщѣ его ученой дѣятельности, едва ли не выразительнѣе славныхъ и блестящихъ подвиговъ, совершенныхъ его товарищами и сверстниками, свидѣтельствуетъ о томъ, сколько плодотворныхъ началъ вложено было въ русскую жизнь великою реформою великаго государя. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить самый бѣглый обзоръ служебной и ученой дѣятельности Василія Никитича, обзоръ, изъ котораго каждый увидитъ и убѣдится самымъ нагляднымъ образомъ, что недаромъ жилъ этотъ скромный труженикъ, и что труженикъ такого рода могъ явиться только благодаря другому, геніальному труженику—*вѣчному работнику на тронѣ*, паролемъ и лозунгомъ котораго былъ немолчный призывный крикъ: «къ дѣлу, къ дѣлу и къ дѣлу!»

Подобно всѣмъ почти своимъ современникамъ и сверстникамъ, Татищевъ служилъ сначала въ военной службѣ, и служилъ такъ, какъ служили всѣ при Петрѣ, т. е. вовсе не шутя. Онъ присутствовалъ при осадѣ и взятіи Нарвы, участвовалъ въ полтавской битвѣ и прутскомъ походѣ, а вслѣдъ за симъ отправился въ Германію. Зачѣмъ онъ туда ѣздилъ—неизвѣстно; но поѣздка эта не могла остать-

ся безъ плодотворныхъ послѣдствій для его развитія, а вторичное путешествіе заграницу, въ 1717 году, должно было подѣйствовать еще благодѣтельнѣе на умнаго, способнаго и наблюдательнаго Татищева. Возвратившись на родину, Василій Никитичъ продолжалъ свою службу въ артиллеріи и уже тогда былъ извѣстенъ своему главному начальнику, графу Брюсу, не только какъ ревностный исполнитель служебныхъ обязанностей, но и какъ человѣкъ съ большимъ запасомъ свѣдѣній и любовью къ наукѣ. Благодаря Брюсу, карьера Татищева скоро приняла совершенно новое направленіе: онъ былъ отправленъ на Уралъ, для приведенія въ лучшее состояніе уже существовавшихъ тамъ горныхъ заводовъ и для открытія новыхъ.

Горное дѣло было мало знакомо Татищеву; но, при его любознательности, способностяхъ и трудолюбіи, ему не стоило большаго труда изучить, и теоретически и практически, свою новую спеціальность. Онъ работалъ неутомимо и въ высшей степени добросовѣстно: строилъ и устраивалъ заводы, разработывалъ рудники, вводилъ повсюду нужные порядки и самымъ бдительнымъ образомъ охранялъ и соблюдалъ казенные интересы. Это послѣднее обстоятельство было причиною ссоры между Татищевымъ и богатымъ рудопромышленникомъ Демидовымъ, а вслѣдствіе этой ссоры Татищевъ, по доносу Демидова, былъ отозванъ въ Москву.

Оторванный такимъ образомъ отъ дѣла, за которое принялся было такъ горячо, Татищевъ, однакоже, и вдалекѣ отъ своихъ заводовъ не позабылъ о нихъ и подалъ отъ себя бергъ-коллегіи вѣдомость о нуждахъ сибирскихъ рудныхъ заводовъ. «Потребно, писалъ онъ въ этой вѣдомости:—послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли». Вслѣдствіе этого представленія, Петръ произвелъ Татищева въ полковники, сдѣлалъ его бергъ—совѣтникомъ и далъ указъ сенату послать въ Швецію бергъ—коллегіи совѣтника Татищева для призыву мастеровъ, потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ; ему жъ выбрать изъ школъ адмиралтейской и артиллерійской двадцать два человѣка, которыхъ и отправить въ Швецію же для обученія. Сверхъ этого порученія, Татищеву даны были еще порученія секретныя, касавшіяся герцога Голштинскаго, жениха цесаревны Анны Петровны,

съ которымъ Василій Никитичъ, по словамъ каммеръ-юнкера Берхгольца, имѣлъ передъ отъѣздомъ долгій разговоръ наединѣ.

Татищевъ исполнилъ всѣ возложенныя на него порученія, по обыкновенію своему, расторопно, аккуратно и дѣльно. Онъ ко всему присматривался, все узнавалъ, все изучалъ и, вообще, какъ истый питомецъ Петра Великаго, не терялъ времени даромъ. Ѣздилъ онъ и въ Копенгагенъ, гдѣ, точно также какъ и въ Швеціи, старался знакомиться и сближаться съ учеными, бесѣдовалъ съ ними объ ученыхъ предметахъ и добылъ себѣ много историческихъ и географическихъ сочиненій. Награды и пособія, которыми пользовались отъ шведскаго правительства люди, занимавшіеся науками, приводили Василія Никитича въ искреннее умиленіе; упоминая объ этомъ въ своей исторіи Россіи, онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Шведскій король Карлъ XI всея Швеціи по предѣламъ достаточно правильныя ландкарты сочинить велѣлъ, какъ я такія въ ихъ инженерной конторѣ хранимыя видѣлъ. Да сіе не дивно, что самовластные государи столько въ томъ пользы показали; но паче всего въ авизіяхъ шведскихъ видимъ, что статы государственые на сеймѣ взявшемуся обстоятельную географію сочинить немалое награждение учинили (*)».

По возвращеніи изъ Швеціи, при Петрѣ II, Татищеву велѣно было вѣдать монетную контору, и для этого онъ долженъ былъ переѣхать изъ Петербурга въ Москву, куда переселился и дворъ. Занимаясь монетнымъ дѣломъ, Василій Никитичъ въ то же самое время съ новымъ жаромъ принялся за свои историческіе и географическіе труды, которымъ дотолѣ постоянно мѣшали безпрестанныя командировки, разъѣзды и всякаго рода служебныя треволненія. Татищевъ работалъ надъ исторіей и географіей Россіи уже около десяти лѣтъ, и подготовка его къ этой работѣ была весьма удовлетворительная. Въ три поѣздки свои заграницу онъ умѣлъ очень порядочно познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, выучился нѣсколько по французски и по латыни, составилъ себѣ довольно большую библіотеку и читалъ безъ устали. Кромѣ собственной своей библіотеки, Татищевъ пользовался также библіотеками своихъ знакомыхъ — сначала библіотекой графа Брюса, потомъ библіотекой князя Дмитрія Михайловича Голицына, который, не взирая на свою любовь къ старинѣ, былъ не прочь отъ знакомства съ европейской литературой и книгохранилище свое на-

(*) В. Н. Татищевъ и его время, с. 62 и 63.

пополнялъ не одними лишь псалтырями, часословами и четьи-минеями, какъ бы то подобало дѣлать поклоннику мудраго правила: «отцы наши сего не пріяли суть». Въ библіотекѣ Голицына, вмѣстѣ съ лѣтописями, хронографами, статейными списками, собраніями граммать, польскими хрониками, историческими и богословскими сборниками, указами Петра I, Екатерины I и Петра II, находились въ русскихъ переводахъ: сочиненія Самуила Пуффендорфа, Николая Вернулія, Северина Змонзамбона Веронскаго, Бекмана, Дебуссера, Францишка Гвичардина; Политичные дискурсы Іоанна Христофора Эберта и Павла Фелвингера Нюрембергскаго; Министерство или правительство кардинала Рихолія и Мазарина, съ политическими разсмотрѣніи; Новоумноженный политическаго счастія ковачъ; Дворянинъ доброправный и многія другія сочиненія, почему либо обращавшія на себя вниманіе русской публики того времени.

Со всѣмъ этимъ познакомился, все это прочелъ любознательный Василій Никитичъ, и это чтеніе, равно какъ и постоянныя занятія исторіею образовали въ Татищевѣ весьма стойкія, хотя и не совсѣмъ вѣрныя политическія убѣжденія, которыя онъ не замедлилъ выразить на дѣлѣ. Поводомъ къ тому послужили тревожныя обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на россійскій императорскій престолъ курляндской герцогини Анны Іоанновны.

Татищевъ, какъ извѣстно, находился въ числѣ лицъ, всѣми силами противодѣйствовавшихъ замысламъ *верховниковъ* касательно ограниченія самодержавія новоизбранной императрицы. Онъ сталъ въ этомъ случаѣ во главѣ цѣлаго кружка, и съ помощью всевозможныхъ историческихъ и философическихъ доводовъ доказывалъ своимъ единомышленникамъ всю *непорядочность* избранія Анны Іоанновны членами верховнаго тайнаго совѣта. «По закону естественному, избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ учрежденъ, а не четыремъ или пяти человѣкомъ, какъ-то нынѣ непорядочно учинено», горячо проповѣдывалъ Василій Никитичъ, и еще болѣе горячился и закипалъ благороднымъ негодованіемъ при мысли, что верховники «дерзнули собою единовластительство отставить и ввести аристократію». — «Дерзнули они на сіе, говорилъ Татищевъ: — объявляя намъ ея величества письмо и пункты, якобы она сама по своей волѣ учинила, и принуждають насъ, подъ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, якобы мы ихъ той явной про-

дерзости согласовали, и какъ они, то принужденіе закрывая, объявляютъ: если кто противъ онаго имѣетъ что представить, то бы имъ объявили. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ, то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностію разсмотрѣть, и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и оно свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а паче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули (*)».

Изъ этихъ словъ видно ясно, что горячность и благородное негодованіе Василія Никитича возбуждались главнымъ образомъ при мысли о непризнанныхъ и попранныхъ верховниками *достоинствѣ и преимуществѣ всего шляхетства и другихъ сановъ.* Словомъ, Татищевъ, подобно всѣмъ своимъ единомышленникамъ, нападалъ такъ сильно на аристократію, защищая при этомъ «единовластительство», потому, что, при аристократическомъ правленіи, опасался рѣшительнаго преобладанія какой нибудь одной или двухъ знатныхъ и сильныхъ фамилій, которыя, окруживпись своими родственниками и свойственниками, окончательно бы затерли и задавили все остальное шляхетство и прочіе саны. Можетъ быть также были у него и другія чисто личныя, цѣли... Все это очень вѣроятно, все это было въ порядкѣ вещей; но, тѣмъ не менѣе, искреннія убѣжденія Татищева были таковы, что онъ не могъ не стоять за «единовластительство», которое признавалъ въ самомъ дѣлѣ положительно-необходимымъ для Россіи. Это были плоды кабинетныхъ занятій Василія Никитича, плоды вычитанныхъ имъ, но не вполнѣ еще переваренныхъ въ головѣ теорій, и онъ говорилъ дѣйствительно отъ души, доказывая своимъ партизанамъ, что въ измѣненіи существующаго въ россійской имперіи образа правленія «никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Ту же мысль приводитъ онъ и въ своей исторіи Россіи, въ разборѣ разныхъ *правительствъ.* «Невозможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее (пишетъ Татищевъ); но нужно озирать на состоянія и обстоятельства каждаго сообщества, яко на положеніе земель, пространство, области и состоянія народа, какъ выше сказано. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія или демократія удобно пользу и спокойность сохранить можетъ.

(*) В. Н. Татищевъ и его время, с. 114 и 115.

въ величайшихъ, но отъ нападеній не весьма опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходными горами, особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ. Великія же области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержатся, тамо оба первые негодятся, но нужна быть монархія, какъ я 1730 верховному совѣту обстоятельно представилъ, и намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ, что они дотолѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распространили, равно о монархіяхъ ассирійской, египетской, персидской, римской и греческой, какъ правленія древнія и законы въ пользу общую хранили, дотолѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдамъ страшною представлялась; когда же подданные дерзнули для собственнаго любоимѣнія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось, о чемъ царь Іоаннъ Грозный рѣчью, княземъ подъ власть монархіи покореннымъ, преизрядно изъяснилъ (*)».

Опасенія Татищева за россійскую имперію, какъ извѣстно, не оправдались: *единовластительство не было отставлено*; но благонамѣренность Василія Никитича не привела его ни къ чему особенно пріятному. Правда, онъ былъ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ на время коронаціи Анны Іоанновны, ѣздилъ съ объявленіемъ о днѣ коронованія къ принцессамъ императорскаго дома, участвовалъ въ перенесеніи регалій изъ дворца въ соборъ, управлялъ, вмѣстѣ съ другими придворными чинами, ходомъ самой церемоніи, — но и только. Никакой иной награды Василій Никитичъ не получилъ, и три года еще послѣ того прослужилъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ монетной конторѣ, а затѣмъ былъ снова отправленъ на Уралъ, для управленія тамошними горными заводами.

Здѣсь сфера дѣятельности его вскорѣ расширилась. 17 марта 1734 года Татищевъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ горныхъ заводовъ въ Сибири и Перми и, стало быть, получилъ возможность дѣйствовать гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ прежде. Вступивъ

(*) Тамъ же, с. 482 и 483.

въ свое новое званіе, Василій Никитичъ объѣхалъ всѣ находившіеся въ его управленіи заводы, приказавъ собраться въ Екатеринбургѣ всѣмъ частнымъ промышленникамъ и прикащикамъ, для того, чтобы вмѣстѣ заняться сочиненіемъ горнаго устава. Татищевъ убѣдительно просилъ и промышленниковъ, и прикащиковъ трудиться ревностно для общей пользы, вести записки разнымъ судебнымъ случаямъ изъ заводскаго быта, объявлять въ общемъ собраніи свои о нихъ мнѣнія, мнѣнія эти подавать безъ всякаго пристрастія, доказывать и защищать ихъ свободно, возраженія и замѣчанія на нихъ не принимать себѣ въ обиду, не почитать за страхъ и не отступать отъ своего перваго мнѣнія изъ уваженія къ спорящему. «Всякъ имѣетъ волю свое мнѣніе объявить, говорилъ онъ:—колико ему Богъ въ томъ знанія удѣлилъ, и притомъ остаться доколѣ или тотъ, или другой, познавъ лучшую истину, первое перемѣнитъ. Я же вамъ всѣмъ, по моей должности и по крайнему разумѣнію, служить и моимъ совѣтомъ помогать желаю (*)».

И Татищевъ, дѣйствительно, и словомъ, и дѣломъ, готовъ былъ служить и помогать всякому, обращавшемуся къ нему за совѣтомъ или помощью, болѣе всего стараясь между прочимъ о введеніи въ новый горнозаводскій уставъ самаго широкаго участія въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ всѣхъ членовъ главнаго правленія. Горнозаводскій уставъ Татищева былъ вообще очень удовлетворителенъ: онъ былъ составленъ умно и съ знаніемъ дѣла, но Высочайшаго одобренія и утвержденія все-таки не удостоился. Главнѣйшими причинами тому были: во 1-хъ, самый духъ устава, несогласный съ духомъ тогдашней эпохи, т. е. со взглядами герцога курляндскаго; во 2-хъ, стремленіе Татищева замѣнить нѣмецкую терминологію горныхъ чиновъ и работъ русскими названіями. Послѣднее обстоятельство въ особенности не понравилось Бирону, который, по словамъ самаго Василія Никитича, «такъ сіе за зло принялъ, что неоднажды говаривалъ, якобы Татищевъ—главный злодѣй Нѣмцевъ». И горнозаводскій уставъ Татищева остался, разумѣется, безъ утвержденія, несмотря на то, что былъ апробованъ императрицею.

Не усидѣлъ на мѣстѣ и самъ Василій Никитичъ, замѣненный вызваннымъ Бирономъ изъ Саксоніи оберъ–бергъ–гауптманномъ барономъ Шембергомъ. Татищевъ же переведенъ былъ въ чинѣ тайнаго

(*) Тамъ же, с. 143.

совѣтника въ оренбургскую экспедицію, для устройства башкирскаго края, и покинулъ Екатеринбургъ, оставивъ тамъ по себѣ самую хорошую память, оказавъ много несомнѣнной пользы горному дѣлу въ Россіи.

Такъ же удачно заявилъ себя Татищевъ и по управленію оренбургской экспедиціей, которой онъ вскорѣ назначенъ былъ начальникомъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ должностью генералъ-поручика. Въ указѣ, данномъ по этому случаю Василію Никитичу, императрица выражала свою надежду на извѣстную его ревность къ службѣ, радѣніе и доброе искусство, поручая ему, вмѣстѣ съ завѣдываніемъ оренбургской экспедиціей, не оставлять своими распоряженіями и горные заводы. Татищевъ оправдалъ ожиданія государыни и быстро придалъ совершенно иной характеръ управленію оренбургской экспедиціи. Въ взбунтовавшемся, неустроенномъ краѣ Василію Никитичу приходилось дѣйствовать и какъ администратору, и какъ судьѣ, и какъ дипломату, и какъ полководцу,—и на всѣхъ этихъ поприщахъ онъ дѣйствовалъ большею частью очень успѣшно. Не отступалъ онъ, конечно, при этомъ и передъ самыми крутыми, суровыми мѣрами; но упрекать его за это въ жестокости было бы совершенно неосновательно: во 1-хъ, потому, что къ крутымъ и суровымъ мѣрамъ Татищевъ прибѣгалъ тогда лишь, когда того неизбѣжно требовали обстоятельства; во 2-хъ потому, что съ точки зрѣнія первой половины XVIII столѣтія самыя жестокія истязанія почитались наказаніями самыми обыкновенными и невозмущали никого; въ 3-хъ, наконецъ, потому, что крутыя мѣры Татищева могли, дѣйствительно, показаться чуть не мягкими въ сравненіи съ тѣми, которыя принимались въ томъ же башкирскомъ краѣ другими правителями—и прежде, и послѣ Татищева.

Несмотря, однакоже, на успѣхъ своихъ дѣйствій по управленію оренбургской экспедиціей, Василію Никитичу пришлось вдругъ, совершенно неожиданно, проститься съ этимъ мѣстомъ, да еще, сверхъ того, чуть не попасть въ бѣду. Онъ отправился въ Петербургъ съ цѣлью лично объясниться тамъ съ кабинетъ-министрами о разныхъ проектахъ и предположеніяхъ, составленныхъ имъ для оренбургскаго края,—пріѣхалъ въ столицу и былъ тутъ задержанъ по поводу прилетѣвшихъ вслѣдъ за нимъ изъ Оренбурга многочисленныхъ жалобъ и доносовъ, которымъ всемогущая воля герцога курляндскаго придала тотчасъ же самое серьёзное значеніе. Надъ Татищевымъ назначена была особая

слѣдственная коммиссія, и дѣло грозило принять весьма плохой оборотъ.

Оно, однакоже, разрѣшилось очень благополучно, благодаря никѣмъ неожиданному и всѣхъ восхитившему *coup d'état*, совершенному фельдмаршаломъ Минихомъ въ ночь съ 8 на 9 ноября 1740 года. Биронъ палъ; слѣдственная коммиссія надъ Татищевымъ закрылась, и Василій Никитичъ тотчасъ же получилъ новое назначеніе: его послали усмирять смуты, поднявшіяся между Калмыками, съ которыми онъ уже имѣлъ случай нѣсколько познакомиться во время управленія своего оренбургской экспедиціей.

И вотъ Татищевъ принимается снова за тревожную, кипучую, разностороннюю и далеко нелегкую дѣятельность: укрощаетъ смуты и безпорядки, уничтожаетъ грабежи и воровства, самъ входитъ во всѣ распри Русскихъ съ Калмыками, не оказывая ни малѣйшаго пристрастія къ своимъ, строитъ крѣпости и укрѣпленія, занимается неусыпно устройствомъ края, печется о его благосостояніи, о его торговыхъ и промышленныхъ интересахъ, миритъ жителей съ властями, пишетъ для Калмыковъ уложеніе и, дѣйствуя постоянно разумно, справедливо, твердо и строго, приходитъ наконецъ къ возможно-хорошимъ результатамъ мимо множества трудностей, препятствій и всякаго рода непріятностей, которыя хотя и болѣзненно-тяжело дѣйствовали на раздражительную натуру Татищева, но не могли заставить его измѣнить своимъ убѣжденіямъ и уклониться въ сторону отъ разъ-предположенной цѣли.

Сверхъ занятій въ калмыцкой коммиссіи, Василій Никитичъ управлялъ еще Астраханской губерніей, губернаторомъ которой назначенъ былъ въ концѣ 1741 года. И тутъ въ характерѣ его дѣятельности преобладали просвѣщенное пониманіе дѣла и желаніе всячески споспѣшествовать благосостоянію и развитію полудикаго, неустроеннаго и населеннаго самымъ разнохарактернымъ населеніемъ края. Онъ обратилъ особенное вниманіе на важныя въ Астрахани рыбныя ловли, заботился о торговлѣ съ Бухарой и Хивой, старался привязать къ Россіи инородцевъ, въ особенности же тѣхъ, которые, почему либо, могли быть полезны для Астраханской губерніи,—словомъ, неупускалъ изъ виду ничего, и во все входилъ самъ, все старался разсмотрѣть, разобрать, изучить сколь возможно обстоятельнѣе. Татищеву въ это время было уже около шестидесяти лѣтъ, но онъ, казалось, не зналъ устали и энергическою своею дѣятельностію приводилъ въ изумленіе всѣхъ, его знавшихъ. Вотъ что писалъ о немъ англичанинъ Ганвей, посѣтившій

Астрахань, по пути въ Гилянь, въ сентябрѣ 1743 года: «Этотъ старецъ (Татищевъ) былъ пажемъ при Петрѣ Великомъ; давно управляя этимъ краемъ, онъ много сдѣлалъ для устрашенія Татаръ; у него была особенная склонность къ наукамъ и торговлѣ. Въ искусствѣ благопріобрѣтенія онъ высказывалъ большую опытность и даже попадалъ за это въ немилость; у него было правило, которое онъ выражалъ такими словами: надо дать, надо и взять. Татищевъ сказывалъ мнѣ, что купилъ за пять тысячъ рублей брилліантъ, стоившій двѣнадцать, и поднесъ его знатнѣйшей въ имперіи женщинѣ. Между прочимъ, онъ упомянулъ также, что около 25 лѣтъ трудится надъ русскою исторіей... Этотъ старикъ былъ замѣчателенъ своею сократическою наружностью, изможденнымъ тѣломъ, которое онъ старался поддерживать долголѣтнимъ воздержаніемъ, и наконецъ неутомимостью и разнообразіемъ своихъ занятій. Если онъ не писалъ, не читалъ или не говорилъ о дѣлахъ, то перебрасывалъ жетоны изъ руки въ руку» (*).

Почти то же писалъ о Татищевѣ другой иностранецъ, извѣстный путешественникъ по Россіи, докторъ Лерхе, бывшій въ Астрахани въ 1745 году, вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ, отправлявшимся къ шаху Надиру. Лерхе, въ запискахъ своихъ, говоритъ о Татищевѣ слѣдующее: «Въ Астрахани губернаторомъ былъ извѣстный и ученый Василій Никитичъ Татищевъ, который незадолго передъ тѣмъ устроилъ новую Оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по-нѣмецки, имѣлъ большую библіотеку изъ лучшихъ книгъ и былъ свѣдущъ въ философіи, математикѣ и особенно въ исторіи. Относительно религіи онъ держался особенныхъ убѣжденій, за которыя многіе не считали его православнымъ. Онъ былъ болѣзненъ и худощавъ и, не смотря на то, очень опытенъ и рѣшителенъ во всѣхъ дѣлахъ, умѣлъ каждому дать добрый совѣтъ и помощь, особенно купцамъ, которыхъ онъ привелъ въ цвѣтущее состояніе. Но дѣлалъ это имъ не даромъ, чѣмъ и навлекъ на себя неудовольствіе сената, который прислалъ указъ объ его отставкѣ. 11 ноября пріѣхалъ уже новый губернаторъ, каммергеръ Брылкинъ (**).

Губернаторство въ Астрахани было послѣднимъ актомъ служебной карьеры Татищева. Не желаніе трудиться, не любовь къ дѣятельности, не энергія измѣнили ему,—измѣнило ему здоровье, разстроенное долголѣтнею, непрерывною, тяжелою работою и всякаго рода житейскими

(*) В. Н. Татищевъ и его время, с. 387.

(**) Тамъже, с. 429.

невзгодами и передрягами. Онъ, конечно, могъ бы еще служить, но только не губернаторомъ въ Астрахани, потому что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, на мѣстѣ астраханскаго губернатора могъ бы выдержать только какой нибудь желѣзный человѣкъ, окруженный такимиже, какъ онъ, желѣзными помощниками. Непріязненныя дѣйствія Шаха-Надира, волненія на Кавказѣ и въ Персіи, стѣснительныя мѣры, которыхъ требовало по этому случаю наше правительство, безпорядки и мошенничество въ торговлѣ, ссоры кабардинскихъ князей, челобитныя Дагестанцевъ, переселеніе Трухменцевъ къ Волгѣ, набѣги Киргизовъ, судъ надъ морскими разбойниками, размѣнъ плѣнныхъ съ Турціей, присмотръ надъ политическими арестантами, переписка съ резидентами, консулами, переводчиками и командирами разныхъ вѣдомствъ, безпрестанная переписка съ Петербургомъ,—все это требовало отъ губернатора такой лихорадочной, напряженной дѣятельности, такой неусыпной заботливости, предусмотрительности и осторожности, все это подвергало его на каждомъ шагу такой важной отвѣтственности, что хоть у кого бы пошла кругомъ голова! А Татищеву еще приходилось вездѣ дѣйствовать одному, потому что помощниковъ у него было очень мало, да и тѣ, которые были, какъ на грѣхъ, никуда негодились. Онъ ежегодно писалъ объ этомъ въ Петербургъ, прося о присылкѣ въ Астрахань знающихъ офицеровъ, инженеровъ, геодезистовъ, студентовъ академіи и учениковъ изъ разныхъ школъ,—но всѣ просьбы его оставались безуспѣшными. Онъ не разъ представлялъ правительству весьма дѣльные проекты касательно устройства астраханскаго края, и для осуществленія этихъ проектовъ требовалъ только самыхъ необходимыхъ средствъ,—но правительство этихъ средствъ ему не давало, потому что было очень не щедро на подобные расходы. Тогда Татищевъ, видя рѣшительную невозможность продолжать дѣло безъ денегъ и безъ людей, безъ силъ матеріальныхъ и безъ силъ нравственныхъ, сталъ проситься въ отставку,—но даже и отставку дали ему не вдругъ. Когда же наконецъ Василій Никитичъ былъ уволенъ и уѣхалъ въ деревню—давно забытая слѣдственная коммиссія надъ нимъ, учрежденная въ 1740 году Бирономъ, ожила снова и даже приняла теперь болѣе широкіе размѣры, получивъ повелѣніе разсмотрѣть вообще управленіе башкирскимъ краемъ разными командирами. Татищевъ, очевидно, былъ уже болѣе не нуженъ и долженъ былъ сойдти навсегда съ оффиціальной сцены, на которой сорокъ лѣтъ слишкомъ подвизался, какъ подвизались въ его время очень немногіе.

И онъ, дѣйствительно, сошелъ съ этой скользкой и скучной сцены, но не погрузился въ бездѣйствіе и апатію, не впалъ отъ старости въ младенчество, не предался ханжеству и брюзгливой скукѣ, какъ то и бывало, и бываетъ съ слабоголовыми и слабохарактерными старцами. Покончивъ съ службой, Татищевъ почти съ юношескимъ жаромъ погрузился въ занятія науками и уже весь, нераздѣльно отдался своимъ историческимъ и географическимъ трудамъ, которыхъ не покидалъ съ молоду, но которымъ сильно мѣшала его хлопотливая и тревожная служебная дѣятельность.

Объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ Татищева мы распространяться здѣсь не будемъ, потому что, въ противномъ случаѣ, статья наша приняла бы черезъ-чуръ широкіе размѣры. Отсылаемъ желающихъ или къ самымъ сочиненіямъ Татищева, или къ VII главѣ книги г. Нила Попова, въ которой читатель найдетъ свѣдѣнія обо всѣхъ произведеніяхъ Василія Никитича. Главнѣйшая заслуга его состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ опытъ критической разработки матеріаловъ для русской исторіи; впрочемъ, историческіе труды его не лишены и чисто научнаго интереса. Пособіями при составленіи ихъ служили Татищеву не одни лишь печатные источники: онъ отовсюду собиралъ рукописи, народныя пѣсни и сказки, старинныя ландкарты и всякаго рода памятники нашей старины. Собиранію этихъ памятниковъ въ особенности много способствовали безпрестанные разъѣзды Василія Никитича, по дѣламъ службы, изъ конца въ конецъ Россіи. Онъ вездѣ все высматривалъ, выспрашивалъ и записывалъ; прислушивался къ народнымъ преданьямъ и повѣрьямъ; осматривалъ всѣ, почему либо, замѣчательныя мѣстности, — словомъ, не упускалъ никогда ничего, что̀ только могло пополнить запасъ его свѣдѣній.

Что же касается до источниковъ печатныхъ, которыми пользовался при ученыхъ трудахъ своихъ Татищевъ, то каковы были эти источники — объ этомъ можно судить уже по именамъ авторовъ, цитируемыхъ Василіемъ Никитичемъ въ его сочиненіяхъ. Въ сочиненіяхъ этихъ, кромѣ греческихъ и римскихъ классиковъ и средневѣковыхъ лѣтописцевъ, которые были извѣстны нашему историку или изъ русскихъ рукописныхъ переводовъ, или изъ другихъ сочиненій, Татищевъ часто ссылается на философскій лексиконъ *Вальха*, на историческій лексиконъ *Буддея*, на географическій лексиконъ *Гейнсіуса* или *Мартиньера*, на критическій лексиконъ *Баилевъ*, на географи-

ирскій лексиконъ *Вольстія*, на лексиконъ ученыхъ *Іохера*, на лексиконъ святыхъ, на лексиконъ математическій, на астрономическій календарь. Кромѣ этихъ книгъ, Татищевъ пользовался сочиненіями: *Ѳеофана Прокоповича*, *Баронія*, *Томазія*, *Гаутрухія*, *Фонтенеля*, *Фабріуса*, *Себастіана Минстера*, *Вольфа*, *Варенія*, *Таверньe*, *Унферцахта*, *Избранта*, *Ташара*, *Кирхера*, *Гибнера*, *Трейера*, *Фриша*, *Филиппа Клюверія*, *Петреуса*, *Шефера*, *Спенера*, *Лешера*, *Страленберга*, *Перри*, *Рычкова*, *Гербера*, *Миллера*, *Олеарія*, *Де-Ту*, *Кевенгиллера*, *Слейдана*, *Имгофа*, *Пуффендорфа*, *Локка*, *Гоббеса*, *Макіавелли*, *Декарта*, *Ньютона*, *Галлея*, *Гевелія* и др.

Въ числѣ этихъ книгъ были книги, которыя не могли не произвести на Татищева самаго сильнаго впечатлѣнія, не могли не придать его мысли разумнаго, трезваго направленія, долженствовавшаго разрушительно подѣйствовать на множество предразсудковъ, нелѣпостей и безсмыслицъ, завѣщанныхъ Василію Никитичу первоначальнымъ воспитаніемъ его на лонѣ доброй старой Руси. Оно, дѣйствительно, такъ и было. Татищевъ относился уже критически къ такимъ предметамъ и вопросамъ, которые добрыми старыми Россіянами почитались за самые священные, за самые незыблемые; Татищевъ позволялъ себѣ смѣяться надъ такими вещами, на которыя добрые, старые Россіяне взирали не иначе какъ со слезами благоговѣйнаго умиленія. Вышло отсюда то, что̀ и должно было выйдти. Татищевъ провозглашенъ былъ еретикомъ и вольнодумцемъ; сочиненія его—опасными *для добрыхъ нравовъ общества*. И сочиненія эти должны были лечь подъ спудъ, гдѣ и лежали до самаго царствованія императрицы Екатерины II, когда въ первый разъ были изданы: три книги исторіи Татищева, примѣчанія его къ Русской Правдѣ и Судебнику и духовное его завѣщаніе.

За что же именно сочиненія трудолюбиваго Василія Никитича признаны были опасными *для добрыхъ нравовъ общества?* За какія же богохульства и сквернословія авторъ этихъ сочиненій провозглашенъ былъ опаснымъ еретикомъ и вольнодумцемъ?

А вотъ хоть бы за разсужденія такого рода:

«Ужасно и прискорбно было Нестору писать суевѣрствіе народа, неимущаго ни мало ума и просвѣщенія, но разсудя по настоящему въ христіанахъ имянующихся, что имѣя законъ Божій и другими вольными науки умъ просвѣщенный, не меньше оныхъ суевѣрствуетъ. Я

не почитаю то въ диво, когда слышу отъ людей, къ знанію закона Божія не прилежащихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія за истину почитающихъ, но дивнѣе всего инаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона Божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благонравію, яко соль обуявшая, ни сами хотятъ законъ Божій разумѣть, ни народъ обучать; и еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное, предаютъ» (*).

Или:

«Хотя язычники ихъ сдѣланные болваны боги именовали, ихъ почитали, на нихъ надѣялись и ихъ боялись, однакожъ и между ими благоразсудные истиннаго Всевышняго Бога признавали, яко же и послѣ по случаю Бога и Перуна различаютъ; но простой народъ, конечно, того не разумѣлъ. Я упомянулъ, что многіе мудрые люди между язычники находились и совершенно единаго Бога, Творца и содержателя твари, признавали, а идоловъ презирали и уничтожали, но какую мзду получили, видимъ Сократа и другихъ отъ невѣждъ еретиками, аоеистами и проч. поносимы и гонимы были, а нѣкоторые и смерть приняли; да сіе и не дивно, и не такъ прискорбно о тѣхъ, какъ видимъ въ христіанствѣ самые невѣжды людей, добре законъ Божій свѣдущихъ и хранящихъ, равномѣрно поносятъ, гонятъ и, колико могутъ, оскорбляютъ» (**).

Или:

«Старинное рѣченіе, яко бы діаволъ надъ всѣми власть имѣетъ, Евангеліе же сказуетъ, ни надъ свиньями, то коль меньше надъ человѣки, хотябы и невѣжды; развѣ бы сказать тако, вси же безумствуя служаху діаволу или идоломъ, имъ вѣроваху и поклоняхуся, дьяволъ же никоея власти не имѣетъ» (***).

Или:

«Десятины на церковь, хотя въ четырехъ спискахъ древнихъ, но вездѣ равно находится и слогъ новой, мню, попами вымышленной, отличается; ибо есть ли сіе отъ всѣхъ доходовъ государевыхъ и на-

(*) Исторія Россіи, соч. Татищева, кн. II, примѣчаніе 134.
(**) Тамъ же, примѣч. 119.
(***) Тамъ же, примѣч. 168.

родныхъ уставлено было, то бъ, конечно, все не угасло, да и съ мудростію не согласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь давать, и тѣмъ содержанію войскъ, и защитѣ, и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ; главная того потребность содержаніе больницъ, богадѣленъ и училищъ, а не на роскошность, піянство и блудъ или великолѣпіе духовныхъ, какъ сіе царь Іоаннъ IV въ письмѣ Гурію, архіепископу казанскому, и Петръ Великій въ указѣ 1724 года изъяснили. Однакожъ то доказательно, что отъ прибытковъ подданныхъ десятину платить у насъ положено, и увѣряетъ въ житіи Андрея Боголюбскаго, что онъ, вмѣсто десятины, земли и волости далъ, въ Кіевѣ же церковь оная доднесь Десятинная зовется, а ниже показано, что Полонное, мѣстечко въ Волыни, къ сей церкви въ десятину дано, потому можно разумѣть, что государи, вмѣсто десятины, монастыри построя, великими доходами снабдили; но отъ народа сбора доходовъ никакого знака нѣтъ. Архіереи отъ церквей каждой въ своей епархіи десятину берутъ, которую и дань именуютъ. Въ Европейскихъ, или, паче сказать, едва не во всѣхъ ли христіанскихъ государствахъ, десятина на церкви собирается, и сіе есть частію должное, частію нуждное и полезное. Нуждно же сіе есть, дабы церковнослужители, во-первыхъ, могли чѣмъ дѣтей своихъ въ наученіе отдавать, книги потребныя покупать, сами не о работѣ земной, но о наученіи народа прилежать; второе, чѣмъ училища для неимущихъ учениковъ, яко же для немощныхъ богадѣльны содержать, дабы оное, конечно, на то, не на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, а народу безполезныя употребляли, какъ выше упомянулъ» (*).

И т. п.

Вотъ за какія идеи провозгласили Татищева еретикомъ, вольнодумцемъ, даже атеистомъ мудрые и просвѣщенные его современники; вотъ за что запрещена была его исторія и почиталась опасною *для добрыхъ нравовъ общества!* Нѣтъ надобности говорить, что уже одно это обстоятельство краснорѣчивѣе всего доказываетъ, какъ далеко шагнули впередъ тѣ соотечественники наши петровскаго времени, которыхъ хоть вскользь коснулось западное образованіе, и какъ жалки, какъ смѣшны, какъ уродливы казались въ сравненіи съ ними Россіяне,

---

(*) Тамъ же, примѣч. 202.

пребывшіе вѣрными первобытной чистотѣ старорусскаго невѣжества. Поклонники этого невѣжества (изъ современныхъ *намъ* мыслителей) замѣтять, пожалуй, на это, что вѣдь и разладъ слова съ дѣломъ—вещь не очень хорошая; а этимъ разладомъ — какъ мы сами же замѣтили въ началѣ нашей статьи — сильно страдали всѣ питомцы и сподвижники Петра Великаго, разсуждавшіе и писавшіе, большею частью, очень складно и гуманно, а распоряжавшіеся гдѣ нибудь на сторонѣ очень скверно и безчеловѣчно. Да, отвѣтимъ мы:—вы говорите правду; разладъ слова съ дѣломъ—явленіе вовсе неутѣшительное; но развѣ было бы лучше, еслибъ вмѣсто этого разлада питомцы и сподвижники Петра Великаго отличались тою умилительною гармоніею, которая господствовала на старой Руси? Развѣ было бы лучше, еслибъ они, какъ добрые старые Россіяне, и распоряжались-то очень скверно и безчеловѣчно, и говорили-то очень нескладно и дико? (О писаньи мы не упоминаемъ: грѣхомъ писанья старую Русь попрекнуть нельзя; она, какъ извѣстно, по большей части, только *руку прикладывала*—въ буквальномъ смыслѣ этого слова). Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что если разладъ слова съ дѣломъ былъ, дѣйствительно, одною изъ отличительныхъ чертъ нашихъ соотечественниковъ петровской эпохи, разсуждавшихъ и сочинявшихъ иногда очень хорошо, а поступавшихъ сплошь и рядомъ вовсе не такъ, то и тутъ хорошимъ-то обязаны мы все-таки *гніющему* западу, дурнымъ же—*цвѣтущей* родинѣ. Это прискорбно, но истинно, и лучшимъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія можетъ служить примѣръ Татищева.

Татищевъ былъ въ одно и то же время и чиновникъ, и писатель. Какъ писатель, онъ высказывалъ взгляды и мнѣнія, дающіе намъ полное право назвать его человѣкомъ, по своему времени, очень образованнымъ и развитымъ, и ученая дѣятельность его не заслуживаетъ ничего, кромѣ похвалы и признательности. Какъ чиновникъ, Татищевъ позволялъ себѣ продѣлки, не совсѣмъ-то совмѣстныя съ званіемъ развитаго и образованнаго человѣка, и на служебной его дѣятельности лежатъ два весьма замѣтныхъ пятна: крутость въ обращеніи съ низшими и открытое взяточничество. Но кому же обязанъ былъ Татищевъ своимъ умственнымъ развитіемъ, какъ не западу, какъ не тѣмъ иностраннымъ авторамъ, которыхъ онъ читалъ и изучалъ? Кому же обязанъ онъ былъ своими дурными, предосудительными привычками, какъ не родинѣ, какъ не той средѣ, въ которой вращался, какъ не тѣмъ примѣрамъ, которые видѣлъ? Могъ ли же

онъ, въ самомъ дѣлѣ, не брать взятокъ, когда все по сторонамъ брало и не краснѣло? Могъ ли онъ не драть низшихъ, когда все по сторонамъ драло и нисколько этимъ не смущалось; когда ему самому еще въ дѣтствѣ твердили, что низшихъ драть слѣдуетъ для ихъ же собственной пользы; что низшіе, сирѣчь «подлые» люди, самимъ Господомъ Богомъ созданы для того, чтобы служить высшимъ и получать отъ нихъ колотушки?..

Ну, и бралъ Василій Никитичъ, и дралъ Василій Никитичъ, и все это совершалъ съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, какъ человѣкъ, исполняющій свой долгъ и творящій благое. Во взяточничествѣ онъ даже не таился и открылся въ этомъ самому Петру, весьма логично и раціонально объяснивъ ему, почему онъ, Татищевъ, беретъ и брать долженъ. Началъ онъ словами апостола Павла, что «дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу»; потомъ перешелъ къ тому, что лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности. «Въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла, говорилъ Татищевъ:—если я и ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю,—повиненъ; а если изъ мзды къ законопреступленію присоединится лихоимство, долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго возблагодареніе пріиму, ничѣмъ осужденъ быть не могу: 1) если мзду за трудъ причтешь во мздоимство, то, конечно, болѣе вреда государству и раззоренія подданнымъ послѣдуетъ, ибо я долженъ за получаемое жалованье работать только до полудни, въ которое мнѣ, конечно, времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не достанетъ; а послѣ обѣда трудиться моей должности нѣтъ; 2) когда я вижу дѣло въ сомнительствѣ, то я никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, буду день ото дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; 3) дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшиться по регистрамъ порядкомъ; и случатся то, что нѣсколько дѣлъ весьма ненужныхъ впереди, а послѣднему по регистру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытку понести, что купечеству нерѣдко случается: и такъ отъ праваго порядку можетъ болѣе вреда быть. Если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся: игры, карты, собаки и бесѣды или прочія увеселенія оставлю, и, несмотря на регистръ, нужнѣйшія прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителямъ

пользу принесу, а за взятую мзду отъ Бога и Вашего Величества по правдѣ сужденъ быть не могу (*).»

Этотъ весьма типичный взглядъ на служебныя обязанности подтверждаетъ вполнѣ сказанное нами выше, что образованіе, которое получали питомцы и сподвижники Петра Великаго, не входило нисколько въ ихъ плоть и кровь, не возвышало ихъ до нравственнаго сознанія долга, не приводило ихъ къ тѣмъ плодотворнымъ результатамъ, которые составляютъ задачу и конечную цѣль истиннаго образованія, а только лишь сглаживало ихъ наружныя шероховатости, да наполняло головы кое-какими, большею частію, практическими свѣдѣніями, нерѣдко производя при этомъ въ этихъ головахъ престранную смѣсь изъ самыхъ противоположныхъ, и фальшивыхъ, и вѣрныхъ, и европейскихъ, и азіатскихъ, идей и понятій. Иначе, впрочемъ, и быть не могло съ людьми, начинавшими свое воспитаніе на конюшнѣ и псарнѣ, оканчивавшими его по Гоббесу и Белю и потомъ прикладывавшими свои познанія къ дѣлу на почвѣ барства, самодурства, крѣпостнаго права и батоговъ. Иначе, слѣдовательно, не могло быть и съ Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ, несмотря на всѣ его познанія въ исторіи и географіи.

Василій Никитичъ Татищевъ не на одномъ только вопросѣ о взяточничествѣ сходился съ людьми, заскорузлыми въ тупыхъ и невѣжественныхъ понятіяхъ,—у него, подобно всѣмъ его соотечественникамъ-современникамъ, было еще нѣсколько такихъ же взглядовъ, и онъ съ полной откровенностью и прямотою выразилъ всѣ эти взгляды въ своемъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ имъ во время тяжелаго для него слѣдствія по дѣламъ оренбургской экспедиціи. Въ этомъ завѣщаніи самымъ страннымъ образомъ переплетаются и мѣшаются самыя противоположныя воззрѣнія — идеи Бэля съ идеями благовѣщенскаго іерея Сильвестра, понятія просвѣщеннаго европейца съ понятіями невѣжественнаго русскаго барина; въ этомъ завѣщаніи рельефнѣе, чѣмъ въ самой полной біографіи, выступаетъ наружу личность самого Татищева, и мы не можемъ не подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми выдержками изъ этого любопытнаго документа, начинающагося такимъ торжественнымъ приступомъ:

«Хотя вижу себя не великой старости достигша, ибо нынѣ мнѣ еще 54 годъ минулъ; но въ болѣзняхъ, скорбяхъ, печали, гоненіи

(*) В. Н. Татищевъ и его время, стр. 39.

неповинномъ и отъ злодѣевъ сильныхъ исчезе плоть моя, и вся крѣпость моя изсше, яко скудель, языкъ мой прильнѣ гортани моему, и нѣсть избавленія плоти моей, токмо единой просить отъ Господа милости и отпущенія грѣховъ моихъ тяжкихъ, въ нихъ же увязъ, яко въ тинѣ глубины. И видя себя паче разбойника, блуднаго сына, мытаря и блудницы согрѣшивша, стыжуся приступити ко Господу, ниже очи мои на небо возвести (*)».

Приведя за симъ нѣсколько цитатъ изъ священнаго писанія, цитатъ, касающихся грѣховъ и пороковъ молодости, и посѣтовавъ объ этихъ грѣхахъ и порокахъ, Татищевъ переходитъ отъ себя лично къ совѣтамъ своему сыну, дѣлаетъ потомъ распоряженіе насчетъ своего собственнаго погребенія и затѣмъ уже наконецъ переходитъ къ изложенію своихъ взглядовъ на жизнь. Тутъ говоритъ онъ о религіозномъ, нравственномъ и умственномъ воспитаніи въ молодости, объ отношеніяхъ къ родителямъ, о женитьбѣ и семейныхъ отношеніяхъ, о государственной службѣ—военной, гражданской и придворной, объ имѣніяхъ и шляхетскомъ богатствѣ, объ управленіи деревнями и т. д. Мы не станемъ слѣдить за Васильемъ Никитичемъ шагъ за шагомъ, но выпишемъ изъ его завѣщанія только самыя характеристичныя и пикантныя мѣста, по которымъ читатель уже въ состояніи будетъ составить себѣ довольно вѣрное и ясное понятіе объ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ нашего перваго историка. Вотъ, напр., какіе совѣты преподаетъ Татищевъ сыну насчетъ женитьбы:

Во 1-хъ, онъ совѣтуетъ ему жениться не ранѣе 30 лѣтъ, а до того времени непремѣнно служить; во 2-хъ, совѣтуетъ искать въ супружествѣ не богатства, когда богатство ужъ есть свое, а жены— «съ кѣмъ бы можно въ веселіи вѣкъ свой препроводить»—и связей, потому что хорошіе свойственники лучше хорошаго приданаго; затѣмъ Василій Никитичъ говоритъ:

«Изъ подлости взятыя жены, хотя бываютъ довольны милы и честнаго житія, но ихъ родственники за подлость непріятны, зазрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы оныя достаточны не были: честные дворяне великое отвращеніе отъ нихъ имѣютъ. Хотя отцы ихъ, по своему природному коварству, иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ, однакожъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище (**)».

(**) Тамъ же, с. 214.

(*) В. Н. Татищевъ и его время, с. 207.

Въ словахъ этихъ такъ и слышенъ русскій баринъ, совершенно серьёзно полагающій, что одно лишь столбовое дворянство даетъ право на наименованіе человѣка,—и Татищевъ быстро и низко падаетъ въ глазахъ читателя; но пусть читатель перевернетъ только двѣ страницы въ книгѣ г. Нила Попова, и Василій Никитичъ явится передъ нами въ иномъ видѣ. «Не предай немощнаго въ руки сильному, говоритъ онъ тутъ своему сыну, разсуждая съ нимъ о гражданской службѣ:—никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкій, кто бы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва имѣлъ ли кто; однакожъ, невзирая на то, елико можно прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить, и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь. А притомъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчикамъ въ честь показываться, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ: и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить. Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лично въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались, и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы. Наипаче всего хранися секретарей и подъячихъ, подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствомъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай, и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили и не ввергнули бъ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ мол-

чании и спроси другихъ посторонпихъ, или тоже самое, только инымъ порядкомъ, сдѣлай, или вели что пополнить до пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ ложью распознать: изъ нихъ рѣдкій, чтобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастіе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разбирать по законамъ не можетъ. Соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то не одного изъ людей, искусныхъ въ знаніи законовъ, въ совѣтъ призвать должно, токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всѣмъ извѣстное. Когда жъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будешь добродѣтели наполненной, неалчной и справедливой человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отмѣннымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ. Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстной, сребролюбивой и коварной, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно сначала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обмануть быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ высшемъ судѣ жаловаться, елико возможно, удерживаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеваніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, наединѣ, или, когда безстыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай: а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать—не очень прилично; лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать (*)».

Также умны и хороши разсужденія Татищева о придворной службѣ. «Петръ Великій, говоритъ онъ:—который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оные весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было. Нынѣ же оные рангами, жалованьемъ и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы; то я, взирая на ихъ строптивое житье и обхожденіе, никогда бъ тебѣ оного искать

(*) Тамъ же, с. 219—221.

несовѣтовалъ: понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едва ли не все вмѣсто добродѣтели происходитъ; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, не смотря на то, что губятъ невинныхъ, сами вскорѣ судомъ Божескимъ погибнутъ. Но сіе не мни, чтобъ генерально и они сіи злодѣянія за добродѣтели почитали; но суть нѣкоторые того неистовства сущіе злодѣи. А если не сильны, то и политикѣ придворной не прилѣпляются; однакожъ отъ другихъ терпѣть посмѣяніе принуждены бываютъ (*)».

Столь же умный, дѣльный и просвѣщенный взглядъ высказывается Татищивымъ въ разсужденіяхъ о вліяніи на крестьянъ хорошихъ деревенскихъ священниковъ и о необходимости учить крестьянъ грамотѣ. Въ этомъ отношеніи онъ опередилъ даже нѣкоторыхъ современныхъ намъ писателей, которымъ въ лѣто по Р. Х. 1859, (если мы не ошибаемся,—къ этому году принадлежитъ знаменитая полемика г. Даля съ г. Карновичемъ) надобно было доказывать, какъ малымъ дѣтямъ, что грамотность совсѣмъ не то, что пьянство, развратъ, воровство и тому подобныя прелести. «Понвящшій пунктъ учить грамотѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человѣкомъ и различить себя отъ скота,» говоритъ Татящевъ—и вдругъ, черезъ двѣ страницы послѣ этихъ прекрасныхъ словъ, становится снова подъ знамя «Домостроя» совѣтуя нерадивыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей «наказывать за вину нещадно» на томъ основаніи, что «одна милость безъ наказанія быть не можетъ, по закону Божію (**)».

И въ такомъ родѣ все завѣщаніе, и такимъ образомъ уживались въ одномъ и томъ же человѣкѣ просвѣщенныя воззрѣнія и понятія, пріобрѣтенныя на европейскомъ западѣ, съ дикими воззрѣніями и понятіями, завѣщанными невѣжественною старою Русью; а отсюда выходилъ тотъ страшный разладъ слова съ дѣломъ, при которомъ зачастую гуманныя и сладкозвучныя рѣчи говорились подъ страшный акомпаниментъ воплей и криковъ безчеловѣчно истязуемой жертвы, а преисполненные самыхъ благихъ и филантропическихъ тенденцій проекты писались тою же самою рукою, которая только что передъ тѣмъ раздробила нѣсколько челюстей, своротила нѣсколько скулъ, вырвала

(*) Тамъ же, с. 222.
(**) Тамъ же, с. 231.

нѣсколько «подлыхъ» бородъ. Такія явленія были очень нерадостны, такіе *прогрессивные* герои были еще очень далеки отъ идеаловъ; но хорошее въ нихъ все-таки перевѣшивало дурное, и уже это одно самымъ неопровержимымъ образомъ говорило въ пользу новыхъ началъ, запавшихъ въ русскія головы на чужеземной почвѣ. Если же, сверхъ того, сравнить дѣла и подвиги, совершенные питомцами и сподвижниками Петра Великаго, съ дѣлами и подвигами, совершенными героями добраго стараго времени; если сопоставить, напр., дѣятельность одного Татищева дѣятельности цѣлаго десятка бородатыхъ бояръ и воеводъ нашего ветхаго завѣта, то громадное значеніе петровской реформы предстанетъ разомъ во всемъ своемъ величіи предъ самымъ близорукимъ глазомъ, и ужъ тогда развѣ только какой нибудь совсѣмъ отупѣвшій старовѣръ рѣшится по прежнему и съ прежнимъ азартомъ тянуть глупую пѣсню:

Вы послушайте, ребята,
Какъ живали въ старину.
. . . .
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!..

І. Шишкинъ.

ЛОЖНЫЯ И ОТРЕЧЕННЫЯ КНИГИ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

Объясненія къ «памятникамъ древней русской литературы», вып. 3.

I.

Наша старина много разъ возбуждала ожесточенные споры въ литературѣ. Споры эти бывали иногда забавны, часто происходили они изъ-за вещей неважныхъ, но имъ случалось имѣть и серьезный смыслъ.

Такова была, напримѣръ, полемика временъ Каченовскаго: преувеличенный скептицизмъ его школы былъ при всѣхъ излишествахъ своихъ полезнымъ отвѣтомъ на сентиментально-патріотическія преувеличенія Карамзина и его почитателей. Послѣ Каченовскаго, русская старина сама стала предметомъ горячихъ споровъ въ то время, когда оказывались первыя попытки славянофильства. На этотъ разъ споры были серьезнѣе, т. е. по крайней мѣрѣ серьезнѣе была ихъ тема: двѣ стороны не сходились въ пониманіи внутреннихъ принциповъ русскаго характера, русской жизни и исторіи. Разница была уже такъ сильна, что партіи обозначались рѣзко: одни прослыли славянофилами, другимъ дали наименованіе западниковъ. Характеръ мнѣній обѣихъ сторонъ достаточно извѣстенъ, и мы не имѣемъ нужды на немъ останавливаться. Послѣ споровъ Москвитянина, Шевырева, Хомякова, Кирѣевскаго и др. съ Бѣлинскимъ и его друзьями, полемика о старинѣ затихла на время по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, и когда, послѣ извѣстнаго промежутка, въ литературѣ снова оживились интересы, многіе благодушные люди объявили, что дѣло уже рѣшено (кто и когда рѣшилъ его, они не говорили), что въ наше время не существуетъ ни славянофиловъ, ни западниковъ, что всѣ мы сошлись въ принципѣ, всѣ признали великое значеніе народности и народа, всѣ соглашаемся въ важности ихъ изученія и т. д.

На первое время это имѣло нѣкоторую тѣнь вѣроятности. Обѣ стороны дѣйствительно говорили объ «историческомъ изученіи», о народѣ, интересовались новыми изслѣдованіями о его прошедшемъ и настоящемъ, взаимно одобряли другъ въ другѣ эту симпатію. Но такъ шло не долго. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчь и объясненій теперь становится ясно, что старинное разногласіе не кончилось, что, напротивъ, оно еще болѣе переходитъ въ противорѣчіе, осязательное для каждаго. Возродившіеся славянофилы по прежнему корятъ своихъ противниковъ за отрицаніе народныхъ началъ, опять нападаютъ на петровскую реформу, и теперь доводятъ свою послѣдовательность до того, что въ своихъ взглядахъ не задумываются продолжать систему московскаго царства XVII столѣтія... Люди, болѣе наивные, думавшіе прежде, что всѣ разногласія порѣшены, ждутъ теперь успѣха отъ такъ называемаго «примирительнаго» направленія, не сознавая хорошенько, соединимы-ли тѣ вещи, которыя они собираются примирять.

Изученіе памятниковъ старины между тѣмъ подвинулось впередъ, и къ прежнему запасу полемическихъ матеріаловъ прибавились новые

положенія, найденныя изыскателями старины. Новые спеціалисты съ обыкновеннымъ увлеченіемъ, свойственнымъ первому знакомству, восхищались глубокимъ значеніемъ произведеній старой поэзіи и отыскивали въ нихъ апокалиптически скрытый смыслъ народности.

Эти изыскатели—сначала вовсе не славянофилы — кончили теоріей чисто славянофильской: они превознесли древнюю литературу, какъ совершенно народную (будто бы), вполнѣ проникнутую народными воззрѣніями, и осудили новую, начавшуюся съ Кантемира и Ломоносова, оставившую національное начало и вводившую къ намъ иноземныя формы и идеи, для насъ по ихъ мнѣнію совершенно не нужныя. Древній эпосъ сталъ для нихъ высокимъ идеаломъ національной поэзіи; они съ такимъ увлеченіемъ отдались этому идеалу, что еслибы кто намекнулъ имъ, что эта поэзія можетъ отжить свое время, что въ другія эпохи народу бываетъ нужно новое развитіе, хотя бы въ ущербъ поэтической старинѣ, что ему полезнѣе теперь другія книги, чѣмъ тѣ, которыя воспитывали его въ XVII столѣтіи; такой человѣкъ прослыветъ у нихъ злостнымъ гонителемъ народной свободы.

Школа эта преимущественно эстетическая. Повидимому она стоитъ на самыхъ народныхъ началахъ, какія теперь въ ходу въ жизни и стремленіяхъ литературы; она защищаетъ народъ, требуетъ вниманія къ идеямъ, имъ самимъ выработаннымъ,—но въ сущности она руководится одними эстетическими соображеніями. Въ старинномъ памятникѣ она отыскиваетъ прежде всего поэтическій образъ, возстановляетъ его по собственнымъ догадкамъ тамъ, гдѣ онъ у самого народа неясенъ или забытъ и, мало заботясь о томъ, какую дѣйствительность изображаетъ памятникъ, видитъ въ немъ послѣднее слово народности. Старина, окрашенная такими поэтическими вольностями, получаетъ самую привлекательную физіономію. Такимъ образомъ составлялись совершенно особенные взгляды на старинную жизнь; эстетическая школа идеализировала старинную литературу, другіе идеализируютъ расколъ, третьи—московское царство и т. д. Люди «примирительнаго» направленія иногда разбирали, иногда не могли разобрать въ чемъ дѣло, и вмѣстѣ съ эстетическими славянофилами упрекали въ легкомысліи тѣхъ, кто не признаетъ этихъ идеализацій за чистую дѣйствительность. Случались примѣры, что даже люди, въ сущности не причастные къ школѣ, поддавались на это украшеніе старины и народности и повторяли старыя обвиненія во вкусѣ Хомякова и К. Аксакова противъ мнимыхъ поклонниковъ запада, и поощряя народность «Русской

Бесѣды» (или нынѣшняго «Дня») предавали осужденію ложную «народность Евгенія Онѣгина» (?).

Такимъ образомъ споръ начинался снова, въ размѣрахъ еще болѣе обширныхъ чѣмъ прежде. Онъ продолжается и до настоящей минуты, и не заслуживалъ бы большаго вниманія, еслибы дѣло шло только о восхищеніи стариной,—но на этихъ идеально-археологическихъ основаніяхъ строятся примѣненія къ настоящему: результаты выходятъ еще менѣе удовлетворительные. Еслибы имъ пришлось найти дѣйствительное примѣненіе въ жизни, они способны дойти до положительнаго обскурантизма. Начинаютъ, положимъ, говорить о грамотности—археологи выставляютъ образецъ ея въ древней Руси или въ современной раскольничьей грамотности; идетъ дѣло о книгахъ для народа—они превозносятъ старинные сборники, цвѣтники, травники и т. п.; въ вопросѣ политическомъ они проповѣдуютъ теорію дьяковъ посольскаго приказа; вспоминается вопросъ историческій о кормленіи, правежахъ, розгѣ, они доказываютъ, что кормленіе и правежъ были въ сущности хорошее дѣло, и находили, что розги полезно было бы сохранить для мужика и въ настоящее время... Все это открыто печатается и говорится славянофилами или похожей на нихъ школой идеалистовъ археологіи.

Подобнымъ толкованіямъ подвергается и старинная литература. Мы упоминали о томъ, какъ приверженцы старины извлекали изъ нея послѣднее слово подлинной русской народности, еще не испорченной западомъ и новой литературой. Старинныя повѣрья, сказанья и легенды, словомъ вся обширная область народныхъ вѣрованій, обратили на себя ихъ особенное вниманіе; многое изъ этой старины сохранилось до сихъ поръ въ народномъ преданьи, и это еще болѣе убѣждало нашихъ изыскателей, что именно здѣсь и должно искать настоящихъ выраженій народнаго пониманія. Не довольствуясь видѣть ихъ въ прошедшемъ, они утверждаютъ, что подобныя представленія народа и теперь имѣютъ неприкосновенное право на существованіе, но что спорить противъ этого было бы посягательствомъ на народную личность. Защитники старины, а за ними и люди «примирительнаго» направленія иногда совершенно серьезно говорятъ о такомъ неуваженіи къ правамъ народной мысли, какъ будто эти права заключаются въ томъ, чтобы думать, что земля стоитъ на трехъ китахъ, и что громъ бываетъ отъ того, что Илья пророкъ ѣздитъ по небу въ огненной колесницѣ... Когда имъ говорятъ о предразсудкѣ, который можетъ быть вреденъ,

они кричатъ о нетерпимости, чуть не о предательствѣ. Въ тоже самое время они говорятъ однако объ общественномъ развитіи, о требованіяхъ времени, не понимая того, что все это до тѣхъ поръ не возможно, пока они будутъ сберегать народу его старыя понятія. Можно бы, пожалуй, согласиться на сбереженіе такихъ идей, какъ идеи о трехъ китахъ и огненной колесницѣ, но къ сожалѣнію предразсудки крѣпко цѣпляются другъ за другъ, и не разъяснивши понятій народа объ одномъ предметѣ, невозможно убѣдить его въ другомъ; съ предразсудками миѳологическими, которыми такъ изобилуетъ нашъ народъ, идутъ рядомъ его предразсудки общественные и прочіе.

Мы считали нужнымъ упомянуть объ этихъ толкахъ потому, что изданныя нами «ложныя и отреченныя книги» нашей старины принадлежатъ къ числу такихъ ея памятниковъ, которые въ свое время имѣли сильное участіе въ образованіи народныхъ понятій и часто сохраняютъ до сихъ поръ свой авторитетъ въ массѣ, особенно раскольничьей. «Ложныя книги» также относятся къ той области вѣрованій древней Руси, которая, какъ мы замѣтили, возбудила теперь такой интересъ въ нашихъ археологахъ, и эстетическая школа нашла уже въ нихъ пищу для своихъ умозрѣній. Но можно взглянуть на нихъ и съ другой стороны: объясняя содержаніе «ложныхъ книгъ», мы нерѣдко будемъ встрѣчаться съ суевѣрными представленіями, имѣющими до сихъ поръ живую силу въ народѣ, и увидимъ иногда источникъ тѣхъ вѣрованій, которыя выдаютъ намъ за исконный продуктъ русскаго національнаго мышленія. Мы обращаемъ вниманіе читателя на это начало и распространеніе преданій и суевѣрій въ особенности для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ извѣстныя преданія были въ народѣ чисто историческимъ слѣдствіемъ внѣшнихъ условій и явленій, пріобрѣтеннымъ, а не исконнымъ его добромъ, которое хотя и было въ прошедшемъ важной чертой его характера, но теперь имѣетъ надъ народомъ столько же права, какъ дѣтскія представленія человѣка въ эпоху его зрѣлости. Суевѣрное уваженіе, котораго требуютъ къ этимъ вещамъ мнимые защитники народности, по нашему мнѣнію было бы для народа весьма жалкимъ поощреніемъ. Мы сдѣлаемъ гораздо больше чести народу и выразимъ больше сочувствія къ нему, когда серьезнѣе взглянемъ на тотъ міръ воззрѣній, который выдаютъ намъ за его созданіе и неприкосновенную драгоцѣнность и укажемъ въ немъ все, что намъ кажется фальшивымъ и даже вреднымъ,—укажемъ, не стѣс-

няясь деликатной снисходительностью. Эта излишняя снисходительность слишкомъ отзывается сознаніемъ собственнаго достоинства и похожа на снисходительность къ малолѣтнему, съ которымъ нельзя говорить серьезно.

Именемъ «ложныхъ» и «отреченныхъ» т. е. запрещенныхъ, не указанныхъ книгъ русская старина называла особый разрядъ произведеній, содержаніе которыхъ осуждалось какъ еретическое и вредное. Это общее названіе обнимало много разнообразныхъ памятниковъ, часто не имѣвшихъ между собой ничего общаго и другъ на друга непохожихъ: здѣсь были и такъ называемые «апокрифы»,—недостовѣрныя и непринятыя древней церковью сказанья изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, и легенды, и астрологическія и гадательныя книги, и суевѣрныя сочиненія новѣйшаго времени, наконецъ въ числѣ *книгъ* и нѣкоторые народные обычаи, которыхъ не одобряла церковь и христіанская мораль.

Сначала нѣсколько словъ о значеніи «апокрифа». Въ употребленіи древнихъ писателей церкви и позднѣйшихъ теологовъ этимъ словомъ означаются различные разряды книгъ. Названіе «апокрифической» книги (таинственной, скрытой) прилагалось собственно къ такимъ, которыя не были приняты въ *канонъ*, т. е. въ утвержденный каталогъ священныхъ книгъ, но по мнѣнію древнихъ писателей не заключали съ себѣ лжи, даже могли имѣть божественное вдохновеніе, и потому могли съ осторожностью читаться вѣрующими. Въ этомъ смыслѣ св. Іеронимъ говоритъ, что книги, не находящіяся въ канонѣ, принадлежатъ къ апокрифамъ. Каноны были въ этомъ отношеніи довольно разнообразны: тѣ книги, которыя не были приняты въ первый еврейскій канонъ, были принимаемы въ слѣдующіе; не принятые Евреями, принимались иногда Греками; римская церковь признала каноническое достоинство за другими книгами, которымъ оно прежде не давалось, напр. за книгой Эсѳирь, прор. Варуха, нѣкоторыми главами Даніила, книгой Товіи. Къ апокрифамъ относились и книги, которыя никогда не считались въ канонѣ, но были однако очень древни и заключали много важнаго, напр. молитва Манассіи въ концѣ «Паралипоменъ», третья и четвертая книга Ездры, послѣдніи книги Маккавеевъ. Апокрифическими считались дальше книги, знаменитыя своей древностью, представлявшія въ цѣломъ замѣчательныя пророчества или нравственныя наставленія,

но въ которыхъ находили неодобрительныя ошибки, — каковы были книга Еноха, завѣты патріарховъ; иные считали возможнымъ признавать ихъ каноническими, большей же части они казались сомнительными. Были наконецъ книги, въ апокрифическомъ свойствѣ которыхъ соглашались всѣ писатели церкви, книги, положительно отвергнутыя изъ канона, какъ подложныя, полныя ошибокъ, носящія чужія имена, или составленныя еретиками. Такъ осуждена была цѣлая масса книгъ, ходившихъ въ первые вѣка христіанства подъ именемъ евангелій, напр. евангеліе Петра, Ѳомы, Маркіона, евангеліе о дѣтствѣ Христа, Никодимово и проч.

Оригенъ опредѣлялъ названіемъ апокрифовъ книги Евреевъ, которыя они читали тайно и не давали всей массѣ народа и христіанамъ; причина тайны была въ томъ, чтобы нѣкоторыя ошибки этихъ книгъ не ввели въ заблужденіе неопытныхъ людей изъ народа и не послужили укоромъ со стороны христіанъ. Въ параллель къ этому, у христіанъ многія сочиненія позволялось читать, но съ осторожностью: въ «вопросахъ Іоанна Молчальника», извѣстныхъ въ нашей древней Кормчей, въ такомъ смыслѣ говорится напримѣръ о Климентѣ, которому приписывалось собраніе апостольскихъ заповѣдей, — его можно читать, *но не предъ всѣми, многыхъ ради немощіи, рекше неразумія* (*); старинная статья «о ложныхъ книгахъ» подобнымъ образомъ выражается о житіяхъ Василія Новаго, Нифонта и пр., о которыхъ слѣдуетъ *вѣдущаго вопросити.*

Наши старинныя названія этихъ книгъ—«ложныя», «отреченныя», «съкровныя», «съкровенныя», «лженаписанныя»—были прямымъ переводомъ греческихъ терминовъ (**) Въ образцикахъ нашего старинна-го канона, приводимыхъ нами дальше, читатель также увидитъ разныя степени ложности и запретности книгъ и нѣкоторое колебаніе запрещеній касательно нѣкоторыхъ изъ нихъ: одни прямо отвергались, какъ еретическія; другія, то принимались, то нѣтъ; третьи допускались къ чтенію съ извѣстными предосторожностями. Источникъ этой неопредѣленности былъ, какъ мы увидимъ, отчасти въ томъ, что самыя книги были обоюднаго, сомнительнаго свойства, отчасти въ различіи редакцій канона, которыя перешли къ намъ отъ Грековъ.

Мы впрочемъ не будемъ входить въ теологическій разборъ нашихъ

(*) Кормчая 1284 г. Толст. отд. I, № 311, л. 345.

(**) Въ греч. ἀπόκρυφα, ἀπόρρητα, ψευδεπίγραφα.

старинныхъ индексовъ или указателей истинныхъ и ложныхъ книгъ, и предоставимъ людямъ специальнымъ опредѣлить, правильно или неправильно книги относились въ тотъ или другой разрядъ. Мы будемъ принимать апокрифы въ болѣе общемъ смыслѣ, какъ они принимались у насъ въ старину; въ понятіе «ложной» книги мы отнесемъ нетолько собственные апокрифы въ церковномъ смыслѣ, но и весь тотъ циклъ литературы, въ который, кромѣ позднѣйшихъ народно-поэтическихъ сказаній и суевѣрныхъ миѳовъ религіознаго характера, входило и много произведеній, вовсе не имѣющихъ апокрифическаго характера, не относящихся къ церковной исторіи и вообще къ духовнымъ предметамъ: всѣ эти произведенія считались у насъ одинаково ложными, потому что старинные моралисты видѣли въ нихъ опасное суевѣріе, неодобрительное или даже еретическое легкомысліе и заблужденіе. Старинная статья *о книгахъ истинныхъ и ложныхъ,* заключающая списокъ этихъ книгъ, будетъ занимать насъ не какъ теологическій канонъ, но какъ руководство къ объясненію старинной литературы. Содержаніе ложныхъ книгъ занимательно для насъ главнымъ образомъ въ приложеніи къ народной словесности старой Руси, ея вѣрованьямъ и преданьямъ, — тѣмъ болѣе, что и самые индексы наши, собственно русскихъ редакцій, далеко не имѣютъ исключительнаго теологическаго характера греческихъ индексовъ, служившихъ имъ образцомъ, но сдѣлались, какъ мы замѣчали, просто указателемъ того содержанія народнаго чтенія и преданій, котораго не одобряли церковь и блюстители народной нравственности. Поэтому относительное значеніе древнихъ апокрифическихъ памятниковъ измѣняется для насъ, смотря по тому, имѣли они или нѣтъ извѣстность и авторитетъ въ нашей древней письменности.

Изъ того, что мы говорили до сихъ поръ, можно видѣть, что понятіе апокрифа и въ древнія христіанскія времена, и въ нашей старинѣ было довольно неопредѣленно. Апокрифическіе памятники вызывали у древнихъ писателей весьма различныя сужденія; и въ первое время эти сужденія, быть можетъ, были не такъ строги, какъ впослѣдствіи. Ссылки на древніе еврейскіе апокрифы (напр. на книгу Еноха) находятъ въ посланіяхъ апостола Іуды; древніе писатели иногда отзываются о нихъ очень снисходительно. Впослѣдствіи, при окончательномъ опредѣленіи канона, апокрифы запрещены были соборами, но византійскіе писатели и хронисты, Северіанъ Гавальскій, Меѳодій Патарскій, Михаилъ Глика, Синкеллъ, Малала, и др. полными руками

черпаютъ изъ нихъ изложеніе церковной исторіи и смотрятъ на нихъ какъ на обыкновенное историческое преданіе. Поэтическій колоритъ этихъ книгъ, сложившихся изъ народныхъ преданій, давалъ имъ особенную прелесть въ глазахъ массы, тѣмъ больше, что они встрѣчали снисходительный пріемъ даже у людей съ извѣстной церковной ученостью. Впослѣдствіи они также сильно распространялись въ массѣ, и только тѣ люди, которые считали своей обязанностью блюсти за строгой достовѣрностью церковнаго ученія, продолжали осуждать и предавать проклятіямъ «ложныя» книги, принимавшія на себя чужое имя, наполненныя недостовѣрными сказаньями, дававшія произвольное поэтическое объясненіе строгимъ и отвлеченнымъ догматамъ церкви. Съ точки зрѣнія индексовъ, запрещавшихъ ложныя книги, они были однимъ соблазномъ и внушеніемъ діавола.

Но съ точки зрѣнія исторической въ этихъ книгахъ вовсе не было столько преступнаго и злонамѣреннаго, сколько имъ приписывали. Если книга появлялась съ именемъ знаменитаго и святаго лица, никогда ее не писавшаго, какъ напримѣръ евангеліе Евы, книга Еноха, откровеніе Авраама, евангеліе Ѳомы и т. п., то почти всегда эта манера апокрифическихъ книгъ была чисто-литературнымъ пріемомъ, всегда и вездѣ свойственнымъ миѳу и легендѣ. Къ такому взгляду на апокрифъ уже не разъ приходили ученые толкователи апокрифовъ, даже такіе, которые еще не имѣли яснаго понятія объ ихъ народно-поэтическомъ происхожденіи. «Не было ничего обыкновеннѣе и невиннѣе этихъ сочиненій, названныхъ именами древнихъ писателей, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — нѣтъ ничего страннаго, конечно, если въ позднѣйшіе вѣка они становились предметомъ удивленія, особенно между читателями наивными и безъ критическаго взгляда. Но было бы несправедливо ставить эти книги въ преступленіе ихъ авторамъ, у которыхъ вовсе не было желанія обманывать. Въ такомъ же родѣ написаны были и нѣкоторые изъ памятниковъ классической древности; древніе академики особенно прославились этой манерой: не сердимся же мы на Платона, что онъ позаимствовался именемъ Сократа; не сердимся на Цицерона, что онъ воспользовался Катоновымъ именемъ», и проч. (*). Дѣйствительно, въ этихъ книгахъ съ именами Евы, Авраама, Еноха и т. д., часто было столько же наивной

(*) *Migne*, Dictionnaire des apocryphes (въ Encycl. Théologique), Paris 1856—1858. 1, стр. 695. Объ апокриф. евангеліяхъ. См. статью въ Mystagogos, — Neue Folge. Hamburg, 1860 «Sagenkreise der Evangelienerzählung».

безсознательности, сколько въ нашихъ «словахъ», которыя у нашихъ старинныхъ громотѣевъ безъ дальнѣйшей критики надписывались «отъ св. Апостолъ», «отъ Златоуста» и т. п. Обманъ тѣмъ менѣе былъ возможенъ, что многія изъ подобныхъ книгъ вовсе не бывали сочиненіемъ какого нибудь одного писателя, а только повтореніемъ общеизвѣстнаго народнаго миѳа: таковы напр. еврейскіе апокрифы объ Адамѣ, патріархахъ, Соломонѣ,—гдѣ отдѣльной личности автора принадлежитъ только редакція содержанія, созданнаго вовсе не имъ, а цѣлой массой народа. Тѣмъ же путемъ народнаго миѳа составилось и много апокрифическихъ книгъ изъ новозавѣтной исторіи, апокрифическія евангелія, легенды о Спасителѣ, Богородицѣ, апостолахъ и святыхъ. Въ нихъ точно также гораздо естественнѣе предположить простодушное убѣжденіе и предразсудокъ, чѣмъ намѣренное искаженіе истины и обманъ. Древніе церковные писатели, для которыхъ уже не ясно было происхожденіе апокрифовъ, въ составленіи ложныхъ книгъ упрекали часто еретиковъ—это бывало, конечно, когда сами еретики излагали свое ученіе; но съ апокрифами бывало обыкновенно иначе. Еретики брали уже готовую книгу, такъ что нерѣдко не книга шла отъ ереси, а ересь отъ книги. Еретики давали только особенное значеніе извѣстнымъ апокрифамъ, въ которыхъ находили поддержку своимъ идеямъ; такъ Сѳояне дорожили откровеніемъ Авраама, секта Архонтиковъ—книгой Еноха, Катары и Богумилы—пророчествами Исаіи и апокрифическимъ откровеніемъ Іоанна и т. п. Дѣлаясь книгой еретической, апокрифъ окончательно терялъ добрую славу и предавался проклятію.

Апокрифическія книги мало, слѣдовательно, отличаются по своему происхожденію отъ обыкновенной легенды; онѣ запрещались только потому, что въ нихъ раньше замѣчено было противорѣчіе съ вѣроятностями исторіи, и что онѣ касались слишкомъ извѣстныхъ религіозныхъ личностей. Впослѣдствіи въ разрядъ апокрифовъ относимы были и нѣкоторыя житія святыхъ, наприм. мученика Никиты, Георгія и др. Иногда случалось, что святой имѣетъ два различныя житія, напр. Ѳедоръ Тиронъ; тогда одно считалось истиннымъ, а другое ложнымъ; но это различіе мало наблюдалось читателями, и ложныя житія пользовались большой извѣстностью и попадали даже въ церковные сборники подобнаго содержанія. Въ нашемъ циклѣ ложныхъ книгъ заключались дальше и другія произведенія, въ которыхъ, кромѣ сказочнаго интереса было и положительное вмѣшательство въ область религіознаго

ученія и житейской нравственности, и въ которыхъ недаромъ старинные моралисты видѣли «пагубу душамъ». Это были произведенія, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ еретическія, по крайней мѣрѣ противныя здравому пониманію религіи, а иногда и здравому смыслу, произведенія въ родѣ «вопросовъ» Іоанна Богослова къ Аврааму и къ Спасителю о будущей жизни; разныхъ чудесныхъ «хожденій» и «видѣній»; въ родѣ «епистоліи о недѣлѣ», которая подъ страхомъ адскихъ мукъ запрещала что нибудь дѣлать въ воскресенье; «обрѣтенія о пятницахъ» подобнаго же содержанія, наконецъ въ родѣ до сихъ поръ извѣстнаго «сна Богородицы», одно чтеніе котораго, безъ всякихъ другихъ заботъ, способно доставить царство небесное, спасти отъ пожара и напрасной смерти и т. п. Наконецъ былъ еще разрядъ книгъ, которыя не относились прямо къ дѣлу вѣры и уже позднѣе были внесены въ индексы—разнаго рода гадательныя книги, предвѣщанія, снотолкованія, знаменія, примѣты и т. п. Собственно говоря, такія книги вовсе не шли въ разрядъ апокрифовъ, но строгость церковныхъ моралистовъ греческихъ и нашихъ подвергла ихъ тому же неумолимому осужденію.

Объемъ старинной литературы, считавшейся въ старину ложною, мы знаемъ по одному памятнику, извѣстному подъ именемъ статьи *о книгахъ истинныхъ и ложныхъ* и очень распространенному въ старыхъ рукописяхъ. Большинство списковъ этого индекса относится къ XVI—XVII столѣтіямъ, безъ сомнѣнія потому, что къ этому же періоду относится и наибольшее распространеніе самыхъ ложныхъ книгъ и вліяніе ихъ въ народѣ. Въ 1644 г. статью о ложныхъ книгахъ, сочли даже нужнымъ напечатать въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это было время религіознаго броженія и раскола, когда въ массѣ явилось стремленіе къ собственному изслѣдованію, и ложныя книги находили полную вѣру въ наивныхъ людяхъ, понятія которыхъ были не выше ихъ наивнаго содержанія. Съ XVII вѣка, съ началомъ раскола, ложныя книги дѣйствительно стали мало по малу переходить въ раскольничью половину народа, и сдѣлались наконецъ почти исключительнымъ ея достояніемъ. Въ остальной массѣ онѣ почти забыты, но ихъ спасла раскольничья грамотность; раскольники продолжали списывать книги, занимавшія ихъ предшественниковъ XVII вѣка. Одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ ложной литературы, котораго намъ не удавалось найти въ старинныхъ сборникахъ, мы встрѣтили со всѣми аттрибутами старины въ свѣжей раскольничьей рукописи но-

вѣйшаго издѣлія. На этомъ основаніи у насъ приписывали иногда ложныя книги самимъ раскольникамъ, какъ ихъ произведеніе; ясно, что это совершенно несправедливо, потому что ложныя книги существовали гораздо раньше раскола. Мы видѣли, что точно также въ древности приписывали еретикамъ составленіе апокрифовъ.

Чтобы представить читателю обзоръ того, что русская старина находила ложнымъ и отреченнымъ, и отъ чего она хотѣла предохранить вѣрующихъ, мы считаемъ за лучшее привести самую статью о ложныхъ книгахъ и исчислить ихъ въ той формѣ, въ какой они запрещались въ старину. Самая статья имѣетъ любопытныя свойства. Она извѣстна въ старыхъ рукописяхъ въ большомъ количествѣ варіантовъ—признакъ долговременнаго ея употребленія,—но въ главномъ эти списки сходны. Въ самомъ началѣ она произноситъ осужденіе и проклятіе противъ почитающихъ ложныя книги, какъ святыя, и сперва пересчитываетъ книги *истинныя*, изъ которыхъ долженъ поучаться православный христіанинъ, а потомъ въ длинномъ перечнѣ указываетъ названія *ложныхъ* книгъ, приводящихъ человѣка «къ бѣсамъ въ пагубу». Одинъ изъ наиболѣе полныхъ перечней находится въ Соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка, откуда мы приводимъ его, исправляя только ошибки писца: по самымъ названіямъ книгъ читатель увидитъ сказочный и миѳическій характеръ ложной литературы.

«Составленіи мірстіи псалмы: «грядите, вси вѣрніи», другое, «грядите, кресту твоему водружденшуся на земли». Адамъ; о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси, и написалъ 300 книгъ; Ламеховы книги, Патріарси, Сиѳова молитва, Адамль завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеѳь, Елдадъ, Молдадъ, Соломони псалмы, Ильино обавленіе, Исаино обавленіе, Іаковля повѣсти. Апостольстіи обходи, что приходили къ граду обрѣтоша человѣка орюща волы, и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу. Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, евангеліе отъ Варнавы, евангеліе отъ Ѳомы, и о Рахманехъ. Зосимово хоженіе; Паралипомены,—что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Еремію пророку.

«Суть же и ина многа отъ лжесловесникъ сложена, еже есть сіе: Ивана Богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши, праведный Иване. Варѳоломѣевы въспросы къ Богородицы, како роди Христа; Епистолія о недѣлѣ. О древѣ крестнемъ лжею списано: что Христа въ попы ставили и что Христосъ плугомъ оралъ, еже Еремія попъ болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ на Верзіуловѣ колу. Петрово житіе въ пустыни 32 лѣта, и хоженіе Петрово по вознесеніи Господни; что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратига Михаила

крести, и что рыбы по суху ходили. Дѣтьство Христово; хожденіе Богородицы по мукамъ; о Адамовѣ лбѣ, что седмь царевъ въ немъ сидѣло. Павлово хожденіе по мукамъ; имена ангеловъ; о службѣ таинъ Христовъ, что опоздятъ служити обѣдню, врата небесныя затворяются и ангели попа клянутъ; и еже съ Христомъ діаволе прѣніе. О пустынницѣ, о Макаріѣ Римстѣмъ, что три черньци нашли его, что двадесять поприщъ отъ него рай. О Соломонѣ цари и о Китоврасѣ притчи, басни и кощуны: не бывалъ Китоврасъ на земли, но еллиньстіи философи ввели. Авгарево посланіе на шеи носятъ неразумніи; о двоюнадесяти Іаковличахъ, глаголемая лѣствица.

«Суть же и о мученицѣхъ словеса криво складена, а не тако, яко же истина ихъ писана въ Чтеніяхъ и въ Минѣяхъ и въ пролозѣхъ: Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана царя мученъ; Никитино мученіе, нарицающе его сына Максимъ янова царева, иже бѣ самъ мучилъ,—все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; и Евпагіево мученіе, что седмижды умре и оживе; Климента Анкирьскаго мученіе, и инѣхъ многихъ. Единою убо вси святіи спасени умроша, по многихъ мукахъ, ли мечемъ посѣчени, ли копіемъ прободени, ли ножемъ заклани, ли огнемъ сожжени, ту конецъ пріяша.

«Многая же и иная сложена чтенія ложная: Давидови пѣсни; Софоніино обавленіе, о Василіѣ Кесарійскомъ, и о Иванѣ Златоустѣ, и о Григоріѣ Богословѣ, въспросы и отвѣты, о всемъ лгано, о всей твари чтеніе,—Куръ стоитъ на мори, 300 ангеловъ солнце воротятъ. О двоюнадесяти пятницахъ; споръ Тарасея жидовина съ Елѳеріемъ. Слово Меѳодія епископа Патарійскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запечатани цари Александромъ царемъ Македонскимъ, Гогъ и Магогъ. И Исакъ сонъ видѣ, столпъ посреди двора; архангелъ Михаилъ Аврама возносилъ на небо, и далъ ему видѣти, что дѣютъ, и судилъ имъ: но лгана суть, небывало того.

«И кануновъ много лживыхъ; и молитвы составленыя лживыя отъ трясавицы, Еремія попа болгарскаго басни. Глаголетъ бо окаянный (т. е. Еремія), сѣдящу святому отцу Сисѣнію на горѣ синайстѣй, и видѣ седмь женъ, исходящихъ отъ моря, и ангела Сифаилаименуетъ; и иная изыдоша седмь ангелъ, седмь свѣщь держаще, седмь ножевъ остряще. Карастар (?). 70 имянъ Богу. Все то еретици списали.

«Суть же между божественными писаніи ложная писанія насѣяна отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и діакономъ, льстивые сборники сельскыи, худыи манакануници, по молитвенникомъ у неразсудивыхъ поповъ лживыя молитвы, о трясавицахъ, о нежитѣхъ и недузехъ; и грамоты трясавскыя пишутъ на просфирахъ и на яблоцехъ, болѣсти ради. Все убо то невѣжди дѣютъ, и держатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безумiи гинутъ.

«А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же себе отлучаютъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибаютъ: книга Мартолой, рекше Острологъ, Остронумія, Землемѣрія, Чаровникъ,—въ нихъ же суть 12 вся главизны, стихи двоюнадесяти опрометныхъ лицъ, звѣринъ и птичъ,—еже есть: тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ, и совою; рыщетъ лютымъ звѣремъ

и вепремъ дикимъ и волкомъ; летаетъ зміемъ; рысью и медвѣдемъ. Громникъ, Молнійникъ, Мѣсяцъ окружится, Колядникъ, Метанія, Мысленникъ, Сонникъ, Волхвовникъ, волхвующе птицами и звѣрьми, еже есть се: стѣнотрескъ, ухозвонъ, вранограй, курокликъ, окомигъ, огнь бучитъ, песъ выетъ, мышепискъ, мышь порты изгрызетъ, жаба воркоче, кошка воркоче, мышца подражатъ; сонъ страшенъ; слѣпца стрячетъ (т. е. встрѣтитъ), изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на валъ. Птичникъ—различныхъ птицъ; пчела, рыбы, жолна, волкъ выетъ, гость пріѣдетъ; стѣнощелкъ, полаточникъ, волхвованія различная. Путникъ книга, и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ, и коби всяческая еретическая, о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено; о днехъ о лунныхъ, что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть—еретики писано. А не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама, понеже сотвори Богъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды небесныя, Адама сотвори Богъ въ пятый день. Како хощеши, невѣгласе, въ единъ день рожденіе Адамле съ луною исповѣдати? почто, неразумне, вѣруеши еретическимъ лжамъ, а оставя Божіе писаніе? На лжу убо писаше всю дній луны... Такожъ и прочая коби, еже суть книги еретическая; звѣздочтецъ—звѣздъ, и другой звѣздочтецъ, ему же имя Шестодневецъ (*), въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожденій своихъ, саномъ полученія, урока житія и бѣдныхъ (т. е. бѣдственныхъ) напастей, и различныхъ смертей, и вазней (т. е. удачи) въ службахъ, и въ купляхъ, и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безуміемъ, а оставя Божію помощь и призываютъ бѣсовъ на помощь, а невѣдуще Божіихъ судебъ» (**).

Послѣ этого перечета ложныхъ писаній, статья напоминаетъ обыкновенно правила св. апостоловъ и постановленія соборовъ и кончаетъ угрозой казни и проклятія въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ... «Святые апостолы, говоритъ она, и святые отцы всѣхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, завѣщали намъ почитать святыя книги, спасать ими душу и избавляться вѣчныхъ мукъ, и вѣровать ихъ писанію, и воскресенію мертвыхъ, и чаять страшнаго суда и воздаянія каждому по дѣламъ его, а *отреченныхъ книгъ* заповѣдали бѣгать, какъ Лотъ отъ Содома, и отнюдь въ нихъ не *приницать*, какъ жена Лотова, которая, преступивши заповѣдь ангела, обратилась взглянуть на Содомъ и осталась до нынѣ соляным столбомъ. Такъ и теперь, если кто преступитъ Божію заповѣдь, и начнетъ держать у себя еретическія писанія, врага Божія, и будетъ вѣрить ихъ волхвованію, и тотъ человѣкъ да будетъ проклятъ съ этими еретиками. Если

(*) Такое обыкновенное чтеніе; въ этомъ текстѣ: *Стодневцъ*.
(**) См. Щапова, Расколъ, стр. 449—452.

который отецъ духовный, зная такого между своими сынами, и увѣдавши объ этомъ въ его покаяніи, будетъ потакать ему, принимая его на частое покаяніе безъ епитемьи и церковнаго отлученія, или начнетъ и самъ творить вышеуказанныя еретическія мудрованія, да извергнутъ будетъ изъ своего сана, по правиламъ св. отецъ, и съ тѣми еретиками да будетъ проклятъ, а ложныя писанія да будутъ сожжены на его тѣлѣ. Если же кто не станетъ повиноваться повелѣніямъ святыхъ апостоловъ, которыя передали они вселенскимъ церквамъ, и не будетъ повиноваться великой православной церкви и цареградскому патріарху, и этимъ правиламъ не покорится, или не повѣритъ, или укоритъ, или сочтетъ за ложь,—да будетъ проклятъ».

Такими сильными угрозами обставлено было запрещеніе ложныхъ книгъ. Для точной оцѣнки историческаго и культурнаго значенія этой статьи необходимо замѣтить, что несмотря на упоминаніе чисто русскихъ суевѣрій и обычаевъ, она не была собственно русскимъ произведеніемъ, и не все, о чемъ она упоминаетъ, можетъ найтись въ русскихъ памятникахъ. Чтобы видѣть отношеніе ея къ этимъ послѣднимъ и вѣрно понять самый характеръ и источникъ запрещеній, ее слѣдуетъ прежде всего сравнить съ тѣми произведеніями, которыя были ея оригиналомъ въ византійской литературѣ. Для краткости мы укажемъ только главныя связи, соединяющія нашу статью съ византійскими индексами.

Время перваго появленія нашей статьи хорошенько неизвѣстно; позднее рукописное преданье упоминаетъ, что она находилась въ молитвенникѣ митрополита Кипріана, слѣдовательно, не позже XIV столѣтія. Иные считали ее поэтому сочиненіемъ самого Кипріана, но это сомнительно уже по той одной причинѣ, что значительную часть статьи мы нашли въ рукописи, которая конечно моложе времени митрополита Кипріана. Какъ бы то ни было, наша статья составилась безъ сомнѣнія не вдругъ, и подробному исчисленію ложныхъ книгъ и суевѣрій, какое мы видѣли въ Соловецкомъ спискѣ, предшествовали короткіе индексы. Такіе индексы, византійскаго происхожденія, появились у насъ съ первыми памятниками нашей письменности: подобная статья, съ именемъ Іоанна Богослова, помѣщена уже въ извѣстномъ Святославовомъ изборникѣ; другія статьи того же рода встрѣчаются или отдѣльно въ рукописяхъ, съ именами разныхъ отцовъ церкви (Григорія Богослова, Аѳанасія и др.), или въ ряду церковныхъ постановленій Кормчей, въ книгѣ Никона Черногорца и друг

Эти короткіе индексы сначала перечисляютъ обыкновенно каноническія книги ветхаго и новаго завѣта, потомъ книги не каноническія, которыя не отвергаются однако церковью (какъ премудрость сына Сирахова, книга Товитъ, Юдиоь, Эсфирь); наконецъ собственные апокрифы. Эти индексы соотвѣтствуютъ первой части нашей статьи; наприм. въ Святославовомъ сборникѣ приведенъ слѣдующій списокъ *съкровьныхъ*, т. е. апокрифическихъ книгъ: Адамъ, Енохъ, Ламехъ, Патріарси, молитва Іосифова, Елдадъ, Псалмы Соломоновы, Илiино обавленіе и проч. (*), которыя такимъ же образомъ перечисляются въ нашей Соловецкой редакціи. Ясно, что составитель русскаго позднѣйшаго индекса, называя эти книги, руководствовался не дѣйствительнымъ присутствіемъ ихъ въ нашей литературѣ, а просто руководился византійскимъ источникомъ, въ которомъ нашелъ готовый ихъ списокъ. Отсюда слѣдуетъ также, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ въ нашемъ индексѣ книгъ могли и вовсе не существовать въ русской литературѣ. Мы увидимъ, что такіе случаи дѣйствительно были.

Такимъ образомъ наша статья, во-первыхъ, повторила запрещенія, опредѣленныя еще въ первые вѣка христіанства. Кормчая до конца старой Руси сохранила эти запрещенія и требовала, чтобъ люди, почитавшіе ложныя книги, отлучались отъ церкви, а писанія сжигались на ихъ тѣлѣ.

Идя дальше, мы найдемъ, что наша статья и въ другихъ случаяхъ вѣрно соблюдала наставленія первыхъ временъ. Въ древней Кормчей (**) уже было обращено вниманіе на ложныя «мученическія словеса», т. е. недостовѣрныя, апокрифическія легенды о святыхъ; такія указанія приводятся и въ нашей статьѣ. Запрещеніе астрономіи, Громниковъ и Колядниковъ также было скопировано съ византійскихъ наставленій. Въ рукописяхъ XIV—XVI вѣка мы встрѣчали нѣсколько переводныхъ статей византійскаго происхожденія, въ которыхъ осуждаются слѣдующіе разряды людей: *подрумникъ*, т. е. участвующій въ гипподромахъ, *чародѣецъ*, *наузотворецъ* т. е. человѣкъ, дѣлающій волшебныя повязки и талисманы, дальше *Громникъ* или *Колядникъ-чтецъ*, или *Метанье-имецъ* и т. д. Въ одной Палеѣ XVI столѣтія кромѣ этихъ вещей старинный моралистъ осуждалъ и плесканье руками и пляску, и опровергалъ тѣхъ, кто оправдывался

(*) Греческій подлинникъ описанъ у Монфокона, B—ca Coislin. p. 193—194.

(**) См. вопросы Іоанна Мниха и Молчальника, предложенные на соборѣ патріарху Николаю. Корм. 1284 г.

примѣромъ царя Давида, по писанію скакавшаго и плясавшаго. *Се еретици научиша*, заключаетъ неизвѣстный блюститель нравственности, повторяя старое обличеніе противъ еретиковъ.

Наконецъ статья о ложныхъ книгахъ представляетъ и значительное количество чисто русскихъ указаній. Составитель ея, руководимый византійскими индексами, самъ отыскивалъ въ своей народной жизни и народномъ чтеніи вещи, въ которыхъ видѣлъ еретичество и нарушеніе истинно-православной морали. Дальше мы будемъ еще говорить объ этихъ ложныхъ предметахъ.

Возвращаемся къ общему тону нашей статьи. Какъ мы уже видѣли отчасти, въ немъ несомнѣнно сказывается вліяніе Византіи. Въ этихъ запрещеніяхъ книгъ, суевѣрій, игръ и праздниковъ въ нашу старую Русь, въ полные средніе вѣка, доносились еще отголоски той борьбы, которую вело древнее христіанство съ восточнымъ и античнымъ язычествомъ. Христіанство въ первое время своей жизни сложилось въ тѣсную общину, строго хранившую свои новыя правила и отвергавшую всѣ преданія старой жизни—характеръ быта, нравы, увеселенія, законы и книги. То, что впослѣдствіи уже мало обращаетъ на себя вниманіе, тогда рѣзко бросалось въ глаза, потому что ревнивое по вѣрѣ усердіе, естественно, въ старомъ порядкѣ общества видѣло гибель и служеніе діаволу. Отсюда суровыя запрещенія всего, что напоминало прежнюю жизнь; отсюда строгія наказанія. Какъ въ языческихъ праздникахъ первые христіанскіе учители видѣли настоящее служеніе бѣсу, такъ и въ каждомъ народномъ повѣрьи, шедшемъ изъ старины, они подозрѣвали упрямое язычество и ересь. Въ магіи и гаданьяхъ, которымъ всѣ отъ души вѣрили, также несомнѣвались видѣть бѣсовскую силу: магія подъ страшными угрозами была запрещена, а за ней и все, что на нее походило. Астрологія подвергалась такому же гоненію, даже тогда, когда состояла изъ простыхъ невинныхъ вычисленій. Древняя христіанская община отказывалась и отъ той внѣшней жизни языческаго общества, которая такъ роскошно обставлена была матеріальнымъ богатствомъ, великолѣпными произведеніями искуства и празднествами. Оттого постановленія соборовъ запрещали даже подромы, а съ ними, конечно, и другія удовольствія прежней жизни; для нашихъ правоучителей «конскія уристанія» и тому подобныя невинныя забавы также казались чѣмъ-то страшнымъ; они приняли буквально всѣ визан-

тійскія запрещенія, и когда составлялась статья о ложныхъ книгахъ, они озаботились только не включать въ нее суевѣрій и вещей, въ родѣ ипподрома (имѣвшихъ слишкомъ замѣтную чужую наружность), и нѣсколько пріурочить остальное къ русскимъ нравамъ. Ложныя книги и суевѣрія смѣшивались для нихъ въ одну смутную массу, въ значеніи которой они часто не отдавали себѣ отчета: суевѣрье они запрещали какъ *книгу*, въ книгахъ преслѣдовали и то, чего у насъ никогда не было.

Запрещенія эти въ первый разъ появились, конечно, не въ нашей статьѣ о ложныхъ книгахъ. Вражда къ языческому суевѣрію, народному обряду и поэзіи была однимъ изъ первыхъ результатовъ христіанскаго церковнаго вліянія у насъ, какъ и вездѣ. По первымъ памятникамъ, пришедшимъ къ намъ изъ Византіи, легко прослѣдить въ этомъ случаѣ византійское вліяніе: въ Святославовомъ сборникѣ—конца XI-го вѣка, есть уже греческія статьи, возстававшія противъ язычества и вѣрованій античнаго міра, и наша православная грамотность съ первой поры привыкала смотрѣть тѣми же подозрительными глазами и на свою старину; вычитывая въ византійской книгѣ, что волшебство магіи, гаданье по перстамъ, снотолкованіе были просто языческимъ ученіемъ, пришедшемъ отъ *Халдеевъ*, *Вавилонянъ* и тому подобныхъ отверженныхъ народовъ, она простодушно примѣняла къ своему народу ту же ревнивую нетерпимость, какую находила въ старомъ греческомъ писаніи. Какъ византійскій Грекъ отказывался отъ своихъ знаменитыхъ предковъ–язычниковъ, такъ и у насъ нарицательнымъ именемъ язычества стали *треклятые Еллины*,—оборотъ чисто византійскаго происхожденія. Несторъ уже сильно возстаетъ противъ своей прежней народности и, съ голоса византійскихъ поученій, постоянно заявляетъ свое отвращеніе отъ *бѣсовскихъ* обычаевъ, игрищъ и пѣсенъ. Лѣтописецъ въ сущности какъ будто признаетъ силу стараго языческаго божества или обычая, но только даетъ ей бѣсовское происхожденіе; жрецъ старой религіи является волхвомъ, съ понятіемъ котораго отъ той далекой поры связалась мысль о силѣ злаго волшебства и чародѣйства. Литература, настроенная такимъ образомъ, убѣждалась потомъ собственнымъ опытомъ жизни во вредѣ суевѣрія для распространенія христіанства, — и въ словахъ Серапіона, неизвѣстныхъ «христолюбцевъ» и другихъ «ревнителей по правой вѣрѣ» составилась цѣлая школа противо-языческой пропаганды. Статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ явилась наконецъ какъ руководство, какъ

справочная книга, опредѣлявшая съ одной стороны источники христіанской истины въ каноническихъ писаніяхъ, съ другой—тѣ подводные камни, которыхъ неопытный въ вѣрѣ долженъ остерегаться. Этими подводными камнями были еретическія книги и народныя вѣрованія.

По своему литературному значенію статья о ложныхъ книгахъ должна быть слѣдственно разсматриваема, во-первыхъ, какъ слѣдъ греческихъ индексовъ въ нашей письменности, и какъ произведеніе русское, въ тѣхъ прибавкахъ, которыя сдѣланы по русскимъ правамъ и русскимъ памятникамъ. Въ этомъ смыслѣ она можетъ быть занимательна какъ фактъ изъ исторіи народности; она была однимъ изъ орудій борьбы, которая уже въ то отдаленное время велась одними элементами народности противъ другихъ.

Намъ остается еще вопросъ: въ какой степени эта статья соотвѣтствовала старой нашей письменности; дѣйствительно ли въ нашихъ памятникахъ было все то, что она запрещала? Этотъ вопросъ трудно рѣшить теперь потому, что и до сихъ поръ мы еще не имѣемъ возможности судить о всемъ объемѣ древней русской литературы, и можно легко ошибиться, рѣшая его на основаніи тѣхъ только памятниковъ, какіе извѣстны намъ по настоящее время. Мы приведемъ только общія и приблизительныя указанія.

Мы уже видѣли, съ какой буквальностью наша статья слѣдовала византійскимъ индексамъ. Естественно ожидать, что, переписывая ихъ цѣликомъ, нашъ составитель могъ назвать многое, чего не было вовсе въ русскихъ памятникахъ. Въ самомъ дѣлѣ многія изъ названныхъ книгъ повидимому никогда не существовали у насъ, напр. книга съ именемъ *Адама*, книга *Ламехъ*, *Іосифова молитва*, *Асеневъ*, *Елдадъ и Модадъ*, *Соломоновы псалмы*, *Софоньино обавленіе* (?), *евангеліе отъ Ѳомы* и друг. Многія изъ нихъ давно считаются потерянными и въ самой греческой литературѣ. Другія изъ названныхъ книгъ находились и въ русскихъ памятникахъ, напр. была у насъ книга съ именемъ *Еноха*, были *Патріархи*, т. е. ихъ апокрифическіе завѣты, повѣсть *Іакова*, апостольскіе *обходы*, былъ *Громникъ* и пр. Но это совпаденіе статьи съ памятниками было чисто случайное; названія книгъ опять взяты прямо изъ византійскаго указателя.

Но затѣмъ наша статья запрещаетъ значительное число книгъ, которыхъ нѣтъ въ обыкновенныхъ греческихъ индексахъ и которыя могли быть внесены уже на основаніи русскихъ или старославянскихъ

памятниковъ. Таковы напримѣръ: *сказанье о крестномъ древѣ*, *епистолія о недѣлѣ*, *Адамовъ лобъ*, *хожденіе Богородицы по мукамъ*, *прѣніе діавола со Христомъ*, *басни о Соломонѣ и Китоврасѣ*, *Бесѣда трехъ святителей*, *Посланіе Авгаря*, *Вопросы Варѳоломея къ Богородицѣ*, *апокрифическія житія*, *книга Путникъ*, *Трепетникъ*, *Волховникъ* и т. д. Самыя книги были однако происхожденія почти исключительно византійскаго.

Наконецъ нѣкоторыя изъ запрещеній относились уже прямо къ славянскимъ памятникамъ, и главнымъ образомъ къ такимъ, которые состояли въ связи съ ересью богомиловъ. Эта ересь сильно распространенная въ Болгаріи въ первое время по введеніи тамъ христіанства, по всей вѣроятности имѣла большія филіаціи въ древней Руси, и должна была передать въ нашу письменность много памятниковъ—и этой ереси, и другихъ апокрифовъ, которые имѣли успѣхъ между этими народными еретиками Болгаріи. Впрочемъ очень трудно отличить памятники, пришедшіе къ намъ этимъ путемъ, потому что въ долгій періодъ ихъ обращенія въ народѣ должна была значительно измѣниться ихъ первобытная еретическая физіономія. Таковы были нѣкоторыя сказанья *о крестномъ древѣ*, легенды о томъ, *какъ Христа въ попы ставили*, *какъ Христосъ плугомъ оралъ*, *Вопросы Іоанна Богослова*, преданья *о трясавицахъ*, чародѣйскія заклинанія болѣзней, и др. памятники, иногда положительно носящіе имя богомильскаго ересіарха, попа Іереміи.

Богомильскія книги были безъ сомнѣнія упомянуты уже въ древнѣйшихъ редакціяхъ нашей статьи. Она пополнялась отчасти и въ послѣднемъ періодѣ нашей старой письменности тѣми произведеніями, которыя прежде ускользали отъ вниманія этой цензуры; такъ одна Румянцовская редакція упоминаетъ книгу *Трепетникъ*, которой нѣтъ въ обыкновенныхъ спискахъ ложныхъ книгъ; одна Толстовская называетъ *Рафли*, Соловецкая—*Прѣніе о вѣрѣ*, или споръ жидовина Тарсія съ Елевоеріемъ.

Несмотря однако на замѣтное стараніе о полнотѣ списка, старинные цензоры постоянно пропускали въ немъ много апокрифовъ, которые извѣстны были въ русской письменности: русскій составитель статьи не находилъ ихъ въ греческомъ индексѣ и, оставленный собственному критическому разумѣнію, или забывалъ о нихъ, или вѣрнѣе не умѣлъ отличить истиннаго отъ ложнаго. Замѣчательнѣйшей изъ книгъ этого разряда была весьма извѣстная въ старину

Палея. Такъ назывался одинъ древній памятникъ, греческаго происхожденія, представляющій изложеніе ветхозавѣтной исторіи (*) и за нимъ краткій хронографъ; это изложеніе обильно пересыпано апокрифическими подробностями и цѣлыми сказаньями «отреченнаго» свойства. Несмотря на то, Палея попадала въ нашей статьѣ даже въ число книгъ совершенно *истинныхъ*; старинная цензура, такъ сказать, подкуплена была горячей полемикой Палеи противъ іудейства и защитой христіанскихъ истинъ, и не подумала о томъ, что книга переполнена однако баснословіемъ совершенно ложнымъ. Не говоря объ отдѣльныхъ апокрифическихъ подробностяхъ въ исторіи падшаго ангела Сатанаила, Адама и Евы, Сиѳа, Ламеха, и пр., въ Палею вставлено нѣсколько цѣлыхъ ложныхъ книгъ. Таковы, напримѣръ, *книга Авраама*—апокрифъ, упомянутый въ сочиненіи Епифанія о ересяхъ; *житіе Моисея* полное миѳами, неизвѣстными библіи; сказаніе *о Мельхиседекѣ, о Лотѣ, Авимелехѣ и пророкѣ Іереміи.* Статья о ложныхъ книгахъ замѣтила въ Палеѣ только самые яркіе апокрифы, какъ *завѣты двѣнадцати патріарховъ*, басни *о царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ.*

Точно также не упоминаетъ статья *исповѣданія Евы*, апокрифическаго *евангелія Никодима*, весьма однако извѣстнаго въ старину; не говоритъ обыкновенно и о тѣхъ ложныхъ произведеніяхъ, которыя запрещались въ половинѣ XVI–го вѣка Стоглавомъ, какъ *Рафли, Альманахъ, Аристотелевы врата.* Наконецъ нѣтъ въ ней и тѣхъ, безъ сомнѣнія, старыхъ памятниковъ суевѣрія, которые до сихъ поръ извѣстны подъ именемъ *сна Богородицы, Свитка божественныхъ книгъ.*

Въ другихъ случаяхъ, разные списки нашей статьи противорѣчатъ другъ другу; если представлялась книга сомнительнаго значенія, ее относили то къ истиннымъ, то къ ложнымъ книгамъ. Такъ было, напримѣръ, съ нѣкоторыми памятниками византійской мистики, напр., съ житіемъ *Василія Новаго, Нифонта, Андрея Юродиваго*, писаньями *Меѳодія Патарскаго.* Одни прельщались ихъ занимательными чудесами, другіе смотрѣли съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ на ихъ фантастическіе разсказы и совѣтовали осторожность съ такими писаніями.

Вопросъ о *времени появленія* разныхъ апокрифовъ въ нашей письменности опять представляетъ очень много трудностей; свидѣ—

(*) Откуда его названіе и *ἡ παλαιά* т. е. *διαθήκη* или *ἱστορία*.

тельства самой статьи слишкомъ неопредѣленны и изъ нихъ можно извлечь очень немного для этого предмета. Также мало данныхъ представляютъ большею частію и самые памятники. До сихъ поръ значительная часть ихъ извѣстна въ однихъ новыхъ спискахъ, особенно спискахъ XVII-го столѣтія, и хотя во многихъ случаяхъ съ перваго взгляда видно, что памятникъ несравненно древнѣе этого списка, но какъ далеко въ древность относится его первое появленіе, остается нерѣшеннымъ до открытія другихъ, болѣе старыхъ редакцій. Опредѣленіе эпохи появленія ложныхъ книгъ очень важно однако въ томъ отношеніи, что въ этой литературѣ баснословныхъ и фантастическихъ преданій было много такого, что сильно дѣйствовало встарину на понятія народа; отголоски ложныхъ книгъ и суевѣрій, зашедшихъ къ намъ въ отдаленную эпоху изъ чужихъ источниковъ, до сихъ поръ живы въ разныхъ слояхъ народа; они издавна имѣютъ свою значительную долю участія въ тѣхъ странныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и повѣрьяхъ, какихъ еще много остается между начетчиками и грамотниками на старинный ладъ. Такимъ обр зомъ, хронологія ложныхъ книгъ, во многихъ случаяхъ, опредѣлила бы начало извѣстнаго народнаго убѣжденія; указывая источникъ и первое обнаруженіе этихъ внутреннихъ фактовъ народности, мы въ состояніи будемъ опредѣлить и тѣ ступени, которыя проходило это внутреннее развитіе народа: до сихъ поръ еще его пер оды смѣшиваются для насъ въ безразличное цѣлое, и особенныя черты разныхъ періодовъ часто, на перекоръ историческимъ фактамъ, выдаются за исконную и всегдашнюю черту народности.

Первые апокрифы нашей литературы почти современны древнѣйшимъ ея памятникамъ. Такова была упомянутая нами прежде *Палея*, уже знакомая Нестору: изъ нея заимствовалъ онъ тотъ разсказъ ветхозавѣтной исторіи, который онъ передаетъ отъ лица греческаго философа, приходившаго къ князю Владиміру. Черезъ Палею у насъ, по крайней мѣрѣ въ XI-мъ столѣтіи, если не раньше, были уже извѣстны апокрифическія книги изъ ветхозавѣтной исторіи. Въ другомъ памятникѣ XI вѣка, такъ-называемомъ Изборникѣ Святослава, также есть ложная статья *о добрыхъ и злыхъ* дняхъ и не упомянутое въ спискѣ ложныхъ книгъ апокрифическое сказаніе Епифанія о *пророкахъ*. Далѣе лѣтописецъ подъ 1096 годомъ приводитъ уже изъ *Меѳодія Патарскаго* сказаніе о «невѣрныхъ языкахъ» Гогѣ и Магогѣ, заключенныхъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ, откуда

выйдутъ они передъ концомъ міра. Несторъ, безъ сомнѣнія, вѣрилъ этому сказанію и потому, конечно, не считалъ его ложнымъ; впослѣдствіи статья о ложныхъ книгахъ предостерегала объ этомъ сказаніи, которое при всемъ томъ осталось и до сей поры въ памяти народа.

Въ рукописи Троицкой Лавры, относящейся къ XII столѣтію, находится *хожденіе Богородицы по мукамъ*, запрещенное статьей и имѣвшее успѣхъ и потомъ въ народной письменности.

Къ XIII столѣтію относится апокрифическое сказаніе о *св. Агапіи*, видѣвшемъ рай; сказаніе *Афродитіана* о рождествѣ Іисуса Христа, очень извѣстное и впослѣдствіи вызывавшее обличенія Максима Грека. Житіе св. Авраамія смоленскаго, относимое къ XIII вѣку, упоминаетъ о какихъ-то *глубинныхъ книгахъ* (можетъ быть Голубиной книгѣ), безъ сомнѣнія также ложныхъ, потому что чтеніе выставляется какъ дѣло неодобрительное.

Къ XIV–XV столѣтію принадлежитъ рукопись сказанія о пустынникѣ *Макаріи римскомъ*, котораго три черница-странника нашли въ двадцати поприщахъ отъ рая (паис. сборн.); еще раньше оно извѣстно было Новгородскому архіепископу Василію, который упоминаетъ о немъ въ посланіи своемъ о земномъ раѣ. Въ томъ же паисіевскомъ сборникѣ находятся *Варѳоломѣевы вопросы* къ Богородицѣ о томъ, какъ она родила Христа.

Въ Румянцовской рукописи 1419 года находится сказаніе *о крестномъ древѣ* и апокрифическое *Хожденіе Іоанна Богослова*, приписываемое ученику его Прохору. Въ сборникѣ XV вѣка, публ. библіотеки, запрещенная статья о лунномъ теченіи, *о добрыхъ и злыхъ дняхъ*. Въ рукописяхъ этого времени извѣстно и сказаніе объ Іисусѣ Христѣ, которому даютъ имъ *первоевангеліе Іакова* (Румянц.).

Въ спискахъ XV–XVI извѣстно до сихъ поръ *исповѣданіе Евы* и апокрифическій разсказъ о смерти Адама; *посланіе Пилата къ* Тиверію, относящееся къ апокрифическому евангелію Никодима въ спискѣ 1523 г. находится ложное «чюдо святаго Николы *о Синагрини цари*»; въ Румянцовскихъ сборникахъ XVI вѣка апокрифическія житія *Ѳеодора Тирона* и мученика *Никиты*, и *вопросы Іоанна Богослова къ Аврааму*, и т. д.

Большая часть названныхъ здѣсь памятниковъ гораздо древнѣе, чѣмъ списки, въ которыхъ они сохранились. Основнымъ источникомъ нашихъ апокрифовъ была Византія; многіе изъ нихъ пришли къ намъ

уже готовые изъ Сербіи и Болгаріи, которымъ вообще принадлежитъ первенство въ развитіи старо-славянской литературы. Такъ изъ южнославянскихъ источниковъ произошли Палея и ея апокрифы, сказанье о Макаріи римскомъ, Громовникъ, вѣроятно хожденіе Богородицы и другія древнѣйшія ложныя книги. Южное происхожденіе, если оно доказано въ памятникѣ, само по себѣ указываетъ на далекую древность его, потому что появленіе южнославянскихъ редакцій и переходъ ихъ къ намъ возможны были только тогда, когда эти Славяне имѣли еще политическую и литературную самобытность и прочныя сношенія съ сосѣдней Русью. Упадокъ національной свободы, нашествія татарскія на Русь и Турецкія на южныхъ Славянъ должны были затруднять и наконецъ почти совсѣмъ разорвать эти сношенія. Къ этой древней эпохѣ литературныхъ связей съ южными Славянами относятся и упомянутыя нами болгарскія произведенія попа Іереміи, принадлежащія богомольской ереси, слѣдовательно первымъ временамъ болгарской церкви. Наконецъ въ самомъ характерѣ ложныхъ книгъ есть черты, по которымъ можно относить ихъ къ тому или другому періоду древнерусской письменности. Статья о ложныхъ книгахъ, какъ мы видѣли, дополняла постоянно свой списокъ запрещеній, уже независимо отъ своего греческаго образца; но нельзя не замѣтить, что съ извѣстной эпохи она мало слѣдитъ за ложнымъ матеріаломъ, который продолжаетъ появляться въ народномъ чтеніи и обычаяхъ. Въ «Домостроѣ» и «Стоглавѣ» мы увидимъ новый рядъ запрещеній, уже неизвѣстный статьѣ. Въ это время ея канонъ былъ уже законченъ; съ XVI вѣка для ложныхъ книгъ настаетъ новый періодъ.

Наши проповѣдники не разъ обращали вниманіе на ложныя писанія. Кромѣ указанныхъ нами византійскихъ статей (Іоанна и Григорія Богослова, Никона Черногорца, Аѳанасія и др.), извѣстія о нихъ встрѣчаются и у русскихъ писателей. Такъ предостерегаетъ о нихъ «Слово Кирилла философа», приписываемое митрополиту Кириллу II, въ XIII столѣтіи: «набирайтесь разума изъ божественныхъ писаній, какъ добрая пчела, говоритъ онъ, ложныхъ же книгъ не читайте, и уклоняйтесь отъ еретиковъ и общенія съ ними не имѣйте» (*). Іосифъ Волоколамскій въ одномъ словѣ противъ ереси жидовствующихъ повторяетъ это правоученіе: «отрицайся еретика человѣка, читай завѣщанныя книги, а *отреченныхъ* отнюдь не чти... да будетъ тебѣ

(*) Чтенія Моск. Общ 1847, № 8, смѣсь, стр. 8.

горько слушаніе неполезныхъ повѣстей, а повѣсти святыхъ мужей и прочитаніе божественныхъ писаній да будетъ для тебя медовымъ со-комъ (*). Поученія этого рода повторялись не разъ, но въ XVI столѣтіи ложныя книги возбудили особенное вниманіе блюстителей вѣры. На этомъ предметѣ останавливаются въ особенности два замѣчательные памятника, въ которыхъ ярко выразились русскія народныя понятія XVI столѣтія—Стоглавъ и Домострой. Среди разныхъ постановленій, которыми Стоглавъ надѣялся утвердить настоящую вѣру, онъ счелъ нужнымъ осудить ложныя книги, въ которыхъ видѣлъ бѣсовское наученіе; онъ строго запрещаетъ «злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держится, Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Зодѣи, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелева врата и иныя коби бѣсовскія... тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли» (**). Въ томъ же смыслѣ говоритъ объ этомъ извѣстное произведеніе попа Сильвестра: грязные пороки, волхованіе и отреченныя книги въ понятіяхъ автора смѣшиваются въ одно богопротивное еретичество, и онъ подъ рядъ высчитываетъ «всякіе богомерзкіе дѣла... нечистоту, скверисловіе и срамословіе, пѣсни бѣсовскіе, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди, птицы и собаки ловчія, творящая конская Уристанія, всяко бѣсовское угодіе и всяко безчиніе и безстрашіе; къ сему жъ чарованіе и волхвованіе и паузы, Звѣздочетье, Рафли, Альманахи, Чернокнижье, Воронограй, Шестокрылъ, стрѣлки громныя, топорки, усовники, дна (или, два) каменіе, кости волшебныя и иныя всякія козни бѣсовскія» (***). Въ этихъ ожесточенныхъ осужденіяхъ, какъ вѣроятно замѣтитъ читатель, продолжается также исключительный византійскій взглядъ, то же аскетическое и голословное отверженіе народной поэзіи и народнаго обычая какое мы указывали въ первыхъ явленіяхъ византійскаго вкуса, теперь этотъ взглядъ только окрѣпъ въ извѣстномъ сословіи людей;—но что касается до самаго предмета запрещеній, мы видимъ, что въ это время появляются новыя, неизвѣстныя прежде ереси и ложныя книги. Нѣкоторыя изъ нихъ мы встрѣтимъ и у другихъ обличителей XVI вѣка: припомнимъ слова Максима Грека противъ звѣздочетства, противъ колеса фортуны, альманаховъ и другихъ выдумокъ «латынства»; вспомнимъ также любопытныя посланія старца Филоѳея къ

(*) Православный Собесѣдникъ, 1856; кн. 4, стр. 364—366.
(**) Карамзинъ, 9, пр. 830.
(***) Временникъ Моск. Общ., 1, стр. 38.

дьяку Мисюрю о тѣхъ же латинскихъ «кощюнахъ»—астрологіи, зодіяхъ, теченіи солнца и луны и т. д.

Стоглавъ, Домострой, Максимъ Грекъ, старецъ Филоѳей и другіе современные имъ обличители открываютъ въ своей полемикѣ новую сторону ложной литературы. Еще до XVI столѣтія, а съ XVI столѣтія особенно, русская земля, при всемъ упорствѣ въ національной исключительности, подвергается уже значительному вліянію западныхъ понятій и нравовъ. Въ это время начинаются болѣе дѣятельныя дипломатическія сношенія, въ Россію проникаетъ много иноземныхъ художниковъ и мастеровъ, развивается тѣсная связь, дружеская или враждебная съ Польшей; въ Москвѣ основывается цѣлая колонія Нѣмцевъ, и, несмотря на всю недовѣрчивость этого времени къ иноземцамъ, западныя понятія и обычаи сначала становятся вѣроятно просто занимательны, а потомъ и нравятся русскимъ, которые видѣли въ нихъ нѣчто новое или даже нѣчто разумное. Припомнимъ разсказъ Олеарія о томъ русскомъ либералѣ, котораго онъ встрѣтилъ въ своемъ путешествіи въ Россію и который обнаружилъ передъ нимъ весьма безпристрастное пониманіе тогдашнихъ русскихъ порядковъ и большую свободу религіозныхъ и общественныхъ понятій; этотъ либералъ былъ знакомъ съ Нѣмцами и думалъ о нихъ конечно не такъ, какъ Максимъ Грекъ или старецъ Филоѳей. Въ XVI столѣтіи въ массу начали уже заходить книги нѣмецкаго (латинскаго) происхожденія, и даже до такой степени, что понадобилась полемика Максима Грека; изъ нападокъ его на нѣмецкія ереси можно видѣть, между прочимъ, что уже тогда суровые блюстители народности начинали видѣть опасность въ зловредномъ западѣ. Европейскія литературы, отъ которыхъ до того времени древняя Русь была окончательно разобщена, передаютъ въ русскую письменность очень много своихъ популярныхъ произведеній, которыя въ свою очередь и у насъ имѣли большой успѣхъ между народными читателями: у насъ явились рыцарскіе романы, до сихъ поръ оставшіеся въ лубочныхъ изданіяхъ, средневѣковые сборники сказокъ, шутокъ и анекдотовъ, западныя легенды «Великаго Зерцала», и наконецъ западныя ложныя книги: Рафли, Альманахи, Планидники, Аристотелевы-врата (переводъ средневѣковой книги, Secreta secretorum приписанной Аристотелю), Луцидаріусъ — сборникъ апокрифическихъ разсказовъ новаго рода съ западной ученостью и съ западными повѣрьями среднихъ вѣковъ и т. п.

Этихъ новыхъ произведеній не знаетъ обыкновенно статья о лож-

ныхъ книгахъ, и ея историческое значеніе отодвигается, слѣдовательно, къ болѣе древней эпохѣ. Чѣмъ ближе къ концу XVII столѣтія, тѣмъ больше растетъ западное вліяніе, прямое или посредственное, увеличивается масса переводныхъ книгъ, является наконецъ кіевская ученость и съ ней новый запасъ теологическихъ миѳовъ, — но эти миѳы, одѣтые въ схоластическій костюмъ, уже перестаютъ проходить въ народъ: они всего чаще пропадали въ тяжеловѣсныхъ книгахъ семнадцатаго вѣка и знакомы были одному сословію, хранившему преданье старинной схоластической мудрости.

Но старинные апокрифы и болѣе легкія книги, пришедшія съ запада въ XVI—XVII столѣтіяхъ, долго оставались для народа насущной пищей суевѣрія и мистицизма. Даже въ XVIII вѣкѣ приходятъ еще Богъ знаетъ изъ какихъ темныхъ источниковъ новыя апокрифическія сказанія, въ родѣ «кроволительнаго судища надъ Христомъ Спасителемъ міра»,—изображаемаго на лубочной картинкѣ. Въ настоящее время народъ сохраняетъ еще не мало ложныхъ произведеній; они продолжаютъ питать его наивное легковѣріе, и съ Никоновскихъ временъ нашли въ особенности теплый пріемъ у раскольниковъ, среди которыхъ всего удобнѣе было сберечься этому наслѣдію старой Руси. На обществѣ раскольниковъ легко изучать сравнительно понятія и вкусы Руси XVI и XVII вѣка: въ немъ еще жива та же простодушная пытливость въ дѣлѣ вѣры, то же пониманіе догматовъ и исторіи, и наконецъ то же довѣріе къ массѣ апокрифическихъ сказаній старины. Мы уже упоминали, что нѣкоторые памятники этого рода уцѣлѣли до нашего времени исключительно у раскольниковъ...

Не входя теперь въ подробности о новѣйшемъ — преимущественно раскольничьемъ—періодѣ «ложной» народной литературы, мы должны остановиться на существенно важномъ вопросѣ ея исторіи: какое впечатлѣніе производили ложныя книги въ массѣ, чѣмъ объясняется ихъ обширное распространеніе, и почему онѣ возбуждали такое непримиримое осужденіе со стороны другихъ, особенно, если ложныя книги иногда, какъ мы увидимъ, не имѣли отношенія къ догмату и дѣлу вѣры?

Распространеніе апокрифовъ въ народѣ объясняется прежде всего тѣмъ, что она вполнѣ приходилась къ той ступени развитія, на которой стоялъ народъ въ древней Руси, Этимъ опредѣляется ея историческое значеніе въ образованіи народныхъ понятій старины,—которыя

уцѣлѣли и теперь въ огромной массѣ народа, сохранившей характеръ древней Руси. Поэтому, указывая послѣдовательную исторію апокрифическаго миѳа и сказанія, мы нерѣдко будемъ переходить отъ древняго памятника къ современному народному преданію, которымъ заканчивалась передача старины изъ рода въ родъ.

Въ какомъ направленіи народныя понятія развивались подъ вліяніемъ этой литературы? Этотъ предметъ еще мало обращалъ на себя вниманія; нѣкоторыя мнѣнія, впрочемъ, уже составились, и мы остановимся на ихъ существенномъ содержаніи. Г. Щаповъ, разбирая въ своемъ изслѣдованіи о расколѣ значеніе апокрифической литературы, указывалъ въ ней источникъ и начало того односторонняго пониманія предметовъ вѣры, того исключительнаго формализма, которымъ отличается нашъ расколъ. Онъ указываетъ недостатокъ удобопонятнаго изложенія истинъ вѣры и нравственности въ старой литературѣ и, останавливаясь на характеристическихъ *сборникахъ* XVI—XVII вѣка, всего больше тогда распространенныхъ въ народѣ, находитъ, что въ нихъ «большею частью заключались такія ереси, которыя или благопріятствовали развитію раскола, или цѣликомъ впослѣдствіи вошли въ составъ ученія его. При совершенномъ отсутствіи богословскаго, догматическаго ученія, рукописные сборники XVI — XVII вѣковъ, во-первыхъ, наполнены были статейками обрядоваго содержанія, въ которыхъ ревность объ обрядахъ доходитъ до мелочности, даже въ ущербъ истинной вѣрѣ и христіанской мысли... Кромѣ обрядовыхъ статеекъ, рукописная народная литература наводнена была такъ называемыми *отреченными книгами*. Не имѣя истинныхъ книгъ, грамотные люди брались за эти книги. Эти книги еще болѣе отчуждали понятія и духъ простыхъ грамотниковъ отъ истиннаго ученія». Пересчитавши длинный рядъ апокрифовъ, по замѣчательной Соловецкой рукописи, которую мы привели выше, г. Щаповъ говоритъ: «вообще, читая въ сборникахъ XVI—XVII вѣка разные разсказы и толкованія русскихъ грамотниковъ старой Россіи... мы выносимъ изъ всего этого самую грустную мысль: какъ скудно, даже во многихъ отношеніяхъ невѣрно, было христіанское умственное развитіе нашего простаго народа въ древней Россіи... и какъ между тѣмъ много усвоилъ онъ понятій ложныхъ, превратныхъ... Любимая форма загадки, вопросовъ, въ которыхъ русскіе книжники древняго времени большею частью излагали свои богословскія понятія, есть какъ бы еще самый первый, младенческій лепетъ въ богословско-христіанскомъ ученіи, выраженіе

той умственной жажды, той пытливости, съ какою они искали, желали духовнаго просвѣщенія, полнаго, разумнаго, всесторонняго, истиннаго значенія. И не находя его истинныхъ источниковъ, творили свой міръ идей, почерпая часто ихъ изъ ложныхъ книгъ. И удивительно ли, что при такомъ наплывѣ въ умственной жизни нашего народа въ XVI вѣкѣ всѣхъ суевѣрій и заблужденій, какими наводняли Россію эти ложныя книги, удивительно ли, что вся эта мгла, весь этотъ хаосъ суевѣрій и заблужденій, когда началъ озарять Россію первый лучъ просвѣщенія «скопились въ одну земную массу и выразились въ расколѣ»? (*) Г. Щаповъ выводитъ отсюда прямое заключеніе, что въ рукописной литературѣ XVII вѣка и заключались элементы раскола.

Этотъ немногосложный выводъ однако исключителенъ и нуждается въ объясненіи. Одинъ изъ критиковъ книги о Расколѣ справедливо замѣтилъ, что г. Щаповъ упустилъ изъ виду историческую судьбу и ложныхъ книгъ, и самого раскола. Послѣдній онъ объясняетъ одними ближайшими обстоятельствами русской жизни; ложныя книги отводитъ слишкомъ исключительно въ XVII столѣтіе и здѣсь только допускаетъ ихъ вліяніе на умы. Выше мы видѣли однако положительно, что даже по рукописямъ—сохраненіе которыхъ вообще очень случайно—наши апокрифы восходятъ далеко за XVI—XVII столѣтіе, что мы имѣемъ даже апокрифы несомнѣнно и другіе до XI—XII вѣка. Дальнѣйшая исторія ихъ убѣдитъ насъ, что во многихъ случаяхъ генеалогія ложныхъ книгъ при внимательномъ изслѣдованіи болѣе и болѣе удаляется въ глубь русской старины. Такимъ образомъ, допуская вліяніе апокрифовъ на составъ раскольничьихъ ученій въ позднее время,—на чемъ особенно настаиваетъ г. Щаповъ,—нельзя однако остановиться на этомъ ближайшемъ опредѣленіи ихъ отношеній. Оно еще не рѣшаетъ вопроса: почему, говоря съ его точки зрѣнія, та же литература ложныхъ книгъ не произвела прежде такого окончательнаго разрыва между большой массой народа и представительной церковью. Этотъ вопросъ не вполнѣ объясняется для насъ метафорой о томъ, что масса суевѣрія склонилась въ тучу передъ лучомъ просвѣщенія.

На самомъ дѣлѣ ложная литература и прежде, до XVI вѣка, вызвала строгія осужденія противъ себя; доказательство,—статья о лож-

(*) Расколъ, стр. 147—158.

ныхъ книгахъ, составленіе которой относятъ у насъ къ концу XIV-го столѣтія. Ложныя книги опровергались и тогда; но если въ тѣ отдаленныя времена ложныя книги не произвели такого громаднаго разлада въ обществѣ, какъ во второй половинѣ XVII столѣтія, причина этого лежитъ не въ *упадкѣ* понятій массы въ XVI—XVII столѣтіи: большинство ложныхъ книгъ въ то время оставалось въ самомъ дѣлѣ тоже самое, что и прежде; увеличилось нѣсколько ихъ число, но характеръ содержанія былъ столько же знакомъ и XV-му вѣку. Разлада—въ формѣ громаднаго раскола—не было раньше потому, что до XVII-го вѣка религіозный вопросъ стоялъ еще на большой степени наивности. Мы видѣли, какъ безсознательна область запрещенія нашей статьи, какъ рабски слѣдовала она своимъ византійскимъ образцамъ и какъ, слѣдовательно, мало отдавала сама себѣ отчета въ религіозномъ вопросѣ. Эту перенятую строгость запрещеній, блюстители народныхъ нравовъ довели въ Домостроѣ и Стоглавѣ до того, что стали запрещать собакъ и медвѣдей. По нашему мнѣнію это доказываетъ именно ту наивность, о которой мы говорили, и не говоритъ за большое пониманіе законодателей; исполненіе ихъ правилъ было окончательно невозможно. Надобно замѣтить при томъ, что эти люди, отличавшіеся своими подражательными взглядами, составляли небольшой кружокъ, мнѣнія котораго не выражали народныхъ мнѣній, или проще, мнѣній большинства. На дѣлѣ, въ самихъ учителяхъ народной массы, въ старинномъ духовенствѣ, не было слишкомъ большой требовательности въ догматическомъ пониманіи вѣры; уровень понятій былъ гораздо ниже, чѣмъ въ XVII-мъ столѣтіи, и вмѣстѣ общѣе и для учителей, и для православнаго грамотнаго народа; малограмотному и наивному народу трудно было разойтись съ столько же мало грамотными церковниками (какими ихъ и изображаетъ достовѣрная исторія); политическія причины позднѣйшаго раскола еще не успѣли созрѣть, религіозное броженіе, уже начинавшееся, въ это время ограничилось отдѣльными, иногда очень странными вспышками. Духовные вопросы цѣлой массы въ то время, въ древнемъ періодѣ до XVI—XVII вѣка, были еще инаго рода, и ложныя книги, существовавшія и въ то время, не имѣли еще того злокачественнаго характера, какой даетъ имъ г. Щаповъ въ XVII-мъ столѣтіи.

Чтобы обозначить нѣкоторыя черты этого древняго періода ложныхъ книгъ, мы должны возвратиться снова къ общему вопросу о нашей старинѣ. До самаго послѣдняго времени, которое своими уче-

ными результатами могло бы уже дать здравое понятіе о значеніи древней нашей письменности, у насъ продолжали еще держаться весьма ошибочныя понятія о размѣрахъ духовнаго образованія старинной Руси. Литература ея казалась богатымъ запасомъ духовной пищи, краснорѣчія и національнаго глубокомыслія. Это подтверждалось повидимому большимъ числомъ рукописей: въ старыхъ пергаменахъ отыскивались переводы знаменитыхъ отцевъ церкви, въ самой Руси являлись Кириллы Туровскіе, изъ которыхъ усердные спеціалисты дѣлали не только самобытно-глубокихъ мыслителей, но и народныхъ писателей. Такимъ образомъ составилось обманчивое понятіе о силѣ стараго духовнаго развитія Руси, понятіе, которому отчасти подчинился, кажется, и г. Щаповъ... Но при всемъ уваженіи къ произведеніямъ древности, нельзя не видѣть, что, въ сущности, литература Туровскихъ, была литература для немногихъ, что судить по ней о массѣ—было бы большой исторической ошибкой. Для большинства обыкновенныхъ грамотниковъ и тогда, и послѣ остались непонятны слишкомъ буквальные переводы греческихъ писателей и собственныя религіозныя и нравственныя произведенія въ томъ же тонѣ: ихъ фигурная или отвлеченная терминологія, перенятая потомъ и нашими писателями; ихъ условный языкъ, который едва умѣла передавать наша только что рождавшаяся письменность,—были недоступны для массы, требовавшей себѣ мысли и выраженія болѣе простыхъ и по силамъ своему пониманію. То отчужденіе литературы и народа, на которое жалуются теперь славянофилы школы, еще сильнѣе было въ то время, когда народу, только что выходившему изъ варварства, давали читать вычурныя византійскія тонкости. Народъ еще долго не могъ выйти изъ того положенія, въ которомъ застало его христіанство: изъ патріархальной наивности (т. е. грубости) и языческаго пантеизма; отвлеченная нравственность и вѣра долго не могли усвоиться массѣ, которая въ человѣкѣ и въ природѣ привыкла видѣть прямое дѣйствіе олицетворенныхъ высшихъ силъ и вездѣ искала таинственнаго, но осязательнаго миѳа. Такому настроенію не могла въ сущности удовлетворять литература, настроенная на византійскій ладъ: языкъ ея былъ теменъ, ученіе слишкомъ отвлеченно. Положительныя свидѣтельства исторіи ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что при всей легкости введенія христіанства на Руси, оно долго не могло пустить глубокаго корня, особенно въ далекихъ захолустьяхъ. Старинные «христолюбцы» и «ревнители по правой вѣрѣ» еще долго находили въ народѣ языческое суевѣріе и боро-

лись съ нимъ изъ всѣхъ силъ. Знаменитый «Паисіевскій» сборникъ въ XIV-мъ столѣтіи указываетъ намъ цѣлый рядъ языческихъ суевѣрій, въ которыхъ онъ обличалъ народъ, особенно жившій по украйнамъ. Церковныя поученія древности о томъ, «како жити христіаномъ», еще обнаруживаютъ это неопредѣленное отношеніе массы къ христіанству.

Въ этомъ *двоевѣріи* заключалась одна изъ существенныхъ особенностей древнѣйшаго періода въ жизни нашего народа, и нѣкоторые изъ нашихъ новыхъ археологовъ думаютъ видѣть въ немъ полную характеристику всей старой поэзіи и народныхъ представленій старой Руси; они распространяютъ *двоевѣрный* періодъ, въ смыслѣ г. Буслаева, нетолько на времена «христолюбцевъ» но и на XVI—XVII-е столѣтіе. Съ этой новой точки зрѣнія, появленіе религіозныхъ смутъ и раскола въ XVII-мъ вѣкѣ, приписанное у г. Щапова невѣжеству и вліянію ложныхъ книгъ, объясняется въ двухъ словахъ такимъ образомъ: «до самаго раскола старообрядства массы русскаго народа жили еще языческимъ образованіемъ; расколъ же старообрядства составляетъ тотъ моментъ въ развитіи русскаго народа, когда массы народныя сознали потребность христіанскаго просвѣщенія, *сами* начали требовать его» (*). Новая точка зрѣнія, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ здѣсь двѣ ошибки: одну,—слишкомъ преувеличивая двоевѣріе и распространяя его господство до самаго начала раскола; другую—принимая, что въ появленіи раскола оказалась народная потребность христіанскаго просвѣщенія, между тѣмъ, какъ положительно доказывается фактами, что многія положенія и понятія раскола были пріобрѣтены, и слѣдовательно сознаны массой еще цѣлыми столѣтіями раньше. Въ эпоху вспышки раскола народъ (въ религіозномъ отношеніи) не начиналъ чего-нибудь новаго, а только сталъ за тѣ свои представленія, которыя онъ очень давно усвоилъ и отъ того считалъ справедливыми, По отзывамъ самихъ раскольниковъ (дѣло идетъ о старообрядствѣ) Никоновы *новины* были первымъ источникомъ ихъ неудовольствія и отпаденія отъ представительной церкви. Что касается до занимающаго насъ вопроса о вліяніи *ложныхъ книгъ*, котораго нельзя отвергать въ исторіи раскольничьихъ понятій,—новая точка зрѣнія очевидно должна или отнимать у нихъ всякое значеніе до тѣхъ поръ, пока ими вос-

(*) Лѣтописи рус. лит. о древн., вып. 4, стр 75.

пользовался расколъ, или отнести ихъ къ тому *языческому* образованію, которое она приписываетъ народу до раскола.

Она принимаетъ послѣднее, т. е. вноситъ литературу ложныхъ книгъ въ періодъ стариннаго *язычества.* Оставаясь въ предѣлахъ исторіи, мы нашли бы, конечно, что въ мало грамотной и плохо знавшей истинно-христіанское ученіе массѣ народа было много суевѣрій въ XVI—XVII столѣтіяхъ; но было бы странно принимать это суевѣріе, обыкновенное у всякаго мало образованнаго народа на востокѣ, какъ и на западѣ за чистое двоевѣріе или даже язычество и находить въ этомъ народѣ «языческое образованіе». Если каждый предразсудокъ народа считать его язычествомъ, то слово потеряетъ свой смыслъ или мы не найдемъ тогда мѣста для христіанства, и его образованія. Нынѣшняя миѳологія русскаго народа мало отличается въ этомъ смыслѣ отъ миѳологіи предразсудковъ XVI—XVII вѣка; но, конечно, было бы странно обвинять нынѣшній русскій народъ въ приверженности къ нехристіанскому язычеству (*).

Полнота древнихъ народныхъ представленій начала изчезать съ самаго появленія христіанства; высшій слой народа, больше развитый, принималъ христіанство болѣе или менѣе сознательно; масса также отказалась отъ главныхъ представителей язычества: Перунъ, Хорсъ и т. д. забылись даже самыми важными поклонниками старины; изъ миѳологіи народа изчезли крупныя черты язычества, хотя и сохранилась старая обрядность обычаевъ. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ эта обрядность, безъ сомнѣнія, часто была уже непонятна для тѣхъ, кто держался ея, также какъ непонятна теперь. Изчезновеніе язычества было уже такъ сильно въ старину, что несмотря на все доброе желаніе нашихъ миѳологовъ, имъ удалось извлечь изъ старыхъ памятниковъ и современныхъ преданій народа только самыя ограниченныя свѣдѣнія даже о самыхъ существенныхъ фактахъ древне-языческихъ вѣрованій, о миѳологической исторіи міра и божествъ, словомъ, о языческой космогоніи. Намъ остались только мелкіе отрывки ея, тѣ частныя подробности, которыя удержались случайно въ обычаѣ или темномъ повѣрьѣ. Такіе отрывки старины могутъ наконецъ существовать и въ людяхъ совершенно христіанскихъ убѣжденій; въ народѣ они могутъ сохраниться—безъ вся—

(*) Мы бы согласились съ авторами новой теоріи объ язычествѣ, еслибы она основывалась на болѣе обширной точкѣ зрѣнія; но такъ какъ этой точки зрѣнія у нихъ не предвидится, намъ остается видѣть въ ихъ теоріи одно изъ преувеличеній школы археологовъ - эстетиковъ.

кой наклонности къ язычеству—по тому же психологическому закону, который и въ людяхъ развитыхъ допускаетъ иногда странныя, невинныя впрочемъ суевѣрія.

Въ такомъ видѣ приблизительно развивались въ древнемъ русскомъ народѣ отношенія христіанства къ старымъ понятіямъ народа. Язычеству былъ нанесенъ рѣшительный ударъ: народъ пожалѣлъ о Перунѣ, но не поставилъ его на прежнемъ мѣстѣ; народъ приставалъ къ волхвамъ, но не защищалъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Но отставши отъ положительнаго язычества, онъ еще не мало способенъ былъ къ принятію новыхъ отвлеченныхъ истинъ: литература, прямо пересаженная изъ Византіи, долго должна была играть ту же роль, какую послѣ играла литература, введенная Петромъ. Доступная небольшому меньшинству, она не могла проникнуть въ народъ; онъ чуждался ея отвлеченностей и терминологіи. Для наивныхъ понятій, привыкшихъ къ образу и олицетвореніямъ, искавшихъ поэтической миѳологіи и осязательныхъ правилъ и предписаній, нужны были книги иного рода,—книги также христіанскаго происхожденія и колорита, но книги не мудреныя, близкія къ пониманію массы, слегка фантастическія, яркія и доступныя по формѣ. Къ нимъ всего скорѣе могъ обратиться свѣжій грамотникъ, онѣ должны были произвести на него самое сильное впечатлѣніе.

Такими именно были ложныя книги, а этимъ характеромъ ихъ и этими обстоятельствами объясняется ихъ историческое значеніе и вліяніе на понятіе массы. Дѣло шло вовсе не объ язычествѣ, а о популярномъ, народномъ христіанствѣ. Ихъ вліяніе было тѣмъ естественнѣе, что въ самомъ корнѣ своемъ ложныя книги были вызваны этимъ самымъ народнымъ христіанствомъ первыхъ вѣковъ, выражали народное пониманіе христіанскихъ догмотовъ и предписаній.

Не однѣ впрочемъ ложныя книги имѣли такой успѣхъ между старинными грамотѣями; на томъ же условіи становились популярными и другія книги, доступныя народу по простотѣ мысли и формы; однѣ чисто нравственныя по характеру, другія, которыя хотя иногда не считались въ старину ложными, но на дѣлѣ часто поддерживали «отреченныя» понятія. Въ ложныхъ книгахъ собралось однако всего болѣе народнаго и вмѣстѣ апокрифическаго матеріала; ихъ ложный характеръ былъ по большей части слишкомъ ясенъ для каждаго, кто нѣсколько основательно былъ знакомъ съ христіанской исторіей и догматами, —

оттого они запрещались церковью; но народъ не былъ далекъ въ исторіи и ими заинтересовался больше всего.

Всматриваясь ближе въ свойства и распространеніе ложныхъ книгъ, легко видѣть, что всего больше упѣха имѣли книги, простыя по формѣ и занимательныя по содержанію, любопытному для младенческой фантазіи. Эта апокрифическая литература имѣла обширные размѣры; теперь еще далеко неизвѣстны всѣ ея произведенія, о которыхъ говоритъ наша древность. Она представляла множество разнообразныхъ произведеній ложнаго свойства; это были апокрифы ветхаго завѣта, отчасти еврейскаго, отчасти новаго христіанскаго происхожденія; или ложныя новозавѣтныя преданья, поэтическія легенды, догматическія суевѣрія, какія въ разное время появлялись у древнихъ христіанъ, пріобрѣтали популярность и становились даже предметомъ ересей; дальше, легенды о святыхъ, которыя даже въ старину подвергались сомнѣнію, какъ невѣроятныя; наконецъ много другихъ произведеній, казавшихся подозрительными и бѣсовскими, книги волшебныя, гадательныя, астрологическія, зелейныя и т. д. Конечно, не всѣ изъ этихъ произведеній могли одинаково интересовать старинная русскаго читателя. Прежде всего для него занимательны были преданья о христіанской исторіи, о Спаситель и его ученикахъ, о святыхъ и мученикахъ; ветхозавѣтные апокрифы были слишкомъ далеки отъ него, и сказанья объ Авраамѣ, Моисеѣ, завѣты патріарховъ всегда оставались только книжнымъ преданьемъ. Въ ветхомъ завѣтѣ вниманіе читателя поражалось всего больше исторіей творенія и судьбой перваго человѣка: съ одной стороны здѣсь былъ корень всей исторіи искупленія, съ другой—для народа всегда и вездѣ космогонія была самымъ завлекательнымъ предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ, апокрифическія преданья объ Адамѣ были однимъ изъ любимыхъ пунктовъ литературы, который играетъ не послѣднее мѣсто и въ современныхъ народныхъ преданьяхъ. Другая ветхозавѣтная личность нравилась своими фантастическими чертами, это — Соломонъ: на его имени было построено на древнемъ Востокѣ множество миѳовъ, извѣстныхъ и на средневѣковомъ Западѣ, у насъ и у южныхъ Славянъ, гдѣ они перешли даже въ народную сказку. Апокрифы, собственно христіанскіе, возбуждали вообще больше интереса: они обращались около тѣхъ же знаменитыхъ лицъ и событій, о которыхъ читатель зналъ изъ христіанскаго ученія, но все это являлось ему здѣсь въ новомъ свѣтѣ, обставленное сказочными и фантастическими подробностями, крайне соблазнительными для легковѣр-

наго грамотѣя. Изъ самаго списка ложныхъ книгъ можно видѣть, что апокрифы разсказывали очень много такого, о чемъ не говорили *истинные* писатели: здѣсь было и страшное «преніе Христа съ діаволомъ», и хожденіе Богородицы по мукамъ ада, и тайные разсказы ея апостоламъ о рожденіи Спасителя, и посланіе съ неба отъ самого Христа, въ послѣдній разъ дававшаго людямъ заповѣдь о спасеніи души, и т. д. Одно обстоятельство давало особенную популярность этимъ памятникамъ: они часто обращались именно къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ молчало догматическое ученіе, предоставляя ихъ вѣрѣ, и для которыхъ масса тѣмъ не менѣе всегда стремится найти точное, положительное объясненіе: таковы вопросы о подробностяхъ творенія, о загробной жизни, о раѣ и адѣ и т. п. Во всемъ этомъ апокрифическія сказанья говорили съ такими подробностями, разсказывали столько фантастически-занимательнаго, ссылались на такіе авторитеты, что неопытный читатель увлекался и вѣрилъ на слово. Въ изданныхъ нами памятникахъ читатель найдетъ образчики подобнаго рода. Обыкновенная форма сказочной повѣсти или вопросовъ и отвѣтовъ была вполнѣ доступна, и разсказы однако затверживались памятью. Народная фантазія начала потомъ сама входить въ эти памятники и они передѣлывались иногда въ чисто народныя произведенія... Стремясь дать всему полное объясненіе, сообщить извѣстному догмату какой нибудь прямой смыслъ и приложеніе къ жизни, апокрифы съ другой стороны наполняли произвольнымъ символизмомъ объясненіе разныхъ предметовъ и словъ св. писанія, и позднѣйшая раскольничья литература часто цѣликомъ беретъ изъ нихъ различные пункты своего ученія. Пристрастіе къ этому грамотѣи могли получить и изъ произведеній, считавшихся истинными и посвященныхъ символическому толкованію; такія книги существовали въ славянскихъ переводахъ съ самаго начала нашей письменности. Но ложныя книги доводили символическія объясненія за предѣлы всякаго вѣроятія, основываясь на ничтожныхъ или ложно-растолкованныхъ предметахъ; символическій смыслъ они видѣли напр. даже въ такихъ разсказахъ, которые въ самомъ евангеліи изображены положительнымъ фактомъ, а не притчей и не символомъ. Наивное стремленіе давать писанію тайный скрытный смыслъ, находило здѣсь обильную пищу; въ нашихъ раскольникахъ до сихъ поръ, осталась эта мистическая черта старциннаго русскаго грамотѣя.

Всѣ эти ложныя исторіи, «хожденія», апокрифическія толкованія, «вопросы», «бесѣды» и т. д. не были русскаго происхожденія; они

дѣлаются, слѣдовательно, очень важнымъ документомъ о характерѣ чужихъ вліяній, дѣйствовавшихъ на культурное развитіе нашего народа. Это были почти исключительно апокрифы восточнаго и византійскаго христіанства. Они были различны по своему образованію и выходили изъ различныхъ слоевъ древнихъ обществъ; иногда въ нихъ видно ученое притязаніе, они бываютъ книжны и сухи, но очень часто апокрифы были простымъ порывомъ народной фантазіи, были наивнымъ и свободнымъ выраженіемъ поэзіи народа, создавшей эти образы подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, уже господствовавшихъ надъ умами. Самый характеръ памятниковъ въ родѣ евангелія Никодима, если взять примѣръ древнѣе, или въ родѣ «Хожденія Богородицы», легенды о св. Макаріи, жившемъ около рая, или Епистоліи» Христа,—если выбирать примѣръ изъ болѣе поздняго времени,—этотъ характеръ убѣждаетъ, что и на своей родинѣ, какъ послѣ въ чужой письменности, это были произведенія нетолько популярныя, но и вышедшія изъ народной массы. Такимъ образомъ, въ историческомъ смыслѣ, апокрифы дѣлаются вѣрнымъ указателемъ извѣстной степени религіознаго развитія, именно той, на которой обыкновенно остается масса, на которой простодушіе и легко-увлекающееся воображеніе играютъ больше роли, чѣмъ отвлеченное и строгое пониманіе вѣры. Въ этомъ заключается объясненіе ихъ успѣха, когда они переходили на чужую литературную почву: тамъ они встрѣчали ту же грубую народную религію, тѣ же фантастическіе вкусы, то же стремленіе къ осязательнымъ формамъ вѣрованія, которыя свойственны массамъ. Однимъ словомъ, переходя изъ своей родины въ чужія литературы, апокрифы опять попадали въ ту же народную массу, какая прежде произвела ихъ на ихъ родинѣ. Этотъ фактъ, вполнѣ несомнѣнный, легко повѣрить судьбой тѣхъ новѣйшихъ и болѣе извѣстныхъ исторически апокрифовъ, родиной которыхъ была Болгарія. Мы увидимъ дальше, что болгарскія *басни*, которыя были въ большомъ ходу въ древней Руси, были чисто сколкомъ народнаго предразсудка; что болгарскіе *еретики*, которымъ наша старина приписывала составленіе этихъ басней, въ сущности только дали окончательную форму суевѣріямъ, уже извѣстнымъ въ народѣ, — или по крайней мѣрѣ эти еретики руководились народнымъ способомъ воззрѣнія. Замѣтимъ при этомъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Болгаріи, павликіанская ересь, предшествовавшая богомоламъ, распространилась даже ранѣе настоящаго христіанства.

Съ такимъ характеромъ апокрифы являлись въ духовную жизнь древне-русскаго народа: успѣхъ суевѣрнаго и фантастическаго апокрифа долженъ былъ быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше были средства народнаго развитія. Средства эти были крайне ограничены; очень многіе историки нашей церкви и литературы сильно ошибаются, придавая особенное значеніе тѣмъ школамъ, которыя заводилъ Владиміръ, тѣмъ собраніямъ книгъ, какія бывали у князей. Съ одной стороны, какъ мы уже замѣтили, очень большая часть этихъ книгъ были мало понятны; съ другой, несмотря на Владиміровы школы, грамотность была рѣдка. Мы не имѣемъ нужды повторять давно извѣстныя свидѣтельства о томъ безпомощномъ положеніи, въ какомъ находилась даже представительная церковь, не находя себѣ грамотныхъ служителей. Подъ-стать тѣмъ «мужикамъ», о которыхъ говоритъ Геннадій въ извѣстной грамотѣ, и которые «едва брели», когда онъ заставлялъ ихъ читать по церковной книгѣ,—еще на нашей памяти существовали по деревнямъ церковно-служители, совершенно незнавшіе грамоты и исполнявшіе свое дѣло наизустъ. Подобные случаи были, конечно, обыкновеннымъ дѣломъ въ болѣе древнія времена, чѣмъ XIX столѣтіе, и понятно, что при такихъ наставникахъ паства предоставлялась окончательно самой себѣ; лишенная указаній, она вполнѣ довѣрялась апокрифическому баснословію, которое такъ легко и занимательно передается устными разсказами. Для людей грамотныхъ были «толстые сельскіе сборники» и «худые манакануницы», которые за недостаткомъ правильнаго ученія и проповѣди стали для массы главнымъ кодексомъ вѣрованій и морали; статья о ложныхъ книгахъ упоминаетъ, что даже «по молитвенникамъ у поповъ» распространены были лживыя молитвы. Въ «сельскихъ сборникахъ», образчики которыхъ до сихъ поръ есть въ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ, соединялось отрывками все, что только приходилось по вкусу грамотнымъ людямъ; истинное стояло рядомъ съ ложнымъ, положенія христіанской религіи затемнялись произвольнымъ символизмомъ, религіозная исторія мѣшалась съ баснями, вѣра съ суевѣріемъ. Апокрифы разнаго рода занимали почетное мѣсто въ этихъ книгахъ; отсюда они прямо переходили въ народъ, становились общепринятымъ повѣрьемъ и легендой. Извѣстныя сказанья ложныхъ книгъ расходились во всей массѣ народа; очевидно, что это книжное вліяніе должно было начаться очень давно и находить большую симпатію, чтобы принять такіе широкіе размѣры.

Патріархальная любовь къ старинѣ ревниво бережетъ старыя пре-

данія, потому что видитъ въ нихъ всю мудрость отцовъ и дѣдовъ, которые «не глупѣе насъ были». Подкрѣпляемыя этимъ авторитетомъ, апокрифическія басни переходили изъ рода въ родъ и теперь сохранились преимущественно въ той части народа, которая въ церковныхъ реформахъ XVII столѣтія увидѣла посягательство на свою старину и тѣмъ крѣпче за нее ухватилась, что находила въ ней старую, и по этому самому, лучшую вѣру. Многое изъ «ложныхъ» преданій, что уже забыто массой народа, цѣло до сихъ поръ въ раскольничьихъ вѣрованіяхъ и раскольничьихъ рукописяхъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ процессъ, которымъ шло развитіе этой своеобразной миѳологіи. Это была именно миѳологія народной массы, принадлежавшая, конечно, не одному XVII вѣку, а цѣлому длинному періоду древней Руси; очевидно съ другой стороны, что въ этой миѳологіи не можетъ быть рѣчи объ *язычествѣ*, которое открываетъ эстетическая школа въ нашей древней жизни, приписывая этому язычеству поэтическіе элементы старой народности. Пространство времени, къ которому относится появленіе и господство ложныхъ книгъ, составляетъ особенный періодъ въ исторіи народнаго сознанія, и этого періода невозможно смѣшивать съ двоевѣріемъ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства. Что касается до отношенія ложныхъ книгъ къ расколу, они очевидно не много имѣли спеціальнаго вліянія на его развитіе; вліяніе ихъ простиралось на цѣлую массу, а въ расколѣ XVII вѣка, вслѣдствіе его крайняго религіознаго консерватизма, просто сохранился тотъ характеръ религіознаго развлеченія, которымъ отличалась прежде вся масса и отъ котораго она отстала потомъ или подъ вліяніемъ представительной церкви и обстоятельствъ, или подъ вліяніемъ индифферентизма. Если отрывки «ложныхъ» понятій существуютъ и въ народѣ не-раскольничьемъ, то это было болѣе или менѣе случайно, и они не составляютъ для него важнаго догмата; напротивъ того, въ расколѣ, который съ XVII вѣка привыкъ считать эти понятія дѣломъ своей «старой» вѣры, они получали силу упорнаго, исключительнаго закона.

Мы считали нужнымъ сдѣлать этотъ общій вглядъ на литературу ложныхъ книгъ, прежде чѣмъ войдемъ въ нѣкоторыя подробности объ отдѣльныхъ ея памятникахъ. Въ нашемъ обзорѣ мы ограничимся только немногими произведеніями этой литературы, по которымъ читатель составитъ себѣ понятіе объ общей исторической судь-

бѣ и значеніи апокрифовъ въ нашей старинной жизни. Затѣмъ мы возвратимся снова къ общему вопросу и постараемся, сколько будетъ возможно, объяснить культурное значеніе ложной литературы, принимая факты какъ они есть, безъ придуманной идеализаціи и эстетическихъ увлеченій.

А. ПЫПИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Христіанская церковь и общество въ 1861. Гизо.

L'église et la société chrétienne en 1861, par M. Guizot.

Гизо давно извѣстенъ всѣмъ за неисправимаго доктринера, за человѣка системы, доведенной до крайности; педантъ, онъ напоминаетъ собой тѣхъ безжизненныхъ средневѣковыхъ схоластиковъ, для которыхъ буква была все, которые смотрѣли на жизнь сквозь очки своей рутины, которые готовы были истребить все, что не входило въ узкія рамки ихъ системы. «Погибни міръ, но вѣчно живи система» — вотъ былъ девизъ ихъ лагеря! Наука, наука! кричали они, не понимая, что нѣтъ науки безъ жизни, и что тысячи прочитанныхъ сочиненій сдѣлаютъ человѣка только начитаннѣе, но не умнѣе, не образованнѣе. Бѣда, если власть попадется въ руки подобныхъ людей: они смотрятъ на своихъ подчиненныхъ, какъ на существа низшаго разряда, какъ на школьниковъ, назначенныхъ служить для воспріятія ихъ мудрости, какъ на пѣшекъ, лишенныхъ чувства, разума и воли. Таковъ именно былъ г. Гизо. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ является фаталистомъ и оптимистомъ. Онъ утверждаетъ, что все разумно, все идетъ къ лучшему по неизмѣннымъ законамъ, начертаннымъ провидѣніемъ. Въ силу этого правила, сдѣлавшись министромъ, онъ былъ увѣренъ, что какъ-бы ни поступалъ, все выйдетъ хорошо и потому принялся за приведеніе въ дѣйствіе своей системы; системка

же эта состояла въ томъ, что онъ стремился къ крайней централизаціи, допуская впрочемъ участіе буржуазіи въ управленіи, но глубоко презирая массы. Буржуазія была всегда идоломъ г. Гизо и сама съ не меньшимъ почтеніемъ смотрѣла на своего обожателя. Жаль только, что обстоятельства помѣшали имъ, а то-бы они надѣлали чудесъ: всю Францію превратили бы въ строго-нравственный женевскій пансіонъ, съ узенькой китайской моралью, съ полицейскими коммиссарами вмѣсто гувернеровъ. Какъ-бы то ни было, но буржуазія на этотъ разъ ошиблась въ расчетахъ, а г. Гизо пришлось успокоиться отъ трудовъ своей министерской дѣятельности въ академическихъ креслахъ, откуда онъ могъ проповѣдывать все, что угодно, къ полному удовольствію достопочтенныхъ сочленовъ. Рѣчи его встрѣчались постоянно съ одобреніемъ; онѣ были такъ невинны, такъ напоминали «безсмертнымъ» годы ихъ молодости, такъ блистали начитанностью, что невольно казались имъ геніальными произведеніями. Между тѣмъ время шло, да шло; и бывшій министръ со всякимъ годомъ все болѣе терялъ надежду получить портфель; новаго переворота не предвидѣлось; съ установившимся правительствомъ онъ не могъ сойтись—оппозиція вытекала, естественно, изъ самаго положенія Гизо, тѣмъ болѣе, что многіе журналы весьма неблагопріятно отозвались объ его мемуарахъ. Случаевъ къ неудовольствію было не искать стать; но г. Гизо хотѣлось, видно, чтобы объ немъ заговорили, чтобы сторону его приняла какая-нибудь могущественная партія. Какъ же это сдѣлать? О чемъ-бы ни заговорить, придется угождать или правительству, или демократической партіи. Обыкновенный человѣкъ не скоро нашелся бы какъ выпутаться изъ этого дѣла, но г. Гизо не даромъ былъ придворнымъ и министромъ. Онъ чрезвычайно ловко вывернулся изъ такого затруднительнаго положенія: онъ напалъ на похвальный поступокъ французскаго правительства — освобожденіе Италіи (мы не говоримъ о задней мысли этой помощи). Разумѣется, при этомъ пришлось коснуться и свѣтской власти папы и его нравственнаго вліянія... Клерикальная партія была въ восторгѣ отъ своего новаго героя, но зато люди болѣе развитые отвернулись отъ него. Прежде они на него смотрѣли, какъ на честнаго, хотя и односторонняго человѣка, теперь-же ясно увидѣли самолюбиваго ренегата, лишеннаго всякихъ убѣжденій. Противорѣчія самому себѣ, презрѣніе логики и исторіи встрѣчаются у него на каждомъ шагу. Онъ даже слѣдуетъ примѣру нѣкоторыхъ доктрине-

ровъ, которые, въ нежеланіи общества идти по ихъ узенькой системѣ, видятъ признаки страшной опасности, грозящей цѣлому міру. Такимъ способомъ всегда есть возможность привлечь людей довѣрчивыхъ, готовыхъ вѣрить на слово и судящихъ по наружности. Г. Гизо такъ и сдѣлалъ. Еслибъ онъ началъ толковать о необходимости свѣтской власти папы просто, какъ объ одномъ изъ догматовъ католицизма, кто бы сталъ слушать его; но онъ заговорилъ объ опасностяхъ, угрожающихъ будто-бы цѣлому христіанству — и книга его обратила на себя общее вниманіе (*).

«Христіанству грозитъ опасность, говоритъ г. Гизо; удары, поражающіе одну изъ частей храма, поражаютъ цѣлое зданіе, потому что нѣтъ никакой серьезной разницы между католиками, лютеранами, диссидентами и другими, потому что всѣ они христіане. Мы всѣ, продолжаетъ онъ, узнали отъ нашихъ учителей одну и ту же исторію, усвоили извѣстныя идеи, извѣстныя чувства. Матеріализмъ, пантеизмъ, раціонализмъ, скептицизмъ и историческая критика со всѣхъ сторонъ подрываются подъ эти основанія: они хотятъ подорвать инстинктивную вѣру въ чудесное, безъ которой невозможна никакая религія. Но эти нападенія не опасны: и въ прежнее время христіанство подвергалось такимъ же нападеніямъ, но оно всегда выходило изъ борьбы торжествующимъ, защищаясь то преданіемъ, то преобразованіями, то собственной внутренней добродѣтелью».

Очевидно, что г. Гизо съ умысломъ уклонился отъ опредѣленія характеристической разницы между католицизмомъ и реформой. Напрасно! Онъ избавилъ бы этимъ отъ труда читать далѣе:

(*) На 170 страницахъ разгонистой печати, раздѣленныхъ на 24 главы, г. Гизо толкуетъ обо всемъ. Вотъ содержаніе его книги: глава 1) о томъ, почему онъ написалъ эту брошюру: 2) христіанская церковь; 3) настоящія опасности христіанской церкви; 4) о сверхъестественномъ; 5) о двухъ богахъ; 6) о христіанской церкви и религіозной свободѣ; 7) въ чемъ состоитъ религіозная свобода; 8) о союзѣ между церковью и государствомъ; 9) о французской протестантской церкви; 10) о католической церкви и свободѣ; 11) о католической церкви въ Италіи; 12) о католической церкви во Франціи; 13) о христіанскихъ церквахъ; 14) о христіанскихъ обществахъ; 15) о правахъ человѣка; 16) о независимости Италіи; 17) о свободѣ въ Италіи; 18) объ итальянскомъ единствѣ; 19) о папствѣ; 20) о всеобщей подачѣ голосовъ въ Италіи; 21) объ итальянской конфедераціи; 22) о Франціи въ Италіи; 23) будущность Европы и наши надежды и разочарованія; 24) заключеніе.

всякій увидѣлъ бы, какъ г. Гизо строитъ свое зданіе. Правда это различіе между католицизмомъ и реформаціей можно вывести изъ дальнѣйшихъ главъ, но все это такъ разбросано и запутано, что требуетъ большаго вниманія и труда.

«Имѣя авторитетъ принципомъ, продолжаетъ авторъ, католицизмъ, видя этотъ принципъ сильно аттакованнымъ, не призналъ другаго принципа, вытекающаго изъ натуры человѣка и историческаго развитія— свободы; а между тѣмъ безъ религіозной свободы невозможно согласіе между христіанскими религіями, невозможно единодушное сопротивленіе врагамъ христіанства; свобода же религіозная состоитъ въ свободѣ мысли, совѣсти и образѣ жизни въ отношеніи религіи, и потому она никогда не была основана вѣрующими; напротивъ того, человѣческій разумъ, возвышаясь и освобождаясь, освободилъ и человѣческую совѣсть: реформа оживила христіанскую вѣру и рѣшительно двинула европейскія общества къ индивидуальному развитію.»

Итакъ г. Гизо признаетъ свободу мысли, но признавая свободу мысли, онъ тѣмъ самымъ разрушаетъ все зданіе католицизма, основанное на авторитетѣ, на непогрѣшимости папы. Еслибъ весь человѣческій родъ былъ одного мнѣнія, а одна только личность другаго, то весь человѣческій родъ былъ бы неправъ, заставляя молчать эту личность, точно также какъ и эта личность была бы неправа, налагая молчаніе на весь человѣческій родъ. Мнѣніе, которое хотятъ уничтожить силой, можетъ быть справедливо; противники его не непогрѣшимы; а между тѣмъ они берутъ на себя право рѣшать за всѣхъ. Утверждать, что такое-то мнѣніе ложно и не позволять спорить о немъ, значитъ признавать себя непогрѣшимымъ. Исторія показываетъ намъ, что ложныя мнѣнія и обычаи исчезали постепенно предъ фактами и доказательствами. Реформація принадлежитъ къ числу такихъ явленій: она внесла духъ критики и индивидуальной свободы въ общественныя отношенія человѣка. Освободивъ государство изъ-подъ опеки папы, она вмѣстѣ съ тѣмъ освободила и личность человѣка, дала средства къ распространенію просвѣщенія въ массахъ. Такимъ образомъ римскій католицизмъ и реформація совершенно противоположны другъ другу тенденціями; еще болѣе разнятся отъ перваго анабаптисты и другіе сектаторы, думающіе о преобразованіи церкви и общества съ помощью первоначальнаго христіанскаго преданія. Слѣдовательно, мнѣніе г. Гизо, что всѣ христіане могутъ дѣйствовать вмѣстѣ на защиту, будто бы потрясаемой религіи, совершенно неосновательно. Для протестантовъ

вопросъ религіозный почти тождественъ съ политическимъ, и они, не отступая отъ своихъ принциповъ, не могутъ дѣйствовать въ пользу папства, именно папства, а не христіанства, потому что христіанству не угрожаетъ никакая опасность. Нападки матеріализма, скептицизма, раціонализма, исторической критики и пантеизма могутъ ли быть опасны для прочнаго принципа? Еслибъ не было позволено всякому и всегда сомнѣваться въ философіи Ньютона, она не была бы истинной. Самыя прочныя вѣрованія тѣ, которыя готовы выдержать критику во всякую данную минуту. Самъ же г. Гизо признаетъ необходимость религіозной свободы, а религіозная свобода допускаетъ индивидуальность вѣрованій. Самъ г. Гизо говоритъ, что она въ «натурѣ» человѣка, и слѣдовательно слѣпой авторитетъ противоположенъ ей, «ненатураленъ» и незаконенъ. Напрасно онъ утверждаетъ, что всѣ христіане усвоили одну доктрину; поведеніе ихъ различно, сообразно той суммѣ сужденій и привычекъ, которую они пріобрѣли воспитаніемъ и общественнымъ положеніемъ. Но, предположивъ даже, что г. Гизо правъ, что христіанству дѣйствительно грозитъ опасность, посмотримъ, какія мѣры предлагаетъ онъ для отвращенія ея. Принужденный стать на почву дѣйствительности, экс–министръ не находитъ твердой опоры подъ ногами, потому что пытается притянуть факты къ заранѣе заданной теоріи; отъ этого онъ впадаетъ въ самыя странныя противорѣчія.

«Надо, чтобъ общество религіозное и свѣтское оставались глубоко раздѣлены и не могли ни притѣснять другъ друга, ни захватывать непринадлежащихъ имъ правъ» (стр. 30).

«Ходъ событій и прогрессъ идей дали живо почувствовать церкви и государству печальныя слѣдствія дурно понятыхъ союзовъ, но нисколько не доказали необходимости раздѣленія» (31).

«Гдѣ союзъ между властью духовной и свѣтской совершался, тамъ страдали равно свобода политическая и гражданская» (42).

«Когда общество гражданское и общество религіозное остаются взаимно чуждыми, какъ бы не зная другъ друга, они унижаютъ себя и ослабляютъ. Имѣя отношеніе только съ матеріальными интересами людей, свѣтская власть теряетъ нравственную силу, которую доставляетъ ей связь съ религіозными чувствами и принципами; въ свою очередь, духовные пастыри различныхъ церквей находятся въ глазахъ даже своихъ единовѣрцевъ въ положеніи второстепенномъ и непрочномъ: они преданы всей подвижности мнѣній и легкомыслію и дерзости человѣческой воли; контрастъ разительный между возвышен-

ностью ихъ миссіи и слабостью ихъ положенія. Отъ этого взаимнаго удаленія государство матеріализуется, а церковь, если можно такъ выразиться, раздробляется и становится подвижнѣе болѣе и болѣе» (29).

«Но, несправедливо, что для того, чтобъ избѣжать этой опасности (захватыванія непринадлежащихъ правъ) они (церковь и государство) должны быть совершенно чужды одно другому и лишены возможности, для взаимнаго блага и почета, заключать между собой союзы или оказывать другъ другу помощь» (30).

«Я иногда представляю себѣ, что произошло бы, еслибъ когда-нибудь высшая власть католической церкви, папство, приняло вполнѣ и открыто принципъ религіозной свободы. Принципъ этотъ состоитъ не въ духовномъ индифферентизмѣ, но въ признаніи некомпетентности свѣтской власти, въ признаніи беззаконности насилія въ дѣлахъ вѣры... Этотъ принципъ состоитъ единственно въ признаніи раздѣленія жизни свѣтской отъ жизни религіозной, въ признаніи авторитета только духа надъ духомъ и въ признаніи права человѣческой совѣсти не быть управляемой въ своихъ отношеніяхъ къ Богу человѣческими указами и наказаніями» (43).

Такихъ противорѣчій можно найти пропасть въ брошюрѣ г. Гизо. Правда, онъ смягчаетъ ихъ разными оговорками и общими мѣстами, но эти общія мѣста ничего не доказываютъ: г. Гизо требуетъ отъ католицизма того, чего не можетъ онъ дать, что противно его натурѣ; это все равно, что требовать отъ огня, чтобъ онъ не жегся; отъ вѣтра, чтобъ онъ не дулъ; отъ человѣка, чтобъ онъ ничего не ѣлъ и оставался живъ. Истиннымъ же слѣдствіемъ осуществленія системы г. Гизо будетъ снова преобладаніе духовной власти надъ государствомъ, образованіе касты, государства въ государствѣ. Первоначальная церковь вовсе не имѣла нужды въ свѣтской власти, чтобъ распространить свое ученіе. Гдѣ тѣснѣе союзъ между двумя властями, какъ не въ областяхъ папы, а между тѣмъ какое государство въ Италіи страдало болѣе его владѣній! Развѣ одинъ Неаполь? Не религіозную свободу готовитъ народамъ г. Гизо, но ультрамонтанизмъ и религіозную реакцію, соединенную съ реакціей политической, какъ было въ средніе вѣка, когда папство являлось камнемъ преткновенія для всѣхъ видовъ итальянскаго развитія.

Но не такъ думаетъ авторъ разбираемой книги. «Двойной характеръ папства, говоритъ онъ, есть фактъ, освященный вѣками, фактъ, развившійся и поддерживаемый въ теченіи вѣковъ, посреди всѣхъ бореній, переворотовъ и междоусобій христіанства. Это не католичес-

кая вѣра, но сама католическая церковь. И смѣютъ думать, что имѣютъ право нанести на этотъ фактъ святотатственную руку, испортить его, даже разрушить, не покушаясь на религiозную свободу католиковъ! Хотятъ лишить главу католической церкви характера и положенія, на которыя она смотритъ нѣсколько вѣковъ, какъ на гарантію своей независимости, и предполагаютъ, что не связываютъ, не уродуютъ католицизма! (47).

«Принять относительно католической церкви мѣры, которыя искажаютъ ея учрежденія и положенія, которыя постигаютъ католиковъ Франціи, Германіи, Испаніи, Англіи и Америки, точно также какъ католиковъ Италіи... отнять у всѣхъ этихъ церквей, у всѣхъ націй, у всѣхъ вѣрованій, совершенно чуждыхъ итальянскому королевству, прежнюю самостоятельность, прежнія гарантіи независимости духовнаго вождя ихъ религіи — такой поступокъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ поразительныхъ актовъ узурпаторства, какіе только извѣстны въ исторіи...» (60).

«Чтобъ достигнуть своей цѣли, Піемонтъ долженъ попрать права человѣка, лишивъ папу его владѣній, какъ попралъ права и свободу религіозную, низвернувъ конституцію католической церкви, для которой папа—глава (91).

«Владѣнія и власть пришли къ папству, какъ естественная принадлежность и необходимая подпора его великаго нравственнаго значенія, по мѣрѣ того, какъ это значеніе развивалось. Дарственныя записи Пепина и Карла Великаго были только одними изъ главнѣйшихъ случаевъ этого развитія свѣтскаго и духовнаго, начатаго чрезвычайно рано и вспомоществуемаго инстинктами народовъ также какъ и милостію королей. Только сдѣлавшись главой церкви, чтобъ быть имъ дѣйствительно, папа сдѣлался свѣтскимъ государемъ» (92).

«Надо, сказалъ весьма справедливо Одилонъ Барро, чтобъ двѣ власти оставались слиты въ папской области, потому что онѣ раздѣлены въ другихъ государствахъ» (92). Какъ вамъ это нравится? Это все равно, что сказать, что надо, чтобъ въ папской области были нищіе, потому что въ другихъ государствахъ ихъ нѣтъ! «Какъ свѣтскій государь, папа ни для кого не былъ страшенъ; онъ только находилъ въ своей власти прочную гарантію своей независимости и своего нравственнаго авторитета; равный королямъ по сану, не бывши соперникомъ ихъ по могуществу, онъ могъ защищать повсюду достоинство и права духовенства, истиннаго источника и основанія его

власти... подъ покровомъ своего маленькаго государства, папство провозгласило и поддержало въ Европѣ существенную разницу церкви и государства, различіе двухъ обществъ, двухъ властей, круга ихъ дѣйствія и взаимныхъ правъ; этотъ фактъ, благо и честь новѣйшей цивилизаціи, получилъ начало и поддержку въ двойномъ характерѣ папства и вознаградилъ слишкомъ широко злоупотребленія папъ, происходившія отъ двойственности ихъ власти» (93).

Изъ этихъ выписокъ видно, что для г. Гизо историческія событія и здравый смыслъ стали ни–почемъ; онъ отрекся даже отъ прежнихъ своихъ убѣжденій, высказанныхъ имъ въ исторіи цивилизаціи. Вотъ что говорилъ онъ:

«Попытка теократической организаціи встрѣчается очень рано, то въ поступкахъ римскаго двора, то въ поступкахъ духовенства вообще. Она вытекаетъ естественно изъ нравственнаго и политическаго превосходства церкви; но она встрѣтила на первыхъ шагахъ такія препятствія, которыхъ даже во времена величайшей своей силы не могла удалить».

«Первымъ была самая «натура» христіанства; совершенно отличное отъ другихъ вѣрованій, оно утверждалось только убѣжденіемъ и простыми нравственными побужденіями; сначала оно не является вооруженнымъ силою; оно покоряетъ только словомъ и покоряетъ только души. Даже послѣ своего торжества, когда церковь пользовалась большимъ уваженіемъ и владѣла огромными богатствами, даже въ то время она не была облечена свѣтскою правительственной властью непосредственно... Она имѣла много вліянія, но не имѣла власти. (Hist. de la civilisation en Europe, Leçon X).

Если церковь въ первыя времена, когда была слаба, не имѣла необходимости прибѣгать къ свѣтской силѣ, то какимъ же образомъ могло случиться, что она нуждается въ этомъ теперь? Въ прежнее время, какъ мы уже сказали (*), папы были просто римскими архіепископами и не пользовались никакими преимуществами предъ своими товарищами; они совершенно зависѣли отъ соборовъ и восточныхъ императоровъ. Папы становятся самостоятельными только послѣ Карла

(*) См. Рус. Слово, февраль 1861. Полит. ист. папъ.

Великаго. Дарственныя грамоты его и Пепина подвержены большому сомнѣнію, а сборникъ Грацiана и декреталіи Исидора оказываются рѣшительно подложными. Такимъ образомъ, папская свѣтская власть явилась вслѣдствіе поддѣльныхъ документовъ, своекорыстныхъ видовъ Карловинговъ и невѣжества народа. Какимъ образомъ время можетъ освятить такія дѣла—мы рѣшительно не понимаемъ? Мы видимъ только, что во всѣ времена свѣтская власть папы для поддержки своей прибѣгала къ подобнымъ средствамъ: то она создаетъ фанатиковъ доминиканцевъ, то предателей іезуитовъ. Сдѣлавшись свѣтскимъ государемъ, папа, естественно, долженъ былъ покориться всѣмъ случайностямъ своего положенія. Область его не доставляла ему никакой гарантіи ни противъ Римлянъ, ни противъ внѣшнихъ непріятелей. Эта гарантія—созданіе фантазіи г. Гизо, безцеремонно проѣхавшагося по историческимъ фактамъ. Сколько разъ Римляне выгоняли папъ изъ города, сколько разъ императоры принуждали ихъ покоряться или искать убѣжища у Гвельфовъ. Сила ихъ была въ принципѣ, а не въ свѣтскомъ могуществѣ. Левъ 1-й остановилъ Аттилу не оружіемъ, но словомъ; Александръ III устоялъ противъ Барбароссы не силами Римской области, но силами ломбардской лиги. Достоинство и права духовенства или лучше сказать свои прерогативы, папа защищалъ проклятіями и возбужденіемъ къ бунту подданныхъ своего противника и такимъ образомъ старался чужими руками загребать жаръ. Свѣтская власть папъ была источникомъ многихъ бѣдствій для Италіи; римскіе первосвященники поддерживали въ ней раздоры и междоусобія и совершали самыя вопіющія злодѣянія. Лишить папу свѣтской власти значитъ возвратить его къ первоначальному христіанскому преданію, значитъ возвысить его, придать ему болѣе значенія; тѣмъ болѣе, что теперь церковь не является уже единственной хранительницей знанія. Что свѣтская власть папы не составляетъ гарантіи его духовной власти, это говоритъ самъ г. Гизо, запрещая свѣтской власти вмѣшиваться въ дѣла совѣсти (см. стр. 43). Какую-же поддержку можетъ доставить свѣтская власть, когда она не должна вмѣшиваться въ дѣла совѣсти?

Въ другомъ мѣстѣ г. Гизо еще рѣзче отзывается о папствѣ. «По преданію и по положенію, по своей *натурѣ* и привычкамъ это правительство, говоритъ онъ, неподвижно и слабо; *его правила и нравы* противятся перемѣнѣ, и когда приходится сознаться, что перемѣны необходимы, ему часто недостаетъ силъ, чтобъ превозмочь

препятствія: надо, чтобъ его ободряли и поддерживали на этомъ трудномъ пути» (97).

Совершенно справедливо! Но какихъ же реформъ можно ждать отъ правительства, когда оно по *натурѣ* своей не можетъ дать ихъ. Право архіепископовъ судить гражданскія дѣла было слѣдствіемъ такого же права папъ; привилегія духовенства судиться духовнымъ судомъ даже въ дѣлахъ гражданскихъ была слѣдствіемъ гражданской іерархіи, первенство духовенства передъ другими классами; святая инквизиція была слѣдствіемъ принципа, по которому духовенство было единственнымъ хранителемъ религіи; іезуитизмъ, слѣдствіемъ принципа преобладанія папъ надъ властью свѣтской, слѣдствіемъ стремленія ихъ къ всемірной монархіи: они желали воспитаніемъ подготовить себѣ толпу покорныхъ слугъ, готовыхъ по первому знаку ихъ на все... Папскій дуализмъ составляетъ также непреодолимое препятствіе къ реформѣ финансовой и къ опредѣленію правильныхъ политическихъ отношеній; потому что можетъ случиться, что интересы папской области будутъ различны съ интересами папства, (какъ и были до сихъ поръ). Какъ поступить тогда? Какъ разграничить бюджеты? Вопросы по нашему мнѣнію неразрѣшимые безъ вреда свѣтской или духовной власти папы. Г. Гизо предлагаетъ для избѣжанія этого неудобства учредить федерацію изъ городовъ Римской области подъ верховной властью папы (98). Но развѣ не знаетъ онъ, что папство и народная федерація не могутъ существовать вмѣстѣ по разности ихъ принциповъ. Массы способны ошибаться; папа считаетъ себя непогрѣшимымъ, слѣдовательно имѣетъ полное право дѣйствовать по внушеніямъ своего вдохновенія, не обращая вниманія на требованія народа. Если же отнять у папы всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла, то опять-таки его свѣтская власть будетъ лишней, однимъ пустымъ звукомъ безъ содержанія, предполагая даже, что намѣренія всѣхъ папъ будутъ чисты, что ни одинъ изъ нихъ не покусится захватить власть, ему не принадлежащую.

Такимъ образомъ крайнимъ результатомъ выйдетъ, что папство не можетъ сохранить своей свѣтской власти безъ самоубійства, безъ разрушенія тѣхъ подпоръ, которыя созданы для подкрѣпленія ея. Разрушеніе же этихъ подпоръ произведетъ гораздо больше волненій и безпорядковъ, чѣмъ политическая революція, и нисколько не предохранитъ папства. Мы уже видѣли изъ брошюры отца Пасалія (*), что

(*) См. политику; Р. Слово окт.; 1861.

іезуиты вовсе не считаютъ себя обязанными раздѣлять участь папства; они готовы отречься отъ него и цѣной этого отреченія выкупить свое существованіе. Другіе ордена и апостольская камера также не позволятъ безнаказанно отнять свои привиллегіи, такъ что безъ поддержки свѣтской власти исполнить реформу будетъ невозможно; слѣдовательно, придется обратиться или къ Итальянскому королевству, или призвать иностранныя войска, и съ помощью ихъ возстановить прежнее положеніе дѣлъ на полуостровѣ. Г. Гизо, кажется, не прочь отъ послѣдняго, судя по тому, что онъ жалѣетъ, что Италія освободилась отъ враговъ своихъ и слилась въ одно королевство. Вотъ что говоритъ онъ:

«Пока побѣжденные не слились съ побѣдителями до такой степени, чтобъ забыть вражду и принять условія новаго существованія, до тѣхъ поръ побѣда остается актомъ насилія, который трактаты могутъ признать, который превосходство силъ и продолжительность времени могутъ поддержать, но который не перестаетъ чрезъ то быть оспариваемымъ, притѣснительнымъ и непрочнымъ».

«Таковъ характеръ австрійскаго завоеванія въ Италіи. Несмотря на свое владычество, столько разъ утвержденное, несмотря на личную *умѣренность* и ловкость нѣкоторыхъ изъ своихъ государей, Австрійцы никогда не могли сдѣлать изъ Итальянцевъ своихъ соотечественниковъ» (72).

«Но они (Итальянцы) не удовольствовались освобожденіемъ отъ иноземнаго ига; они въ то же время подняли другіе вопросы и затѣяли другія дѣла: предприняли низвергнуть во всей Италіи существующія правительства и соединить ее всю подъ властью одного государя... Въ объясненіе этого насильственнаго и дерзкаго поведенія, они приводятъ объясненіе, которое считаютъ неопровержимымъ: низверженіе прежнихъ итальянскихъ правительствъ, говорятъ они, было необходимо для пріобрѣтенія независимости. Австрія имѣла союзниковъ—вассаловъ въ Флоренціи, Моденѣ, Пармѣ, Неаполѣ и даже Римѣ; надо было разрушить эти орудія иноземнаго владычества, для того чтобы разрушить самое владычество»... (75)

Г. Гизо опровергаетъ это мнѣніе слѣдующими словами:

«Правда, Австрія, въ большей части итальянскихъ государей имѣла явныхъ или тайныхъ союзниковъ, которые признавали ея первенство и служили ея политикѣ. Но почему? Потому что они думали, что ихъ безопасности, даже жизни угрожаютъ революціи, потому что они

считали Австрію сильнѣе всѣхъ въ Италіи и разсчитывали всегда на ея побѣду. Не одинъ разъ многіе между итальянскими государями, въ особенности неаполитанскіе короли и великіе герцоги тосканскіе находили австрійское владычество слишкомъ тяжелымъ и пытались его свергнуть. Но когда внутри или извнѣ какая либо опасность постигала ихъ, они обращали свои взоры къ Австріи, они ожидали и получали отъ ней существенную помощь. Еслибъ это общее положеніе дѣлъ измѣнилось, еслибъ Австрія потеряла въ Италіи свои владѣнія и власть, еслибъ первенство перешло къ другой итальянской державѣ, довольно сильной и прочно поддержанной Европой, для защиты итальянской независимости отъ австрійскаго честолюбія—неужели можно подумать, что итальянскіе государи не привыкли бы къ этому новому положенію Италіи и рѣшились бы изъ жажды абсолютной власти, соединенной съ печальной зависимостью, дѣлать заговоры и компрометировать себя для побѣжденной Австріи?» (77).

Признаемся, мы рѣдко видали подобное изложеніе фактовъ.

Интересно узнать, какіе были тѣ государи австрійскаго дома, которыхъ умѣренность такъ хвалитъ г. Гизо? Интересно узнать, какія мѣры принимали они для пріобрѣтенія расположенія своихъ итальянскихъ подданныхъ?

Начнемъ съ того, что Австрія не имѣла права принять Венецію. Французы вступили въ нее какъ союзники и не имѣли права отдать ее. Принявъ отъ генерала Бонапарте Венецію, Австрія, естественно, приняла на свою отвѣтственность и всѣ послѣдствія такого насилія.

Принимая Ломбардо-Венеціанское королевство, австрійскій императоръ обѣщался уважать его учрежденія и сохранить національность—и нарушилъ свое обѣщаніе. Французскіе законы, были замѣнены частью австрійскимъ кодексомъ, однимъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ, частью оставались одной мертвой буквой безъ исполненія; солдаты, набранные въ итальянскихъ областяхъ, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ отечествѣ, были посылаемы въ другія области австрійской имперіи; большую часть мѣстъ заняли Нѣмцы; журналы встрѣчали такія затрудненія, что не было никакой возможности издавать ихъ; первоначальное воспитаніе старались передать въ руки іезуитовъ; шпіонство сдѣлалось главнымъ орудіемъ управленія; авторитетъ полиціи былъ безпредѣленъ; страна была разорена податями (*). Разумѣется, подобныя распоряженія внушали толь-

(*) Подробнѣе эти событія и положеніе страны изложены въ апр. кн. Р. Слова въ статьѣ о Манини. См. стр. 3 и слѣдующія въ отд. ин. литер.

ко ненависть къ Австріи, которую она еще болѣе усиливала своими жестокостями при потушеніи волненій. Мало того, вліяніе ея не ограничивалось тѣми областями, которыми она владѣла: она старалась еще остановить политическое развитіе и въ другихъ итальянскихъ областяхъ. Такъ парижскимъ трактатомъ 1817 года было поставлено, чтобъ итальянскіе государи не смѣли давать своимъ подданнымъ новыхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя Австрія почтетъ нужнымъ дать подвластнымъ ей народамъ... Напрасно г. Гизо думаетъ, что большая часть итальянскихъ государей прибѣгали къ Австріи только потому, что ихъ жизни грозила опасность. Во всѣ послѣднія революціи не только жизни владѣтельныхъ особъ не грозила опасность, но даже ихъ имущество было уважаемо. Австрійское иго для итальянскихъ владѣтелей вовсе не было такъ тяжело, какъ представляетъ г. Гизо. Оно немножко затрогивало ихъ гордость и самолюбіе — и только; зато позволяло имъ дѣлать все, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ они не покровительствовали либерализму. Вспомните распоряженія неаполитанскихъ королей Франциска и Фердинанда — и вы поймете, что требовать отъ нихъ участія въ освобожденіи Италіи невозможно (*). Какой поводъ былъ Фердинанду подкопаться подъ это дѣло? Кто угрожалъ его безопасности, его жизни? Конституція, которую онъ далъ была самая умѣренная; народъ забылъ о долголѣтнихъ страданіяхъ, перенесенныхъ отъ правительства; всѣ были такъ увлечены, что даже Ботселли, глава карбонаріевъ, бросился къ ногамъ короля, когда тотъ подписалъ конституцію. Правда, были недовольные, но такихъ было не много и лучшее средство воспрепятствовать ихъ вліянію было добросовѣстное соблюденіе конституціи. А такъ-ли поступали итальянскіе владѣтели? Отправляя флотъ на помощь Венеціи, король далъ ему секретныя инструкціи не дѣйствовать противъ Австрійцевъ; разсѣевая въ то же время въ войскѣ слухи объ опасностяхъ венеціанской экспедиціи, онъ вооружалъ противъ генерала Пепе солдатъ и офицеровъ посредствомъ своихъ клевретовъ; другіе государи дѣйствовали также: папа запретилъ генералу Дурандо переходить По; Леопольдъ назначилъ начальникомъ тосканскаго отряда Арко-Феррари, одного изъ неспособнѣйшихъ генераловъ, и парализировалъ своими распоряженіями дѣйствія патріотовъ; Карль-Альбертъ велъ войну для увеличенія Піемонта, а не для освобожденія Италіи.

(*) О правленіи неаполитанскихъ королей см. іюньскую книжку Р. Слова, отд. иностр. литературы.

Какъ только народъ замѣтилъ, что дѣйствія итальянскихъ владѣтелей рѣзко противорѣчатъ словамъ, такъ сейчасъ же движеніе приняло демократическій характеръ. Надо удивляться, какъ этого не случилось раньше, потому что итальянская демократія, дремавшая столько вѣковъ въ какомъ-то летаргическомъ снѣ, вдругъ возстала, пробужденная усиліями тайныхъ обществъ и литературы.

Цѣлая фаланга мыслителей и поэтовъ явилась проповѣдницей личнаго начала; понимая, что общественныя преобразованія только тогда могутъ быть прочны, когда каждый членъ общества достаточно развитъ, Каттанео, Маміани и другіе старались о распространеніи образованія на этихъ началахъ. Матильда Каландрини и Лудовикъ Фрасси распространяли въ Тосканѣ протестантство посредствомъ пріютовъ; молодые римскіе люди нарочно ходили въ кабаки заниматься образованіемъ транстевеpинцевъ; — все стремилось къ тому, чтобы соціальнымъ преобразованіемъ создать людей и съ помощью ихъ произвести политическую реформу... Патріоты употребляли всѣ усилія, чтобъ привлечь народъ на свою сторону; отъ этого движеніе приняло характеръ демократическій и національный. Графъ Кавуръ нисколько не виноватъ въ этомъ; онъ не былъ довольно геніаленъ, чтобъ управлять обстоятельствами, напротивъ того обстоятельства совершенно управляли имъ. Либерализмъ его ограничивалъ свои желанія созданіемъ королевства сѣверной Италіи, съ парламентомъ подъ его предсѣдательствомъ. Событія принудили его идти дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ, но онъ никогда не сочувствовалъ республиканской партіи и пытался даже остановить экспедицію Гарибальди въ Сицилію силою; тѣмъ болѣе онъ расходился съ Матсини. Союза его съ республиканской партіей не было; онъ былъ представитель mezzani, остановившихъ движеніе 48 года. Въ революціи 59 года онъ былъ принятъ какъ участникъ, но не какъ глава: оставаясь чуждымъ ей, онъ долженъ былъ бы оставить министерство. Главой движенія считался Викторъ Эммануилъ, душой его былъ Гарибальди. Роль Піемонта была опредѣлена здѣсь исторіей; ему не для чего было возбуждать возстаній: они были приготовлены безъ него усиліями патріотовъ и поступками Австріи и друзей ея. Піемонтъ производилъ вліяніе скорѣе примѣромъ своего благосостоянія, вытекшаго изъ учрежденій страны, чѣмъ дипломатическими интригами. Если принятіе изгнанниковъ и свободное выраженіе мнѣній считаются г. Гизо революціонными, въ такомъ случаѣ Англія будетъ самая революціонная страна въ свѣтѣ. Завоеваній Піе-

монтъ не могъ сдѣлать безъ согласія тѣхъ областей, которыхъ хотѣлъ присоединить къ себѣ, а убѣдить народъ нѣсколькими словами нельзя; общность интересовъ вызывала всѣ сословія къ дѣйствію, а не союзъ матсинистовъ съ кавуристами; какъ скоро цѣль была достигнута, партіи снова вступали во враждебное положеніе другъ къ другу. Обвинять какую нибудь партію въ стремленіи къ цѣли болѣе отдаленной, въ желаніи поставить человѣка въ болѣе благопріятныя условія, значитъ отрицать прогрессъ человѣчества. Общественный переворотъ, который такъ порицаетъ г. Гизо, вовсе не былъ такъ ужасенъ, какъ представляется съ перваго взгляда. Герцоги удалились сами, не желая ни дѣйствовать вмѣстѣ съ народомъ, ни исполнять принятыя прежде обязательства; имущества бѣжавшихъ были уважены, никто изъ чиновниковъ прежняго правительства не былъ оскорбленъ (кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ)... Въ королевствѣ неаполитанскомъ, правда, общее движеніе сопровождалось кровопролитіемъ, но это потому, что народъ тамъ былъ развитъ менѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ Италіи. При этомъ не надо забывать, что Сицилія пользовалась либеральной конституціей съ XIII вѣка, а въ Неаполѣ въ послѣдніе 40 лѣтъ конституція была два раза введена и нарушена... Но тенденціи Гизо поддерживаетъ свѣтскую власть папы; «Существенный характеръ христіанства, говоритъ онъ, есть уваженіе порядка и правъ всѣхъ (?); правъ Бога точно также какъ человѣка; правъ правительствъ какъ и правъ народовъ; правъ прошедшаго и правъ будущаго». Вообще видно, что время не просвѣтило г. Гизо нисколько. Какъ министромъ онъ былъ враждебенъ всякимъ народнымъ интересамъ, какъ тогда онъ государствомъ считалъ только буржуазію, такъ и теперь; какъ тогда онъ не понималъ Италіи, такъ не понимаетъ ее и теперь; какъ тогда онъ былъ фаталистомъ и доктринеромъ, такъ и теперь... Предлагая Италіи федерацію, онъ не понимаетъ, что для ней возможна только федерація народная. Древняя Греція, Швейцарія, Нидерланды, Сѣверо-Американскіе Штаты всѣ примѣры приведенные г. Гизо представляютъ примѣры демократическихъ федерацій. Другія федераціи постоянно неудавались, начиная итальянской лигой Лудовика Мора и оканчивая рейнскимъ союзомъ и франкфуртской діетой 48 года. Народная же федерація невозможна была въ настоящее время безъ народной войны, которая могла поднять на Италію европейскую коалицію. Самъ же г. Гизо говоритъ, что нелѣпо отказывать въ національности милліонамъ людей,

говорившихъ, въ теченіи вѣковъ на одномъ языкѣ, привыкнувшихъ уважать однихъ и тѣхъ же великихъ людей, какъ своихъ предковъ, привыкнувшихъ смотрѣть на одни и тѣ же произведенія искусства, какъ на общее свое достояніе. И если партія Матсини выставила на своемъ знамени единство, то потому, что оно было завѣтной мечтой всѣхъ великихъ Итальянцевъ отъ Данте и Маккіавели до нашего времени, потому что оно нашло отзывъ въ сердцахъ массъ, потому что безъ него освобожденіе Италіи не могло совершиться. Надо было подчинить на время мѣстные интересы одной общей цѣли—а это было возможно только при единствѣ! Общее движеніе могло явиться или республиканскимъ — и вызвать противъ себя европейскую коалицію, или демократическимъ, съ Піемонтомъ во главѣ, что было невозможно безъ единства. Возставая противъ него, г. Гизо, очевидно, смѣшиваетъ его съ централизаціей, тогда какъ между ними существенная разница. Мы нисколько не считаемъ современныя политическія формы Италіи постоянными и нѣсколько разъ высказывали это мнѣніе (*). Мы всегда думали, что для ней возможна народная федерація, по силѣ и развитію демократическаго элемента на полуостровѣ. Напрасно г. Гизо пугается завоевательныхъ видовъ Піемонта: Піемонтъ силенъ силой Италіи, силой народа, идеей единства, которой является представителемъ; повинуясь движенію національной идеи, онъ является только итальянскимъ государствомъ. Стремленіе его присоединить къ себѣ Римъ и Венецію вытекаетъ тоже изъ національныхъ тенденцій; большинство народа вездѣ на его сторонѣ, хотя многіе и не одобряютъ послѣднихъ его поступковъ. Г. Гизо старается представить его поведеніе въ превратномъ видѣ, но это потому, что онъ, какъ самъ сознается, не знаетъ хорошенько положенія дѣлъ. Вотъ его слова:

«Въ королевствѣ неаполитанскомъ чужеземная армія, выгнавъ короля, воюетъ, *не знаю хорошенько*, съ какой партіей (Une armée étrangère fait la guerre à je ne sais pas quelle partie); но только безъ сомнѣнія съ значительной партіей неаполитанскаго народа, который смотритъ на Піемонтцевъ какъ на чужеземцевъ и не хочетъ ихъ владычества. Чтобъ обуздать это сопротивленіе, изгоняютъ, заключаютъ въ тюрьмы, разстрѣливаютъ плѣнныхъ, сожигаютъ города. Въ римскомъ вопросѣ такіе поступки невозможны. Франція прикры-

---

(*) См. «Рус. Слово» іюль 1859 и іюль 1861 г.

ваетъ Римъ щитомъ своимъ, и потому пытаются дѣйствовать другими средствами, обращаются къ католической публикѣ, къ самому папѣ; пробуютъ его устрашить.—Что я говорю? не устрашить, а даже убѣдить хотятъ; принуждаютъ его уступить духу времени, покориться необходимости, согласиться на преобразованія, которыя ему предлагаютъ» (168).

Очень жаль, что г. Гизо, *не зная хорошенько предмета*, берется толковать о немъ; еслибы онъ повнимательнѣе слѣдилъ за событіями, то узналъ бы, что партія, противъ которой воюютъ Піемонтцы въ неаполитанскомъ королевствѣ соститъ изъ бродягъ и мошенниковъ, бывшихъ сбировъ и фанатиковъ-монаховъ; онъ узналъ бы что о снабженіи ихъ оружіемъ, деньгами и припасами заботится тотъ самый папа, котораго власть онъ такъ горячо отстаиваетъ. И если, и послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, итальянскіе патріоты рѣшаются обратиться къ нему съ убѣжденіями отказаться отъ свѣтской власти,— неужели они заслуживаютъ порицанія? Неужели Монтанелли, Манцони, Томассео, аббатъ Джоберти были худшими католиками и понимали интересы Италіи хуже г. Гизо? Неужели сами Итальянцы не чувствуютъ на каждомъ шагу неудобствъ, происходящихъ отъ свѣтской власти папы?

Остановимся на этомъ. Чтобъ опровергнуть всѣ ошибки г. Гизо, чтобъ показать всѣ его противорѣчія съ самимъ собой, надо было бы написать книгу толще его брошюры. Мы ограничились бы въ сужденіи о ней нѣсколькими строками, еслибъ клерикальная партія не прокричала объ этомъ произведеніи какъ о восьмомъ чудѣ въ свѣтѣ. Похвальные возгласы клерикаловъ лучше всего показываютъ жалкое положеніе ихъ партіи; всѣ талантливые люди отвернулись отъ нихъ, и они въ отжившихъ старикахъ-доктринерахъ должны искать себѣ подпоры и прославлять брошюрки, не выдерживающія самой снисходительной критики. Такія произведенія скорѣе всего могутъ убить то дѣло, которое защищаютъ. Они служатъ новымъ доказательствомъ, что нельзя писать съ заранѣе заданной мыслью для оправданія какой-нибудь доктрины,—противорѣчія и натянутость въ фактахъ въ такихъ случаяхъ неизбѣжны; но доктринеры—люди съ самыми раздражительными самолюбіями. Попробуйте усомниться въ дарованіи какого-нибудь изъ нихъ—онъ готовъ кричать о гибели человѣчества. Эгоизмъ, самообожаніе отрицаніе жизни — ихъ отличительныя черты; типъ Вагнера въ Фаустѣ— полное выраженіе доктринерства. Какъ-бы велика ни была эрудиція—

если въ ней нѣтъ жизни,—она нетолько безполезна, но даже вредна, потому что задерживаетъ живое развитіе во имя мертвой буквы. Мы не отвергаемъ, чтобъ доктринеръ не могъ приносить свою долю маленькой пользы, но сфера его слишкомъ узка и какъ только онъ выходитъ изъ ней, онъ становится смѣшнымъ или вреднымъ, смотря по своему общественному положенію...

В. ПОПОВЪ.

Львиная лапка, разсказъ Бертольда Ауэрбаха.
(Edelweiss, eine Erzählung von Berthold Auerbach).

Этотъ разсказъ Ауэрбаха принадлежитъ къ числу легкихъ поэтическихъ произведеній, которыя можно назвать литературными цвѣтками: красиво, мило, свѣжо. И это имѣетъ такую силу обаянія, что многихъ подкупаетъ и заставляетъ смотрѣть болѣе чѣмъ снисходительно на промахи и натяжки автора; за него становится какъ будто бы совѣстно, но не рѣшаешься его строго судить.

Въ «Львиной лапкѣ» Ауэрбаха на первый планъ выступаетъ семейная жизнь молодаго часовщика, страстнаго музыканта въ душѣ, но слишкомъ нѣжнаго, мягкосердечнаго и слабаго. Женатъ онъ на дочери содержателя гостинницы, гордой и избалованной красавицѣ, привыкшей къ лести и поклоненію. Она занимала многочисленныхъ посѣтителей гостинницы своими умными и живыми разговорами; научилась угождать и очаровывать, но изъ этого сближенія съ людьми вынесла порядочную дозу инстинктивнаго презрѣнія къ нимъ. Мать ея—вздорная кумушка. Отецъ—олицетвореніе степенности и достоинства: онъ медленно выступаетъ, медленно обводитъ глазами гостей, подаетъ руку только избраннымъ, и внутренно сознаетъ, что дѣлаетъ имъ большую честь своимъ присутствіемъ, и сами гости сознаютъ, что это большая честь и называютъ хозяина честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ. Въ этихъ послѣд-

нихъ достоинствахъ сомнѣвалась его хорошенькая дочь Аннели; она не любила отца; съ матерью же она бранилась. Не таковы были родители часовщика Ленца: отецъ его былъ человѣкъ работящій, честный и сурово строгій; но онъ умеръ, когда сынъ былъ еще ребенкомъ; мать Ленца умерла незадолго до его женитьбы. О ней всѣ говорятъ, что это была набожная женщина; ея слова приводятъ какъ притчи; завѣщанный ею засушенный цвѣтокъ Edelweisz сынъ чтитъ и бережетъ какъ святыню, вѣруетъ въ его спасительное свойство. Но вотъ онъ женатъ. Онъ любитъ свою молодую жену безъ памяти, онъ говоритъ что вѣчно будетъ ее на рукахъ носить. А она? Да и она его любитъ; мы узнаемъ впослѣдствіи изъ ея собственнаго признанія, что женственная, мягкая доброта ея суженаго казалась ей иногда приторною и смѣшною, но потомъ вдругъ она одумывалась и готова была броситься передъ нимъ на колѣни и цѣловать его руки. И вотъ, несмотря на взаимную любовь между молодою четой, нѣтъ и тѣни счастья. Сначала все еще ничего: онъ прилежно работаетъ, она занимается хозяйствомъ, разговариваютъ, строютъ планы, и оба довольны своимъ уединеніемъ. А между тѣмъ отецъ Аннели разоряется, забравъ напередъ деньги зятя, и этимъ доводитъ его до крайности. Ленцъ теряется, начинаетъ усиленно работать, но работа валится изъ рукъ и онъ совершенно падаетъ духомъ. Аннели начинаетъ упрекать его; она сердится, зачѣмъ онъ непослушался ее и отдалъ деньги отцу; ей тяжело было видѣть своего мужа такимъ убитымъ, задавленнымъ, молящимъ о поддержкѣ и утѣшеніи; ей хотѣлось бы, чтобы онъ принялъ какія нибудь энергическія мѣры; она настаиваетъ, чтобы онъ бросилъ свое ремесло, продалъ бы домъ и завелъ гостинницу; она ручается, что съумѣетъ такъ хорошо повести хозяйство, что совершенно обезпечитъ семейство. Но Ленцъ не уступаетъ требованіямъ жены, потому что слишкомъ привязанъ къ своему ремеслу, завѣщанному изъ рода въ родъ, и къ своему родительскому дому. Аннели сердится, доходитъ до ожесточенія, какъ говорится, и рветъ, и мечетъ; все кончается упреками и бранью, обращенными на несчастнаго мужа. Она называетъ его мямлей, лѣнтяемъ, хвастуномъ, умѣющимъ только говорить; однимъ словомъ, придирается и бранится, какъ только можетъ разсерженная, капризная женщина. Доведенный до отчаянія, Ленцъ грозитъ, что убѣжитъ изъ дома; Аннели смѣется на это и говоритъ, что онъ ее очень обяжетъ. И Ленцъ обязываетъ, т. е. бѣжитъ, имѣя однакоже цѣлью искать помощи у своихъ добрыхъ знакомыхъ. И вотъ Аннели остается одна. Естественно, она должна была за-

тихнуть и успокоиться; а потомъ само собою пришло бы раздумье о своемъ настоящемъ положенiи, о томъ, сколько сама она подбавляетъ въ него горечи и отравы. А ея отношенiя къ мужу—что она съ ними сдѣлала? Непосредственное чувство должно было бы подсказать ей, что вѣдь лежачаго не бьютъ. Да и что же онъ сдѣлалъ? За что же мучить его, за что его бранить? Вѣдь ему и то не легко: день и ночь все работа, да работа, колесцы, да винтики, да опять колесцы, голова кругомъ пойдетъ... И никто не поможетъ ему, никто не скажетъ добраго слова, никто не утѣшитъ... На что онъ сталъ похожъ: исхудалый, блѣдный, ходитъ какъ въ воду опущенный, бѣдный, бѣдный Ленцъ... А все я.. Ну, что жъ мнѣ дѣлать? Вотъ не могу я, чтобъ съ нимъ не побраниться, такъ меня что-то и поджигаетъ, а ему, и безъ меня тошно... Даже изъ дому убѣжалъ.

Вотъ естественный путь, по которому Аннели должна была дойти до того мягкаго, нѣжнаго настроенiя, когда она выходитъ на улицу, чтобы поджидать мужа, когда она готова броситься къ нему на встрѣчу, обнять, приласкать его, чтобы онъ и не вспомнилъ о прошломъ.

Все это Аннели необходимо должна была перечувствовать. Мужа нѣтъ, слѣдственно нѣтъ на-лицо живой улики въ ея жестокости, въ безжалостной несправедливости; а это тяжелое сознанiе только раздражаетъ ее, побуждаетъ еще къ большимъ несправедливостямъ и ставитъ въ такое безвыходное положенiе, что можно дойдти до отчаянiя, до преступленiя... А тутъ нѣтъ ничего, чтобы ее возбуждало—все тихо, спокойно; она предоставлена собственнымъ мыслямъ, а эти мысли нашептываютъ ей много и много хорошаго. Отсутствiе любимаго человѣка вноситъ въ наше чувство еще одинъ новый элементъ: жалость, ту нѣжную, женственную жалость, которую простой народъ и не отдѣляетъ отъ любви. Спросите молодую крестьянку, любитъ ли она своего ребенка, и она отвѣтитъ вамъ, лаская его: «ужъ такъ-то онъ мнѣ жалокъ!» Вотъ и отсутствующiй любимый человѣкъ становится для насъ также жалокъ; оттого что, чувствуя всю силу нашей любви къ нему, мы жалѣемъ его, что онъ ея лишенъ, что мы не можемъ окружить его этою любовью и лелѣять его. Да и просто *такъ;* онъ намъ жалокъ, потому что о каждомъ изъ насъ вовсе не лишнее пожалѣть. Когда дорогое намъ существо на-лицо, то оно кажется намъ такимъ свѣтлымъ, отраднымъ явленiемъ; такъ легко вѣрится въ его силу, въ прочность его счастья; жалость уступаетъ мѣсто восторгу, какому-то дѣтскому вѣрованiю чуть ли не во все-

могущество того, кого любимъ. Но когда существо это далеко, когда мы не знаемъ, что съ нимъ, и не можемъ ни защищать его, ни утѣшить, тогда и становится жалко, такъ жалко, что и высказать трудно; вами овладѣваетъ не столько за себя, сколько за другую, родную вамъ душу, какое-то сиротливое, ноющее чувство. Тутъ есть и инстинктъ, всемогущій инстинктъ, заставляющій каждое животное, сдѣлавшееся матерью, дрожать за своихъ дѣтенышей и съ недовѣрчивостью озираться кругомъ, вездѣ высматривая угрожающія имъ враждебныя силы. И громъ-то прогремѣлъ ужъ не противъ нихъ ли? И тучи ужъ надвинулись не на ихъ ли погибель? Какъ все намъ кажется и страшно, и грозно, и какое небывалое и невозможное значеніе придаемъ мы тому, за что боимся, и всему тому, чего мы боимся.

Такъ вотъ и Аннели была мягко и нѣжно настроена; она стала ждать мужа и даже упала въ обморокъ, когда одинъ изъ его товарищей принесъ ей случайно найденную имъ въ оврагѣ шляпу Ленца. Но дошла Аннели до этого настроенія не собственными мыслями и непосредственнымъ чувствомъ, нѣтъ; Ауэрбахъ придумалъ вотъ что: онъ отрядилъ къ своенравной женѣ священника съ проповѣдью и велѣлъ ему наставить ее на путь истинный, а ей приказалъ его слушать, и должно быть строго на строго приказалъ, иначе, трудно повѣрить, какъ эта самолюбивая и къ наставленіямъ непривыкшая молодая женщина такъ терпѣливо выслушиваетъ непрошенныя правоученія, позволяетъ третьему лицу касаться хотя, можетъ быть, и не жесткими, но все же для нея посторонними руками, такого щекотливаго вопроса какъ семейныя отношенія. Но какъ бы то ни было, а духовный пастырь научаетъ Аннели уму-разуму, такъ что она собирается встрѣтить мужа очень дружелюбно. А между тѣмъ тотъ самый товарищъ Ленца, который принесъ его шляпу, успокоиваетъ Аннели насчетъ мужа, что онъ здоровъ и невредимъ, и разсказываетъ между прочимъ, что Ленцъ поручился за него, но что теперь поручительство это не нужно, потому что долгъ уже заплаченъ. Аннели еще прежде знала объ этомъ поручительствѣ и все настаивала, чтобы мужъ отказался отъ него; а онъ, чтобы ее успокоить, сказалъ наконецъ, будто бы онъ дѣйствительно отказался. Стало быть онъ обманулъ ее; и вотъ Аннели вспыхиваетъ какъ порохъ. Куда дѣвалось ея мягкое настроеніе; теперь она сердится, выходитъ изъ себя и готовитъ мужу совсѣмъ иную встрѣчу. Когда онъ приходитъ, Аннели даже не встрѣчаетъ его, едва отвѣчаетъ ему отрывисто, холодно, колко, наконецъ показываетъ

ему очень ясно, что его присудствіе ей въ тягость, что онъ внушаетъ ей одно отвращеніе. Такую расчитанную и ничѣмъ невызванную жестокость трудно предположить въ женщинѣ съ горячимъ сердцемъ. Такъ что во всю эту сцену какъ-то не вѣрится; думается, что это такъ только показалось Ауэрбаху, что онъ хорошенько не вслушался. А между тѣмъ мы вовсе не надѣемся, что вотъ не будь только этого поручительства, да оставайся Аннели подъ благотворнымъ впечатлѣніемъ пасторской проповѣди, то она встрѣтила бы мужа очень ласково, и зажили бы они мирно и тихо. Это положительно невозможно: слишкомъ много накопилось между ними такого, о чемъ обоимъ вспомнить было тяжело. Не могла же Аннели вдругъ преобразиться, а главное, не могла же она вдругъ устранить то, что до сихъ поръ мѣшало ей быть любящей и нѣжной женою. А причину всего этого нужно искать, какъ намъ кажется, не въ прежней жизни Аннели и не въ томъ, что ее такъ избаловали дома, а въ томъ, что она не умѣла и не могла любить мужа такъ, какъ бы самой ей этого хотѣлось, такъ, какъ этого требовала ея живая и энергичная натура. Она находила мужа слишкомъ мягкимъ, слабымъ, безропотнымъ и наконецъ слишкомъ снисходительнымъ, хотя бы и въ отношеніи къ ней. А между тѣмъ она не могла не отдавать полную справедливость его доброму, нѣжному сердцу и даже его твердости тамъ, гдѣ дѣло касалось его самыхъ задушевныхъ убѣжденій. Ей хотѣлось любить его сильнѣе; она не могла не чувствовать въ самой себѣ страшнаго недостатка нѣжности и ласки, но она не знала, какъ помочь бѣдѣ; и вину всего этого она, сама того не сознавая, готова была возложить на Ленца: зачѣмъ онъ не сдѣлаетъ такъ, чтобы она могла любить его сильнѣе, зачѣмъ онъ не разшевелитъ въ ней нѣжность.

По этому Ленцъ, несмотря на всю свою доброту, является такой жалкой флегмой, такимъ беззащитнымъ бараномъ, что право, пожалуй, скажешь: ну и по дѣламъ ему. Все это ожесточаетъ Аннели и она еще болѣе сердится и бранится. Еслибы Ауэрбахъ хотя немного освѣтилъ ея внутреннюю жизнь, она непремѣнно возбудила бы жалость, потому что сама она страдала, не могла не страдать. Между прочимъ, вотъ что говоритъ она о мужѣ: Ленцъ занимался издѣліемъ часовъ съ музыкою; это было его любимой работой; и сравнивая себя съ своими твореніями онъ сказалъ одинъ разъ: вотъ какая разница между мной и этими машинками: онѣ сами играютъ, но не слышатъ и не понимаютъ му-

зыки, а я только слышу, да понимаю. Припоминая эту фразу Аннели говоритъ самой себѣ: и онъ точно такой же какъ его машинка, онъ самъ умѣетъ только играть, а не слышитъ и не понимаетъ другой музыки. Аннели не даромъ жаловалась на неотзывчивость мужа; онъ былъ ласковъ и нѣженъ, но не старался разгадать любимую женщину, не слыхалъ и не понималъ ее. Онъ и добротою своею вредилъ только дѣлу. Ну такъ какъ же тутъ быть? спросятъ добрые люди, которые всегда требуютъ медицинскаго совѣта, или рецепта, когда имъ указываютъ на какія нибудь уродливости отношеній. Конечно, все бываетъ болѣе или менѣе поправимо; да кто поправлять-то будетъ? На вопросъ: такъ что же тутъ дѣлать? Мы отвѣтили бы, что Ленцу нужна не такая жена, а Аннели не такой мужъ. Ну, а помимо этого? Ленцу нужно придать болѣе мужественности, а Аннели болѣе мягкости; ну, а такъ какъ этого нельзя, то не травкой же ихъ въ самомъ дѣлѣ отпаивать. Поневолѣ надо предоставить ихъ самимъ себѣ, чтобы они путемъ нарощенія недоразумѣній и непріятностей дошли бы наконецъ до какого нибудь перелома, или же до утомленія и, вслѣдствіе этого, до примиренія съ настоящимъ порядкомъ. А тутъ еще можетъ быть обстоятельства придутъ на выручку и доведутъ до развязки.

У Ауэрбаха кончается все вотъ чѣмъ: доведенный до отчаянія, Ленцъ рѣшается на самоубійство; для этого онъ удаляетъ дѣтей изъ дому, посылаетъ ихъ къ своему другу, пишетъ къ нему письмо, и потомъ входитъ въ комнату Аннели, для того, чтобы проститься съ нею. Вдругъ раздается ужасающій трескъ и гулъ, почва колышется подъ ногами, въ мигъ становится совершенно темно. Наконецъ Ленцъ догадывается въ чѣмъ дѣло: это обвалъ, и они засыпаны снѣгомъ! Аннели съ ужасомъ спрашиваетъ, что случилось, кричитъ, доходитъ до отчаянія. Можно ожидать каждую минуту, что крыша обвалится и задавитъ ихъ. Ленцъ приходитъ въ себя, принимаетъ всѣ нужныя мѣры, зажигаетъ огонь и старается ободрить до крайности испуганную жену.

На спасеніе еще можно надѣяться: ихъ можетъ быть отроютъ; съѣстные припасы есть и съ ними можно прожить сутокъ двое. Но все это невѣрно, и смерть смотритъ прямо въ глаза. Подземные отшельники начинаютъ обсуживать свое положеніе, говорятъ о прошедшемъ. Изъ словъ дяди Аннели представляется, что и онъ, и мужъ готовы теперь накинуться на нее съ упреками и обвиненіями. Она съ запальчивостью говоритъ

имъ, что она ихъ и теперь не побоится, не дастъ себя въ обиду, не позволитъ себя оскорблять. Ленцъ старается ее успокоить, но признается ей, что рѣшился было на самоубійство. Это сильно потрясаетъ Аннели. Ужасъ предстоящей смерти овладѣваетъ ею все съ большею силой. Она въ отчаяніи мечется по постели, призываетъ мужа, боится отпустить его отъ себя. Ее мучитъ раскаяніе; она проситъ прощенія, припоминаетъ всѣ свои проступки до мельчайшихъ подробностей, обѣщаетъ быть совершенно иною; плачетъ и ласкается къ мужу.

Все случившееся не могло не потрясти Аннели до основанія. Вотъ и конецъ всему, вотъ и смерть. А какъ прошла жизнь?.. Такъ многое тяготитъ сердце, что̀ хотѣлось бы сбросить, забыть, отъ чего хотѣлось бы отречься. А много ли было наслажденій? Нѣтъ, все было отравлено и многое по собственной винѣ. Гдѣ же то счастье, о которомъ она прежде такъ горячо мечтала? Гдѣ любовь, гдѣ отрада? И любить не съумѣла, и наслаждаться не могла, а вотъ и смерть.

Понятно, что Аннели замираетъ, трепещетъ; что ее терзаетъ мысль о своемъ разбитомъ счастьѣ, о разбитомъ счастьѣ мужа, и она льнетъ къ нему и ласкаетъ его. Она любитъ его до страсти... и какъ умирать не хочется... Душа такъ и проситъ свѣта, простора, любви...

Понятно, что Аннели бросилась въ объятія мужа; понятно, что она просила забыть все ненавистное прошлое, но чтобы она, какъ ребенокъ на исповѣди, припоминала всѣ свои вины, всѣ несправедливости и капризы, и за каждый въ особенности вымаливала бы себѣ отпущеніе, это едва ли покажется естественнымъ. Самое величіе минуты не допустило бы до кропотливаго копанья въ тяжелыхъ и непріятныхъ воспоминаніяхъ. Да и самому Ленцу каждая ласка, каждый поцѣлуй жены, вѣроятно, были дороже самыхъ искреннихъ признаній, что вотъ тогда то и тогда то она совершенно несправедливо на него разсердилась. Онъ долженъ былъ видѣть, что она его любитъ, не можетъ не любить; и что ото всего прошедшаго она отреклась и оно ей страшно.

Друзья отрыли ихъ и спасли. Аннели вышла изъ подъ снѣгу съ волосами совершенно побѣлѣвшими. Она какъ будто переродилась; сдѣлалась тиха и кротка; угождала мужу, угождала старой, преданной работницѣ, которую прежде выгнала изъ дому. Не мудрено, если

случившаяся катастрофа оставила на молодой женщинѣ самые глубокіе слѣды и сломила ея непокорный нравъ. Она такъ много пережила въ нѣсколько часовъ, такъ близко была отъ потери всего, что не мудрено, если она стала искать и цѣнить тихое и мирное счастье. Но это усиленное, напряженное старанiе быть доброй и кроткой не есть прямое слѣдствiе случившагося, а скорѣе похоже на монастырское послушанiе, на отмаливанье вольныхъ и невольныхъ грѣховъ.

Такъ обыкновенно оканчивается почти всякая повѣсть Ауербаха. Стремленіе его къ добру отзывается тѣмъ чувствомъ милосердія, которое мы встрѣчаемъ между старыми барынями на церковныхъ папертяхъ; Ауербахъ не видитъ и не понимаетъ, гдѣ лежитъ корень зла въ соціальныхъ отношеніяхъ людей, и потому прибѣгаетъ къ разнымъ примирительнымъ полумѣрамъ, старается окрашивать черный фонъ жизни, за неимѣніемъ хорошихъ красокъ, кой-какими замазками, въ родѣ сурика и синели. У него нѣтъ ни рѣзкихъ образовъ, ни сильныхъ драматическихъ сценъ; онъ ровенъ, какъ протестантская проповѣдь, онъ монотоненъ, какъ семейная обстановка флегматической Нѣмки, онъ тепелъ и симпатиченъ, и за это его читаютъ и любятъ въ мѣщанскихъ кружкахъ Германіи.

Der herzog von Gotha und sein Volk. Ein Aufsatz von Eduard Schmidt-Weissenfels nebst einem Antwortschreiben des herzogs Ernst von Sachsen-Koburg-Gotha. Leipzig. 1861.

Герцогъ Готскій и его народъ. Шмидта-Вейсенфельса съ присоединеніемъ отвѣта герцога Ернста Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. Лейпцигъ. 1861 (*).

Вопросъ о германскомъ единствѣ представляется однимъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. Съ осуществленіемъ его соединяется возрожденіе 40 м. Германцевъ и уничтоженіе систематической австрійской реакціи. Составленная изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, раздѣленная на множество мелкихъ государствъ, подчиненная вліянію Пруссіи и Австріи, Германія представляетъ остатокъ средневѣковой неурядицы и печальный образецъ новѣйшаго неустройства, Безъ сомнѣнія, положеніе ея лучше чѣмъ было до 1848 года, но лучше развѣ только потому, что тогда было невыразимо дурно. Такой порядокъ дѣлъ не могъ продолжаться; со всѣхъ сторонъ слышались требованія реформъ; но большая часть владѣтелей оставалась глуха къ этимъ воплямъ.

Но изъ числа германскихъ владѣтелей были люди, которые смотрѣли дальше, которые понимали, что преобразованія необходимы; эти люди старались по возможности облегчить участь народа. Къ числу ихъ принадлежитъ герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій. Получивъ либеральное воспитаніе подъ руководствомъ Кэтлé (Quételet), онъ отправился путешествовать по западной Европѣ. Шестилѣтнее пребываніе въ Лондонѣ, Парижѣ и Брюс-

---

(*) Чтобъ не повторять уже сказаннаго, для лучшаго уразумѣнія вопроса, просимъ читателей заглянуть въ статью Э. Реклю; Взглядъ Француза; см. Русск. Слово май и іюнь, 1861.

селѣ и знакомство съ Герлахомъ, Бульверомъ, Арконати, Аррпвабене и другими принесло свои плоды. Возвратившись въ Германію, Эрнстъ слушалъ лекціи въ боннскомъ университетѣ, гдѣ въ то время произошла реакція противъ рутины, господствовавшей до тѣхъ поръ въ преподаваніи.

Вскорѣ потомъ (1844) герцогъ вступилъ на престолъ. Положеніе его было затруднительно; миніатюрное герцогство его состояло изъ двухъ различныхъ элементовъ. По прекращеніи эрнестинской линіи готскаго дома, большая часть готскаго герцогства была присоединена къ Саксенъ-Кобургу. Это присоединеніе чрезвычайно не нравилось готской аристократіи, потому что она чувствовала, что должна будетъ потерять свое значеніе. Новый герцогъ былъ человѣкъ благонамѣренный, но самовластный; конституція, данная имъ въ 1821 году Кобургъ-Саальфельду, была неудовлетворительна и вела къ раздорамъ. Въ Готѣ была своя маленькая конституція, которая передавала всю власть въ руки бюрократіи и буржуазіи, но жители довольствовались и ею; теперь же они видѣли, что придется отказаться отъ положенія, къ которому привыкли, а для добрыхъ Нѣмцевъ это было хуже смерти... Ожиданія ихъ оправдались: новый герцогъ былъ человѣкъ крутой и перевернулъ все вверхъ дномъ въ готскомъ герцогствѣ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ; благосостояніе Готы увеличилось, но зато Кобургъ не могъ простить, что герцогъ перенесъ свою столицу въ другой городъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Эрнстъ вступилъ на престолъ. Четыре года старался онъ примирить враждебные элементы, но не могъ этого сдѣлать... Примиреніе это онъ основывалъ на торжествѣ народнаго принципа, что, разумѣется, вооружило противъ него большинство фамилій въ герцогствѣ. Одну изъ причинъ такого нерасположенія Эрнстъ видитъ въ томъ, что патріархальные обычаи упали, что герцогъ съ учрежденіемъ отвѣтственнаго министерства не могъ уже произвольно распоряжаться государственными доходами, чтобъ помогать бѣднымъ. Возраженіе, по нашему мнѣнію, неосновательное. Какое отвѣтственное министерство осмѣлится отказать въ помощи разоренному народу? Развѣ не отъ герцога зависитъ выборъ министровъ? Наконецъ, развѣ не имѣетъ онъ своихъ частныхъ доходовъ, которые онъ можетъ употребить, какъ ему угодно? Намъ кажется, нелюбовь къ герцогу въ началѣ его царствованія произошла

отъ сдѣланныхъ имъ перемѣнъ; простой народъ не любитъ никакихъ нововведеній — этимъ искусно воспользовались готскіе и кобургскіе недовольные и старались возбудить ропотъ противъ Эрнста.

Такое недоразумѣніе продолжалось до революціи 1848 года. Просвѣщенныя распоряженія герцога, нелицемѣрное усердіе его къ созданію единства Германіи пріобрѣли ему любовь народа, который въ это короткое время значительно развился. Популярность Эрнста еще болѣе увеличилась послѣ реакціи 1849 года: онъ съ каждымъ днемъ яснѣе высказывалъ свои мысли насчетъ единства Германіи; онъ далъ прессѣ свободу открыто разсматривать этотъ вопросъ и позволилъ учрежденіе въ своихъ владѣніяхъ общества германскаго единства. Разумѣется, такое поведеніе не могло нравиться австрійскому правительству, которое нѣсколькими нотами и статьями въ оффиціальныхъ журналахъ изъявило свое неудовольствіе. Къ числу такихъ явленій мы причисляемъ и книгу г. Шмидта-Вейссенфельса.

Чтобъ ослабить популярность герцога, онъ представляетъ намъ незавидную картину современнаго положенія герцогства и старается доказать, что Эрнстъ не очень любимъ своими подданными. «Было бы ошибочно думать, говоритъ онъ, что герцогъ пользуется у своего народа той же популярностью и уваженіемъ, какими пользуется въ остальной Германіи и даже въ другихъ государствахъ... Говорятъ, что онъ слишкомъ много занимается высшей политикой и слишкомъ мало своими подданными. Онъ призвалъ множество иностранцевъ и роздалъ имъ самыя важныя мѣста, тогда какъ туземцы рѣдко достигаютъ высшихъ должностей и чиновъ. Онъ смотритъ на управленіе своей областью какъ на что-то недостойное его талантовъ и въ то время, какъ вся Германія провозглашаетъ его лучшимъ изъ князей, подданные его извлекаютъ изъ этого слишкомъ мало пользы. Остается, говорятъ, исправить еще много злоупотребленій, многое могло бы идти лучше;... діета состоитъ изъ чиновниковъ; куда ни повернись—вездѣ встрѣтишь совѣтника, слѣдовательно, съ этой стороны мало надежды. Что же касается до свободы прессы, это дѣло совершенно особенное. Правда, въ областяхъ герцога можно думать, писать и печатать свободно о дѣлахъ всего міра, кромѣ герцогства Кобургъ-Готскаго. Если заговорите, напр. о недостаткахъ учебнаго вѣдомства—васъ притянетъ къ суду коммиссія училищъ. Нельзя даже критиковать театральныя представленія, не рискуя подвергнуться жалобѣ со стороны интенданта или актера и

быть обвиненнымъ въ оскорбленіи герцогскаго чиновника (herzoglichen Beamten)».

Высказавъ эти обвиненія, г. Шмидтъ-Вейссенфельсъ, по обычаю всѣхъ доктринеровъ австрійской школы, начинаетъ оправдывать герцога, приводя въ оправданіе такія причины, которыя набрасываютъ еще болѣе тѣни на обвиняемаго. Продолжаемъ нашу выписку.

«Таковы сплетни насчетъ герцога. Во многихъ отношеніяхъ эти обвиненія основательны, но нельзя ставить ихъ въ вину ему; его дѣятельный и обширный умъ любитъ заниматься дѣлами въ большихъ размѣрахъ и охотно избавился бы отъ узкихъ интересовъ маленькаго княжества, чтобъ вознестись въ области высшей политики и способствовать благу общаго отечества. Досада, которую онъ испытываетъ, простительна, но ее нельзя оправдывать. Впрочемъ, Гота есть часть и притомъ прекрасная часть Германіи, и благосостояніе ея можетъ принести герцогу только пользу... Мы должны считать себя счастливыми, что одинъ изъ нашихъ государей съ такими способностями, съ такой полнотой національнаго чувства принимаетъ дѣятельное участіе въ организаціи Германіи и въ великомъ народномъ дѣлѣ и дѣйствуетъ согласно съ народомъ. Впрочемъ герцогство Кобургъ-Гота не такъ велико, чтобъ его владѣтель долженъ былъ заниматься исключительно его управленіемъ».

Замѣчаете ли съ какимъ, искусствомъ сгруппированы здѣсь фразы. Дѣла въ герцогствѣ идутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, потому что герцогъ занимается обширными предпріятіями. Это предостереженіе Германіи недовѣрять своей участи такому человѣку. Похвалы здѣсь вставлены для того, чтобъ придать сужденіямъ характеръ безпристрастія. Въ заключеніе г. Шмидтъ-Вейссенфельсъ намекаетъ, что герцогу остается много свободнаго времени отъ управленія страной, и вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ изображенію домашней жизни Эрнста и окружающихъ его. «Театръ слѣдуетъ за герцогомъ, говоритъ онъ, при всѣхъ перемѣнахъ резиденціи. Герцогъ истрачиваетъ на него большія суммы. Онъ страстно любитъ музыку и потому особенно заботится объ оперѣ. Что касается до декорацій, костюмовъ и постановки на сцену, во всей Германіи едва ли найдется три или четыре театра, которые могутъ соперничать съ готскимъ. Герцогъ такъ любитъ театръ, что рѣдкій вечеръ не бываетъ на представленіи... Не меньше театра онъ любитъ охоту и лошадей.

«Праздники при дворѣ отличаются великолѣпіемъ; на большихъ балахъ бываетъ не менѣе 500 человѣкъ; огромныя залы Фриденштейна наполняются придворными, офицерами, цвѣтомъ готской буржуазіи и молодыми референдаріями, приглашенными единственно для танцевъ. Балъ оканчивается роскошнымъ ужиномъ. Герцогъ на балахъ бываетъ очень любезенъ и позволяетъ себѣ иногда танцовать съ хорошенькими дочерьми и женами готскихъ буржуа».

Описавъ такимъ образомъ герцога и его дворъ, г. Шмидтъ-Вейсенфельсъ, продолжаетъ: «Вотъ главнѣйшія случаи (балы и маскарады), гдѣ герцогъ входитъ въ непосредственное сообщеніе съ народомъ и, входитъ такимъ образомъ, который дѣлаетъ честь его характеру». Затѣмъ снова слѣдуютъ похвалы.

Цѣль брошюры (*) была слишкомъ ясна. Герцогъ былъ атакованъ передъ общественнымъ мнѣніемъ; молчаніе его придало бы болѣе силы обвиненіямъ; герцога могли заподозрить въ презрѣніи общественнаго мнѣнія; брошюра была составлена слишкомъ умно, чтобъ на нее можно было отвѣчать презрѣніемъ. Герцогъ понялъ это и обратился съ печатнымъ оправданіемъ къ суду общества.

Изложивъ вкратцѣ прежнее положеніе владѣній, герцогъ продолжаетъ:

«Узнавъ въ Англіи о паденіи французскаго правительства, я поспѣшилъ вернуться въ Германію и поспѣлъ въ Готу въ самую пору; прибытіе мое и указы, и прокламаціи отвратили народныя насилія. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ я былъ совершенно одинъ. Чиновничій міръ не зналъ, что думать, какъ рѣшить. Я долженъ былъ войдти въ сношеніе съ массами непосредственно. Съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ дняхъ, потому что никогда съ тѣхъ поръ народъ не оказывалъ мнѣ такой полной и безусловной довѣренности».

«Въ городахъ и особенно въ Готѣ новый порядокъ вещей произвелъ большія перемѣны. Прежнее равнодушіе уступило какому-то политическому упоенію. Кто прослѣдитъ исторію реформъ, совершенныхъ въ Готѣ, тотъ увидитъ, что аристократическій элементъ, такъ сильный прежде въ государствѣ, былъ отброшенъ совершенно на задній планъ. Богатое дворянство изъ мести отдалилось отъ государя и

(*) Прежде она явилась въ видѣ статьи въ Leipziger Sonntagsblatt.

отъ народа и дало полную свободу собранію, составленному по выборамъ на самомъ широкомъ демократическомъ основаніи. Но пренія въ церкви св. Павла только на короткое время привлекли вниманіе буржуазіи. Скоро мѣстные и частные вопросы поглотили всѣ другіе. Интересъ къ обще-германскимъ дѣламъ ослабѣлъ въ скоромъ времени до такой степени, что я остался одинъ съ немногими, чтобъ защищать великое дѣло нѣмецкой національности.»

«Это крайнее равнодушіе къ истиннымъ интересамъ нашего великаго отечества продолжается, кромѣ нѣкоторыхъ почтенныхъ исключеній, до нашего времени. Жители города Готы раздѣляются на три главныя группы: 1) дворянство, въ томъ числѣ отставные чиновники съ пенсіей и капиталисты; 2) зажиточную буржуазію и бюрократію; 3) мелкихъ ремесленниковъ, которые, *не имѣя на то права, недовольны своей участью*; они живутъ въ бѣдности и по эгоистическимъ причинамъ всегда находятся во враждебномъ отношеніи къ остальному обществу».

«Первая группа видитъ во мнѣ олицетвореніе революціонныхъ тенденцій 1848 года. Дворяне обвиняютъ меня во многомъ, въ чемъ виноваты сами. Они не могутъ мнѣ простить, что я не поддержалъ при учрежденіи новой конституціи привилегированнаго положенія дворянства; они сердятся на меня, что я уничтожилъ должности каммергеровъ и каммеръ-юнкеровъ; ихъ оскорбляетъ мой дворъ или лучше сказать мой домъ, потому что открытъ для всѣхъ, кто по своимъ талантамъ или характеру пользуется уваженіемъ. Идея стараго германскаго двора исчезла, а вмѣстѣ съ ней и вліяніе дворянства... Разумѣется, эта группа не можетъ хвалить мою политику и не старается облегчить мнѣ управленіе. Вторая группа состоитъ изъ новыхъ либераловъ, но, къ несчастью, многіе только прикидываются такими, не имѣя духа самоотверженія и пожертвованія, которыхъ требуетъ новѣйшій либерализмъ. Эта группа должна бы быть моей главной опорой, сочувствовать мнѣ; но расчеты мелкаго эгоизма заставляютъ ее дѣйствовать иначе. Въ прежнее время герцогъ имѣлъ *исключительное* право раздавать мѣста—тогда нуждались въ немъ; теперь же нужно контрасигнированіе министровъ и потому обращаются къ нимъ, менажируя въ то же время герцога. Если онъ остается безпристрастенъ и думаетъ только объ общемъ интересѣ, ему нельзя быть популярнымъ у этихъ людей, тѣмъ болѣе, что въ Готѣ, какъ и въ другихъ маленькихъ резиденціяхъ, царствуетъ духъ партій».

«Отсюда эта тайная оппозиція, обнаруживающаяся по временамъ ко всѣмъ нововведеніямъ сверху.»

«Наконецъ третья группа находится въ отношеніи герцога въ положеніи совершенно особенномъ. Безспорно, что она въ постоянной оппозиціи съ другими группами, но, несмотря на то, она тоже негодуетъ на меня, хоть я и стою въ ея рядахъ, за то, что я не позволяю ей нарушать безнаказанно либеральные законы».

«Таковы причины, возбуждающія въ Готѣ духъ сплетней и безконечныхъ пересудовъ. Еслибъ даже я не ставилъ себя выше нихъ, то все-таки не смѣшалъ бы благороднаго патріотизма истиннаго гражданина съ пустыми возгласами трактирныхъ посѣтителей, потому что я довольно глубоко изучилъ народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.»

«Чтобъ отвѣчать на сдѣланныя мнѣ замѣчанія, я нисколько не колеблюсь объявить, что смотрю на постоянное отыскиваніе истины, какъ на принципъ хорошей администраціи; я доступенъ всякому, кто помогаетъ мнѣ идти по этой дорогѣ. Чужое мнѣніе всегда кажется мнѣ достойнымъ уваженія, какъ скоро оно основано на истинѣ и подкрѣплено серьезными доказательствами. Что же касается до сужденій неосновательныхъ, до ложныхъ показаній, до оскорбительныхъ манифестацій, я всегда примѣню къ нимъ законы, изданные для безопасности всѣхъ безъ различія».

«Между тѣмъ сколько клеветъ заставляютъ общественное мнѣніе заблуждаться! Сколько клеветъ избѣгаетъ отъ судебнаго преслѣдованія! Въ это число я ставлю ложный слухъ, столько разъ повторенный, что готская діета состоитъ изъ людей, заинтересованныхъ поддерживать правительство во всѣхъ вопросахъ; на самомъ же дѣлѣ выходитъ противное. Безъ сомнѣнія, дѣйствія готскихъ депутатовъ возбуждаютъ ропотъ, но кто болѣе правительства имѣетъ право жаловаться на то? Пусть разсмотрятъ списки членовъ разныхъ діетъ, пусть найдутъ въ нихъ друзей правительства, пусть прослѣдятъ со вниманіемъ публичныя пренія, предложенія министровъ и отвѣты діетъ—и тогда навѣрно придутъ къ другому заключенію. Равнодушіе къ интересамъ страны, скука, которую испытываютъ, видя себя оторваннымъ отъ обыденныхъ занятій—вотъ причины хладнокровія публики къ выборамъ. Общество должно жаловаться само на себя, если эти выборы даютъ ему людей мало способныхъ содѣйствовать истинному благу страны; об-

щество чувствуетъ всю невыгоду такого порядка вещей, но оно не даетъ себѣ труда вникнуть въ причины, производящія этотъ вредъ.»

«Но, можетъ быть, изъ всего, мной сказаннаго, заключать, что я хочу поставить себя въ сторонѣ, но я далекъ отъ этой мысли; я не отдѣляю себя отъ народа, я принадлежу къ нему и люблю его. Но потому самому, что я смотрю на него и на его поведеніе именно такъ, а не иначе, потому самому я въ правѣ требовать отъ него чего нибудь болѣе благороднаго и возвышеннаго.»

«Духъ народа подобенъ ревущимъ волнамъ потока. Безполезно ставить ему преграды, пытаясь остановить его; онъ перельется чрезъ всѣ плотины или разнесетъ ихъ. Патріоты и государи должны заботиться только о томъ, чтобъ сохранить чистоту его водъ и не позволить имъ разлиться.»

«Но чтобъ въ этомъ успѣть, нужна помощь самаго народа; надо, чтобъ онъ не чуждался правительства.»

«Конечно, постыдно искать поддѣльной популярности насчетъ своего долга, но точно также было бы ложно думать, что патріоты могутъ доставить націи счастіе безъ народной симпатіи и безъ истинной популярности.»

«Надо, чтобы народъ уважалъ имена своихъ предводителей, надо даже, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ оскорбленій; онъ никогда не долженъ забывать, что взаимная довѣренность неразлучна отъ взаимнаго расположенія и уваженія.»

Въ этомъ отвѣтѣ ясно обрисовывается характеръ герцога и положеніе страны. Въ Кобургъ-Готѣ, какъ и въ остальной Германіи, господствуетъ буржуазія. Герцогъ ошибается, полагая, что отдаленіе дворянства позволило ему основать конституцію на народномъ элементѣ; безспорно, этотъ элементъ вошелъ въ нее, но онъ вошелъ въ теоріи, на дѣлѣ же, какъ видно даже и изъ отвѣта герцога, господствуетъ буржуазія и бюрократія. Буржуазія XIX вѣка не похожа на буржуазію среднихъ вѣковъ; та отличалась прогрессивными стремленіями—теперешняя отличается консерватизмомъ; та состояла изъ наиболѣе развитыхъ фамилій народа, стояла впереди его и вела за собой— теперешняя представляетъ наименѣе развитую часть средняго класса и гранитной стѣной отдѣляетъ его отъ народа. Все, что мы сказали о французской буржуазіи въ прошедшей книжкѣ журнала (*), все это можно

(*) См. Декабрь, Отд. Ин. Лит.

примѣнить къ буржуазіи нѣмецкой. Герцогъ очень хорошо понимаетъ, что для возрожденія ея нужно внести въ нее новые элементы и эти элементы онъ надѣется найдти въ народѣ. Но становясь представителемъ народа, герцогъ не сбросилъ съ себя еще всѣхъ предубѣжденій и въ поведеніи его замѣтенъ нѣкоторый особый оттѣнокъ. Послѣднее легко объясняется необходимостью. Народные дѣятели выходятъ или изъ среды народа или являются изъ другихъ сферъ общества. Первые возникаютъ въ дни смуты и волненій; они имѣютъ огромное вліяніе въ первое время, но владычество ихъ непродолжительно; они, большей частью, недостаточно подготовлены къ своей роли и гибнутъ жертвами реакціи или честолюбія новыхъ дѣятелей. Не такова роль другихъ: они не внушаютъ такого довѣрія народу, а между тѣмъ многіе изъ нихъ, по образованію своему, понимаютъ лучше первыхъ тѣ средства, которыя должны привести народъ къ желанному развитію. Неспособные, по натурѣ своей, смотрѣть хладнокровно на его невѣжество, полные увѣренности въ справедливости своихъ идей, въ искренности желанія добра народу, они иногда употребляютъ такія средства, которыя, взятыя съ безусловной точки зрѣнія, не могутъ быть одобрены. Они стараются прежде уничтожить отрицательную сторону системы, мѣшающей выполненію ихъ плана; они начинаютъ съ равенства, изъ котораго впослѣдствіи при малѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ возникаютъ стремленія къ личной свободѣ; такъ что централизація иногда бываетъ первой ступенью демократіи, потому что сглаживаетъ сословныя раздѣленія, но въ то же время рождаетъ многочисленную бюрократію. Впрочемъ эта бюрократія не такъ уже отдалена отъ народа; она даже отчасти выходитъ изъ рядовъ его, и если иногда оказывается губительной для народнаго благосостоянія, то это слѣдуетъ приписать неразвитости народа, который не могъ еще выработать государственныхъ формъ... Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что вездѣ централизація работала въ пользу народнаго принципа: одни невольно, другіе по убѣжденію, потому что опирались на народъ. Лучшіе изъ централизаторовъ (какъ напр. Ришлье, Кромвель и др.) ставили интересы народа выше всего; они не были представителями какого либо привилегированнаго сословія; но каждому старались предоставить всѣ средства для развитія способностей; хотя это развитіе было одностороннее — подчинялось главнымъ государственнымъ цѣлямъ и ограничивалось извѣстнымъ направленіемъ. Конечно, личная произвольная дѣятельность стѣснялась ими, но это было только явленіе прехо-

дящее, одна изъ необходимыхъ формъ развитія цивилизаціи; законъ же обособленія личности остается неизмѣннымъ, потому что вытекаетъ изъ человѣческой природы. Народъ инстинктивно понимаетъ это... ропщетъ на своихъ вождей, но повинуется имъ. Съ перваго взгляда кажется, что онъ недоволенъ ими, но приходитъ опасность—и народъ готовъ лечь поголовно, чтобъ отстоять ихъ; онъ творитъ чудеса храбрости и самоотверженія и въ пѣсняхъ и легендахъ передаетъ потомкамъ имена своихъ избранниковъ.

Въ положеніи близкомъ къ этому находится герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій: онъ принужденъ бороться съ одними и просвѣщать другихъ; какъ человѣкъ страстно преданный своей идеѣ и одаренный желѣзнымъ характеромъ, онъ идетъ на проломъ; своимъ примѣромъ онъ показываетъ другимъ германскимъ владѣтелямъ, что можетъ сдѣлать всякій изъ нихъ, опираясь на народъ. Остается желать только, чтобъ герцогъ еще тѣснѣе сблизился съ нимъ и тогда остальныя его предубѣжденія разсѣются. При прежнемъ управленіи единство Германіи невозможно, да и народъ не всегда бываетъ счастливѣе въ состояніи патріархальной непосредственности предполагая даже владѣтеля благонамѣреннаго и дѣятельнаго. Для примѣра возьмемъ хоть Фридриха-Вильгельма, отца Фридриха II. Казалось, онъ-ли не заботился о народѣ; онъ входилъ въ домашнюю жизнь до мелочи, такъ что, можно сказать, зналъ все въ каждомъ домѣ. Это породило систему неслыханнаго домашняго деспотизма: король вмѣшивался во все, а врядъ-ли эта отеческая заботливость могла нравиться людямъ сколько нибудь развитымъ; разумѣется, стоявшимъ на низшей степени общественнаго развитія это было все равно—нужды ихъ ограничивались кускомъ хлѣба и они не разбирали, кто бросалъ этотъ кусокъ имъ и благословляли его... Вѣроятно, герцогъ не хотѣлъ бы имѣть у себя подданныхъ, подобныхъ прежнимъ лаццарони. Напрасно онъ жалуется на недовольство третьей группы своей участью, увѣряя, что она не имѣетъ на это права. Право это лежитъ въ натурѣ человѣка; безъ него не было бы возможно стремленіе и усовершенствованіе. Изъ картины, представленной самимъ герцогомъ, видно, что Кобургъ-Гота далеко не Аркадія для бѣдныхъ ремесленниковъ—чему же удивляться, что они смотрятъ враждебно на остальное общество? Развѣ герцогъ не желаетъ улучшить ихъ участь? Если желаетъ — значитъ признаетъ ихъ требованія справедливыми. Мы нисколько не думаемъ, чтобъ выраженіе, вырвавшееся у него въ отвѣтѣ, было слѣдствіемъ

глубокаго убѣжденія; мы скорѣе готовы принять его за слѣдствіе мгновеннаго увлеченія, произведеннаго медленностью и неразвитостью тѣхъ, на кого онъ больше всего расчитываетъ. Во всякомъ случаѣ личность герцога одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ современную эпоху, и отвѣтъ его служитъ новымъ доказательствомъ уваженія его къ общественному мнѣнію, и, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ ему новыхъ приверженцевъ. Народная жизнь пробуждается въ Германіи; разрѣшеніе великаго вопроса о національномъ единствѣ становится съ каждымъ днемъ ближе — — — —

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О томъ, что такое общественное мнѣніе. — О предѣлахъ власти общевста надъ личной свободой. — Изслѣдованія объ этомъ Джона Стюарта Милля. — Существуетъ ли между лицомъ и обществомъ свободный договоръ. — Отрицаніе этого положенія. — На чемъ основаны обязанности лица къ обществу. — Общее опредѣленіе этихъ обязанностей и правъ общества. — Право вліянія общества на личность въ формѣ общественнаго мнѣнія. — Мнѣнія о вредѣ личной свободы и опровerженіе ихъ — Вредъ и несправедливость общественной кары. — Возможность перевоспитанія общества. — Общія заключенія о вредѣ вмѣшательства общества въ личную свободу. — Общественная тиранія какъ опасное соціальное зло. — Внутреннія извѣстія по части законодательства, администраціи и гражданскаго быта. — Проекты преобразованій. — Увеличеніе налоговъ — О дворянскихъ выборахъ. — Разсужденія «Сѣверной Почты» о значеніи дворянства. — Извѣстія по крестьянскому дѣлу. — Публичныя чтенія профессоровъ бывшаго здѣшняго университета. — Извѣстія изъ Польши и Финляндіи. — Извлеченіе изъ государственной росписи доходовъ и расходовъ. — Перемѣны въ составѣ министерства.

Въ теченіи наступившаго года, конечно, намъ придется много говорить или, по крайней мѣрѣ, упоминать, излагать законодательныя и административныя мѣры нашего правительства; даже и на этотъ разъ мы имѣемъ много подобныхъ извѣстій. Каждая изъ этихъ мѣръ, прежде нежели она сдѣлается достояніемъ жизни, естественно, производитъ извѣстное впечатлѣніе на общество; сумма этого впечатлѣнія образуетъ изъ себя общественное мнѣніе.

Вообще говоря, законъ и общественное мнѣніе суть два сильнѣйщихъ соціальныхъ элемента, двигающихъ въ ту или другую сторону самое общество. Законъ и всякая правительственная мѣра есть активная сила общества, дѣйствующая прямо и опредѣленно; общественное же мнѣніе, какъ мы видимъ изъ современныхъ явленій жизни наиболѣе образованныхъ европейскихъ обществъ, является дѣятелемъ также весьма сильнымъ, только не дѣйствуетъ въ такой степени прямо и опредѣленно. Общественное мнѣніе можно сравнить съ атмосферой, въ которой все движется и творится какъ будто индивидуально, а между тѣмъ подъ

непремѣннымъ условіемъ вліянія этой атмосферы. По отношенію къ индивидууму общество проявляетъ себя именно въ трехъ точкахъ соприкосновенія, которыя суть: законъ, правительство и общественное мнѣніе.

Мы уже говорили въ одной изъ прошлогоднихъ лѣтописей объ отношеніяхъ личности человѣка къ обществу; старались, по возможности ясно, формулировать права одного и другаго, имѣя цѣлью очертить критеріумъ для всякаго рода общественныхъ явленій, начиная съ законодательныхъ и административныхъ мѣръ и до мельчайшаго скандала, дѣлающагося достояніемъ общественнаго обсужденія.

Ни одна философская система не опредѣлила съ точностью границъ между личной свободой и властью общества; но наша эпоха можетъ по справедливости гордиться, что этотъ труднѣйшій философскій и соціальный вопросъ разработанъ теперь глубже и яснѣе нежели когда нибудь. Джонъ Стуартъ Милль формулировалъ свои выводы съ такой ясностью, что они имѣютъ уже нѣкоторое право на практичность, становясь ближе къ жизни, нежели къ области отвлеченнаго умозрѣнія.

Мы находимъ вполнѣ кстати передать здѣсь его послѣдніе выводы о границахъ власти общества надъ личностью, имѣя въ виду ту же цѣль, какую имѣли прежде, т. е. указаніе наилучшаго критеріума для всѣхъ общественныхъ явленій, свидѣтелями которыхъ намъ придется быть, начиная съ самыхъ ближайшихъ къ настоящему времени.

Гдѣ начинается истинная черта свободной воли человѣка надъ самимъ собою, и гдѣ начинается власть общества; что должно принадлежать личности и что обществу? Вотъ вопросы, въ разрѣшеніе которыхъ углубился европейскій мыслитель.

И личность, и общество, говоритъ Милль, получатъ должное, если будутъ имѣть то, что въ сущности и по справедливости принадлежитъ каждому. Общество должно считать принадлежностью индивидуума именно такую долю изъ жизни, какая необходима для *дѣйствительныхъ*, т. е. сознанныхъ и опредѣленныхъ интересовъ общества.

Въ старину существовало мнѣніе, что въ основаніи общества лежитъ договоръ, и что поэтому каждый членъ обязанъ исполнять требованія общества, равно какъ и общество должно оказывать каждому изъ своихъ членовъ защиту, устройство и т. п. принадлежности человѣческой жизни. Отношенія между личностью и обще-

ствомъ опредѣлены здѣсь въ общихъ чертахъ раціонально; но источникъ вывода наивенъ и ложенъ; положимъ, вы родились сегодня въ извѣстномъ обществѣ; оно тотчасъ приняло васъ подъ свое покровительство, тотчасъ предписало вамъ свои законы и затѣмъ до могилы будетъ обязывать васъ исполненіямъ его требованій, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой степени вы согласны съ этими требованіями. Мы находимъ, что въ основаніи общества вовсе не лежитъ договоръ, и обмѣнъ услугъ между личностью и обществомъ основанъ на томъ, что общество, получая свою силу изъ многочисленныхъ единичныхъ источниковъ, должно и возвратить каждому изъ нихъ часть взятаго, потому что нельзя же постоянно только брать. Въ смыслѣ практическомъ нѣтъ особенной важности въ разницѣ двухъ этихъ положеній; но въ принципѣ мы находимъ одну очень важную черту: свободный договоръ не предполагаетъ возможности никакихъ заявленій своихъ частныхъ новыхъ желаній; а насильное хотя естественное и неизбѣжное подчиненіе силѣ даетъ человѣку нѣкоторое право на извѣстную долю самобытности и на заявленіе обществу всякаго новаго требованія и даже на свободный выборъ того или другаго общества. Что касается до обязанностей отдѣльнаго человѣка къ обществу, то онѣ основаны на томъ, что самый фактъ жизни въ обществѣ условливается необходимостью, чтобы каждый былъ обязанъ вести себя извѣстнымъ образомъ въ отношеніи къ другимъ.

Обязанность эта заключается прежде всего въ томъ, чтобы не нарушать интересовъ другаго, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ интересовъ, которые общимъ инстинктомъ и убѣжденіемъ признаются за естественныя права. Такъ напримѣръ жизнь, тѣло, трудъ принадлежатъ лично каждому человѣку и всякое произвольное посягательство на это достояніе человѣка есть нарушеніе общественныхъ обязанностей. Затѣмъ обязанностью къ обществу является необходимость удѣлить долю трудовъ и жертвъ, потребныхъ для защиты каждаго отъ насилія и произвола. Удовлетворенія всего этого общество имѣетъ право требовать и прямо настаивать на непремѣнномъ исполненіи. Но здѣсь еще не оканчивается предѣлъ власти общества: дѣйствія лица могутъ быть вредны, потому что въ нихъ не заключается столько, сколько необходимо, заботы объ общественномъ благѣ, хотя въ то же время они и не нарушаютъ положительнаго закона; въ этомъ случаѣ должно вступать въ свои права общественное мнѣніе, какъ одно изъ трехъ видовъ вліянія общества надъ личностью. Если какой нибудь поступокъ вредитъ интересамъ другихъ,

общество творитъ судъ надъ виновнымъ въ формѣ кары общественнымъ мнѣніемъ; когда же поступки человѣка не затрогиваютъ ничьихъ интересовъ, кромѣ его собственныхъ, или имѣютъ отношеніе къ интересамъ другихъ лицъ вслѣдствіе ихъ же собственнаго желанія, тогда вмѣшательство общества не можетъ имѣть мѣста. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ человѣкъ долженъ пользоваться полной, признанной закономъ и общественнымъ мнѣніемъ свободой дѣйствовать по своей волѣ и самому непосредственно отвѣчать за послѣдствія своихъ поступковъ.

Съ точки зрѣнія всеобъемлющей опеки общества надъ личностью можетъ показаться, что предоставленіе такой свободы человѣку пораждаетъ принципъ эгоистическаго равнодушія къ существованію ближняго и къ нравственности и благосостоянію цѣлаго общества. Но такое воззрѣніе прямо ошибочно: убѣжденіе въ томъ, что безъ стремленія къ общественному благу невозможно никакое частное благо, внушаетъ каждому болѣе безкорыстныхъ усилій, нежели принужденіе въ точномъ и переносномъ смыслѣ; такая доктрина не унижаетъ личныхъ добродѣтелей, которыя столь же важны, какъ и добродѣтели общественныя. Какъ тѣ, такъ и другія могутъ быть развиты только воспитаніемъ посредствомъ убѣжденія, которое остается внутренней силой, управляющей дѣйствіями человѣка во всю его жизнь. Жизнь общества такъ слагается, что люди облегчаютъ другъ другу опытомъ жизни и усиліемъ разума распознаваніе лучшаго отъ худшаго и помогаютъ въ выборѣ перваго и удаленіи втораго. Общественное одобреніе и матеріальныя вознагражденія отъ общества всегда направляютъ способности и чувства отдѣльной личности къ наилучшему употребленію ихъ, т. е. къ предметамъ, удовлетворяющимъ крайнимъ требованіямъ разума и къ пользѣ; едва ли возможно указывать совершеннолѣтнему человѣку, чтобы онъ устроивалъ свою жизнь такъ или иначе; человѣкъ самъ прежде всѣхъ заинтересованъ въ собственномъ благосостояніи; всякое постороннее участіе въ судьбѣ отдѣльнаго лица ничтожно въ сравненіи съ его собственнымъ интересомъ; общество заинтересовано въ отдѣльной личности совершенно частнымъ образомъ и только по отношенію ея къ другимъ, тогда какъ всякій человѣкъ самъ лучше другихъ знаетъ и свои потребности, и свои особенныя свойства, и обстоятельства, его окружающія. Общество можетъ руководить дѣлами и намѣреніями человѣка, въ дѣлахъ, лично его касающихся, только на основаніи общаго знакомства съ человѣческой природой; но это знакомство никогда не можетъ быть вполнѣ основательно; даже выводы, дѣлаемые изъ него, могутъ

быть совершенно ложны; но еслибы они были и справедливы, то все-таки могутъ послужить въ частныхъ случаяхъ къ злоупотребленію вліянія общества надъ личностью, какъ это иногда бываетъ, когда инициатива какого бы ни было дѣла достается на долю людей, мало знакомыхъ съ обстоятельствами этого дѣла и вовсе чуждыми ему. Въ общественныхъ отношеніяхъ одного къ другому, въ большей части случаевъ, необходимо должны быть соблюдаемы извѣстныя условія, такъ чтобы каждый могъ знать, чего онъ можетъ ожидать отъ другаго; но во всемъ, что касается исключительно личности человѣка, его личному произволу должна быть предоставлена полная свобода, потому что на нарушеніе ея никто не имѣетъ права. Другіе могутъ совѣтывать, развивать и навязывать свои убѣжденія, но онъ одинъ можетъ быть окочательнымъ судьей своихъ мыслей и поступковъ, не касающихся другихъ. Всѣ ошибки, которыя можетъ дѣлать всякій человѣкъ, ничтожны въ сравненіи со зломъ, которое неизбѣжно слѣдуетъ, если другіе имѣютъ право принуждать всякаго дѣлать то, что не онъ, а они считаютъ полезнымъ.

Отношенія одного человѣка къ другому по большей части основываются на личныхъ достоинствахъ и недостаткахъ каждаго; иначе это и быть не можетъ, вслѣдствіе того разнообразія, которымъ вообще оживляется жизнь и природа. Сумма качествъ въ человѣкѣ, которыя составляютъ условія личнаго и общаго блага, т. е. умъ, способности, таланты, опредѣляютъ и степень сочувствія къ нему его окружающихъ; условіе это переходитъ границу нормальнаго, когда находимый кѣмъ либо недостатокъ хорошихъ качествъ въ другомъ человѣкѣ влечетъ за собою отвращеніе и презрѣніе. Нѣкоторыя качества, дѣйствительно, не могутъ не возбуждать этихъ чувствъ; но, не дѣлая никому вреда, всякій человѣкъ имѣетъ право требовать оставить въ покоѣ всѣ его достоинства и недостатки, и избавить его отъ посторонняго приговора, и ни въ чемъ не нарушать его личныхъ правъ. Никто не имѣетъ права выражать и высказывать неуваженіе и отвращеніе къ другому, потому что всякій имѣетъ право и возможность избирать то общество, которое ему наиболѣе пріятно, слѣдовательно, и избѣгать тѣхъ, кто ему непріятенъ. Мы имѣемъ право и даже обязанность предостерегать другихъ отъ человѣка, надѣленнаго дурными качествами; имѣемъ право не оказывать ему тѣхъ предпочтеній, которыя оказываемъ человѣку, надѣленному отличными качествами и добродѣтелями; но этимъ и должны быть ограничены наружныя проявленія нашихъ чувствъ

къ другому человѣку въ подобныхъ случаяхъ. За свои естественныя недостатки и вытекающія изъ нихъ ошибки, всякій получаетъ наказанія лишь потому, что они естественно и свободно вытекаютъ изъ самыхъ ошибокъ. Таковы отношенія общества къ качествамъ индивидуума. Поступки же, причиняющіе вредъ другому лицу, должны вызывать иную оппозицію въ общественномъ мнѣніи. Завладѣніе правами другихъ, нанесеніе имъ какого либо ущерба, неоправдываемаго собственными правами, ложь или обманъ въ отношеніи къ другимъ, несправедливое и чрезмѣрное пользованіе преимуществами надъ ними, даже эгоистическое уклоненіе отъ защиты ихъ отъ всякаго оскорбленія,—все это должно подлежать нравственному осужденію и даже возмездію или наказанію. Здѣсь не только самые поступки, но и самое побужденіе къ нимъ безнравственно и справедливо подлежитъ осужденію. Жестокость, злоба, страсть къ господству надъ другими, стремленіе пріобрѣсть на свою долю большую часть выгодъ, чѣмъ имѣютъ другіе, гордость, находящая наслажденіе въ униженіи другихъ, эгоизмъ, который заставляетъ считать себя и все, что *меня* касается, важнѣе всего и рѣшать всѣ вопросы, касающіеся цѣлаго общества или многихъ лицъ, въ свою пользу,—все это составляетъ пороки, подлежащіе общественному осужденію; они не то, что заблужденія или ошибки, истекающія отъ недостатка достоинствъ и способностей, которые въ точномъ смыслѣ нельзя и назвать безнравственными; но они суть злоупотребленія антисоціальныхъ наклонностей человѣка, зародышъ которыхъ онъ имѣетъ въ своей натурѣ, и которыя могутъ развиваться до степени положительнаго вреда для общества. Ошибки и увлеченія неиначе могутъ происходить, какъ отъ недостатка умственныхъ способностей или отъ слабаго развитія ихъ, отъ недостатка чувства личнаго достоинства и уваженія къ самому себѣ; все это подлежитъ осужденію лишь въ томъ случаѣ, когда человѣкъ нарушаетъ обязанности къ другимъ, безопасность или интересъ которыхъ требуетъ, чтобы отдѣльный человѣкъ заботился о самомъ себѣ,—именно, когда отдѣльный человѣкъ поставленъ такъ по своему положенію въ обществѣ, напримѣръ, въ какой либо публичной, общественной должности; въ этомъ единственномъ случаѣ общество можетъ требовать исполненія того, что называется обязанностями въ отношеніи къ самому себѣ, потому что обстоятельства дѣлаютъ эту обязанность въ то же время и обязанностью въ отношеніи къ другимъ. Обязанность въ отношеніи къ самому себѣ, когда она означаетъ нѣчто болѣе чѣмъ благоразуміе,

значитъ уваженіе къ самому себѣ и развитіе самого себя, а человѣкъ ни въ томъ ни въ другомъ не обязанъ давать отчета себѣ подобнымъ, потому что онъ отвѣчаетъ передъ ними только въ томъ, что касается блага цѣлаго общества.

Между потерей уваженія, которую можетъ заслужить человѣкъ вслѣдствіе недостатка благоразумія или чувства собственнаго достоинства и между осужденіемъ, которому долженъ подвергаться человѣкъ за нарушеніе правъ другихъ, существуетъ различіе весьма рѣзкое, какъ и различіе, которое мы находимъ въ нашихъ поступкахъ и чувствахъ относительно человѣка, возбуждающаго наше неудовольствіе въ дѣлахъ, гдѣ мы признаемъ за собой право контролировать его, — и въ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ этого права. Если человѣкъ не нравится намъ, мы можемъ, не высказывая нашего неудовольствія, удалиться отъ него, точно также какъ мы отдаляемся отъ вещи, которая не нравится намъ; но за нами нѣтъ права нарушить чѣмъ нибудь покой его жизни; мы знаемъ, что онъ одинъ несетъ всѣ неблагопріятныя послѣдствія своей ошибки. Если онъ портитъ свою жизнь дурнымъ поведеніемъ, мы не должны на этомъ основаніи портить ее еще болѣе своимъ преслѣдованіемъ; напротивъ, мы должны стараться облегчить его судьбу указаніемъ на исходъ, посредствомъ котораго можно избѣжать зла, или исправить его; мы можемъ сожалѣть о немъ, но онъ не можетъ сдѣлаться для насъ предметомъ гнѣва или озлобленія общественнаго; мы не имѣетъ права поступать съ нимъ какъ съ врагомъ общества; худшее, что мы имѣемъ право сдѣлать — это предоставить его самому себѣ, если только мы не хотимъ принять участія въ немъ, что также относится къ нашей свободной волѣ. Совершенно другое право имѣетъ общество, когда отдѣльная личность нарушитъ общественные законы противъ другаго лица или противъ цѣлаго общества. Въ такомъ случаѣ вредныя послѣдствія поступковъ падаютъ не на него, а на другихъ, — и общество, какъ защитникъ всѣхъ своихъ членовъ, имѣетъ право на возмездіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ человѣкъ играетъ роль обидчика, и общество призвано не только произнести надъ нимъ свой приговоръ, но даже и исполнить его; въ первомъ же случаѣ не можемъ наказать его ничѣмъ, кромѣ того, что согласуется съ пользованіемъ нами такой же свободой во всемъ насъ касающемся, какую мы предоставляемъ и ему.

Съ этимъ различіемъ, какое мы сдѣлали между дѣйствіями человѣка, относящимися только до него лично, и дѣйствіями, касающимися

общества, многіе могутъ не согласиться, возражая, что человѣкъ, живущій въ обществѣ, не можетъ быть поставленъ настолько индивидуально, что, сдѣлавъ что нибудь дѣйствительно вредное для самого себя, не нанесъ въ то же время вреда и другимъ, хоть самымъ близкимъ людямъ; напримѣръ, если онъ растрачиваетъ свое имущество, то наноситъ вредъ тѣмъ, кто прямо или косвенно пользовался имъ для себя; если онъ портитъ свои физическія или умственныя способности, то не только наноситъ вредъ всѣмъ тѣмъ, чье благосостояніе зависитъ отъ него, но и дѣлаетъ себя неспособнымъ приносить ту пользу, которую въ противномъ случаѣ могъ бы приносить, и если подобныя явленія не будутъ исключительными, то вредъ для общества можетъ быть болѣе нежели отъ нарушенія правъ отдѣльныхъ личностей; кромѣ того примѣръ можетъ вредить, развращая прочихъ членовъ общества, и еще могутъ замѣтить, что общество не должно предоставлять самимъ себѣ тѣхъ, которые, очевидно, не могутъ руководить собой, вслѣдствіе своей горячности или недостатка умственныхъ способностей, потому что, если общество обязано защищать дѣтей и несовершеннолѣтнихъ отъ нихъ же самихъ, то оно также должно быть обязано давать подобную же защиту и взрослымъ людямъ, если они не способны управлять собой.

Возраженія эти имѣютъ за себя цѣлый рядъ вѣковъ, цѣлую исторію съ кострами инквизиціи, съ пытками, плетьми, тюрьмами и т. п.; подобныя возраженія слишкомъ важны, чтобы не заслуживать подробной критики какъ самыхъ основаній ихъ, такъ и сущности. Здѣсь придется говорить не только о правѣ и справедливости, но и сравнить самые принципы, во имя которыхъ общество можетъ дѣйствовать такъ или иначе, съ цѣлью самой практической, самой житейской.

Нельзя не согласиться, что зло, которое человѣкъ дѣлаетъ самому себѣ, отражается какъ на тѣхъ, которые близко связаны съ нимъ симпатіей или интересами, такъ, хотя и въ меньшей степени, на всемъ обществѣ,—и вліяніе общества въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ законно и согласуется съ общими заключеніями, которыя изложены выше въ защиту индивидуальной свободы человѣка; такъ напримѣръ, если человѣкъ вслѣдствіе неумѣренности или расточительности не въ состояніи платить своихъ долговъ, или, взявъ на себя нравственную отвѣтственность за семейство, становится потому же неспособнымъ поддерживать и воспитывать его, то онъ наказывается и общественнымъ осужденіемъ, и закономъ,—но только за нарушеніе обязательствъ къ

своимъ кредиторамъ и неисполненіе семейныхъ обязанностей, а не за расточительность, потому что, еслибы этотъ глава семейства лишился, положимъ, своего состоянія вслѣдствіе совершенно случайныхъ причинъ, отъ него независѣвшихъ, нравственная отвѣтственность передъ кредиторами и передъ семействомъ нисколько бы оттого не уменьшилась. Вообще, человѣкъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ причиняетъ вредъ своему семейству, предаваясь порочнымъ привычкамъ, заслуживаетъ упрека; но этотъ упрекъ одинаково возможенъ и въ томъ случаѣ, когда вредящій не предается никакимъ дурнымъ привычкамъ; кто не уважаетъ интересовъ и чувствъ другихъ, неизбѣжно подвергается за это нравственной отвѣтственности, но не за причину, вызвавшую это неуваженіе; такимъ образомъ, если человѣкъ поведеніемъ, лично касающимся его одного, дѣлаетъ себя неспособнымъ къ исполненію какой либо опредѣленной обязанности въ отношеніи къ обществу,— онъ виновенъ передъ обществомъ. Никто не можетъ быть наказанъ только за то, что пьянъ, но всякій кто будетъ пьянъ во время исполненія какихъ либо общественныхъ обязанностей, требующихъ трезвости, непремѣнно долженъ подвергнуться отвѣтственности. Короче говоря, во всякомъ случаѣ, гдѣ есть опредѣленный ущербъ, или явная возможность ущерба или вреда для отдѣльнаго человѣка или общества,—обстоятельство выходитъ изъ области свободнаго личнаго произвола и подчиняется общественному мнѣнію и закону.

Что же касается косвеннаго вреда, причиняемаго обществу поведеніемъ отдѣльнаго человѣка, не нарушающимъ ни одной изъ опредѣленныхъ общественныхъ обязанностей его, и не приносящимъ никому, кромѣ его самого, явнаго вреда, то въ этомъ случаѣ общество должно переносить нѣкоторое неудобство подобнаго нарушенія общественной нравственности во имя перваго человѣческаго блага — свободы. Если общество дорожитъ свободой, оно должно уважать принципъ ея и должно положить его въ основаніе правъ каждаго изъ своихъ членовъ, иначе общество не можетъ и пользоваться свободой. Притомъ же, общественная нравственность поддерживается вовсе не страхомъ общественной кары, напротивъ, неуспѣшность этой системы сдѣлалась уже неоспоримой; но у общества есть другіе способы для поддержанія нравственности, вѣрные и радикальные.

Общественное караніе, несмотря на очень продолжительное и повсемѣстное дѣйствіе какъ въ давно исчезнувшихъ, такъ и въ современныхъ намъ человѣческихъ обществахъ, не достигло той цѣли, которую пред-

полагаютъ. Карая только за то, что дѣлается явнымъ, общество ничего не предпринимало противъ тѣхъ общественныхъ преступленій и проступковъ, которые остаются скрытыми, тайными; такимъ образомъ, способность и умѣнье тщательно скрыть преступленіе являются противодѣйствіемъ карательной системѣ предупрежденія преступленій; предполагая въ людяхъ постоянно дѣйствующее чувство самохраненія и значительную долю хитрости для тщательнаго укрыванія преступленій, и не сомнѣваясь въ томъ, что со стороны общества принимается несравненно менѣе бдительности и энергіи для преслѣдованія преступленій,—необходимо придти къ заключенію, что наибольшая часть преступленій противъ общества остаются неизвѣстными, такъ что противъ нихъ общество не принимаетъ никакихъ мѣръ, слѣдуя системѣ достигать исправленія нравственности своихъ членовъ посредствомъ наказаній, тогда какъ въ рукахъ общества находится средство исправленія вполнѣ радикальное и вѣрное это—воспитаніе.

Каждое поколѣніе, воспитанное предъидущимъ, въ свою очередь воспитываетъ слѣдующее; слѣдовательно, въ рукахъ настоящаго поколѣнія (въ данное время) находится какъ воспитаніе, такъ и вся будущность слѣдующаго поколѣнія; каждое поколѣніе имѣетъ средство сдѣлать нараждающееся поколѣніе столь же хорошимъ, какъ и оно само и даже нѣсколько лучше; поэтому всѣ послѣдствія дурной нравственности, чѣмъ болѣе она дѣлается общей, должны падать преимущественно на само общество. Располагая той страшной силой, которую даетъ воспитаніе и тѣмъ вліяніемъ, какое можетъ оказывать мнѣніе большинства на умы людей, мало способныхъ разсуждать сами за себя, что́ большею частью мы вездѣ встрѣчаемъ,—общество всегда могло бы выиграть болѣе, пустивъ въ оборотъ свои сильнѣйшіе нравственные элементы, нежели оно имѣетъ отъ тюремъ, висилецъ и т. п. пугалъ на огородахъ современной гражданской жизни.

Что касается до возраженія о необходимости обществу защищать членовъ своихъ противъ вліянія дурнаго примѣра, который представляетъ порочный или развратный человѣкъ, то нельзя не замѣтить, что само общество представляетъ самый дурной примѣръ безнаказаннаго нарушенія чужихъ правъ, вмѣшиваясь, напримѣръ, въ образъ жизни и поведенія отдѣльнаго человѣка. Примѣры дурнаго поведенія для другихъ, мы думаемъ, бываютъ гораздо болѣе полезны, чѣмъ вредны, потому что всѣ послѣдствія дурнаго поведенія представляются во всей своей устрашающей полнотѣ; кромѣ того эти послѣдствія слу-

жать и наказаніемъ для самого виновника. Вообще вмѣшательство общества въ чисто-личное поведеніе человѣка, оказывается несправедливымъ и безполезнымъ.

Мститъ ли общество закономъ, вмѣшиваясь въ свободную волю отдѣльнаго человѣка, или приговоромъ общественнаго мнѣнія, т. е. мнѣніемъ большинства, навязываемымъ какъ законъ меньшинству — и то, и другое едва ли справедливо, потому что, произнося свой приговоръ, общество не принимаетъ во вниманіе желанія, обстоятельствъ и интересовъ тѣхъ, кого оно осуждаетъ, а просто руководствуется только собственными стремленіями. Осуждающее большинство почти всегда состоитъ изъ такихъ людей, которые смотрятъ какъ на личное оскорбленіе, на всякое поведеніе, которое имъ не нравится и считаетъ его какъ бы оскорбленіемъ своихъ чувствъ; примирить же какъ нибудь осуждающихъ и осуждаемыхъ нѣтъ никакого средства, также какъ согласить чувства вора, вытаскивающаго кошелекъ съ чувствомъ того, кому принадлежитъ онъ.

Указываемое здѣсь зло вмѣшательства въ свободный произволъ отдѣльнаго человѣка обнаруживаетъ передъ нами какое-то странное стремленіе общества до того расширить предѣлы нравственной полиціи, чтобы она касалась до самаго ядра свободы личности. Стремленіе это порождаетъ тѣ антипатіи и ту неизбѣжную при этомъ борьбу, которая уноситъ у человѣчества безплодно для истиннаго прогресса цѣлыя столѣтія и лишаетъ его наслажденія пользоваться лучшимъ изъ благъ—чувствомъ личной свободы; къ числу этихъ антипатій принадлежатъ религіозныя мнѣнія; напримѣръ: ничто въ обрядахъ христіанъ не поддерживаетъ такъ ненависти къ нимъ магометанъ, какъ употребленіе въ пищу свинины; или несогласіе католическаго и протестантскаго духовенства относительно брака, и т. п. Изъ соціальной жизни выберемъ также два примѣра: извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ общество и правительство наиболѣе демократическія, нежели гдѣ нибудь, чувство большинства установило почти настоящій законъ о роскоши, и что во многихъ штатахъ богатый человѣкъ, проживающій открыто свои доходы, легко можетъ навлечь на себя общественное негодованіе. Здѣсь демократическое чувство основано на убѣжденіи, что общество имѣетъ право налагать свою тяжелую лапу даже на количество истрачиванія частнымъ лицомъ своихъ доходовъ. Въ параллель съ этимъ развивается между рабочими классами теорія, по которой плохіе работники, составляющіе вездѣ и всегда

большинство во многихъ ремеслахъ, держатся того мнѣнія, что плохой работникъ долженъ получать ту же плату, какъ и хорошій, и что никто не долженъ заработывать, съ помощью большаго искусства или труда болѣе, чѣмъ сколько другіе могутъ заработывать безъ этого; работники, для достиженія своей цѣли, принимаютъ нравственныя мѣры, которыя дѣлаются ровносильными физическимъ, чтобы воспрепятствовать искусному работнику получить большее вознагражденіе за лучшую работу. Если общество имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла, лично касающіяся его членовъ, то и работники и американскіе демократы совершенно правы, или, если можно протестовать противъ подобнаго насилія этой части общества съ своими членами, то нельзя оправдать и вмѣшательство общества въ частныя дѣла отдѣльнаго человѣка.

Всякая тираннія, какая бы она ни была—одинаково лишаетъ человѣка свободы, и успѣха ея слѣдуетъ опасаться какъ соціальнаго зла, имѣющаго самые глубокіе и самые ядовитые корни. Теорія безграничности общественныхъ правъ можетъ быть развита до того, что не будетъ такого ограниченія личной свободы, котораго бы она не оправдала, и развѣ только признаетъ свободу утаивать свои мысли и никогда не обнаруживать ихъ. Эта теорія предполагаетъ во всякомъ опредѣленное стремленіе къ нравственному, умственному и даже физическому совершенствованію опредѣленными способами, чему сильно противорѣчитъ разнообразіе степеней способностей умственныхъ и физическихъ, какое мы встрѣчаемъ въ людяхъ.

Самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ общественныхъ преслѣдованій являются въ исторіи минувшаго и даже въ настоящей преслѣдованія религіозныя. Они основаны на убѣжденіи, что обязанность каждаго человѣка заботиться о томъ, чтобы другой былъ религіозенъ. Если допустить эту доктрину, то можно оправдать и религіозные раздоры.

Всѣ эти свидѣтельства, служатъ масштабомъ для опредѣленія состоянія человѣческой свободы какъ теперь, такъ и въ предъидущія времена.

Строгіе защитники общественной нравственности, нарушающіе ее прежде всѣхъ сами, и ратуя во имя свободы, не уважаютъ ее въ другомъ; эти защитники разныхъ мелкихъ, частныхъ доктринъ опасаются, какъ бы не погибла современная цивилизація. На это можно сказать, что, если цивилизація одолѣла варварство, въ то время, когда варварство царило надъ міромъ, то не будетъ ли излишней ро-

бостью опасаться, чтобы варварство, покоренное уже, не ожило вновь и не побѣдило цивилизацiи. Цивилизацiя, которая можетъ покориться уже побѣжденному своему врагу, не стоитъ и защиты; если это такъ, то чѣмъ скорѣе погибнетъ подобная цивилизацiя, тѣмъ лучше. Она можетъ только падать все глубже и глубже до тѣхъ поръ, пока ее не доканаютъ и не освѣжатъ какiе нибудь энергическiе варвары.

Изложенныя здѣсь начала могутъ служить болѣе основанiемъ для разсужденiй о частностяхъ, нежели быть готовыми для приложенiя ихъ къ различнымъ сторонамъ современнаго быта; что же касается собственно этого примѣненiя, то мы предоставляемъ себѣ сдѣлать нѣсколько подобныхъ образцовъ въ послѣдующихъ хроникахъ, а теперь считаемъ обязанностью обратиться къ современнымъ фактамъ нашего законодательства, администрацiи и гражданскаго быта.

Трудно найти вообще въ исторiи какого либо законодательства примѣръ той быстроты, съ какой совершается движенiе нашего законодательства. Еще не прошелъ годъ со времени обнародованiя положенiй 19 февраля, еще введенiе ихъ въ дѣйствiе совершено не окончательно; а между тѣмъ, по увѣренiю Сѣверной Почты, въ настоящее время находятся въ *окончательномъ* разсмотрѣнiи высшихъ государственныхъ учрежденiй законодательныя работы: о преобразованiи всего вообще управленiя государственныхъ имуществъ и о примѣненiи къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ положенiй 19 февраля, которыя касаются сельскаго общественнаго управленiя, и о примѣненiи сихъ положенiй къ крестьянамъ государевымъ, дворовымъ и удѣльныхъ имѣнiй.

Такимъ образомъ, управленiе всѣми крестьянами въ имперiи получаетъ нѣкоторое единообразiе; въ положенiяхъ 19 февраля формы общественнаго управленiя перешли въ значительной степени изъ положенiй о государственныхъ крестьянахъ; теперь въ свою очередь къ управленiю сихъ послѣднихъ примѣняются положенiя 19 февраля. Кромѣ этого, въ разсмотрѣнiи высшихъ государственныхъ учрежденiй находятся предположенiя о главныхъ началахъ преобразованiя всей вообще судебной части, т. е. судоустройства, судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и о переходныхъ мѣрахъ отъ порядка существующаго къ порядку новому; о полномъ преобразованiи всей городской и земской полицiи вообще; о порядкѣ составленiя и раз-

смотрѣнія, утвержденія и исполненія государственнаго бюджета, и также частныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, и объ устройствѣ народныхъ школъ и вообще народнаго образованія.

Какая общая идея будетъ лежать въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ,—это извѣстно будетъ по утвержденіи и обнародованіи постановленій, которыя состоятся по означеннымъ предметамъ.

Изъ сферы предположеній перешло въ дѣйствительность состоявшееся 30 декабря 1861 года постановленіе правительства объ увеличеніи податей и нѣкоторыхъ другихъ, поступающихъ въ казну, сборовъ, именно: гербоваго, таможеннаго и почтоваго. Въ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату сказано по этому предмету, что, «возвышеніе цѣнъ на всѣ вообще потребности жизни имѣло послѣдствіемъ и увеличеніе государственныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе предметовъ, нужныхъ по разнымъ частямъ управленія. Оно съ тѣмъ вмѣстѣ и усилило вообще, особенно въ производительныхъ классахъ народа, способы къ выгоднѣйшимъ заработкамъ и къ полученію вознагражденія за труды въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ. Сіе положеніе дѣлъ, доказывая съ одной стороны необходимость нѣсколько увеличить подати и прочіе поступающіе въ казенный доходъ сборы, съ другой же—служитъ ручательствомъ, что сіи сборы не обратятся въ обремененіе любезныхъ Намъ, вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ».

Особеннаго вниманія въ настоящее время заслуживаютъ дворянскіе выборы и собранія для сего дворянъ въ губерніяхъ. Положенія 19 февраля, измѣнивъ отношенія между помѣщиками и крестьянами, кажется, внушили нашимъ дворянамъ мысль обратить наконецъ вниманіе на свое положеніе. Естественно по этому ожидать, что на первыхъ, послѣ обнародованія новыхъ положеній, выборахъ дворяне заявятъ взгляды и желанія свои какъ въ отношеніи крестьянскаго дѣла, такъ и о другихъ, касающихся ихъ мѣстныхъ интересовъ.

Московскимъ дворянствомъ разсматривались, между прочимъ, слѣдующіе вопросы. Балотированы были предложенія: 1) испросить разрѣшенія, чтобы оставшаяся за надѣломъ крестьянъ, у помѣщиковъ, земля оставалась въ ихъ полномъ и непосредственномъ распоряженіи и 2) просить, чтобы члены губернскихъ по крестьянскому дѣлу присутствій и мировые посредники были отъ выборовъ дворянства. Оба предложенія эти приняты значительнымъ большинствомъ. Подвергнуто было также балотировкѣ предложеніе г. Безобразова. Предложе-

ніе это отвергнуто 165 голосами противъ 197, такъ какъ не получило узаконенныхъ двухъ третей голосовъ. Прочитаны были два проекта всеподданнѣйшаго прошенія Государю Императору о необходимости разныхъ измѣненій въ администраціи, судебной части и пр., представленныхъ подольскимъ и коломенскимъ уѣздами. Первое принято большинствомъ 306 голосовъ противу 58. По уѣздамъ балотировано было предложеніе клинскаго помѣщика, фонъ Визина, о томъ, чтобы переходъ на оброкъ былъ обязателенъ для крестьянъ, чтобы немедленно было приступлено къ разверстанію земель, и чтобы уплата процентовъ опекунскаго совѣта была отсрочена на два года.

Изъ этого краткаго перечня предметовъ, разсматривавшихся въ московскомъ собраніи, нельзя не видѣть, что московское дворянство озабочивается не только своими сословными, но и общими интересами страны; относительно же желанія московскихъ дворянъ, чтобы члены губернскихъ присутствій и мировые посредники назначаемы были по выборѣ дворянства, мы находимъ не лишнимъ замѣтить, что члены присутствій и посредники и теперь опредѣляются изъ дворянъ и справедливѣе было бы, кажется, просить не расширенія въ этомъ случаѣ правъ дворянъ, а того, чтобы и крестьянскій элементъ былъ введенъ въ мировыя учрежденія. Предложеніе г. Безорбазова хотя и отвергнуто, но на его сторонѣ было гораздо болѣе половины голосовъ. Объ этомъ мы ничего не говоримъ, предоставляя это англо-московскому органу «Русскому Вѣстнику» и другимъ подобнымъ журналамъ.

16 января открыто было въ С.-Петербургѣ чрезвычайное собраніе дворянства С.-Петербургской губерніи, для обсужденія вопроса объ устройствѣ поземельнаго банка. При открытіи собранія с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Суворовъ, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Въ мысляхъ моихъ Государь и дворянство представляются неразлучными; безъ глубокаго ихъ единенія нѣтъ вѣрнаго залога, прочнаго преуспѣянія, нѣтъ счастія для государства. Государь — я знаю это — желаетъ, чтобы дворянство сохранило свое высокое общественное положеніе; дворянство, оставаясь по прежнему гранитнымъ подножіемъ престола, только въ этомъ можетъ найти силы для упроченія за собою своего значенія и для разрѣшенія предстоящихъ ему многотрудныхъ вопросовъ съ честію и достоинствомъ, на свою и общую пользу.»

9 января начальникомъ Псковской губерніи открыто было губерн-

ское собраніе псковскаго дворянства для производства выборовъ въ должности, отъ нихъ зависящія.

На 1-е февраля назначено въ Твери чрезвычайное губернское собраніе дворянъ для совѣщаній объ учрежденіи поземельнаго банка въ Тверской губерніи.

При открытіи тульскаго губернскаго собранія, тамошній предводитель дворянства сообщилъ между прочимъ, что въ настоящемъ случаѣ отъ дворянскаго собранія ожидаются не подробные проекты, но изъясненія въ основныхъ чертахъ взгляда дворянства на вопросы, по Высочайшему соизволенію передаваемыя на заключеніе собранія и что посему Его Императорское Величество не изволилъ находить удобнымъ, чтобы губернское собраніе вообще продолжалось болѣе срока, установленнаго закономъ. Тульское дворянство поставило, между прочимъ, «собирать съ дворянскихъ земель по *одной четверти* коп. сер. съ десятины для воспомоществованія къ образованію молодыхъ людей въ университетѣ, преимущественно изъ дворянъ тульской губерніи, а за остаткомъ суммы и изъ другихъ сословій, безъ различія». Всякое даяніе благо! Впрочемъ, жаль, что у насъ нѣтъ подъ рукой свѣдѣнія о числѣ дворянскихъ земель въ Тульской губерніи, иначе мы не можемъ указать какой цифрѣ равняется пожертвованіе тульскаго дворянства и въ какой степени возможны изъ этой суммы остатки отъ молодыхъ людей собственно изъ дворянъ Тульской губерніи; или можетъ быть, изъ дворянъ Тульской губерніи такъ мало недостаточныхъ и въ то же время ищущихъ образованія, что какую угодно пожертвуй сумму, все будетъ въ остаткѣ.

Въ *Современной Лѣтописи «Русскаго Вѣстника»* которая противъ нашего ожиданія гораздо менѣе слѣдитъ за ходомъ дворянскихъ выборовъ, чѣмъ слѣдовало отъ нея ожидать, сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выборы уже окончились и что губернскимъ собраніямъ, какъ видно изъ рѣчей губернаторовъ, предложены были, по Высочайшему повелѣнію на обсужденіе нѣсколько вопросовъ, непосредственно касающихся интересовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Мы ожидали, что *Современная Лѣтопись* займется выборами не менѣе всякой американской газеты, когда тамъ производятся выборы президента; но ошиблись—пальма первенства въ этомъ случаѣ принадлежала «Нашему Времени» и отчасти «Дню».

Толки и разнородныя мнѣнія, возбужденные дворянскими собраніями, отразились, хотя не вполнѣ и въ нашей журналистикѣ, въ осо-

бенности въ упомянутыхъ московскихъ журналахъ, гдѣ обсуждалось значенie дворянства послѣ положенiй 19 февряля и предложенiя, какiя могли бы быть представлены губернскими собранiями на усмотрѣнie правительства, а также развивалась мысль, что съ отмѣною крѣпостнаго права, русское дворянство утратило отдѣльное значенie въ ряду государственныхъ сословiй. По поводу этихъ мнѣнiй въ оффицiальномъ отдѣлѣ «*Сѣверной Почты*» новорожденной газеты министерства внутреннихъ дѣлъ, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Подобныя статьи не выражаютъ мысли правительства, онѣ несогласны съ точнымъ смысломъ новыхъ узаконенiй и не соотвѣтствуютъ правильному развитiю проистекающихъ отъ нихъ послѣдствiй. Высочайше утвержденными положенiями 19 февраля только отмѣнено, съ желанiемъ самаго дворянства и при его содѣйствiи, крѣпостное право на дворовыхъ людей и на крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Русское дворянство, сохраняя преемственную память о своихъ подвигахъ на полѣ войны и на поприщѣ гражданскихъ заслугъ, не могло и не можетъ признавать крѣпостнаго права кореннымъ условiемъ своего существованiя. Оно приняло, согласно съ указанiями Высочайшей воли Государя Императора, ревностное участiе въ дѣлѣ отмѣны этого права, и нынѣ, конечно, не забудетъ, что оно призвано не къ ея самоуничтоженiю, но къ дальнѣйшему непосредственному участiю, при введенiи въ дѣйствiе тѣхъ законоположенiй, которыми означенное право навсегда отмѣнено».

Оффицiальныя свѣдѣнiя, сообщаемыя газетой министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу, представляютъ его въ настоящее время въ самомъ удовлетворительномъ видѣ.

Исполненie повинностей производилось не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчена небрежность въ отправленiи крестьянами господскихъ работъ; случаевъ прямаго уклоненiя отъ работъ, или уплаты оброка было весьма немного и всѣ они ограничивались однимъ или нѣсколькими отдѣльными имѣнiями.

Общественное крестьянское управленie образовано повсемѣстно. Отзывы губернаторовъ о дѣятельности этого управленiя и о влiянiи его на общiй ходъ крестьянскаго дѣла вообще удовлетворительны. Изъ нѣкоторыхъ губернiй имѣются удостовѣренiя о благопрiятномъ впечатлѣнiи, производимомъ на крестьянъ волостными судами, приговоры коихъ постановляются съ замѣчательною ясностью взгляда на дѣло и справедливостью; въ засѣданiи судовъ присутствуютъ иногда посторон-

ніе, не имѣющіе прикосновенія къ дѣлу, крестьяне; участіе это имѣетъ вліяніе на справедливость рѣшеній.

Уставныхъ грамотъ въ настоящее время представлено, въ 38 губерніяхъ, около 2800; изъ нихъ введены въ дѣйствіе 2403. Изъ числа введенныхъ въ дѣйствіе: подписаны 1463, неподписаны 881 и о 59-ти не было свѣдѣній. Въ составленныхъ грамотахъ заключаются 322, опредѣляющія прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній, съ предоставленіемъ крестьянамъ земли въ собственность: съ содѣйствіемъ правительства 275, безъ содѣйствія—47.

Изъ выкупныхъ слѣдовъ 28 поступили уже въ главное выкупное учрежденіе. Общее число приступившихъ къ этимъ сдѣлкамъ крестьянъ 2782 души. Подъ землю испрашивается выкупной ссуды 335,508 р. 73 к. Изъ числа сихъ сдѣлокъ 10 уже утверждены. Сверхъ того, по 76 мелкопомѣстнымъ имѣніямъ составлены замѣняющія уставныя грамоты-описи, а также имѣются свѣдѣнія о продажѣ 22 мелкопомѣстныхъ имѣній въ казну. Вознагражденіе изъ казны всѣмъ владѣльцамъ послѣднихъ имѣній составляетъ 34,058 р. 90 коп. О выдачѣ вознагражденія 12 изъ этихъ владѣльцевъ сдѣлано министромъ финансовъ окончательное распоряженіе.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ, успѣшному составленію и введѣнію въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ препятствуютъ не прекратившіяся между крестьянами ожиданія новыхъ льготъ, вслѣдствіе чего они уклоняются отъ добровольныхъ соглашеній съ помѣщиками, несмотря на очевидныя иногда выгоды дѣлаемыхъ имъ предложеній; помѣщики, съ своей стороны, выжидаютъ болѣе благопріятныхъ отношеній къ крестьянамъ для составленія грамотъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчено, впрочемъ, уклоненіе самихъ владѣльцевъ отъ составленія уставныхъ грамотъ частью изъ опасенія уменьшенія рабочихъ силъ, частью вслѣдствіе недостаточнаго ознакомленія съ «положеніями» или по безпечности. Въ числѣ причинъ, замедляющихъ составленіе грамотъ, указываютъ также на невозможность повѣрки въ настоящее время угодій въ натурѣ и неимѣніе нѣкоторыми владѣльцами плановъ и въ западныхъ губерніяхъ инвентарей. Нѣкоторые губернаторы выражаютъ надежду, что прекращенію ожиданій крестьянъ будетъ много способствовать циркуляръ министерства, въ коемъ изъяснены слова, сказанныя Государемъ Императоромъ временно обязаннымъ крестьянамъ, которые представлялись Его Величеству, во время путешествія въ Крымъ.

Повѣрка и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ были причи-

ною недоразумѣній и безпорядковъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Характеръ этихъ безпорядковъ почти вездѣ одинаковый при повѣркѣ уставныхъ грамотъ: крестьяне отказываются иногда отъ выбора уполномоченныхъ; выбранные же уполномоченные, а иногда и добросовѣстные свидѣтели не подписываютъ актовъ о повѣркѣ; крестьяне не принимаютъ копій съ уставныхъ грамотъ, выражая притомъ, иногда, опасенія, что согласіе ихъ на принятіе грамоты не только можетъ ихъ лишить новыхъ, ожидаемыхъ ими милостей, но и подвергнуть наказанію; въ другихъ мѣстахъ причиною отказа крестьяне выставляютъ стѣснительность опредѣляемыхъ грамотами поземельныхъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ или вслѣдствіе уменьшенія надѣла, или же при желаніи ихъ сохранить на 5 лѣтъ весь прежній надѣлъ по несоразмѣрному съ цѣнностью земли увеличенію повинностей. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, въ числѣ которыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были введеніе военной команды и полицейское наказаніе болѣе упорствовавшихъ, крестьяне, по большей части, уже исполнили предъявленныя требованія.

Послѣ закрытія с.-петербургскаго университета, нѣкоторые бывшіе профессора университета предположили открыть публичные курсы лекцій. Предположеніе это осуществляется. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ чтеніе публичныхъ лекцій гг. *Костомарову*, изъ русской исторіи; *Кавелину*, по гражданскому праву; *Спасовичу*, по теоріи уголовнаго права; *Утину*, о сравнительномъ законодательствѣ и *Андреевскому*, о законахъ государственнаго благоустройства и благочинія и по исторіи философіи права. Еслибы лекціи эти читались также систематически, какъ онѣ читались этими же лицами въ университетѣ, то онѣ могли бы замѣнить для бывшихъ студентовъ ихъ закрытые курсы и были бы вообще полезны для этихъ молодыхъ людей, потому что утвержденія новаго университетскаго устава нельзя, говорятъ, ожидать въ скоромъ времени, такъ какъ онъ предварительно долженъ быть разсмотрѣнъ, во всей подробности, въ главномъ правленіи училищъ и затѣмъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, кромѣ того, говорится, что одинъ уставъ, безъ штатовъ, безъ перемѣны пенсіонныхъ правилъ, *безъ приготовленія большаго числа профессоровъ за границей*, въ лучшихъ университетахъ, *безъ лучшаго приготовленія въ гимназіяхъ молодыхъ людей*, которые идутъ въ студенты, не принесетъ той пользы, кото-

рая ожидается, и что потому лучше умѣрить нетерпѣніе, не желать осуществленія какихъ нибудь наскоро составленныхъ проектовъ, а спокойно ожидать обдуманнаго и потому прочнаго преобразованія нашихъ университетовъ.

Изъ оффиціальныхъ же источниковъ извѣстно, что назначенная для пересмотра университетскаго устава коммиссія окончила уже свои засѣданія и представила 6 января, г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія составленный ею проектъ общаго устава университетовъ.

Изъ распоряженій касательно Польши мы можемъ указать на воспослѣдовавшее, въ указѣ отъ 12 января, возведеніе въ санъ варшавскаго архіепископа на мѣсто умершаго архіепископа Антоніо-Мельхіора Фіалковскаго, профессора с.-петербургской римско-католической духовной академіи ксендза *Феликса Фелинскаго.* «Одновременно», сказано въ *Сѣв. Почтѣ*, «съ подписаніемъ высочайшаго указа о назначеніи священника Фелинскаго варшавскимъ архіепископомъ, получены изъ Рима паллiумъ (омофоръ), папскія буллы и другіе акты, касающіеся каноническаго утвержденія сего духовнаго лица».

8-го текущаго января должны были начаться въ Финляндіи засѣданія коммиссіи, учрежденной Высочайшимъ манифестомъ 29-го марта 1861 г. Коммиссія эта состоитъ изъ сорока восьми выборныхъ отъ четырехъ народныхъ сословій, именно: 12 отъ дворянства, 11 отъ духовенства и 1 отъ университета, 12 отъ городовъ и 12 отъ сельскихъ землевладѣльцевъ—не дворянъ. Цѣль назначенія этой коммиссіи—приготовить проекты предложеній, долженствующихъ въ свое время подвергнуться разсмотрѣнію государственныхъ сословій, а въ дѣлахъ, которыя могутъ быть разрѣшены административнымъ путемъ, выразить мнѣніе о нуждахъ края и указать на способы къ ихъ удовлетворенію. По поводу предстоявшихъ этой коммиссіи занятій, министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго, въ отношеніи своемъ къ финляндскому генералъ-губернатору, отъ 30 декабря прошлаго года, сказавъ о волѣ Его Императорскаго Величества, созвать государственныя сословія на общій сеймъ, коль-скоро означенная коммиссія исполнитъ возложенное на нее порученіе и когда будутъ сдѣланы прочія необходимыя для дѣйствія сейма приготовительныя распоряженія, увѣдомляетъ, что «согласно съ симъ и дабы срокъ созванія государственныхъ чиновъ, въ случаѣ еслибы коммиссія должна была изложить свое мнѣніе не прежде, какъ по окончательномъ

разсмотрѣніи всѣхъ переданныхъ ей вопросовъ, не былъ отложенъ долѣе, чѣмъ необходимо, и дабы такимъ образомъ это не воспрепятствовало скорѣйшему выполненію Высочайшихъ намѣреній Его Императорскаго Величества, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы коммиссія разсмотрѣла и представила мнѣніе прежде всего и отдѣльно къ тѣмъ изъ упомянутыхъ вопросовъ, которые она признаетъ самыми необходимыми и болѣе всего важными для края, и чтобы такимъ образомъ она преимущественно занялась ихъ обсужденіемъ, а потомъ мало-по-малу и другими вопросами. При этомъ Его Величество имѣетъ въ виду, тотчасъ по представленіи коммиссіею всеподданнѣйшаго мнѣнія и по доставленіи сенатомъ великаго княжества и генералъ-губернаторомъ своихъ отзывовъ, дать Высочайшее повелѣніе о составленіи подробныхъ проектовъ закона по тѣмъ дѣламъ, которыя, согласно съ основными законами великаго княжества и по ближайшему назначенію Его Величества, имѣютъ быть представлены на обсужденіе сейма, или по которымъ Его Величество, во вниманіе къ особенному свойству дѣлъ, признаетъ необходимымъ только выслушать мнѣніе государственныхъ чиновъ, а затѣмъ, какъ только помянутые проекты будутъ приготовлены и представлены Государю Императору, Его Величество соизволитъ дать Высочайшее повелѣніе о собраніи государственныхъ чиновъ».

На дняхъ обнародована государственная роспись доходамъ и расходамъ государственнаго казначейства на 1862 г. Этотъ важный государственный документъ въ первый разъ является передъ глазами Россіи и Европы. Россія можетъ сказать, что она, во всякомъ случаѣ прежде истеченія тысячи лѣтъ своего существованія познакомилась съ своимъ бюджетомъ. Такъ какъ роспись напечатана во всѣхъ газетахъ, то мы ограничиваемся лишь извлеченіемъ изъ нея нѣсколькихъ валовыхъ цифръ, означающихъ источники нашихъ доходовъ и тѣ русла, въ которыя они стекаютъ.

Приходъ состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ статей: а) прямыхъ налоговъ съ податныхъ сословій разныхъ заимствованій, въ томъ числѣ и ясакъ—55,225,928 р. 68 к.; б) доходовъ экономическихъ, т. е. съ имѣній арендныхъ, поступившихъ въ казну, большею частью по конфискаціи ихъ у дворянъ западнаго края, съ имѣній, отобранныхъ отъ ордена іезуитовъ, съ казенныхъ лѣсовъ, оброчныхъ лѣсовъ, отъ добычи металловъ, приготовленія монеты, выдѣлки металловъ для вольной продажи и прибыли отъ передѣлки металловъ—11,798,031 р.

69 к.; в) пошлинъ по продажѣ питей, т. е. отъ откупа, акцизныхъ, чарочныхъ и проч. и съ свидѣтельствъ на шинки—124,294,500 р. 73 к.; съ продажи соли $9^1/_2$ милліоновъ, съ частныхъ золотыхъ промысловъ $2^1/_2$ милліона; таможенныхъ пошлинъ 31,800,000,; почтовыхъ 7,044,532; гербоваго 5,784,800; съ торговыхъ свидѣтельствъ 5,200,000; за свидѣтельства и бандероли на табакъ 2,853,000 и кромѣ того цифры меньшія приведенныя нами съ разныхъ статей, составляющихъ преимущественно косвенные налоги: всего же пошлинъ получается 198,481,075; г) разныхъ мелкихъ сборовъ и остатковъ по бюджету Царства Польскаго 9,634,694 р. $8^3/_4$ к; д) долговыхъ платежей 4,183,080 р. $30^1/_4$; е) доходовъ, поступающихъ на разные опредѣленные предметы 16,509,029 р. $48^1/_4$ к.; всего же доходовъ 295,861,838 р. $27^1/_4$ к.; а съ прибавленіемъ 14,757,899 р. $72^3/_4$ к., поступившихъ по послѣднему $4^1/_2\%$ займу—310,619,739 р.

Изъ этой суммы предназначены, между прочимъ, слѣдующіе расходы а) на платежи по займамъ 54,296,187 р. 91 к. б) по министерству императорскаго двора: для Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника, и августѣйшихъ дѣтей Ихъ Величествъ 495,000; на содержаніе Императорскаго Двора 4,574,145 р. 69 к. всего же по министерству двора съ другими расходами и на отдѣльныя учрежденія, состоящія въ вѣдѣніи Императорскаго Двора 7,957,905 р. 42.; к.; в) на высшія государствнныя учрежденія, въ томъ числѣ I, II, и III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и коммиссію прошеній 928,904 р. 61 к.; г.) по вѣдомству православнаго духовенства 4,661,097 р. 96 к.; д.) по министерствамъ и главнымъ управленіямъ: народнаго просвѣщенія 4,156,824 р. 5 к.; военному—106,575,892 р. $39^1/_2$; главному управленію военно-учебныхъ заведѣній 3,535,959 р. $7^1/_4$ к.; морскому—20,589,830 р. $74^1/_4$; иностранныхъ дѣлъ 2,106,015 р. 45 к.; на устройство богоугодныхъ заведеній въ Палестинѣ 150,000 р. внутреннихъ дѣлъ — 7,477,206, р. $31^3/_4$ к.; почтовому управленію — 3,524,859 р. 89 к.; на гарантіи общества желѣзныхъ дорогъ—5,728,385 р.; с.) на непридвиденные расходы 4 мил. и на недоборъ въ доходахъ 4 мил.

Изъ этого извлеченія видно, что самый значительный источникъ доходовъ въ Россіи составляютъ откупа; за тѣмъ прямые налоги съ низшихъ классовъ; а самые значительные расходы—на охраненіе національной и общественной безопасности.

Бюджетъ всякой страны служитъ вѣрнымъ зеркаломъ для ея политико-экономической и соціальной жизни; вѣрнымъ мѣриломъ ея производительныхъ силъ и вообще ея богатства, и даже степени нравственности и цивилизаціи, на которой страна находится.

Все это придаетъ особенную важность недавно обнародованному государственному акту, тѣмъ болѣе, что мы, русскіе, имѣемъ слабое и весьма неясное понятіе вообще о самихъ себѣ.

Въ заключеніе сообщаемъ извѣстіе объ увольненіи отъ управленія министерствомъ г. Княжевича по разстроенному здоровью и о назначеніи на его мѣсто состоящаго по морскому министерству г. т. с. Рейтерна и объ увольненіи министра государственныхъ имуществъ г. Муравьева, на мѣсто котораго назначенъ управлять министерствомъ товарищъ министра г. Зеленый.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Передъ новымъ годомъ.—Общее настроеніе и московскій мефистофель.—Нашъ праздничный взглядъ на вещи и на наше будущее.—Наша легковѣрная забывчивость и не вниманіе къ исторіи прошлаго года.—Смерть, какъ примирительница.—Прошлый 1861 годъ передъ судомъ потомства.—Его перлы и аэролиты.—Откупная вакханка и ея послѣдняя пляска.—Добровольное опустошеніе петербургскихъ трактировъ.—Куда дѣвалась водка? — *Ночной гость* (еще свѣжее преданіе) стихотвореніе.—Андрей Ивановичъ Кронъ и *нѣчто* о ядовитомъ пивѣ.—Открытіе г. Шмидта.—Элегія мрачнаго любовника.—Два слова о нѣкоторыхъ *невинныхъ* явленіяхъ нашей общественной жизни.—*Передовые* и *задніе люди*.—Протестъ Петербургскихъ врачей и изгнаніе женщинъ изъ медицинской академіи.—Лучшій примѣръ того, что женщина не можетъ быть докторомъ. — Стѣсненія брака и его оригинальные противники.—Г. Мерцалинъ съ своей «системой нестѣсненія».—Чинъ штабсъ-капитана, какъ дипломъ названія жениха.—Легкость взглядовъ и тяжесть «вопросовъ». — Мое содроганіе передъ восклицательнымъ знакомъ.—Гёте и Катковъ и ихъ мнѣніе о сплетняхъ.—Аглицкая соль Русскаго Вѣстника и аттическія города Котлинска. — Закусываніе удиловъ Котлинскаго Квазимодо.—Городъ Приволжскъ и его стоячая вода.—Приволжскъ и пятидесятилѣтній юбилей не князя Вяземскаго.—*Оцвѣтотвореніе* господъ чиновниковъ. — Экономъ и—его неэкономическое признаніе.—Судъ клубныхъ жрецовъ и торжество невинности.

Говорятъ, новый годъ на дворѣ,
Шестьдесятъ второй годъ!
Говорятъ, будто Русь въ январѣ
Рубиконъ перейдетъ.

—

Говорятъ, что умрутъ откупа,
Ихъ замѣнитъ акцизъ,

И получитъ въ награду толпа
За сюрпризомъ сюрпризъ.

—

Говорятъ, обскурантовъ среда
Свой измѣнитъ нарядъ...
Нѣтъ, послушайте вы, господа,
Что кругомъ говорятъ:

—

Говорятъ, что желѣзныхъ дорогъ
Вкругъ раскинется сѣть,
И охрипнувшей гласности рогъ
Не устанетъ гремѣть.

—

Говорятъ, будто мѣсяцъ февраль
Безъ морозовъ пройдетъ;
Будетъ дамъ занимать — не Феваль,
А одинъ Молешотъ;

—

Не взволнуетъ ихъ острую кровь
Дюма-fils, Дюма-père...
И не встрѣтимъ ужъ Ротчева вновь
Мы подъ литерой Р.

—

Говорятъ, перестанетъ Камбекъ
Издавать «дребедень»
И измѣнится Вейнберга «Вѣкъ»
И Аксакова «День».

—

Говорятъ, что пустивъ въ оборотъ
Грошъ послѣдній ребромъ,
Отъ подписки Старчевскій сберетъ
Милліонъ серебромъ.

—

Говорятъ, что Арсеньевъ Илья
Удивитъ простаковъ,
И замѣнятъ намъ трель соловья —
То Зоринъ, то Кусковъ.

—

Говорятъ, отъ «Основы» Еврей
Не услышитъ обидъ,

И исчезнетъ изъ русскихъ статей
Слово самое «жидъ».

—

Говорятъ, даже держутъ пари:
Броситъ Кронъ—кукельванъ,
Что Полонскій чрезъ мѣсяца три
Свой окончитъ романъ;

—

Что владѣльцы домовъ и квартиръ
Соберутъ новый сеймъ,
И напишетъ сто двадцать сатиръ
Михаилъ Розенгеймъ.

—

И опять всѣ твердятъ: на дворѣ
Шестьдесятъ второй годъ,
Говорятъ, будто Русь въ январѣ
Рубиконъ перейдетъ.

Едва ли можно будетъ припомнить все, что говорятъ, что сулятъ намъ на новый годъ, на новое тысячелѣтіе. Начиная свой первый «листокъ» въ 1862 году, я не могу умолчать объ этихъ надеждахъ и упованіяхъ, обуявшихъ всѣхъ въ настоящую минуту отъ мала до велика, отъ гг. Кокорева и Воронина до любаго фельетониста ежедневной газеты. Не хочу я также, слыша отвсюду голоса примиренія, смущать слухъ своего читателя недовѣрчивымъ словомъ или улыбкой отрицанія. Пусть сулятъ намъ, что угодно, разные романтики-доброжелатели, пусть говорятъ они, что хотятъ, я не воскликну вмѣстѣ съ московскимъ мефистофелемъ, г. Павловымъ:

Намъ говорятъ, но мы не вѣримъ,
Мы видимъ въ томъ одни слова...

Къ чему такое озлобленіе! Позвольте намъ, г. Павловъ, хоть во имя доброй идеи, если не самой дѣйствительности, надѣть праздничное платье и хоть немного потѣшить, подразнить свое воображеніе. Это даже отчасти полезно бываетъ для людей! Когда же, какъ не подъ новый годъ, дать волю нашему лиризму, немного распуститься и помечтать, словно тоскующей невѣстѣ, въ ушахъ которой

звучитъ торжественный гимнъ: Се женихъ грядетъ... Мы сами ждемъ жениха, сами надѣли подвѣнечный нарядъ, а потомъ... потомъ, можетъ быть, со слезами или со смѣхомъ (смотря по темпераменту каждаго) сбросимъ его, не дождавшись завѣтнаго гостя. Что жъ! Все—таки эти минуты ожиданія были хорошія минуты, не пропали для насъ даромъ... Будемъ же веселы и покойны на новый годъ, ожидая его обѣщаній и гостинцевъ. Въ такія минуты какъ—то невольно успокоиваеться и умиляешься духомъ...

Въ минуты упованія,
Подъ самый новый годъ,
Надежды и желанія!
Кто васъ мнѣ перечтетъ!

—

Прогрессъ намъ улыбается,
Хоть мракъ вездѣ густой,
И словно погружается
Въ гробъ вѣчности застой.

—

Роль женщинъ обозначится...
Жоржъ-Зандъ, Манонъ—Леско!..
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!..

Но не будемъ же и злопамятны и легковѣрны, читатели! Въ то время, когда мы увѣнчиваемъ и цвѣтами, и лаврами новый годъ, всѣми позабытъ и оставленъ его предшественникъ. Для колыбели малютки, изъ котораго еще неизвѣстно, что будетъ, мы покинули бѣдную и одинокую гробницу его двѣнадцати-мѣсячнаго родителя. Всѣ его забыли; всѣ газеты и журналы, выставивъ на своихъ страницахъ цифру: 1862, не хотятъ оглянуться назадъ и лишь только одинъ Русскій Вѣстникъ остался вѣренъ старику, и все еще продолжаетъ выходить въ старомъ году, переживя еще только ноябрь мѣсяцъ.

Темный человѣкъ тоже не увлекается общимъ порывомъ. Темный человѣкъ не можетъ пройти молчаніемъ стараго года и его доброй дѣятельности.

И пусть у гробоваго входа,
Изъ благодарности, народъ
Для шестьдесятъ втораго года
Не позабудетъ старый годъ.

Я думалъ даже написать длинный мадригалъ прошлому году, но удерживаюсь отъ этого; я хочу лучше просто прослѣдить шагъ за шагомъ всѣ его дѣянія, и фактъ за фактомъ доказать, что чело покойнаго старца вполнѣ достойно нашихъ лавровъ.

Говорятъ, что истину мы лучше понимаемъ тогда, когда отойдемъ отъ нея на приличную дистанцію, когда горячность и пристрастность минуты не будутъ мѣшать нашей критической оцѣнкѣ. И вотъ

Теперь, когда старецъ великій смѣжилъ
Орлиныя очи въ покоѣ,
Мы видимъ, какъ много онъ въ жизни свершилъ,
И дѣло предпринялъ какое!

Много желчныхъ выходокъ, горькихъ улыбокъ, обидныхъ словъ было брошено въ него нами нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, а теперь изъ своего прекраснаго далёка, онъ глядитъ совсѣмъ инымъ; мы готовы, вынувъ носовыя платки, горько плакать о немъ, и жалобнымъ голосомъ пѣвицы-циганки пѣть:

Не уѣзжай, голубчикъ мой!..

Читатель! Если ты легкомысленъ, вѣтренъ и забывчивъ, если скоро умѣешь забывать услуги своихъ истинныхъ друзей, то я въ виду твоей же собственной пользы, укажу тебѣ, что ты не даромъ прожилъ прошедшіе двѣнадцать мѣсяцевъ, не даромъ жилъ и учился, читалъ, обличалъ, строилъ дома и теоріи, проводилъ время и своихъ ближнихъ...

Бросивъ всякую систему и сортировку, но слѣдя шагъ за шагомъ все, что не завѣщалъ намъ прошлый годъ, я проведу тебя, читатель, сквозь галлерею прогресса 1861 года, я сберу въ одну связку весь его букетъ:—твое дѣло будетъ оцѣнить и насладиться его благоуханіемъ.

И такъ—терпѣніе и вниманіе. Я начинаю свой бѣглый обзоръ. Прошлый 1861 годъ, начался великимъ событіемъ въ русской жизни: въ № 1. Отечественныхъ Записокъ была напечатана «бабушка» И. А. Гончарова. Слухъ объ этомъ міровомъ событіи даже дошелъ до Антильскихъ острововъ и Огненной земли. На Литейной улицѣ была великолѣпная иллюминація, а въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова горѣлъ транспарантъ съ разноцвѣтными фонарями.

— Около этого же времени совершился важный педагогическій кризисъ. Одинъ передовой воронежскій наставникъ, предложилъ всѣмъ своимъ собратамъ «не сѣчь учениковъ, а только подводить ихъ къ розгѣ».

— Въ Харьковскомъ благородномъ собраніи былъ открытъ простѣйшій способъ узнавать замаскированныхъ дамъ, посредствомъ срыванія масокъ съ ихъ лица. Это былъ первый шагъ къ освобожденію женщинъ... отъ маскараднаго инкогнито.

— Знаменитая лотерея Шимановъ и Сероки объявила о своихъ вполнѣ *баснословныхъ* выигрышахъ, былъ распущенъ миѳъ о томъ, что какой-то пролетарій выигралъ 300,000 р. с. Хотя одинъ желчный памфлетистъ и воскликнулъ недавно:

Скорѣй исчезнутъ всѣ пороки
И соловьемъ засвищетъ Гротъ,
Скорѣй долги заплатитъ въ сроки
Критонъ — классическій нашъ мотъ,
Скорѣй арсеньевскія строки
Читая, критикъ не заснетъ,
Чѣмъ у Шимановъ и Сероки
Счастливецъ выигрышъ найдетъ...

Но, несмотря на такія ядовитыя слова, «польская лотерея съ успѣхомъ въ теченіи цѣлаго года вращала свои завѣтныя колеса, раздражая нервы любителей сильныхъ ощущеній и проигрыша.

— Открылась новая газета «Вѣкъ», которая своей популярностью обязана нѣкоему Камню Виногорову, проклявшему г. Толмачеву за чтеніе «Египетскихъ Ночей» Пушкина. Кромѣ того, что г. Виногоровъ «воздвигъ себѣ памятникъ не рукотворный», онъ вызвалъ особую литературу и создалъ школу писателей, подвизавшихся на неистощимой темѣ: Безобразный поступокъ «Вѣка».

— А. В. Старчевскій, редакторъ «Сына Отечества» ввелъ пре-

красный обычай—хвалить свое собственное изданіе и просить читателя о подпискѣ...

Подайте ближнему на хлѣбъ:
Онъ «Сынъ Отечества» питаетъ...

Поэтому, по увѣренію самого «Сына Отечества», подписка на него возвысилась до небывалой цифры—6,666,666 экз. Г. Старчевскій весьма много хлопоталъ о распространеніи грамотности въ Россіи, вѣрно расчитавъ, чѣмъ больше грамотныхъ людей въ отечествѣ, тѣмъ здоровѣе его еженедѣльный «Сынишка». Въ новомъ 1862 году, «Сынъ Отечества», переродясь въ ежедневную газету, до того распространился, что печатается разомъ въ Петербургѣ, въ Лондонѣ, въ Іеддо, въ Пекинѣ и въ Вышнемъ Волочкѣ..

— «Русская Рѣчь» и Московскій Вѣстникъ вступили въ законный бракъ.

— Сѣверная Пчела и «С.-Петербургскія Вѣдомости» совершенно забраковались, уступивъ свое первородство «Русскому Инвалиду».

Первые камни женской эманципаціи были положены г. Авдѣевымъ въ «Подводномъ Камнѣ», и г. Тайвани— въ Петровскомъ паркѣ. Умственное канканерство перваго — вызвало ревностнаго поборника во второмъ; великій шагъ сдѣланъ—

И жены идеалъ благородный
Былъ вдвойнѣ нашей женщинѣ данъ!
Тамъ — Авдѣева «Камень подводный»,
Здѣсь — Тайвани открытый канканъ.

— Къ числу міровыхъ событій прошлаго года также принадлежалъ пятидесятилѣтній юбилей отставнаго свѣтскаго писателя кн. Вяземскаго, воспѣтаго въ приличныхъ виршахъ гр. Соллогуба, и окропленнаго юбилейными слезами Н. И. Греча, друга и сотоварища покойнаго Булгарина.

— Тогда же, г. Гымалэ, или (по собственному его признанію) г. Ю. Волковъ доказалъ намъ, что Пушкинъ—не поэтъ, потому что онъ *не народный* писатель, а русскій крестьянинъ безчувственъ, потому что онъ *народенъ*. Этимъ же г. Гымалэ была открыта новая «область безпечальнаго созерцанія».

— Между знаменитымъ русскимъ маэстро А. В. Лазаревымъ и

именитымъ дилетантомъ г. Сѣровымъ, произошла публичная музыкальная дуэль, надѣлавшая много шуму. Г. Лазаревъ послѣ своего скандальнаго концерта снова отправился въ Абиссинію.

— Гоненіе на свистуновъ и гоненіе «мертвящей шутки». Плачъ о пропажѣ четвертака въ конторѣ одной московской редакціи. Нашествіе свистопляски и ея гибельные слѣды. Это все принадлежитъ къ особому періоду прошлаго года, уже всѣмъ хорошо извѣстнаго и достаточно оцѣненнаго.

— Почтенный артистъ, говорившій въ Парижѣ, у могилы Тальмы, что онъ великій русскій трагикъ Бурдинъ, снова вернулся на русскую сцену, увѣряя всѣхъ, что онъ, Бурдинъ, есть родной нашъ Тальма. По случаю пріѣзда г. Бурдина—всѣ представленія Ристори перестали приводить въ восторгъ нашу публику, наслаждающуюся одной только игрой своего отечественнаго таланта.

Мы испытали много горя,
Когда оставилъ насъ Бурдинъ,
И въ представленіяхъ Ристори
Свой разгонять спѣшили сплинъ.
Игрались драмы, водевили,
И развлекала насъ она,
Но мы Ристори позабыли
По возвращеньи Бурдина.

— Въ 1861 году явился новый драматургъ г. Н. Потѣхинъ, затмившій славу Кукольника, Полеваго и другихъ знаменитостей. Великимъ постомъ въ Маріинскомъ театрѣ съ плафона сотрется портретъ какого нибудь изъ изображенныхъ тамъ писателей, и на этомъ мѣстѣ будетъ нарисованъ портретъ автора «Дока на доку нашелъ»...

— Благодаря услугамъ нѣкоторыхъ журналовъ и находчивости И. И. Излера, наша публика начала мало по малу знакомиться съ поэзіей западной Европы, наслаждаясь въ кафе-шантанѣ французскими куплетами «Folichons et folichonettes», а на публичныхъ чтеніяхъ «Испанскими мотивами» Вс. Крестовскаго.

— Открытіе мануфактурной выставки въ Петербургѣ было перломъ стараго года, было лучшимъ торжествомъ его. Въ то время, когда мы только умѣли истреблять стеаринъ на свѣчи и упражнялись въ пусканіи мыльныхъ пузырей, въ то самое время на выставкѣ поя-

вились стеариновыя пирамиды, вазы изъ кокосоваго, а столы изъ простаго мыла. Вотъ еще новое доказательство того, что для художника все можетъ служить темой и матеріаломъ: мыло, свѣжее сало, свѣжая икра, «свѣжее преданіе» и т. д. Едва онъ коснется мертваго продукта, какъ оно оживетъ, приметъ формы и звуки.

— Около этого же времени, левъ прошлогодняго литературнаго сезона, сотрудникъ «Русскаго Вѣстника» и «Домашней Бесѣды», г Юркевичъ, сдѣлалъ слѣдующее замѣчательное открытіе: «Розги, рѣшилъ онъ, есть энергическіе мотивы жизни.»

— Явились новые органы:

«День»—съ знаменемъ нетерпимости къ Полякамъ, къ цивилизаціи и къ петербургскимъ прогрессистамъ.

«Зритель»—антагонистъ здраваго смысла, таланта и цивилизаціи: какая-то новая помѣсь Ноздрева съ Загорѣцкимъ.

— Совершилась цѣлая эпическая повѣсть изъ жизни главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, до того пространная, что я могу только сослаться на одинъ изъ своихъ «дневниковъ», гдѣ передана эта повѣсть.

— Положеніе дѣлъ нашихъ акціонерныхъ обществъ было блестящее: вотъ краткіе результаты ихъ дѣятельности.

Первое страховое общество потерпѣло убытку въ 150,000 р.

Акціи Саламандры—въ 120,000 р.

Петербургское общество—въ 240,000 р.

Московское общество—въ 150,000 р.

Въ общей сложности акціонеры этихъ обществъ потеряли 660,000 р. с.

Убытокъ акціонеровъ пароходныхъ компаній простирается до 5,495,000 р.

Акціонеровъ промышленныхъ компаній—до 3,388,965 р. с.

Компаніи желѣзныхъ дорогъ—въ 6,487,790 р.

Общая цѣнность акцій понизилась на 16,031,755 р.; барышъ же получили только Самолетъ да царско-сельская дорога на сумму 370,000 р.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что дѣла акціонерныхъ обществъ находятся въ наилучшемъ состояніи.

— Нѣсколько новыхъ изрѣченій:

По изрѣченію «Русскаго Вѣстника» Петербургъ, погибаетъ отъ

кружковъ, отъ пустозвоновъ, отъ безголовыхъ прогрессистовъ, отъ сплетенъ и отъ сикофанства.

«День» и «Домашняя Бесѣда» провозгласили, что всюду, въ жизни, въ наукѣ, въ литературѣ и въ цивилизаціи—«ложь».

Левъ Камбекъ обличилъ въ теченіи года 13,750 человѣкъ и объявилъ, что онъ будетъ за деньги печатать въ своемъ журналѣ различную «дребедень».

Борисъ Чичеринъ сказалъ рѣчь о литературномъ *казачествѣ* и *о буйномъ разгулѣ мысли.*

Г. Бланкъ объявилъ, что «всѣ люди суть скоты».

А. А. Краевскій—ничего не объявилъ.

Г. Кулишъ объявилъ, что Евреевъ нѣтъ, а есть только одни «жиды».

Старчевскій сказалъ, что гласность есть «уродливое проявленіе духа»...

Вся эта пестрая и смѣшанная панорама минувшихъ дней встаетъ теперь передъ нами и намъ чудится, съ какимъ умиленіемъ, и отцовской нѣжностью старый годъ посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на плоды рукъ своихъ,

Въ послѣдній разъ на все взглянулъ,
Отворотился и заснулъ...

Я будто вижу цѣлую картину, —

Какъ годъ отжившій, годъ изгнанья,
Прощался съ милою землей,
И прошлыхъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,
Тѣхъ прошлыхъ дней, когда Самаринъ
Намъ наводилъ на лица тѣнь,
Когда онъ, Бланку благодаренъ,
Смотрѣлъ, какъ ратовалъ *боляринъ*,
Въ поддевкѣ праотцовскій «День»;
Когда «Основа», какъ Рогнеда
Къ супругу дальнему рвалась,
Когда «Домашняя Бесѣда»
Къ ханжамъ піявкой привилась;
Когда онъ, въ откупъ неувѣренъ,
Спѣшилъ людей предостеречь,

И говорилъ въ Москвѣ Чичеринъ
Свою вступительную рѣчь...
Когда онъ вѣрилъ и любилъ
Ильи Арсеньева творенья
И посреди нѣмыхъ могилъ
Еще не зналъ успокоенья,
И не смущали сны его
Своимъ перомъ славянофилы,
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы...

Чѣмъ же заключимъ мы наше слово о старомъ годѣ? Неужели хулой? Неужели насмѣшкой? Будто, въ самомъ дѣлѣ, его воспріемникъ съумѣлъ насъ такъ скоро избаловать своими щедротами и милостями, что мы на новосельи забудемъ свое старое жилье?

Нѣтъ, намъ чуждъ капризъ дѣвическій!
Все вкругъ насъ, какъ было въ старь,
Лишь одинъ академическій
Обновился календарь.

Нѣтъ, виноватъ... къ новому году у насъ были еще неожиданности. Откупъ, который мы заранѣе уже похоронили, захотѣлъ еще разъ заявить о своемъ существованіи, совершить новый подвигъ... Откупная Вакханка еще разъ явилась передъ нами съ своимъ тирсомъ и цинической пляской.

Въ послѣдній разъ она плясала!
Увы! Ужъ скоро ожидала,
Ее, наслѣдницу скандала,
Минута грознаго конца,
Когда набросятъ покрывало
На трупъ холодный мертвеца.

Между откупомъ и петербургскими гостинницами къ новому году разъигралась слѣдующая комедія. Здѣшніе трактиры, за продажу спиртовыхъ напитковъ, платили прежде условную сумму денегъ въ откупъ. Когда этотъ налогъ доросъ до слишкомъ крупной цифры, трактирщики рѣшились просить пощады: и безъ того уже ихъ повсюду упрекали

за дорогую продажу водки и другихъ спиртуозныхъ мотивовъ. Въ концѣ прошлаго года, трактирщики послали отъ себя депутатовъ въ главную контору откупа съ просьбой уменьшить налогъ, для нихъ обременительный.

Въ конторѣ они получили рѣзкій и рѣшительный отказъ. Поэтому владѣльцы гостинницъ и ресторановъ, въ числѣ 320 человѣкъ согласились вовсе не продавать у себя водки, если откупъ не сбавитъ налога.

Такимъ образомъ къ 1-му января отвсюду изъ лучшихъ гостинницъ Петербурга исчезли водки, ликеры, наливки, и одни только виноградныя вина безбоязненно являются на столахъ и буфетахъ ресторановъ.

Откупъ вѣроятно не ожидалъ такихъ энергическихъ и рѣшительныхъ мѣръ со стороны владѣтелей трактировъ, и послѣдняя его выходка будетъ ему стоить не дешево. На немъ повторилась басня жаднаго нищаго и фортуны. Кто уступитъ первый—неизвѣстно, но сколько замѣтно, всѣ владѣльцы и содержатели трактировъ стоятъ въ своемъ рѣшеніи твердо и, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, едва ли согласятся на мировую по прежнимъ условіямъ.

Одна только кандитерская Вольфа пошла наперекоръ рѣшенію своихъ собратій по профессіи—и въ ней продажа водокъ не прекращена. Но публика, какъ слышно, не поощряетъ предупредительнаго хозяина и большею частью не требуетъ спиртуозныхъ напитковъ.

Теперь позвольте васъ познакомить съ одной легендой, въ которой по возможности выражено все страданіе нашихъ откупщиковъ, лишенныхъ одной изъ самыхъ важныхъ поддержекъ своего бреннаго существованія:

Ночной гость.

(*Еще свѣжее преданіе.*)

Въ откупщицкія палаты
Слуги сонные бѣгутъ:
«Баринъ, баринъ! Депутаты
Отъ трактирщиковъ идутъ»...
— Врите, врите, бѣсенята!
Что еще за депутатъ?

Рады вы откупщика-то
Безпокоить невпопадъ.

—

— Разбирай тутъ: правда-ль, пуфъ-ли...
Хуже нѣтъ житья въ аду!..
Шлафрокъ дайте, дайте туфли,
Дѣлать нечего, — пойду...
Гдѣ жъ они? «Вонъ, сударь, въ залѣ»...
Въ самомъ дѣлѣ, темный залъ
Депутаты занимали:
— Что вы здѣсь? И кто васъ звалъ? —

—

«Съ просьбой мы... Ужъ очень строги
Откупа для насъ»...—Такъ что жъ?
«Сократите хоть налоги:
Не по силамъ намъ платежъ.
А не то, на нашей сходкѣ
Рѣшено — не уступать:
Въ ресторонахъ вашей водки
Мы не будемъ продавать».

—

— Какъ? Уступки?... Ахъ нахалы!...
Такъ налогъ для васъ великъ? —
И просителей изъ залы
Грозно гонитъ откупщикъ.
Не смущаемъ ихъ угрозой,
Па перины рухнулъ онъ,
Убаюканъ свѣтлой грезой,
Погрузился въ сладкій сонъ.

—

Но межъ тѣмъ, какъ средь кальяновъ,
Откупщикъ ввѣрялся снамъ,
Кругъ столичныхъ рестарановъ
Ставилъ ковы откупамъ.
Гости: водки!.. Нѣтъ отвѣтовъ,
Нѣмъ Дононъ и Доминикъ,
И исчезли изъ буфетовъ
Ромъ, ликеры и травникъ.

—

Въ ночь погода зашумѣла,
Наступаетъ новый годъ,

«Нимфа вьюги» что-то пѣла
Подъ окномъ и у воротъ.
Зажирѣвшій Бахусъ дремлетъ,
Въ домѣ мракъ и тишина,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ,
Кто-то стукнулъ у окна.

—

—Кто тамъ? «Свой».—Пароль твой? «Бочка!»
— Ну, какая жъ тамъ бѣда!
«Ей! ждать нѣкогда... ну, ночка!
Лишь едва добрелъ сюда.
— Гдѣ возиться мнѣ съ тобою,
Тамъ въ парадной есть швейцаръ,—
И дрожащею рукою
Отворилъ онъ будуаръ.

—

Въ облакахъ луна ныряетъ...
Что же? *Откупъ* передъ нимъ,
Штофъ за штофами роняетъ,
Нагъ, суровъ и недвижимъ.
Вѣтры бороду развили,
Сини щеки, мутенъ взглядъ,
И огромныя бутыли
На рукахъ его лежатъ.

—

«Всѣ трактиры, рестораны,
Нашу водку не берутъ»...
Откупщикъ отъ новой раны
Задрожалъ и обмеръ тутъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
И всю ночь подъ новый годъ
Въ вихрѣ бури, все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

—

Есть въ столицѣ слухъ ужасный,
Говорятъ, что откупщикъ,
Лишь потухнетъ день ненастный
Слышитъ гостя стукъ и крикъ.
Ужъ съ утра погода злится,
И лишь полночь настаетъ,

Откупъ съ ношею стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Взглянемъ теперь на положеніе петербургскихъ жителей въ дѣлѣ откупа и трактировъ. Что будутъ пить они, странствуя по городу и по его ресторанамъ и гостинницамъ? Воду невскую? Виноградныя вина? Но первое очень не вкусно, а второе и дорого, и невсегда нужно. Развѣ одинъ только Андрей Ивановичъ Кропъ явится общимъ благодѣтелемъ и будетъ услаждать наши желудки своимъ горькимъ пивомъ. Онъ, одинъ только онъ, можетъ спасти насъ!.. Но, увы! и тутъ наши надежды не сбываются! Мы съ ужасомъ узнали, что тотъ благородный напитокъ, который веселилъ наше сердце во время оно, можетъ быть ядовитой влагой, отравляющей всѣхъ своихъ поклонниковъ. Нѣкто г. Шмидтъ раскрылъ передъ нами всѣ прелести этого напитка. Приведу по этому случаю весьма любопытную замѣтку «Инвалида» (№ 263), думая, что она для всѣхъ будетъ очень интересна.

Почему наше пиво такъ горько? Въ журналѣ «Промышленность» г. Шмидтъ напечаталъ статью, въ которой разъясняется непостижимая горечь пива, выдѣлываемаго нашими нѣкоторыми заводами. Мы считаемъ не лишнимъ подѣлиться этими свѣдѣніями вообще съ нашими читателями и, въ особенности съ тѣми, которымъ *это вѣдать надлежитъ*. Въ продолженіе 1860 года по одесской таможнѣ привезено около 50 пудовъ рыболовныхъ ягодъ, по рижской таможнѣ поступило около 40 пудовъ, и по варшавской всего только 27 фунтовъ. Привозъ этого товара *въ С. Петербургъ гораздо значительнѣе*, и въ 1858 году въ здѣшней таможнѣ очищено было пошлиною болѣе чѣмъ 1,200 пудовъ рыболовныхъ ягодъ. Рыболовная ягода? Что это за ягода, и къ чему она служитъ? Рыболовною ягодою (cockels Körner, Baccae cocculi indici) называютъ плодъ прекраснаго ползучаго растенія Anamirta coculus, встрѣчаемаго на Молукскихъ островахъ и на берегахъ Малабара и Индійскаго архипелага. Плодъ этотъ похожъ на лавровую ягоду, и въ послѣдніе годы стали его привозить въ Европу довольно значительными количествами. Въ кокеловой ягодѣ содержится болѣе кристаллическое вещество, весьма горькое, *пикротоксинъ* или *кокулинъ*, которое можно извлечь посредствомъ алькоголя. Пикротоксинъ сильно обладаетъ наркотичес-

кими свойствами; въ маломъ количествѣ принятый внутрь, онъ производитъ головокруженіе и дурноту, большими дозами онъ причиняетъ смерть. Отваръ кокеловыхъ ягодъ имѣетъ *горькій вкусъ, краснобурый цвѣтъ* и опьяняющія или, лучше сказать, *одуряющія свойства.* Хотя дѣйствія этого наркотическаго начала еще не вполнѣ изслѣдованы, но не подлежитъ сомнѣнію, что употребленіе кокеловыхъ ягодъ или отвара, даже въ малыхъ пріемахъ, должно оказать вредное вліяніе на здоровье. До сихъ поръ кокеловыя ягоды имѣютъ только самое ограниченное примѣненіе къ медицинѣ; онѣ употребляются въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, такъ что иныя аптеки не отпускаютъ даже и одной унціи въ годъ. Кромѣ того, наравнѣ съ нѣкоторыми другими наркотическими средствами, онѣ служатъ иногда для ловли рыбы. Ягоду толкутъ въ порошокъ, примѣшиваютъ къ хлѣбу или тѣсту и дѣлаютъ шарики, которые кидаютъ въ воду рыбамъ на пищу; отчего онѣ дурѣютъ или умираютъ, и могутъ быть ловимы руками. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской губерніи кокеловая ягода служитъ для ловли рыбы. Ее тамъ зовутъ *кукльванцемъ.* Но вообще этотъ способъ ловли рыбы рѣдко употребляется; онъ можетъ имѣгъ *дурныя послѣдствія* и *вездѣ запрещенъ закономъ.* Но кокеловымъ ягодамъ иногда даютъ еще болѣе вредное значеніе, и *пользуются краснобурымъ цвѣтомъ, горькимъ вкусомъ и наркотическими свойствами кокеловаго отвара,* чтобы *прибавлять его къ пиву* и *придавать этому напитку кажущуюся большую крѣпость.* Такая подмѣсь выгодна для заводчика; говорятъ, что кокеловою ягодою можно замѣнить треть хмѣля безъ измѣненія вкуса пива, и что одинъ фунтъ ягодъ производитъ дѣйствіе на подобіе пяти четвериковъ солода. Кромѣ упомянутыхъ свойствъ кокеловыхъ ягодъ, дѣлающихъ выгоднымъ примѣшиваніе ихъ къ пиву, пикротоксинъ, находящійся въ нихъ, собщаетъ пиву еще и большую прочность, такъ что не подвергаетъ вторичному броженію въ бутылкахъ. Спрашивается теперь: куда дѣлись значительныя массы рыболовныхъ ягодъ, которыя доставлены къ намъ, и къ чему онѣ могли служить? Нельзя предположить, что 1,200 пудовъ этихъ ягодъ, привезенныхъ въ Петербургъ, назначены были только для снабженія аптекъ. Для этого такая масса слишкомъ велика, потому что кокеловыя ягоды употребляются въ медицинѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Остаются другіе два способа употребленія; но эти способы вредны и строго запрещены закономъ. «Кромѣ этихъ,

говоритъ авторъ, нынѣ неизвѣстны никакія другія примѣненія рыболовныхъ ягодъ и мы не знаемъ, какъ объяснить значительность ихъ привоза. Пикротоксинъ еще мало изслѣдованъ и нельзя положительно доказать присутствіе этой подмѣси въ пивѣ путемъ химическаго анализа или другими путями». Мы думаемъ, что это обстоятельство не откажется объяснить Андрей Ивановичъ Кронъ, котораго пиво чрезвычайно какъ горько. Въ противномъ случаѣ, можно обратиться въ таможню и узнать, на чье имя выписаны 1,200 пудовъ рыболовныхъ ягодъ изъ-за границы, и если это не пивные заводчики, то слѣдуетъ спросить у получителей, для какого употребленія они выписывали такую массу ядовитыхъ ягодъ? Путемъ добросовѣстнаго слѣдствія всегда можно доискаться истины. Подобныя злоупотребленія должны подлежать строжайшему взысканію закона, и въ Англіи пивоваръ, употребившій рыболовныя ягоды, подвергается штрафу въ 200 фунтовъ стерлинговъ, а торговецъ, продавшій ему этотъ товаръ, даже пени въ 500 фунтовъ. Въ заключеніе своей статьи г. Шмидтъ говоритъ, что не имѣя въ виду обвиненія или подозрѣнія какихъ нибудь лицъ или сословій, долгомъ считаетъ обратить вниманіе правительства на предметъ, который въ самомъ незначительномъ только видѣ можетъ быть полезнымъ, но съ другой стороны можетъ дать поводъ къ опаснымъ злоупотребленіямъ, и распространеніе котораго поэтому должно быть ограничено по возможности. Для этого необходимы строгія мѣры: значительныя взысканія за противозаконное употребленіе рыболовныхъ ягодъ, строгій контроль за привозомъ и употребленіемъ этого товара и обложеніе его такою таможенною пошлиною, чтобы привозъ его былъ возможенъ только для медицинскаго употребленія и совершенно невозможенъ въ большомъ видѣ, какъ предметъ для подмѣси или замѣны другихъ продуктовъ. Предлагаемыя г. Шмидтомъ мѣры, дѣйствительно, самыя раціональныя; пошлину на кокеловыя ягоды необходимо возвысить до такого размѣра, чтобы употребленіе ихъ на пивныхъ заводахъ сдѣлалось невыгоднымъ для заводчиковъ».

Теперь, господа, вы видите, что весь Петербургъ обратился по милости откупа и А. И. Крона въ огромное общество трезвости: водка стала у насъ библіографической рѣдкостью, а пиво превратилось въ общественное memento mori. *Кукельванъ* сдѣлался опаснымъ оружіемъ всѣхъ ревнивцевъ-мужей, и горе тѣмъ, которые возбудятъ гнѣвъ ихъ!.. Недавно мнѣ удалось слышать одно стихотвореніе, въ ко-

торомъ вновъ открытый кукельванъ сдѣлался достойнымъ соперникомъ кинжала и стилета. Постараюсь припомнить эту пѣсню:

Вхожу-ль, какъ безумный, въ трактиръ, въ ресторанъ—
Мнѣ хладную душу сосетъ кукельванъ.

—

Когда въ канонерской я улицѣ жилъ,
Модистку изъ шведокъ я страстно любилъ.

—

Манишки мнѣ шила, да мыла бѣльё...
Но скоро умчалося счастье моё.

—

Однажды сидѣлъ я въ коморкѣ своей —
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей —

—

Ахъ, еслибъ «Основа» со мною была —
Жидомъ бы навѣрно его назвала.

—

Сидишь ты за книгой—(шепнулъ онъ) теперь
У шведки раскрыта для милаго дверь.

—

Я далъ ему злато, и проклялъ за то,
И тотчасъ облекся въ картузъ и пальто.

—

Мы вышли; я ваньку въ ямскую погналъ,
Какъ раненый левъ я рвался и рычалъ.

—

Мнѣ чудились сабли блистанье и звонъ...
Вдругъ вижу на улицѣ—вывѣска: «Кронъ».

—

Anamerta coculus! молвилъ самъ Шмидтъ,
Такъ пусть кукельванъ мою шведку сразитъ;

—

Въ томъ пивѣ невинномъ Шмидтъ ядъ находилъ,
И тотчасъ я пива бутылку купилъ...

—

Едва я увидѣлъ модистки жилье:
Какъ будто кольнуло чѣмъ сердце мое.

—

Въ покой отдаленный вбѣжалъ я одинъ:
Съ модисткой какой-то сидитъ господинъ.

—

Я сѣлъ улыбаясь и ревность тая:
«Не хочешь-ли пива, подруга моя?»

—

Я бурую влагу въ стаканы вливалъ,
И молча, блѣднѣя, на дѣву взиралъ.

—

Она хохотала и пиво пила,
Отрава ей въ черное сердце прошла

—

И мозгъ одуряла и пѣнила кровь...
Погибнетъ подруга, погибнетъ любовь!..

—

Но ждать я минуты кончины не могъ,
И тутъ же оставилъ коварный порогъ,

—

Но всюду за мною бѣжалъ ея стонъ
И слышалось слово ужасное: «Кронъ»!

—

Съ тѣхъ поръ *кукельванецъ*, отецъ-полпивной
Все ходитъ и ходитъ незримо за мной,

—

И если войду я въ трактиръ, въ ресторанъ,
Мнѣ хладную душу сосетъ кукельванъ.

Перейду теперь къ болѣе *невиннымъ* явленіямъ нашей общественной жизни. Въ прошломъ мѣсяцѣ, на страницахъ своего листка, я съ какимъ-то недовѣріемъ встрѣтилъ фактъ, о которомъ съ такимъ торжествомъ прокричали наши эманципированныя газеты и журналы. Фактъ этотъ—первое появленіе женщины въ медицинской аудиторіи. Я безъ увлеченія встрѣтилъ это извѣстіе. Послушаемъ, что случилось:

Въ то время, когда извѣстіе о желаніи женщины слушать курсъ медицины такъ радовало многихъ простодушныхъ *передовыхъ* людей, нашлась цѣлая толпа *заднихъ* людей, которые встрѣтили новый фактъ самымъ озлобленнымъ протестомъ. *Задніе люди* состояли большею частью изъ петербургскихъ врачей. Какъ люди гуманные и прогрес-

сивные (кто теперь не прогрессивенъ!) они сначала радовались той идеѣ, что у насъ будутъ женщины-медики. Когда же представился случай примѣнить идеи къ дѣлу, когда нашлась женщина, рѣшившаяся сдѣлать этотъ первый шагъ, тогда ихъ взглядъ на вещи совершенно измѣнился. Они прозрѣли далекое будущее, времена женщинъ-докторовъ и начали говорить жалкія слова:

— Да можно ли позволить это? Вѣдь изъ женщины никогда неможетъ выйдти хорошаго медика. Женщина—существо слабое и не далекое.

— Да тогда всѣ женщины отобьютъ у насъ практику и мы будемъ сидѣть безъ куска хлѣба. Горе; горе всѣмъ намъ!...

— Не хотимъ мы женщинъ-врачей! Veto!..

Заключеніе: Дѣвушка, подавшая прошеніе на поступленіе въ медицинскую академію, не была принята въ ея аудиторію.

Вопросъ: можетъ ли женщина быть хорошимъ докторомъ, рѣшается разсказомъ одного медика, страшнаго врага женской эманципаціи.

— Спрашиваю я, говоритъ онъ, одну даму, занимавшуюся медициной:—какихъ цвѣтовъ бываютъ язвы?

— Всѣхъ возможныхъ, отвѣчаетъ она. Я тутъ же доказалъ ея опрометчивость, объяснивъ, что язвы бываютъ слѣдующихъ цвѣтовъ: чернаго, бураго, красноватаго, зеленоватаго, буро-красновато-зеленоватаго и такъ далѣе... Затѣмъ докторъ перечислилъ всѣ цвѣта, существующіе въ природѣ.

Возможны ли, у насъ послѣ такихъ промаховъ, женщины-врачи!.. Рѣшать вѣдь, кажется, не трудно!...

Вотъ еще вопросъ, который, впрочемъ, столько же касается до женщинъ, сколько и до мущинъ. По поводу стѣсненія офицерскихъ браковъ, намъ въ послѣднее время, удалось слышать много голосовъ и *за* и противъ новыхъ правилъ. Не стану я упоминать о тѣхъ голосахъ, которые шли за стѣсненіе браковъ; такихъ противниковъ было не мало... Но заступники въ этомъ дѣлѣ, кажется, вредятъ еще болѣе первыхъ рѣшенію вопроса и невольно напоминаютъ намъ басню: «медвѣдь и пустынникъ». Въ Русск. Инв. (№ 3) нѣкто г. Мерцалинъ, недовольный индеферентизмомъ многихъ статей по этому поводу, хотѣлъ сказать слово въ пользу нестѣсненія офицерскихъ браковъ.

Посмотримъ же теперь эту систему «нестѣсненія», которой придерживается г. Мерцалинъ. Ограниченіе я допускаю одно, говоритъ онъ, ограниченіе по чинамъ. Имѣя видимое пристрастіе къ чинамъ, онъ

предлагаетъ, чтобъ офицеры женились не ранѣе чина штабсъ-капитана, чтобъ этотъ только чинъ давалъ имъ право женитьбы.

Вотъ вамъ и противникъ индеферентизма!... Поборники стѣсненія браковъ стоятъ за идею денежнаго обезпеченія въ женитьбѣ (что въ извѣстной степени и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже раціонально), а г. Мерцалинъ не такъ взыскателенъ и требуетъ только одного—штабсъ-капитанскаго чина!!.. Г. Мерцалинъ очень хорошо знаетъ, что этого чина иной счастливецъ ждетъ почти всю жизнь свою, ждетъ до сѣдинъ и морщинъ, и ему, можетъ быть, придется вступить въ бракъ только 40 или 50 лѣтъ. Вотъ, какимъ образомъ, г. Мерцалинъ, въ невинности души своей, понимаетъ и защищаетъ систему нестѣсненія!!....

Нѣтъ, г. Мерцалинъ,

Нѣтъ отъ васъ намъ благодати,
Ваши планы—насъ страшатъ:
Вы услужливы не кстати
И практичны не впопадъ.

Вы забыли, что мало одной опытности, на которую вы ссылаетесь, чтобъ «поднимать одинъ изъ важныхъ общественныхъ вопросовъ»... Вѣдь такой вопросъ не гиря: послѣднюю еще можно ради упражненія и гимнастики поднимать одной рукой къ удивленію всѣхъ хилыхъ и немощныхъ, ну, а «вопросы» можно и не трогать... Да ну ихъ, совсѣмъ... И безъ васъ есть много охотниковъ... Я безъ содраганія не могу никогда говорить о разныхъ вопросахъ, которые теперь у всѣхъ вертятся на языкѣ. Боюсь я даже упоминать о нихъ, хотя по обязанности лѣтописца не долженъ обходить ихъ молчаніемъ. Едва оглянешься кругомъ, какъ ихъ цѣлая туча налетитъ. Вопросы слѣдуютъ одни за другими; могу только упомянуть о нѣкоторыхъ:

Будетъ ли къ веснѣ окончена нижегородская желѣзная дорога и перестанетъ ли наконецъ г. Старчевскій увѣрять насъ, что изданіемъ своего «Сына» онъ дѣлаетъ «великое дѣло», громадный гражданскій подвигъ?

Какія «весеннія пѣсни» будутъ пѣть наши поэты съ наступленіемъ мая мѣсяца?

Скоро ли мы въ С. П. найдемъ статистическія свѣдѣнія о нашемъ богатствѣ?

Можно ли въ ежедневной газетѣ перепечатывать изъ другаго изда-

нія разныя оффиціальныя извѣстія, и будетъ ли протестовать полковникъ Писаревскій противъ тѣхъ статей, гдѣ онъ найдетъ буквы, находящіяся въ его собственной фамиліи?

Что предпримутъ петербургскіе доктора противъ тѣхъ женщинъ, которыя изъявили желаніе учиться медицинѣ, и не подвергается ли жизнь послѣднихъ опасности?..

Подобныхъ вопросовъ стоитъ столько на очереди, что я даже едва ли могу сдѣлать имъ одинъ простой перечень, а ужъ самыми вопросами заниматься рѣшительно не могу... Пусть ихъ разрабатываетъ солидный составитель хроники Русскаго Слова, а я за такое дѣло не берусь. Мнѣ даже лѣнь говорить о разныхъ общественныхъ петербургскихъ новостяхъ, развлекающихъ нашу столицу, лѣнь говорить о рысистыхъ бѣгахъ, о скачкахъ съ призами, о новомъ балетѣ «Дочь Фараона», о «Мраморныхъ красавицахъ» въ Александрійскомъ театрѣ... да мало ли еще о чемъ! Такими извѣстіями мы богаты, какъ и всегда, но мой читатель вѣроятно будетъ очень доволенъ, если я умолчу о нихъ. Мы вѣдь всѣ сплетники, какъ говорятъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; насъ только сплетни и занимаютъ. Что жъ за бѣда? Кто-то, Гёте кажется, всю исторію сплетнями назвалъ. Я же знаю одного провинціальнаго оригинала, который въ досужихъ сплетняхъ своего города видитъ своего рода пользу.

Сплетни—это сила провинціальной жизни, говоритъ онъ,—это первые опыты гласнаго судопроизводства (!!) Эта привычка хранитъ наши нравы, оберегаетъ семейную жизнь, неутомимо за всѣмъ слѣдитъ,

И завидитъ лишь урода —
Разомъ вцѣпится въ глаза.

Вотъ существуютъ какія мнѣнія! Отчего же и Русскому Вѣстнику не имѣть своего, отчего и намъ наконецъ не говорить о томъ, о чемъ хочется, вотъ хоть бы о слѣдующемъ происшествіи:

Есть одинъ городокъ Котлинскъ.

Въ Котлинскѣ, какъ и въ каждомъ порядочномъ городѣ въ наше время, есть клубъ, въ который даже допускаются дамы. На его вечерахъ бываетъ, говорятъ, весело и шумно, какъ на радушныхъ, семейныхъ вечерахъ, но... въ семьѣ не безъ урода. Въ старшины этого клуба попалъ одинъ господинъ старой и крѣпкой закалки... назо-

ву его хоть Ростбифомъ. Голова этого почтеннаго мужа такъ удобно устроена, что скорѣе Гибралтаръ можно разбить ядрами, чѣмъ провести какую нибудь идею въ его черепъ... такая ужъ конструкція! Кромѣ того, Ростбифъ отличается еще самымъ рѣшительнымъ характеромъ и любитъ прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ... Недавно ему представился случай щегольнуть передъ цѣлымъ обществомъ своей рыцарской смѣлостью.

Въ котлинскомъ клубѣ былъ какой–то праздникъ; всѣ члены были въ сборѣ, и вечеръ прошелъ весело и спокойно. Но это было только передъ бурей. Къ счастію или къ несчастію, одному изъ членовъ, г. N., вздумалось съ пользой закончить этотъ вечеръ; онъ обратился съ рѣчью ко всѣмъ присутствующимъ и предложилъ имъ завершить праздникъ хорошимъ дѣломъ—составленіемъ подписки на памятникъ Бѣлинскаго и Добролюбова. Предложеніе это было принято обществомъ съ удовольствіемъ и подписка тотчасъ же началась...

Между тѣмъ Ростбифъ, бывшій свидѣтель всей этой сцены, и оскорбленный ею до глубины души, тутъ же протестовалъ противъ предложившаго подписку. Онъ обратился къ N. съ грубымъ вопросомъ:

— Какое вы имѣли право вызывать общество на это пожертвованіе?

N., удивленный подобнымъ замѣчаніемъ, объяснилъ, что это общественное дѣло, близкое сердцу каждаго...

Но Ростбифъ, сомнѣвающійся въ самомъ существованіи сердца у человѣка, не удовольствовался такимъ объясненіемъ и объявилъ N. нарушителемъ общественнаго спокойствія.

И вотъ по рѣшительному настоянію этого старшины, N. былъ исключенъ изъ членовъ клуба, несмотря на общее (впрочемъ очень скромное) негодованіе...

Хищное чувство Ростбифа было вполнѣ удовлетворено, и на его черепъ, казалось, наросъ еще новый слой кости.

Вскорѣ послѣ этой исторіи, ему представился еще новый случай отличиться. На одинъ изъ клубныхъ обѣдовъ, куда приглашались и дамы, думали пригласить одну изъ любимыхъ тамошнею публикою артистокъ.

— Нельзя! крикнулъ Ростбифъ и грозно сверкнулъ глазами.

— Можно ли приглашать какую нибудь актрису въ то общество, гдѣ будутъ однѣ только *благородныя* дамы... Это для всѣхъ оскорбительно...

Почтенная и даровитая артистка послѣ такихъ словъ, разумѣется, сама уже не хотѣла являться въ общество, гдѣ засѣдалъ этотъ морской Квазимодо.

Заглянемъ теперь куда нибудь еще дальше отъ невскаго берега... Въ *Приволжскъ* заглянемъ...

Приволжскъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ небольшимъ,
Лишь только въ хроникѣ скандальной
Встрѣчаться часто можно съ нимъ...

Но не подумайте, чтобъ онъ оживился, проснулся, стряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ... Приволжанинъ по прежнему живетъ, спустя рукава, и даже самые мѣстные скандалы не могутъ разшевелить его покоя.

Въ Приволжскѣ тишь стоитъ нѣмая,
Точь-въ-точь стоячая вода...
На вдовъ богатыхъ уповая,
Живетъ Евгеній - Борода,
Шуты смѣшатъ у Глупецкаго,
Шпіоновъ держитъ педагогъ,
И судитъ ближняго сурово
Въ гостяхъ «Неистовый Вѣрокъ».
Танцуютъ дамы въ дамскихъ клубахъ,
Шлифуетъ *бабка* свой языкъ,
И къ поддержанью нравовъ грубыхъ
Безстыжій драться не отвыкъ.

Развѣ только одинъ пятидесятилѣтній юбилей Краснощекова оживилъ не надолго городъ, да и то не весь, а небольшой кружекъ его. На этомъ торжественномъ праздникѣ чиновникъ *Страхъ—имѣющій* прочелъ великолѣпную рѣчь своему начальнику, рѣчь, которую по заказу написалъ ему одинъ услужливый семинаристъ. Рѣчь эта была богата всѣми красотами канцелярскаго лиризма и такъ увлекательна, что умиленный Краснощекій въ самомъ дѣлѣ убѣдился въ своихъ собственныхъ добродѣтеляхъ.

Прослезившись, добродѣтельный начальникъ въ долгу не остался

и отвѣтилъ благодарственнымъ спичемъ. Главный смыслъ его былъ такой:

Господа! Пятидесятилѣтняя моя служба среди васъ доказала мнѣ, что я жилъ и трудился посреди милыхъ своихъ дѣтей (громкія рыданія), дѣтей, истинно меня любившихъ. Благодаря вамъ, господа, жизнь моя кромѣ терній была усыпана цвѣтами: *эти цвѣты—вы, друзья мои...*

Цвѣты зарыдали такъ громко, что конца рѣчи не было слышно... «Угощеній на праздникѣ, говоритъ обыватель, никакихъ не подавалось: ихъ замѣнилъ радушный пріемъ юбилятора. *Оцвѣтотворенные* гости разошлись голодные, но растроганные и счастливые»...

Но вотъ еще извѣстіе изъ Приволжска—въ другомъ родѣ.

Недавно, въ городскомъ клубѣ, почтенный экономъ сидѣлъ въ своемъ буфетѣ за чашкой чаю, и размышлялъ о разныхъ важныхъ матеріяхъ, эконому свойственныхъ.

Вдругъ явился въ буфетъ Худосочный и передалъ ему новость: всѣ члены клуба рѣшились вновь выбрать въ хозяйственные старшины *Брудершафта.*

Эконома это извѣстіе опечалило...

— Если, говоритъ, его опять выберутъ, я въ отставку подамъ.

— Почему же такъ?

— Да вѣдь силъ не хватитъ! Помилуйте, вѣдь онъ у меня просто на содержаніи; и кормлю я его и пою, да еще безъ подарковъ къ празднику обойтись не могу... Нѣтъ, непремѣнно въ отставку подамъ.

Худосочный тотчасъ же пустилъ это извѣстіе въ ходъ; между прочимъ разсказалъ о немъ Банкометову. Банкометовъ тутъ же разсказалъ всѣмъ о продѣлкахъ Брудершафта.

Между тѣмъ слухъ этотъ дошелъ и до самого Брудершафта: *Рыженкій* изъ угодливости тотчасъ же побѣжалъ къ нему и передалъ непріятное извѣстіе. Брудершафтъ тотчасъ же, какъ человѣкъ опытный, рѣшился поправить все дѣло. Составивъ заговоръ, онъ призвалъ эконома и далъ ему строгую инструкцію.

— Въ Сибирь, говоритъ, упеку...

Затѣмъ составилось чрезвычайное собраніе, на которомъ у Банкометова попросили дать объясненіе въ его словахъ.

Банкометовъ прямо сослался на эконома, который и ему тоже говорилъ о своихъ оброкахъ...

Появился и экономъ передъ судилищемъ клубныхъ жрецовъ...

— Говорили вы объ этомъ? спрашиваютъ у него.

Помня инструкцію, экономъ уперлся...

— Никогда не говорилъ, и въ помышленіи не было, подъ присягу готовъ идти: взятокъ никакихъ не давалъ старшинѣ. Строгъ онъ очень, взыскателенъ по службѣ—по другихъ на него претензій я никакихъ не имѣю...

Потребовали долговую книгу. Имена были всѣхъ, кромѣ имени Брудершафта.

— Это почему?

Экономъ поблѣднѣлъ и растерялся. Я, говоритъ, ему счетъ особенный подаю, на домъ...

— А принималъ ли отъ васъ Брудершафтъ подарки?

Экономъ отрицалъ.—Развѣ только конфекты одни, а больше ничего...

Какъ не ясна была для всѣхъ вина старшины и ложь эконома, но все-таки ясныхъ уликъ не было. Брудершафтъ, какъ оскорбленная невинность, съ горячностью и краснорѣчіемъ Кречинскаго, требовалъ исключенія Банкометова изъ членовъ клуба. Кто же могъ не согласиться съ законностью его требованія!..

Въ клубѣ стало меньше однимъ членомъ... А оскорбленный старшина началъ глядѣть еще торжественнѣе, еще величественнѣе—какъ будто совершилъ великій гражданскій подвигъ.

О другихъ гражданскихъ подвигахъ нашихъ милыхъ соотечественниковъ, я не буду болѣе говорить теперь... Подождемъ лучше до другаго мѣсяца... Иначе оскомину можно набить.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 37.

Январь 1862 года.

Шахматный Листокъ какъ органъ обскурантизма.—Какъ возникаютъ шахматные журналы.—Можетъ ли шахматная игра имѣть вредное вліяніе на общество.—Милая военная хитрость. — Возобновленіе петербургскаго шахматнаго клуба.—Новое сочиненіе К. А. Яниша о приложеніи математики къ шахматной игрѣ.—Краткій обзоръ его содержанія. — Продолженіе матча Колиша съ Паульсеномъ: шесть партій.—Задачи.—Корреспонденція.

Просматривая Шахматный Листокъ, приходило ли вамъ когда нибудь на мысль, любезные читатели, что этотъ невинный по видимому журналъ—изданіе въ высшей степени вредное, органъ обскурантизма, средство противодѣйствовать благороднѣйшимъ стремленіямъ нашего времени? Если не приходило, то прочтите пожалуйста хронику прогресса въ Искрѣ за 22-ое декабря прошлаго года (*); тамъ, очень пространно, и не то чтобъ въ шутку, а совер-

(*) Первый отзывъ этой хроники о Рус. Сл. и Шахм. Листкѣ я привелъ отъ слова до слова въ октябрьскомъ выпускѣ Листка. Казалось бы, изъ этого можно заключить, что сарказмы хроникера не показались мнѣ особенно мѣткими; но онъ думаетъ иначе: увѣряетъ, что я на него *озълился,* что я *ярился отъ озлобленія,* и даже изъявляетъ сожалѣніе, что сдѣлался причиною моихъ *страданій.* Вотъ что значитъ твердая вѣра въ свое собственное остроуміе; да, вѣра чудеса творитъ!

шенно серьёзно развивается мысль о вредѣ Шахматнаго Листка. Вотъ напр. какимъ образомъ объясняетъ хроникеръ опасность сообщенія заграничныхъ шахматныхъ свѣдѣній: «унасъ — чего «добраго! — пожалуй найдутся люди, которые будутъ разсуждать «такимъ образомъ: когда столько умныхъ, дескать, людей со «всею страстію предаются шахматной игрѣ, когда шахматная «игра удостоивается полнаго вниманія благородныхъ лордовъ, кня-«зей, графовъ, когда сама литература съ такимъ жаромъ призы-«ваетъ къ занятіямъ этой игрой—значитъ шахматная игра не без-«дѣлье, не праздное препровожденіе времени и заняться ею стоитъ «со всею ревностью. И начнетъ человѣкъ, можетъ быть и очень «неглупый, убивать все свое время надъ изученіемъ al — bl, b2—dn «и q8—f7 +, (*) и гамбитовъ отказанныхъ и неотказанныхъ, и «надъ разсмотрѣніемъ глубокомысленныхъ рѣшеній шахматныхъ во-«просовъ». Не знаю какъ покажется вамъ это разсужденіе, но для меня оно не совсѣмъ то убѣдительно, потому что: 1) Существованіе шахматнаго журнала, выходящаго отдѣльно или въ видѣ приложенія къ другому изданію, нисколько не означаетъ, чтобъ литература съ жаромъ призывала заниматься шахматной игрой. 2) Не глупый человѣкъ никогда не станетъ посвящать все свое время шахматамъ, а дѣлать это изъ подражанія князю или графу можетъ развѣ только совершенный идіотъ. 3) Если лорды дѣйствительно *удостоиваютъ* (?!) шахматную игру вниманія, то скрывать этого нѣтъ никакой надобности; можно не сообщать, считая фактъ не стоющимъ сообщенія, но бояться чтобъ не узнали, скрывать преднамѣренно какую бы то ни было (хотя бы самую ничтожную) подробность заграничной жизни и старо и смѣшно.

Но всего любопытнѣе то, что почтенный анонимъ (статья опять не подписана) видитъ главный вредъ не въ существованіи Шахматнаго Листка (онъ допускаетъ даже, какъ мы уже видѣли, возможность журналовъ игры въ бабки), а въ томъ, что онъ прилагается къ Русскому Слову. Казалось бы, это обстоятельство должно скорѣе

(*) Цитируя буквально почтеннаго хроникера, мы поневолѣ должны приводить, какъ и въ прошлый разъ, знаки, не имѣющіе никакого смысла.

радовать нашего грознаго обвинителя, ибо если Шахматный Листокъ не можетъ еще существовать иначе, какъ подъ покровительствомъ другаго журнала, то это свидѣтельствуетъ именно о маломъ распространеніи шахматной игры въ Россіи. Отдѣльныя шахматныя обозрѣнія возможны только тамъ, гдѣ число людей не только играющихъ въ шахматы, но и знакомыхъ съ теоріею игры, довольно значительно. По этому предмету я долженъ войти въ небольшое объясненіе. Въ октябрьскомъ Листкѣ я сказалъ между прочимъ, что литературныя обозрѣнія Англіи и Америки не помѣщаютъ на своихъ столбцахъ, подобно многимъ изъ тамошнихъ газетъ, шахматныхъ статей потому, что тамъ существуютъ независимые шахматные журналы. Хроникеръ Искры съ этимъ несогласенъ, и, не приводя никакихъ доказательствъ, утверждаетъ, что въ названныхъ нами странахъ «потому именно есть ежемѣсячные журналы, что «revues находятъ несовмѣстнымъ съ своими цѣлями давать у себя «пріютъ извѣстіямъ о преуспѣяніи рода человѣческаго въ шахматной «игрѣ». Посмотримъ. такъ ли это.

Нѣтъ сомнѣнія, что отказъ литературныхъ журналовъ принимать на свои столбцы статьи, касающіяся какой нибудь спеціальности (все равно будетъ ли эта спеціальность относиться къ сферѣ наукъ, художествъ или просто человѣческихъ забавъ), ни въ какомъ случаѣ не можетъ создать особаго журнала; для этого потребно другое, болѣе существенное условіе: извѣстная степень распространенія этой спеціальности въ обществѣ, ибо журналъ не можетъ существовать безъ читателей. Не менѣе очевидно и то, что какъ только явится возможность къ образованію спеціальнаго журнала, то онъ образуется, хотя бы другія повременныя изданія и не отвергали статей по избранному имъ предмету. Исторія журналистики, какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, даетъ бездну фактовъ въ подтвержденіе этихъ двухъ, весьма простыхъ положеній; кому неизвѣстно напр. что статьи по части медицины, агрономіи, коннозаводства, охоты и проч. и проч., появляются сперва въ общихъ журналахъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, образуютъ отдѣльныя обозрѣнія. Иногда только бываетъ еще нѣчто посредствующее: это образованіе въ литературныхъ журналахъ особыхъ отдѣловъ, по

священныхъ той или другой специальности; такъ, въ Библіотекѣ для Чтенія долгое время существовалъ отдѣлъ сельскаго хозяйства. Совершенно такому же порядку слѣдуютъ статьи и журналы по шахматной игрѣ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ; ибо если эти журналы (въ чемъ конечно никто не сомнѣвается) несравненно менѣе важны чѣмъ напр. журналы агрономическіе, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ тѣ и другіе не подчинялись одинаковымъ условіямъ относительно своего возникновенія, существованія и паденія; торговля хлѣбомъ имѣетъ огромное значеніе для государства, торговля помадой—почти никакого, тѣмъ не менѣе, та и другая слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же экономическимъ законамъ. Чтобъ еще болѣе пояснить мою мысль, возьму примѣръ, и притомъ именно шахматный, изъ нашей русской журналистики, такъ какъ анониму не нравятся «заграничные аргументы». Въ Современникѣ за 1850 годъ помѣщены были партіи Макъ-Доннеля противъ Лабурдонне и эдинбургскаго клуба противъ лондонскаго, съ примѣчаніями и статьею покойнаго Кронеберга (*), въ Отечественныхъ Запискахъ—не помню какого именно года—нѣсколько шахматныхъ статей Петрова. Положимъ теперь, что Современникъ не пожелалъ бы принять къ себѣ статьи Кронеберга; послужило ли бы это поводомъ къ основанію шахматнаго журнала? Конечно нѣтъ; статья просто осталась бы не напечатанною. Съ другой стороны, съ полной достовѣрностью можно предположить, что еслибъ въ то время существовалъ у насъ шахматный журналъ, то помянутая статья была бы помѣщена тамъ. Изъ всего сказаннаго, читатели могутъ видѣть, что я остаюсь при моемъ прежнемъ мнѣніи.

Но разбирать одну за одной всѣ частности направленной противъ Листка филиппики, повело бы слишкомъ далеко; посмотримъ

(*) Кромѣ помѣщенной въ Современникѣ статьи о шахматахъ, Кронебергъ составилъ, въ послѣдніе годы своей жизни, полный трактатъ о королевскомъ гамбитѣ, нѣмецкій переводъ котораго печатается теперь въ берлинской Schachzeitung. Все это нисколько не помѣшало Кронебергу обогатить русскую литературу превосходными переводами нѣкоторыхъ произведеній Шекспира, Гете и многихъ другихъ знаменитыхъ иностранныхъ писателей.

въ чемъ заключается главная ея мысль. Сколько я понимаю (*), она состоитъ въ слѣдующемъ: въ наше время, когда возбуждено столько существенно важныхъ вопросовъ (извините стереотипность фразы), стыдно терять время на занятія шахматной игрой. Эта мысль была бы совершенно основательна, еслибъ въ виду имѣлся хотя одинъ фактъ, свидѣтельствующій, что съ распространеніемъ шахматной игры, охладѣваетъ участіе общества къ существенно-важнымъ вопросамъ. Но въ томъ то и дѣло, что этого нѣтъ. Никто конечно не обвинитъ англичанъ въ праздности или безучастности къ общественнымъ дѣламъ, а между тѣмъ, нигдѣ шахматная игра не распространена болѣе чѣмъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Во Франціи шахматная игра утвердилась въ концѣ минувшаго столѣтія; а вѣдь нельзя сказать, чтобъ это время отличалось равнодушіемъ къ общему дѣлу. Этими примѣрами мы вовсе не хотимъ сказать, чтобъ у насъ слѣдовало заниматься шахматной игрой *потому*, что ею занимаются на западѣ; нѣтъ, мы приводимъ ихъ только въ доказательство того, что шахматная игра и ея теорія, шахматные журналы и клубы, не оказываютъ вреднаго вліянія въ общественное развитіе. Никогда ни общество, ни отдѣльныя лица не покидали серьёзныхъ трудовъ для шахматной игры, но очень часто замѣняли ею карты, а въ этомъ мы не только не видимъ никакого вреда, но напротивъ того, видимъ пользу, именно потому, что шахматы поглощаютъ несравненно меньше времени чѣмъ карты. Какъ доводъ противъ шахматной игры, анонимъ приводитъ, между прочимъ, стихъ Некрасова:

Не время въ шахматы играть,
Не время пѣсни распѣвать.

Но вѣдь ежели принимать слова эти въ буквальномъ смыслѣ, то слѣдуетъ вооружиться и противъ музыки. Конечно, еслибъ и музыка поглотила всѣ интересы общества, еслибъ въ оперѣ и сона-

---

(*) Говорю: *сколько понимаю*, ибо хроникера Искры не всегда легко понять; такъ напр. теперь оказывается, что онъ очень уважаетъ Русское Слово чего, по первому отзыву его объ этомъ журналѣ, невозможно было угадать.

тѣ человѣчество видѣло цѣль всѣхъ своихъ усилій, это было бы очень прискорбно; но этого никогда не было и быть не можетъ. Мы думаемъ, что разсуждая о вліяніи какого нибудь предмета на общество, надо держаться, какъ можно ближе, дѣйствительныхъ или, покрайней мѣрѣ, возможныхъ фактовъ, а не задаваться предположеніями à la Кифа Мокіевичъ. А хроникеръ Искры руководится, кажется, именно такими предположеніями когда нападаетъ напримѣръ на того «кто хочетъ организовать шах- «матную игру во всемъ государствѣ какъ какое то благодѣ- «тельнѣйшее для отечества учрежденіе». Да кто же хочетъ? Гдѣ эти безумцы? Вѣть это, М. Г.,—точно также какъ и крики: Слава Богу! Дай Богъ! Ужасно! и проч. — пораждение вашей собственной фантазіи. Если шахматный писатель съ пристрастіемъ говоритъ о своемъ предметѣ, то онъ очень хорошо знаетъ, что слова его будутъ поняты въ извѣстномъ, относительномъ смыслѣ; такія выраженія какъ: слава Филидора, блестящія побѣды Морфи, глубокомысленный ходъ и т. п. конечно никого не приведутъ къ мысли, чтобъ истинная слава, доблесть и верхъ человѣческой премудрости заключались въ шахматныхъ партіяхъ. На нѣкоторую степень догадливости читателей—всякій писатель вправѣ расчитывать. Покойный С. Т. Аксаковъ написалъ цѣлую книгу о ружейной охотѣ, другую объ уженіи рыбы; въ обѣихъ, онъ съ любовью относится къ этимъ забавамъ; но кому же могло бы придти въ голову, что авторъ «Семейной Хроники» дорожитъ карасями и вальдшнепами больше, чѣмъ своими убѣжденіями, или призываетъ всю Россію схватиться за удочку и яхташъ?

Впрочемъ, если анонимъ дѣйствительно возмущается приложеніемъ шахматнаго обозрѣнія къ общественно-литературному журналу, то онъ весьма похвально дѣлаетъ, вооружаясь на это приложеніе всей силой своей логики и своего остроумія. Но вотъ что едвали можетъ быть признано похвальнымъ: единственно на томъ основаніи, что я занимаюсь редакціей Листка, онъ утверждаетъ будто я стараюсь противодѣйствовать тѣмъ честнымъ цѣлямъ, къ достиженію которыхъ стремятся лучшіе органы нашей журналистики. Трудно было бы остаться равнодушнымъ

къ такому обвиненію, еслибъ хроникеръ Искры тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, не обнаружилъ какъ мало дорожитъ онъ правдою и какъ, слѣдовательно, мало цѣны имѣютъ его слова. Послушайте. Отзываясь съ сочувствіемъ о направленіи Русскаго Слова, онъ обращается ко мнѣ съ словами: «Вы же г. Ми«хайловъ, сидя въ томъ же Русскомъ Словѣ, кричите всѣмъ что «есть мочи «да что вы господа надъ дѣломъ то очень убиваетесь? «Что вы въ шахматы то мало играете?» и т. д. въ томъ же родѣ. Само собою разумѣется, что я никогда не писалъ, не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго, хотя ловкій хроникеръ, послѣ словъ *что есть мочи*, поставилъ ковычки, чтобъ увѣрить читателей, что слѣдующій за ними вздоръ дѣйствительно принадлежитъ мнѣ (*). Убѣдившись къ какой милой литературно-военной хитрости прибѣгаетъ почтенный анонимъ, я, въ случаѣ новыхъ съ его стороны нападокъ, ни подъ какимъ видомъ не буду возражать на нихъ; какія бы небылицы онъ на меня ни взводилъ,—я не скажу ни слова.

Теперь перейдемъ къ шахматнымъ новостямъ. Прежде всего, мы должны сообщить здѣсь о возобновленіи петербургскаго шахматнаго клуба. Отъ всей души желаемъ, чтобъ на этотъ разъ онъ установился прочнѣе, прожилъ дольше чѣмъ въ первый періодъ своего существованія. Клубъ имѣетъ уже около двухъ сотъ членовъ; старшинами на этотъ годъ выбраны: гр. Г. А. Кушелевъ - Безбородко, П. Л. Лавровъ и И. В. Вернадскій.

Вторая новость—появленіе въ свѣтъ сочиненія К. А. Яниша о приложеніи математики къ шахматной игрѣ. Книга эта гораздо болѣе математическая, чѣмъ шахматная, но такъ какъ предметомъ вычисленій служатъ комбинаціи игры, то мы не вправѣ пройти ее молчаніемъ. Трудъ этотъ, сколько мы слышали, будетъ подвергнутъ сужденію Академіи Наукъ, но какъ многіе его выводы могутъ быть изложены безъ всякой помощи высшаго анализа, то и Листокъ

(*) Другаго смысла ковычки имѣть не могутъ. Замѣчу кстати, что въ началѣ статьи онѣ тоже поставлены передъ словами, которыхъ я никогда не говорилъ. И въ той же статьѣ г-нъ хроникеръ, съ самодовольствомъ восклицаетъ: «Такъ вотъ какъ мы дѣйствуемъ г. Михайловъ». Да, вижу *какъ*, и очень сожалѣю.

нашъ не оставитъ ознакомить съ ними своихъ читателей. Нынѣ же спѣшимъ сообщить здѣсь доставленное намъ самимъ авторомъ объявленіе о выходѣ этого сочиненія, заключающее обзоръ его существеннаго содержанія.

TRAITÉ DES APPLICATIONS DE L'ANALYSE MATHÉMATIQUE AU JEU DES ÉCHECS, précédé d'une introduction à l'usage des lecteurs soit étrangers aux échecs, soit peu versés dans l'analyse. Par C. F. DE JAENISCH, ex-professeur-adjoint de Mécanique à l'Institut des voies de communication, auteur des «Principes de l'équilibre et du mouvement» publiés en langue russe, et de plusieurs écrits sur la théorie des échecs. Deux volumes in-8° contenant 590 pages, avec XXXI planches lithographiées. Saint-Pétersbourg, 1862. Chez Dufour et C°, libraires de la Cour.

Между играми, исключительно основанными на расчетѣ, первое мѣсто принадлежитъ игрѣ шахматной, а изученіе тѣхъ ея сторонъ, которыми она соприкасается къ математикѣ, и составляетъ предметъ настоящаго сочиненія. Цѣль подобнаго изученія не одно усовершенствованіе шахматной теоріи, а также содѣйствіе самому математическому анализу, чрезъ доставленіе ему новыхъ матеріаловъ. Изъ вѣтвей этой науки здѣсь преимущественно имѣются въ виду: интегральное исчисленіе съ конечными разностями и неопредѣленный анализъ. Изданныя нынѣ первыя двѣ части книги содержатъ все относящееся къ *движенію* по доскѣ разныхъ шашекъ, а третій томъ, который выйдетъ въ непродолжительномъ времени, посвященъ исчисленію *дѣйствія* шашекъ по правиламъ игры.

Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что сочиненіе отнюдь не написано для однихъ ученыхъ, и что въ немъ приложены всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать предметъ общедоступнымъ. Для сего авторъ вездѣ избиралъ простѣйшіе способы изложенія и доказательства, и объяснилъ, въ особомъ вступленіи, тѣ начала теоретическія, безъ коихъ не могли бы быть поняты болѣе трудныя мѣста книги. Постоянное употребленіе формулъ, выходящихъ изъ круга элементар-

ной математики, оказалось впрочемъ необходимымъ только въ третьемъ томѣ, тогда какъ во второмъ почти не было надобности къ нимъ прибѣгать, по свойству разсматриваемой въ немъ *проблемы коня.*

Означенною проблемой требуется, какъ извѣстно, обойти конемъ всю шахматницу, начиная съ клѣтки данной, но касаясь каждой клѣтки одинъ только разъ. Рѣшить эту задачу путемъ чисто-математическимъ, значитъ выразить координаты всякой клѣтки конскаго обхода въ функціи предшествовавшихъ координатъ, и притомъ такъ, чтобы рядъ полученныхъ уравненій обнималъ въ точности ни болѣе, ни менѣе всѣхъ такого рода обходовъ, возможныхъ въ предѣлахъ доски. Но подобный трудъ превосходитъ силы неопредѣленнаго анализа въ нынѣшнемъ его положеніи, потому что здѣсь общія уравненія движенія коня ограничиваются особыми, весьма сложными *неравенствами.* Затѣмъ геометры давно уже довольствуются систематическою ощупью, направленною къ тому, чтобы находить, скорѣйшимъ и удобнѣйшимъ путемъ, *частныя* рѣшенія описанной задачи. Свойственная ей неопредѣленность позволяетъ еще подчинять обходы коня по доскѣ разнымъ дополнительнымъ условіямъ, имѣющимъ вліяніе на выборъ самаго способа ощупи. Но каковы бы ни были разнообразіе и сложность заданій, соображенія этого рода всегда будутъ доступны знающимъ хорошо начала алгебры и геометріи.

Основателями спеціальной теоріи проблемы коня должны почитаться Эйлеръ, Вандермондъ, Коллини, Варнсдорфъ и Венцелидесъ. Любители, которымъ угодно будетъ сличить ихъ изслѣдованія со второю частію настоящей книги, легко удостовѣрятся, что предшествовавшія ученія въ ней значительно исправлены и умножены, такъ что даже большая половина этого тома содержитъ новыя методы и воззрѣнія. Приложенные къ нему многочисленные чертежи позволяютъ ознакомиться съ предметомъ лицамъ, и не знающимъ математики. Невозможно было бы войти здѣсь въ частности, которыя требовали бы пространнаго извлеченія изъ означеннаго отдѣла книги. Но чтобы дать объ ней хотя нѣкоторое понятіе, опишемъ, съ надлежащими объясненіями, то изъ рѣшеній проблемы, откры-

тыхъ авторомъ, которое удовлетворяетъ самымъ труднымъ и разнообразнымъ условіямъ.

50	11	24	63	14	37	26	35	260
23	62	51	12	25	34	15	38	260
10	49	**64**	21	40	13	36	27	260
61	22	9	52	**33**	28	39	16	260
48	7	60	**1**	20	41	54	29	260
59	4	45	8	53	**32**	17	42	260
6	47	2	57	44	19	30	55	260
3	58	5	46	31	56	43	18	260
260	260	260	260	260	260	260	260	

Выставленныя на клѣткахъ числа, обозначаютъ путь коня, совершенно согласный съ основными требованіями задачи, и обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную *симметрію* обхода. Свойство это явствуетъ изъ того, что числа, соотвѣтствующія клѣткамъ *діаметрально противнымъ* (*), постоянно разнятся на 32, почему и вторая половина обхода, хотя слѣдуетъ направленіямъ, всегда противуположнымъ первой половинѣ, но во всемъ ей подобна. Всякій обходъ симметрическій самъ по себѣ уже *сомкнутъ*, потому что 33 отстоитъ отъ 32 на конскій скачекъ, а затѣмъ и діаметрально противныя имъ клѣтки 1 и 64 должны отстоять другъ отъ друга на такой же скачекъ. Но изображенный выше обходъ имѣетъ, въ добавокъ, свойство *тройкой* сомкнутости. Это значитъ, что конь, совершивъ первую половину своего пути, могъ бы возвратиться на 1 и повторить ее; что точно также конь по совершеніи второй половины обхода, воленъ былъ бы съ клѣтки 64, возвратиться не только на 1, но и на 33. Все это, однакоже, составляетъ одну легчайшую часть заданія. Настоящій

(*) Клѣтками діаметрально противными или противуположными называются такія, что если соединить ихъ центры прямою, то она пройдетъ чрезъ общій центръ доски, и притомъ раздѣлится въ немъ на двѣ равныя части.

обходъ удовлетворяетъ еще такому условію, которое, въ соединеніи съ вышеприведенными свойствами, указываетъ ему первое мѣсто между путями, возможными для коня на шестидесятичетырехъ-клѣточной доскѣ: а именно онъ обращаетъ шахматницу въ *магическій квадратъ*. Мы хотимъ сказать: 1°, что если сложить всѣ 8 чиселъ, соотвѣтствующихъ каждой изъ горизонтальныхъ полосъ клѣтокъ порознь, и такимъ же образомъ сложить всѣ 8 чиселъ, вписанныхъ въ каждый изъ вертикальныхъ столбцевъ клѣтокъ порознь, то выйдетъ 16 разъ одна и таже сумма 260; 2°, что сложеніе 16 чиселъ, стоящихъ на двухъ главныхъ діагоналяхъ доски, даетъ сумму вдвое большую противъ 260, то есть 520.

Описанная система рѣшенія допускаетъ видоизмѣненія, не лишающія ея ни одного изъ исчисленныхъ выше свойствъ. Въ разсматриваемой нами книгѣ читатели найдутъ истолкованіе какъ означенныхъ видоизмѣненій, такъ и многихъ другихъ сродныхъ системъ. Одна изъ послѣднихъ (смотри ниже) образуетъ не менѣе совершенный магическій квадратъ, и притомъ обходъ сомкнутый, хотя *въ цѣлости* не симметрическій. За то путь коня тутъ составляется изъ четырехъ 16-ти клѣточныхъ *симметрическихъ* обходовъ, такъ что разность чиселъ, приходящихся на діаметрально противуположныя клѣтки, вездѣ равна 8.

42	39	26	53	24	51	14	11	260
27	54	41	38	15	12	23	50	260
40	43	56	25	52	21	10	13	260
55	28	37	44	9	16	49	22	260
30	57	8	1	36	45	20	63	260
5	2	29	60	17	64	35	48	260
58	31	4	7	46	33	62	19	260
3	6	59	32	61	18	47	34	260
260	260	260	260	260	260	260	260	

Но каково бы ни было изящество этихъ системъ, не столь-

ко важно ихъ открытіе, сколько подведеніе ихъ, сочинителемъ, подъ одну теорію, обнимающую всѣ имъ подобныя системы. Ибо близкія къ нимъ, по достоинству, еще въ 1848 и 1849 годахъ указаны были Беверлеемъ и Венцелидесомъ. Недоставало основаннаго на алгебрическихъ соображеніяхъ наставленія любителямъ, какъ строить такого рода магическіе квадраты, и этотъ-то главнѣйшій недостатокъ пополнило настоящее сочиненіе.

Общее математическое изслѣдованіе движенія шашекъ по доскѣ излагается въ первомъ томѣ. Вопросы, касающіеся хода короля, разрѣшаются тамъ особыми интегральными формулами, не вполнѣ, можетъ быть, недостойными вниманія геометровъ. Довольно схожая съ предъидущею, математическая теорія коня развита еще подробнѣе, хотя, по сопряженнымъ съ нею трудностямъ, представляетъ менѣе удовлетворительные результаты. Дальнѣйшіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ обусловливаются, вѣроятно, открытіемъ нѣкоторыхъ, неизвѣданныхъ еще свойствъ цѣлыхъ чиселъ. Что касается до хода прочихъ шашекъ игры, то читатели убѣдятся, что анализъ его не очень сложенъ. Упомянемъ здѣсь только о проблемѣ *восьми ферзей*, замѣчательной тѣмъ, что, по алгебрическому выраженію ея условій, она относится къ тому же разряду, какъ и проблема коня, почему она, хотя гораздо легче, но также не допускаетъ чисто-математической методы рѣшенія. Затѣмъ сочинитель счелъ полезнымъ для науки подвергнуть и эту задачу систематическому разбору, и не довольствуясь извѣстными доселѣ положеніями восьми ферзей, удовлетворяющими вопросу, изложилъ совокупность всѣхъ допускаемыхъ имъ рѣшеній. Остается объяснить, въ чемъ именно состоитъ эта любопытная задача. Требуется уставить на шестидесятичетырехъ-клѣточной шахматницѣ восемь ферзей такимъ образомъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ брать другаго по правиламъ игры. Иными словами такъ, чтобы мѣста, занимаемыя ферзями, всѣ находились на *разныхъ* линіяхъ, какъ горизонтальныхъ, такъ вертикальныхъ, такъ и одноцвѣтныхъ діагональныхъ.

ПАРТІЯ № 231.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

	Паульсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e6
2)	d2 — d4	d7 — d5
3)	b1 — c3 (1)	d5 — e4°
4)	c3 — e4°	g8 — f6
5)	e4 — f6° +	d8 — f6°
6)	f1 — d3	f8 — d6
7)	g1 — f3	h7 — h6
8)	0 — 0	b8 — c6
9)	c2 — c3	c8 — d7
10)	f1 — e1	0—0—0
11)	b2 — b4	g7 — g5
12)	b4 — b5	c6 — e7
13)	f3 — e5	c8 — b8 (2)
14)	c3 — c4 (3)	f6 — g7
15)	a1 — b1 (4)	d6 — e5°
16)	d4 — e5°	e7 — g6
17)	d1 — a4	g6 — e5°
18)	d3 — e4 (5)	b7 — b6
19)	b1 — b3 (6)	a7 — a5
20)	c4 — c5 (7)	d7 — c8 (8)
21)	c1 — b2 (9)	f7 — f6
22)	b2 — c3	c8 — b7

	(Бѣлые).	(Черные).
23)	e4 — b7°	b8 — b7°
24)	c5 — c6 +	b7 — a7
25)	c3 — a5° (10)	d8 — a8 (11)

Положеніе игры послѣ 25-го хода черныхъ.

Черные.

Бѣлые.

26)	a5 — b6° +	a7 — b8 (12)
27)	b6 — a5	g5 — g4 (13)
28)	e1 — e5°	f6 — e5°
29)	b5 — b6	a8 — a6
30)	b6 — c7° +	b8 — a8
31)	a4 — b5 и черные сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 231.

(1) Странный ходъ, значительно измѣняющій характеръ дебюта; обыкновенно тутъ играется 3. $\frac{e4 - d5^{\circ}}{e6 - d5^{\circ}}$ 4. $\frac{g1 - f3}{g8 - f6}$ и проч.

(2) Вѣроятно для предупрежденія слѣдующей атаки: 14. $\frac{e5 - d7^{\circ}}{d8 - d7^{\circ}}$ 15. $\frac{d1 - a4}{\quad}$ и если черный король находится на c8, выигрываютъ пѣшку.

(3) Съ этого момента атака бѣлыхъ очень сильна.

(4) Вѣрный ходъ; положеніе ладьи на линіи b значительно усиливаетъ атаку.

(5) Угрожая взять пѣшку b7, ибо если король возьметъ слона, то a4 — a6+, потомъ c1 — e3 и чернымъ нѣтъ спасенія.

(6) Угрожая великолѣпнымъ матомъ въ три хода, а именно: 20. $\frac{a4 - a7^{\circ}}{b8 - a7^{\circ}}$ (если 20. $\frac{}{b8 - c8}$ то 21. $\frac{a7 - a8 \times}{}$) 21. $\frac{b3 - a3 +}{a7 - b8}$ 22. $\frac{a3 - a8 \times}{}$.

(7) c1 — d2 съ тѣмъ, чтобъ взять слономъ пѣшку a5, привело бы кажется къ быстрой развязкѣ въ пользу бѣлыхъ.

(8) Очень хорошо; съ перваго взгляда этотъ ходъ представляется чисто оборонительнымъ, въ дѣйствительности же имъ приготовляется контръ-атака: Колишъ намѣревается съиграть ладью на d4, тогда бѣлые принуждены отступить ферземъ (если возьмутъ ладью, то теряютъ ферзя) и въ два—три хода превосходство положенія уже на сторонѣ черныхъ.

(9) Этимъ разрушается объясненный выше планъ Колиша.

(10) Весь конецъ партіи превосходно игранъ Паульсеномъ.

(11) Очевидно, что если возьмутъ слона пѣшкой, то 26. $\frac{a4 - a5^{\circ} +}{a7 - b8}$ 27. $\frac{a5 - a6}{}$ и матъ неизбѣженъ.

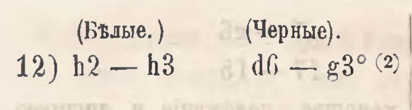
(12) Если 26. $\frac{}{a7 - b6^{\circ}}$, то 27. $\frac{a4 - d4 +}{b6 - a5}$ и чернымъ нѣтъ спасенія.

(13) Съ цѣлію дать шахъ конемъ на f3.

ПАРТІЯ № 232.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

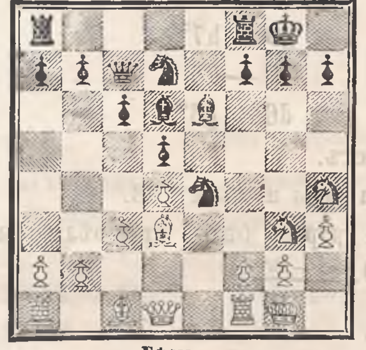
	Паульсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e6
2)	d2 — d4	d7 — d5
3)	e4 — d5°	e6 — d5°
4)	g1 — f3	g8 — f6
5)	f1 — d3	f8 — d6
6)	0 — 0	c8 — e6
7)	b1 — c3	0 — 0
8)	c3 — e2 (1)	c7 — c6
9)	e2 — g3	b8 — d7
10)	c2 — c3	d8 — c7
11)	f3 — h4	f6 — e4

	(Бѣлые.)	(Черные).
12)	h2 — h3	d6 — g3° (2)

Положеніе игры послѣ 12-го хода бѣлыхъ.

Черные.

Бѣлые.

13)	f2 — g3°	c7 — g3°
14)	h4 — f5 (3)	e6 — f5°
15)	f1 — f5°	a8 — e8
16)	d1 — f1	g3 — d6
17)	c1 — f4	d6 — e6
18)	f4 — c7	g7 — g6

	(Бѣлые).	(Черные).
19)	d3 — e4°	d5 — e4° (4
20)	f5 — a5	a7 — a6
21)	a1 — e1	f7 — f5
22)	c7 — f4	d7 — b6
23)	f4 — h6	f8 — f7
24)	a5 — e5	e6 — d7
25)	e5 — e8° +	d7 — e8°
26)	f1 — f2	b6 — c4
27)	b2 — b3	c4 — d6
28)	c3 — c4	f7 — d7
29)	h6 — c1	d6 — f7
30)	c1 — b2	h7 — h6
31)	h3 — h4	h6 — h5
32)	d4 — d5	g8 — h7
33)	f2 — d4	e8 — h8
34)	d4 — f2	h8 — e8

и партія по обоюдному согласію играющихъ признана ничьею.

Примѣчанія къ партіи № 232.

(1) Приводить ферзева коня на королевскій флангъ, почти всегда бываетъ выгодно, особенно когда короли отрокировали въ эту сторону, въ такомъ случаѣ, помянутый конь служитъ не только къ защитѣ своего короля, но и къ нападенію на короля непріятельскаго.

(2) Тутъ чернымъ представляется также ходъ: 12. $\frac{\quad}{e4 - f2}$, что могло бы породить любопытные варіанты, напр:

I.

12)		e4 — f2°
13)	f1 — f2°	d6 — g3°
14)	f2 — f1	g3 — h4°

15) d1 — h5	g7 — g6
16) h5 — h4°	f7 — f5

черные имѣютъ хорошее положеніе и лишнюю пѣшку.

II.

12)	e4 — f2°
13) d3 — h7° +	g8 — h7°
14) d1 — c2 +	h7 — g8
15) c2 — f2°	d6 — g3°

черные выигрываютъ.

(3) Единственное средство спасти и коня и пѣшку h3.

(4) Брать ладью пѣшкой было бы дурно: бѣлые пріобрѣли бы великолѣпную атаку посредствомъ 20. e4 — f5°.

ПАРТІЯ № 233.

GIUOCO PIANO.

	Колишъ. (Бѣлые).	Паульсенъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	0 — 0	g8 — f6
5)	d2 — d4	c5 — d4° (1)
6)	f3 — d4°	c6 — d4°
7)	f2 — f4	d7 — d6
8)	f4 — e5°	d6 — e5°
9)	c1 — g5	c8 — e6
10)	c4 — e6°	d4 — e6°
11)	d1 — d8° +	a8 — d8°
	(Бѣлые).	(Черные).
12)	g5 — f6°	g7 — f6°
13)	b1 — c3 (2)	c7 — c6 (3)
14)	f1 — f6°	d8 — d2
15)	f6 — f2	d2 — f2°
16)	g1 — f2°	e6 — d4
17)	a1 — c1	h8 — g8
18)	c3 — b1	e8 — e7
19)	b1 — d2	f7 — f6
20)	g2 — g3	бѣлые предлагаютъ признать игру за ничью и черные соглашаются.

Примѣчанія къ партіи № 233.

(1) Обыкновенно играется e5 — d4°.

(2) Это лучше чѣмъ брать непосредственно пѣшку f6.

(3) Чтобъ помѣшать коню ступить на d5. Nouvelle Régence утверждаетъ, что 13. $\frac{\quad}{d8-d7}$ было бы лучше; но почему же? Бѣлые отвѣтятъ 14. $\frac{c3-d5}{\quad}$, угрожая завоевать ладью, и положенie ихъ очень выгодно.

ПАРТІЯ № 234.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

Паульсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	21) g3 — e4°	g6 — e4°
2) f2 — f4	e5 — f4°	22) f1 — f2	g8 — g6
3) f1 — c4	g8 — f6 (1)	23) g2 — g3	a8 — g8
4) b1 — c3 (2)	f8 — b4	24) c4 — d5°	c6 — d5°
5) g1 — f3	0 — 0	25) e3 — e4°	d5 — e4°
6) 0 — 0	b4 — c3°	26) b3 — f7°	e4 — e3
7) d2 — c3°	f6 — e4°	27) f2 — f3	g8 — d8
8) c1 — f4°	d7 — d6	28) e2 — e3°	b6 — e3°
9) c4 — d5	e4 — f6	29) f3 — e3°	g6 — g7
10) f4 — g5	c7 — c6	30) f7 — c4	d8 — d1 +
11) d5 — b3	c8 — f4	31) g1 — g2	g7 — c7
12) f3 — d4	f5 — g6	32) e3 — e8 +	h8 — g7
13) g5 — f6°	g7 — f6°	33) e8 — g8 +	g7 — h6
14) d4 — f5	d6 — d5	34) c4 — d3	d1 — a1
15) d1 — d2 (3)	g8 — h8 (4)	35) g8 — g4	a1 — a2°
16) a1 — e1	b8 — d7	36) b2 — b4	a2 — c2° +
17) f5 — g3	f8 — g8	37) d3 — c2°	c7 — c2° +
18) e1 — e3	d7 — c5	38) g2 — h3	c2 — a2
19) d2 — e2	c5 — e4	39) g4 — h4 +	h6 — g6
20) c3 — c4	d8 — b6	40) h4 — g4 + и игра кончилась розыгрышемъ.	

Примѣчанія къ партіи № 234.

(1) Мы уже имѣли случай замѣтить, что эта защита, изобрѣтенная прусскимъ любителемъ Ганнекеномъ, признана въ настоящее

время наилучшею изъ всѣхъ возможныхъ и совершенно замѣнила старинную, классическую оборону посредствомъ: 3. $\frac{\quad}{d8-h4+}$ 4. $\frac{\quad}{g7-g5}$.

(2) По анализу Ганнекена тутъ играется 4. $\frac{e4-e5}{f6-e4}$.

(3) Угрожая матомъ въ два хода посредствомъ d2—h6, h6—g7✕; конечно черный можетъ взять коня слономъ, но это дастъ возможность бѣлому немедленно ввести въ игру ладьи и образовать неотразимую атаку.

(4) Лучшій ходъ для отклоненія грозящей опасности.

ПАРТІЯ № 235.

ГАМБИТЪ СЛОНА.

	Паульсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f2 — f4	e5 — f4°
3)	f1 — c4	g8 — f6
4)	b1 — c3	f8 — b4
5)	e4 — e5	d7 — d5
6)	c4 — b5 +	c7 — c6
7)	e5 — f6°	c6 — b5°
8)	d1 — e2 + (1)	c8 — e6
9)	e2 — b5° +	b8 — c6
10)	g1 — f3	d8 — f6°
11)	b5 — b7° (2)	a8 — c8
12)	c3 — d5°	f6 — f5 (3)
13)	d5 — c7 +	c8 — c7°
14)	b7 — c7°	f5 — e4 +
15)	e1 — d1	0 — 0
16)	d2 — d3	e4 — g6
17)	c7 — f4° (4)	f7 — f6
18)	f4 — e4	g6 — g2° (5)
19)	h1 — g1	g2 — h3
20)	e4 — c6°	f8 — d8 (6)
21)	d1 — e2 (7)	e6 — d5
22)	c6 — f6°	d8 — e8 +
23)	c1 — e3	g7 — g6
24)	g1 — g3	h3 — h6
25)	f6 — g5	d5 — f3° +
26)	e2 — f3°	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 235.

(1) Паульсенъ мастерски ведетъ всю атаку.

(2) Теперь чернымъ очень плохо.

(3) Съ цѣлію возвратить офицера, въ случаѣ если бѣлые возьмутъ слона конемъ, т. е. 13. $\frac{d5-b4°}{f5-e4+}$ и берутъ коня.

(4) Взявъ коня, бѣлые проиграли бы партію, а именно:

17)	c7 — c6°	f8 — c8
18)	c6 — e4	g6 — g2°

Угрожая матомъ въ одинъ ходъ (g2 — c2° ⨯).

19)	f3 — d2	e6 — g4 +
20)	d1 — e1	g4 — f3 и черные несомнѣнно выигрываютъ.

(5) Чрезвычайно неосторожный ходъ.

(6) Угрожая съиграть e6—d5.

(7) Очень тонкій ходъ, незамѣтно отражающій задуманную противникомъ атаку.

ПАРТІЯ № 236.

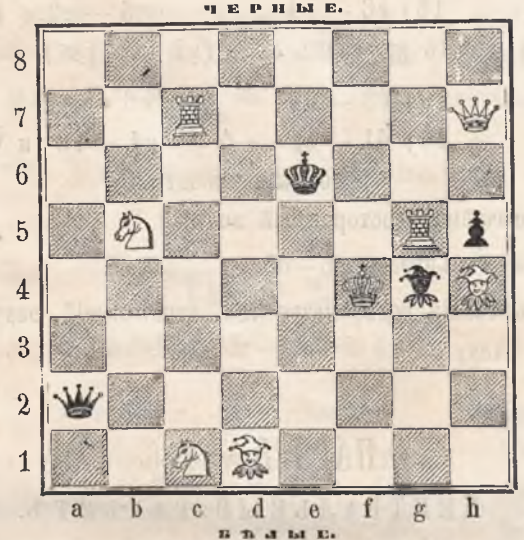
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ.

	Колишъ. (Бѣлые).	Паульсенъ. (Черные).		(Бѣлые).	(Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5	16)	g4 — h5°	h6 — g5°
2)	d2 — d4	e5 — d4°	17)	h4 — g3	e6 — f5
3)	f1 — c4	g8 — f6	18)	c3 — e2	c6 — c5
4)	g1 — f3	f6 — e4°	19)	c2 — c3	f8 — e8
5)	d1 — d4°	e4 — f6	20)	f2 — f4	g5 — g4
6)	0 — 0	d7 — d5	21)	h5 — g6°	f7 — g6°
7)	c4 — d3	f8 — e7	22)	g3 — f2	d8 — d6
8)	c1 — g5	0 — 0	23)	e2 — g3	f5 — d7
9)	b1 — c3	c8 — e6	24)	e1 — e5	e8 — e5°
10)	d4 — h4	g7 — g6	25)	f4 — e5°	d6 — e5°
11)	f1 — e1	b8 — c6	26)	f2 — c5°	a8 — f8
12)	d3 — b5	f6 — h5	27)	a1 — f1	f8 — f1° +
13)	b5 — c6°	e7 — g5°	28)	g3 — f1°	a7 — a6
14)	f3 — g5°	b7 — c6°	29)	f1 — g3	d7 — e6
15)	g2 — g4	h7 — h6	30)	c5 — d4	e5 — g5
				и игра признана за ничью.	

Задачи.

№ 120.

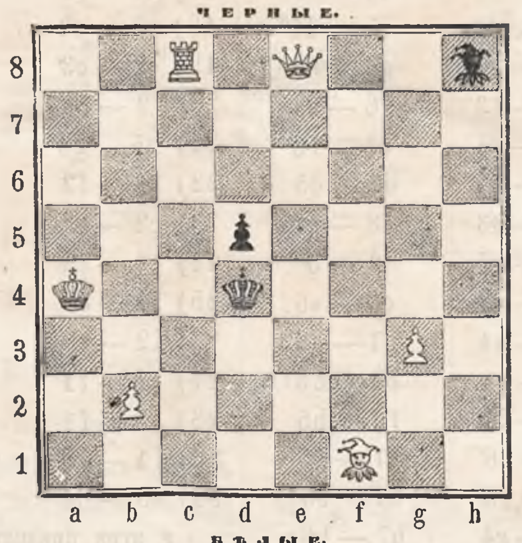
АНАТОЛІЯ ГРАВЕ (въ Нижнемъ-Новгородѣ).

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

№ 121.

Изъ Schachzeitung.

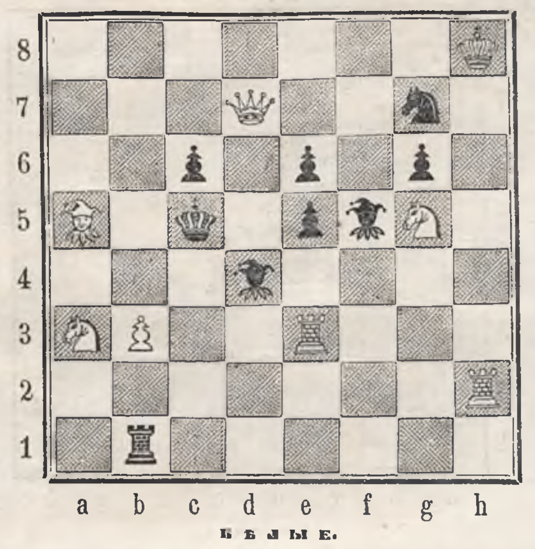

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 122.

КЭМПБЕЛЛЯ.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 123.

Изъ Лондонской Иллюстраціи.

ЧЕРНЫЕ.

8
7
6
5
4
3
2
1
a b c d e f g h

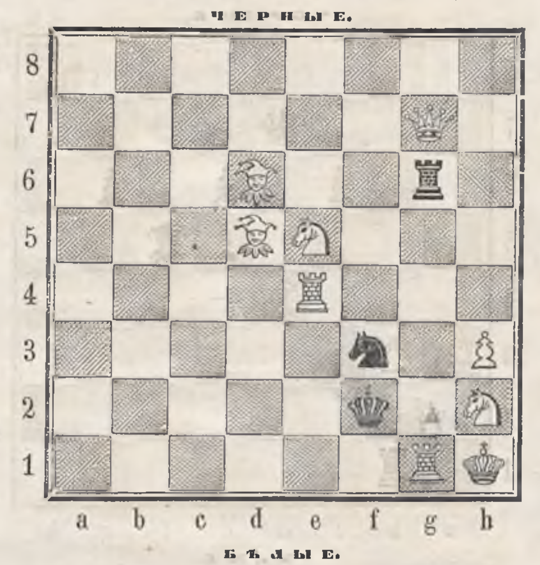
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 124.

Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

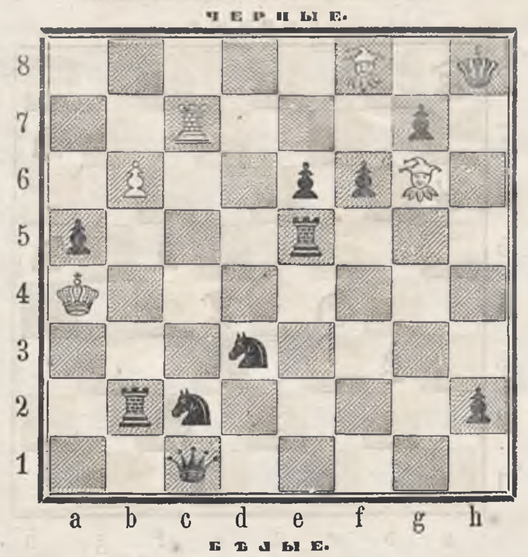
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 12 ходовъ.

№ 125.

А. И. СОКОЛОВА (въ Самарѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Корреспонденція. *А. Гр—с.* (въ Нижнемъ-Новгородѣ). Весьма благодарны за проблему и любезное обѣщаніе.

Н. Остр—му (въ Москвѣ). Вашъ «удачный выстрѣлъ» рѣшенъ г. Петровскимъ въ 14 ходовъ; изъ чего впрочемъ никакъ не слѣдуетъ, чтобъ проблема, была не хороша; напротивъ того она очень трудна и красива; но вѣдь Вы знаете какой мастеръ г. Петровскій сокращать рѣшенія.

А. Х. Герн—у (въ Новомосковскѣ). Проблема, о которой Вы говорите рѣшается въ 5 ходовъ; о чемъ мы увѣдомили читателей въ свое время.

Раскольничья библіографія. Павла Любопытнаго. М. 1861. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Записки Александра Б. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Большой томъ, на веленевой гласированной бумагѣ съ рисунками крестовъ. Спб. 1861. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Исторія Выговской старообрядческой пустыни. Изд. по рукописи Ивана Филатова, съ соблюденіемъ его правописанія, Д. Е. Кожанчиковымъ. Большой томъ съ одиннадцатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго мужскаго и женскаго общежительныхъ монастырей. Спб. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, заимствованныя изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи Г. В. Есиповымъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Большой томъ, около 700 стр. Спб. 1861. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Изд. по раскольничьей рукописи, подъ редакціею Н. С. Тихонравова, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзскомъ зеліи, еже есть табацѣ. Два произведенія раскольничьей литературы. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Разсказы изъ исторіи старообрядства, переданные С. Максимовымъ, по раскольничьимъ рукописямъ, съ портретомъ инока Корнилія. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Содержаніе: Повѣсть душеполезна о житіи и жизни преподобнаго отца нашего Корнилія, иже бысть на Выгу рѣцѣ, близь озера Онега.—Патріархъ Никонъ.—Посланіе протопопа Аввакума о Никонѣ.—Второе посланіе протопопа Аввакума.—Исторія о взятіи Соловецкаго Монастыря.—Повѣсть о страдальцахъ соловецкихъ. — Самосжигатели на Мезени.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 16 января 1862 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ*.

Кулишъ П. Хмельнищина. Историчне оповидання. Спб. 1861 г., ц. 25 к., съ перес. 55 к.

Голевинскій Б. Объ отношеніи супруговъ по имуществу, въ случаѣ незаключенія ими предбрачнаго договора, по законамъ, дѣйствующимъ въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 55 к.

Мейеръ Д. Русское гражданское право, изданное по запискамъ слушателей, подъ редакціею А. Вицына. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 10 к.

Молинари Г. Курсъ политической экономіи, читанный въ королевскомъ музеѣ бельгійской промышленности. Редакція перевода Я. А. Ростовцева. Спб. 1860 г., ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 30 к.

Курсель-Сенелль. Теоретическій и практическій трактатъ о политической экономіи, переводъ Я. А. Ростовцева. Спб. 1861 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 60 к.

Милль Д. Основанія политической экономіи съ нѣкоторымъ изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Перев. Н. Чернышевскаго. Т. I. Спб. 1860 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 60 к.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графомъ Кушелевымъ–Безбородко подъ редакціею Н. Костомарова. 2 выпускъ. Спб. 1860 г., ц. 5 р., съ перес. 6 р. 50 к. Выпускъ, издан. подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1862 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.

Отголоски славянской поэзіи. М. 1861 г., ц. 75 к. съ перес. 1 р.

Аѳанасьевъ А. П. Народныя русскія сказки. Вып. 6-й М. 1862 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к. Т. Вып. 1, 2, 3, 4, 5, ц. 2 р. 90 к., съ перес. 4 р.

Бѣлинскій В. Сочиненіе т. XI М. 1861 г., ц 1 р., съ перес. 1 р. 60 к. Тома 1–9-й, ц. каж. т. 1 р, на перес. по 60 к.

Веневитиновъ Д. В. Полное собраніе сочиненій, издан. подъ редакціею А. П. Пятковскаго. (съ портретомъ). Спб. 1862 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Беранже. Пѣсни, переводы В. Курочкина, изд. 4-е исправлен. и дополн. (съ портрет.) Спб. 1862 г., въ англ. перепл., ц. 75 к. съ перес. 1 р.

Вовчокъ М. Повістки (народні оповідання) другимъ виданнемъ. Спб. 1861 г., ц. 50 к., съ перес. 80 к.

Гончаровъ И. Обломовъ, романъ въ 4 част. 2 т., изд. 2-е. Спб. 1862 г., ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Достоевскій Ѳ. М. Униженные и оскорбленные. Романъ въ 4 част. 2 т. съ эпилогомъ. Исправл. изд. Спб. 1861 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Записки Лоренцо Бенони. Перев. Д. Михаловскаго. Спб. 1861 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Кулишъ П. Исторія испанской литературы по Тикнору. Спб. 1861 г., ц, 75 к., съ перс. 1 р. 25 к.

Майковъ Аполлонъ. Стихотворенія. 2 тома. Спб. 1858 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р. 25 к.

Михайловъ М. Л. Въ провинціи. 2 т. Спб. 1859 г., ц. 1 р, съ перес. 1 р. 60 к.

Некрасовъ Н. Стихотворенія I т. Изд. 2-е съ изд. 1856 г. съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года. Спб. 1861 г., ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. тоже въ коленкор. переплетѣ, ц. 3 р., съ перес. 3 р. 75 к.

Островскій А. Сочиненія 2 т. Спб. 1859 г., ц. 3 р., съ перес. 4 р. 25 к.

Очерки изъ петербургской жизни новаго поэта. 2 т. Спб. 1860 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.

Панаевъ И. Сочиненія, 4 тома. Спб. 1860 г., ц. 3 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Полонскій Я. П. Разсказы. Спб. 1859 г., ц. 50 к., съ перес. 80 к.

Скавровскій Н. Очерки Москвы. Вып. I. М. 1862 г., ц. 50 к., съ перес. 80 к.

Толль Ф. Г. Два года въ к-скомъ заводѣ. Сибирскіе очерки. Спб. 1861 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Толль Ф. Г. Трудъ и капиталъ. Романъ въ 2 част. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Ушаковъ А. Изъ купеческаго быта. Повѣсти и очерки. Часть 1-я М. 1862 г., ц. 50 к., съ перес. 80 к.

Успенскій Н. В. Разсказы. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Хата. 1860. Видавъ П. А. Кулишъ. Ти́помъ другимъ. Спб. 1860 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Худяковъ И. А. Великорусскія сказки. М. 1860 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Шевченко Т. Кобзарь. Ко́штомъ Плато́на Семере́нка (съ портр. автор.) Спб. 1860 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р. 10 к.

Шевченко Т. Кобзарь въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданъ подъ редакціаю Н. В. Гербеля. Спб. 1860 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 55 к.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Н. В. Гербеля. 9 томовъ. Спб. 1859—1862 г., ц. 11 р., съ перес. 15 р., на томъ 1 и 2-й выдается билетъ.

Бажановъ А. Опыты земледѣлія вольнонаемнымъ трудомъ. 2-е изданіе съ 25-ю полит. землед. орудій и машинъ. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Сальмановичъ П. Руководство къ составленію смѣтъ или собраніе данныхъ, опредѣляющихъ стоимость построекъ. (Справочныя книжки для строителей) 2 тома. Спб. 1860 и 1861 г., ц. 1 т. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; ц. 2 т. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Фалевичъ. Лекціи о дренажѣ, читанныя въ домѣ импер. вольн. эконом. общ. въ С.-Петербургѣ 1858 и 1859 г. съ 3-мя таблиц. чертежей. Спб. 1860 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Сцены изъ жизни животныхъ. Книга I съ полит. и табл. М. 1860 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 55 к.

Серно-Соловьевичъ. Выписка изъ Высочайше утвержденныхъ положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, о повинностяхъ крестьянъ для великороссійскихъ губерній. Спб. 1861 г., ц. 10 к., на перес. прилагается отъ 1 до 50 экз. 30 к.

Въ означенномъ магазинѣ принимается подписка на Оружейный Сборникъ 1862 года по объявленной цѣнѣ: безъ пересылки 6 руб., съ пересылкою и доставкою 7 р. 50 к., а равно и продаются отдѣльными книжками Оружейный Сборникъ №№ 1 и 2-й за 1861 г. по 1 р. 50 к. сер. каждая, безъ пересылки, а съ пересылкою по 2 р. с.

РУССКОЕ СЛОВО

в 1862 году

будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками отъ 25 до 35 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ пересылки	12 р.	50 к.
Съ пересылкой и доставкой	14 »	— »

Подписка исключительно принимается

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ Русскаго Слова, у Гагаринской пристани, въ домѣ Графа Г. А. Кушелева-Безбородко, въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Русскаго Слова, на углу большой Дмитровки, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Въ означенныхъ Конторахъ Русскаго Слова и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются изданія Графа Г. А. Кушелева-Безбородко.

СОЧИНЕНІЯ А. МАЙКОВА.

Спб. 1858 г. 2 т., цѣна . . . . 2 р. сер. — к.
Съ пересылкою . . . . 2 » » 75 »

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО.

Спб. 1859 г. 2 тома, цѣна . . . . . . 3 р. сер. — к.
Съ пересылкою . . . . 3 » » 75 »

РИСУНКИ БОКЛЕВСКАГО

представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, вышли въ 4 выпускахъ и поступили въ продажу.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio). Цѣна каждому—
1 р. 50 к. сер. безъ пересылки.
2 руб. съ пересылкою.

СОЧИНЕНІЯ ПАНАЕВА,

Въ 4 томахъ; цѣна за 4 тома — 3 руб. — коп.
съ пересылкою 4 » 50 »

ПАМЯТНИКИ

Старинной русской литературы,

подъ редакціей А. Н. Пыпина.(Выпускъ третій).

С. Петерб. 1862 г. Цѣна 2 р.
Съ пересылкою 2 р. 50.

Для подписчиковъ Русскаго Слова на помянутыя сочиненія дѣлается въ Редакціи уступка 20 проц. съ продажной цѣны.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями въ Главную Контору Русскаго Слова, въ С. Петербургѣ.